Вестникъ

Кавалергардской Семьи

1962

Вестникъ

Кавалергардской Семьи

1962

ПРАЗДНИКЪ КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ

Европейскій отдѣлъ Кавалергардской Семьи праздновалъ день Св.Св. Захарія и Елисаветы I8-го Сентября въ Парижѣ. Въ виду большого ремонта верхняго храма Александро-Невскаго собора, молебенъ съ выносомъ Штандарта былъ отслуженъ въ I8 ч.30 м. въ нижнемъ храмѣ, на которомъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, присутствовали проживающіе въ городѣ члены Кавалергардской Семьи, ихъ семейства, родственники и многіе молящіеся.

Послѣ молебна въ помѣщеніи Россійскаго Музыкальнаго Общества состоялся товарищескій ужинъ. Къ сожалѣнію всѣхъ собравшихся, старѣйшій Кавалергардъ В.Н. Брянчаниновъ не могъ по нездоровію быть на ужинѣ. Подъ предсѣдательствомъ секретаря отдѣла В. Н. Звегинцова собрались: бар. А.П. Бильдерлингъ, бар. Г.Г. Гротгусъ, бар. Г.А. фонъ-деръ Остенъ-Дризенъ, Д.Д. Давыдовъ, В.В. Звегинцовъ, М.В. Звегинцовъ, гр. Г.Д. Менгденъ, Г.И. Миклашевскій, гр. В.В. Мусинъ-Пушкинъ, кн. И.В. Репнинъ, А.Н. Татищевъ, И.Н. Чудово-Адамовичъ, В.В. Вырубовъ и гр. Д.А. Шереметевъ.

Американскій отдѣлъ праздновалъ этотъ день въ Воскресеніе I6 Сентября въ гостинницѣ Дрэйкъ въ Нью-Іоркѣ, гдѣ послѣ молебна отслуженнаго протопресвитеромъ о. Георгіемъ Граббе и о. Александромъ Пашковымъ, состоялся завтракъ, на которомъ во главѣ съ предсѣдателемъ Американскаго отдѣла С.С. Бутурлинымъ присутствовали старѣйшій въ Америкѣ Кавалергардъ А.П. Родзянко, секретарь отдѣла П.П. Барановъ, о. Георгій Граббе, о. Александръ Пашковъ, С.А. Безобразовъ, кн. В.А. Волконскій, О.Ф. Дубасовъ, П.П. Зубовъ, В.Д. Левшинъ, гр. Н.А. Мусинъ-Пушкинъ, Гр. А.Н. Мусинъ-Пушкинъ, гр. А.Д. Толстой, А.В. Чичеринъ, Б.А. Чичеринъ, гр. В.Д. Шереметевъ и приглашенные Конногвардейцы: кн. Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, кн. В. Оболенскій и С. Таптыковъ.

Въ Бразиліи въ Санъ-Пауло въ соборѣ I8-го Сентября былъ отслуженъ молебенъ боевымъ соратникомъ по Кавалергардскому дивизіону В. Ситковскимъ.

ПАМЯТИ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ЛЬВОВИЧА УРУСОВА

(30.3.I88I + 30.I.I962)

30-го Января I962 г. скончался въ Парижѣ, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, князъ Александръ Львовичъ Урусовъ. Сынъ Россійскаго Императорскаго посла въ Вѣнѣ и въ Парижѣ, князя Льва Павловича Урусова и княгини Прасковьи Александровны, рожд. Абаза, покойный родился 30 Марта I88I года въ Неаполѣ.

По окончаніи Пажескаго Е.И.В. корпуса въ I90I г. выпущенъ изъ камеръ-пажей въ Кавалергарды корнетомъ съ зачисленіемъ въ № 4-ый эскадронъ.

Въ I904 г. во время Русско-Японской войны перевелся хорунжимъ въ 3-ій Верхнеудинскій полкъ Забайкальскаго казачьяго войска съ назначеніемъ ординарцемъ къ Намѣстнику на Дальнемъ Востокѣ Адмиралу Алексѣеву.

Находясь въ штабѣ Намѣстника, князь Урусовъ былъ посланъ въ осажденную крѣпость Портъ-Артуръ съ приказаніями командующему флотомъ, куда добрался изъ Чифу на простой китайской джонкѣ, прорвавшись ночью черезъ морское охраненіе японцевъ. Передавъ приказанія Намѣстника и получивъ донесенія командующаго флотомъ, князь Урусовъ, столь же благополучно миновалъ непріятельскій Флотъ.

Назначенный впослѣдствіи личнымъ адъютантомъ къ Главнокомандующему Манджурской Арміей генералу Линевичу, вернулся по окончаніи войны въ полкъ.

Въ 1906 г. перешелъ на гражданскую службу въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ съ назначеніемъ аташе въ Россійское посольство въ Вѣнѣ.

При объявленіи войны 1914 г. князь Урусовъ былъ сново призванъ на военную службу изъ запаса Гвардейской кавалеріи штабсъ-ротмистромъ въ II-ый гусарскій Изюмскій полкъ. Назначенный начальникомъ района осажденной Австрійской крѣпости Перемышль, онъ былъ затѣмъ переведенъ въ Великобританскую военную миссію по снабженію Русской Арміи.

Послѣ отпѣванія въ Александро-Невскомъ соборѣ въ Парижѣ, во время котораго у гроба стояли члены Кавалергардской Семьи и былъ вынесенъ Штандартъ, похороны состоялись на Русскомъ Кладбищѣ въ С. Женевьевъ де Буа.

ПАМЯТИ ГРАФА АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ГЕНДРИКОВА

(30.12.1885 † 23.5.1962)

Послѣ продолжительной болѣзни 23 Мая 1962 г. въ Парижѣ скончался графъ Александръ Васильевичъ Гендриковъ. Сынъ оберъ церемоніймейстера Высочайшаго Двора графа Василія Александровича и графини Софіи Петровны, рожд. княжна Гагарина, поступилъ изъ Пажескаго корпуса въ 1904 г. юнкеромъ въ Кавалергарды, гдѣ, по выдержанію офицерскаго экзамена произведенъ въ корнеты Лейбъ-драгунскаго Псковскаго полка, съ прикомандированіемъ къ Кавалергардамъ, куда былъ переведенъ черезъ годъ.

Въ 1913 г. уволенъ въ запасъ Гв. кавалеріи поручикомъ и по объявленіи войны 1914 г. назначенъ по мобилизаціи въ 5-й гусарскій Александрійскій п. штабсъ-ротмистромъ. Въ 1915 г. назначенъ адъютантомъ Штаба Сѣв.-Зап. Фронта. Въ 1917 г., послѣ объявленія Главнокомандующимъ Фронтомъ ген. Рузскаго отреченія Государя въ помѣщеніи штаба, бросился съ обнаженной шашкой на ген. Рузскаго, позволившаго себѣ недостойныя выраженія объ только что отрекшемся Государѣ Императорѣ.

Только благодаря поддержкѣ чиновъ штаба и солдатъ штабной команды, поступокъ графа Гендрикова не имѣлъ для него послѣдствій. Врачебная комиссія признала, что въ моментъ совершенія этого поступка, онъ былъ нервно разстроенъ и отправилъ его на излеченіе въ соотвѣтствующее заведеніе, откуда черезъ нѣсколько дней онъ былъ уволенъ въ отставку.

Въ гражданскую войну въ 1920 г. вернулся въ строй Кавалергардскаго дивизіона на югѣ Россіи на должность адъютанта Дивизіона.

Похороненъ 26-го Мая на Русскомъ кладбищѣ С. Женевьевъ дэ Буа. Во время отпѣванія въ С. Женевьевѣ у гроба стояли члены Кавалергардской Семьи и былъ вынесенъ Штандартъ.

ПАМЯТИ ДИМИТРІЯ ФЕДОРОВИЧА ДУБАСОВА

(24.8.1893 † 1.6.1962)

1-го Іюня 1962 г. въ госпиталѣ города Блуа скончался Димитрій Федоровичъ Дубасовъ, сынъ генералъ-адъютанта адмирала Федора Васильевича Дубасова и его жены Александры Сергѣевны, рожд. Сипягина). Онъ родился въ имѣніи родителей Знаменское, Тверской губерніи 24 Августа 1893 года.

По окончаніи Пажескаго Е.И.В. Корпуса, за нѣсколько дней до объявленія войны 1914 г., выпущенъ 12 Іюля 1914 г. изъ камеръ-пажей корнетомъ въ Кавалергарды съ зачисленіемъ въ эскадронъ Ея Величества, въ рядахъ котораго выступилъ на войну.

Съ самого начала боевыхъ дѣйствій, Дубасовъ выдѣлился какъ отличный развѣдчикъ. Среди проведенныхъ многочисленныхъ разъѣздовъ, въ особенности въ 1915 году, во время Свѣнцянскаго прорыва нашего фронта германской конницей, разъѣздъ 10/23 Сентября закончился плѣненіемъ цѣликомъ нѣмецкаго разъѣзда и награжденіемъ Дубасова Георгіевскимъ Оружіемъ.

Въ Высочайшемъ приказѣ отъ 24 Ноября 1916 г. сказано: "Утверждается пожалованіе командующимъ 5-ой Арміей Георгіевскаго Оружія за отличіе въ дѣлахъ противъ непріятеля, по утвержденію мѣстной Думы изъ лицъ имѣющихъ Георгіевское Оружіе Кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка штабсъ-ротмистру Димитрію Дубасову 2-му за то, что будучи въ чинѣ корнета, находясь въ разъѣздѣ 10-го Сентября 1915 года у Тверечь и, узнавъ, что въ деревнѣ Великое Село появился разъѣздъ противника, пошелъ на рысяхъ въ означенную деревню съ цѣлью его атаковать. Нагнавъ противника у деревни Концеполе, несмотря на численное превосходство противника, штабсъ-ротмистръ Дубасовъ 2-ой атаковалъ его и, загнавъ въ болото, всѣхъ взялъ въ плѣнъ". (Русскій Инвалидъ, отъ 15 Декабря 1916 г. № 335).

Во время революціи Дубасовъ былъ переведенъ во флотъ и получивъ командировку въ С.А. С.Ш. остался въ нихъ на жительство. Незадолго до своей смерти переѣхалъ во Францію, гдѣ 1-го Іюня 1962 г. скончался въ городѣ Блуа и похороненъ на мѣстномъ кладбищѣ.

РАЗЪѢЗДЪ КОРНЕТА ДУБАСОВА

Выдержка изъ книги В.Н. Звегинцова
"Кавалергарды въ Великую и гражданскую войну"
Часть II, стр. 156-160

На разсвѣтѣ 10 сентября 1915 г. изъ мѣстечка Опса былъ высланъ разъѣздъ отъ эскадрона Е.В. подъ командой корнета Дубасова 2-го, семь коней, въ общемъ направленіи на Видзе-Тверечь, для

выясненія какія части противника находятся передъ фронтомъ коннаго корпуса генерала Казнакова.

Въ обѣдъ разъѣздъ подошелъ въ районъ Тверечь. До этихъ поръ противникъ не былъ замѣченъ и даже нигдѣ не было обнаружено слѣдовъ его прохода.

Наконецъ въ деревнѣ Подисна, недалеко отъ Тверечь, крестьяне сказали Дубасову, что вблизи ихъ деревни они недавно видѣли нѣмецкій разъѣздъ, шедшій по большой дорогѣ Тверечь-Козяны на деревню Великое Село. Нѣмцы прошли въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ деревни и поэтому крестьяне не могли сказать сколько ихъ было и какія они имѣли каски.

Дубасовъ рѣшилъ двинуться вслѣдъ за нѣмцами. Расчитывая на то, что идя отъ противника и въ одномъ съ нимъ направленіи, онъ сможетъ легко быть принятымъ ими за своихъ, Дубасовъ отозвалъ дозорныхъ, собралъ къ себѣ весь свой разъѣздъ и тронулся рысью по дорогѣ на Великое Село.

"Нѣмцевъ видали ?" спросилъ Дубасовъ въ деревнѣ крестьянъ. - "Видали. Съ полчаса назадъ тутъ прошелъ ихъ разъѣздъ. Человѣкъ съ десять будетъ. Шапки здоровыя съ черепами. Прямо по большаку и подались". - "Шапки съ черепами. Такихъ, Ваше Высокоблагородіе, и не видали. Надо бы достать, въ эскадронъ гостинцы привести".

До слѣдующей деревни Концеполе версты еще три. Дорога широкая, прямая идетъ по бугру, раздѣляющему долины рѣкъ Дисны и Биринты. Мѣстность кругомъ открытая и хорошо видать вдаль. Съ обѣихъ сторонъ, почти вплотную къ дорогѣ, подходятъ болотистыя низины рѣкъ. Мѣстами топь.

Вышли на дорогу. Нѣмцевъ впереди не видать. Не свернули ли они съ дороги ? Да куда ? До самаго Концеполе и свернуть некуда. Съ обѣихъ сторонъ одно болото. Вотъ и Концеполе. У крайнихъ дворовъ стоятъ крестьяне. Уже увидали, что идутъ свои. Машутъ руками, что-то показывая на деревню.

Разъѣздъ подъѣхалъ къ нимъ вплотную. "Нѣмцы тутъ. Вотъ сейчасъ по улицѣ тронулись. Далече отъѣхать не смогли. Должно быть за послѣдними дворами".

Наконецъ-то нагнали. Послѣднія напоминанія людямъ. "Не торопись и не разрывайся. Пока не замѣтили, иди ровно, спокойно. Въ атаку пойдемъ, въ кучу не сбивайся и не мѣшай другъ другу. Шашки къ бою. Рысью".

Прошли черезъ Концеполе. Впереди, на дорогѣ, шагахъ въ двухстахъ-трехстахъ, виденъ нѣмецкій разъѣздъ. Шапки гусарскія. Идутъ шагомъ. Кавалергардовъ еще не замѣтили. Но вотъ одинъ изъ нѣмцевъ обернулся. Услыхалъ, должно быть, цоканіе подковъ, нагоняющаго разъѣзда. Увидалъ, что чужіе, что-то крикнулъ своимъ. Нѣмцы на мгновеніе пріостановились.

"Маршъ-маршъ" скомандовалъ Дубасовъ. Разъѣздъ рванулся впередъ. Загремѣло ура. Нѣмцы бросились уходить карьеромъ прямо по дорогѣ.

Дорога какъ мышеловка. Слѣва крутой обрывъ и болото почти у самой дороги. Податься некуда. Справа крутизна еще больше. Подъ

нею лугъ и немного поодаль небольшой лѣсокъ. Проскакали мимо кладбища. Нѣмцы свернули съ дороги, направляясь къ этому лѣску.

На ихъ насчастіе, то, что казалось съ дороги лугомъ, было трясиной. Всего нѣсколько шаговъ прошли ихъ головные всадники отъ дороги. Лошади начали вязнуть и стали. Подоспѣвшіе Кавалергарды перехватили весь разъѣздъ, не оказавшій никакого сопротивленія. Ихъ начальникъ вице-вахмистръ былъ сбитъ самимъ Дубасовымъ ударомъ нагана по головѣ.

Потерь не было ни съ той, ни съ другой стороны. Девять человѣкъ 2-го эскадрона 2-го Лейбъ-гусарскаго полка съ лошадьми и полнымъ снаряженіемъ и вооруженіемъ было добычей Дубасова. Плѣнныхъ обезоружили. Вытащили лошадей, завязшихъ въ болотѣ, и вышли на дорогу.

Надо было возвращаться къ полку, а, главное, поскорѣе уйти съ этой дороги, чтобы самимъ не попасть въ такое же положеніе, въ которомъ очутились нѣмцы. Назадъ той же дорогой итти было нельзя. Можно легко напороться на противника. Кавалергарды свернули на деревню Дисну. Тамъ переправились бродомъ черезъ рѣку Дисну, затѣмъ черезъ Дрисвяту и втянулись въ Богинскій лѣсъ. Сразу стало легче и безпокойство о томъ, что противникъ сможетъ отбить плѣнныхъ "съ черепами" прошло.

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ КАВАЛЕРГАРДОВЪ

В.Н. ЗВЕГИНЦОВЪ

Часть VI

Кавалергарды въ царствованіе Императора Николая I

Въ 4 часа утра I-го Сентября 1825 года Императоръ Александръ I выѣхалъ изъ Каменно-Островскаго дворца никѣмъ не сопровождаемый. На Троицкомъ мосту онъ приказалъ своему бессмѣнному кучеру Ильѣ Байкову остановиться и долго, молча смотрѣлъ на туманныя очертанія Петропавловской крѣпости.

Въ 5 часовъ утра Государь подъѣхалъ къ Александро-Невской Лаврѣ, встрѣченный у въѣзда митрополитомъ Серафимомъ и всей братіей. По приказу Императора ворота въ Лавру были закрыты, послѣ чего онъ прошелъ въ соборъ, гдѣ начался напутственный молебенъ. Затѣмъ Государь сѣлъ въ свой дорожный экипажъ и выѣхалъ изъ Лавры.

На городской заставѣ онъ вторично приказалъ Байкову остановиться и долго смотрѣлъ на, подернутый осеннимъ туманомъ, еще спящій городъ.

13-го Сентября Государь пріѣхалъ въ Таганрогъ. Черезъ 10 дней туда же пріѣхала Императрица Елизавета Алексѣевна. Императрица была давно больна и врачи для укрѣпленія ея здоровья совѣтывали Государю перевезти ее на зиму на югъ.

Почему Государь выбралъ именно Таганрогъ ? Вѣдь, если откинуть, въ виду сложности переѣзда больной Императрицы, Италію

или югъ Франціи, въ Крыму и на черноморскомъ побережьи находились Керчь, Ѳеодоссія, Севастополь и, наконецъ Одесса."Je ne parviens pas à concevoir l'idée des médecins, писалъ послѣ пріѣзда въ Таганрогъ ген.-ад. князь Волконскій генералу Закревскому, qui n'ont rien trouvé de mieux en Russie, comme climat, que Taganrog." Съ одной стороны сѣрыя, почти всегда неподвижныя воды Азовскаго моря, съ другой - пропадающая въ безконечной дали, голая безлѣсная степь.

Самъ городъ ничего привлекательнаго не представлялъ. Немощеныя улицы, окаймленныя рядомъ небольшихъ, одноэтажныхъ домовъ съ палисадниками, обнесенными деревянными заборами, соборная Александро-Невская церковь, военно-морскіе склады у пристани, казармы, упраздненная тюрьма - были единственными примѣчательностями города. Частые, безконечные вѣтры - нордъ остъ - насквозь пронизывали городъ леденящимъ холодомъ.

Дворецъ, въ которомъ надлежало провести зиму Государю и Императрицѣ, былъ небольшой, одноэтажный, деревянный домъ въ IO комнатъ, наскоро обмеблированный и приведенный въ относительный порядокъ незадолго до пріѣзда Государя. Двѣ комнаты - спальня и кабинетъ, предназначались Государю; столько же Императрицѣ; общая столовая. Въ остальныхъ комнатахъ, кое-какъ, размѣстились главныя лица Государевой Свиты. Ген.-ад. князь Волконскій, начальникъ Главнаго штаба бар. Дибичъ, лейбъ медикъ баронетъ Виллье, хирурги доктора Тарасовъ и Кавалергардскаго полка Рейнгольдъ, придворные врачи Штоффрегенъ и Доббертъ, Фрейлины Императрицы княжна В.М. Волконская и Е.П. Валуева, государственный секретарь Лонгиновъ и личная прислуга Государя и Государыни. Остальная часть придворнаго штата помѣстилась въ сосѣднихъ казенныхъ домахъ. Въ этомъ домѣ I9-го Ноября I825 года суждено было умереть Императору Александру Благословенному.

Послѣдніе годы, предшествующіе кончинѣ Императора, были чреваты послѣдствіями, которыя дали и почву и возможность разразиться въ С.-Петербургѣ военному бунту, перешедшему въ исторіи Россіи подъ названіемъ возстанія декабристовъ. Отголосокъ того, что происходило въ эти года, тѣхъ событій, которыя назрѣвали и едва не измѣнили весь государственный укладъ Имперіи, отмѣчены въ дневникахъ Императора Николая I и его жены Императрицы Александры Ѳеодоровны - Шефа Кавалергардскаго полка.

Въ своемъ дневникѣ Императрица пишетъ "Ce fut à Krasnoje Sélo l'été 1819 qu'un jour l'Empereur Alexandre, ayant diné chez nous, s'assit entre nous et, causant familièrement changea tout-à-coup de ton et devenant très sérieux, commença, en termes à peu près suivants, à nous dire qu'il a été très satisfait le matin de la manière dont son frère s'acquittait de son commandement militaire" - рѣчь идетъ о смотрѣ 2-ой бригады I-ой Гв. пѣхотной дивизіи, командиромъ которой въ то время былъ Вел. Кн. Николай Павловичъ.- "Qu'il se réjouissait doublement de voir Nicolas remplir bien ses devoirs, puisque sur lui reposerait un jour un grand poids, qu'il le regardait comme son remplaçant, et cela beaucoup plus tôt qu'on ne pouvait présumer, puisque cela arriverait de son vivant.

Nous étions assis comme deux statues, les yeux ouverts, la bouche muette.

L'Empereur continuat : "Vous semblez étonnés, mais sachez que mon frère Constantin, qui ne s'est jamais soucié du Trône, est plus que jamais décidé à y renoncer formellement, en faisant passer ses droits sur son frère Nicolas et ses descendants. Pour moi-même, je suis décidé à me défaire de mes fonctions et à me retirer du monde.

L'Europe a plus que jamais besoin de Souverains jeunes et dans toute l'énergie de leurs forces ; pour moi je ne suis plus ce que j'ai été et je crois de mon devoir de me retirer à temps.

Nous voyant prêts à sangloter, il tâcha de nous rassurer, nous disant que cela n'arriverait pas incessamment, que des années se passeraient avant qu'il mette son projet en exécution."

То же самое подтверждаетъ въ своихъ запискахъ Николай I. "Время перемѣны, которая васъ такъ пугаетъ, еще не настало. Пройдетъ еще съ десятокъ лѣтъ и если я объ этомъ говорю, то исключительно съ цѣлью дабы дать вамъ возможность своевременно подготовиться съ мыслею о неизбѣжной будущности, которая васъ ожидаетъ".

Прошло четыре года и I4 Января I822 г. Цесаревичъ Константинъ письменно подтвердилъ Государю свое рѣшеніе отказаться отъ Престола. Но только въ I823 г. Императоръ Александръ рѣшилъ узаконить,принятое имъ и Цесаревичемъ рѣшеніе. Какимъ же способомъ ? Способомъ никогда, ни въ Московскомъ Царствѣ, ни въ Имперіи Россійской не примѣненнымъ.

Актъ отреченія Цесаревича и Манифестъ о назначеніи Вел.Кн. Николая Павловича Наслѣдникомъ Престола Государь приказалъ хранить въ запечатанномъ пакетѣ въ Успенскомъ Кремлевскомъ соборѣ. На конвертѣ Александръ I сдѣлалъ собственноручную надпись: "Хранить въ Успенскомъ соборѣ до моего востребованія, а въ случаѣ моей смерти распечатать московскому митрополиту и московскому генералъ-губернатору прежде всякаго другого дѣйствія".

По совѣту московскаго митрополита Филарета копіи съ этихъ документовъ были переданы на храненіе въ запечатенныхъ конвертахъ въ Государственный Совѣтъ, въ Правительствующій Сенатъ и въ Святѣйшій Синодъ въ С.-Петербургѣ. На всѣхъ этихъ конвертахъ Государь сдѣлалъ такую же надпись.

Но что именно хранилось въ этихъ четырехъ конвертахъ, кромѣ Государя, Цесаревича Константина и вдовствующей Императрицы Маріи, знали только московскій митрополитъ Филаретъ, которому принедлежалъ текстъ манифеста, и министръ Вѣроисповеданій кн. Александръ Николаевичъ Голицынъ, снявшій три копіи съ этихъ документовъ для пересылки ихъ въ С.-Петербургъ.

Но ни московскій ген.-губ. князь Димитрій Ивановичъ Голицынъ, ни Предсѣдатель Государственнаго Совѣта князь Лопухинъ, ни министръ юстиціи кн. Лобановъ-Ростовскій, ни Первоприсутствующій Святѣйшаго Синода, ни самъ Вел. Князь Николай Павловичъ, не были посвящены въ эту тайну.

Предвидя осложненія отъ такого положенія вещей въ случаѣ смерти Государя,кн. А.Н. Голицынъ просилъ Александра I опублико-

вать, до своего отъѣзда въ Таганрогъ, отреченіе Цесаревича и манифестъ о назначеніи Вел. Князя Николая Павловича Наслѣдникомъ Престола. Послѣ короткаго раздумья Императоръ отвѣтилъ. "Remettons nous à Dieu. Il saura mieux ordonner les choses que nous-autres faibles mortels".

Утромъ 27-го Ноября, во время молебна въ Зимнемъ Дворцѣ о дарованіи выздоровленія Императору Александру I, прискакалъ изъ Таганрога фельдъегерь съ извѣщеніемъ, что 19-го Ноября Государь скончался. Молебенъ былъ прерванъ и началась первая панихида въ С.-Петербургѣ по новопреставленному Благочестивѣйшему Государю Императору Александру I.

Послѣ панихиды Вел. Князь Николай Павловичъ объявилъ главному караулу Зимняго Дворца, занятый въ этотъ день Преображенцами, и тремъ внутреннимъ карауламъ: Кавалергардскаго, Л.-Гв. Коннаго и Преображенскаго полковъ, которые постоянно и только они одни занимали эти караулы съ начала царствованія Императора Павла, о кончинѣ Государя. Затѣмъ, на основаніи закона 1797 года Императора Павла о порядкѣ престолонаслѣдія, Вел.Кн. присягнулъ и привелъ къ присягѣ всѣ эти четыре караула на вѣрность службы Государю Императору Константину I. Днемъ такую же присягу принесли полки С.-Петербургскаго гарнизона, въ томъ числа и Кавалергарды.

Сразу послѣ присяги карауловъ Николай Павловичъ прошелъ въ апартаменты Императрицы Маріи, чтобы сообщить ей о принесенной имъ присягѣ. "Что Вы сдѣлали, сказала Императрица, развѣ Вы не знаете, что имѣется манифестъ о назначеніи Васъ Наслѣдникомъ?" "Если такой манифестъ существуетъ, отвѣтилъ Николай Павловичъ, то онъ мнѣ совершенно неизвѣстенъ и никогда не былъ обнародованъ. Мнѣ извѣстенъ лишь законъ 1797 года и на основаніи этого закона Государемъ является мой братъ Константинъ. Ему я и весь гарнизонъ уже присягнули.

Послѣ совѣщанія высшихъ сановниковъ Государственнаго Совѣта и Сената, всѣ они присягнули Императору Константину. Правительствующій Сенатъ издалъ указъ, извѣщающій населеніе Имперіи о кончинѣ Императора Александра и о вступленіи на Престолъ Императора Константина I.

Извѣстіе о кончинѣ Александра I было получено въ Москвѣ, почти одновременно съ извѣщеніемъ о состоявшейся въ С.-Петербургѣ присяги новому Императору. Прокуроръ Московскаго департамента Правительствующаго Сената кн. Павелъ Павловичъ Гагаринъ собралъ сенаторовъ на засѣданіе, на которомъ, хотя и выслушано было заявленіе митрополита Филарета о хранящихся въ Успенскомъ соборѣ документахъ, но во избѣжаніи одновременной присяги двумъ разнымъ Императорамъ - въ С.-Петербургѣ Константину I, а въ Москвѣ Николаю I, сенаторы постановили руководствоваться закономъ 1797 г. Сенаторы присягнули и издали указъ о приведеніи Первопрестольной къ присягѣ Императору Константину I.

Таково было положеніе въ обѣихъ столицахъ. Что же въ это время происходило въ Таганрогѣ и въ Варшавѣ ?

19-го въ Таганрогѣ по распоряженію кн. Волконскаго былъ составленъ актъ о кончинѣ Государя, подписанный самимъ Волконскимъ, барономъ Дибичемъ и двумя врачами: баронетомъ Виллье и Штоффре-

генымъ. На слѣдующій день произведено было вскрытіе тѣла, о чемъ былъ составленъ актъ, подписанный девятью врачами, въ томъ числѣ Кавалергардскаго полка хирургомъ Рейнгольдомъ, и присутствовавшимъ на вскрытіи ген.-ад. Чернышевымъ. Затѣмъ было приступлено къ бальзамированію и кн. Волконскій запросилъ дальнѣйшія указанія отъ новаго Императора.

До 11-го Декабря гробъ съ тѣломъ покойнаго Государя находился во дворцѣ, послѣ чего былъ перевезенъ въ Александро-Невскій соборъ, гдѣ на высокомъ катафалкѣ, покрытый Императорской мантіей и короной, оставался до 29-го декабря, когда начался перевозъ останковъ Государя въ С.-Петербургъ.

Не зная въ точности, гдѣ находится Константинъ Павловичъ, ген. Дибичъ послалъ донесеніе о кончинѣ Государя одновременно и въ Варшаву и въ С.-Петербургъ. Въ Варшавѣ донесеніе было получено на два дня раньше Петербурга - 25-го Ноября. Тѣмъ не менѣе Константинъ Павловичъ никакихъ указаній, ни по Царству Польскому, ни по русскимъ войскамъ, въ немъ стоящимъ, не далъ.

Не признавая себя Императоромъ, онъ всѣ бумаги, адресованныя ему съ этимъ титуломъ, отсылалъ, не вскрывая, въ С.-Петербургъ. Онъ никого къ присягѣ не привелъ и самъ присягнулъ только 21-го Декабря, недѣлю послѣ того, что вся драма вооруженнаго возстанія на Сенатской площади была уже изжита.

На всѣ просьбы своей матери Императрицы Маріи, братьевъ Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей пріѣхать въ Петербургъ и, такъ или иначе, разрѣшить создавшееся небывалое въ исторіи Россіи положеніе, Константинъ Павловичъ отвѣчалъ категоричнымъ отказомъ. Только 13-го Декабря, послѣ 18-ти дней томительнаго ожиданія, въ теченіи которыхъ надъ цѣлостью Имперіи, Монархіи и Императорской Фамиліи нависла страшная угроза, имъ былъ, наконецъ, присланъ формальный отказъ отъ Престола.

Въ теченіи этихъ дней у начальника главнаго штаба барона Дибича сосредоточилось достаточно свѣдѣній, чтобы выяснить подробности готовящихся въ Петербургѣ и во 2-ой Арміи вооруженныхъ возстаній.

13-го Декабря Вел. Князь Николай Павловичъ подписалъ манифестъ о своемъ вступленіи на Престолъ и на утро 14-го былъ назначена новая присяга новому Императору Николаю I.

БОРОДИНСКІЙ ПАМЯТНИКЪ

26-го Августа 1962 года исполнился сто-пятидесяти-лѣтній юбилей Бородинскаго боя. Къ этому дню многочисленные памятники, поставленные на Бородинскомъ полѣ частями, принимавшими участіе въ этомъ сраженіи, были реставрированы.

Полностью была возстановлена панорами Бородинскаго боя, пострадавшая въ послѣднюю войну, крутился фильмъ по роману гр. Льва Николаевича Толстого "Война и Миръ" и готовились разныя торжества.

Революція, уничтожившая въ самомъ началѣ все, что было связано съ Россійской Имперіей, уничтожила и нашъ Полкъ, лишивъ его потомковъ возможности участвовать въ этомъ юбилеѣ.

Въ настоящей статьѣ,не предполагается дать описаніе Бородинскаго сраженія, ни того участія, которое приняли въ немъ Кавалергарды, сыгравшіе своими повторными атаками огромную, а можетъ быть, и первостепенную роль. Все это было подробно описано и помѣщено въ Вѣстникѣ Кавалергардской Семьи въ 1959 году.

Среди памятниковъ, стоявшихъ на Бородинскомъ полѣ, находился памятникъ, поставленный Гвардейской кирасирской бригадой — Кавалергардами и Лейбъ-Гвардіи Конным полкомъ -, входившими въ 1812 году въ I-ую кирасирскую дивизію.

На высокой гранитной скалѣ двуглавый коронованный орелъ, только что спустившійся на скалу съ еще раскрытыми крыльями. Въ своихъ когтяхъ онъ держитъ развернутые Бородинскіе Штандарты обоихъ полковъ, свидѣтели минувшихъ боевыхъ подвиговъ. Подъ нимъ, на вершинѣ скалы, лежатъ обнаженный палашъ и труба.

На одной сторонѣ Памятника высѣчена надпись: "ПОДВИГАМЪ ПРЕДКОВЪ. КАВАЛЕРГАРДЫ И КОННАЯ ГВАРДІЯ 1812-1912". Подъ надписью прибитъ обнаженный мечъ и лавровая вѣтвь.

На другой, противоположной сторонѣ скалы перечислены всѣ офицеры обоихъ полковъ, павшіе и кровью вѣнчанные въ Бородинскомъ бою и число убитыхъ и раненыхъ Кавалергардовъ и Конногвардейцевъ.

Памятникъ былъ сооруженъ на средства офицеровъ - наличнаго состава и прежде служившихъ въ обоихъ полкахъ.

Его открытіе и освященіе состоялось днемъ 26-го Августа 1912 г. въ Высочайшемъ присутствіи. Въ этотъ день у памятника выстроились сводные эскадроны обоихъ полковъ. У подножія памятника стояло два часовыхъ въ историческихъ формахъ 1812 года. Молебенъ съ поминовеніемъ всѣхъ павшихъ въ этомъ бою былъ отслуженъ настоятелемъ Кавалергардскаго полка отцемъ Стефаномъ Щербаковскимъ въ сослуженіи со священникомъ Конной Гвардіи.

Покрывало памятника спало и сводные эскадроны прошли передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ подъ звуки хора Кавалергардскихъ трубачей, игравшихъ Парижскій маршъ.

Въ тотъ же день, утромъ, на Бородинскомъ полѣ состоялся большой парадъ прибывшимъ въ Москву своднымъ ротамъ, эскадронамъ всѣхъ полковъ, участвовавшихъ сто лѣтъ тому назадъ въ Бородинскомъ Бою. Подобно тому, какъ это было въ 1812 году, передъ фронтомъ войскъ была пронесена икона Смоленской Божьей Матери, принесенная на рукахъ богомольцами изъ Смоленска.

Икона была встрѣчена Московскимъ Митрополитомъ Владиміромъ съ огромнымъ числом духовенства и крестными ходами московскихъ церквей.

На парадѣ, какъ и въ послѣдующихъ торжествахъ, присутствовалъ французскій посолъ и особая депутація французской арміи.

Послѣ парада Государю было представлено нѣсколько древнихъ стариковъ и старухъ, современниковъ Отечественной Войны. Среди

нихъ 122-лѣтній унтеръ-офицеръ Винтонюкъ, раненый въ Бородинскомъ бою.

Представленіе современниковъ не обошлось безъ анекдота. Присутствовавшій при этомъ бывшій командиръ Полка Свиты Его Величества ген.-м. князь Юсуповъ, находившійся въ этотъ день въ дежурствѣ Свиты, сказалъ Можайскому исправнику, завѣдовавшему стариками-современниками: "Не забудьте, что въ Январѣ слѣдующего года будемъ праздновать 300-лѣтіе Дома Романовыхъ. Постарайтесь разыскать современниковъ."

Командиръ Кавалергардскаго полка
Свиты Его Величества генералъ-маіоръ
графъ Г. Г. Менгденъ
у Памятника на Бородинскомъ Полѣ

Къ столѣтію Бородинскаго боя, совмѣстно обоими полками, была издана брошюра съ рисункомъ памятника и картой боя, напечатанная въ Военной Типографіи Главнаго Штаба.

У ЭРИВАНЦЕВЪ

Изъ воспоминаній С. А. Безобразова

I3-ый Лейбъ-Гренадерскій Эриванскій Царя Михаила Ѳедоровича полкъ, бывшій Бутырскій, старѣйшій полкъ Русской Арміи, принимая участіе въ войнѣ I9I4-го года, покрытый трехсотлѣтней боевой славой, продолжалъ оправдывать эту славу во всѣхъ бояхъ отъ начала и до конца войны.

Въ память погибшихъ Эриванцевъ и въ честь оставшихся еще въ живыхъ, эта статья написана участникомъ нѣкоторыхъ боевыхъ дѣйствій этого замѣчательнаго полка.

Въ началѣ Іюля I9I5 года, Медемъ и я, высадились на небольшой станціи къ западу отъ р. Буга и на коняхъ, сопровождаемые деньщиками, двинулись на поиски Эриванцевъ.

Далеко впереди громыхали заглушенные перекаты артиллеріи. Тамъ шли безостановочные бои и нашъ фронтъ, съ трудомъ и недостаточно пополняемый патронами и снарядами, принужденъ былъ понемногу отходить. Громыханіе артиллеріи постепенно перешло въ непрерывный, грозный, протяжный гулъ. По дорогамъ все чаще и чаще стали попадаться многочисленные роты и батальоны, двигавшіеся въ одномъ направленіи съ нами. Попадались части Гвардейскихъ пополненій, легко узнаваемыя по чернымъ ранцамъ и разноцвѣтнымъ выпушкамъ на воротникахъ. Люди рослые, молодые, шли бодро въ ногу. Звенѣли пѣсни, солнце свѣтило особенно мирно.

Вечеромъ мы подошли къ расположенію Эриванскаго полка. Принялъ насъ пор. Арчилъ Гогаберидзе, и мы были тронуты вниманіемъ и милымъ отношеніемъ, которое этотъ, уже заслуженный, Эриванецъ проявилъ къ намъ.

Вскорѣ пришелъ командиръ полка полковникъ Евгеній Евгеньевичъ Вышинскій, которому мы представились. За обѣдомъ командиръ выпилъ за здоровье вновь прибывшихъ Кавалергардовъ. И онъ и весь его штабъ принялъ насъ сразу, какъ своихъ. Усталые съ дороги, завернувшись въ бурки, мы съ Медемомъ заснули въ кустахъ у дороги.

На разсвѣтѣ, адъютантъ полка, кап. Шлиттеръ пригласилъ насъ къ чаю въ штабную землянку и, давъ проводниковъ, отправилъ каждаго по назначенію - Медема въ команду развѣдчиковъ, меня въ 9-ую роту.

Придя въ роту, я явился ея командиру поручику Кандаурову. (Рота только что получила пополненіе и составъ ея былъ доведенъ почти до двухсотъ человѣкъ). Заботливо и радушно Кандауровъ старался устроить меня, какъ можно удобнѣе въ своей землянкѣ. Напоилъ чаемъ съ коржиками, "только что присланные его матушкой". Долго вспоминалъ я потомъ Кандаурова и любящую его матушку, которой уже черезъ двѣ недѣли пришлось оплакивать гибель своего сына.

За время пребыванія у Эриванцевъ, мнѣ пришлось участвовать въ трехъ бояхъ: при защитѣ переправы черезъ одинъ изъ западныхъ

притоковъ Буга, въ бою у ст. Влодава и у Новыхъ Трокъ, къ западу отъ Вильно.

· Самымъ значительнымъ былъ бой у Влодавы и для его описанія я руководствовался своими воспоминаніями, выдержками изъ писемъ и докладовъ командира Лейбъ-Эриванскаго полка, полковника Вышинскаго, приказомъ по Кавказской гренадерской дивизіи отъ 22 Марта I9I6 г. за № I26 и выписками изъ дневниковъ полковъ Германской Арміи, дѣйствовавшихъ въ эти дни противъ Эриванцевъ.

Многія свѣдѣнія взяты были мною изъ книги "Лейбъ-Эриванцы въ Великой Войнѣ", изданной полковой исторической комиссіей подъ редакціей К.С. Попова. Въ этой книгѣ редакція отмѣчаетъ: "Какъ мы сейчасъ увидимъ, показанія корнета Безобразова въ точности совпадаютъ съ описаніемъ этого боя нашимъ противникомъ".

Двухдневный бой у Влодавы, по потерямъ и упорству, былъ однимъ изъ самыхъ кровопролитныхъ боевъ въ исторіи полка за Великую Войну и по понесеннымъ потерямъ, въ такой короткій срокъ, его можно сравнить только съ боемъ у дер. Загроды, гдѣ ведя свою 5-ую роту въ атаку, погибъ нашъ Кавалергардъ фл.-ад. поручикъ князь К.А. Багратіонъ-Мухранскій.

Въ концѣ Іюля пришло приказаніе спѣшно сниматься съ позиціи и ускореннымъ маршемъ идти на сѣверъ въ районъ станціи Влодава. Тамъ противникъ прорвалъ нашъ фронтъ и, перейдя на восточный берегъ Буга, создалъ сильный тэтъ-де-понъ, и сталъ распространяться вглубь съ намѣреніемъ занять станцію Влодаву и, такимъ образомъ, парализовать нашу рокировочную ж.-д. магистраль. Одновременно прорывъ угрожалъ лѣвому флангу западныхъ укрѣпленій Брестъ-Литовска. Задача была спѣшная, отвѣтственная и потому поручена части извѣстной своей устойчивостью.

Небо затянулось сѣрыми тучами. Мелкій дождь моросилъ безъ остановки. Выступили мы рано утромъ 2-го Августа и съ короткими привалами шли весь день, всю ночь и слѣдующій день до трехъ часовъ дня.

Дождь все шелъ, ноги скользили и утопали въ размокшей дорогѣ, намокшія шинели отяжелѣли. Шли проселками по густымъ лѣсамъ и съ кустовъ и деревьевъ при малѣйшемъ движеніи текли ручьи воды.

На разсвѣтѣ 3-го Августа, уставшіе, промокшіе, мы вышли, наконецъ, изъ лѣсовъ. Въ полутемнотѣ, длинной сѣрой змѣей безмолвно двигался полкъ по открытымъ лугамъ, между лѣсомъ и рѣкой. Земля здѣсь была суше и идти стало свободнѣе. Никто не разговаривалъ и только слышно было заглушенное шуршаніе тысячъ усталыхъ ногъ.

Сѣрая змѣя ползла, извиваясь вдоль дороги, взбиралась на холмы, переползая черезъ овраги. Надъ ротами равномѣрно колыхались длинные шесты носильщиковъ и въ полумракѣ мощь этого тысячаногаго звѣря казалась несокрушимой.

Долго мы шли по берегу рѣки и время уже было за полдень. Слѣва изъ-за рѣки стали доноситься звуки частой и торопливой стрѣльбы. Наконецъ свернули налѣво на полуразрушенный мостъ, переползли на другую сторону и направились прямо на звуки стрѣльбы.

Бой впереди разгорался. По охотничьему выраженію въ лѣсу "варило варомъ". Иногда, казалось, выстрѣлы звучали совсѣмъ близко и пулеметный огонь, неожиданно врываясь въ общій шумъ, наполнялъ воздухъ своимъ торопливымъ и неумолчнымъ трескомъ.

Было около трехъ часовъ дня, когда полкъ остановился и ротамъ приказано было отдыхать. Люди лежали на мокрой землѣ, молча прислушиваясь къ треску доносившемуся изъ лѣса. Въ лѣсу звуки кажутся громче и эта ужасная, сама себя перебивающаяся какофонія, звучала совсѣмъ близко.

Я сѣлъ у дерева, взялъ "Мертвыя Души" и старыя, знакомыя, мирныя картины воскресли передо мной. И бричка, въ которой ѣздятъ всѣ тѣ, которыхъ называютъ господами средней руки, и потемнѣвшая губернская гостиница съ ея "галдареей" и сбитеньщикъ съ самоваромъ изъ красной мѣди и лицомъ такимъ же краснымъ, какъ самоваръ. Мирныя картины, знакомыя и близкія со школьной скамьи, проходили передо мной и я совсѣмъ забылъ и трескъ въ лѣсу, и мокрую, грязную, страшную дѣйствительность.

"Вставай ! Вставай !" раздалось кругомъ. Роты начали строиться вдоль дороги. Мѣшки и шинели было приказано оставить сзади. Полкъ построился покоемъ, такъ какъ былъ сведенъ въ три батальона. Раздалась команда и въ середину построенія вошелъ командиръ полка. "Минута была торжественная" по выраженію Исторіи Лейбъ-Эриванцевъ. Командиръ кратко объяснилъ нашу задачу - атаковать, выбить противника, проникшаго глубоко въ лѣсъ и отбросить его къ рѣкѣ.

Одинъ за другимъ стали подходить командиры батальоновъ, докладывая, что батальоны готовы къ атакѣ. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ командиръ I-го батальона капитанъ Пильбергъ своей красивой выправкой и увѣреннымъ, спокойнымъ голосомъ.

Всего офицеровъ, включая командира полка и его штабъ, было въ данный моментъ 26 человѣкъ, изъ которыхъ ровно половина была выбита въ двухдневномъ бою, а изъ приблизительно 2000 гренадеръ, мы потеряли I095.

77-ая пѣхотная дивизія, ведшая упорный бой впереди, была совершенно уничтожена артиллерійскимъ огнемъ и лѣвый флангъ 45-й дивизіи, потерявъ гору Нагорную, отступалъ подъ угрозой обхода. Проводникъ 307-го пѣхотнаго полка, къ тому времени уже переставшаго существовать, повелъ нашу 9-ую роту по тропинкѣ въ лѣсъ, откуда предполагалось начать атаку.

Пять ротъ: 6-ая, 7-ая, 9-ая, I0-ая и II-ая разомкнулись въ цѣпь, имѣя 8-ую роту въ резервѣ. Наша 9-ая рота оказалась въ центрѣ первой линіи атаки.

Частъ II-го батальона развернулась подъ угломъ къ намъ фронтомъ на юго-западъ. I-ый батальонъ всталъ за нами во второй линіи. На уоду люди снимали фуражки и крестились.

Поручикъ Кандауровъ велъ первую полуроту, я вторую. Мы заняли прогалину, поросшую высокой некошенной травой, уже поблекшей и усохшей. Дождь прекратился, небо оставалось пасмурнымъ. Изъ высокой травы виднѣлись головы сидящихъ гренадеръ. Минутъ I5 прошло въ напряженномъ ожиданіи.

Полурота Кандаурова начала вставать и съ видимымъ облегченіемъ мои люди заняли свои мѣста. Потрясая землю, тяжелый снарядъ разорвался позади, осыпая насъ землею, потомъ еще и еще, попадая прямо на тропинку, по которой мы только что пришли. Не ожидая команды, цѣпь, шумя ногами въ высокой травѣ, двинулась впередъ.

Впереди были рѣдкія деревья, а за ними желто-красная желѣзно-дорожная насыпь. Гренадеры, прошедшіе почти безостановочно полторы сутокъ и съ трудомъ передвигавшіе ноги, теперь шли быстро, легко и рѣшительно. Вмигъ мы взбѣжали на полотно, спустились съ него и почти бѣгомъ устремились къ лѣсу впереди.

Громкое ура понеслось къ небесамъ и одновременно трескъ, быстрый, торопливый разодралъ тишину лѣса. Пулеметы, какъ злыя собаки на цѣпи, захлебываясь трещали неумолчно. Забывъ страхъ, роты бѣжали навстрѣчу урагану, въ которомъ въ нѣсколько минутъ почти на треть растаяли. Промелькнули испуганныя,блѣдныя лица нѣмцевъ въ остроконечныхъ каскахъ, покрытыхъ сѣрыми чехлами. Нѣкоторые, поднявъ руки, сдавались, другіе убѣгали и наши стрѣляли по нимъ въ угонъ.

Съ разгону я чуть не столкнулся съ нѣсколькими нѣмцами, которые, бросивъ оружіе и поднявъ руки, какъ-то безпомощно стояли, полные страха, повидимому ожидали конца. Только одинъ огромный, свѣтловолосый дѣтина стоялъ немного позади и съ ненавистью въ глазахъ крѣпко держалъ винтовку на изготовку.

"Вы теперь плѣнные", крикнулъ я имъ,и вмигъ они были окружены гренадерами. Нехотя большой дѣтина бросилъ винтовку на землю.

Въ это время на правомъ флангѣ роты, вынеслись два пулемета подъ командой всегда веселаго подпоручика Побаевскаго, заливаясь безостановочно своимъ пулеметнымъ лаемъ. Мы же продолжали бѣжать, пока хватало духу. Три гренадера, обогнавъ меня, легко прыгая черезъ кочки, одинъ за другимъ, съ разбѣга покатились на землю, гдѣ уже лежали побитые нашимъ пулеметомъ нѣмцы.

Такъ мы бѣжали долго, но наконецъ, на исходѣ силъ, люди начали останавливаться. Настроеніе было бодрое, веселое. Слышались шутки, смѣхъ, хвастливыя выраженія. Усталости, какъ не бывало. Казалось самое трудное осталось позади. Но стрѣльба продолжалась. Остатки нѣмцевъ зелегли недалеко въ кустахъ и пули опять запѣли свои злобныя маленькія пѣсни.

Гренадеры, воодушевленные успѣхомъ, совсѣмъ забывъ о противникѣ, сидѣли, курили, громко перекликались, отдыхая послѣ такого "марафонскаго" бѣга.

Но бой продолжался. Ко мнѣ подошелъ гренадеръ, доброволецъ черногорецъ, солдатъ храбрый и распорядительный. Только началъ онъ возбужденно разсказывать о своихъ подвигахъ, какъ схватившись за плечо, застывъ на полусловѣ, рухнулъ на землю.

Послѣ атаки взводы перемѣшались. Потери были большія. Командиръ роты поручикъ Кандауровъ убитъ, командиръ батальона подполковникъ Мануиловъ тяжело контуженъ и эвакуированъ въ тылъ. Многія сосѣднія роты остались совсѣмъ безъ командного состава.

Мимо пронесли на рукахъ поручика Четыркина, прострѣляннаго въ обѣ ноги.

Нервное возбужденіе спало и наступила реакція. Молча сидѣли гренадеры въ травѣ и казалось поднять ихъ будетъ невозможно. Стрѣльба начала усиливаться, затрещали пулеметы. Сучья, листья, куски коры падали сверху, какъ въ большую бурю. Разстрѣлявъ всѣ свои ленты, наши пулеметы молчали.

Иногда по землѣ быстро пробѣгали пыльныя змѣйки пулеметной очереди. Все чаще уносили раненыхъ и между деревьевъ замелькали знакомыя каски, перебѣгавшія отъ дерева къ дереву. Совершенно ясно доносились отрывистыя, рѣзкія команды на чужомъ языкѣ. То была контръ-атака свѣжими силами нѣмецкаго 271-го резервнаго полка.

Порѣдѣвшія, уставшія роты Эриванцевъ начали отходить. Отойдя шаговъ на 200 въ наши ряды влились роты I-го батальона. Общее командованіе принялъ командиръ I-го батальона капитанъ Пильбергъ.

Капит. Пильбергъ немедленно приказалъ перейти въ наступленіе и самъ въ разстегнутой шинели, съ палкой въ рукѣ, двинулся впередъ, какъ всегда спокойный и дѣловитый. Увидя подмогу, усталыя роты пріободрились и тутъ, чудеснымъ образомъ повторилось то, черезъ что мы только что прошли. Съ неудержимымъ ура мы ворвались въ непріятельскія линіи, уничтожили все, что тамъ было и опять преслѣдовали остатки бѣгущихъ нѣмцевъ. Вся честь этой атаки принадлежитъ храброму капитану Пильбергу.

Вечеромъ нѣмцы подвели свѣжія части 3-го Гренадерскаго полка. Ихъ пулеметная команда, занявъ позицію подъ прикрытіемъ насыпи шоссе, идущаго отъ ст. Влодавы къ мосту на рѣкѣ Бугъ, била вдоль нашего фронта, причиняя большія потери. Но занявъ старые и очень неглубокіе окопы - вѣрнѣе ямки - 307-го полка, мы развели такой ружейный огонь, что противникъ былъ принужденъ залечь и на этомъ его продвиженіе было остановлено.

Все чаще приходили ко мнѣ гренадеры сосѣднихъ ротъ, заявляя, что они остались безъ офицеровъ и потому "мы теперь съ Вами. Вы одинъ у насъ остались". Въ этихъ словахъ было столько довѣрія, что я чувствовалъ, какую-то особенную отвѣтственность взрослаго за судьбу осиротѣвшихъ дѣтей.

Наступила ночь. Стрѣльба продолжалась. Пули плепались о деревья, блестя небольшими огненными молніями. Изъ штаба прислали кухни и отдѣльными партіями люди ходили за обѣдомъ. Уже было II часовъ вечера и совершенно темно. Со всѣхъ сторонъ начали приходить свѣдѣнія, что патроновъ больше нѣтъ. А стрѣльба не останавливалась. Нѣсколько разъ я посылалъ людей въ штабъ за патронами, но они не возвращались и я озабоченно думалъ о томъ, что намъ придется дѣлать, если утромъ нѣмцы перейдутъ въ наступленіе.

Но, наконецъ, мы получили патроны - всего нѣсколько цынокъ, что было очень немного. Трескъ разрывовъ среди деревьевъ не прекращался и тысячи маленькихъ огней, какъ свѣтлячки въ душную ночь, мелькали по лѣсу. Было около трехъ утра и, наконецъ, приведя въ нѣкоторый порядокъ своихъ людей, я сѣлъ у дерева и, самъ того не замѣтивъ, немедленно заснулъ.

Проспалъ я недолго, вѣроятно минутъ двадцать. "Ваше благородіе, ваше благородіе. Вставайте. Идутъ, идутъ!" будилъ меня гренадеръ. Было почти свѣтло. По лѣсу шла безпорядочная торопливая стрѣльба. Потомъ, покрывая все, заговорили пулеметы. Ихъ было много, такъ много, что нашъ небольшой брустверъ сметался словно вѣтромъ. Прижавшись къ землѣ мы лежали, не смѣя поднять голову. Рядомъ со мной гренадеръ, прислонивъ винтовку къ стѣнкѣ окопа, стрѣлялъ въ небо, но и это не помогло и съ прострѣлянной головой онъ упалъ на дно окопа.

"Вотъ они!, Вотъ они!" взволнованно послышалось вдоль линіи и нѣмцы, подъ прикрытіемъ пулеметовъ, стрѣлявшихъ теперь съ обоихъ фланговъ, цѣлыми взводами перебѣгали между деревьями. Пулеметы стрѣляли справа и слѣва вдоль окоповъ. Сильная ружейная стрѣльба доносилась съ тыла и воздухъ, казалось, былъ наполненъ пулями, летавшими по всѣмъ направленіямъ.

Это былъ тотъ моментъ, о которомъ въ своемъ рапортѣ отъ 13 Августа 1915 г. пишетъ командиръ полка полковникъ Вышинскій : "Такимъ образомъ былъ моментъ, когда ввѣренный мнѣ полкъ былъ окруженъ нѣмцами со всѣхъ четырехъ сторонъ. Телефонная связь со штабомъ полка къ этому времени была уже прервана. При этихъ условіяхъ командирамъ батальоновъ, получившихъ отъ меня приказаніе держаться на позиціи во что бы то ни стало, конечно ничего другого не оставалось, какъ начать отходить, пробиваясь штыками сквозь нѣмецкіе роты и пулеметы, уже занявшіе въ тылу линію желѣзной дороги".

Въ этотъ моментъ 7-ая рота, потерявшая своего командира прапорщика Борисова, оставшаяся совсѣмъ безъ командnаго состава, примыкавшая къ намъ справа, вскочила, какъ одинъ человѣкъ, и съ громкимъ ура, ломая сучья, держа ружья на перевѣсъ, бросилась навстрѣчу, вышедшимъ намъ въ тылъ нѣмцамъ. Остальныя роты подъ командой капитана Пильберга, круто повернули и стремительно атаковали въ томъ же направленіи.

Въ короткой схваткѣ нѣмцы были опрокинуты, смяты и мы оказались въ рядахъ II-го батальона Горійскаго полка, спѣшившаго намъ на помощь. Капитанъ Пильбергъ съ частью гренадеръ вышелъ на нашу батарею, которой угрожалъ захватъ нѣмцами, такъ какъ они подошли къ ней вплотную. Собравъ вокругъ себя нѣсколько гренадеръ, онъ съ такой быстротой атаковалъ подходящаго противника, что ихъ ряды заколебались и потомъ бросились назадъ въ полной паникѣ. Такимъ образомъ была спасена батарея, а капитана Пильберга, прострѣляннаго насквозь въ грудь, унесли въ тылъ. Съ тѣхъ поръ мнѣ не пришлось больше встрѣчаться съ этимъ доблестнымъ офицеромъ. За эту атаку капитанъ Пильбергъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-ой степени.

Вотъ что пишетъ дальше полковникъ Вышинскій: "Присоединивъ эти свѣжія части къ остаткамъ Эриванскихъ батальоновъ, я около 4-хъ часовъ дня предпринялъ контръ-атаку противъ нѣмцевъ, уже успѣвшихъ распространиться въ лѣсъ къ востоку отъ желѣзной дороги. Контръ-атака была проведена вполнѣ успѣшно и нѣмцы были отброшены за линію желѣзной дороги".

Это утро стоило намъ дорого. Находясь подъ огнемъ со всѣхъ сторонъ, мы здѣсь понесли самыя большія потери. Убитъ былъ мой фельдфебель, почти всѣ унтеръ-офицеры и несчетное количество гренадеръ. Въ моемъ распоряженіи оказались гренадеры разныхъ ротъ и распутать части сейчасъ было невозможно.

Мы опять шли по знакомому, уже затоптанному и перекопанному по всѣмъ направленіямъ лѣсу. Всюду валялись брошенныя каски, фуражки, подсумки и винтовки. Убитые лежали въ одиночку, либо кучками. Въ воздухѣ висѣлъ характерный, незабываемый, противный запахъ боя, запахъ гари, чего то уже разлагающагося, жженаго пороха и человѣческихъ испареній.

Опять пули защелкали о деревья и лѣсъ огласился пулеметнымъ трескомъ. Но нѣмцы понесли большія потери, выдохлись и устали. Завидя наше рѣшительное наступленіе, они, не дожидаясь штыкового удара, быстро начали отбѣгать. Почти безпрепятственно добрались мы до столь знакомыхъ окоповъ 307-го полка, перешли ихъ и при неумолчной стрѣльбѣ противника, опять неся потери, неуклонно двигаясь впередъ, заняли позицію на уровнѣ горы Нагорной.

Но мы тоже устали. За мной шли еле живые отъ усталости гренадеры. Лица ихъ почернѣли и похудѣли. Глаза глубоко запали и глядѣли какъ будто ничего не видя. И какъ ихъ мало осталось. Направо отъ насъ развернулись Мингрельцы, а влѣво Тифлисцы.

Вечеромъ 4-го Августа противникъ возобновилъ артиллерійскую стрѣльбу. Нашему батальону, какъ наиболѣе пострадавшему, было приказано отойти въ резервъ. Отойдя уже шаговъ триста, мы попали подъ артиллерійскій баражъ. Земля заколебалась и сверкнула ослѣпительная молнія.

Пришелъ я въ себя скоро, покрытый землей, сучьями, листьями. Съ подбитой ногой добрался я съ помощью гренадера до назначенной моему батальону позиціи, въ тылу I-го батальона и занялъ ее съ остатками моей 9-ой роты - всего 37 гренадеръ. На слѣдующій день, когда полкъ былъ выведенъ въ глубокій резервъ въ дер. Пища, я слегъ въ полковой околотокъ и пролежалъ тамъ двое сутокъ. Вернувшись въ строй, я принялъ II-ую роту, командуя которой принялъ участіе въ бояхъ западнѣе Вильно у Новыхъ Троковъ. Перечисляя потери, понесенныя полкомъ въ этомъ бою, приказъ отъ 5/3 по Лейбъ-Эриванскому полку говоритъ: "корнетъ Безобразовъ, несмотря на контузію, остался въ строю".

Такъ кончилось славное, жестокое и кровопролитное сраженіе при Влодавѣ, въ которомъ три батальона Эриванцевъ за два дня разбили и опрокинули, поочередно, три нѣмецкихъ полка: 270 и 27I резервные и 3-ій гренадерскій.

Въ приказѣ по Кавказской гренадерской дивизіи отъ 22/3/I9I6 ея начальникъ, прощаясь съ полковникомъ Вышинскимъ, къ тому времени произведеннымъ въ г.-м. и получившимъ иное назначеніе, отмѣчаетъ этотъ бой слѣдующими словами: "Въ двухдневномъ, безпрерывномъ бою подъ Влодавой, гдѣ Лейбъ-Эриванцы атаковали, остановили и заставили отойти въ четверо большія силы нѣмцевъ, полкъ покрылъ себя неувядаемой славой."

Въ бою подъ Влодавой всѣ командиры ротъ моего батальона, кромѣ одного были убиты. Много офицеровъ геройски пало въ другихъ батальонахъ.

Нами было взято до 150 плѣнныхъ, а нѣмецкіе полки разбиты, и отброшены на свои исходныя позиціи на уровнѣ горы Нагорная. Въ этомъ бою я былъ единственнымъ представителемъ нашего полка, кромѣ Медема, который, находясь въ командѣ развѣдчиковъ, прямого участія въ бою не принималъ.

Отдыхали мы недолго и уже черезъ недѣлю шли походнымъ порядкомъ на Кобринъ, гдѣ принявъ пополненіе, погрузились въ поѣзда, чтобы ѣхать на сѣверъ на защиту Вильно, гдѣ нѣмцы прорвались въ районѣ Новыхъ Трокъ.

На площади у станціи Кобринъ отдыхали, сидя на землѣ, сотни двѣ плѣнныхъ. Подойдя ближе я сразу узналъ огромнаго дѣтину, такъ не желавшаго разстаться со своей винтовкой. Я хотѣлъ ему что-то сказать, подбодрить. Мнѣ казалось, что онъ меня узналъ, но онъ съ такой злобой взглянулъ на меня, что я ничего не сказалъ и прошелъ мимо.

Въ дополненіе къ статьѣ С.А. Безобразова редакція "Вѣстника Кавалергардской Семьи" помѣщаетъ выписку изъ приказа по Кавалергардскому полку:

"Счастливъ объявить слѣдующій отзывъ командира 13-го Лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Царя Михаила Ѳедоровича полка о нашихъ доблестныхъ офицерахъ, явившихъ собой примѣръ высокого самопожертвованія, пожелавъ добровольно раздѣлить тяжелыя боевыя испытанія въ рядахъ славныхъ Лейбъ-Эриванцевъ.

"Отъ себя и отъ лица общества офицеровъ полка приношу искреннюю благодарность доблестнымъ Кавалергардамъ, которые своей блестящей службой въ полку сильно облегчили намъ боевой трудъ въ одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ для полка періодовъ.

"Имена штабсъ-ротмистра Бутурлина, поручиковъ флигель-адъютанта князя Багратіона-Мухранскаго и Гернгросса, корнетовъ Пашкова 2-го, Безобразова 2-го и графа Медема, явившихъ образцы высокой воинской доблести, навсегда останутся въ памяти Лейбъ-Эриванцевъ". - Отзывъ 28-го Ноября 1915 года, № 8903.

Кромѣ того, по личному докладу Командующаго войсками Гвардіи Государю, штабсъ-ротмистрамъ С.С. Бутурлину, Е.Е. Гернгроссу, корнетамъ А.А. Пашкову, С.А. Безобразову и графу Г.О. Медему было даровано право ношенія шашки кавказскаго образца во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она по правиламъ ношенія формы полагается.

ASPECTS DE L'EMIGRATION

Duc de Castries
La Revue des Deux Mondes, 15 Juillet 1962

La lutte des Armées fidèles aux Tzar, qui furent conduites par les généraux Wrangel et Koltchak n'est pas sans ressemblance avec les combats des Vendéens d'abord, puis, par le fait d'une assistance internationale, avec la lutte menée par les émigrés français contre leur propre patrie à Valmy et Quiberon.

De même que les émigrés de 1789 furent abandonnés par l'Europe quand la Convention eût montré ses vertus militaires, les troupes des Russes Blancs périrent faute de secours dans un combat que l'on ne saurait aujourd'hui considérer comme dénué de fondement.

Наше бремя - тяжелое бремя.
Трудный жребій дала намъ судьба.

КАВАЛЕРГАРДЫ ВЪ ВЕЛИКУЮ И ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

Часть IУ

1918 - 1920

В.Н. Звегинцовъ

На различныхъ фронтахъ Бѣлаго Движенія отдѣльные КАВАЛЕРГАРДЫ приняли участіе въ борьбѣ противъ большевиковъ.

Имена свѣтлѣйшаго князя Анатолія Павловича Ливена, командующаго Сѣверо-Западной Арміей Александра Павловича Родзянко, Гетмана Украины Павла Петровича Скоропадскаго и фельдмаршала Финляндіи барона Густава Карловича Маннергейма вошли въ исторію гражданской войны.

Но только на югѣ Россіи, въ рядахъ Добровольческой Арміи КАВАЛЕРГАРДЫ приняли участіе въ этой борьбѣ, какъ строевая боевая часть.

Возродившись, подобно фениксу изъ пепла, послѣ того что старый ПОЛКЪ прекратилъ свое существованіе, КАВАЛЕРГАРДСКІЕ ЭСКАДРОНЫ долгъ свой передъ РОДИНОЙ исполнили до конца, безъ всякой корысти, безъ всякаго подлаго интереса.

Сильные традиціями стараго ПОЛКА, они пронесли съ оружіемъ въ рукахъ, черезъ кровавые годы этой страшной борьбы, незапятненнымъ имя КАВАЛЕРГАРДА. Столь же грозное врагу, какъ было оно грозно въ эпоху Наполеоновыхъ войнъ и въ Великую Міровую Войну.

Этому служенію КАВАЛЕРГАРДОВЪ РОДИНѢ посвящается послѣдняя часть исторіи КАВАЛЕРГАРДОВЪ въ Великую и Гражданскую Войну.

Средь міра дальняго, для сердца
вольнаго есть два пути.
Взвесь силу гордую, взвѣсь волю
твердую, какимъ идти.
Некрасовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Начало формированія. Первыя боевыя дѣйствія. Отходъ Крымско-Азовской Арміи на Акъ-Монайскія позиціи.

28 Октября 1918 г. въ Новороссійскѣ командующій Сводно-Гвардейскимъ пѣхотнымъ полкомъ полковникъ Моллеръ предложилъ представителямъ полковъ I-ой Гвардейской кавалерійской дивизіи начать

формированіе своихъ частей при Сводно-Гвардейскомъ п.п. въ качествѣ команды конныхъ развѣдчиковъ. Это предложеніе, разрѣшавшее много различныхъ препятствій, связанныхъ съ вопросомъ самостоятельнаго формированія гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, было принято съ большимъ удовлетвореніемъ.

На него сразу откликнулись представители трехъ полковъ: Кавалергардскаго и обоихъ Кирасирскихъ.

Черезъ шесть дней въ Новороссійскъ пріѣхалъ полковникъ Кирасиръ Ея Величества Даниловъ и принялъ должность начальника команды конныхъ развѣдчиковъ.

Несмотря на свое названіе команда конныхъ развѣдчиковъ не имѣла ни одной лошади и первоначально состояла изъ трехъ Кавалергардовъ: полковника Димитрія Владиміровича Коссиковскаго, шт.-рот. гр. Ивана и Андрея Димитріевича Толстыхъ и 12 офицеровъ обоихъ кирасирскихъ полковъ.

Черезъ мѣсяцъ 28-го Ноября весь Сводно-Гвардейскій пѣхотный полкъ былъ отправленъ въ гор. Ставрополь въ составѣ 1-ой пѣхотной дивизіи ген. Козакевича. Пока полкъ принималъ участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ, команда была оставлена въ Ставрополѣ для дальнѣйшаго формированія.

Но ни районъ, ни условія, съ которыми пришлось столкнуться не способствовали формированію. Всѣ попытки достать оружіе, сѣдла и лошадей не увѣнчались успѣхомъ и, послѣ краткаго пребыванія въ Ставрополѣ, команда была возвращена въ Новороссійскъ, гдѣ она оставалась до отправки въ Крымъ.

За это время число Кавалергардовъ увеличилось прибытіемъ шт.-рот. Владиміра Вадимовича Шебеко и гр. Романа Владиміровича Мусинъ-Пушкина, вольноопредѣляющихся Владиміра Константиновича Львова, гр. Сергѣя Димитріевича Шереметева и гр. Владиміра Владиміровича Мусинъ-Пушкина.

Тогда же на совѣщаніи старшихъ представителей полковъ 1-ой Гв. Кирасирской дивизіи были намѣчены послѣдовательные этапы, которые стали руководящими при дальнѣйшемъ формированіи.

На этомъ совѣщаніи было рѣшено развернуть команду въ 4-хъ взводный эскадронъ по числу полковъ входящихъ въ Кирасирскую дивизію. Каждый изъ этихъ взводовъ являлся кадромъ для предстоящаго его разворачиванія въ эскадронъ и въ своихъ внутреннихъ полковыхъ дѣлахъ былъ совершенно самостоятеленъ. Командиромъ этого будущаго полка оставался полк. Даниловъ. Что же касается другихъ полковыхъ командъ: связи, пулеметной и комендантской, то онѣ считались пока обще-полковыми.

Въ началѣ Декабря стало извѣстнымъ о предстоящей отправкѣ Сводно-Гвардейскаго пѣхотнаго полка въ Крымъ, въ составъ Крымско-Азовской Арміи ген. Боровскаго. 26-го Декабря на трехъ пароходахъ: "Черноморъ", "Стерлэй" и "Анатолій Молчановъ" полкъ покинулъ Новороссійскій рейдъ и 27-го прибылъ въ Ѳеодосію, гдѣ въ составъ Кавалергардскаго взвода были зачислены юнкера Николаевскаго кав. училища Иванъ Николаевичъ Чудово-Адамовичъ и Одесскаго пѣх. Карлъ Андреевичъ Шендель.

1-го Января 1919 г. эскадронъ конныхъ развѣдчиковъ отдѣлился отъ полка, погрузился въ эшелонъ и на слѣдующій день выгрузился

на ст. Рыково въ 70-ти верстахъ къ югу отъ Мелитополя и сталъ въ экономіи Стараго Люца.

Прибытіе эскадрона въ Мелитопольскій уѣздъ совпало съ усиленіемъ дѣятельности различныхъ шаекъ и бандъ: Махно, Григорьева, Зубкова, Щусь, Апанасенко, Колоса, Лѣвки Задова и прочихъ болѣе мелкихъ воровскихъ атамановъ.

Всѣ эти банды, прикрываясь различными политическими "лозунгами" и "платформами": анархистовъ, коммунистовъ, соціалъ-революціонеровъ, самостійниковъ, имѣли одно, связывающее ихъ во едино общее - грабежъ населенія. Нѣмцы колонисты, русскіе хуторяне, татары, богатыя села и мѣстечки жили подъ вѣчнымъ страхомъ воровского налета, насилія и грабежа.

Одновременно съ мобилизаціей и полученія лошадей по конской повинности эскадронъ долженъ былъ поддерживать порядокъ въ уѣздѣ и вести борьбу со всѣми этими бандами. И это при почти полной неподготовленности всего строевого состава, какъ людей, такъ и лошадей и отсутствія вооруженія, обмундированія и конскаго снаряженія.

Все приходилось добывать самимъ и съ огромными трудностями. Особенно остро стоялъ вопросъ сѣделъ и шашекъ. Что же касалось винтовокъ, то онѣ были самаго различнаго образца. Были русскія трехъ-линейныя и берданки, нѣмецкія, австрійскія, японскія, попадались старыя французскія системы Гра и даже итальянскія, захваченныя при разбитіи банды Зубкова. Все это разнообразіе сильно осложняло вопросъ питанія патронами.

Вопросъ вооруженія и пополненія арміи снарядами и патронами, въ началѣ гражданской войны, являлся самой трудной задачей для бѣлаго командованія не только на югѣ Россіи, но и вездѣ, гдѣ только велась борьба противъ большевиковъ.

Трудность заключалась въ томъ, что почти вся военная промышленность Россіи была сосредоточена въ трехъ главныхъ районахъ. Въ Петроградскомъ, въ Поволжскомъ и въ центральной Россіи.

Въ главномъ изъ нихъ, въ Петроградскомъ находились: Путиловскій, Обуховскій, Ижорскій и Петроградскій орудійные заводы, патронный и трубочный заводы и арсеналъ. Въ пригородахъ столицы въ Охтѣ было два завода: пороховой и взрывчатыхъ веществъ, въ Сестрорѣцкѣ оружейный заводъ.

Въ Поволжскомъ районѣ имѣлись оружейные заводы въ Ижевскѣ, Воткинскѣ и въ Симбирскѣ. Въ Перми - орудійный, въ Самарѣ - трубочный и взрывчатыхъ веществъ, въ Казани - пороховой.

Въ центральной Россіи въ Тулѣ было сосредоточено все производство пулеметовъ и большинства винтовокъ. Тамъ же имѣлся патронный заводъ. Въ Тамбовѣ былъ пороховой заводъ, въ Брянскѣ - арсеналъ.

Вся эта военная промышленность, при тогдашнемъ состояніи воздушной техники, была внѣ досягаемости Бѣлыхъ Армій и только Луганскій патронный заводъ на границѣ Войска Донского, Шостенскій пороховой заводъ въ 25 верстахъ къ сѣверу отъ Глухова, да Кіевскій арсеналъ были захвачены силами юга Россіи.

Кромѣ того въ рукахъ большевиковъ имѣлись всѣ запасы, оставшіеся отъ старой Императорской Арміи, что все вмѣсте взятое

давало имъ несоизмѣримое преимущество передъ всѣми Бѣлыми Арміями.

Послѣднія, въ особенности въ первое время борьбы, могли получать вооруженіе исключительно за счетъ противника, беря ихъ съ бою цѣной крови.

Несмотря на всѣ эти затрудненія дѣло формированія, благодаря умѣнію и усилію всѣхъ, успѣшно подвигалось впередъ. Когда же въ концѣ Декабря пріѣхали первые офицеры Л.-Гв. Коннаго п., эскадронъ конныхъ развѣдчиковъ скоро развернулся въ 4-хъ эскадронный полкъ.

Ко всѣмъ формированіямъ гражданской войны совершенно не примѣнимы масштабы регулярныхъ армій. Всѣ эти дивизіи, бригады, полки, роты, эскадроны и батареи по своему боевому составу ничего общаго со своими наименованіями не имѣли.

Такъ было и у Кавалергардовъ. Временами они имѣли три, иногда два, чаще всего одинъ эскадронъ, боевой составъ котораго рѣдко превышалъ 100-120 шашекъ, часто падая до трехъ-двухъ десятковъ. Все это зависило не столько отъ пополненія людьми, сколько отъ наличія конскаго состава.

Первоначально въ Сводномъ полку эскадронами командовали: № 1-мъ Кавалергардскимъ полк. Коссиковскій, № 2-мъ Конногвардейскимъ шт.-рот. князь Оболенскій, № 3-мъ Кирасиръ Его Величества шт.-рот. Викъ, № 4-мъ Кирасиръ Ея Величества шт.-рот. Рубецъ. Одновременно были сформированы обще-полковыя команды: пулеметная, нестроевая и комендантская - всѣ три подъ начальствомъ Кирасиръ Ея Величества шт.-рот. Гончаренко, Деконскаго и Спѣшнева.

Въ Январѣ Кавалергарды получили 70 лошадей завода Фальцъ-Фейна, прекрасныхъ статей, но совершенно невыѣзженныхъ, прямо изъ табуна, незнакомыхъ даже съ недоуздкомъ.

Кромѣ офицеровъ и незначительнаго числа Кавалергардовъ, всѣ остальные чины эскадрона въ лучшемъ случаѣ могли только сидѣть на лошади. Понятно, что на первыхъ порахъ "кооперація" этихъ двухъ "элементовъ" неумѣлаго всадника и невыѣзженной лошади была до нельзя слабая. Когда же съ эшелономъ бѣженцевъ прибылъ старый Кавалергардъ ст. унтеръ-офицеръ Гнѣвшинъ, назначенный вахмистромъ, то съ этого момента эскадронъ быстро принялъ внѣшній строевой видъ и внутреннюю крѣпкую спайку.

Первоначально рядовой составъ эскадрона состоялъ на половину изъ нѣмцевъ колонистовъ, вступившихъ въ ряды эскадрона сразу по прибытію полка на ст. Рыково. Другую половину составляли мобилизованные жители Мелитопольскаго уѣзда и добровольцы.

Если о колонистахъ и о мобилизованныхъ можно было имѣть всегда исчерпывающія данныя, то не всегда можно было быть увѣреннымъ въ правдивости тѣхъ свѣдѣній, которыя давали о себѣ добровольцы.

Три случая, въ самомъ началѣ формированія, подтвердили ту сугубую осторожность, которую надо было соблюдать въ отношеніи поступающаго пополненія.

Хорошо знающій строевую кавалерійскую службу, отличный ѣздокъ, штунтеръ-офицеръ Н-скаго полка Макъ, оказался комиссаромъ Мелитопольской Чека. Скоро послѣ перехода полка въ колонію Эйгенфельдъ, онъ началъ вести съ другимъ, тоже якобы, добровольцемъ изъ Одессы Гвоздевымъ совѣтскую пропаганду въ эскадронѣ. Оба были разстрѣляны въ Эйгенфельдѣ. Третій случай произошелъ съ Кавалергардомъ Гумбертомъ. Отправленный въ хозяйственную командировку въ уѣздъ вмѣстѣ съ другимъ Кавалергардомъ Руденко, онъ былъ имъ убитъ. Самъ Руденко перешелъ къ краснымъ.

Въ началѣ 1919 года Кавалергарды имѣли въ строю 80 всадниковъ и столько же пѣшихъ при хозяйственной части полка. Приблизительно такое же число имѣли и другіе эскадроны и для разросшагося Сводно-Кирасирскаго полка экономія Стараго Люца стала тѣсна.

22-го Января полкъ, официально еще команда конныхъ развѣдчиковъ, перешелъ въ нѣмецкую колонію Эйгенфельдъ, она же графъ Киселевская, красиво расположенную на берегу рѣки Большой Утлюкъ. Кавалергарды, вмѣстѣ съ Кирасирами Его Величества, заняли Эйгенфельдскую школу - большое двухэтажное зданіе. Тамъ же находилось и общее для всѣхъ эскадроновъ полковое офицерское собраніе, что не могло не имѣть огромнаго значенія для сближенія и спайки въ общую полковую семью всѣхъ офицеровъ четырехъ полковъ, столь разныхъ по своему внутреннему укладу и обычаямъ.

II-го февраля полку пришлось впервые выполнить боевую задачу. Въ этотъ день подъ командой кирасира Его Величества шт.-рот. князя Черкасскаго съ I5 кирасирами было отправлено II конногвардейцевъ съ шт.-рот. Таптыковымъ и I8 кирасиръ Ея Величества съ пор. Веселовскимъ и двумя пулеметами. Отряду было приказано развѣдать районъ деревень Ивановка, Верх. и Ниж. Сѣрагозы, въ которыхъ по агентурнымъ свѣдѣніямъ находилась одна изъ бандъ атамана Григорьева.

Сильнѣйшая пурга и 20-ти градусный морозъ продолжались во все время работы отряда. Присутствіе бандъ нигдѣ не было обнаружено. Въ с. Ивановка добровольно вернулись два дезертира № 2-го и № 4-го эскадроновъ. Въ домахъ же другихъ дезертировъ № 2-го и № 3-го эскадроновъ были реквизированы лошади, тачанки и овесъ.

I7 Февраля, спасаясь отъ бандитовъ, въ Эйгенфельдъ бѣжали милиціонеры с. Ивановка. Немедленно для ликвидаціи этой банды Зубкова былъ высланъ отрядъ подъ командой полк. Коссиковскаго - 30 Кавалергардовъ при шт.-рот. гр. А.Д. Толстомъ, столько же Конногвардейцевъ съ пор. кн. Козловскимъ и I0 Кирасиръ Его Величества съ шт.-рот. кн. Черкасскимъ съ двумя пулеметами.

Стоявшіе все это время 20-ти градусные морозы, смѣнились наканунѣ выступленія проливнымъ дождемъ, превратившемъ всѣ дороги и поля въ сплошное мѣсиво липкой, желтой грязи.

Пройдя при страшной распутицѣ за ночь больше 40 верстъ, отрядъ подошелъ I8 февраля къ с. Ивановка. Согласно полученнымъ свѣдѣніямъ, атаманъ Зубковъ и его "штабъ" занимали школу и сельское правленіе. Прочіе члены банды расположились въ сосѣднихъ домахъ. На колокольнѣ и у церковной ограды стояли часовые. Къ сожалѣнію свѣдѣнія эти оказались не совсѣмъ точными.

Когда шедшіе въ головѣ отряда Кавалергарды съ шт.-рот. гр.

Толстымъ и эстандартъ-юнкеромъ (пажемъ) Прамченко вошли въ село и подошли къ церкви, то они дѣйствительно были захвачены часовые въ указанныхъ мѣстахъ. Всего 6 человѣкъ.

Самъ же Зубковъ съ большей частью банды помѣщались на окрѣйнѣ села и успѣли бѣжать, пользуясь густымъ туманомъ, неожиданно заволокшимъ всю окрестность. Все же при тщательномъ осмотрѣ дворовъ, удалось уничтожить около 20 бандитовъ, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ. Это первое дѣло показало полную надежность и боеспособность всего Кавалергардскаго состава. 6-го Февраля отрядъ пройдя черезъ Акимовскіе хутора вернулся въ Эйгенфельдъ.

По агентурнымъ свѣдѣніямъ с. Рубановка, въ 75 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Эйгенфельда, служило главной базой различнымъ бандамъ Зубкова, откуда высылались карательные отряды, иногда очень большіе, для сбора съ мѣстнаго населенія денежныхъ, вещевыхъ и продовольственныхъ контрибуцій.

Сводно-Кирасирскому полку было приказано выслать въ это направленіе усиленную развѣдку для провѣрки полученныхъ свѣдѣній.

3-го Марта, дождавшись возвращенія съ развѣдки Кирасирскихъ эскадроновъ, полк. Даниловъ выслалъ отрядъ подъ командой полк. Коссиковскаго въ составѣ Кавалергардскаго эскадрона - 40 шашекъ при шт.-рот. Михаилѣ Владиміровичѣ Безобразовѣ и графѣ Андреѣ Димитріевичѣ Толстомъ, столько же отъ Конной-Гвардіи при шт.-рот. князѣ Оболенскомъ, Тучковѣ, кор. кн. Козловскомъ, прап. бар. Раушъ-фонъ-Трауенбергъ. Кромѣ двухъ Кавалергардскихъ пулеметовъ Луисъ, отряду были приданы еще два такихъ же пулемета Кирасиръ Его Величества съ шт.-рот. Максимовымъ.

Полк. Коссиковскому было приказано дойти до с. Благодатное, откуда выслать сѣть разъѣздовъ по фронту Шотовка - Агайманъ въ общемъ направленіи на с. Рубановка. По возвращеніи въ Эйгенфельдъ Кирасиръ, отрядъ выступилъ уже съ темнотой и, пройдя всего лишь 10 верстъ, заночевалъ въ кол. Александерфельдъ.

На слѣдующій день, нигдѣ не обнаруживъ красныхъ, отрядъ остановился на ночлегъ въ Свинолупскихъ хуторахъ.

Было далеко за полдень, когда 6-го Марта отрядъ подходилъ къ с. Благодатное. Во всѣхъ пройденныхъ хуторахъ бандиты не были обнаружены и только подъ самымъ Благодатное были замѣчены, верстахъ въ 3-4 къ сѣверу, какіе-то всадники, идущіе параллельно отряду.

Полк. Коссиковскій рѣшилъ остановить отрядъ въ Благодатное и выслать развѣдку на разсвѣтѣ слѣдующаго дня. На колокольню и на всѣхъ въѣздахъ въ село были поставлены часовые. Кромѣ дежурнаго взвода Кавалергардовъ шт.-рот. Безобразова отрядъ завелъ лошадей во дворы, разсѣдлалъ и распрягъ пулеметныя тачанки.

Приблизительно черезъ часъ часовой съ колокольни далъ знать, что верстахъ въ трехъ, со стороны хут. Бѣлый Ключъ показалась густая цѣпь, идущая въ направленіи на Благодатное. На ея флангахъ маячили небольшія конныя группы, а за нею въ пыли виднѣлось нѣсколько запряжекъ.

Отрядъ былъ поднятъ по тревогѣ и, пока запрягали пулеметныя тачанки и сѣдлали лошадей, полк. Коссиковскій выслалъ на сѣверную окрайну села дежурный взводъ шт.-рот. Безобразова съ двумя пулеметами Люиса.

Красные наступали тремя волнами, захватывая фронтъ протяженіемъ болѣе версты. То что показалось часовому повозками оказалось орудіемъ, открывшимъ по селу рѣдкій и совершенно безвредный огонь. Встрѣченные ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ дежурнаго взвода, передовая цѣпь красныхъ замялась, пріостановилась и стала отходить на свою вторую цѣпь.

Замѣтивъ остановку въ наступленіи красныхъ, полк. Коссиковскій, оставивъ два кирасирскихъ пулемета вести огонь, посадилъ взводъ шт.-рот. Безобразова и отправилъ его съ двумя кавалергардскими пулеметами въ охватъ праваго фланга красныхъ. Обстрѣленныя пулеметами съ фронта и фланга, всѣ цѣпи начали быстро отходить.

Когда же изъ села вытянулись лавы взвода шт.-рот. графа Толстого и Конной Гвардіи, отходъ красныхъ превратился въ бѣгство. Преслѣдуя красныхъ, лавы врубились въ цѣпи и доскакали до высоты хутора Бѣлый Ключъ.

Въ самомъ хуторѣ засѣла часть красныхъ, открывшихъ изъ-за плетней и заборовъ, окружавшихъ хуторъ, огонь почти въ упоръ по Конной Гвардіи.

Бандиты понесли большія потери и, только наступающая темнота прекратила бой. Было подобрано много винтовокъ и полушубковъ, брошенныхъ красными для облегченія бѣгства. Но достигнутый успѣхъ былъ купленъ несоразмѣрно дорогой цѣной.

Конногвардейцы потеряли 4-хъ офицеровъ: командира эскадрона кн. Оболенскаго, Тучкова, кн. Козловскаго и бар. Раушъ-фонъ-Трауенбергъ. Раненымъ Таптыкова. Кавалергарды, кромѣ двухъ раненыхъ: эст.-юнкера гр. Вл. Мусинъ-Пушкина и унтеръ-офицера Шпонько, потеряли убитыми: ефрейтора Понамаренко, Кавалергарда Трубка и, только что за нѣсколько дней поступившаго въ эскадронъ, 18-ти лѣтняго добровольца лицеиста Илью Бибикова.

Унт.-офицеръ Шпонько, по выздоровленію вернулся въ строй, но при отходѣ изъ Сѣверной Тавріи въ Крымъ перебѣжалъ къ краснымъ и, впослѣдствіи, занималъ командную должность въ конномъ корпусѣ Жлобы.

Понесенныя потери помѣшали полк. Коссиковскому выполнить возложенную на отрядъ задачу. 8-го Марта отрядъ вернулся въ Эйгенфельдъ.

Въ серединѣ февраля, въ развѣдку Крымско-Азовской Арміи начали поступать свѣдѣнія о предстоящемъ въ ближайшемъ будущемъ наступленіи Красной Арміи на Крымъ. Къ концу мѣсяца сталъ уже обозначаться все усиливающійся нажимъ красныхъ въ районѣ Мелитополя.

Къ этому времени боевой составъ Крымско-Азовской Арміи былъ очень незначителенъ и части, входившія въ Армію, за рѣдкимъ исключеніемъ, были еще въ періодѣ формированія. Въ виду неизбѣжности отхода Мелитопольскаго отряда, было приказано отправить всѣ обозы заблаговременно въ Крымъ.

Обозъ и хозяйственная часть Сводно-Кирасирскаго полка была отправлена, частью по желѣзной дорогѣ на станцію Джанкой, частью походомъ на колонію Дюрменъ. Эта часть шла подъ прикрытіемъ Кавалергардовъ.

I2-го Марта полкомъ было получено приказаніе: "Въ виду создавшейся на фронтѣ обстановки, прикрыть ж.-д. магистраль Мелитополь-Джанкой и обезпечить отходъ Мелитопольскаго отряда на Чонгарскій полуостровъ".

Всѣ четыре эскадрона получили самостоятельные участки. Кавалергарды перешли въ кол. Дармштадтъ для наблюденія полосы отъ сѣверной оконечности озера Молочное до с. Чехарадъ. Конногвардейцы, прикрывая погрузку хозяйственной части и полковыхъ грузовъ на ст. Акимовка, вели наблюденіе полосы Чехарадъ-Ефремовка. Кирасирскіе эскадроны наблюдали жел. дор. отъ ст. Великій Утлюкъ до ст. Рыково.

I4-го Марта Кавалергарды были отозваны къ ст. Акимовка для сопровожденія отходящаго въ Крымъ колеснаго обоза. Съ нимъ они дошли I7-го Марта до кол. Дюрменъ въ полуверстѣ отъ станціи Мамутъ.

Странное зрѣлище представлялъ собою обозъ полка, напоминающій скорѣе бродячій циркъ или переселеніе народовъ, чѣмъ движеніе воинской части. Тачанки, повозки всѣхъ видовъ, преимущественно добротныя, пароконныя фуры нѣмцевъ-колонистовъ, татарскія арбы, запряженныя волами и верблюдами, отара все увеличивающаяся въ пути приплодомъ ягнятъ, подводы, перегруженныя всякимъ скарбомъ съ бѣженцами, покидавшими передъ красными насиженныя мѣста съ домашней птицей и скотомъ.

I9-го Кавалергарды присоединились къ полку и заняли 20-го на правомъ флангѣ полка с. Ново-Григорьевка. За пять дней, что Кавалергарды были въ отдѣлѣ, красные значительно продвинулись и къ 2I-му оттѣснили полкъ на линію с. Ново-Григорьевка - хут. Рыково - Ново-Алексѣевка.

22-го красная пѣхота выбила Кавалергардовъ изъ Ново-Григорьевки и принудила ихъ отойти на д. Стокопань. Эскадронъ потерялъ смертельно раненаго въ животъ I6-ти лѣтняго пулеметчика Байкова. Байковъ былъ семинаристомъ, сынъ сельскаго священника, замученнаго красными съ женой и двумя дочерьми.

Всѣ усилія Сводно-Кирасирскаго полка выбить красныхъ изъ занятой ими 2I-го с. Ново-Дмитріевка успѣха не имѣли и полкъ отошелъ 23-го за проволочное загражденіе на Сальковскомъ перешейкѣ.

Почти на плечахъ, отходившаго за Сводно-Кирасирами, эскадрона 2-го Офицерскаго коннаго полка, появились густыя цѣпи красныхъ, пытавшихся, но безуспѣшно, захватить съ налета наши окопы, обороняемые ротой Преображенцевъ и всѣми эскадронами Сводно-Кирасирскаго полка.

Всѣ атаки красныхъ были отбиты съ большими для нихъ потерями. Поздно ночью полкъ отошелъ на ночлегъ въ д. Джанъ Булукъ - Васильевка тожъ.

Простоявъ весь день 24-го въ резервѣ за пѣхотой, полкъ ушелъ черезъ Чонгарскій мостъ на ночлегъ въ Тюбъ-Джанкой.

25-го полкъ былъ оттянутъ въ кол. Дюрменъ, куда подошло изъ запасной части пополненіе, а больные люди и лошади были отправлены въ обозъ. Среди отправленныхъ лошадей много было больныхъ чесоткой. Несмотря на крайне ограниченныя средства эскадронный ветеринарный фельдшеръ Скирда своей энергіей и прямо "братской" любовью къ лошади добился скораго и полнаго излеченія всѣхъ лошадей.

26-го полкъ стоялъ въ резервѣ въ хут. Чирикъ, Кавалергарды въ Б. Магазинка, откуда перешли на слѣдующій день въ сторожевое охраненіе на Чучакскомъ полуостровѣ.

Полкъ перешелъ въ д. Пасюрманъ, откуда эскадроны по очереди занимали сторожевое охраненіе. Въ хут. Чирикъ въ распоряженіе начальника пѣх. див. полк. Слащева былъ оставленъ эскадронъ Кирасиръ Ея Величества.

4-го Апрѣля красные прорвали нашу оборону у Армянскій Базаръ и начали свое продвиженіе вглубь Крымскаго полуострова.

Гвардейскій Кавалерійскій дивизіонъ - по эскадрону Конногренадеръ, Лейбъ-Драгунъ и Уланъ Его Величества - и гв. конная батарея были подчинены полк. Данилову, которому было приказано прикрыть жел.-дорогу Таганашъ-Джанкой и ея вѣтку на Керчь. Главная линія сторожевого охраненія была оттянута на высоту деревень Курчи Гирей - Киръ Уйшунъ - Кокчегезъ - Кипчакъ Алгазы. Послѣднія двѣ деревни занимали Кавалергарды.

Въ ночь на 7-ое красные сбили Кавалергардскую заставу въ д. Кокчегезъ и принудили все охраненіе эскадрона отойти на хуторъ Баракъ. Вслѣдствіе этого 8-го все охраненіе было оттянуто на линію д.д. Бьюкъ Сунакъ - Той Тобе.

Между тѣмъ пѣхота, занимавшая ст. Таганашъ, отошла не оповѣстивъ полк. Данилова. Въ образовавшійся прорывъ просочилась конница красныхъ и заняла узловую станцію Джанкой въ 12-ти верстахъ въ тылу штаба отряда, стоявшаго въ хуторѣ Богемка.

Въ виду создавшейся угрозы быть отрѣзаннымъ отъ своихъ главныхъ силъ полк. Даниловъ отозвалъ всю свою развѣдку и охраненіе къ х. Богемка и отвелъ весь отрядъ, въ наступившей темнотѣ, на деревню Бій Су. Ночью отрядъ пересѣкъ жел.-дорогу у станціи Карангутъ и утромъ 9-го пришелъ въ д. Бекъ Казы, гдѣ измотаннымъ лошадямъ былъ данъ отдыхъ.

11-го наша пѣхота занимала деревни Башъ Киргизъ - Берекетъ. За исключеніемъ Кавалергардовъ, полкъ сталъ на правомъ флангѣ пѣхоты, неся охраненіе и развѣдку на побережіи Сиваша въ направленіи на ст. Колай. Кавалергарды на лѣвомъ флангѣ пѣхоты, у д. Мешенъ, держали связь съ частями Арміи, дѣйствующими южнѣе на р. Салгиръ у Нов. Чамбай.

13-го пѣхота продолжала свой отходъ за рѣку Салгиръ. Полкъ велъ наблюденіе и охрану переправъ черезъ р. Бьюкъ Кара Су у кол. Брудерфельдъ, д. Джала Шибашъ: Кавалергарды у кол. Дорте.

Прикрывая медленный, но безостановочный отходъ пѣхоты, полкъ велъ арьергардные бои 14-го и 15-го у ст. Грамматиково, подъ кол. Окречь и на рѣкахъ Булганакъ и Индолъ. Тоже самое продолжалось 16-го и 17-го у ст.Исламъ Терекъ при отходѣ пѣхоты за ручей Кіетъ. Среди высланныхъ въ эти дни разъѣздовъ цѣликомъ погибъ разъѣздъ Кирасиръ Ея Величества шт.-рот. Похвиснева у кол.Нейхофнунгъ (Кіянлы).

18-го полкъ перешелъ въ районъ д. Владиславовка, откуда велъ наблюденіе въ сторону гор. Старый Крымъ.

20-го полкъ отошелъ на д. Тулумчакъ. Рано утромъ 22-го красные на всемъ протяженіи перешли въ общее наступленіе. Сводно-Кирасирскій полкъ на своемъ участкѣ, прикрывая вялую оборону пѣхоты и ея безостановочный отходъ, медленно отходилъ, цѣпляясь за всѣ рубежи, на укрѣпленную позицію у Акъ-Моная и сталъ на ночлегъ въ кол. Кіятъ

Отходъ Крымско-Азовской Арміи на Акмонайскія позиціи поставилъ полку новую задачу. А именно вопросъ дальнѣйшаго пополненія и организаціи запасной части, гдѣ должно было вестись обученіе людей и выѣздка лошадей.

Когда полкъ находился въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, пополненіе производилось, главнымъ образомъ, за счетъ нѣмцевъ-колонистовъ, хуторянъ-собственниковъ и мобилизаціей.

Край былъ богатъ лошадьми хорошихъ статей. Колонисты и хуторяне охотно сами приводили лошадей и вопросъ пополненія конскимъ составомъ не представлялъ большого затрудненія.

Пока полку приходилось имѣть дѣло, почти исключительно, съ бандами мѣстныхъ атамановъ, вопросъ строевой подготовки разрѣшался самъ собой, главнымъ образомъ практикой. Другое дѣло было, когда пришлось столкнуться съ Красной Арміей. Поэтому устройство запасной части стало совершенно необходимымъ и уже немедленно при переходѣ обоза и хозяйственной части въ кол. Дюрменъ, было приступлено къ ея формированію. Запасная часть, названная сначало "депо эскадроновъ", была сформирована на тѣхъ же основаніяхъ, что и полкъ.

Запасный эскадронъ, первымъ командиромъ котораго былъ Кавалергардъ шт.-рот. Михаилъ Владиміровичъ Безобразовъ, былъ раздѣленъ на четыре взвода, являвшимися запасными частями соотвѣтствующихъ эскадроновъ.

Запасный эскадронъ передвигался вмѣстѣ съ хозяйственной частью, одновременно служа ея прикрытіемъ.

При отходѣ Арміи на Акъ Монайскія позиціи, запасная и хозяйственная части отошли на полустанокъ Салынь. Впослѣдствіи, когда появилась угроза оставленія всего Крыма, онѣ перешли на Кубань въ станицу Старо-Титоровская, гдѣ оставались до окончательнаго очищенія Крыма отъ большевиковъ.

Большинство чиновъ рядового званія Сводно-Кирасирскаго полка въ конницѣ никогда не служили. Поэтому въ ближайшемъ тылу былъ устроенъ манежъ съ препятствіями и станками для рубки и уколовъ пиками. Тамъ, одновременно съ несеніемъ службы въ окопахъ, велось усиленное обученіе ѣздѣ и владѣнію холоднымъ оружіемъ. На полковомъ стрѣльбищѣ велась учебная стрѣльба изъ винтовокъ и пулеметовъ.

Усиленныя занятія скоро превратили полкъ въ отличную боевую часть, спаянную не только одной внѣшней дисциплиной, но и боевымъ товариществомъ и тѣсной дружбой всѣхъ его чиновъ. Такимъ полкъ неизмѣнно оставался за все время своего существованія.

ХРОНИКА

Послѣ выхода предыдущаго номера Вѣстника Кавалергардской Семьи

28 Декабря 1961 г. въ Ниццѣ скончалась дочь командира полка генералъ-адъютанта В.М. Безобразова - Евдокія Владиміровна Безобразова. Похоронена тамъ же.

12 Января 1962 г. послѣ тяжелой болѣзни въ военномъ госпиталѣ имени Королевы Александры въ Лондонѣ скончалась дочь Предсѣдателя Кавалергардской Семьи Елена Димитріевна Звегинцова. Похоронена на кладбищѣ Heathfield, Sussex.

30 Января послѣ тяжелой, продолжительной болѣзни въ Парижѣ скончался князь Александръ Львовичъ Урусовъ. Офицеръ полка производства 1901 г. Похороненъ на Русскомъ кладбищѣ Sainte-Geneviève des Bois.

17 Апрѣля въ Буэносъ-Айресѣ скоропостижно скончалась княгиня Анналена Волконская, рожд. маркиза Triageli. Похоронена тамъ же.

11 Мая въ Ниццѣ скончалась Анна Николаевна Львова, рожд. свѣтлѣйшая княжна Салтыкова. Похоронена тамъ же.

23 Мая въ Парижѣ послѣ долгой и очень тяжелой болѣзни скончался графъ Александръ Васильевичъ Гендриковъ. Офицеръ полка производства 1905 г. Похороненъ на Русскомъ кладбищѣ Ste-Geneviève des Bois.

1 Іюля въ городѣ Блуа послѣ тяжелой болѣзни скончался Димитрій Ѳедоровичъ Дубасовъ. Офицеръ полка производства 1914 г. Похороненъ тамъ же.

9 Іюля въ Лозаннѣ скончалась свѣтлѣйшая княгиня Дарья Михайловна Горчакова, рожд. Бибикова. Похоронена на кладбищѣ въ Vevey.

28 Іюля въ церкви Св. Лаврентія въ Bourton-on-the Hill, (Gloucestershire), - состоялась свадьба Маріи Ѳедоровны Татищевой и Edward Barry Nugent-Head.

с 4 Августа по 6-ое Д.Д. Давыдовъ сопровождалъ бывшаго президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ ген. Эйзенхауера во время посѣщенія имъ Парижа и его окрестностей, въ качествѣ "гида" отъ Американъ-Экспрессъ, въ которомъ онъ служилъ. Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Франціи ген. Эйзенхауеръ послалъ Д.Д. Давыдову слѣдующее письмо:

"Dear Mr Davydoff,

" Before leaving your beautiful country I want to express to you my deep gratitude and thanks for your many courtesies extended to me and to the members of my party during our stay here. Particularly do I want to mention the interesting history and anecdotes which you related on our Loire trip:

" Our whole visit has been a truly wonderful experience and your assistance has added much to it.

" Sincerely

Dwight D. Eisenhower".

"Paris, 9 August 1962."

I9 Августа минуло 50 лѣтъ со дня производства въ корнеты Олега Ѳедоровича Дубасова и Василія Васильевича Кочубея. Обоимъ юбилярамъ отъ Кавалергардской Семьи были посланы поздравленія.

Дорогой Олегъ Ѳедоровичъ,

50 лѣтъ тому назадъ по окончаніи Императорскаго Александровскаго Лицея Ты былъ Высочайшимъ Приказомъ произведенъ изъ вольноопредѣляющихся нашего полка въ корнеты съ зачисленіемъ въ эскадронъ Ея Величества.

Съ самаго начала Твоей службы въ полку Ты выдѣлился какъ исключительно хорошій ѣздокъ. Во время послѣдняго Красносельскаго лагернаго сбора въ I9I4 году, передъ самымъ началомъ Первой Великой Войны, Ты, совмѣстно съ двумя другими офицерами полка, принялъ участіе въ розыгрышѣ Великокняжескаго кубка. Всѣ вы трое: штабсъ-ротмистръ Коссиковскій - скачка, корнетъ Бибиковъ - пробѣгъ, Ты - Concours Hippique - каждый въ своемъ заѣздѣ выиграли всѣ первые призы, составлявшіе кубокъ, вслѣдствіи чего самъ кубокъ сталъ достояніемъ полка.

При объявленіи войны Ты выступилъ на фронтъ съ полкомъ и принялъ участіе въ рядахъ своего эскадрона почти во всѣхъ боевыхъ періодахъ войны.

Въ эмиграціи, знаніе лошади, коннаго спорта и приложенныя Тобою личныя, неутомимыя усилія помогли Тебѣ создать широко извѣстное положеніе въ скаковыхъ и спортивныхъ кругахъ.

Постоянная Твоя забота о Кавалергардской Семьѣ помогла и помогаетъ ей оказывать посильную помощь многимъ нуждающимся сочленамъ.

Привѣтствуя Тебя, дорогой Олегъ Ѳедоровичъ, Кавалергардская Семья шлетъ Тебѣ свои лучшія и сердечныя пожеланія здоровья и полнаго благополучія.

Дорогой Василій Васильевичъ,

Полвѣка тому назадъ, по окончаніи въ Вѣнѣ Терезіанума и по сдачѣ при третьемъ реальномъ училищѣ въ С.-Петербургѣ выпускного экзамена, Ты былъ Высочайшимъ Приказомъ произведенъ изъ вольноопредѣляющихся нашего полка въ корнеты съ зачисленіемъ въ № 3-ій эскадронъ.

Съ нимъ Ты выступилъ на войну I9I4 года и пробылъ въ его рядахъ до откомандированія Твоего въ Академію Генеральнаго Штаба, которую Ты окончилъ въ Январѣ I9I7 года.

Внеочередной орденъ Святого Владиміра 4-ой степени съ мечами и бантомъ былъ Тебѣ наградой за дѣло I0-го Марта I9I5 года подъ деревней Вышнеловкой.

Назначенный по окончаніи Академіи старшимъ адъютантомъ штаба XXXIУ Армейскаго Корпуса, переименованный впослѣдствіи въ I-й Украинскій Корпусъ, Ты пережилъ въ немъ всю трагедію гибели Арміи.

Статьи по разнымъ военнымъ вопросамъ, помѣщаемыя Тобою въ Русской зарубежной и иностранной военной печати, создали Тебѣ извѣстное положеніе.

Привѣтствуя Тебя въ этотъ день, Кавалергардская Семья шлетъ Тебѣ, дорогой Василій Васильевичъ, свои сердечныя поздравленія и пожеланія здоровья на многія лѣта.

Поздравленія были вложены въ особыя обложки, причемъ для О.Ѳ. Дубасова была сдѣлана особая обложка съ видомъ Петербурга художественно исполненная въ Нью-Іоркѣ С.А. Безобразовымъ.

5 Сентября по 7-ое въ Burghley Park (Lincs) состоялись различныя Между-Европейскія состязанія по разнымъ отраслямъ коннаго спорта, групповыя и единоличныя, въ которыхъ приняла участіе, среди ѣздоковъ другихъ странъ, и совѣтская команда.

Событіе это само по себѣ не имѣло бы никакого отношенія ни къ Кавалергардской Семьѣ, ни къ издаваемому ею Вѣстнику, если бы треннеромъ-учителемъ этой команды не былъ бы бывшій наѣздникъ Кавалергардскаго полка, а нынѣ полковникъ Совѣтской Арміи Бавкунъ.

Та школа, система напрыгиванія лошадей, веденіе ихъ на препятствія и выѣздка вообще, которыя имъ были крѣпко усвоены во время службы въ полку, онъ настолько хорошо передалъ своимъ ученикамъ, что совѣтская команда, 4 всадника - пришла первой, опередивъ Ирландію на 95,5 очковъ, Великобританію на I62,4 и Францію на I96,8 пунктовъ. Въ единоличныхъ состязаніяхъ ученики Бавкуна заняли 2-ое, 5-ое, 7-ое и I5-ое мѣсто. На тѣхъ же состязаніяхъ третьей пришла ученица Павла Павловича Родзянко.

ПЕРЕМѢНА АДРЕСОВЪ

БИБИКОВЪ Георгій Валерьяновичъ, FRIA B.P. 334, Conakry Guinée,

ЛЕВШИНЪ Димитрій Димитріевичъ. Временный сбужебный адресъ: Glaces St-Gobain, FRANIERS pr. Namur. Belgique

РАУХЪ Георгій Георгіевичъ, 24-bis rue de Sèvres, SURESNES (Seine). France.

ШЕВЕКО Ѳедоръ Вадимовичъ, 40-bis Avenue Casterment, CHELLES (S. et M.), France. Tél.: 711 Chelles.

Вестникъ

Кавалерградской Семьи

1963

ПРАЗДНИКЪ КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ

Европейскій отдѣлъ Кавалергардской Семьи праздновалъ день Св. Св. Захарія и Елисаветы въ среду 5/I8 Сентября въ Парижѣ. Послѣ молебна въ Александро-Невскомъ Соборѣ, на которомъ присутствовали всѣ свободные отъ службы члены Семьи и большое количество ихъ родственниковъ и друзей, собрались на ужинъ въ ресторанѣ Валентенъ, подъ предсѣдательствомъ секретаря отдѣла В.Н.Звегинцова I8 членовъ Семьи: С.А. Безобразовъ, который послѣ 28-лѣтняго отсутствія снова могъ быть въ этотъ день въ Парижѣ, бар. А. П. Бильдерлингъ, кн. Г.Г. Гагаринъ, бар. Г.Г. Гротгусъ, Д.Д. Давыдовъ, бар. Г.А. Остенъ-Дризенъ, В.В. и М. В. Звегинцовы, гр. Г.Д. Менгденъ, гр. В.В. Мусинъ-Пушкинъ, кн. Н.Н. Оболенскій, Г. Г. Раухъ, кн. И.В. Репнинъ, А.Н. и Ф.Н. Татищевы, И.Н. Чудово-Адамовичъ и гр. Д.А. и П.П. Шереметевы.

Американскій отдѣлъ праздновалъ этотъ день въ Нью-Іоркѣ I5 Сентября. Послѣ молебна, отслуженнаго о. Георгіемъ Граббе и о. Александромъ Пашковымъ, въ гостиницѣ Дрэйкъ состоялся завтракъ, на которомъ, подъ предсѣдательствомъ секретаря отдѣла П.П. Баранова, собралось 9 членовъ Семьи: кн. Т.К. Багратіонъ-Мухранскій, кн. В.А. Волконскій, о. Георгій Граббе, о. Александръ Пашковъ, гр. А.Н. Мусинъ-Пушкинъ, А.В. и Б.А. Чичерины и гр. В.Д. Шереметевъ, и двое приглашенныхъ Конногвардейца: С. Таптыковъ и кн. В. Оболенскій-Нелединскій-Мелецкій.

†

П а м я т и у ш е д ш и х ъ

ВЛАДИМІРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БРЯНЧАНИНОВЪ
I5.9.I875 † II.8.I963

II-го Августа въ Домѣ Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ въ Монморанси тихо скончался на 88 году старѣйшій Кавалергардъ Владиміръ Николаевичъ Брянчаниновъ. Сынъ Кавалергарда, Рязанскаго губернатора, шталмейстера Николая Семеновича Брянчанинова и Наталіи Владиміровны, рожд. Алексѣева, родился I5 Сентября I875 года.

По окончаніи въ I895 г. Николаевскаго кавалерійскаго училища, произведенъ въ корнеты Казанскаго драгунскаго полка съ прикомандированіемъ къ Кавалергардамъ. Въ I902 г., по окончаніи Восточныхъ курсовъ, перешелъ на гражданскую службу чиновникомъ Финляндской Е.И.В. канцеляріи и пожалованъ камеръ-юнкеромъ.

Въ I903 г. назначенъ Виленскимъ уѣзднымъ начальникомъ, затѣмъ членомъ Виленскаго губернскаго правленія.

Незадолго до первой Міровой войны I9I4 г., въ чинѣ статскаго совѣтника, занималъ должность Архангельскаго вице-губернатора, потомъ Радомскаго губернатора. Въ гражданскую войну на югѣ Россіи занималъ должность Ставропольскаго губернатора.

Всѣ знавшіе Владиміра Николаевича не могли не оцѣнить его исключительныя душевныя качества. Строгій и требовательный къ самому себѣ, доброжелательный къ другимъ, онъ былъ безконечно преданъ Кавалергардской Семьѣ, съ которой дѣлилъ всѣ ея радости и горе.

ГРАФЪ АНДРЕЙ ДИМИТРІЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ
1893 † 22.5.1963

Сынъ директора Императорскаго Эрмитажа, церемоніймейстера, дѣйствительнаго статскаго совѣтника графа Димитрія Ивановича Толстого и гр. Елены Михайловны, рожд. Черткова, первоначальное образованіе получилъ въ Швейцаріи. По его окончаніи держалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости при С.-Петербургскомъ Учебномъ Округѣ и поступилъ затѣмъ на Естественный факультетъ С.-Петербургскаго Университета.

Послѣ объявленія войны 1914 года, графъ Толстой поступилъ вольноопредѣляющимся въ № 4-ый эскадронъ Кавалергардскаго полка, въ рядахъ котораго провелъ всю кампанію. За боевыя отличія былъ произведенъ въ ефрейторы, унтеръ-офицеры и награжденъ Георгіевскими крестами 3-ей и 4-ой степени.

По сдачѣ офицерскаго экзамена былъ произведенъ въ прапорщики, затѣмъ въ корнеты и поручики и награжденъ за боевыя отличія орденомъ Св. Станислава 3-ей степени съ мечами и бантомъ и Св. Анны 4-ой степени съ надписью "за храбрость". Въ гражданскую войну, однимъ изъ первыхъ трехъ офицеровъ полка поступилъ въ 1918 г. въ формирующійся эскадронъ Кавалергардовъ въ Сводно-Кирасирскомъ полку Добровольческой Арміи, въ рядахъ котораго былъ произведенъ въ Штабсъ-ротмистры.

Послѣ раненія командира эскадрона въ атакѣ у с. Средники 4/17 Августа 1919 г. вступилъ въ командованіе эскадрономъ, которымъ командовалъ вплоть до взятія Бахмача и Нѣжина.

Смерть графа Толстого больно отразится на Кавалергардской Семьѣ, однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ ея членовъ, которымъ онъ былъ съ самого ея начала.

АНАСТАСІЯ МИХАЙЛОВНА ЗВЕГИНЦОВА

Изъ личныхъ воспоминаній

Какъ то въ старости все чаще приходятъ на умъ воспоминанія прошлаго и уносишься душой къ дорогому ушедшему времени, благодарно вспоминая тѣхъ свѣтлыхъ людей, объ которыхъ поневолѣ думаешь словами поэта:

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ сопутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ !
Но съ благодарностью: были.

Одну изъ такихъ свѣтлыхъ душъ и хочется мнѣ теперь вспомнить, - это Анастасія Михайловна Звегинцова, рожд. Раевская.

Я былъ очень близокъ къ семьѣ Раевскихъ, въ особенности съ двумя младшими дочерьми Анастасіей и Ириной. А когда старшая изъ нихъ вышла замужъ за моего однополчанина и друга В.Н. Звегинцова, близость перешла въ крѣпкую дружбу.

Въ 1914 г. началась война и моя тетя гр. М.И. Мусинъ-Пушкина организовала свой передовой отрядъ краснаго креста при нашей дивизіи, очень скоро ставшій легендарнымъ и прозванный

нами 41-ый Ямбургскій. Мой сослуживецъ С.С. Бутурлинъ описалъ его удивительно тепло въ своей статьѣ, помѣщенной въ одномъ изъ выпусковъ нашего Вѣстника, и описалъ правдиво. Вотъ нѣсколько выдержекъ.

" Наши великосвѣтскія амазонки, опасаясь, чтобы кто-нибудь изъ нашихъ раненыхъ въ передовыхъ разъѣздахъ, постахъ и заставахъ не остались бы безъ немедленной медицинской помощи, неудержимо стремились впередъ, не обращая вниманія на выстрѣлы...

" Занимая передъ боемъ помѣщеніе, въ брошенной жителями деревнѣ, онѣ прежде всего тщательно мыли и скребли полы, дезинфицировали домъ, раскладывали койки, дѣлая эту тяжелую, черную работу сами, ибо дѣлать ее было некому. ... Всѣ онѣ, воспитанныя въ величайшей роскоши, работали легко, весело, ни на что не жалуясь, съ улыбкой, какъ будто онѣ всю жизнь только этимъ и занимались...".

Вотъ одной изъ нихъ и была А.М. Звегинцова, такъ недавно и рано насъ покинувшая послѣ долгой болѣзни, такъ же просто и безропотно, какой она была на фронтѣ.

А чтобы дать понятіе въ какой дѣйствительно боевой обстановкѣ работалъ отрядъ - вотъ выписки изъ дневника самой А.М. Звегинцовой за 1915 годъ.

" ... подошли къ Сугинтамъ. Александрійскіе гусары выслали лаву, такъ какъ по словамъ мѣстныхъ жителей здѣсь недавно были нѣмцы. Не успѣли Александрійцы скрыться за пригоркомъ, какъ затрещали нѣмецкіе пулеметы, и мы увидѣли, какъ лава отходитъ галопомъ. Намъ привезли нѣсколько раненыхъ, которыхъ мы тутъ же и перевязали. Остальные полки спѣшились и пошли въ цѣпь. Ружейный огонь все усиливался, артиллерійскій тоже. Шрапнели рвались надъ самымъ мѣстечкомъ и недалеко отъ костела, гдѣ стояла наша летучка.

Прискакалъ нашъ дивизіонный врачъ докторъ Мундтъ и передалъ приказаніе начальника дивизіи открыть перевязочный пунктъ въ сосѣдней деревнѣ. "А названіе ея я не помню. Начинается на букву Л. и на картѣ не обозначена". Въ этотъ моментъ надъ самымъ костеломъ, гдѣ мы стояли и рядомъ съ нами разорвалось нѣсколько шрапнелей.

Вблизи виднѣлась какая-то деревня. Мы рѣшили, что это вѣроятно та, про которую намъ говорилъ нашъ дивизіонный врачъ, и тронулись туда съ нашими моторами. Но не успѣли мы отъѣхать и сотни шаговъ, какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ только что стояли наши автомобили, разорвалась шрапнельная очередь...".

Это только небольшой эпизодъ изъ жизни той, которая всѣ свои силы безстрашно отдала на служеніе Родинѣ въ кровавые годы тяжелыхъ испытаній.

Вѣрю, что она теперь упокоилась въ Небесныхъ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ больше ни болѣзней, ни страданій, ни воздыханій, но жизнь безконечная.

о. Георгій Шереметевъ.

КАВАЛЕРГАРДІЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

В.Н. Звенигцовъ

Кровавыя событія, разыгравшіяся I4-го Декабря I825 г. на Сенатской площади въ С.-Петербургѣ и немного позднѣе 30 Дек.- 3 Января во 2-ой Арміи, назрѣвали давно. Пребываніе войскъ заграницей, знакомство съ иной культурой, съ совершенно иными видами государственнаго правленія и общественнаго быта, столь разными съ тѣми, что были на Родинѣ, общее неудовольствіе и неудовлетворенность настоящимъ, смутное желаніе и стремленіе къ лучшему будущему, введеніе военныхъ поселеній и строгой военной дисциплины, вѣрнѣе плацъ парадной муштры, были отчасти тѣми причинами, которыя побудили часть офицерской среды примкнуть къ нарождавшемуся движенію и принять участіе въ организаціи тайныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлью улучшеніе народнаго быта и измѣненіе образа Государственнаго Правленія. Къ этому стремленію улучшенія народнаго быта много способствовала своеобразная, измѣнчивая соціальная идеологія Императора Александра I, охарактеризованная имъ самимъ въ разговорѣ съ командиромъ Гвардейскаго корпуса ген. Васильчиковымъ.

Въ началѣ I82I года, вскорѣ послѣ "Семеновской исторіи" и назадолго до отправки Гвардіи "провѣтриться въ Литву", библіотекарь Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Грибовскій - самъ членъ главной управы тайнаго общества Союза Благоденствія - донесъ ген. Васильчикову о той "болтовнѣ" и "чаяніяхъ въ измѣненіи въ соціальномъ порядкѣ Имперіи", что имѣли мѣсто въ Гвардейскихъ полкахъ.

На докладѣ Васильчикова Александру I-му, Государь отвѣтилъ: "Mon cher Wassiltchikow, vous qui êtes à mon service depuis le commencement de mon règne, vous savez que j'ai partagé et encouragé ces illusions et ces erreurs. Ce n'est pas à moi de sévir".

Что же касается самой "болтовни" и того значенія, которое слѣдовало ей придавать, имѣется совершенно опредѣленное мнѣніе самаго Цесаревича Константина Павловича. Въ Январѣ I826 года, послѣ декабрьскаго возстанія, онъ пишетъ ген. Опочинину по поводу своего адъютанта М.С. Лунина, привлеченнаго по дѣлу I4-го Декабря: "Статься могло, что онъ (т.е. Лунинъ), находясь въ неудовольствіи противу правительства, могъ что-либо на счетъ онаго говорить, кое случается не съ нимъ однимъ - даже Его Императорское Величество (Николай I) изволитъ припомнить, что мы сами иногда между собою, сгоряча и одушевившись, бывали, въ подобныхъ случаяхъ, не всегда въ рѣчахъ умѣренными, но это еще не означаетъ, какого-нибудь вреднаго намѣренія".

Сразу по возвращеніи Арміи изъ заграничнаго похода въ I8I4 году, произведенный изъ полковниковъ Кавалергардскаго полка въ генералъ-майоры М.Ф. Орловъ, составитель текста капитуляціи Парижа, вмѣстѣ съ гр. Мамонтовымъ и другими лицами основалъ "Орденъ Русскихъ Рыцарей" для борьбы со взяточничествомъ и другими непорядками, царившими въ различныхъ отрасляхъ Государственнаго управленія.

Но кромѣ составленія очень сложнаго "наказа" съ различными обрядами и клятвами для вступавшихъ членовъ, общество не проявило никакой дѣятельности.

Подробно были разработаны различные незбыточно-наивные проэкты, ничего общаго съ "борьбой съ непорядками" не имѣющіе, вродѣ созданія союза Греческихъ республикъ подъ протекторатомъ Россіи, соединеніе каналомъ Волги съ Дономъ, присоединеніе къ Россіи славянскихъ странъ, въ число которыхъ, почему-то, была включена Венгрія и, совсѣмъ ужъ непонятно, присоединеніе Норвегіи.

Въ 1816 г. общество Русскихъ Рыцарей прекратило свое существованіе и тѣ немногіе члены, что его составляли, 6 человѣкъ, почти всѣ вошли въ другое, только что основавшееся тайное общество "Союзъ спасенія или общество истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества".

Уставъ этого второго тайнаго общества былъ написанъ комиссіей въ составѣ кн. Долгорукова, кн. Барятинскаго, кн. Трубецкого, кн. Шаховского и поручика Кавалергардскаго полка Павла Ивановича Пестеля. Основаніемъ для устава послужилъ уставъ нѣмецкаго тайнаго общества Тугендбундъ, образованный въ Германіи для борьбы противъ Наполеона въ 1813 году.

Подобно первому, это общество просуществовало не долго — всего два года — ограничившись разработкой еще болѣе сложнаго внутренняго устава и такихъ же сложныхъ и несбыточныхъ проэктовъ.

Только съ 1818 года, съ момента созданія третьяго общества "Союза Благоденствія", имѣвшаго два центра: одинъ въ С.-Петербургѣ и другой въ штабѣ 2-ой Арміи въ Тульчинѣ, намѣчаются опредѣленныя, коренныя измѣненія, которыя общество хотѣло осуществить въ соціальномъ быту и въ Государственномъ управленіи Россіи.

Въ теченіи всѣхъ этихъ лѣтъ надежда тайныхъ обществъ найти сочувствіе не только въ высшихъ правительственныхъ и общественныхъ кругахъ, но и въ самомъ Государѣ, получила нѣкоторое основаніе и косвенную поддержку.

Въ Ноябрѣ 1815 года была подписана Конституціонная Хартія Царства Польскаго. Въ 1816 г. было уничтожено крѣпостное право въ Эстоніи и годъ спустя въ Курляндіи. Но болѣе всего внесла надежду рѣчь Императора Александра I5 Марта 1818 года на Польскомъ Сеймѣ, въ которой Государь сообщилъ свое намѣреніе, по примѣру Польши "При Божьей помощи распространить на всѣ страны, провиденію моему ввѣренныя, спасительное вліяніе конституціонныхъ учрежденій".

Революціонныя волненія двадцатыхъ годовъ въ Греціи, Испаніи, Португаліи, Неаполѣ и въ Піемонтѣ, волненія на Дону 1818-1820 г. и возстаніе въ 1819 г. въ Чугуевскомъ военномъ поселеніи, конечно не могли не встрѣтить отклика среди членовъ тайныхъ обществъ.

Въ 1821 г. въ связи съ "провѣтриваніемъ Гвардіи", руководители Союза Благоденствія узнали, что правительству стало извѣстнымъ не только о существованіи Союза, но и о тѣхъ преобразованіяхъ, которыя Союзъ надѣялся произвести въ государственномъ укладѣ Россіи. Кромѣ того, многіе члены отпали отъ Союза, а въ средѣ руководителей появились различныя разногласія, теоретическія и тактическія и вслѣдствіе этого и соперничаніе.

Поэтому въ 1821 г. въ Москвѣ было собрано особое совѣщаніе представителей различныхъ отдѣловъ, такъ называемыхъ управъ, для

обсужденія создавшагося положенія и принятія соотвѣтствующаго рѣшенія. На совѣщаніи было принято постановленіе о закрытіи Союза.

Московское постановленіе было сообщено въ Петербургъ и въ Тульчинъ руководителямъ тамошнихъ управъ. Но немедленно послѣ закрытія Союза Благоденствія, Пестель, который къ этому времени былъ произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ Вятскаго пѣхотнаго полка,въ Тульчинѣ и Никита Муравьевъ въ Петербургѣ открыли два самостоятельныхъ общества: Южное и Сѣверное, и приступили къ усиленной вербовкѣ новыхъ членовъ.

Однако рознь, существовавшая прежде въ формахъ будущаго государственнаго управленія и въ способахъ ихъ осуществленія, не измѣнилась. Сѣверное общество, по-прежнему стояло за конституціонную монархію, тогда какъ Южное все болѣе и болѣе склонялось къ республикѣ. Къ этому его побудило, существовавшее во 2-ой Арміи, совершенно самостоятельное общество "Соединенныхъ Славянъ", состоявшее исключительно изъ офицеровъ армейской пѣхоты и артиллеріи, и вошедшее цѣликомъ въ Южное общество.

Одновременно съ вербовкой членовъ, руководители обоихъ обществъ стали подготовлять проэкты будущихъ "конституцій".

Въ основу проэкта Сѣверянъ, составленнаго Никитой Муравьевымъ, легли конституціи различныхъ штатовъ Сѣверной Америки. Въ будущій парламентъ предполагалось избрать по одному депутату отъ 10 тысячъ жителей - конституція штата Теннеси - срокомъ на четыре года - штатъ Мериэндъ - съ ежегоднымъ замѣщеніемъ 1/4 депутатовъ - штатъ Кентуки. Вознагражденіе депутатамъ назначалось по два рубля въ день, столько же сколько въ долларахъ получали депутаты штата Родъ-Айланда. Въ исполнительный органъ члены выбирались на три года, какъ это дѣлалось въ штатахъ Индіаны, Нью-Іорка и Мериэнда.

Пестель въ своей "конституціи" особенно подробно разработалъ отдѣлъ, относящійся къ вооруженнымъ силамъ. Правнукъ саксонскаго выходца Вольфганга Пестеля, появившагося въ Россіи при Петрѣ Великомъ, Пестель, получившій образованіе въ Дрезденѣ и Пажескомъ корпусѣ, главное вниманіе обратилъ на руссификацію всѣхъ иностранныхъ терминовъ.

Въ военной терминологіи вновь появились рать, воеводы; гренадеры стали опричниками, жандармы - рындами, батареи - бойницами, батальоны - ратоборами, и т.д.

Памятуя свою прошлую службу въ Кавалергардахъ, Пестель обращаетъ особое вниманіе на этотъ полкъ. Кавалергарды, названные имъ Полкъ Царскихъ Мечниковъ, долженъ былъ состоять изъ 16 дружинъ (эскадроновъ) латниковъ. "Онъ составлялъ бы прикрытіе Императорскаго Величества и былъ бы ближній его тѣлохранитель, занимая исключительно во дворцѣ всѣ внутренніе караулы". Шефомъ полка Царскихъ Мечниковъ долженъ быть Главный Воевода, командиръ полка долженъ былъ имѣть чинъ генералъ-лейтенанта, командиры дивизіоновъ - генералъ-майоры, и т.д.

Разбирая будущее административное устройство Россіи, Пестель столицей государства назначаетъ Нижній Новгородъ, Петербургъ же, переименованный имъ въ Петроградъ, становится столицей Чудской области, а Москва Словенской.

Признавая равенство всѣхъ народовъ, населявшихъ Россію, Пестель все же дѣлаетъ существенное различіе для евреевъ и подробно объясняетъ почему.

"Ожидая Мессію, считаютъ себя евреи временными обывателями края, гдѣ находятся и потому никакъ не хотятъ земледѣліемъ заниматься.. Ремесленниковъ отчасти презираютъ и большей частью одной торговлей занимаются. По причинѣ же большого ихъ числа не можетъ честная торговля доставлять достаточное пропитаніе всѣмъ, а потому нѣтъ такихъ обмановъ и фальшивыхъ дѣйствій, коихъ они себѣ не позволяютъ, въ чемъ имъ рабины еще больше способствуютъ, говоря, что обмануть христіанина не есть преступленіе, основывая на своемъ законѣ право давать даже фальшивую присягу, если только можетъ то быть еврею полезно. Паче же всего надлежитъ имѣть цѣлью устраненіе вреднаго для христіанъ вліянія тѣсной связи евреевъ между собой, противъ христіанъ направленной, и отъ прочихъ гражданъ ихъ совершенно отдѣляющихъ."

"Дружная связь между собой, то послѣдствіе имѣетъ, что коль скоро они въ какое-нибудь мѣсто допущены будутъ, то неминуемо сдѣлаются монополистами и всѣхъ прочихъ вытѣснятъ, отчего разоряютъ они ужаснымъ образомъ край, гдѣ жительство имѣютъ".

Поэтому Пестель предлагаетъ слѣдующую мѣру: "Содѣйствовать евреямъ къ учрежденію особеннаго, отдѣльнаго государства въ какой-либо части Малой Азіи", и для осуществленія этого, онъ предлагаетъ собрать всѣхъ евреевъ изъ Россіи и Польши - по его расчетамъ ихъ наберется болѣе двухъ милліоновъ - и "дать имъ нѣсколько войска и отправить ихъ изъ предѣловъ Россійскаго Государства. Такому числу людей, ищущихъ отечество, не трудно будетъ преодолѣть всѣ препоны, какія турки могутъ имъ противопоставить и, пройдя Европейскую Турцію, перейти въ Азіатскую и тамъ, занявъ достаточныя мѣста и земли, устроить особенное еврейское государство".

Земельный вопросъ въ связи съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости, одинаково разбирался въ обоихъ проэктахъ конституцій. Въ обоихъ крѣпостное право подлежало немедленному уничтоженію, но вопросъ о надѣленіи освобожденныхъ крестьянъ землей сразу столкнулся съ личными имущественными интересами.

Муравьевъ въ своемъ проэктѣ прямо говоритъ: "земля помѣщиковъ остается за ними" и только впослѣдствіи, передѣлывая проэктъ, передаетъ онъ въ собственность крестьянамъ ихъ дома, огороды, пріусадебную землю, сады и скотъ.

Разсматривая этотъ вопросъ, Пестель глухо говоритъ о какой-то возможности выкупа крестьянами помѣщичей земли, отдавая, подобно Муравьеву, имъ въ собственность жилые дома, скотъ и пріусадебную землю. Всѣ участники тайныхъ обществъ были сторонниками освобожденія крестьянъ, но только на словахъ. За все время существованія различныхъ тайныхъ обществъ, никто изъ нихъ не далъ вольной ни одному своему крѣпостному:

Среди офицеровъ, членовъ тайныхъ обществъ, служившихъ въ полку, было много богатыхъ, а Муравьевы, Анненковъ, гр. Чернышевъ, Ивашевъ, св. кн. Лопухинъ и Лунинъ владѣли огромнымъ количествомъ земли и крѣпостныхъ. Изъ нихъ также никто никому не далъ вольной. Даже, находясь въ Сибири, Лунинъ въ своемъ завѣщаніи, хотя и от-

пускалъ своихъ крестьянъ на волю, но настаивалъ, чтобы это было сдѣлано "не касаясь земли, строеній, имуществъ и прочихъ угодій, сохраняя въ цѣлости наслѣдственное имѣніе".

Въ Іюлѣ 1825 г. правительство получило отъ унтеръ-офицера 3-го уланскаго Бугскаго полка болѣе подробныя свѣденія о тайныхъ обществахъ, ихъ программахъ и о входящихъ въ нихъ лицахъ.

Въ письмѣ на имя Государя, переданное черезъ лейбъ-медика баронета Виллье, Шервудъ перечислялъ цѣлый рядъ лицъ, членовъ тайныхъ обществъ, въ томъ числѣ двухъ офицеровъ Кавалергардскаго полка ротмистра гр. Чернышева и корнета Свистунова и двухъ прежде служившихъ въ полку: командира Вятскаго пѣх. полка полковника Пестеля и прапорщика Нѣжинскаго конно-егерскаго п. Вадковскаго.

Для провѣрки полученныхъ свѣденій въ расположеніе 2-ой Арміи, въ которой по сообщенію Шервуда, находилось наибольшее число дѣятельныхъ членовъ тайнаго общества, былъ командированъ полковникъ Л.-Гв. Казачьяго полка Николаевъ.

Въ Октябрѣ, незадолго до болѣзни Императора Александра, начальникъ Главнаго Штаба бар. Дибичъ получилъ, почти одновременно, изъ трехъ разныхъ источниковъ дополнительныя и подробныя свѣденія о тайныхъ обществахъ. Донесенія были поданы на Высочайшее Имя капитаномъ Майборода Вятскаго пѣх. полка, которымъ командовалъ Пестель, помѣщикомъ Бошнякомъ и начальникомъ поселенныхъ войскъ гр. Виттъ.

Ввиду болѣзни Государя всѣ эти свѣденія Дибичъ переправлялъ Цесаревичу Константину въ Варшаву, который "рекомендовалъ принять самыя рѣшительныя мѣры къ скорѣйшему раскрытію заговора".

Но къ этому времени организація тайныхъ обществъ еще не была выяснена въ достаточной степени и порученіе, данное полковнику Николаеву, не было закончено. Дибичъ боялся преждевременными арестами повредить дѣлу розыска.

19-го Ноября въ Таганрогѣ скончался Императоръ Александръ. Всѣ бумаги, отправляемыя бар. Дибичемъ въ Варшаву Императору Константину I-му возвращались Дибичу нечитанными.

11-го Декабря, когда наконецъ былъ полученъ въ Таганрогѣ рапортъ Николаева, Дибичъ, по-прежнему не получая никакихъ распоряженій, ни изъ Варшавы, ни изъ Петербурга, лично отъ себя отдалъ распоряженіе ген. Чернышеву арестовать Пестеля, а Николаеву Вадковскаго.

Неожиданная смерть Императора Александра въ Таганрогѣ, вдали отъ административнаго центра Имперіи, совершенно измѣнила всѣ предположенія заговорщиковъ, а принесенная присяга Императору Константину, прошедшая во всей странѣ совершенно спокойно и гладко, лишила ихъ возможности одновременнаго выступленія на югѣ во 2-ой Арміи и въ столицѣ.

Но неожиданный отказъ Константина Павловича признать за собой Императорскій Титулъ, отказъ Николая Павловича принять его до официальнаго отказа брата, создало небывалое въ Россіи положеніе и облегчило заговорщикамъ выполненіе ихъ намѣреній.

Воспользовавшись вторичной, на протяженіи I8 дней, присягой, Сѣверное Общество рѣшило начать вооруженное возстаніе въ Петербургѣ, распустивъ въ войскахъ слухъ, что Императоръ Константинъ не отказывается отъ престола, а потому новая присяга новому Императору незаконна.

I4-го Декабря рано утромъ въ Зимній Дворецъ стали съѣзжаться высшіе государственные чины для принесенія присяги Императору Николаю.

Къ I0 часамъ утра на Сенатской площади у памятника Петру Великому выстроилось каре Л.-Гв. Московскаго полка - 700 человѣкъ - отказавшихся присягнуть Императору Николаю. Вскорѣ къ нимъ подошелъ батальонъ Гв. Экипажа - II00 человѣкъ. Вслѣдъ за моряками подошло нѣсколько ротъ Л.-Гв. Гренадерскаго полка - I250 человѣкъ.

Силы возставшихъ составляли приблизительно 3000 пѣхоты. Среди нихъ сразу обнаружилось полное отсутствіе общаго руководства. Царила растерянность и нерѣшительность. Кн. Трубецкой, выбранный наканунѣ диктаторомъ, въ самый послѣдній моментъ бросилъ своихъ соумышленниковъ и просилъ убѣжища въ Австрійскомъ посольствѣ. И онъ и посолъ были женаты на двухъ сестрахъ гр. Лаваль.

Къ I4 Декабря въ Кавалергардскомъ полку находилось I2 офицеровъ, членовъ Сѣвернаго Общества: полковникъ Кологривовъ, ротмистръ гр. Чернышевъ, поручики Анненковъ, Васильчиковъ, Горожанскій, флигель-адъютантъ гр. Витгенштейнъ, корнеты Арцыбашевъ, кн. Вяземскій, Депрерадовичъ, Муравьевъ, Свиньинъ и Свистуновъ.

Пятеро изъ нихъ: Анненковъ, Арцыбашевъ, кн. Вяземскій, Депрерадовичъ и Муравьевъ принесли присягу Императору Николаю и выѣхали вмѣстѣ съ полкомъ на Сенатскую площадь. Остальные, кромѣ Горожанскаго, были внѣ Петербурга въ отпуску или командировкахъ. Горожанскій, хотя и находился въ Петербургѣ, присяги не принесъ, съ полкомъ не выѣхалъ, велъ агитацію среди солдатъ и отправился на Сенатскую площадь разговаривать съ возставшими.

Несмотря на это количество членовъ Сѣвернаго Общества въ полку, полкъ остался вѣренъ Престолу и въ полномъ порядкѣ и въ полномъ составѣ выѣхалъ на вызовъ Государя и принялъ участіе въ подавленіи возстанія.

Подобно Л.-Гв. Конному полку и Конно-Піонерскому дивизіону, полкъ ходилъ въ атаку на каре возставшихъ. Императоръ Николай въ своихъ запискахъ отмѣчаетъ "Кавалергардскій полкъ равномѣрно ходилъ въ атаку, но безъ большого успѣха".

Насколько велико было довѣріе Государя къ полку, видно изъ слѣдующей записи въ его дневникѣ: "Между тѣмъ, видя что дѣло становится весьма важнымъ и не предвидя еще, чѣмъ кончится, послалъ я Адлерберга съ приказаніемъ къ шталмейстеру князю Долгорукову приготовить загородные экипажи для матушки и жены и намѣренъ былъ въ крайности выпроводить ихъ съ дѣтьми подъ прикрытіемъ Кавалергардовъ въ Царское Село".

Въ день I4-го Декабря I825 г. гр. Апраксинъ заслужилъ себѣ вѣчную признательную память Кавалергардовъ. Благодаря его точно-

му и правильному пониманію святости присяги, его такту, самообладанію и самостоятельности, полкъ сознательно и спокойно принесъ присягу Императору Николаю I-му. (Сборникъ біографій Кавалергардовъ. Т. IV, стр. I).

Въ ночь на I4-ое Декабря въ полкъ были доставлены манифестъ Императора Николая и отреченіе Константина Павловича. Командиръ полка графъ Апраксинъ приказалъ полку построиться въ большемъ манежѣ въ пѣшемъ строю. Послѣ прочтенія отреченія Константина Павловича и манифеста Императора Николая, графъ Апраксинъ далъ время эскадроннымъ командирамъ объяснить людямъ причину новой присяги.

Но присутствовавшій тутъ же начальникъ дивизіи генералъ Бенкендорфъ въ рѣзкой формѣ потребовалъ отъ командира полка "Присягать безъ разсужденій". Графъ Апраксинъ, отдавая себѣ отчетъ въ обстановкѣ и въ томъ, что излишняя и неумѣстная рѣзкость выраженій можетъ повлечь за собой тяжелыя послѣдствія, попросилъ начальника дивизіи уѣхать изъ полка, указавъ ему, что за порядокъ въ полку отвѣчаетъ онъ, его командиръ. Затѣмъ, снявъ каску, онъ поклялся полку, что отреченіе Константина Павловича добровольно и заклиналъ полкъ присягнуть новому Императору. Начавшееся было въ рядахъ волненіе улеглось, полкъ успокоился и присягнулъ.

Послѣ присяги графъ Апраксинъ поѣхалъ во дворецъ съ рапортомъ Государю. Николай I приказалъ ему немедленно вести полкъ на Дворцовую площадь. Сознавая, что каждое мгновеніе дорого, гр. Апраксинъ вывелъ полкъ безъ кирасъ въ учебной сѣдловкѣ.

Къ половинѣ перваго полкъ выстроился въ эскадронныхъ колоннахъ вдоль южной части Адмиралтейства, немного отступя отъ Преображенцевъ. Одно орудіе бригады Нестеровскаго подъ прикрытіемъ взвода Кавалергардовъ пор. Анненкова стало на западной сторонѣ Сенатской площади, впереди стройки Исаакіевскаго собора. Тамъ же находился на конѣ Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

Постепенно подходили остальныя части Гвардіи. Со стороны Англійской набережной подошелъ Л.-Гв. Конный полкъ, къ Синему мосту по Вознесенской улицѣ подходили батальоны Л.-Гв. Измайловскаго и Егерскаго полковъ, по Гороховой улицѣ подходили Семеновцы.

Уговоры возставшихъ Вел. Кн. Михаиломъ Павловичемъ, С.-Петербургскимъ и Кіевскимъ митрополитами Серафимомъ и Евгеніемъ, ген. гр. Милорадовичемъ успѣха не имѣли, а гр. Милорадовичъ былъ смертельно раненъ. Нѣсколько атакъ произведенныхъ Л.-Гв. Конным полкомъ со стороны Адмиралтейства, Конно-Піонерами со стороны Невы и Кавалергардами со стороны стройки Исаакіевскаго собора были безуспѣшны.

Начинало темнѣть. Солнце въ этотъ день заходило въ 2 часа 58 минутъ. Къ Государю подъѣхалъ ген. Васильчиковъ и сказалъ ему: "Ваше Величество, прикажите очистить площадь картечью или откажитесь отъ Престола".

Первый холостой выстрѣлъ громкимъ эхомъ прокатился по площади. Въ отвѣтъ со стороны возставшихъ послышались крики "Ура! Императору Константину". Орудія были заряжены картечью. Николай I подалъ команду "Съ праваго фланга пальба орудіями. Первое

орудіе". Картечь съ визгомъ ударила по каре. Все бросилось бѣжать. Орудія были двинуты впередъ и дали залпъ по Галерной улицѣ и вдоль Невы. Возстаніе кончилось.

Разбирая возстанія въ Петербургѣ и во 2-ой Арміи Герценъ писалъ: "Aux jours de l'insurrection sur la place d'Isaac et au centre de la seconde Armée, ce qui manqua aux conjurés ce fut le peuple".

Придя впослѣдствіи на допросъ генераломъ Левашевымъ Анненкова, Арцыбашева и А. Муравьева, который производился въ Зимнемъ Дворцѣ въ присутствіи командира полка, Императоръ Николай сказалъ имъ: "Ѣздить на взводахъ не умѣете, а захотѣли измѣнить судьбы Россіи".

На ночь войска расположились на бивакъ. На Дворцовой площади стали Преображенцы, двѣ роты Лейбъ-Егерей, 10 орудій 1-ой и 2-ой батарейныхъ ротъ и четыре эскадрона Кавалергардовъ. На большой Милліонной у моста черезъ Зимнюю Канавку рота Лейбъ-Егерей и 4 орудія. На углу Зимняго Дворца, противъ Адмиралтейства и на Дворцовой набережной, батальонъ Измайловцевъ съ 4-мя орудіями и двумя эскадронами Кавалергардовъ. На Адмиралтейской площади батальонъ Лейбъ-Егерей. На Сенатской площади батальонъ Измайловцевъ, батальонъ Семеновцевъ, 4 орудія и 4 эскадрона Л.-Гв. Коннаго полка. На Васильевскомъ островѣ батальонъ Финляндцевъ, 4 орудія Гв. Конной артиллеріи, 2 эскадрона Л.-Гв. Коннаго полка и Конно-Піонерный дивизіонъ. На внутреннемъ дворѣ Зимняго дворца: Гвардейскіе Саперы, учебный батальонъ и рота Лейбъ-Гренадеръ. По городу разъѣзжали наряды отъ Лейбъ-Казаковъ.

На слѣдующій день начались аресты. Была учреждена особая Верховная Слѣдственная комиссія, которая въ теченіе шести мѣсяцевъ допрашивала арестованныхъ. 12-го Іюня 1826 г. въ помѣщеніи Верховнаго Уголовнаго Суда, гдѣ въ этотъ день стоялъ караулъ Кавалергардскаго полка, былъ объявленъ приговоръ.

Число разрядовъ, на которые были раздѣлены осужденные, было одиннадцать. Кромѣ того Бестужевъ-Рюминъ, Каховскій, Муравьевъ-Апостолъ, Пестель и Рылѣевъ были приговорены внѣ всякихъ разрядовъ къ смертной казни четвертованіемъ.

По представленію приговоровъ на утвержденіе Государю, мѣра наказанія во всѣхъ разрядахъ имъ была смягчена. Смертная казнь четвертованіемъ замѣнена повѣшаніемъ, а смертная казнь въ первомъ разрядѣ замѣнена ссылкой на каторжную работу.

Послѣ объявленія приговора - на равелинѣ Петро-Павловской крѣпости, передъ выстроенными лейбъ-эскадронами и шефскими ротами Гвардейскихъ полковъ съ осужденныхъ были сняты ордена, мундиры и сожжены на заготовленныхъ кострахъ. Предварительно надъ головой каждаго была сломана его шпага.

По утвержденному Государемъ приговору Анненковъ и Свистуновъ были приговорены къ 15 годамъ каторги, Александръ Муравьевъ къ 12-ти и Чернышевъ къ двумъ. Остальные были переведены тѣмъ же чиномъ въ армейскіе полки: Арцыбашевъ въ Таманскій гарнизонный, Васильчиковъ въ Тверской драгунскій, Горожанскій въ 7-ой Оренбургскій линейный батальонъ, Депрерадовичъ въ Нижегородскій

драгунскій, Колоґривовъ въ Финляндскій драгунскій, Свиньинъ въ Харьковскій уланскій.

Изъ прежде служившихъ въ полку Пестель былъ приговоренъ къ повѣшанью, всѣмъ остальнымъ, приговореннымъ по первому разряду къ смертной казни, послѣдняя была замѣнена ссылкой на каторгу. Артамонъ Муравьевъ на вѣчную каторгу, Вадковскій на 20 лѣтъ, кн. Волконскій, Ивашевъ, Крюковъ и Лунинъ на I5 лѣтъ. Поливановъ на годъ. Орловъ приговоренъ къ исключенію съ военной службы и высылкѣ въ свое имѣніе подъ надзоръ полиціи. Св. кн. Лопухинъ и гр. Витгенштейнъ признаны невиновными, равно какъ и кн. Ф. Гагаринъ, гр. Булгари, Бѣгичевъ и Шереметевъ.

Въ присягѣ, которую приносилъ каждый военнослужащій совершенно ясно и опредѣленно говорится: "Объ ущербѣ же Его Императорскаго интереса, вреда и убытка, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать..."

Поэтому всѣ, кто принялъ то или иное участіе въ разныхъ тайныхъ обществахъ, или зналъ объ ихъ существованіи, были одинаково преступны, передъ данной присягой и это невзирая на степень ихъ вины. Что грозило бы имъ отъ разныхъ Чека, Гепеу, Гестапо, если бы они тогда существовали ?

579 человѣкъ были привлечены по дѣлу декабристовъ. Изъ нихъ только I2I были приговорены къ каторжнымъ работамъ на разные сроки, которые съ теченіемъ времени постепенно уменьшались. Остальные же 458 отдѣлались тюремнымъ заключеніемъ на малые сроки, переводомъ въ другія воинскія части, что не помѣшало имъ дослужится до высшихъ военныхъ чиновъ, или попросту дѣло ихъ было оставлено Верховной Слѣдственной Комиссіей безъ вниманія.

Конечно сказалось также и вліяніе различныхъ родственныхъ связей на степень наказаній. М.Ф. Орловъ, основатель перваго тайнаго общества, благодаря своему брату, командиру Л.-Гв. Коннаго полка, отдѣлался исключеніемъ съ военной службы и ссылкой въ свое имѣніе подъ надзоръ полиціи. Кромѣ того, то обстоятельство, что онъ и кн. Волконскій были женаты на дочеряхъ героя Отечественной войны I8I2 года генерала Раевскаго, одинаково облегчило имъ участь.

Вліянію семьи Муравьевыхъ обязаны гр. Чернышевъ, Лунинъ, Вадковскій и Муравьевы. Депрерадовичъ - своему отцу, старому боевому командиру Кавалергардовъ. Гр. Витгенштейнъ такъ же своему отцу главнокомандующему 2-ой Арміей. Только Горожанскій, не присягнувшій, не выѣхавшій съ полкомъ, ведшій агитацію среди солдатъ послѣ присяги и пошедшій разговаривать съ возставшими на Сенатскую площадь, понесъ не соотвѣтствующее винѣ наказаніе. Вѣроятно потому что увидавъ всю безнадежность возстанія, пошелъ во дворецъ и принесъ повинную. Но милость Государя не принесла ему пользы. Послѣ ряда проступковъ во время службы въ Оренбургскомъ линейномъ батальонѣ, онъ былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ и умеръ, заколовъ въ припадкѣ сумашествія часового.

29-го Августа I826 г. первая партія осужденныхъ на каторгу была отправлена въ кандалахъ на рудникъ Благодатный, близъ Нер-

чинска. Въ нее входили два прежде служившихъ въ полку: князь Волконскій и Артамонъ Муравьевъ.

Работа на рудникахъ въ сравненіи съ тѣмъ, что переносили ссыльные въ разныхъ концлагеряхъ въ эпоху Сталина, не была утомительна. Начиналась она рано, въ 5 часовъ утра, но, зато, если къ 11 часамъ назначенный урокъ - 3 пуда руды - былъ выполненъ, работа кончалась.

Комендантомъ рудника былъ назначенъ, по личному выбору Императора бывшій командиръ Сѣверскаго драгунскаго полка ген.-м. Станиславъ Романовичъ Лепарскій. 24 Іюня 1826 г. баронъ Дибичъ писалъ ему по порученію Государя: "Полагаясь на строгія правила чести и преданность Вашу Престолу, Государь намѣренъ Вамъ ввѣрить постъ коменданта въ Нерчинскѣ". Николай I хорошо зналъ Лепарскаго. Часто во время своихъ поѣздокъ, онъ останавливался у него на квартирѣ. Онъ зналъ, что за все время своего 16-ти лѣтняго командованія Сѣверцами, Лепарскій не оштрафовалъ и не отдалъ подъ судъ ни одного солдата. Государь былъ увѣренъ, что онъ можетъ вполнѣ положится на высокую порядочность 72-лѣтняго старика, въ письмахъ къ которому онъ иначе не подписывался, какъ "Вашъ товарищъ".

Въ 1827 г. Декабристы были переведены въ Читу. Лепарскій перестроилъ для нихъ старый острогъ - казачью крѣпость, добавивъ къ нему разныя пристройки, чтобы возможно лучше устроить въ немъ пребываніе заключенныхъ.

Въ инструкціи, полученной изъ Петербурга, требовалось "беречь здоровье арестанта". И за этимъ здоровьемъ, физическимъ и душевнымъ онъ всячески слѣдилъ и ревниво оберегалъ. Самъ безупречно честный, воспитанный и вѣжливый, онъ требовалъ такого же отношенія къ арестантамъ отъ своихъ подчиненныхъ.

Казенныхъ денегъ на довольствіе арестантовъ-декабристовъ отпускалось около 7 тысячъ рублей въ годъ. Для улучшенія питанія Лепарскій разрѣшилъ завести артели. Выборный арестантами артельщикъ закупалъ продукты у крестьянъ. Своихъ денегъ у декабристовъ было не мало. Только за 10 лѣтъ каторги, черезъ тюремную администрацію, ссыльные получили 354.755 рублей, а семьи ихъ за этотъ же срокъ 778.135 рублей. Помимо этихъ официальныхъ получекъ, много денегъ было получено другими, окольными путями. Въ тюрьмѣ, кромѣ русскихъ изданій, получались иностранные книги и журналы. Въ свободное время заключенные играли въ шахматы, читали лекціи и доклады.

Далеко не полный списокъ иностранныхъ изданій получаемыхъ декабристами, указанный въ запискахъ М.А. Бестужева, лишній разъ подтверждаетъ ту, какъ онъ выражается "роскошь умственной жизни", которой пользовались декабристы въ Петровскомъ заводѣ: Revue de Paris, Revue des Deux Mondes, Revue Britannique, Revue Industrielle, Revue du Mécanicien, Revue Technologique, Mécanicien Anglais, Cabinet de Lecture, L'Illustration Française, Journal pour Rire, Journal des Débats, L'Indépendance Belge, Quarterly Review, Edinburgh Review, Times, Morning Post, Punch, English Illustration, Allgemeine Zeitung, Journal de Francfort, Journal de Hambourg, Preussische Zeitung.

Каторжныя работы, за полное отсутствіе таковыхъ, постепенно превратились въ прогулки, пикники. Лѣтомъ засыпали большой оврагъ - Чертову Могилу. Долго собирались. На работу шли съ пѣснями. Сторожа несли лопаты и кирки. Жены и личная крѣпостная прислуга заключенныхъ несли корзины съ ѣдой, самовары, ковры, книги. Поковырявъ немного землю, закусывали, затѣмъ ложились спать. Спали всѣ, и "каторжники" и караульные солдаты. Выспавшись, возвращались въ казарму.

Постепенно въ Читѣ собралось цѣлое общество. Пріѣхали кн. Трубецкая, кн. Волконская, бар. Розенъ, Фонвизина, Ентальцева, Нарышкина, Давыдова, Муравьева.

Вокругъ Александры Григорьевны Муравьевой собрался цѣлый кругъ родни - та "Муравьевская шайка", которую въ свое время обличалъ Цесаревичъ Константинъ. Ея братъ Захаръ Чернышевъ, двоюродный братъ Вадковскій. Родня мужа, братъ Александръ, двоюродный братъ Лунинъ и троюродный Артамонъ Муравьевъ. Пріѣхали двѣ француженки: Полина Гебль и Камилла Ледантю, вышедшія замужъ въ Читѣ за Анненкова и Ивашева.

Изъ Читы ссыльныхъ перевели въ Петровскій заводъ близъ Иркутстка. Постепенно подъ вліяніемъ Лепарскаго исчезли послѣднія строгости. Тюремная жизнь напоминала школьный интернатъ. Въ 7 утра чай, въ I2 обѣдъ, въ 8 вечера ужинъ. Работали мало, скорѣе для моціона, отъ 8 до II утра.

На Петровскомъ заводѣ свѣтская жизнь продолжалась по-прежнему. Почти все построили себѣ собственные дома, разбили сады и огороды. Четверги у Трубецкихъ, Субботники у Волконскихъ, частые обѣды у Муравьевыхъ. Ужины у Свистунова. Образовались кружки: Московскій, Петербургскій, Южанъ. Особый замкнутый Муравьевскій кружекъ. Было знакомство близкое - домами, было болѣе поверхностное - шапочное знакомство.

Постепенно ссыльные заканчивали срокъ своихъ работъ и выпускались на волю, "обращались на поселеніе". 27 Іюля I839 г., тринадцать лѣтъ послѣ объявленія приговора, послѣдній декабристъ покинулъ тюрьму. "Имѣю честь сообщить о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени de Madame la prison de Petroffsky. 27 Іюня у нея родилось 23 ребенка, послѣ беременности продолжавшейся I3 лѣтъ", писалъ своей сестрѣ Вадковскій.

Въ день коронаціи Императора Александра II всѣмъ декабристамъ было объявлено полное прощеніе и разрѣшеніе вернуться въ Европейскую Россію. Изъ бывшихъ офицеровъ полка вернулись кн. Волконскій, Крюковъ, гр. Чернышевъ, Анненковъ и Свистуновъ. Послѣдніе два приняли дѣятельное участіе при уничтоженіи крѣпостного права по устройству крестьянъ. Но многіе не дождались этой минуты. Умерли въ Сибири Александръ и Артамонъ Муравьевы, Лунинъ, Ивашевъ и Вадковскій.

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ

Бородинское поле со своими памятниками и остатками полевыхъ укрѣпленій является, по ихъ многочисленности и сохранности, исключительнымъ свидѣтелемъ боевой славы Русской Арміи и Кавалергардовъ.

Трехкратныя атаки полка были тогда-же оцѣнены въ рапортахъ генерала Бороздина Барклаю де Толли, Барклая - Кутузову и Кутузова Александру I. Часто упоминаются онѣ въ воспоминаніяхъ современниковъ, въ литературныхъ и военно-историческихъ трудахъ и не забыты онѣ и сейчасъ.

Во время сраженія село Бородино сильно потрадало, а въ I8I4 году было совершенно уничтожено во время пожара. Уцѣлѣла только двухэтажная, каменная церковь, построенная при Петрѣ Великомъ въ I70I г. 26-го Августа ея колокольня служила наблюдательнымъ пунктомъ правому флангу Русской Арміи и подвергалась непріятельскому обстрѣлу. Въ I94I-I942 г. церковь вновь очутилась въ сферѣ боя и вновь пострадала отъ обстрѣла. Реставрированная къ I00 лѣтнему юбилею въ I9I2 г., она снова была реставрирована къ его I50 лѣтнему и является единственнымъ "современникомъ" Бородинскаго сраженія.

Починъ всѣмъ памятникамъ на Бородинскомъ полѣ, былъ положенъ въ I820 году Маргаритой Михайловной Тучковой. Тамъ у средняго укрѣпленія Багратіоновыхъ флешей, у д. Семеновское, въ память ея мужа бригаднаго командира 3-ей пѣх. дивизіи ген.-майора Александра Алексѣевича Тучкова, павшаго смертью храбрыхъ со знаменемъ въ рукахъ, ведя въ контръ-атаку Ревельскій пѣхотный полкъ, ею была построена бѣлая каменная часовня въ русскомъ ампирѣ съ портикомъ. Тамъ же въ I839 г. ею былъ основанъ женскій Спасо-Бородинскій монастырь.

Въ I839 году на батарею Раевскаго былъ перевезенъ прахъ кн. П.И. Багратіона изъ села Симы, Владимірской губерніи, гдѣ онъ скончался отъ ранъ въ имѣніи кн. Голицына.

Въ томъ же году 26-го Августа состоялось открытіе памятника Русскимъ войскамъ, заложеннаго два года назадъ въ 25-лѣтнюю годовщину боя. Памятникъ былъ въ видѣ чугунной восьмигранной колонны съ позолоченной многогранной главою, увѣнчанной крестомъ.

Открытіе памятника состоялось въ торжественной обстановкѣ, въ присутствіи Императора Николая I, большого количества ветерановъ, инвалидовъ и войскъ. Описывая торжество открытія, и заключающій его парадъ войскамъ, В.А. Жуковскій говоритъ: "Чудесное видѣніе кончилось. Остался одинъ Бородинскій памятникъ съ Багратіоновымъ гробомъ, озаряемые яснымъ небомъ и кругомъ ихъ спокойные холмы, одѣтые жатвой".

95 лѣтъ спустя въ I932 г. памятникъ доблести Русской Арміи былъ снесенъ. Постановка остальныхъ памятниковъ на Бородинскомъ полѣ была пріурочена къ I00-лѣтней годовщинѣ боя къ I9I2 году.

За два года до юбилея была учреждена особая междувѣдомственная комиссія, которой было поручено разработать цѣлый рядъ проэктовъ, связанныхъ съ этой годовщиной. Ремонтъ полевыхъ укрѣпленій, постройка шоссе и постановка памятниковъ.

Къ I00-лѣтней годовщинѣ, большинство проэктовъ,одобренныхъ комиссіей, было выполнено. Все что возможно было возстановить было отремонтировано, но изъ шести предположенныхъ памятниковъ на средства казны было поставлено только два. На командномъ мѣстѣ Кутузова въ дер. Горки и на могилѣ ген. Невѣровскаго,прахъ

котораго еще въ Іюлѣ былъ перевезенъ изъ гор. Галле въ Германіи. Всѣ остальные памятники были поставлены исключительно на средства войсковыхъ частей, на деньги собранныя среди офицеровъ и солдатъ. Всѣ памятники поставлены точно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сражались и особенно отличились поставившія ихъ войсковыя части.

Противъ села Бородина, на правомъ берегу р. Колочи, стоитъ памятникъ Л.-Гв. Егерскому полку и "ихъ боевымъ товарищамъ чинамъ Гвардейскаго Экипажа". У моста черезъ Колочь стоитъ памятникъ I-му и I9-му Егерскимъ полкамъ. Въ серединѣ расположенія Русскихъ войскъ, у центральной высоты - иначе у батареи Раевскаго, находится цѣлая группа памятниковъ.

Между дер. Горки и этой высотой стоитъ памятникъ полкамъ 7-ой пѣх. дивизіи ген. Капцевича: Московскому, Псковскому, Софійскому и Либавскому. Немного южнѣе высоты - памятникъ полкамъ 24-ой пѣх. дивизіи ген. Лихачева: Уфимскому, Ширванскому, Бутырскому и Томскому. На высотѣ дер. Горки памятникъ Кутузову — обелискъ изъ краснаго гранита съ летящимъ орломъ на вершинѣ. Восточнѣе батареи Раевскаго памятникъ ген. Невѣровскому, памятникъ полкамъ 23-ей пѣх. дивизіи ген. Бахметьева: Рыльскому, Екатеринбургскому, Селенгинскому и I8-му Егерскому. Тамъ же находятся два памятника полкамъ I-ой кирасирской дивизіи ген. Депрерадовича. Одинъ Кавалергардамъ и Конной Гвардіи, другой Астраханскому кирасирскому полку.

У сѣверной окраины дер. Семеновское стоятъ памятники Конной артиллеріи и полкамъ I2-ой пѣх. дивизіи ген. Васильчикова: Нарвскому, Смоленскому, Новоингерманландскому и Алексопольскому.

Тамъ, гдѣ находились Семеновскія, иначе Багратіоновы флеши, кромѣ памятника, поставленнаго М.М. Тучковой, у средняго укрѣпленія стоитъ памятникъ полкамъ 3-ей пѣх. дивизіи ген. Коновницына: Ревельскому, Черниговскому и Копорскому. Памятникъ Муромскому полку этой дивизіи стоитъ отдѣльно, ближе къ Семеновскому ручью. У лѣваго укрѣпленія находятся памятникъ полкамъ 27-ой пѣх. дивизіи ген. Невѣровскаго: Виленскому, Одесскому, Симбирскому и Тарнопольскому.

Восточнѣе этого укрѣпленія - памятникъ I-ой Гв. Конной батареи. Рядомъ съ нимъ, ближе къ опушкѣ Утицкаго лѣса, стоитъ памятникъ полкамъ III-го кавалерійскаго корпуса ген. барона Корфа: Курляндскому, Оренбургскому, Сибирскому, Иркутскому драгунскимъ и Сумскому и Маріупольскому гусарскимъ.

Въ районѣ тѣхъ же флешей стоятъ памятники: Сапернымъ частямъ 4-ой пѣх. дивизіи, полкамъ 2-ой гренадерской дивизіи принца Мекленбургъ Шверинскаго: Кіевскому, Астраханскому, Московскому, Фанагорійскому, Симбирскому и Малороссійскому, полкамъ сводной гренадерской дивизіи гр. Воронцова (сводные гренадерскій батальоны I2-ой и 26-ой пѣх. дивизіи).

Рядомъ съ Муромскимъ памятникомъ стоитъ памятникъ полкамъ IУ-го кав. корпуса гр. Сиверса: Харьковскому, Черниговскому, Кіевскому, Новороссійскому драгунскимъ, Ахтырскому гусарскому и Литовскому уланскому.

У Семеновскаго ручья, ближе къ его истоку, стоятъ памятники Л.-Гв. Литовскаго и Л.-Гв. Измайловскаго полковъ.

Послѣ парада и освященія памятника Гвардейской кирасирской бригадѣ на Бородинскомъ полѣ (полки Кавалергардскій и Лейбъ-Гвардіи Конный) командиръ Гвардейскаго Корпуса генералъ-адъютантъ Безобразовъ даетъ объясненія Государю объ атакахъ этихъ двухъ полковъ 26-го Августа 1812-го года

За Государемъ стоятъ Министръ Двора баронъ Фредериксъ, генералъ Скоропадскій и справа отъ генерала Безобразова, Великій Князь Михаилъ Александровичъ и князь Юсуповъ. За памятникомъ князь А.А. Гагаринъ и генералъ Берновъ.

На крайнемъ лѣвомъ флангѣ расположенія Русской Арміи стоятъ памятники полкамъ 17-ой пѣх. дивизіи Олсуфьева: Рязанскому, Бѣлозерскому, Брестскому, Вильманстрандскому, полкамъ 1-ой гренадерской дивизіи гр. Строгонова : Аракчеева, С.-Петербургскому, Екатеринославскому и Таврическому. Памятникъ Павловскаго гренадерскаго полка этой дивизіи стоитъ отдѣльно тамъ же.

На передовомъ укрѣпленіи Русской Арміи, на Шевардинскомъ редутѣ, стоитъ памятникъ 12-ой батарейной роты 7-ой артиллерійской бригады.

Впереди Шевардинскаго редута, на той высотѣ, на которой во время боя находился Наполеонъ, стоитъ обелискъ изъ сѣраго гранита, съ бронзовымъ орломъ на вершинѣ "Aux Morts de la Grande Armée". Поставленъ онъ въ 1913 г., потому что пароходъ, везшій первоначальный памятникъ, затонулъ въ 1912 году въ пути изъ Франціи въ Россію.

...

Большинство свѣденій для этой статьи взяты изъ "Повѣсть о великой битвѣ Бородинской" Н. Полевой. СПБ. 1844. Сборникъ "Бородино 1812-1963", Москва, 1963.

Выписки изъ донесеній :

Командира 1-ой бригады 1-ой Кирасирской дивизіи генералъ-майора Бороздина генералу отъ инфантеріи Барклаю де Толли.

" ... потомъ по соединеніи со мною генералъ майора Шевича съ полками подъ его командой состоящими, полкъ Кавалергардскій подъ командой полк. Левашева ударилъ стремительно на непріятельскихъ кирасиръ, мгновенно опрокинулъ оныхъ и, преслѣдуя сильно поражалъ ... ген. Шевичъ рекомендуетъ оказавшихъ отличную храбрость и мужество Кавалергардскаго полка полковниковъ: командовавшаго полкомъ Левашева, Каблукова 1-го раненаго въ правую руку, Каблукова 2-го ... ротмистровъ: Бороздина, Уварова и Давыдова, которые ранены, первый въ лѣвую ногу картечью, у второго саблей изрублена голова, а Давыдовъ ниже колѣна шпагой, Сталя и полкового адъютанта Храповицкаго ... порутчиковъ Гарбсъ Ховена раненаго саблей по лицу ... корнетовъ Шереметева, Языкова 1-го, фонъ Смиттена, Пашкова, такъ же раненыхъ; Шереметева саблей изранено лицо и въ лѣвой рукѣ контузія, Языковъ пулей въ лѣвую ногу, фонъ Смиттенъ пулей въ колѣнку правой ноги, Пашкова контузіей въ поясницу отъ ядра ... Генералъ майоръ Шевичъ за отличную храбрость и мужество проситъ о производствѣ въ офицеры Кавалергардскаго полка эстандартъ юнкеровъ Шереметева, Тургенева и юнкеровъ Шепелева, Данилова и Тургенева ..."

Генерала отъ инфантеріи Барклая де Толли
главнокомандующему князю Голенищеву Кутузову.

" ... послѣ сего, уже вся непріятельская конница обратилась на пѣхоту IУ корпуса и 7-ой дивизіи, но была не семъ мѣстѣ встрѣчена Кавалергардскимъ и Конногвардейскимъ полками и остановлена въ своихъ предпріятіяхъ, между тѣмъ присоединились къ симъ двумъ полкамъ Псковской драгунской и остальные полки II и III кавале-

рійскихъ корпусовъ и тутъ продолжалась жестокая кавалерійская битва, которая окончилась тѣмъ, что къ 5 часамъ непріятельская конница совершенно была опрокинута и отступила вовсе изъ вида нашего ..."

:———

Донесеніе главнокомандующаго генерала отъ инфантеріи князя Голенищева Кутузова Императору Александру I.

" ... кавалерія непріятельская, овладѣвъ курганомъ, въ большихъ силахъ бросилась на пѣхоту IУ корпуса и 7-ой дивизіи, но была встрѣчена Кавалергардскимъ и Конногвардейскимъ полками подъ командой генералъ майора Шевича: полки сіи, имѣя противъ себя несоразмѣрность силъ непріятельской кавалеріи, съ необычайнымъ мужествомъ остановили предпріятія ея и, будучи подкрѣплены нѣкоторыми полками II и III кавалерійскихъ корпусовъ, атаковали тотъ часъ непріятельскую кавалерію и, опрокинувъ ее совершенно, гнали до самой пѣхоты ..."

Изъ воспоминаній генерала Левенштерна.

"Генералъ Барклай спросилъ меня, знаю ли я гдѣ находится резервная Гвардейская кавалерія. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ приказалъ мнѣ передать генералу Шевичу, чтобы онъ двинулся рысью, не подвергая себя особенной опасности, но чтобы можно было воспользоваться его помощью въ случаѣ опасности. Это приказаніе вызвало всеобщій восторгъ въ рядахъ храбраго и отборнаго войска, которое горѣло желаніемъ принять участіе въ этомъ достопамятномъ сраженіи.

Когда я передалъ генералу Шевичу, что мнѣ приказано поставить его такъ, чтобы онъ не подвергался опасности отъ выстрѣловъ, то онъ отвѣчалъ мнѣ съ улыбкой: "Это будетъ трудно: мы уже давно смыкаемъ ряды, чтобы не было замѣтно убыли, которую причиняютъ намъ ядра, пойдемъ же впередъ, это лучшее что можемъ сдѣлать".

Едва успѣла эта прекрасная конница прибыть къ пункту, который я считалъ наиболѣе подходящимъ для того, чтобы выполнить приказаніе генерала, какъ на насъ наскочила масса непріятельской кавалеріи. Кавалергарды, Конногвардейцы помчались имъ на встрѣчу съ изумительнымъ хладнокровіемъ. Залпы слѣдовали за залпами. Наши молодцы покрыли себя славой.

Саксонскіе и французскіе кирасиры были храбрые противники, тѣмъ не менѣе побѣда въ этомъ пунктѣ осталась за нами и центръ нашей позиціи не былъ поколебленъ.

Былъ моментъ, когда поле битвы напоминало одну изъ батальныхъ картинъ, работы нашихъ знаменитыхъ художниковъ. Сраженіе перешло въ рукопашную схватку, сражающіеся смѣшались, не было болѣе правильныхъ рядовъ, были только отдѣльныя группы, которыя сталкивались между собой, люди дрались спереди, сзади, свои и враги смѣшались.

Полковникъ Левашевъ принялъ командованіе Кавалергардскимъ полкомъ. Я видѣлъ его въ самый критическій моментъ, когда онъ сопровождаемый всего нѣсколькими трубачами, старался собрать

свой полкъ. Я видѣлъ молодого Шереметева, получившаго большую рану саблей по лицу: подобная рана всегда дѣлаетъ честь кавалерійскому офицеру.

ТРИ ДОРОГИ

Тутъ въ небѣ румянецъ зари заигралъ
Коня своего богатырь осѣдлалъ,
Взнуздалъ дорогою уздою,
Кольчугу и шлемъ золоченый надѣлъ
Взялъ мечъ, взялъ колчанъ съ полудюжиной стрѣлъ
И лукъ съ боевой тетивою.

Могучъ, своенравенъ и молодъ былъ онъ,
Не вѣдалъ онъ волѣ помѣхъ и препонъ,
Богатъ былъ здоровьемъ и силой.
Въ груди бушевала кипучая кровь
Еще не плѣнила сердце любовь
Очами красавицы милой.

Весеннее утро сіяло кругомъ
И, ярко бѣлѣя, въ шатрѣ голубомъ,
Какъ лебеди, тучки скользили.
Блистала алмазной росою трава,
Парчей изумрудной сверкала листва
И пчелы за данью спѣшили.

Прекрасенъ, чудесенъ былъ ясный просторъ,
И въ темный, таинственный сказочный боръ
Конь всадника ввезъ удалого,
Гдѣ въ воздухѣ пахло столѣтней сосной,
Опавшею хвоей, янтарной смолой
И мхомъ корневища сѣдого.

Безпечно и радостно, съ легкой душой
Онъ ѣхалъ глухой, незнакомой тропой,
Исполненъ истомы и лѣни.
Былъ сумраченъ сосенъ задумчивый видъ,
И вторило эхо ударамъ копытъ,
Будя заповѣдныя сѣни.

Но вотъ все рѣдѣетъ таинственный боръ,
И витязь въѣзжаетъ въ широкій просторъ
Поляны съ росистой травою,
Съ которой впередъ три дороги лежатъ,
И возлѣ у каждой по камню стоятъ
Съ ихъ вѣщей въ грядущемъ судьбою.

И камень у первой ему говоритъ:
Кто, путь этотъ выбравъ, впередъ поспѣшитъ,
Тотъ сыщетъ прекрасную долю.
Онъ будетъ всю жизнь неизмѣнно богатъ,
Жить будетъ въ довольствѣ и въ блескѣ палатъ,
Пить вдоволь и явства ѣсть въ волю.

А камень вѣщунъ на дорогѣ второй
Вѣщаетъ словами судьбы роковой:
Кто путь этотъ выбрать рѣшится,
Тотъ встрѣтитъ царевну, понравится ей
И къ радости общей, женившись на ней,
Съ ней будетъ свой вѣкъ веселится.

И камень на третьей дорогѣ гласитъ:
Кто въ путь этотъ грозный пуститься рѣшитъ,
Тотъ прежде измѣрь свои силы.
За подвигъ безумца отважнаго ждетъ
Безсмертная слава, всеобщій почетъ
И холмъ величавой могилы...

И витязь очами своими сверкнулъ,
На путь злополучный съ усмѣшкой взглянулъ
И, молча подъ шопотъ дубравы,
Поѣхалъ безстрашно на вѣрномъ конѣ
Въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней по веснѣ
Дорогою смерти и славы.

С. Бѣхтѣевъ

КАВАЛЕРГАРДЫ ВЪ ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

В.Н. Звегинцовъ

ГЛАВА ВТОРАЯ

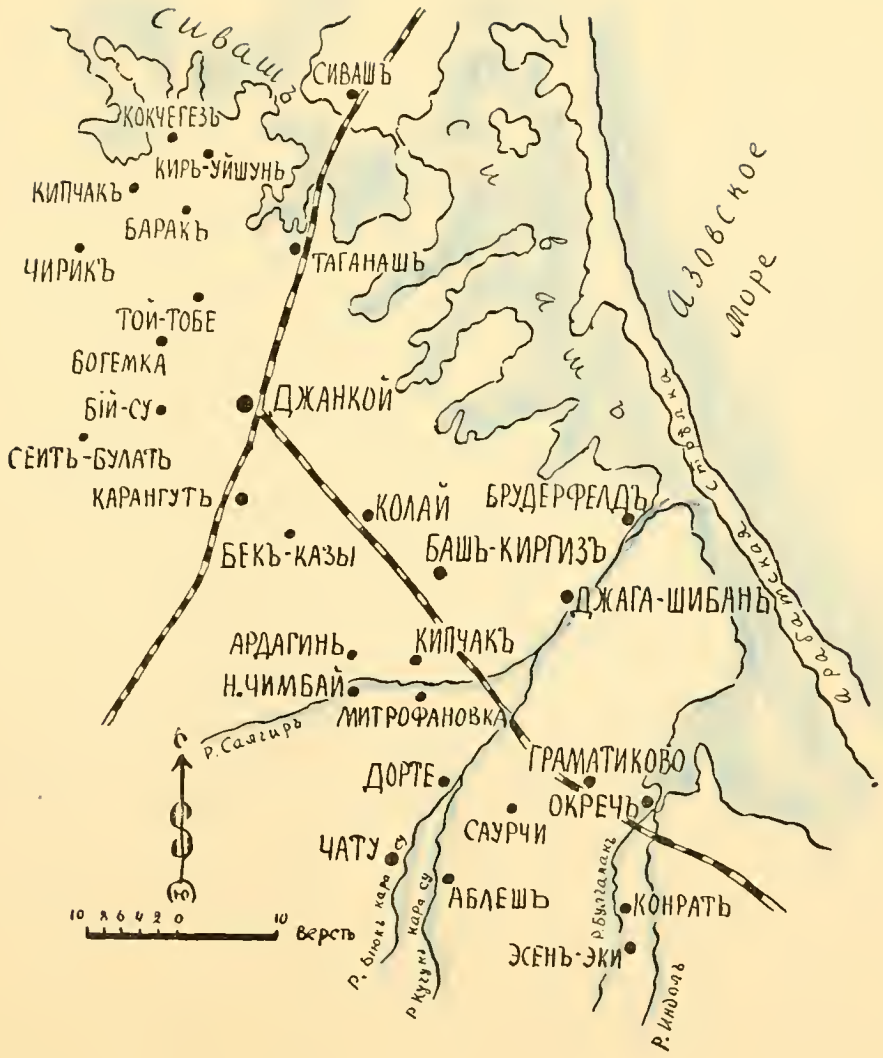
Акъ Монайскія позиціи. Поискъ конницы въ тылу красныхъ. Переходъ въ наступленіе. Взятіе Армянскаго Базара. Выходъ въ Сѣверную Таврію и охраненіе на Днѣпрѣ.

Керченскій полуостровъ, т.е. та часть Крыма, которая оставалась еще въ рукахъ Крымско-Азовской Арміи, представляла собой вытянутую кишку длинною около 75 верстъ и отрѣзанной отъ остальной части Крыма линеей фронта, идущей отъ Арабатской Стрѣлки на сѣверѣ почти перпендикулярно къ югу, на побережьѣ Чернаго моря, протяженіемъ приблизительно 20 верстъ.

Единственный портъ, черезъ который шло все снабженіе Арміи, была Керчь, связанная съ фронтомъ желѣзной дорогой Керчь - Владиславовка. Степь, занимающая весь полуостровъ, была совершенно безлѣсна, сильно волниста и пересѣчена многими оврагами, ярами и балками. За исключеніемъ нѣсколькихъ озеръ къ югу отъ шоссейной дороги Керчь-Ѳеодосія, степь была бѣдна хорошей питьевой водой, за то изобиловала мало пригодными для питья солеными, желѣзистыми и сѣрными источниками.

На этой небольшой площади скопились всѣ тыловыя учрежденія Арміи. Ея обозы, хозяйственныя части, гражданское управленіе, госпитали, бѣженцы изъ Сѣверной Тавріи и кадры формирующихся частей. Для послѣднихъ, въ особенности для конницы и артиллеріи, создались тяжелыя условія формированія.

Для разгрузки тыла и облегченія формированія, командованіе Арміи рѣшило перебросить на Таманскій полуостровъ въ первую очередь запасныя и хозяйственныя части конницы и артиллеріи.


Сиваш
СИВАШЪ
КОКЧЕГЕЗЪ
КИРЬ-УЙШУНЬ
КИПЧАКЪ
БАРАКЪ
ЧИРИКЪ
ТАГАНАШЪ
ТОЙ-ТОБЕ
БОГЕМКА
БІЙ-СУ
ДЖАНКОЙ
СЕЙТЪ-БУЛАТЪ
КАРАНГУТЪ
КОЛАЙ
БРУДЕРФЕЛДЪ
БЕКЪ-КАЗЫ
БАШЪ-КИРГИЗЪ
ДЖАГА-ШИБАНЪ
АРДАГИНЬ
КИПЧАКЪ
Н.ЧИМБАЙ
МИТРОФАНОВКА
Р. Салгирь
ГРАМАТИКОВО
ДОРТЕ
ОКРЕЧЬ
САУРЧИ
ЧАТУ
АБЛЕШЪ
КОНРАТЪ
ЭСЕНЬ-ЭКИ
Р. Биюк кара су
Р. Кучук кара су
Р. Булганакъ
Р. Индол
Азовское море
10 верстъ

Стоявшія у станціи Салынь хозяйственная часть и запасный эскадронъ Сводно-Кирасирскаго полка были переведены въ станицу Старо-Титоровскую на Кубань, оставивъ въ Керченскомъ порту у Брянскаго завода небольшую часть обоза, какъ промежуточную базу, черезъ которую проводило все снабженіе полка.

Фронтъ, на которомъ закрѣпилась Армія, начинался на берегу Сиваша у Арабатской Стрѣлки, шелъ дальше вдоль по почти всегда сухому ручью Парпачъ до озера того же названія, пересѣкая желѣзную и шоссейную дороги. Къ югу отъ озера фронтъ проходилъ западнѣе дер. Кунгели и упирался своимъ лѣвымъ флангомъ въ Черное море. Оба фланга Арміи прикрывались судами Англо-Французской эскадры и тѣми остатками Черноморскаго Флота, которые еще находились въ рукахъ Добровольческой Арміи. Огонь этихъ эскадръ имѣлъ подавляющее значеніе при отбитіи атакъ Красной Арміи и при переходѣ въ наступленіе III А. К. Линія фронта не измѣнилась въ теченіи тѣхъ двухъ мѣсяцевъ, что предшествовали прорыву укрѣпленной позиціи красныхъ.

Районъ дѣйствій полка за этотъ періодъ, кромѣ дня 27 апрѣля, когда онъ участвовалъ въ рейдѣ конницы на красные тылы, былъ исключительно сѣверный отсѣкъ фронта Арабатъ - Акъ Монай. Впереди этого участка полкъ высылалъ ночные и дневные дозоры, секреты, а вглубь Арабатской Стрѣлки наблюденіе и развѣдку.

Въ ночь на 27 Апрѣля всѣ конныя части Крымско-Азовской Арміи: Сводно-Кирасирскій и 2-ой Офицерскій Дроздовскій полки и Гвардейскій Кавалерійскій дивизіонъ съ Гв. Конной батареей выступили подъ начальствомъ командира Дроздовскаго полка пол. Барбовича для поиска въ тылу красныхъ въ районѣ узловой жел.-дорожной станціи Владиславовка. Рейду конницы должна была содѣйствовать 5 пѣх. дивизія, наступая по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги въ общемъ направленіи на станцію Владиславовка.

На разсвѣтѣ конница, имѣя въ головѣ Дроздовскій конный полкъ, подошла къ д. Камыши на Черноморскомъ побережьѣ и, при поддержкѣ огня союзной эскадры, стремительнымъ ударомъ прорвала охраненіе и фронтъ красныхъ и глубоко врѣзалась въ ихъ тылы.

Красные начали спѣшно отходить на ст. Владиславовка, очистивъ не только Ближніе и Дальніе Камыши, но и дер. Аджигалъ. Въ самой Феодосіи началась паника.

Однако, воспользовавшись прекращеніемъ огня судовой артиллеріи, красные у д. Тамбовка, пытались остановить движеніе Сводно-Кирасировъ, идущихъ въ правой колоннѣ. Кавалергарды и Кирасиры Ея Величества были спѣшены и высланы въ цѣпь. Когда цѣпи подошли почти вплотную къ деревнѣ, красные начали отходить, преслѣдуемые лавами Конногвардейцевъ и Кирасировъ Его Величества. Начальникъ полковой пулеметной команды Кирасировъ Ея Величества шт.-ротмистръ Гончаренко былъ раненъ пулей въ руку.

Сама ст. Владиславовка была занята пѣхотой, понесшей довольно значительныя потери, въ томъ числѣ раненымъ начальника 5-ой дивизіи ген. Шиллингъ.

Захвативъ большое количество оружія, конница вернулась на свои биваки, а полкъ былъ отведенъ въ армейскій резервъ въ колонію Кенигезъ.

На разсвѣтѣ 30 Апрѣля, подъ покровомъ густого тумана, красные прорвали фронтъ нашей пѣхоты, выбили ее изъ окоповъ и захватили въ тылу деревни Акъ Монай и Огузъ Тобе.

Полкъ былъ спѣшно вызванъ на поддержку пѣхоты, но еще до его подхода къ Огузъ Тобе положеніе на фронтѣ было возстановлено контръ-атакой частнаго резерва и, главнымъ образомъ, огнемъ судовъ, стоявшихъ въ Азовскомъ морѣ. Несмотря на это, полкъ былъ оставленъ въ резервѣ въ брошенной жителями деревнѣ Акъ Монай.

Татарская деревня Акъ Монай, живописно расположенная на высокомъ, крутомъ берегу Азовскаго моря, сравнительно мало пострадала отъ артиллерійскаго огня. Дома-сакли были чисты. Въ нихъ не было ни стульевъ, ни столовъ, а по татарскому обычаю, на глинобитномъ полу, на войлокѣ и циновкахъ было много подушекъ и невысокіе рѣзные столики.

I-го Мая полкъ долженъ былъ перейти въ Огузъ Тобе. На переходѣ было получено извѣстіе, что красные вновь перешли въ наступленіе и, несмотря на огонь эскадры, захватили окопы сѣвернѣе желѣзной дороги на Керчь и продолжаютъ продвигаться въ нашъ тылъ.

Не дожидаясь приказанія, полк. Даниловъ немедленно повернулъ полкъ и повелъ его на выстрѣлы. Рядомъ послѣдовательныхъ атакъ, пѣшихъ: Кавалергарды, Кирасиры Его Величества и Конногвардейцы, конныхъ: Кавалергарды и Кирасиры Ея Величества, продвиженіе красныхъ было остановлено.

Подъ дождемъ, въ нескошенныхъ хлѣбахъ, перемѣшавшіяся цѣпи Сводноkирасиръ и сводnаго полка Кавказской кав. дивизіи, на плечахъ отступающихъ красныхъ, вновь заняли окопы и повсемѣстно возстановили положеніе.

Но союзная эскадра, не разобравъ ракетные сигналы, еще нѣкоторое время продолжала бить по, только что занятымъ нами, окопамъ. Ночью весь полкъ отошелъ на Огузъ Тобе, куда пришелъ ра разсвѣтѣ совершенно промокшій подъ проливнымъ дождемъ.

Послѣ этой вторичной, неудачной попытки прорвать нашъ фронтъ, красные больше ни разу не тревожили наши части. Только изрѣдко красная развѣдка и наша встрѣчались въ никѣмъ не занятой д. Джанторы, куда и тѣ и другіе заходили, главнымъ образомъ, для поимки домашней птицы.

Но, если на фронтѣ царило такое, почти мирное затишье, то нельзя было сказать того же про тылъ Арміи.

Въ районѣ Акъ Моная, Хаджи Мушкая и Керчи, въ непосредственной близости самого города, находились огромныя каменоломни. Съ незапамятныхъ временъ скифовъ, кимерійцевъ и грековъ велась въ нихъ разработка камня. За это время каменоломни протянулись подъ землей на много, много десятковъ верстъ. Выходы изъ нихъ находились въ разныхъ мѣстахъ. Въ старинной турецкой крѣпости Ени Кале, въ деревняхъ Акъ Монай, Хаджи-Мушкай, въ поселкѣ Новый Карантинъ, у Брянскаго завода и въ самой Керчи.

Въ послѣдніе годы каменоломни стали притономъ контрабандистовъ, дезертировъ, а въ гражданскую войну, различныхъ шаекъ

Азовское Море
Сиваш
ГРАМАТИКОВО
ОКРЕЧЬ
КОПЬ-ОТУЗЬ
АРАБАТЪ
АКЪ-МОНАЙ
ДЖАМИЧИ
БОЙ-ХОЛЖА
ДЖАНТОРЫ
КОНРАТЪ
ЭСЕНЬ-ЭКИ
БАРАКЪ
ОГУЗЪ-ТОБЕ
ИСЛАМЪ-ТЕРЕКЪ
КІЕТЬ
ТУЛУМЧАКЪ
ВЛАДИСЛАВОВКА
ПАРПАЧЬ
КУНГЕЛИ
ТАМБОВКА
АДЖИГАЛЪ
ДАЛЬНІЕ КАМЫШИ
10 верстъ
ѲЕОДОСІЯ
Черное
Море

бандитовъ и мѣстныхъ большевиковъ. Изъ этихъ каменоломень красные предпринимали цѣлый рядъ вылазокъ. Особенно въ началѣ Апрѣля, когда они захватили Царскій Курганъ, при отбитіи котораго былъ раненъ Кирисиръ Ея Величества шт.-р. Деконскій. Затѣмъ 15 Мая, когда имъ удалось временно захватить обозъ Сводно-Кавказскаго п. и плотную подойти къ нашей полковой базѣ.

При отбитіи этого нападенія въ ночной темнотѣ перемѣшались наши и красныя цѣпи. Красными былъ взятъ въ плѣнъ Кавалергардъ Агафоновъ. Черезъ нѣсколько дней ему удалось обмануть бдительность бандитовъ и бѣжать, унеся съ собой въ эскадронъ двѣ винтовки.

Но самое сильное выступленіе каменоломщиковъ было поздно вечеромъ 8-го Іюня. Около 23 часовъ красные, числомъ болѣе двухъ тысячъ съ пулеметами, произвели вылазку изъ Хаджи Мушкайской каменоломни и двинулись въ центръ города. Къ нимъ присоединились мѣстные Керченскіе большевики. Одно время можно было опасаться, что весь городъ будетъ въ ихъ рукахъ. Имъ удалось захватить вокзалъ, почтамтъ. Самъ штабъ Арміи, помѣщавшійся въ гостиницѣ, едва не попалъ цѣликомъ въ ихъ руки. Отовсюду неслись крики и безпорядочная ружейная и пулеметная стрѣльба.

Въ кромѣшной тьмѣ чинамъ штаба удалось отойти на Митридатскій Холмъ и организовать тамъ оборону. Въ ней приняли участіе начальникъ связи Сводно-Кирасирскаго полка шт.-р. Кирасиръ Ея Величества Гросманъ съ шестью Кирасирами, Кавалергарды: адъютантъ штаба кавалерійской дивизіи рот. Звегинцовъ, шт.-р. Безобразовъ, везшій изъ Старо-Титоровской въ эскадронъ три пулемета Люиса съ восьмью Кавалергардами пополненія.

Остатокъ ночи и весь день 8-го всѣ атаки красныхъ на Холмъ Митридата неизмѣнно отбивались съ большими для нихъ потерями. Когда же въ ночь на 9-ое въ Керчь пришелъ, вызванный съ фронта 2-ой Дроздовскій конный полкъ, возстаніе было окончательно подавлено. Послѣдніе каменоломщики были окружены на городскомъ кладбищѣ и всѣ уничтожены.

Постепенно всѣ выходы изъ каменоломень были обнаружены, закурены сѣрой и забиты. Въ дальнѣйшемъ никакихъ выступленій изъ нихъ больше не производилось.

25-го Мая въ Огузъ Тобе былъ полученъ приказъ Главнокомандующаго Вооруженными силами Юга Россіи отъ 7/20 Апрѣля за № 617, въ которомъ Сводно-Кирасирскій полкъ считался офиціально сформированнымъ съ 24 Марта/6 Апрѣля. Въ полученномъ одновременно приказѣ по 5-ой дивизіи отъ 6/19 Мая за № 36 командиромъ полка утверждался полковникъ Даниловъ. Въ тотъ же день въ полку былъ отданъ приказъ № 1, въ которомъ перечислялся весь списочный составъ полка: людей и лошадей.

Въ Кавалергардскомъ эскадронѣ состояли: ком. эскадрона полк. Д.В. Коссиковскій, офицерами: рот. Г.С. Воеводскій, шт.-р. бар. Г.А. фонъ-деръ-Остенъ-Дризенъ, гр. И.Д. Толстой, М.В. Безобразовъ, Г.Г. Раухъ, А.Н. Шебеко, пор. гр. А.Д. Толстой, гр. Р.В. Мусинъ-Пушкинъ, кор. П.А. Роговичъ, И.Ф. Лодыженскій, гр. В.В. Мусинъ-Пушкинъ, В.С. Воеводскій и П.А. Струковъ.

Прикомандированными къ эскадрону I3-го Нарвскаго гусарскаго п. были кор. Черница изъ запаса Армейской Кавалеріи 57-лѣтній кор., директоръ Полтавскаго музыкальнаго училища, Ахшарумовъ. Вахмистромъ эскадрона утверждался подпрапорщикъ Гнѣвшинъ, взводными унтеръ-офицерами : ст. унт.-оф. Данилейникъ, мл. унт.-оф. Гришинъ и эстандартъ юнкеръ (пажъ) Шрамченко. Каптенармусомъ ст. унт.-оф. Васильевъ, помощникомъ каптенармуса еф. Беккеръ, вет. фельд. мл. унт.-оф. Скирда, эск. фельдшеръ мл. мед. фельд. Гвозденко.

Въ дальнѣйшемъ офицерскій составъ эскадрона увеличился въ Маѣ, вернувшимся изъ отпуска по болѣзни, пор. В.В. Шебеко, изъ Чеченской див. рот. гр. Г.А. Шереметевымъ и изъ Управленія Государственнаго Коннозаводства рот. В.Н. Звегинцовымъ и прикомандированіемъ къ эскадрону Гв. Конной артиллеріи пор. Сидоровымъ.

Строевой составъ эскадрона также сильно увеличился мобилизаціей и поступленіемъ добровольцевъ. Среди нихъ было четыре лицеиста: Исаковъ (убитъ), Герардъ (раненъ), Скаржинскій (раненъ), Мартыновъ (раненъ), 9 кадетъ Полоцкаго кадетскаго корпуса: Ситковскій, Трубниковъ (тяжело контуженъ), Короткій, Красиковъ, Вурумзеръ (раненъ), Былецкій, Стойчевъ, Ташкевичъ, Критскій, гимназистъ 2-ой Кіевской гимназіи Бухаринъ (раненъ).

Всѣ они доблестно несли боевую службу, большинство было произведено въ офицеры и прикомандированы къ Кавалергардскому эскадрону.

Въ серединѣ Мая войска Добровольческой Арміи въ Крыму подверглись коренному переформированію. Крымско-Азовская Армія была расформирована и всѣ ея части вошли въ составъ III А.К., командиромъ котораго былъ назначенъ ген. Добророльскій.

Вся конница была сведена въ дивизію подъ начальствомъ Кавалергарда, бывшаго командира Уланъ Ея Величества полк. И.М. Миклашевскаго. Въ составъ дивизіи вошли: Сводно-Кирасирскій полкъ полк. Даниловъ, 2-ой Офицерскій Дроздовскій конный п. полковникъ Барбовичъ, Гв. Сводно-Кавалерійскій дивизіонъ полк. Ковалинскій, Сводный полкъ Кавказской кав. див. полк. Поповъ и Гв. Конная батарея полк. Логадовскаго. Входившій одно время въ дивизію 2-ой Таманскій казачій п. находился постоянно въ отдѣлѣ на лѣвомъ, черноморскомъ флангѣ Корпуса и въ боевыхъ дѣйствіяхъ дивизіи участія не принималъ. Что же касается Св. п. Кавказской дивизіи, то онъ былъ еще пѣшимъ.

Начальникомъ штаба дивизіи былъ назначенъ ген. шт. полковникъ Шуйкевичъ, адъютантами: Кавалергарды ротм. Звегинцовъ - строевымъ, ротм. гр. Шереметевъ - хозяйственнымъ. Ординарцемъ начальника дивизіи Кавалергардъ пор. гр. Мусинъ-Пушкинъ.

Къ концу Мая Добровольческая Армія, послѣ упорныхъ боевъ въ каменноугольномъ районѣ, заняла Маріуполь и начала свое выдвиженіе въ сторону Мелитополя. Стало ясно, что въ самомъ ближайшемъ будущемъ и III А.К. долженъ будетъ перейти въ наступленіе.

Къ этому всѣ готовились и ждали съ нетерпѣніемъ наступленіе этого долгожданнаго дня. Наконецъ въ ночь на I8-го Іюня штабъ дивизіи разослалъ частямъ диспозицію.

По этой диспозиціи конницѣ полк. Миклашевскаго была поставлена задача: "Перейти въ наступленіе по фронту: побережье Сиваша - д. Тулумчакъ въ общемъ направленіи на ст. Исламъ Терекъ. Послѣ прорыва фронта красныхъ и взятія д. Тулумчакъ, направить 2-ой конный полкъ къ югу въ сторону жел. дороги, Сводно-Кирасирскій - къ сѣверу на д. Кіетъ. Связь между этими двумя полками поддерживаетъ Гв.-Сводно кавалерійскій дивизіонъ. Сводный полкъ Кавказской кав. дивизіи наступаетъ во второмъ эшелонѣ, служа поддержкой коннымъ частямъ".

Арабатскому отряду полк. Римскаго-Корсакова въ составѣ коннаго эскадрона Лейбъ-Драгунъ и пѣшаго полуэскадрона Кирасиръ Ея Величества было приказано прикрыть тылъ наступающихъ частей, перейдя въ наступленіе вдоль по Арабатской Стрѣлкѣ въ направленіе на гор. Геническъ.

Полк. Римскому-Корсакову, кромѣ англійскаго легкаго крейсера "Калипсо", должны были содѣйствовать русскія суда Азовской флотиліи отряда мичмана Севастьянова, вооруженныя двумя пушками Гочкисъ и четырьмя пулеметами пароходныя баржи "Графъ Игнатьевъ" и "Гидра", легкія вооруженные катера "Барабанщикъ" и "Вѣра".

Въ своемъ продвиженіи отрядъ сбилъ 26-го красныхъ у д.Чокракъ и занялъ 30-го брошенный красными гор. Геническъ, гдѣ было захвачено огромное количество обмундированія, снаряженія, вооруженія и продовольственные склады.

Было еще совершенно темно, когда въ половинѣ второго утра, полкъ подходилъ къ сборному мѣсту дивизіи у Арабата. За малымъ исключеніемъ, всѣ рядовые чины полка шли въ огонь впервые и у всѣхъ настроеніе было нервно-приподнятое. Въ три часа утра, за часъ до полнаго разсвѣта, по взвившимся на фронтѣ зеленымъ ракетамъ, союзныя эскадры Азовскаго и Черноморскаго морей открыли ураганный огонь по окопамъ и ближайшимъ тыламъ красныхъ. Вмѣстѣ съ флотомъ открыли огонь и наши полевыя батареи. Ревъ пушекъ всѣхъ калибровъ, отъ 3-хъ дюймовыхъ полевыхъ до 12-ти дюймовыхъ съ англійскихъ броненосцевъ, разрывы снарядовъ - все это слилось въ несмолкаемый гулъ, отъ котораго содрогался воздухъ.

Послѣ часового, безпрерывнаго обстрѣла, по сигнальнымъ краснымъ ракетамъ, флотъ перенесъ огонь на дальніе тылы красныхъ. Одновременно всѣ части III А.К. перешли въ общее наступленіе.

Дивизія полк. Миклашевскаго, имѣя во главѣ 2-ой конный полкъ, миновавъ никѣмъ не занятую д. Джанторы, прорвала проволочное заграждeніе и захватила д. Тулумчакъ. Пройдя деревню, Сводно-Кирасирскій полкъ повернулъ на деревню Кіетъ.

Но въ это время, красные, не находясь больше въ сферѣ огня Азовской эскадры, сами перешли въ энергичное контръ-наступленіе и отбросили полкъ до самой деревни Тулумчакъ. Тамъ на буграхъ передъ деревней, полкъ спѣшился и, поддержанный огнемъ "Калипсо", сдерживалъ наступленіе красныхъ до подхода Сводно Кавказскаго п. Съ его прибытіемъ, красные были отброшены и оба полка продолжали свое наступленіе на деревню Кіетъ.

Сводно-Кирасирамъ было приказано атаковать деревню въ конномъ строю. Полкъ сѣлъ на коней и перестроился въ два эшелона. Въ первомъ шли Кирасиры, во второмъ Кавалергарды и Конногвардейцы.

Обойдя деревню, головные эскадроны лихой атакой сбили красныхъ съ занятыхъ ими бугровъ и захватили деревню.

Преслѣдуя отходящихъ красныхъ, полкъ повернулъ на колонію Баракъ, но встрѣченный съ ея окрайны огнемъ и обстрѣленный краснымъ бронепоѣздомъ со стороны ст. Исламъ Терекъ, полкъ спѣшился и повелъ наступленіе цѣпями.

Уже въ сумеркахъ надвигавшейся ночи и при громовыхъ раскатахъ приближающейся грозы, 2-ой конный полкъ неудержимой конной атакой захватилъ ст. Исламъ Терекъ, а Сводно-Кирасирскій полкъ, совмѣстно съ подошедшей пѣхотой - кол. Баракъ. Въ I0 часовъ вечера, полкъ отошелъ подъ проливнымъ дождемъ на ночлегъ въ деревню Кіетъ.

Первый день наступленія закончился. Фронтъ красныхъ былъ прорванъ и они были всюду сбиты съ занимаемыхъ позицій. За этотъ день эскадронъ потерялъ убитымъ Кавалергарда Моссъ, нѣсколько легко раненыхъ и шесть убитыхъ лошадей. Въ штабѣ дивизіи былъ раненъ начальникъ дивизіи полк. Миклашевскій пулей въ плечо и его ординарецъ Кавалергардъ пор. гр. Мусинъ-Пушкинъ въ поясницу. Въ командованіе дивизіей вступилъ полковникъ Барбовичъ.

На разсвѣтѣ I9-го красная конница, подъ покровомъ густого тумана, атаковала и сильно потѣснила нашу пѣхоту у колоніи Баракъ. Въ 7 ч. утра полкъ былъ вызванъ для возстановленія положенія, но ко времени подхода полка къ кол. Баракъ, послѣдняя была уже цѣликомъ занята красными.

При поддержкѣ огня Гв. Конной батареи, послѣ трехъ часовъ боя, сопротивленіе красныхъ было, наконецъ, сломлено, кол. Баракъ вновь занята и красные отброшены на д. Бой Ходжа и колонію Унгутъ.

Подошедшій Сводно-Кавказскій полкъ продолжалъ наступленіе, а Сводно-Кирасирскій п. остался въ колоніи въ резервѣ. Но къ I5 часамъ полкъ былъ вызванъ въ Бой Ходжа, гдѣ полк. Даниловъ получилъ приказаніе выбить, совмѣстно съ Кавказцами арьергарды красныхъ, занимавшихъ деревни Копъ Отузъ, Собкинъ и Джамичи.

Развернувшись на лѣвомъ флангѣ Кавказцевъ, атакующихъ Копъ Отузъ, цѣпи полка атаковали Джамичи и заняли деревню, послѣ довольно упорнаго сопротивленія. Д. Собкинъ была очищена красными безъ боя. Ком. Кавказцевъ полк. Поповъ былъ раненъ. Въ командованіе полкомъ вступилъ полкъ Счастливцевъ. На ночлегъ полкъ отошелъ на колонію Баракъ.

Оставивъ довольно значительные арьергарды по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги, главные силы красныхъ отошли на линію рѣкъ Бьюкъ Карасу - Салгиръ, гдѣ и закрѣпились.

Для облегченія продвиженія III А.К. было рѣшено выслать конную бригаду дивизіи полк. Барбовича въ тылъ краснымъ въ районъ деревни Новый Чембай.

Утромъ 20-го полки Сводно-Кирасирскій и 2-ой Дроздовскій съ Гв. Конной батареей выступили на переправы черезъ деревни Конратъ и Эссенъ Эки. На переходѣ командиръ III А.К. горячо благодарилъ полки за боевую работу минувшихъ дней.

Въ одномъ изъ разъѣздовъ Кавалергардскаго эскадрона у ст. Грамматиково былъ раненъ начальникъ разъѣзда ефр. Вурумзеръ.

На слѣдующій день, послѣ ночлега въ Эссенъ Эки, бригада, минуя подъ проливнымъ дождемъ Русскій и Нѣмецкій Менгерменъ, Салгиръ и Новый Аблешъ, стала на ночлегъ въ д. Чату на переправахъ черезъ р. Бьюкъ Карасу.

22-го бригада продолжала движеніе подъ безнадежно непрерывнымъ дождемъ, отъ котораго дороги совершенно размокли и батарея съ трудомъ вытягивала орудія изъ непролазной грязи. Движеніе бригады было этимъ сильно замедлено и только поздно ночью полки подошли къ р. Салгиръ и стали на ночлегъ въ д. Новый Чембай.

Предполагавшееся ночное движеніе въ тылъ красныхъ, въ виду опозданія батареи и ея парка, было отложено на утро 22-го. Ночные разъѣзды, въ томъ числѣ Кавалергардскій разъѣздъ кор. Воеводскаго, обнаружили красную конницу въ д. Владиславовка, Ардагинъ и Будуй.

При переправѣ черезъ р. Салгиръ у хут. Митрофановка, полкъ попалъ подъ рѣдкій артиллерійскій обстрѣлъ. Перейдя р. Салгиръ въ бродъ, полкъ развернулся для конной атаки. Но красная конница боя не приняла и очистила Владиславовку. Высланный на д. Кипчакъ, Конногвардейскій эскадронъ въ ней никого не обнаружилъ.

Всѣ деревни и хутора, черезъ которые проходилъ полкъ, были очищены красными и только на обратномъ пути у д. Андреевка головной эскадронъ Кирасиръ Ея Величества на переправѣ черезъ р. Бьюкъ Карасу былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ. Въ конной атакѣ Кирасиры потеряли убитымъ пор. Веселовскаго.

На бивакъ полкъ сталъ въ д. Саурчи вмѣстѣ съ батареей и простоялъ тамъ до 25-го, когда вновь выступилъ на Новый Чембай.

На ночлегъ полкъ сталъ въ кол. Либенталь. Тамъ подъ командой полк. Коссиковскаго былъ выдѣленъ отрядъ въ составѣ двухъ эскадроновъ: Кавалергардскаго и Кирасиръ Ея Величества, взвода Кирасиръ Его Величества, полковой подрывной команды и пушки Гочкисъ, обслуживаемой Кирасирами Ея Величества.

Полк. Коссиковскому было приказано взорвать жел.-дорогу Джанкой - Симферополь, развѣдать полосу между этой желѣзной дорогой и шоссе Армянскій Базаръ - Симферополь, послѣ чего присоединиться къ полку 28-го въ районѣ деревни Юшунь.

Полк. Коссиковскій выступилъ на разсвѣтѣ 26-го и пройдя деревни Чалбаш и Музгляръ Кемельчи подошелъ къ д. Даниловка, между которой и ст. Курманъ Кемельчи было взорвано жел.-дорожное полотно. Послѣ короткаго привала отрядъ продолжалъ свое движеніе черезъ деревни Ташлы Кипчакъ, Бьюкъ Караджа и Александровка на Сеидъ Булатъ, гдѣ сталъ на ночлегъ. Населеніе всюду встрѣчало отрядъ цвѣтами.

27-го, пройдя д. Мамутъ Ходжа, Джанъ Сокалъ, Мангутъ, отрядъ заночевалъ въ хуторѣ Воронцовъ на шоссейной дорогѣ Армянскъ - Симферополь. Красные нигдѣ не были обнаружены. Утромъ 28-го отрядъ присоединился къ бригадѣ въ д. Юшунь.

Конницѣ полк. Барбовича было приказано сбить красныхъ, зани-

мавшихъ окопы на перешейкахъ между солеными озерами на подступахъ къ Армянскому Базару и взять городъ.

Полк. Данилову съ Сводно-Кирасирскимъ полкомъ, безъ Кавалергардскаго эскадрона съ приданной ему Гв. Конной батареей и эскадрономъ Уланъ Его Величества, надлежало сбить красныхъ изъ оплетенныхъ проволокой окоповъ на перешейкѣ Картъ Казакъ между Чернымъ моремъ и соленымъ озеромъ Старое.

Кавалергарды были направлены на перешеекъ между солеными озерами Старое и Красное, гдѣ красные занимали окопы у Пироговскаго хутора.

2-ой Конный, правѣе Кавалергардовъ, долженъ былъ атаковать красныхъ на перешейкѣ между озеромъ Красное и Сивашемъ, и выбить ихъ изъ хутор. Тимошенко, Домузгла и Карповая Балка.

Около 15 часовъ красные, выбитые полк. Даниловымъ изъ окоповъ, начали отходить на Армянскъ. Немного раньше Кавалергарды и Дроздовскій конный п. также сбили на своихъ участкахъ красныхъ и очистили отъ нихъ перешейки и вышли во флангъ и тылъ отступающихъ на Армянскъ.

Погода стояла невѣроятно жаркая въ день прорыва послѣднихъ позицій красныхъ на крымскихъ перешейкахъ между солеными озерами. Все кругомъ въ степи было выжжено. Густая солончаковая пыль, поднимаемая Кавалергардами при движеніи на Пироговскій хуторъ, облѣпила людей и лошадей и висѣла краснымъ облакомъ надъ эскадрономъ. Впереди, между блестѣвшими, словно большіе зеркала, солеными озерами, едва виднѣлись, подернутыя дрожащимъ маревомъ, постройки Пироговскаго хутора.

Высланный отъ эскадрона разъѣздъ кор. гр.Вас.Мусинъ-Пушкина обнаружилъ красную пѣхоту, занимавшую впереди хутора окопы, оплетенные проволочнымъ загражденіемъ.

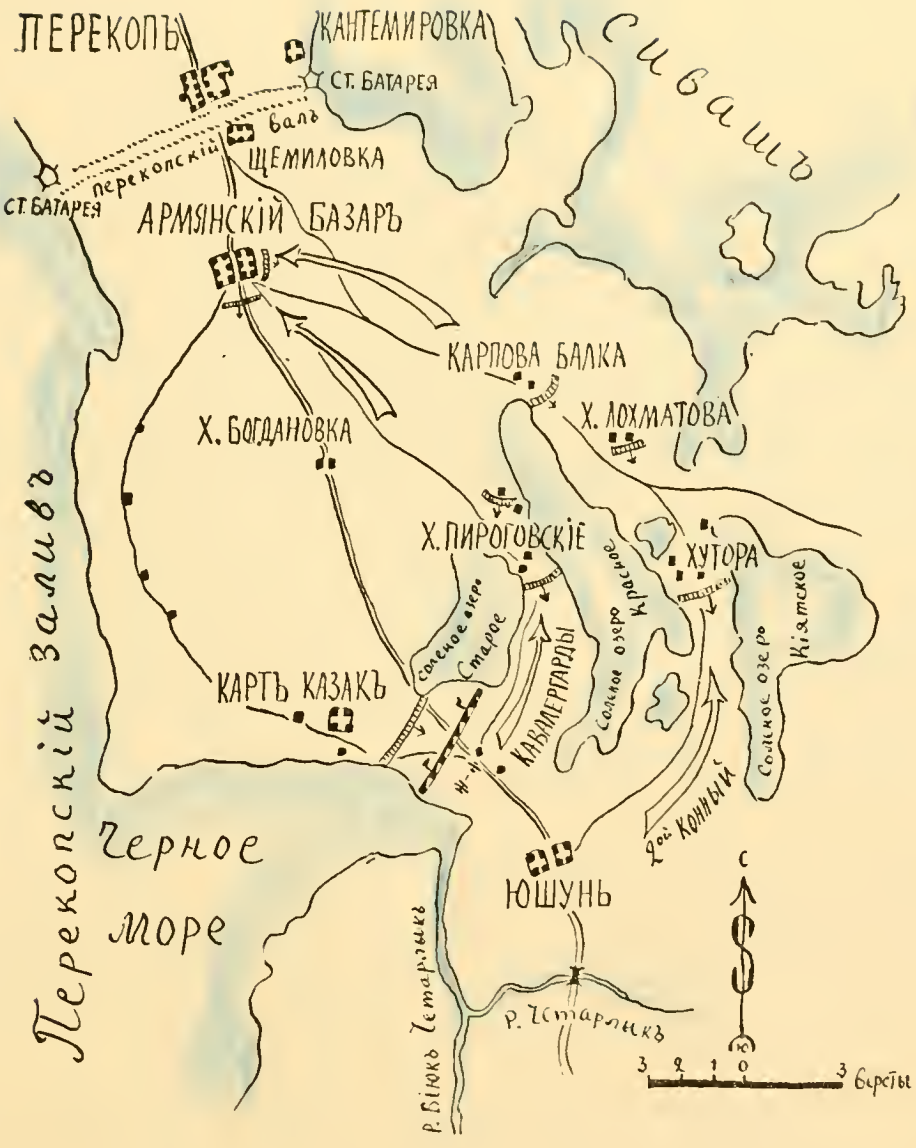
Съ очень дальней дистанціи по эскадрону былъ открытъ ружейный огонь. Красные видимо нервничали, стрѣляли плохо, излетныя пули свистѣли высоко надъ головами.

Эскадронъ перестроился въ линію колоннъ по три. Пулеметныя тачанки вынеслись впередъ на карьерѣ и, послѣ крутого заѣзда на лѣво кругомъ, открыли огонь по хутору. Эскадронъ разомкнулся для атаки. Красные не выдержали и бросая оружіе бросились бѣжать.

Преслѣдуя бѣгущихъ, Кавалергарды проскакали хуторъ и ворвались въ Армянскъ. Одновременно съ ними, Дроздовскій конный п., во главѣ съ начальникомъ дивизіи и его штабомъ, выбилъ красныхъ изъ занимаемыхъ ими хуторовъ и на плечахъ бѣгущихъ красныхъ, также ворвался въ Армянскъ, гдѣ совмѣстными усиліями былъ полностью уничтоженъ еврейскій интернаціональный баталіонъ. Въ конной атакѣ Дроздовскаго полка, разрывомъ гранаты, былъ сильно контуженъ адъютантъ штаба дивизіи ротм. Звегинцовъ и эвакуированъ въ запасную часть полка.

На ночлегъ полкъ сталъ въ Армянскомъ Базарѣ, гдѣ простоялъ до I-го Іюля, собирая огромное имущество, брошенное въ городѣ и въ его окрестностяхъ.

Въ газетѣ "Ѳеодоссійскій Вѣстникъ" отъ I8 Іюня/I Іюля было сказано: "Доблестныя части Крымской группы, перейдя въ наступле-


ПЕРЕКОПЪ
КАНТЕМИРОВКА
СТ. БАТАРЕЯ
Сивашъ
валъ
перекопскій
ЩЕМИЛОВКА
СТ. БАТАРЕЯ
АРМЯНСКІЙ БАЗАРЪ
КАРПОВА БАЛКА
Х. ЛОХМАТОВА
Х. БОГДАНОВКА
Х. ПИРОГОВСКІЕ
ХУТОРА
Соленое озеро
Старое
Красное
Соленое озеро
Кіятское
Соленое озеро
КАРТЪ КАЗАКЪ
КАВАЛЕРГАРДЫ
2ой КОННЫЙ
Перекопскій заливъ
Черное море
ЮШУНЬ
р. Бiюкъ Четарлыкъ
р. Четарлыкъ
С
Ю
3 2 1 0 3 версты

ніе на Перекопскомъ направленіи, атаковали въ конномъ строю противника, оказавшаго сильное сопротивленіе. Разбивъ противника въ этомъ направленіи, наши доблестные КАВАЛЕРГАРДЫ и КИРАСИРЫ преслѣдовали противника, изрубивъ болѣе 600 человѣкъ и захвативъ 250 плѣнныхъ, 4 пулемета, пулеметныя ленты и тысячи патроновъ. Продолжая преслѣдованіе бѣгущаго противника, наши части овладѣли с. Булганакъ, гдѣ захватили одно дѣйствующее орудіе съ зарядным ящикомъ, обозъ, околотокъ и прочую военную добычу. Воодушевленныя сильнымъ прорывомъ, наши части продолжали преслѣдовать разбитаго противника, овладѣли гор. Армянскъ, гдѣ вновь захвачена огромная добыча."

I-го Іюля полкъ покинулъ Армянскій Базаръ и, минуя Перекопъ, Чаплинку и Черную Долину, нигдѣ не встрѣтивъ крупныхъ красныхъ частей, сталъ на бивакъ въ мѣс. Большая Каховка на лѣвомъ берегу Днѣпра. Въ этомъ районѣ полкъ простоялъ до 25-го, неся сторожевое охраненіе и развѣдку вверхъ по Днѣпру черезъ с. Большая Лепетиха до д. Ушколка, протяженіемъ около 80 верстъ.

За это время Кавалергарды, подобно прочимъ эскадронамъ полка, развернулись въ дивизіонъ, сформировавъ свой 2-й эскадронъ и дивизіонную пулеметную команду. 2-ой эскадронъ былъ сформированъ, почти исключительно, изъ плѣнныхъ красноармейцевъ. Они оказались отличными, надежными людьми и въ первыхъ же бояхъ показали себя храбрыми солдатами, стойкими при оборонѣ и съ большимъ порывомъ при наступленіи. Всего Кавалергарды получили около ста плѣнныхъ и столько же лошадей подъ сѣдло и въ пулеметныя запряжки. Большинство лошадей были завода Фальцъ Фейна изъ Асканіи Новой и Бѣлокриницкаго коннаго завода.

Полк. Коссиковскій вступилъ въ командованіе дивизіономъ, шт.-ротм. бар. Г.А. Остенъ-Дризенъ № I-мъ эскадрономъ, шт.-ротм. гр. И.Д. Толстой № 2-мъ и шт.-ротм. А.Н. Шебеко дивизіонной пулеметной командой.

3-го ген. Деникинъ отдалъ въ приказѣ по Вооруженнымъ Силамъ Юга Россіи "Московскую Директиву". Въ приказѣ было объявлено начало наступленія на Москву.

Всѣ войска были раздѣлены на три группы: Правофланговая - Кавказская Армія ген. бар. Врангеля должна была наступать вверхъ по Волгѣ на Царицынъ-Саратовъ, Средняя - Донская Армія ген. Сидорина наступала по двумъ направленіямъ на Воронежъ и на Осколъ, и Лѣвофланговая - Добровольческая Армія ген. Май-Маевскаго наступала по фронту Харьковъ-Бахмачъ-Кіевъ.

I6-го Сводно-Кирасирскій полкъ сдалъ свой участокъ охраненія частямъ 34 пѣх. див. и отошелъ, сначала на с. Рубановка, затѣмъ на с. Михайловка, гдѣ простоялъ I0 дней.

Воспользовавшись долгой и спокойной стоянкой въ с. Михайловка и тѣмъ, что тамъ были соединены всѣ строевыя, хозяйственная и запасная части дивизіона, полк. Коссиковскій собралъ 25-го совѣщаніе старшихъ офицеровъ дивизіона для обсужденія разныхъ вопросовъ, связанныхъ съ разворачиваніемъ Кавалергардскаго эскадрона въ дивизіонъ. На этомъ совѣщаніи присутствовали ротм. графъ Г.А. Шереметевъ, В.Н. Звегинцовъ, шт.-р. бар. Г.А. фонъ-деръ Остенъ-Дризенъ, гр. И.Д. Толстой, М.В. Безобразовъ, А.Н. Щебеко, Г.Г. Раухъ, А.В. Чичеринъ и гр. А.Д. Толстой.

На ряду съ разными вопросами, собраніе старшихъ офицеровъ приняло въ дивизіонъ со всѣми правами офицерами кор. П.А. Струкова, прап. В.К. Львова и юнкера гр. Вл.Вл. Мусинъ-Пушкина.

За время боевъ на Крымскомъ полуостровѣ, запасная и хозяйственная части были переведены изъ станицы Старо-Титоровской, сначала въ колонію Окречь на Крымскій полуостровъ у ст. Грамматиково, затѣмъ въ с. Михайловка, откуда пошли онѣ по желѣзной дорогѣ на ст. Люботинъ.

Еще въ колоніи Окречь произошло раздѣленіе обще-полковой хозяйственной и запасной частей на четыре самостоятельныхъ дивизіонныхъ.Начальникомъ Кавалергардской запасной и хозяйственной частей былъ назначенъ ротм. Звегинцовъ. 23 всѣ конныя части дивизіи выступили на ст.Пришибъ для погрузки въ эшелоны и слѣдованія на ст. Люботинъ близъ Харькова.

Р О Ж Д Е С Т В Е Н К А

Изъ воспоминаній Г. Г. Рауха

Мнѣ вспомнился одинъ случай, среди многихъ другихъ, особенно ярко освѣщающій духъ, которымъ былъ проникнутъ рядовой составъ Кавалергардскаго дивизіона, тотъ Кавалергардскій патріотизмъ, духъ стараго полка, проявлявшійся и проявившійся съ исключительной силой въ тяжелой обстановкѣ неравной борьбы.

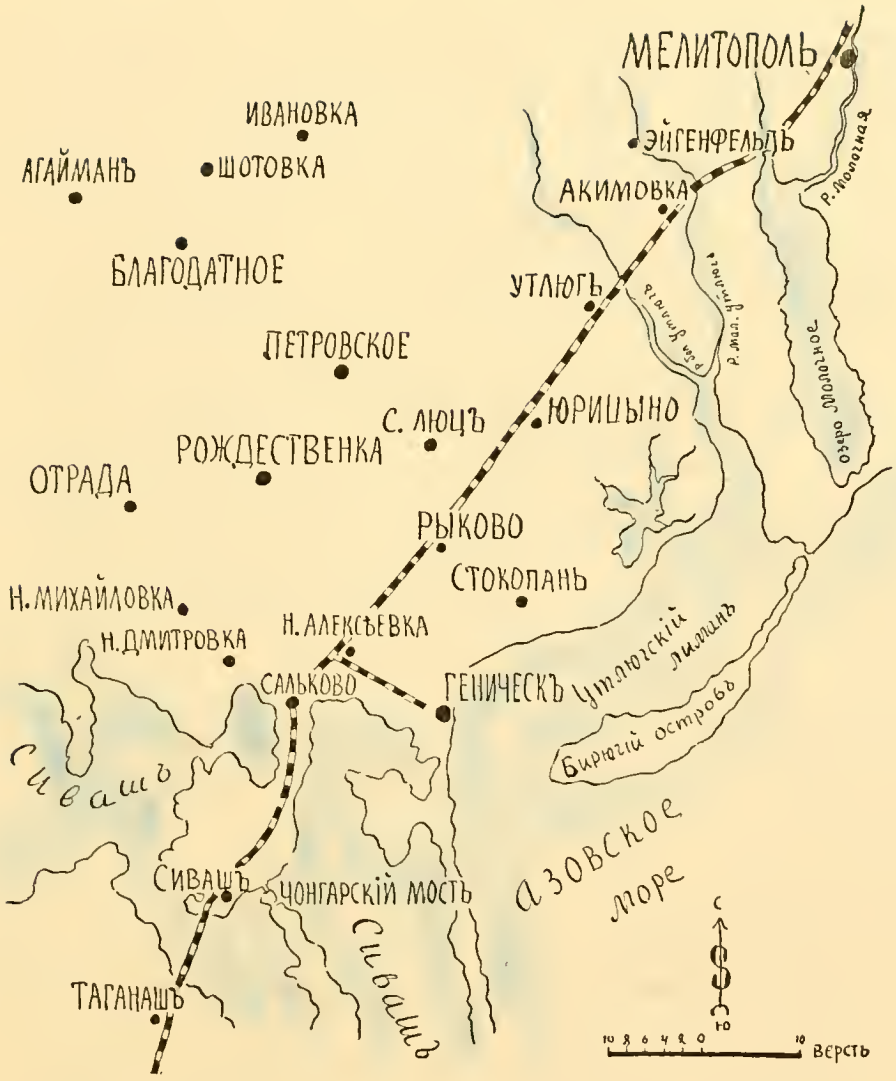
Случай этотъ произошелъ осенью 1920 года, когда Гвардейскій кавалерійскій полкъ, въ составѣ коннаго корпуса ген. Барбовича, пробивался изъ Сѣверной Тавріи въ Крымъ, сквозь Конную Армію Буденнаго, пытавшагося отрѣзать ему пути отхода.

Лѣто 1920 года, ознаменованное выходомъ Добровольческой Арміи изъ Крыма въ Сѣверную Таврію, прошло въ непрерывныхъ, упорныхъ и, подчасъ, очень тяжелыхъ бояхъ. Былъ занятъ широкій плацдармъ, включавшій часть лѣвобережной Украины, отъ Запорожья до устья Днѣпра, Орѣховъ, Жеребецъ, Маріуполь. Но удержать его и закрѣпить за собой становилось для Бѣлой Арміи все труднѣй и труднѣе.

Несмотря на войну съ Польшей, красное командованіе постепенно стягивало все, что могло на южный фронтъ. Уже прибытіе частей съ Кавказскаго фронта дало ему значительный перевѣсъ въ силахъ, а послѣ разгрома Польши и быстрой переброски войскъ съ Польскаго фронта, главнымъ образомъ I-ой Конной Арміи Буденнаго, неравенство силъ въ пользу Красной Арміи стало подавляющимъ.

По свѣденіямъ краснаго командованія, помѣщеннымъ въ Военно-Историческомъ Архивѣ, соотношеніе силъ на Крымскомъ фронтѣ къ серединѣ Октября было слѣдующее:

	Штыковъ	Шашекъ	Орудій	Пулеметовъ	Танковъ броневиковъ:	Оперативный резервъ:
Красная Армія	99.500	33.685	527	2.664	5I	I4.000
Бѣлая Армія	23.0I0	II.795	2I3	I.663	47	I4.400
Соотношеніе въ пользу красн:	+76:430	+2I.890	+3I4	+I.00I	+ 4	- 400


МЕЛИТОПОЛЬ
ЭЙГЕНФЕЛЬДЪ
АКИМОВКА
р. Молочная
ИВАНОВКА
АГАЙМАНЪ
ШОТОВКА
БЛАГОДАТНОЕ
УТЛЮГЪ
р. Мал. Утлюгъ
ПЕТРОВСКОЕ
озеро Молочное
С. ЛЮЦЪ
ЮРИЦЫНО
РОЖДЕСТВЕНКА
ОТРАДА
РЫКОВО
СТОКОПАНЬ
Н. МИХАЙЛОВКА
Н. ДМИТРОВКА
Н. АЛЕКСѢЕВКА
САЛЬКОВО
ГЕНИЧЕСКЪ
Утлюгскій лиманъ
Бирючій островъ
Сивашъ
Азовское море
СИВАШЪ
ЧОНГАРСКІЙ МОСТЪ
Сивашъ
ТАГАНАШЪ
С
Ю
10 8 6 4 2 0 10 верстъ

Даже если откинуть относительную точность этихъ цифръ, преимущество Красной Арміи выражается почти въ 100.000 бойцовъ, при подавляющемъ числѣ орудій и пулеметовъ.

Въ первой половинѣ Октября, послѣ неудачнаго Никопольскаго рейда, 1-ая кавалерійская дивизія ген. Выграна, въ составѣ Гвардейскаго, 2-го, 6-го и 7-го конныхъ полковъ, была отведена на отдыхъ и пополненіе, сначала въ Верхній Рогачикъ, а затѣмъ, въ районъ Нижнихъ Сѣрогозъ, гдѣ сосредоточился весь конный корпусъ ген. Барбовича.

Гвардейскій полкъ, послѣ расформированія эскадрона Кирасиръ Ея Величества и откомандированія въ конвой Главнокомандующаго Конногвардейскаго эскадрона, былъ шести-эскадроннаго состава, съ полковой пулеметной командой, всего около 700 шашекъ. Самый крупный изъ эскадроновъ былъ Кавалергардскій - 120 шашекъ при четырехъ эскадронныхъ пулеметахъ на тачанкахъ.

15/28 Октября въ штабъ коннаго корпуса поступили свѣденія о выходѣ 1-ой Конной Арміи Буденнаго (4-ая, 6-ая, 11-ая, 14-ая кав. дивизіи и отдѣльная кав. бригада) изъ Каховскаго тетъ-де-пона и объ ея выдвиженіи на юго-восточномъ направленіи съ цѣлью отрѣзать намъ пути отхода въ Крымъ.

Одновременно съ этимъ, началось наступленіе красныхъ и на лѣвый флангъ Бѣлой Арміи со стороны Никополя и на ея правый флангъ на участкѣ Донской Арміи. Немедленно всѣ обозы корпуса были отправлены въ Крымъ черезъ Чонгаръ.

Весь день 16/29 конный корпусъ простоялъ въ Сѣрогозахъ, а на разсвѣтѣ 17/30 выступилъ на югъ въ направленіе на Агайманъ. Въ авангардѣ корпуса шелъ Гвардейскій полкъ, имѣя головнымъ эскадрономъ Кавалергардовъ, выступившихъ за часъ до авангарда, еще съ темнотой.

Агайманъ оказался занятымъ красной конницей, какъ выяснилось потомъ изъ опроса плѣнныхъ, 6-ой и 11-ой кав. дивизіями. Подъ вечеръ, послѣ упорнаго боя, красная конница была выбита изъ Агаймана и отброшена, частью на югъ, частью на западъ.

Поздно вечеромъ Гвардейскій полкъ былъ выдвинутъ въ сторону Отрады и ночью сталъ на привалъ въ хуторахъ Познякова. Всего нѣсколько часовъ удалось отдохнуть и обогрѣться. Задолго до разсвѣта конный корпусъ выступилъ на Отраду, гдѣ къ этому времени находился штабъ Конной Арміи Буденнаго, отдѣльная кав. бригада и, сильно потрепанные, отдѣльные полки 6-ой и 11-ой кав. дивизій.

Весь день 18/31 Октября прошелъ въ бояхъ вокругъ и за Отраду, которая къ вечеру была занята послѣ тяжелыхъ уличныхъ боевъ. Не останавливаясь въ Отрадѣ, наша 1-ая кав. дивизія пошла на Рождественку, которая по слухамъ была занята 4-ой и 14-ой кав. дивизіями 1-ой Конной Арміи, успѣвшими перерѣзать желѣзную дорогу у Ново-Алексѣевки. Съ нашей дивизіей шла небольшая часть 1 А.К. Дроздовцы.

Еще до разсвѣта Рождественка была занята внезапной ночной атакой Дроздовцевъ и Гвардейскаго полка. Красные были отброшены на Ново-Троицкое, оставивъ въ нашихъ рукахъ нѣсколько десятковъ плѣнныхъ 14-ой дивизіи, около ста лошадей и много сѣделъ.

Кавалергарды стали на восточной окрайнѣ Рождественки. И люди и лошади валились съ ногъ отъ усталости. Одна надежда у всѣхъ была, что удастся немного отдохнуть, а главное поѣсть и согрѣться. Холода въ 1920 году наступили рано и всѣ послѣдніе дни морозъ доходилъ до 10 градусовъ, при сильныхъ вѣтрахъ. Солнце только что начинало вставать, заливая всю степь алымъ цвѣтомъ.

Очень скоро сѣвернѣе Рождественки поднялась перестрѣлка. Нашъ кратковременный отдыхъ былъ прерванъ и полкъ былъ вызванъ на сѣверную окрайну села, гдѣ сталъ въ резервной колоннѣ, на днѣ небольшой лощины. Правѣе насъ, надъ лощиной, стали 2-ой и 6-ой конные полки.

Перестрѣлка, сначала приближавшаяся, слегка затихла. Справо отъ насъ вдругъ послышались отрывки командъ, 2-ой и 6-ой, разворачиваясь на галопѣ, перешли черезъ ложбину и пошли въ атаку, постепенно скрываясь отъ нашихъ взоровъ за противоположнымъ бугромъ.

Это была рѣдкая по своей красотѣ картина, которой нельзя было не залюбоваться. Было тихое, ясное, морозное утро. Солнце, недавно только взошедшее, было еще надъ самымъ горизонтомъ и вся степь сверкала алыми и серебристыми блестками въ его косыхъ лучахъ. Въ чистомъ воздухѣ ясно вырисовывались скачущіе всадники и паръ отъ конскихъ ноздрей. Солнце играло на клинкахъ выхваченныхъ шашекъ и на остріяхъ пикъ. Отъ топота тысячи конскихъ ногъ вся промерзлая солончаковая степь гудѣла серебристымъ звономъ. Впереди, за бугромъ, черезъ который перешла и скрылась атака, послышалось заглушенное ура и отчаянная пулеметная стрѣльба.

Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ ожиданія, въ теченіи которыхъ мы жадно прислушивались къ звукамъ невидимаго намъ боя. Но вотъ на краю лощины стали появляться первые раненые и спѣшенные всадники и, немного погодя, перемѣшавшіяся лавы обоихъ полковъ.

Секунда недоумѣнія: раздалась команда. Блеснули шашки и полкъ пошелъ въ контръ-атаку въ разрѣзъ между отходившими лавами и красными. Не успѣвъ еще развернуться, и частью еще сомкнутыми, мы выскочили на бугоръ, увидѣли несущіяся на насъ красныя лавы и сразу попали подъ ураганный пулеметный огонь.

Пули такъ густо свистѣли, что создавалось впечатлѣніе косого ливня, хлеставшаго по эскадрону. Къ счастью въ это время заговорили и выручили насъ наши полковые пулеметы, вынесшіеся подъ командой А. Пашкова на флангъ атаки и сумѣвшіе первыми же очередями сбить ближайшія пулеметныя тачанки красныхъ.

Въ красной лавѣ, бывшей уже такъ близко, что можно было разглядѣть лица бойцовъ, произошло замѣшательство. Стали падать всадники, лошади и она, не выдержавъ огня, повернула и стала отходить отъ нашего преслѣдованія. Длилось оно не долго. Измотанныя лошади окончательно выдохлись и пристали.

Мы дорого заплатили за эту побѣду: убитъ командиръ полка полковникъ Ковалинскій, ранены оба дивизіонера полковники князь

Глѣбъ Гагаринъ и Алексѣевъ, и много другихъ. Большая четверть полка выбыла изъ строя.

Минута, когда подъ огнемъ пулеметовъ стали падать люди и лошади въ непосредственной близи отъ красной лавы, была критическая и я подумалъ, что живыми изъ этой передряги намъ не выйти.

И вотъ тутъ начинается случай, о которомъ я хочу разсказать.

Въ Кавалергардскомъ эскадронѣ особенно сильно пострадалъ первый взводъ, первый попавшій подъ пулеметный огонь и, половина котораго была буквально скошена. Изъ смѣшавшейся кучи живыхъ, убитыхъ и раненыхъ людей и лошадей, вырвался всадникъ и взмахнувъ шашкой, крикнулъ: "Не робѣй, ребята ! Докажите, что вы Кавалергарды. Равняйсь на эскадронный значекъ".

Это былъ взводный перваго взвода, самъ раненый двумя пулями, старшій унтеръ-офицеръ Ефимъ Дробязго.

Кто же былъ этотъ Ефимъ Дробязго, раненый и въ критическую минуту своей собственной жизни, вспомнившій полковой Кавалергардскій патріотизмъ.

"Докажите, что вы Кавалергарды", то-есть будьте достойными и не посрамите чести Кавалергарда.

Молодой доброволецъ изъ зажиточныхъ хуторянъ, никогда не бывшій на военной службѣ, вѣроятно за годъ до того, даже никогда не слышавшій и ничего не знавшій о существованіи Кавалергардовъ, впиталъ въ себя вѣковые завѣты Кавалергардскаго полка и всѣмъ своимъ существомъ - физически и духовно - слился и сроднился съ нимъ въ одно нераздѣльное цѣлое, подобно тому, какъ въ нераздѣльное цѣлое сливались прежде всѣ чины стараго полка.

ЧТО ВСПОМНИЛОСЬ

В. Н. Звегинцовъ

Послѣ очень тяжелыхъ и неудачныхъ іюльскихъ боевъ 1916 года подъ Ковелемъ, въ которыхъ Гвардейская пѣхотѣ понесла особенно большія потери, Гвардейская конница смѣнила, отведенную на отдыхъ и пополненіе пѣхоту, и заняла окопы вдоль рѣки Стохода.

1-ая и 2-ая Гв. кавалерійскія дивизіи занимали окопы на различныхъ отсѣкахъ фронта, поочередно уходя на отдыхъ въ села Игнатовку, Софіевку и одноименныя имъ колоніи.

Первой пошла на отдыхъ 1-ая дивизія. Квартирьеромъ отъ полка въ село Игнатовку былъ назначенъ одинъ изъ Пушкиныхъ, не то Никола, не то Романъ, точно теперь ужъ не помню. Какъ всегда, лучшее зданіе отводилось подъ штабъ полка, а въ данномъ случаѣ, лучшимъ домомъ оказался домъ священника.

Военный постой, да еще конницы, не представлялъ собой ничего привлекательнаго, но священникъ принялъ это "испытаніе" философски. "Ну что дѣлать, какъ нибудь потѣснимся. Дѣло военное. Вамъ еще хуже приходится. А какъ ваша фамилія, позвольте васъ спросить ?" - "Пушкинъ". - "Очень пріятно. Фамилія знаменитая на всю Россію извѣстна. Я самъ много его стиховъ помню".

Простоялъ полкъ положенный ему срокъ отдыха и ушелъ на смѣну 2-ой дивизіи. И такъ случилось, полки тянули жребій, кому въ какой деревнѣ стоять, что въ Игнатовку пришли Конно-Гренадеры, а квартирьеромъ отъ нихъ былъ Лермонтовъ, и опять домъ священника сталъ удѣломъ штаба полка.

Произошелъ опять, приблизительно, тотъ же разговоръ про то, что "все будетъ въ порядкѣ" и про"дѣло военное". "А, позвольте васъ спросить, какъ ваша фамилія?" - "Лермонтовъ". И опять про "на всю Россію знаменитую фамилію", и про стихи, которые батюшка еще помнитъ.

Минули три недѣли окопнаго сидѣнія и полки I-ой дивизіи, въ свою очередь пошли на отдыхъ на старыя мѣста. "А, Кавалергарды, сказалъ батюшка, очень, очень пріятно. Матушка и я остались вами очень довольны. Все было по хорошему.". - "Ну, а ваша фамилія навѣрно будетъ Достоевскій ?" спросилъ съ хитрой улыбкой батюшка, дѣлая сильное удареніе на второмъ слогѣ.

Нашъ квартирьеръ отъ неожиданности совсѣмъ опѣшилъ. "Нѣтъ, батюшка, зачѣмъ же Достоевскій, я совсѣмъ не Достоевскій" - "Ну, а я думалъ, что Достоевскій. Вотъ мѣсяцъ назадъ былъ у насъ Пушкинъ, затѣмъ Лермонтовъ. Вотъ я и думалъ, что вы Достоевскій", съ шутливой улыбкой добавилъ священникъ. "А какъ ваша фамилія, позвольте васъ спроситъ ?" - "Толстой".

- "Толстой ! И не стыдно вамъ надъ духовнымъ лицомъ издѣваться ?".

Никакія объясненія Алексѣя Толстого, по полковому прозвищу Кубикъ, не помогли. Только прибытіе штаба полка и увѣренія командира, что Толстой дѣйствительно Толстой, и что никто не хотѣлъ ни шутить, ни насмѣхаться, понемногу убѣдили и успокоили бѣднаго батю. Насколько не знаю, потому что долго онъ еще бормоталъ "Пушкинъ, Лермонтовъ, Толстой ! Ну и оказія".

Х Р О Н И К А

Послѣ выхода Вѣстника Кавалергардской Семьи 1962 года:

1962 годъ

18-го Ноября въ Вашингтонѣ скончалась сестра Кавалергарда Ирина Владиміровна Блекскле, рожденная Скарятина, по первому браку графиня Келлеръ.

20-го Ноября въ Парижѣ скончался сынъ Кавалергарда Л:-Гв. Уланскаго Ея Величества полка шт.-ротмистръ Юрій Спиридоновичъ Толстой.

9-го Декабря въ Канадѣ скончалась жена Кавалергарда Бориса Андреевича Чичерина, рожденная Katherine George.

1963 годъ

5-го Января въ Парижѣ скончалась кн. Наталія Степановна Оболенская, рожденная Соллогубъ.

3-го Февраля въ Парижѣ скончалась жена Кавалергарда Владиміра Николаевича Звегинцова Анастасія Михайловна Звегинцова, рожденная Раевская, сестра милосердія 41-го передового отряда краснаго креста при I-ой Гвардейской кавалерійской дивизіи въ 1915-1917 г.г. Награждена Георгіевскими медалями 3-ей и 4-ой степени.

16-го Февраля въ Великобританіи, въ городѣ Salisbury, состоялась свадьба внучки предсѣдателя Кавалергардской Семьи Димитрія Ивановича Звегинцова, дочери бригадира Великобританской Королевской Арміи Димитрія Димитріевича Звегинцова, Елизаветы-Маріи и Michael-Anthony-Robert Oakley.

3-го Марта Баронъ Гастонъ Генриховичъ фонъ Гротгусъ внесенъ въ число рыцарей державнаго Ордена Мальты въ разрядъ Cavaliere di Onore e Devozione, на что ему была выдана грамота канцлеромъ Ордена за № 971, 29-го того же мѣсяца.

22-го Мая въ Нью-Іоркѣ скончался графъ Андрей Димитріевичъ Толстой, офицеръ полка и дивизіона производства 1915 года.

28-го Іюля въ Парижѣ скончался Василій Васильевичъ Вырубовъ вольноопредѣляющійся полка 1901-1902 года.

11-го Августа въ домѣ Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ въ Монтморанси подъ Парижемъ скончался старѣйшій Кавалергардъ Владиміръ Николаевичъ Брянчаниновъ производства 1895 года. Похороненъ на мѣстномъ кладбищѣ.

19-го Августа состоялось пятидесятилѣтіе со времени производства въ корнеты Барона Георгія Александровича фонъ-деръ Остенъ-Дризенъ и о. Александра Пашкова. Обоимъ юбилярамъ были посланы слѣдующія поздравленія:

БАРОНУ ГЕОРГІЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
ФОНЪ-ДЕРЪ ОСТЕНЪ-ДРИЗЕНЪ

Дорогой Баронъ Георгій Александровичъ,

Полвѣка тому назадъ 6/19 Августа 1913 года, по окончаніи Императорскаго Александровскаго Лицея, Ты былъ по Высочайшему Приказу произведенъ изъ вольноопредѣляющихся нашего Полка въ корнеты съ зачисленіемъ въ эскадронъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, съ которымъ Ты выступилъ на войну 1914 года.

Послѣ того, что всѣ офицеры полковой команды связи были убиты въ бою 6-го Августа подъ Каушеномъ, Ты былъ назначенъ ея начальникомъ.

Затѣмъ, когда были сформированы Кавалергардскіе стрѣлковые эскадроны, Ты былъ назначенъ начальникомъ учебной команды Стрѣлковаго полка I-ой Гвардейской Кирасирской дивизіи.

Революція, развалъ Арміи, конецъ Полка - тяжелыя, общія намъ всѣмъ переживанія, перенесены Тобою съ природной Твоей прямотой и твердостью.

При первой возможности Ты вступилъ въ Особый Отрядъ въ Крыму, а, когда вновь возродился Кавалергардскій эскадронъ на югѣ Россіи, Ты вернулся въ родную Тебѣ Кавалергардскую семью.

Командуя Кавалергардскимъ эскадрономъ въ бою 4/17 Августа 1919 года у села Средники и Вернославовка, Ты былъ тяжело раненъ въ конной атакѣ на красную пѣхоту, кровью своею запечатлѣвъ безсмертный девизъ "ЗА ВѢРУ И ВѢРНОСТЬ".

Лишенный возможности продолжать службу въ строю, Ты былъ назначенъ офицеромъ для порученій Главнокомандующаго Русской Арміей генерала барона Врангеля.

На этой должности Ты выполнилъ со свойственнымъ Тебѣ тактомъ, крайнѣ трудное порученіе Главнокомандующаго по ликвидаціи политическаго выступленія, грозившаго сохраненію единства и порядка въ Крыму и въ Арміи.

Здѣсь въ Зарубежьѣ, въ нашей Кавалергардской Семьѣ Ты неустанно прилагаешь всѣ Твои силы на ея преуспѣваніе.

Привѣтствуя Тебя, дорогой Баронъ Георгій Александровичъ, Кавалергардская Семья шлетъ Тебѣ свои горячія пожеланія здоровья и благополучія на многіе годы.

Парижъ, 1963 годъ.

Дорогой Отецъ Александръ,

50 лѣтъ тому назазъ 6/19 Августа 1913 года Ты былъ по Высочайшему Приказу произведенъ изъ вольноопредѣляющихся нашего полка въ корнеты съ зачисленіемъ въ № 3-ій эскадронъ, въ рядахъ котораго Ты выступилъ на войну 1914 года.

Когда въ тяжелыхъ бояхъ наша пѣхота понесла огромныя потери въ своемъ офицерскомъ составѣ, Ты, вмѣстѣ съ другими пятью офицерами Полка, добровольно откомандировался въ 1915 году въ 13-ый Лейбъ-Гренадерскій Эриванскій Царя Михаила Ѳеодоровича полкъ, гдѣ, командуя 3-ей ротой, доблестно несъ тяжелую пѣхотную службу, участвуя во многихъ бояхъ этого славнаго полка, вплоть до отозванія Твоего обратно въ ряды Кавалергардовъ.

Во время гражданской войны Ты вернулся въ сформированный на Югѣ Россіи Кавалергардскій дивизіонъ. 3-го Ноября 1920 года въ бою у села Рождественка на сѣверныхъ подступахъ Крыма, Ты, командуя пулеметной командой всего Гвардейскаго кавалерійскаго полка, былъ раненъ, кровью своею запечатлѣвъ незабвенный девизъ "ЗА ВѢРУ И ВѢРНОСТЬ".

И нынѣ въ эмиграціи, опоясанный другимъ, духовнымъ мечемъ, Ты стоишь на стражѣ того же завѣта Вѣрности Православной Вѣрѣ въ тяжелыя времена Ею переживаемыя.

Привѣтствуя Тебя, дорогой Отецъ Александръ, Кавалергардская Семья, поручая себя Твоимъ молитвамъ, шлетъ Тебѣ сердечныя пожеланія здоровія на долгіе годы и благодаритъ Тебя за многолѣтнію Твою заботу и усилія на ея преуспѣваніе.

Парижъ-Нью-Іоркъ 1963 годъ.

IO-го Октября въ Парижѣ скончалась вдова, дочь и внучка Кавалергардовъ, Наталія Александровна Левшина, рожд. графиня Голенищева-Кутузова, всегда и такъ близко принимавшая къ сердцу всѣ заботы и радости Кавалергардской Семьи.

Похоронена на Русскомъ кладбищѣ въ Sainte-Geneviève des Bois.

Ко времени сборки настоящаго номера нашего Вѣстника, было получено скорбное извѣстіе о двухъ потеряхъ въ Кавалергардской Семьѣ: Николая Николаевича Герарда и Михаила Владиміровича Скарятина.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ГЕРАРДЪ

1899 † 1963

Сынъ сенатора, члена Государственнаго Совѣта, почетнаго опекуна, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Николая Николаевича Герарда и Зинаиды Александровны, рожд. Афанасьева, родился 9-го декабря 1899 г. Окончилъ общіе классы Императорскаго Александровскаго лицея, поступилъ добровольцемъ въ апрѣлѣ 1919-го года въ Кавалергардскій эскадронъ Своднаго полка Гв. Кирасирской дивизіи, произведенъ въ ефрейторы, въ младшіе унтеръ-офицеры и назначенъ взводнымъ № 2-го эскадрона. Въ іюлѣ 1920 г. произведенъ въ корнеты.

Скончался 12-го ноября 1963 года въ Гамбургѣ и похороненъ на мѣстномъ кладбищѣ.

МИХАИЛЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ СКАРЯТИНЪ

1883 † 1963

Сынъ шталмейстера Высочайшаго Двора ген.-лейтенанта Владиміра Владиміровича Скарятина и Маріи Михайловны, рожд. княжна Лобанова-Ростовская, родился 6-го мая 1883 года. По окончаніи юридическаго факультета С.-Петербургскаго университета въ 1905 году, поступилъ вольноопредѣляющимся въ Кавалергарды съ зачисленіемъ въ № 4-ый эскадронъ. 28-го сентября 1906 года произведенъ въ корнеты съ оставленіемъ въ томъ же эскадронѣ, съ которымъ выступилъ на войну 1914 г. Состояніе здоровья не позволило ему продолжать строевую службу и онъ былъ откомандированъ въ оставшуюся часть полка въ С.-Петербургѣ, гдѣ ему было поручено общее наблюденіе за перестройкой полковыхъ казармъ.

Революція въ корнѣ измѣнила обычныя условія жизни. Въ эмиграціи, принужденный тяжелымъ трудомъ добывать средства жизни своей семьѣ, онъ, тѣмъ не менѣе, сумѣлъ создать себѣ, какъ никто другой, международную извѣстность.

Еще въ молодости, благодаря огромной, спеціальной библіотекѣ, собранной частью его прадѣдомъ Скарятинымъ, и частью дѣдомъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, онъ началъ изучать основы древней мудрости.

Зима 1908 года, проведенная имъ въ Египтѣ, дала ему возможность расширить и обогатить, уже без того большой запасъ

знаній въ этой области. Вернувшись въ Россію, онъ опубликовалъ въ Парижской спеціальной прессѣ, подъ псевдонимомъ Enel, результатъ своихъ открытій.

Наступившая война, затѣмъ революція временно прекратили его дальнѣйшую научную работу. Но все-же ему удалось, несмотря на трудныя условія жизни, напечатать нѣсколько статей по этимъ вопросамъ. Статьи обратили вниманіе научныхъ круговъ и ему дана была возможность переѣхать въ Египетъ для продолженія тамъ такъ успѣшно начатыхъ работъ.

Его труды въ этой области пользуются большой извѣстностью и огромнымъ авторитетомъ.

Въ особенности его капитальный трудъ, надъ которымъ онъ работалъ около 30 лѣтъ, "La Trilogie de la Rota" въ трехъ частяхъ: "Essai d'Astrologie Cabbalistique", "Rota ou la Roue Céleste" и "Manuel de Cabbale pratique".

Кромѣ этого огромнаго труда надо отмѣтить: "La Langue Sacrée", "Les Origines de la Genèse", "L'Enseignement des Temples de l'ancienne Egypte", "A Message from the Sphinx", "Premiers pas en Radiesthésie Thérapeutique", "Radiations des formes de Cancer", "Cures magiques au XXe siècle", "Mystères de la Vie et de la Mort", и много другихъ.

Кромѣ Кавалергардской Семьи, кончина Михаила Владиміровича будетъ больно ощущена всѣми тѣми, которымъ въ теченіе своей жизни, благодаря своимъ знаніямъ, онъ облегчилъ много, казалось, необлегчимыхъ страданій.

Скончался 16-го ноября 1963 года въ Глiонъ, въ Швейцаріи, гдѣ и похороненъ.

Въ истекшемъ году праздновали серебряныя свадьбы:

Отецъ Александръ Пашковъ и Марія Александровна, рожд. княжна Волконская.

Баронъ Александръ Петровичъ Бильдерлингъ и баронесса Екатерина Богдановна, рожд. баронесса Мейендорфъ.

П а р и ж ъ

Ноябрь 1963 г.

Вестникъ

Кавалергардской Семьи

1964

Увѣренъ, что первый полкъ русской конницы всегда и во всемъ будетъ первымъ.
Александръ III.

ПРАЗДНИКЪ КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ

Кавалергардская Семья въ Парижѣ праздновала день Св.Св. Захарія и Елисаветы въ пятницу 5/18 Сентября. Въ 19 ч. въ Александро-Невскомъ соборѣ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, былъ отслуженъ молебенъ, на которомъ присутствовали всѣ наличные въ этотъ день въ Парижѣ члены Семьи, ихъ родственники, друзья и много молящихся. Послѣ молебна, въ ресторанѣ Ле Валентенъ, къ ужину, собрались подъ предсѣдательствомъ секретаря Европейскаго отдѣла В.Н. Звегинцова, 18 членовъ Семьи: С.А. и А.С. Безобразовы, Г.В. Бибиковъ, бар. А.П. Бильдерлингъ, кн. Г.Г. Гагаринъ, бар. Г.Г. Гротгусъ, бар. Т.А. фонъ деръ Остенъ Дризенъ, Д.Д. Давыдовъ, В.В. и М.В. Звегинцовы, гр. Г.Д. Менгденъ, гр. В.В. Мусинъ-Пушкинъ, Г.Г. Раухъ, кн. И.В. Репнинъ, Ф.Н. Татищевъ, И.Н. Чудово-Адамовичъ и гр. П.П. Шереметевъ.

Американскій отдѣлъ праздновалъ этотъ день въ Нью-Іоркѣ 7/20 Сентября. Послѣ молебна, отслуженнаго о.о. Георгіемъ Граббе и Александромъ Пашковымъ, въ гостиницѣ St.-Regis, состоялся, подъ предсѣдательствомъ секретаря Американскаго отдѣла П.П. Баранова, завтракъ, на которомъ присутствовали 12 членовъ Семьи: кн. В.А. Волконскій, о. Георгій Граббе, О.Ф. Дубасовъ, П.П. Зубовъ, В.Д. Левшинъ, гр. А.Н. Мусинъ-Пушкинъ, кн. С.П. Оболенскій-Нелединскій-Мелецкій, о. Александръ Пашковъ, А.В. и Б.А. Чичерины, гр. В.Д. Шереметевъ и трое приглашенныхъ Конногвардейцевъ: кн. С.С. Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, кн. В.П. Оболенскій и С.И. Таптыковъ.

ПАМЯТИ УШЕДШИХЪ

Графъ Илларіонъ Владиміровичъ Мусинъ-Пушкинъ.
26.10.1927 † 20.12.1963

20 Декабря 1963 г. послѣ краткой болѣзни скончался отъ случайнаго отравленія членъ Кавалергардской Семьи графъ Илларіонъ Владиміровичъ Мусинъ-Пушкинъ. Сынъ корнета Кавалергардскаго дивизіона и вольноопредѣляющагося полка графа Владиміра Владиміровича Мусинъ-Пушкина и графини Вѣры Петровны рожд. графиня Стембокъ, покойный родился 26-го Октября 1927 г. Во время похоронъ въ С. Женевьевѣ, на которыхъ присутствовало огромное число родныхъ, друзей и сослуживцевъ покойнаго, отъ Кавалергардской Семьи былъ возложенъ вѣнокъ и на гробъ помѣщена полковая икона Св.Св. Захарія и Елисаветы.

Графъ Димитрій Александровичъ Шереметевъ.
20.5.1885 † 23.12.1963

Въ ночь на 24-ое Декабря въ Парижѣ скоропостижно скончался графъ Димитрій Александровичъ Шереметевъ. Сынъ Свиты Его Величества генералъ-маіора графа Александра Димитріевича Шереметева и Фрейлины графини Маріи Федоровны, рожд. графиня Гейденъ, покойный родился 20 мая 1885 года. По окончаніи 3-ей С.-Петербургской гимназіи, поступилъ вольноопредѣляющимся въ Кавалергарды съ зачисле-

ніемъ въ № 4-ый эскадронъ, въ слѣдующемъ 1904 году произведенъ въ корнеты во 2-ой Лейбъ-драгунскій Псковскій Ея Вел. Государыни Императрицы Маріи Ѳедоровны полкъ съ прикомандированіемъ къ Кавалергардамъ. Въ 1908 г. переведенъ въ Кавалергарды и въ Августѣ 1911 года уволенъ въ запасъ Гвардейской кавалеріи. Въ 1912 году причисленъ къ Государственной Канцеляріи.

При мобилизаціи 1914 г. призванъ на дѣйствительную службу въ Штабъ Сѣвернаго фронта. Похороненъ въ С.-Женевьевѣ. На гробъ отъ Кавалергардской Семьи былъ возложенъ вѣнокъ.

1814 - 1914 - 1964

Въ нынѣшнемъ году исполнились двѣ годовщины, тѣсно связанныя съ Кавалергардскимъ полкомъ и, преемственно, съ Кавалергардской Семьей.

150 лѣтъ со дня вступленія полка въ Парижъ и окончанія Наполеоновыхъ войнъ и 50 лѣтъ съ начала первой Міровой войны.

Въ одной старинной народной пѣсни пожилая русская женщина, вспоминая свою молодость поетъ:

Помню я еще молодушкой была,
Наша армія въ походъ куда-то шла.
Сумеркалось, я сидѣла у воротъ,
А по улицѣ все конница идетъ.

И вотъ, 50 лѣтъ тому назадъ, другая, тоже русская конница - КАВАЛЕРГАРДЫ - ушла въ предрасвѣтномъ туманѣ, уходящей бѣлой Петербургской ночи въ походъ на границу Россіи.

Походъ этотъ для нѣкоторыхъ изъ насъ, окончился только въ 1920 году въ кровавые годы гражданской войны. Но многіе, очень многіе изъ этого похода не вернулись.

Пусть память о нихъ, нашихъ боевыхъ товарищей офицеровъ и рядовыхъ Кавалергардовъ, жизнею и кровью запечатлѣвшихъ свой солдатскій долгъ на поляхъ Восточной Пруссіи, въ Польшѣ, Литвѣ, Бѣлоруссіи, въ Крыму, на Украйнѣ, въ Задонскихъ степяхъ и въ Сѣверной Тавріи останется въ сердцахъ ихъ потомковъ Кавалергардской Семьи.

Двѣ Высочайшія телеграммы Кавалергардамъ въ день ихъ полкового праздника 5/18 Сентября 1914 года.

Отъ Государя Императора:

Поздравляю Кавалергардовъ съ полковымъ праздникомъ. Особенно благодарю доблестный полкъ за пламенную боевую службу.

НИКОЛАЙ.

Отъ Шефа полка Императрицы МАРІИ.

Душой и мыслями съ моими дорогими Кавалергардами въ день нашего праздника. Да поможетъ вамъ Господь во всемъ и даруетъ побѣду. Христосъ съ вами.

МАРІЯ.

150-ЛѢТІЕ ВСТУПЛЕНІЯ КАВАЛЕРГАРДОВЪ ВЪ ПАРИЖЪ

150 лѣтъ тому назадъ, въ ночь съ 18-го на 19-е Марта 1814 г. по старому стилю, Парижъ сдался на милость побѣдителей. И задолго

до разсвѣта, побѣдоносныя войска Россіи, Австріи и Пруссіи готовились къ торжественному вступленію парадомъ въ покоренную и покорившуюся столицу Франціи.

Прежде чѣмъ разсказать о томъ участіи, какое приняли Кавалергарды во взятіи города и какъ протекла въ немъ ихъ жизнь, я хочу напомнить тѣ событія, которыя предшествовали взятію Парижа.

Отечественная Война I2-го года началась для Россіи при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ. Страна не успѣла оправиться отъ прежнихъ войнъ и миръ съ Турціей еще не былъ заключенъ. Подъ натискомъ превосходнаго во многихъ отношеніяхъ врага, Русскія Арміи неизмѣнно отступали и къ 24-му Августу достигли береговъ рѣки Колочи, въ нѣсколькихъ верстахъ къ западу отъ Москвы. Черезъ два дня, 26-го Августа тамъ разыгрался знаменитый Бородинскій бой, когда "... земля тряслась, какъ наши груди, смѣшались въ кучу кони, люди, и залпы тысячи орудій слились въ протяжный вой".

Послѣдній кавалерійскій резервъ Русской Арміи Кавалергарды и Конная Гвардія, въ самый критическій моментъ боя бросаются въ атаку и чаша вѣсовъ военнаго счастья, временно, перетягиваетъ въ нашу пользу. Но вечеромъ, когда "... затрещали барабаны и отступили басурманы...", когда "... считать мы стали раны, товарищей считать", увидѣли, что Армія понесла тяжелыя потери. И передъ Кутузовымъ стала страшная дилемма: что дѣлать? Продолжать ли на слѣдующій день бой, или сдать Москву ? И старый Фельдмаршалъ, во имя спасенія Арміи, во имя спасенія Россіи, рѣшился на послѣднее. Бѣлокаменная, златоглавая колыбелъ Русскаго Царства, со всѣми сорока сороками своихъ церквей, была сдана противнику. "Не будь на то Господня воля, не отдали-бъ Москвы...".

Проходитъ пять съ половиной недѣль. И та Москва, ванявъ которую Наполеонъ собирался диктовать свои условія мира Русскому Народу, эта Москва оставлена Французами. Цѣлый рядъ кровопролитныхъ боевъ, цѣлый рядъ тяжелыхъ неудачъ: Тарутино, Малоярославецъ, Вязьма и Красное, затѣмъ - Ноябрьскіе, 30-ти градусные морозы по Реомюру, наконецъ катастрофа при переправѣ черезъ Березину и отъ нѣкогда Великой, полумилліонной Арміи, Арміи Двунадесяти Языковъ, остается очень мало. И самъ ея вождь, Императоръ Наполеонъ, бросаетъ свои войска и вдвоемъ вмѣстѣ съ Коленкуромъ стремится поскорѣе къ себѣ домой, въ сердце Франціи, въ Парижъ, чтобы попытаться собрать новую Армію и ею отбросить надвигающагося врага.

Собраны гарнизоны многочисленныхъ крѣпостей, которыя еще всюду въ Европѣ занимаютъ Французы, сдѣланъ новый рекрутскій наборъ - и новая 200.000-ая Армія готова. И геній Наполеона, геній этого величайшаго полководца, котораго знаетъ военная исторія всѣхъ временъ и народовъ, превращаетъ эту Армію въ грозное оружіе. Столь грозное, что имъ неоднократно наносятся тяжелѣйшія пораженія врагу.

I-го Января I8I3 года Кавалергарды перешли Государственную границу и вошли въ предѣлы Великаго Герцогства Варшавскаго. Отношеніе мѣстныхъ жителей, въ особенности мелкой шляхты, было далеко не изъ лучшихъ. Конечно, трудно было ожидать отъ Поляковъ, передъ которыми только что и, казалось, навсегда рухнули надежды на Великую и свободную Польшу, чтобы они радовались приходу Русскихъ войскъ. И только благодаря твердости Фельдмаршала настроенія эти не выливались наружу.

Чѣмъ дальше продвигались Союзныя войска, тѣмъ настроеніе населенія улучшалось. Чехія, Богемія, Моравія, Силезія ... повсюду войска встрѣчались, какъ избавители. Но если улучшалось отношеніе населенія, то отнюдь нельзя сказать того-же объ отношеніи Австрійскихъ властей.

Согласно заключенному Союзниками договору, Австрія обязалась кормить союзныя войска. Но ни фуража, ни провіянта Австрійское интендантство не поставляло и войскамъ приходилось добывать все это собственными средствами при помощи фуражировокъ, что естественно порождало всякія недоразумѣнія, доходившія до вооруженнаго столкновенія съ Австрійцами. И надо отдать справедливость Пруссакамъ, что во всѣхъ такихъ столкновеніяхъ они неизмѣнно брали сторону Руссихъ, что не мѣшало послѣднимъ, за неимѣніемъ Австрійцевъ, лупить при случаѣ и Пруссаковъ.

Слѣдуя вмѣстѣ съ Арміей, Кавалергарды дошли до Кульма. 18 Августа тамъ разыгрался удачный для насъ бой.

По словамъ Жуковскаго:

"О славный Кульмскій бой. О доблесть Славянина.
Вотще на нихъ рвались всѣ рати Исполина,
Вотще за громомъ громъ на строй ихъ налеталъ,
Все опрокинуто - и Русскій устоялъ."

И въ этомъ бою, конной атакой неудержимаго порыва, Кавалергарды берутъ 24 орудія и плѣнными трехъ офицеровъ и 370 солдатъ.

Во время боя, офицеръ полка, поручикъ Павелъ Петровичъ Ланской былъ посланъ съ какимъ-то донесеніемъ. Догоняя полкъ, онъ ѣхалъ со своимъ вѣстовымъ по полю битвы, сплошь покрытому тѣлами убитыхъ и раненыхъ. Вдругъ раздирающій душу вопль привлекъ его вниманіе. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, рядомъ съ убитой лошадью лежалъ раненый французскій драгунскій офицеръ, а надъ нимъ стоялъ вѣстовой Ланского съ высоко занесеннымъ палашемъ. Офицеру на видъ было не больше 19-ти лѣтъ и въ его почти дѣтскихъ глазахъ было выраженіе такого животнаго, тупого ужаса. Собравъ послѣднія силы, онъ сдѣлалъ надъ своей головой условный знакъ, извѣстный среди масоновъ подъ названіемъ: "A moi, les enfents de la veuve !".

Ланской не былъ масономъ, но какъ многіе, въ особенности въ то время, кое-что изъ ихъ ритуала онъ зналъ. Ему не захотѣлось обмануть, можетъ быть послѣдней, предсмертной надежды раненаго. "Стой", крикнулъ онъ своему вѣстовому, "лежачаго не бьютъ. Покупаю у тебя плѣннаго. За мной золотой". Затѣмъ онъ слѣзъ съ лошади и перевязалъ раненаго. Французъ безостановочно его благодарилъ, все время называя "братомъ". "Вы ошибаетесь", сказалъ ему Ланской, "Je ne suis pas maçon, mais à double titre de chrétien et de Chevalier-Garde, je ne puis rester sourd à l'appel d'un frère d'armes".

Затѣмъ онъ посадилъ его къ себѣ въ сѣдло, отвезъ въ ближайшую деревушку и поручилъ уходу мѣстнаго крестьянина. Французъ все хотѣлъ узнать имя Ланского. "A quoi bon. Nous ne nous reverrons jamais", - "Mais ma mère pourrait au moins prier pour celui qui lui a conservé son fils". - "Quant à celà, pas de refus. Pour vous, je suis Chevalier-Garde. Pour elle je me nomme Paul. Et là-dessus bonne chance, camarade, adieu". Вскочилъ на коня и поскакалъ догонять полкъ.

Близость Главной Квартиры, при которой находились Союзные Монархи, причиняла не мало хлопотъ и сильно усложняла походную жизнь полка. Постоянно назначались парады, смотры и разводы карауловъ. Если просмотрѣть приказы, издаваемые по Гвардейскому Отряду Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, то можно подумать, что они относятся не къ боевой обстановкѣ, когда надо было напречь всѣ усилія, чтобы разбить врага, а писались для какого-нибудь вахтъ-парада, тамъ, на Царицыномъ Лугу, въ Санктъ-Петербургѣ:

"Его Высочество соизволилъ приказать: дабы бакенбарды отнюдь ниже рта не носить, кольми паче не запускать подъ бородой. На походѣ сидѣть по правиламъ. Поводьевъ не распускать, чтобы кисть лѣвой руки была-бы всегда между пистолетами, большимъ пальцемъ вверхъ по гривѣ".

Въ этихъ же приказахъ мы находимъ, что Кавалергардскаго полка корнеты Пашковъ и Шереметевъ откомандировываются въ другія дивизіи, для показанія всѣмъ офицерамъ пріемовъ салютованія палашемъ.

Къ счастью для полка, съ нимъ почти всегда находился командиръ и въ то-же время начальникъ дивизіи, генералъ-адъютантъ Депрерадовичъ, а при Императорѣ Александрѣ I Шефъ полка, генералъ-адъютантъ Уваровъ. И тотъ и другой ни при какихъ обстоятельствахъ не дали-бы Кавалергардовъ въ обиду. Цесаревичъ это зналъ и всячески избѣгалъ встрѣчаться съ полкомъ. Но все-же разъ у него произошло крупное столкновеніе съ Кавалергардами.

Это произошло значительно послѣ Кульма. На одномъ изъ переходовъ Цесаревичъ нагналъ полкъ. Увидавъ, что временно командующій полкомъ полковникъ Каблуковъ ѣдетъ въ строю не въ каскѣ, какъ это требовалось по уставу, а въ фуражкѣ, Константинъ Павловичъ подскакалъ къ Каблукову, наговорилъ ему кучу рѣзкостей, сорвалъ съ него фуражку, бросилъ ее на землю и скрылся въ облакахъ пыли. На первомъ-же ночлегѣ Каблуковъ собралъ къ себѣ офицеровъ и передалъ имъ свое неизмѣнное рѣшеніе подать въ отставку.

Возможно, что Цесаревичъ не зналъ, что Каблуковъ былъ раненъ въ голову и имѣлъ по этому право ѣздить на переходахъ въ фуражкѣ. Но все это не могло оправдать тѣхъ рѣзкихъ выраженій, которыя были употреблены имъ въ отношеніи полка: "Бархатники, Якобинцы, Вольтеріанцы". Офицеры едунодушно одобрили рѣшеніе своего старшаго полковника и также всѣ подали въ отставку. И въ этомъ ихъ поддержали и командиръ полка Депрерадовичъ и Шефъ Кавалергардовъ Уваровъ, которые также подали въ отставку.

Повидимому рѣшеніе Каблукова, офицеровъ полка, ихъ командира и Шефа получили молчаливое одобреніе Александра I. Ибо на первойже дневкѣ Цесаревичъ пріѣхалъ въ полкъ и произвелъ смотръ. Послѣ смотра онъ собралъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ и въ ихъ присутствіи извинился въ тѣхъ обидныхъ и не заслуженныхъ словахъ, которыя были имъ сказаны въ отношеніи "храбраго полковника и кавалера Каблукова и сверхдоблестнаго полка". "А, если", добавилъ Великій Князь, "господа Кавалергарды не удовлетворены его извиненіями, то онъ готовъ каждому въ отдѣльности дать сатисфакцію".

Каблуковъ отъ имени всего полка сказалъ, что Кавалергарды вполнѣ удовлетворены словами Великаго Князя. Но тутъ изъ заднихъ

рядовъ вышелъ 19-лѣтній корнетъ Лунинъ, и обращаясь къ Великому Князю, сказалъ: "Честь, предложенная Вашимъ Высочествомъ, такъ велика, что я не въ правѣ отъ нея отказаться". - "Ну, Лунинъ, ты еще слишкомъ молодъ, чтобы оспаривать рѣшеніе старшихъ", сказалъ ему съ улыбкой Великій Князь. И съ этого момента Цесаревичъ искренне и глубоко привязался къ Лунину и, когда тотъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ Декабристовъ, то всячески старался смягчить и облегчить ему участь.

I-го Января 1814 года полкъ вступилъ въ предѣлы Франціи. Послѣ цѣлаго ряда маршей и контръ-маршей, наступленій и отступленій, началось 13/25 Марта движеніе на Парижъ. Въ этотъ день произошелъ памятный для Кавалергардовъ бой, когда къ навѣки незабвеннымъ именамъ Аустерлица, Полоцка, Бородина и Кульма, они добавили, вписавъ его остріями своихъ палашей, Фершампенуазъ. Въ результатѣ цѣлаго ряда атакъ, съ 9-го часовъ утра до 5-ти часовъ вечера, противникъ былъ совершенно уничтоженъ. Въ теченіи боя, за время пяти конныхъ атакъ, Кавалергарды взяли 6 орудій и плѣнными 2-хъ офицеровъ и 147 солдатъ.

25 лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ моимъ однополчаниномъ и дорогимъ пріятелемъ, нынѣ покойномъ, Василіемъ Александровичемъ Пашковымъ, намъ удалось побывать на полѣ битвы подъ Фершампенуазомъ. Въ небольшой деревушкѣ Коннантръ, въ пяти верстахъ не доѣзжая Фершампенуаза, мы разыскали могилу нашего однополчанина, корнета Александра Ивановича Шепелева. Внѣ всякой ограды, рядомъ съ нынѣ упраздненной кладбищенской церковью, за чугунной рѣшеткой каменная плита. И на ней хорошо видна французская надпись.

"Ici repose en paix Alexandre Chepeleff, lieutenant au Régiment des Chevaliers-Gardes de l'Armée Impériale Russe, tombé au champ d'honneur au combat de Fère-Champenoise, le 25 Mars 1814".

Почти рядомъ съ деревней, небольшой господскій домъ "Шато де Коннантръ", въ которомъ ночевалъ штабъ полка и дивизіи послѣ боя подъ Фершампенуазомъ.

17/29 Марта Кавалергарды стали въ Шарантонъ. Императоръ Александръ I заночевалъ въ замкѣ Бонди въ семи верстахъ отъ Парижа.

На слѣдующій день должна была рѣшиться участь Парижа. Союзники располагали 100.000-й Арміей, изъ которыхъ 63.000 были Русскими. Французы со своей стороны имѣли 40.000 при 154-хъ орудіяхъ подъ командой брата Наполеона, Короля Іосифа. Къ этому времени Англичане Веллингтона вытѣснили Французовъ изъ Испаніи, заняли Бордо и продвигались на сѣверъ. Австрійцы заняли Ліонъ. Но безвыходность положенія Императора Наполеона усугублялась еще тѣмъ, что въ самомъ Парижѣ назрѣвала измѣна, руководимая талантливой рукою вѣчнаго предателя, канцлера Таллейрана.

На разсвѣтѣ 18-го Марта, съ возвышенности деревни Роменвилль, тамъ гдѣ сейчасъ находится фортъ того-же названія, союзная артиллерія открыла огонь. Жуковскій говоритъ: "Громъ Русскихъ берега Секваны огласилъ, и надъ Парижемъ сталъ орелъ Москвы и мщенья".

Въ замкѣ Бонди многочисленная свита Императора Александра была уже на коняхъ и ожидала выхода Государя. Въ это время

въ замокъ привели плѣннаго офицера капитана sapeurs - pompiers, Пейра. Императоръ захотѣлъ его видѣть и около часа распрашивалъ его о настроеніяхъ жителей Парижа. Затѣмъ Государь приказалъ ему ѣхать назадъ и передать французскому командованію, что Императоръ воюетъ только съ Наполеономъ, а не съ Франціей и поэтому предлагаетъ Парижу сдаться. Вмѣстѣ съ Пейра, Александръ приказалъ ѣхать своему флигель-адъютанту Кавалергарду Михаилу Орлову. Отпуская Орлова, Императоръ сказалъ: "Я уполномачиваю Васъ прекращать огонь повсюду, гдѣ Вы найдете это нужнымъ. Я разрѣшаю Вамъ, не подвергаясь личной отвѣтственности, прекращать самыя рѣшительныя атаки и даже пріостанавливать побѣду, чтобы отвратить бѣдствія городу".

Но человѣколюбивыя желанія Государя не смогли осуществиться. По всей линіи загорѣлся бой и къ 5-ти часамъ вечера всѣ позиціи французовъ, за исключеніемъ Монмартра, были взяты. Король Іосифъ бросилъ свои войска, предоставивъ маршаламъ разбираться какъ они могутъ.

Орловъ былъ посланъ вторично къ маршалу Мармону съ предложеніями прекратить огонь, отвести войска за линію городскихъ воротъ и назначить представителей для веденія переговоровъ. Въ 7 часовъ вечера Орловъ вернулся въ Бонди и привезъ согласіе маршала Мармона на всѣ условія Александра I-го.

Въ третій разъ посылается Орловъ къ непріятелю. На этотъ разъ кромѣ него были еще посланы графъ Нессельроде и адъютантъ Австрійскаго главнокомандующаго, графъ Паръ. Вмѣстѣ съ французскими представителями они начали переговоры о сдачѣ Парижа, во время которыхъ снова поднялась стрѣльба - заключительный аккордъ боя подъ Парижемъ. Мой прадѣдъ графъ Ланжеронъ взялъ Монмартръ.

Въ 3 часа утра I9/3I-го Марта капитуляція города, составленная Кавалергардомъ Орловымъ, была подписана: Парижъ предавался на милость Союзныхъ Монарховъ.

Ночь съ I8/30 на I9/3I Марта Кавалергарды провели у воротъ Пантенъ, гдѣ ими было получено приказаніе: "Быть готовыми къ семи часамъ пополуночи въ найлучшей чистотѣ и исправности для входа въ городъ Парижъ".

Настроеніе у всѣхъ, какъ это легко можно предположить, было въ высшей степени приподнятое. Вотъ какъ описываетъ въ письмахъ къ своему отцу Кавалергардъ Бутурлинъ эти послѣдніе знаменательные часы и минуты передъ вступленіемъ въ Парижъ:

"Наступленіе торжественнаго дня отняло у всѣхъ сонъ и съ I8 на I9 Марта ночи для насъ не существовало. Задолго до разсвѣта лагерь нашъ былъ забитъ Парижанами и Парижанками, предлогавшими вино, водку и другія, иныя развлеченія. Вино еще съ Германіи солдаты звали вейномъ, водку, съ французскаго boire la goutte, они окрестили "барлагутомъ", а все прочее, иное, опредѣлялось у нихъ мало понятнымъ словомъ "Трикъ-Тракъ". И этими тремя словами достигалось исполненіе всѣхъ несложныхъ желаній солдата".

Ровно въ 8 часовъ утра Государь, въ черномъ Кавалергардскомъ вицъ-мундирѣ, выѣхалъ изъ замка Бонди. Подъ нимъ былъ сѣрый конь Эклипсъ, подарокъ Коленкура въ бытность его Французскимъ посланникомъ въ Санктъ-Петербургѣ. Долгожданный день занятія столицы Франціи наступилъ. Москва была отомщена.

Несмѣтная толпа стояла у воротъ Пантенъ. По мѣрѣ приближенія къ центру города толпа все росла и увеличивалась. Окна, крыши, балконы, деревья, тротуары, все было залито сплошной человѣческой массой. Народъ кричалъ, махалъ платками, бросалъ цвѣты. Пройдя ограду города, парадъ повернулъ на большіе бульвары и къ Елисейскимъ Полямъ, гдѣ войска были пропущены Государемъ церемоніальнымъ маршемъ. Толпа въ восторгѣ ревѣла: "Vive Alexandre ! Vive la Russie !".

Во время церемоніала, на взмыленной извощичей клячѣ, верхомъ прискакалъ Англійскій Главнокомандующій Веллингтонъ. Прохожденіе Русскихъ войскъ произвело на него такое впечатлѣніе, что потомъ, когда его спрашивали въ Англіи "Что Вамъ больше всего понравилось въ Парижѣ?" онъ неизмѣнно отвѣчалъ: "Гренадеры и кирасиры Императора Александра".

Послѣ парада, Государь отправился пѣшкомъ въ домъ канцлера Таллейрана, находившагося, какъ сказано въ сообщеніи того времени, на улицѣ Святого Флорентина. Домъ этотъ существуетъ и сейчасъ подъ № 2 на улицѣ Saint-Florentin.

Первую ночь войска расположились, какъ попало, на Елисейскихъ Поляхъ, въ Булонскомъ лѣсу и прямо на улицахъ и площадяхъ Парижа.

Вечеромъ Государь отправилъ бывшаго командира Кавалергардовъ Голенищева-Кутузова въ Санктъ-Петербургъ курьеромъ съ извѣстіемъ о взятіи Парижа. "Поспѣшай какъ наиможешь. Обрадуй Матушку и Жену!"

На слѣдующій день войска были кое-какъ размѣщены по различнымъ казармамъ Парижа и его окрестностей. Кавалергарды стали въ Эколь Милитеръ. Генералъ Депрерадовичъ со штабомъ дивизіи въ № II по улицѣ Мадамъ.

Казалось, что послѣ двухъ лѣтъ походовъ и тяжелыхъ лишеній, войска смогутъ насладиться долгожданнымъ и вполнѣ заслуженнымъ отдыхомъ. На дѣлѣ вышло иначе. На Армію,какъ изъ рога изобилія, посыпались разводы, парады и смотры, такъ что по свидѣтельству того-же Кавалергарда Бутурлина, "солдату въ Парижѣ стало горше и тяжелѣе, чѣмъ на походѣ". Офицерамъ было запрещено отлучаться изъ казармъ.

Городъ былъ оцѣпленъ двойной линіей постовъ. Кромѣ того, каждый полкъ въ своемъ расположеніи высылалъ круглыя сутки патрули и разъѣзды. Парижъ былъ раздѣленъ на три участка, во главѣ которыхъ были поставлены генералы. Эколь Милитеръ вошла въ участокъ Прусскаго генерала фонъ-деръ-Гольца. Генералъ-Губернаторомъ былъ назначенъ Русскій генералъ Баронъ Сакенъ, а Комендантомъ - Русской службы флигель-адъютантъ Александра I-го, Французскій эмигрантъ графъ де Рошешуаръ. И Сакенъ и Рошешуаръ главной цѣлью своего назначенія видѣли въ мелочныхъ придиркахъ и притѣснѣніяхъ войскъ, чѣмъ заслужили всеобщую ненависть. И въ этой ненависти одинаково сходились и Русскіе, и Австрійцы, и Пруссаки.

Конечно, послѣ столькихъ лѣтъ походной жизни, трудно было сразу окунуться въ казарменную обстановку, тѣмъ болѣе, что первые десять дней части форменно голодали и для своего пропитанія были принуждены захватывать самовольно, проходящіе черезъ Парижъ, транспорты съ фуражемъ, скотомъ и провіантомъ.

Съ теченіемъ времени всѣ эти недочеты наладились. Офицерамъ разрѣшено было жить на частныхъ квартирахъ и носить штатское.

Каждому офицеру ежедневно отпускались суточныя деньги въ размѣрѣ 3-хъ франковъ корнету, 4-хъ поручику, 5-ти штабсъ-ротмистру, 6-ти ротмистру и 10-ти полковнику. Со своей стороны, Государь выдалъ всей своей Арміи полный годовой окладъ, не въ зачетъ обыкновеннаго жалованія. Такимъ образомъ денегъ появилось много, тѣмъ болѣе много, что мѣстные банкиры и мѣняла легко учитывали Русскіе векселя по простому удостовѣренію командира корпуса, что данное лицо владѣетъ въ Россіи имуществомъ.

Центромъ тогдашняго веселящагося Парижа былъ Палэ-Руаяль и ближайшіе къ нему улицы и бульвары. Въ особенности бульваръ дез-Италіенъ, на которомъ къ 4-мъ часамъ собирался весь свѣтъ и полусвѣтъ Парижа. Кафе Тортони славилось своимъ мороженымъ и особеннымъ, невѣроятно крѣпкимъ пуншемъ. Его столики были постоянно полны офицерами различныхъ Армій. Въ самомъ Палэ-Руаяль излюбленными мѣстами были Кафе Вери, ресторанъ де фреръ Провансо и многочисленные игорные дома. Обиліе денегъ породило очень большую карточную игру. Въ Салонъ де Этранже игра велась особенно крупная и главнымъ его завсегдатаемъ былъ Прусскій фельдмаршалъ Блюхеръ. Онъ часто проигрывалъ въ ночь нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, но въ такихъ случаяхъ за него платилъ Прусскій король.

Однажды въ Кафе Вери вошелъ Кавалергардъ Шереметевъ съ цѣлой компаніей знакомыхъ офицеровъ. Кафе, какъ всегда, было полно. Среди присутствующихъ было нѣсколько Наполеоновскихъ офицеровъ, замѣтно навеселѣ. Завидя входящихъ, они направились къ нимъ навстрѣчу съ бокалами въ рукахъ, предлагая выпить за здоровіе Императора Наполеона. На ихъ предложеніе послѣдовалъ громкій отвѣтъ: "Il faut être un vrai m'enfichiste pour boire à présent à la santé de l'Empereur Napoléon. Il fallait mourir en le défendant!" - "Bravo, Monsieur l'Officier Russe ! Bien répondu ! Allons boire à la santé de l'Empereur Alexandre".

Всѣ театры были открыты и всегда полны публикой. Однажды давали въ присутствіи Александра I-го, всѣми теперь забытую, оперу "Le Seigneur du Village". Когда артистъ запѣлъ главную арію : "Quand Alexandre le Grand entra à Babylone", весь театръ всталъ и привѣтствовалъ Государя громкой и долгой несмолкаемой оваціей.

Среди офицеровъ полка молодой 16-ти лѣтній корнетъ Николай Николаевичъ Тургеневъ отличался необыкновенной силой. Въ числѣ прочихъ своихъ молодыхъ товарищей, онъ часто посѣщалъ гимнастическія залы Парижа. Среди обычныхъ посѣтителей этихъ залъ было всегда много англичанъ. Однажды, между англичанами и Русскими зашелъ споръ о томъ, кто сильнѣе. Стали по очереди пробовать силу на особомъ инструментѣ, указывающемъ на особой шкалѣ силу каждаго изъ состязующихся. Когда очередь дошла до Тургенева, то онъ не только оттянулъ рычагъ до отказу, но и вытянулъ весь инструментъ съ его подставки. Англичане пришли въ неописуемый восторгъ и, подхвативъ побѣдителя на руки, понесли его тріумфомъ въ ближайшее кафе.

По личному распоряженію Александра I-го, отъ Кавалергардовъ былъ назначенъ постоянный караулъ въ Мальмезонъ къ Императрицѣ Жозефинѣ. Они-же отдали ей послѣднія посмертныя почести и несли караулъ у ея гроба.

Въ сущности Кавалергарды пробыли въ Парижѣ очень короткое время. 1-го Апрѣля они были переведены въ Версаль и въ окрестныя деревни. До нихъ тамъ стояли Баварцы и до такой степени грабили мѣстное населеніе, что послѣднее, доведенное до отчаянія, обратилось съ просьбой къ Императору Александру пособить ихъ горю. Въ запискахъ современника Альфреда Лабушера есть нѣсколько строчекъ, посвященныхъ приходу полка въ деревню Жуи анъ Жозасъ.

"Les premières troupes alliés qui arrivèrent à Jouy en cantonnement régulier furent les Chevaliers-Gardes de l'Empereur Alexandre. Ils descendirent un soir dans la vallée, précédés d'une très belle musique. Logés chez les habitants, ils restèrent assez longtemps à Jouy. Le colonel Kabloukoff fut installé chez Monsieur Oberkampf et il y vécut très paisiblement. Les jeunes officiers appartenaient aux premières familles de Russie. Bien élevés, aimables, ils furent remplis d'obligeance, donnèrent des sérénades aux dames, et maintinrent la plus sévère discipline. On n'osait même se plaindre d'aucune infraction légère".

9-го Апрѣля Государь переѣхалъ въ Рамбулье и по этому случаю туда было послано два эскадрона Кавалергардовъ подъ командой Каблукова, которому предписывалось: "Такъ какъ Государь Императоръ завтрашняго дня изволитъ быть въ Рамбулье, то и рекомендуется Вашему Высокоблагородію взять по сему предмету надлежащія мѣры. Особенно караулъ долженъ быть во всевозможной чистотѣ и исправности и соблюдать осторожность".

А соблюденіе осторожности было крайне необходимо. Въ густыхъ лѣсахъ Версаля и Рамбулье появилось много различныхъ шаекъ французскихъ и союзныхъ дезертировъ и Наполеоновскихъ солдатъ, ушедшихъ домой съ оружіемъ. Часто происходили нападенія на отдѣльныхъ солдатъ и даже на цѣлые транспорты. Два такихъ случая сохранились въ Кавалергардскихъ архивахъ.

9-го Апрѣля, не доѣзжая Версаля, Кавалергардъ Никифоръ Папалита былъ раненъ неизвѣстными въ лѣвую руку пулей на вылетъ, а 28-го на двухъ Кавалергардовъ Шефскаго эскадрона Соботюка и Иванова, между Версалемъ и Жуи анъ Жозасъ, напали французы и ранили, перваго саблей трижды въ голову, а второму разсѣкли бровь.

Версальскіе уличные мальчишки преслѣдовали Кавалергардовъ криками: "Barbares, Ogres russes"! Однажды, когда весь полкъ былъ въ сборѣ на Версальскомъ плацу, собралась толпа зѣвакъ и, по обыкновенію, отпускала разныя остроты и плоскія шутки. Солдаты, не понимая языка, добродушно смѣялись, офицеровъ это изводило. Наконецъ одинъ изъ нихъ, выведенный изъ терпѣнія нахальствомъ одного француза, указалъ на него пальцемъ вахмистру. "А ну-ка, проучи его хорошенько". Вахмитръ, солдатъ атлетическаго сложенія, ловко подскакалъ къ французу, запустилъ ему въ волосы всю свою пятерню, поднялъ на воздухъ и такъ тряхнулъ, что французъ очутился на землѣ, вмигъ оплѣшивѣвъ, а у вахмистра болталось въ рукахъ нѣчто вродѣ скальпа.

18-го Мая по случаю заключенія мира, полкъ ходилъ на парадъ въ Парижъ, а 21-го Кавалергарды выступили въ Россію.

Въ теченіи 5-ти мѣсяцевъ, день за днемъ, верста за верстою, совершали Кавалергарды свой обратный путь на Родину. Въ Красное

Село, навстрѣчу полку, выѣхала Императрица. . I9-го Октября, подъ звонъ колоколовъ и крики тысячной толпы, тѣснившейся на улицахъ Санктъ-Петербурга, Кавалергарды, Конногвардейцы и Конно-Артиллеристы вступили въ столицу и разошлись по своимъ казармамъ.

В.Н. Звегинцовъ.

ВЫСТАВКА I9I2 ГОДА ВЪ ЭРМИТАЖѢ

Среди различныхъ торжествъ, связанныхъ съ I50-лѣтней годовщиной Отечественной войны I8I2-I8I4 г., имѣвшихъ мѣсто въ разныхъ городахъ Россіи, кромѣ возстановленія Бородинской панорамы, на которой былъ заново написанъ Кавалергардскій полкъ въ моментъ передъ атакой, когда мимо него провозили, только что раненаго, князя Багратіона, въ Военной Галлереѣ Эрмитажа была устроена особая выставка, посвященная этой годовщинѣ.

Военная Галлерея, со своими 332 портретами генераловъ участниковъ Отечественной Войны, изъ которыхъ I9 изображаютъ Кавалергардовъ, явилась исключительнымъ мѣстомъ для такой выставки.

Изъ шести съ лишнимъ тысячъ различныхъ знаменъ и штандартовъ, хранящихся въ различныхъ отдѣлахъ Эрмитажа, было выдѣлено 700 штандартовъ и знаменъ полковъ, участвовавшихъ въ бояхъ противъ Великой Арміи Наполеона и, среди нихъ Кавалергардскіе Штандарты, свидѣтели боевой славы полка во всѣхъ войнахъ противъ Наполеона, начиная съ Аустерлица и кончая вступленіемъ въ Парижъ.

Штандарты эти, пожалованные Императоромъ Павломъ въ I799 г., особенно отмѣчены въ богато-иллюстрированномъ изданіи Эрмитажа: "Отечественная Война I8I2 года въ художественныхъ и историческихъ памятникахъ изъ собраній Эрмитажа", изданномъ Экспедиціей Государственнаго Эрмитажа въ I963 году.

Кромѣ этихъ первыхъ полковыхъ штандартовъ, на выставкѣ были и Георгіевскіе Штандарты полка, пожалованные ему въ I8I7 г. "За пораженіе и изгнаніе непріятеля изъ предѣловъ Россіи въ I8I2 году". Такимъ образомъ всѣ Штандарты полка, хранившіеся до выступленія въ походъ въ I9I4 году въ полковой церкви на Захарьевской улицѣ, находятся теперь среди сокровищъ Эрмитажа.

На выставкѣ были также выдѣлены различныя картины, гравюры и литографіи. Среди нихъ "Сраженіе подъ Фершампенуазомъ", картина Б.П. Виллевальде I842 г., изображающая послѣдній моментъ пятой атаки полка въ этотъ день, "Капитуляція Парижа" И.М. Жерве I8I8 года, гдѣ рядомъ съ французскимъ парламентеромъ изображенъ флигель-адъютантъ Александра I-го Кавалергардъ М.Ф. Орловъ, гравюра М. Дюбура по картинѣ Орловскаго, изображающая Д.В. Давыдова.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

О. Георгій ШЕРЕМЕТЕВЪ.

2I-го Іюля I9I4 г. въ казармахъ полка, на Шпалерной улицѣ, украшенный офицерскимъ Георгіевскимъ крестомъ, полученнымъ имъ подъ Тюренченомъ, нашъ полковой священникъ о. Стефанъ Щербаковскій служилъ напутственный молебенъ передъ выстроенными въ пѣшемъ

строю эскадронами. Затѣмъ полкъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ передъ старыми командирами полка генералами Безобразовымъ, Грюнвальдомъ и Николаевымъ.

Наши полковыя дами, наши матери, жены стояли тутъ же скромно, серьезно безъ слезъ. Отъ нихъ уходили сыновья, мужья - вся жизнь ихъ семей, можетъ быть на вѣки. Онѣ отдавали ихъ Родинѣ и слезамъ не было мѣста.

22-го утромъ, на разсвѣтѣ, эскадроны ушли на погрузку. Запасные пути Варшавскаго вокзала. Разставаніе съ близкими спокойное, какъ бы дѣловое. Наши семьи знали, что уходъ родного полка явленіе простое, часть долга и службы.

Двинулись эшелоны. Никому неизвѣстная нищая старушка благословляла насъ иконой Св. Николая Мирликійскаго, и полкъ ушелъ изъ родного ему Санктъ-Петербурга - ушелъ навсегда...

У меня было чувство, что мы старые полки Гвардіи были душою Петрова града. Мы ушли и городъ, отдавъ все, что у него было лучшаго - умеръ.

ВОЙНА 1914 ГОДА

В.В. РОЗАНОВЪ

Я брелъ по Вознесенскому или Воскресенскому проспекту къ Шпалерной и былъ погруженъ въ тѣ думы или мечты, въ какихъ всегда пребываютъ литераторы. Было чудное утро. Шестой часъ. Теплота. Сушь. Почти пустынная улица.

Шелъ я опустивъ голову, когда что-то начало безпокоить мой слухъ. Безпокойство все возрастало... Шуршаніе начало переходить въ шумъ, гулъ - неясный, далекій... Ближе, ближе. Когда увидавъ мелькающія ноги у моихъ ногъ - я, наконецъ, поднялъ голову.

Почти наваливаясь на тротуаръ, шла конница... Я все робко глядѣлъ на эту нескончаемую вереницу тяжелыхъ всадниковъ, изъ которыхъ каждый былъ такъ огроменъ сравнительно со мною,- и ихъ такое множество, кажется, никогда не кончатся.

Идутъ, идутъ, идутъ... и не кончаются. Стройные, стойкіе, огромные. Тогда я началъ вдругъ чувствовать, что не только боюсь (это опредѣленное чувство было), но и обвороженъ ими - зачарованъ ими - зачарованъ страннымъ очарованіемъ, которое только одинъ разъ - вотъ этотъ - испыталъ въ жизни. Я почувствовалъ необыкновенную нѣжность, истому и сонливость во всемъ существѣ. Сердце упало во мнѣ любовью... Мнѣ хотѣлось, чтобы ихъ было еще больше.

Волны все шли. Этот однообразный гулъ. Эти "ни на что не взирающія" лица. Какъ они горды, самостоятельны, именно тѣмъ, что ни на кого не смотрятъ. Суть арміи, что кромѣ полководца, она никого не видитъ, не знаетъ.

Голова была ясна, а сердцѣ билось.. Какъ у женщинъ. Суть арміи, что она всѣхъ насъ превращаетъ въ женщинъ слабыхъ, трепещущихъ, обнимающихъ воздухъ.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ

С. А. БЕЗОБРАЗОВЪ

Санктъ-Петербургъ начала нашего столѣтія, вплоть до первой міровой войны, мало чѣмъ отличался отъ Петербурга временъ Императора Николая I-го.

Это былъ своего рода придворно-военно-чиновничій станъ, гдѣ штатскіе терялись на фонѣ многоцвѣтныхъ, красивыхъ и разнообразныхъ формъ. Блестящія каски съ орлами, кивера, султаны, Павловскія гренадерки, и медвѣжьи высокія шапки дворцовыхъ гренадеръ, малиновый звонъ шпоръ, звонъ палашей, гремящихъ по граниту тротуаровъ, шпаги, тесаки, превращающіе русскаго мужика въ подобіе римскаго легіонера. На сѣро-серебряномъ фонѣ Петербургскаго неба, всѣ эти краски веселили взоръ и были красивы.

Много было и другихъ красочныхъ одѣяній: трехъугольныя шляпы съ кокардами, съ перьями и безъ перьевъ - надѣтыя вдоль, а иногда и поперекъ, бѣлыя барашковыя свитскія шапки, шинели съ бобрами, черныя, либо сѣраго офицерскаго сукна, длинныя до пятъ съ пелеринами. Далеко были видны красные генеральскіе отвороты и подкладки, широкіе золотые и серебряные погоны и густые эполеты.

Для современной войны, эта архаическая красота была мало пригодна, но въ мирные годы, яркость красокъ давала жизнь и блескъ суровымъ берегамъ Невы. Можетъ быть эти краски, блескъ золотыхъ и серебряныхъ приборовъ въ нѣкоторой степени, замѣняли отсутствующее солнце и даже днѣвной свѣтъ, особенно въ темные, сумрачные зимніе мѣсяца.

По улицамъ тогдашняго Петербурга вереницами тянулись извощичьи пролетки или сани, въ зависимости отъ сезона, и на облучкахъ, немного бокомъ, сидѣли бородатые скифы, въ ватныхъ армякахъ и кафтанахъ, лѣниво подергивая висящія вожжи. Толстобрюхая отъ сѣна лошадь, на согнутыхъ ногахъ, съ трудомъ тащитъ дребезжащую пролетку или санки, крытые полостью непонятнаго длинноволосого звѣря.

"Па - а - берегись!" раздавался повелительный окрикъ и мимо проносился лихачъ. Рысакъ - совершеннѣйшій звѣрь орловской породы - широко забирая ногами, пустивъ по вѣтру длинный хвостъ, легко обгоняя всѣхъ, безъ усилія тащилъ блестящую, лакированную пролетку. Дуга легкая, шлея, сѣделка лакированы съ серебрянымъ наборомъ. Самъ извозщикъ - краснощекій, чернобородый малый, твердо держитъ, въ далеко вытянутыхъ рукахъ, темносинія вожжи.

Плывутъ ровной рыстью придворныя кареты, запряженныя парой въ дышло по англійски. Хвосты и гривы лошадей коротко подстрижены, а кучера и выѣздной - одѣты въ красныя съ золотыми орлеными позументами, придворныя ливреи съ пелеринами - гладко выбриты. На нихъ красныя, трехъугольныя шляпы, украшенныя бѣлыми перьями, надѣтыя у одного вдоль и немного набокъ, а у другого поперекъ. Въ рукахъ у кучера длинный англійскій бичъ.

Даже частныя кареты, коляски и сани прибавляли краски къ общей симфоніи стараго Петербурга, своими необычайными, нигдѣ

невиданными шляпами малиноваго, желтаго, зеленаго бархата, въ видѣ толстыхъ квадратныхъ подушекъ, лежащихъ прямо на головахъ кучеровъ.

Таковъ былъ Петербургъ всего пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Прошло полвѣка и изумительно думать, что мы, уже взрослой жизнью, жили въ Петербургѣ, оставшемся почти неприкосновеннымъ со временъ "Блаженной памяти Николая Павловича". Самъ же Петербургъ - Петербургъ Елизаветы, Екатерины и особенно обоихъ внуковъ Великой Императрицы, былъ торжественно красивъ и мы выросли въ немъ, любуясь каждый день странной смѣсью венеціанскаго романтизма, классическихъ колоннадъ и легкого барокко, той почти театральной декораціей, которой, опершись на гранитный парапетъ, широкой и величавой Невы, любовался Пушкинъ.

Тяжелая Конница въ золотыхъ шлемахъ съ двуглавыми орлами, въ сверкающихъ кирасахъ, съ длинными палашами, была неотъемлимой частью этого Петербурга, и, когда рано утромъ, во мглѣ Моховой или на тихой Милліонной, звеня подковами, шелъ взводъ Кавалергардовъ въ кирасахъ и каскахъ, съ бѣло-алыми флюгерами на алыхъ пикахъ, со штандартомъ, тихо плывущемъ надъ всадниками, казалось оживало прошлое стараго Санктъ-Петербурга.

Зима 1913 года была послѣдней, спокойной зимой передъ огромными сдвигами, перемѣнившими въ корнѣ Россію, ея исторію, а съ ней и державный Петербургъ. Зима была снѣжная, морозная, веселая и беззаботная. На Рождествѣ Александръ Тимашевъ, Димитрій Дубасовъ, Александръ Дризенъ и я охотились въ подмосковномъ имѣніи моихъ родителей Яропольцѣ. Несмотря на яркое солнце, духъ захватывало отъ сухого мороза и вечерами блестящая, бѣлая луна, окруженная широкимъ, яркимъ поясомъ, ослѣпительно освѣщала бѣлые снѣга, бѣлый домъ и бѣлую ограду вокругъ сада. Свѣтло было, какъ днемъ и въ неподвижно замерзшемъ паркѣ, на ярко бѣломъ снѣгу, лежали четкія, почти черныя тѣни деревьевъ.

За день до Новаго Года, нарочный принесъ телеграмму, сообщавшую о принятіи насъ въ Кавалергардскій полкъ. Изъ Пажескаго корпуса насъ было принято четверо. Считая по старшинству : Фельдфебель Михаилъ Безобразовъ, камеръ пажи Сергѣй Безобразовъ, Николай Казнаковъ и Димитрій Дубасовъ. Въ телеграммѣ было также сказано, что командиръ полка кн. А.Н. Долгоруковъ приметъ насъ I5-го Января въ I0 съ половиною часовъ.

Для такого исключительнаго дня, изъ погребовъ были вынесены старинныя, пузатыя, зеленаго стекла бутылки токайскаго, лежавшія тамъ со временъ Великой Екатерины, и будущіе Кавалергарды, подъ взорами георгіевскихъ кавалеровъ другихъ временъ отпраздновали это долгожданное событіе.

По возвращенію въ Петербургъ, первой заботой было обзавестись бѣлой съ краснымъ околышкомъ, полковой фуражкой. Таковъ былъ обычай въ корпусѣ: Камеръ пажи и пажи старшаго класса, вечеромъ, передъ укладкой на ночь, по мѣрѣ принятія въ полки, надѣвали фуражки своихъ частей и, такимъ образомъ, понемногу открывались, тщательно до того скрываемыя,намѣренія.

Съ вечера все было готово, но какъ это часто бываетъ, въ послѣднюю минуту мелкій бѣсъ вмѣшался въ дѣло и на одной изъ

бѣлыхъ перчатокъ оказалось чернильное пятно. Пришлось послать въ магазинъ Фокина на Караванную.

Все это заняло не мало времени и, когда я, наконецъ, добрался до передней командира - командиръ жилъ въ полковой казенной квартирѣ въ Шефскомъ Корпусѣ; то швейцаръ, снимая пальто, сообщилъ, что "господа уже представлялись и изволили отбыть".

Вчетверомъ было бы менѣе страшно, а тутъ я оказался одинъ. Я стоялъ и ждалъ въ большомъ залѣ у двери. Направо открылась другая дверь и генералъ въ сѣрой тужуркѣ, окутанный облаками сигарнаго дыма, появился въ ней. Три шага по уставу, легкое сердцебіеніе и длинная сакраментальная фраза "камеръ пажъ такой то является по случаю принятія въ полкъ". Бѣсъ, повидимому, потерялъ меня въ дорогѣ и я легко и точно продѣлалъ все, что полагалось. Командиръ любезно улыбнулся и протянулъ руку. Нѣсколько наставительныхъ словъ, очень добродушныхъ и я почувствовалъ себя счастливымъ.

Весной, послѣ съемокъ, наступило время прикомандированія къ полку. Незадолго до съемокъ,отслужилъ я свою послѣднюю камеръ-пажескую службу. То была послѣдняя вспышка блеска и величія уходящей династіи.

Ранней весной I9I4 года къ нашему Императору пріѣхалъ на свиданіе король Саксонскій и по этому поводу въ Царскосельскомъ дворцѣ былъ назначенъ парадный завтракъ. Уже съ ранняго утра мы, камеръ пажи, готовились къ предстоящему торжеству, затянутые въ бѣлыя лосины, лакированныхъ ботфортахъ со шпорами, въ мундирахъ по колѣно, разшитыхъ золотомъ сверху до низу и также разшитыхъ по рукавамъ и даже сзади. На боку шпага на золотой портупеѣ, съ блестящей черной каской со звѣздою и ниспадающимъ каскадомъ бѣлаго султана, мы, правда, были похожи на заморскихъ жаръ-птицъ, на которыхъ даже было больно смотрѣть.

Придворныя кареты повезли насъ черезъ весь Петербургъ на Царскосельскій вокзалъ и удивленные прохожіе долго глядѣли намъ вслѣдъ, стараясь угадать значеніе такого видѣнія. Такія же кареты встрѣтили насъ въ Царскомъ Селѣ и быстро доставили во дворецъ.

Въ большой, полупустой гостиной перваго этажа, стояли, тихо переговариваясь, первые чины Двора. Потомъ, понемногу, прибыли члены Царской Семьи - всѣ высокіе, видные съ голубыми Андреевскими лентами черезъ плечо. Арапъ въ шелковомъ золотомъ одѣяніи въ малиновомъ тюрбанѣ распахнулъ обѣ половины большой двери и сразу наступила тишина. Въ дверяхъ появился церемоніймейстеръ. Жезломъ чернаго дерева съ набалдашникомъ слоновой кости съ чернымъ орломъ, онъ торжественно ударилъ трижды о полъ и громко провозгласилъ: "Ихъ Величества".

Вошелъ Государь и рядомъ съ нимъ небольшой, рыжеватый и довольно толстый король Саксонскій. Государь представилъ ему министра Двора графа Фредерикса и свиту. Король пожалъ руку министру и, сдѣлавъ широкій жестъ рукой, добавилъ по нѣмецки "und so weiter", къ глубокому недоумѣнію остальныхъ лицъ свиты.

Затѣмъ шествіе выстроилось вдоль галлереи. Въ первой парѣ Государь съ Императрицей, потомъ король съ Вдовствующей Импера-

трицей, потомъ всѣ Великіе Князья и Княгини. Я шелъ слѣва отъ моей Великой Княгини Елизаветы Маврикіевны, жены Великаго Князя Константина Константиновича, стараясь не наступить на ея шлейфъ. Подымаясь по бѣлой мраморной лѣстницѣ, я залюбовался блестящей вереницей шествія. Тутъ я замѣтилъ, что моя Великая Княгиня исчезла. Напрасно я разыскивалъ ее вдоль шествія - ея нигдѣ не было.

Такъ мы добрались до верху, прослѣдовавъ черезъ нѣсколько галлерей и пріемныхъ и вошли въ огромный, двухсвѣтный синій съ золотомъ залъ. На хорахъ, высоко наверху, придворный симфоническій оркестръ, въ красныхъ съ золотомъ одѣяніяхъ грянулъ : "Славься, Ты Славься". Государь съ Императрицей, ведя шествіе, шли вдоль безконечнаго стола, расположеннаго покоемъ. Приглашенные стоя ждали у своихъ мѣстъ и, по мѣрѣ прохожденія Царя, всѣ эти знатные, заслуженные сановники, покрытые золотомъ, лентами и звѣздами, низко склоняли свои головы.

Царь остановился во главѣ стола. Короля подвели къ его мѣсту, какъ разъ противъ Царя. Какого было мое удивленіе, найдя мою Великую Княгиню у своего прибора. Ей было смѣшно, такъ какъ изъ-за больной ноги она поднялась по лифту и вѣроятно догадывалась, какъ я растерялся, оставшись одинъ. Наконецъ, Государь сѣлъ, и за нимъ всѣ остальные. За Государемъ стоялъ нашъ фельдфебель Михаилъ Безобразовъ. Налѣво отъ Государя сидѣла Императрица, дальше Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ и рядомъ моя Великая Княгиня. Я стоялъ и смотрѣлъ. Трудно было найти лучшее мѣсто для наблюденія.

За двумя Императрицами и всѣми Великими Княгинями стояли Камеръ-пажи, за камеръ-пажами придворные скороходы въ желтыхъ съ двуглавыми орлами одѣяніяхъ. На нихъ были небольшія шапочки такого же цвѣта, отороченныя съ одной стороны короткими страусовыми перьями.

Растворились парадныя двери и вереница камеръ лакеевъ внесла серебряныя блюда. Императрица сидѣла черезъ два кресла, направо. Она концами пальцевъ перебирала край бѣлой скатерти, ничего не тронула изъ поданныхъ блюдъ и почти не произнесла ни одного слова. Замѣтно было, какъ неожиданно мѣнялся цвѣтъ Ея лица, то блѣднѣя, то вспыхивая розовымъ блескомъ. Вѣроятно мысли Императрицы были далеки отъ окружающей ее церемоніи.

Немного налѣво, Великая Княжна Ольга Николаевна о чемъ то спорила съ Великимъ Княземъ Кирилломъ Владиміровичемъ. Она хотѣла что то записать на меню и, повернувшись ко мнѣ, съ веселой улыбкой, попросила карандашъ.

Еще со временъ Великой Екатерины, камеръ пажамъ полагалось имѣть при себѣ аглицкія соли, ножницы, иголки со вдѣтыми нитками, но карандашъ и бумага не были предусмотрѣны. Совсѣмъ неожиданно я почувствовалъ въ рукѣ карандашъ и съ радостью подалъ его Великой Княжнѣ. Она привѣтливо еще разъ улыбнулась. Спасъ меня скороходъ, имѣвшій, вѣроятно, все необходимое при себѣ.

Такъ мы стояли неподвижно и часы шли за часами. Мимо проносили жаренныхъ фазановъ, рябчиковъ, знаменитые дворцовые "пашкеты". Чего только не подавалось къ столу. Произнесены были рѣчи, но время для насъ тянулось, а главное хотѣлось ѣсть, какъ можетъ хотѣться въ I9 лѣтъ, простоявъ безъ ѣды такъ много часовъ.

Наконецъ Государь всталъ, зашумѣли стулья, и шествіе тѣмъ же порядкомъ отправилось въ большую гостинную, гдѣ, согласно камерфуріерскому журналу, "Высочайшія Особы изволили откушать кофе". Мы же продолжали стоять, но на этотъ разъ вдоль стѣнъ, терпѣливо ожидая нашей очереди.

Теперь, 50 лѣтъ спустя, вспоминая всѣ эти великолѣпія, которыя тогда казались такъ назыблемы, трудно повѣрить, что всего три года отдѣляли эту спокойную и увѣренную въ себѣ эпоху отъ катастрофы, гдѣ весь правящій классъ великой монархіи, съ династіей во главѣ, исчезъ безвозвратно и, что всѣ эти государственные мужи, такъ непредвиденно и потому неожиданно превратились въ несчастныхъ стариковъ, гонимыхъ революціей. Во истинну, "не вѣдомы пути Господни".

Кавалергарды стояли въ Павловской Слободѣ Краснаго Села. Каждое утро ровно въ 6 утра, трубачи объѣзжали лагерное расположеніе полка и на всѣхъ перекресткахъ играли генералъ-маршъ. Начинался день кавалерійскаго полка.

Военное поле было главнымъ поприщемъ, гдѣ массы конницы маневрировали въ облакахъ густой пыли. Само поле, казалось, не имѣло границъ и разросталось во всѣ стороны до горизонта. Хотя еще зеленое, оно было затоптано тысячими конскихъ копытъ. Издали поле казалось ровнымъ, какъ бильярдъ, но на самомъ дѣлѣ, оно было прорѣзано глубокими складками, гдѣ, какъ говорили знатоки, могла скрыться цѣлая дивизія. Небольшое возвышеніе, называемое Царскимъ Валикомъ, служило мѣстомъ наблюденія для Царя, когда Императоръ присутствовалъ на маневрахъ.

Съ ранняго утра, въ облакахъ желтой пыли мы носились по безконечной равнинѣ, исполняя замысловатыя построенія строевого устава. Солнце жгло немилосердно и въ накаленномъ воздухѣ, обливаясь потомъ, подобные "отрокамъ въ пещи огненной" мы обучались кавалерійскому искусству.

Трудно теперь себѣ представить, что столько времени и усилій было потрачено на уже отжившія формы войны. Пулеметы и скорострѣльная артиллерія давно уничтожили значеніе большихъ конныхъ массъ въ европейскихъ войнахъ, а мы слѣпо продолжали готовиться къ войнамъ временъ Наполеона.

Но мы, въ этомъ отношеніи не были исключеніемъ. Французы выступили на войну въ красныхъ штанахъ, въ кирасахъ и въ ихъ главномъ штабѣ царила, выработанная еще до войны теорія, что путь къ побѣдѣ лежалъ въ непрерывной штыковой атакѣ пѣхотой. Этотъ непонятный консерватизмъ уложилъ въ первый же годъ войны сотни тысячъ ненужныхъ жертвъ и Франція чуть не погибла.

Наконецъ наступилъ день, когда я былъ назначенъ ординарцемъ къ командиру бригады кн. В.А. Долгорукову. Ученіе было дивизіонное и начальникомъ дивизіи былъ генералъ Казнаковъ. Поле было покрыто до горизонта маневрирующими массами конницы. Зрѣлище было великолѣпное и я съ интересомъ слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ. Потомъ мое вниманіе перешло на другіе предметы, мысли унеслись куда-то въ пространство и, убаюканный ѣздой и горячимъ солнцемъ, я забылъ о маневрахъ, о моемъ генералѣ и, вообще, обо

всемъ, что происходило кругомъ. Неожиданно я былъ разбуженъ обрывками словъ, долетавшими до меня "I-му полку ... колоннами ... и т.д." Согласно уставу, передача приказаній должна быть исполнена немедленно.

Припустивъ коня, я скакалъ по широкому полю. Вдали виднелась тяжелая масса нашего полка. И тутъ, къ своему ужасу, я замѣтилъ, что кромѣ I-го полка и колоннами, я мало что запомнилъ и, что длинное приказаніе, какимъ-то образомъ пронеслось мимо моихъ ушей. Разстояніе до полка быстро сокращалось и, по мѣрѣ сокращенія, мое волненіе соотвѣтственно возрастало.

"Надо вернуться, переспросить", твердилъ разумъ. "Немыслимо, невозможно", пугало воображеніе. Но вотъ полкъ. Вотъ командиръ съ трубачемъ и ординарцами. Теперь уже поздно, и я, лихо остановивъ коня въ двухъ шагахъ отъ кн. Долгорукова, рапортую. "Ваше сіятельство, I-ому полку приказано построиться ... тутъ я запнулся, вспомнилъ какое-то построеніе, гдѣ тоже было слово "колоннами" и, которое мы еще такъ недавно учили въ корпусѣ, и, какъ человѣку, которому больше терять нечего, быстро отбарабанилъ знакомую формулу. Авось сойдетъ.

Полкъ началъ продѣлывать свою эволюцію, остальные же дѣлали что-то совсѣмъ другое. Все перепуталось и, по выраженію лѣтописца, полки "побрели розно". Я же скакалъ обратно къ командиру бригады. Прискакалъ начальникъ дивизіи, генералы спорили. Появился и нашъ командиръ и послѣ длинныхъ споровъ и взаимныхъ упрековъ всѣмъ вдругъ стало ясно, кто былъ главнымъ виновникомъ. Мнѣ немедленно было приказано вернуться въ строй. Такъ неудачно началась моя военная карьера и до вечера я ходилъ уничтоженный, купаясь, какъ мнѣ казалось, въ морѣ позора. Но молодость быстро забываетъ уныніе и неудачи и уже на слѣдующее утро, забывъ о происшедшемъ, я выѣхалъ на ученіе такимъ же бодрымъ и веселымъ, какъ всегда.

Вначалѣ Іюня изъ рядовыхъ Кавалергардовъ, мы камеръ-пажи, были переведены на офицерское положеніе и одновременно допущены въ офицерскую артель. До этихъ поръ мы столовались въ небольшой столовой во второмъ этажѣ вмѣстѣ съ вольноопредѣляющимися кн. Игоремъ Репнинымъ и Александромъ Шебеко.

Въ день допущенія камеръ-пажей въ офицерскую артель, я былъ назначенъ дежурнымъ по полку. Это былъ своего рода день страшнаго суда. Находясь на дежурствѣ я не разставался съ шашкой, револьверомъ и фуражкой, даже за столомъ. Когда всѣ уже сидѣли, вошелъ командиръ: я подошелъ къ нему съ рапортомъ и командиръ занялъ свое мѣсто во главѣ стола. Дальше сидѣли полковники и командиры эскадроновъ. Противоположный конецъ стола былъ занятъ штабсъ-ротмистрами и поручиками, а намъ и молодымъ корнетамъ была предоставлена середина.

Первые дни въ артели очень стѣснительны и, какъ правило, на насъ никто не обращалъ вниманія. За однимъ изъ такихъ завтраковъ подошелъ ко мнѣ вѣстовой со стопкой на серебряномъ блюдѣ: "Отъ корнета графа Толстого". Я уже зналъ, что надо дѣлать. Со стаканомъ въ рукахъ, обойдя весь столъ, я отправился чокнуться съ отправителемъ. Это былъ первый признакъ оттепели. Одна за другой стали появляться другія стопки - это тоже

было признакомъ полнаго признанія. Въ артели подавалось только шампанское удѣльнаго производства подъ названіемъ Абрау-Дюрсо. Недѣли три спустя мы совсѣмъ привыкли къ своему положенію и постепенно были приняты наравнѣ со всѣми.

Приблизительно въ это же время, полкъ однимъ переходомъ прошелъ до рѣки Луги, верстахъ въ сорока отъ Краснаго Села. День былъ необычайно душный, тяжелый. Пыль густымъ облакомъ висѣла надъ эскадронами. Плохо мною пригнанная винтовка натерла мнѣ спину до крови. Послѣдніе часы перехода были особенно мучительны. У Луги полкъ обучался сторожевому охраненію и, главнымъ образомъ, плаванію. Жили мы въ палаткахъ на лугу у рѣки, гдѣ было тѣнисто и прохладно. Въ большой артельной палаткѣ мы завтракали и обѣдали.

Въ это время происходили событія, нарушившія въ корнѣ нашу спокойную, равномѣрную жизнь. Мало кто оцѣнилъ сразу значеніе Сараевскаго убійства. Раздавшійся выстрѣлъ былъ первымъ выстрѣломъ міровой войны, стоившей человѣчеству невиданныя жертвы.

Палатки были сложены и полкъ вернулся въ Красное Село. Камеръ-пажи были вызваны обратно въ лагерь корпуса и на короткій срокъ мы опять окунулись въ корпусную жизнь. 12-го Іюля, послѣдній разъ, шли мы строемъ на площадь около лагерной церкви, гдѣ и построились въ ожиданіи прибытія Государя. Вмѣсто обычнаго 6-го Августа мы были произведены на три недѣли раньше.

Государь пріѣхалъ въ автомобилѣ, одинъ съ дежурнымъ флигель-адъютантомъ. Вставъ передъ строемъ, Государь сказалъ рѣчь, въ которой, не касаясь грозныхъ событій, поздравилъ насъ съ производствомъ, прибавивъ, что ожидаетъ отъ насъ вѣрной и добросовѣстной службы. Царь говорилъ усталымъ, тихимъ голосомъ, выглядѣлъ озабоченно и сразу послѣ рѣчи уѣхалъ.

А мы, уже не въ строю, окончательно прощаясь другъ съ другомъ, отправились каждый въ свой полкъ. Производство, обыкновенно сопровождавшееся веселыми празднованіями, теперь прошло почти незамѣтно. На слѣдующій день полку было приказано возвратиться въ Петербургъ, гдѣ начались забастовки и рабочія волненія.

Уже у Нарвской заставы мы почувствовали новыя настроенія. На перекресткахъ толпы рабочихъ мрачно встрѣчали насъ враждебными криками, а мы безмолвно шли по рабочимъ окраинамъ города.

Но съ объявленіемъ войны, эти настроенія немедленно исчезли и замѣнились звучнымъ пѣніемъ "Боже Царя Храни". Появились трехцвѣтные флаги и толпы народа ходили съ иконами и царскими портретами. Но что-то тревожное застряло въ душѣ, что-то подсознательно скрывавшееся и три года спустя вскрытое Февральской революціей.

А пока что настроеніе рабочихъ въ корнѣ измѣнилось. Отъ скуки или въ ожиданіи большихъ возможностей "народъ" купался въ патріотическихъ настроеніяхъ. Восторгъ охватилъ всѣ слои населенія и мы наивно вѣрили въ скорыя побѣды и быстрый конецъ войны.

Офицерамъ Петербургскаго гарнизона было приказано собраться въ Зимнемъ Дворцѣ, куда къ полудню долженъ былъ прибыть Государь. Огромные залы были полны военными. Съ трудомъ можно было двигаться въ тѣсно стоящей толпѣ.

Нева, сине-зеленая, живая отъ короткихъ волнъ блестѣвшихъ и переливавшихся на солнцѣ, разстилалась широкой пустыней между дворцомъ и Петропавловской крѣпостью. Вдали на западѣ показался небольшой катеръ подъ Императорскимъ Штандартомъ и, по мѣрѣ его приближенія, берега Невы, покрытые толпами народа, гремѣли нескончаемымъ ура. Катеръ отшвартовался у гранитной лѣстницы и Государь съ Императрицей вошли, черезъ Іорданскій подъѣздъ во Дворецъ.

Государь, подъ руку съ Императрицей, шелъ между двумя плотными стѣнами офицеровъ и несмолкаемое "ура" потрясало своды огромныхъ залъ. Наконецъ, по знаку Царя наступила тишина. Государь говорилъ о предстоящей войнѣ, о необходимости единенія и закончилъ рѣчь извѣстнымъ обѣщаніемъ не заключать мира, пока хоть одинъ врагъ останется на Русской Землѣ. Общій порывъ охватилъ присутствовавшихъ и загремѣло такое ура, котораго, вѣроятно никогда не слыхали стѣны стараго дворца.

Въ отвѣтъ на наше ура, снаружи донесся ревъ океана среди разразившейся бури. Дворцовая площадь, сосѣднія улицы и набережныя были залиты народомъ. Флаги, портреты, иконы развѣвались и блестѣли на темномъ фонѣ необъятнаго сборища.

Государь вышелъ на балконъ, и толпа упала на колѣни. Кто бы въ эти минуты могъ бы предвидѣть, что тѣ же массы народныя пойдутъ на приступъ этого же дворца ... и всего черезъ три года.

22-го Іюля полку была назначена погрузка въ эшелоны. Утромъ мы стояли построенными на Захарьевской улицѣ. Прибылъ командиръ Гвардейскаго корпуса генералъ-адъютантъ В.М. Безобразовъ и другіе старые командиры. Послѣ молебна мы прошли церемоніальнымъ маршемъ передъ нашими бывшими командирами.

Затѣмъ, послѣ обѣда, эскадроны по очереди выступили на Варшавскій вокзалъ на погрузку. Мой № 4-ый эскадронъ выступилъ послѣднимъ, уже ночью. Наше выступленіе въ походъ, по пустыннымъ улицамъ уже спящаго города, прошло незамѣченно и только въ одномъ открытомъ окнѣ, гдѣ-то на Забалканскомъ проспектѣ, чья-то рука посылала намъ напутственное привѣтствіе.

Послѣ погрузки, эшелонъ сразу началъ двигаться и мимо вагоновъ плыли знакомыя и незнакомыя лица провожающихъ. Не имѣя опыта войны, казалось, что мы покидаемъ родныя мѣста навсегда. Что же касается нашего полка, то это было именно такъ. Смутно чувствовался конецъ эпохи и начало чего-то новаго, еще непонятнаго, такъ далекаго отъ всего къ чему мы привыкли. Но это были только неуловимые намеки и предчувствія того будущаго, которое мы даже представить себѣ не могли.

Послѣднее видѣніе, оставшееся въ моей памяти, была моя няня, утиравшая платкомъ слезы и рядомъ генералъ Скарятинъ, крестившій уходящій поѣздъ. Его сынъ, старшій офицеръ нашего эскадрона, съ которымъ я занималъ одно отдѣленіе, открылъ очень удобный походный погребецъ, и мы выпили на дорогу по чаркѣ водки.

Съ тѣхъ поръ прошло полвѣка войнъ, революцій и изгнаній. Мало осталось въ живыхъ изъ тѣхъ, кто въ Іюлѣ 1914 года грузился въ эшелоны. Все быстрѣе бѣгутъ годы и одинъ за другимъ старые Кавалергарды уходятъ для возсоединенія съ тѣми, кто уже перешелъ черту.

КАВАЛЕРГАРДЫ ВЪ ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

Глава третья

БОИ ВЪ БАХМАЧСКОМЪ НАПРАВЛЕНІИ. ВЗЯТІЕ ГОРОДА. ПЕРЕХОДЪ ВЪ НѢЖИНЪ. БОИ ВЪ ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХЪ.

ІЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ 1919 ГОДА.

29 Іюля головной эшелонъ I-го Гвардейскаго Сводно-Кирасирскаго полка - Кавалергарды - высадился на станціи Люботинъ въ окрестностяхъ Харькова.

На слѣдующій день было собрано полковникомъ Коссиковскимъ собраніе старшихъ офицеровъ полка въ составѣ: гр. Г.А. Шереметева, В.Н. Звегинцова, бар. Г.А. фонъ-деръ Остенъ-Дризена, гр.И.Д. и гр. А.Д. Толстыхъ, М.В. Безобразова, А.Н. и В.В. Шебеко и П.А. Роговича.

Среди разныхъ вопросовъ, разсмотренныхъ старшими офицерами, было рѣшеніе о прикомандированіи къ дивизіону корнета 7-го коннаго пограничнаго полка, бывшаго взводнаго ст.-унт.-оф. Алексѣя Оттокаровича фонъ Адеркасъ, трижды раненаго въ Великую войну и кавалера всѣхъ четырехъ степеней Георгіевскихъ крестовъ и медалей.

Время прибытія полка въ Люботинъ совпало съ различными преобразованіями Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи (В.С.Ю.Р.), въ числѣ которыхъ было сформированіе V-го коннаго корпуса г.-л. Юзефовича въ составѣ двухъ дивизій: I-ой г.-м. Чекатовскаго и 2-ой полк. И.М. Миклашевскаго.

Преобразованія коснулись непосредственно и Сводно-Кирасирскаго полка. Онъ былъ переименованъ въ I-ый Гвардейскій Сводно-Кирасирскій полкъ и штатъ его былъ утвержденъ въ четыре дивизіона по два эскадрона каждый.

Значительно увеличилось въ полку число пулеметовъ, сформированіемъ еще четырехъ дивизіонныхъ конно-пулеметныхъ командъ 4-6 тяжелыхъ пулеметовъ на тачанкахъ. Кромѣ того каждый эскадронъ имѣлъ свой пулеметный взводъ изъ 2-4 легкихъ пулеметовъ Люиса.

Число пулеметовъ измѣнялось въ зависимости отъ ихъ порчи и отъ поступленія новыхъ, въ большинствѣ случаевъ взятыхъ съ боя.

V-му конному корпусу была поставлена задача: связывая внутренніе фланги частей Добровольческой Арміи, наступавшихъ на Курскомъ и Кіевскомъ направленіяхъ, выдвинуться въ сторону г. Бахмачъ, овладѣть его крайнѣ важнымъ желѣзно-дорожнымъ узломъ, прервавъ такимъ образомъ непосредственную связь Кіева съ Москвой. Во исполненіе этой задачи конный корпусъ выступилъ изъ района Люботина 4-го Августа.

Начался новый періодъ въ гражданской войнѣ, ознаменовавшійся для Сводно-Кирасирскаго полка въ общемъ, а для Кавалергардовъ въ частности, цѣлымъ рядомъ конныхъ атакъ, тяжелыхъ ночныхъ и дневныхъ переходовъ, въ палящій зной, въ снѣжныя мятели при 20-30 градусахъ мороза. Все это было тѣсно связано съ маневренной

войной 1919-1920 годовъ, въ которой конницѣ пришлось играть огромную, иногда первенствующую роль.

Эта роль, выпавшая одинаково на конницу Бѣлой и Красной армій отмѣчена въ "Стратегическомъ очеркѣ гражданской войны", гдѣ на стр. 24 дается ей слѣдующее опредѣленіе: "Маневренный характеръ гражданской войны создалъ благопріятныя условія для возвращенія конницѣ той важной роли, которую она играла до Великой Войны. Иниціативу взяло на себя бѣлое командованіе, обладавшее лучшимъ командным составомъ и базирующееся на казачьи области, богатыя хорошимъ конскимъ составомъ". И немного далѣе: "Добровольческая армія отличалась очень хорошей боеспособностью, обученіемъ и снаряженіемъ и исключительной контръ-революціонностью".

Оставивъ при хозяйственной части № 2-ой эск. и дивизіонную конно-пулеметную команду, находившихся еще въ періодѣ формированія, Кавалергарды выступили съ полкомъ 4-го Августа.

. . Несмѣтная, почти безпрерывная сѣть богатыхъ хуторовъ, утопавшихъ въ зелени фруктовыхъ садовъ, деревни, зажиточныя села, густые лѣса и левады, обиліе рѣчекъ и запрудъ, какъ все это было непохоже на только что покинутую Таврію съ ея выжженной палящимъ солнцемъ солончаковой, безлѣсой степью, такой бѣдной хорошей питьевой водою. При своемъ движеніи полкъ всюду встрѣчалъ самое привѣтливое, радушное отношеніе всего населенія, въ особенности его женской части.

"Губы алыя, очи карія, по ночамъ задорный смѣхъ.
Хороши дівчата въ Тавріи, но хохлушки лучше всѣхъ".

Переночевавъ послѣдовательно въ деревняхъ и селахъ Ковяги, Коломакъ, Рябково и Рублевка, пройдя болѣе 125 верстъ, дивизія полк. Миклашевскаго подошла на четвертый день похода къ с.Опошня. Только на подступахъ къ этому селу, на переправахъ черезъ р. Мерля у с. Рубановка и черезъ Ворсклу у самаго с. Опошня, красные оказали авангарду Гвардейской бригады - дивизіону Кирасиръ Его Величества упорное сопротивленіе. Послѣ форсированія Ворсклы, артиллерія на плотахъ, конница вплавь, полкъ сталъ на бивакъ и на дневку въ Опошнѣ.

Большому селу, по своимъ размѣрамъ походившему скорѣе на мѣстечко, было суждено стать центромъ небывалаго, даже въ эпоху гражданской войны, событія.

Въ заштатномъ городѣ Котельва сосредоточились многочисленныя банды разныхъ мѣстныхъ атамановъ, грабившихъ, по установившемуся въ тѣ времена обычаю, населеніе. Не проходило дня, чтобы окрестные хутора, деревни и села не подвергались бы, подъ различными предлогами и безъ нихъ, вооруженнымъ набѣгамъ и реквизиціямъ. Въ особенности полюбилось бандитамъ небольшое, но зажиточное село Глинскъ, расположенное на рѣкѣ Ворсклѣ, на полпути между Котельвой и Опошней.

Мѣстныя совѣтскія власти, всѣ эти новосозданные различные сельскіе, уѣздные, чрезвычайные революціонные комитеты не могли, а можетъ быть и не хотѣли справиться съ набѣгами грабителей.

И вотъ, какой-то, доведенный до полнаго отчаянія, богатый глинскій хуторянинъ Иванъ Гордіенко рѣшилъ, что, если новая совѣтская власть не въ состояніи защитить населеніе, то онъ возметъ

эту защиту въ свои руки и самъ станетъ властью. Не теряя времени, собралъ онъ нѣсколько, такихъ-же доведенныхъ до отчаянія хуторянъ, перебрался съ ними въ Опошню - подальше отъ Котельвы - организовалъ тамъ нѣчто въ родѣ собственной банды, объявилъ себя верховнымъ комиссаромъ и не только отразилъ, но и наголову разбилъ нѣсколько бандъ.

Слухъ объ его успѣхахъ быстро разнесся по всей округѣ. Къ нему начали стекаться жители разныхъ селъ,деревень и хуторовъ,и скоро его "армія" достигла значительныхъ размѣровъ. Все это окончательно вскружило ему голову. Званіе верховнаго комиссара его больше не удовлетворяло. Онъ рѣшилъ короноваться.

Несчастному священнику села Опошня вопросъ коронованія былъ поставленъ ребромъ. Или коронуй - или немедленный разстрѣлъ его и всей его семьи. И вотъ, при огромномъ стеченіи народа, подъ перезвонъ колоколовъ, въ большой, красивой, старинной Опошненской церкви состоялось коронованіе Ивана Гордіенко "царемъ Глинскимъ и всея правобережной Ворсклы".

Жена его, простая деревенская баба, совершенно не подходила къ высокому сану "царицы", и бѣдному священнику, подъ той же угрозой разстрѣла, было приказано расторгнуть бракъ. Новой "царицей", опять же подъ угрозой разстрѣла, становится мѣстная сельская учительница.

И "царь" Иванъ и новая "царица" всюду появляются не иначе, какъ въ "реквизированныхъ" въ церкви свадебныхъ вѣнцахъ, замѣнявшихъ имъ короны. "Царь Иванъ" идетъ отъ успѣха къ успѣху. Слава о немъ гремитъ на много сотенъ верстъ. Не только такія большія мѣстечки, какъ Будище, Диканька и Рублевка признаютъ его власть, но и сама Котельва "бьетъ ему челомъ" и посылаетъ богатые дары.

Онъ повсюду разъѣзжаетъ въ забранной у какого то помѣщика колескѣ, запряженной четверикомъ сѣрыхъ рысаковъ, сплошь увѣшенныхъ лентами и бубенцами. Въ церковь онъ не входитъ - его вносятъ на большемъ, обитомъ краснымъ бархатомъ креслѣ.

Въ самомъ "царствѣ" миръ и тишина. Нѣтъ больше самочинныхъ реквизицій, нѣтъ больше грабежей и налетовъ и о самыхъ бандахъ давнымъ давно ничего не слышно. Это благоденственное и мирное житіе продолжается нѣсколько мѣсяцевъ. Затѣмъ картина рѣзко мѣняется. Фронтъ, сначало, медленно, затѣмъ скорѣе, неизмѣнно приближается къ Опошнѣ. Уже близится то время, когда появятся отступающія части разбитой красной арміи, а за ними и бѣлые. "Царство" начинаетъ терять свою прелесть и оставаться на "престолѣ" становится не безопасно. "Царь Иванъ" издаетъ "манихфестъ" народу, отказывается отъ "престола", бросаетъ "царицу" и съ немногими приверженцами уходитъ въ приворсклые лѣса, гдѣ слѣдъ его теряется.

Черезъ два дня, послѣ ухода полка изъ Люботина, хозяйственная и запасная части были переведены на ст. Искровка на Харьковъ-Полтавскую магистраль.

Послѣ дневки въ Опошнѣ дивизія продолжала свое движеніе. II Августа Гв. бригада ночевала въ с. Дейкаловка. На слѣдующій день авангардъ полка, Кавалергардскій эскадронъ ш.-р. барона фонъ-деръ

Остенъ-Дризена сбилъ заставы красной конницы, занимавшихъ переправы черезъ рѣки Грунь и Ташань и выбилъ эскадронъ красныхъ изъ д. Лютенское Будище. 2-ой Гв. Сводно-Кавалерійскій полкъ, шелъ сѣвернѣе на с. Великая Павловка. 2-ой Дроздовскій конный съ I-й Гв. конной батареей еще сѣвернѣе, на гор. Зеньковъ.

Послѣ занятія Сводно-Кирасирами Лютенское Будище, было получено донесеніе отъ 2-го Гв. Сводно-Кавалерійскаго полка, что по большаку на Гадячь отходятъ большіе обозы красныхъ подъ прикрытіемъ значительныхъ силъ пѣхоты. Атаки Лейбъ-Драгунъ и Лейбъ-Уланъ на эти обозы были отбиты со значительными потерями. Въ конной атакѣ былъ убитъ Лейбъ-Уланъ кор. Линицкій.

Полку было приказано выйти на большакъ между г.г. Зеньковъ и Гадячь и отбросить красныхъ съ большака. Оставивъ въ Лютенское Будище Кавалергардскій эскадронъ въ прикрытіе тыла Гв. бригады, полкъ со 2-ой Гв. конной батареей повернулъ на сѣверъ на с. Великая Павловка, гдѣ былъ встрѣченъ огнемъ красной пѣхоты и пулеметовъ. Въ результатѣ цѣлаго ряда атакъ Конногвардейцевъ и Кирасиръ, огня 2-ой батареи, сопротивленіе красныхъ было сломлено и Великая Павловка была взята послѣ тяжелаго ночного боя. Были захвачены плѣнные, пулеметы и огромный обозъ. Дорога на Гадячь была перехвачена и красные отброшены съ большака.

Почти одновременно съ этимъ, 2-ой Дроздовскій конный полкъ при поддержкѣ блестящаго огня I-ой Гв. батареи захватилъ сѣвернѣе Зенькова у с. Тарасовка 5 орудій и пулеметы.

Подъ утро I3-го Кавалергарды были подтянуты въ Вел. Павловка, гдѣ полку была дана дневка. Впервые было получено англійское обмундированіе, придавшее полку однообразный военный обликъ. Пики въ каждомъ дивизіонѣ расцвѣлись флюгерами своихъ полковъ, отчего фронтъ полка сталъ еще болѣе нарядным и красочнымъ.

I4-го, сбивая слабыя части красной конницы, Гв. бригада, имѣя въ авангардѣ 2-ой Гвардейскій полкъ, перешла бродомъ рѣку Пселъ и стала на ночлегъ въ д. Рашевка, куда подошли I-ая Гв. батарея и Дроздовскій конный полкъ.

Ночные разъѣзды Кирасиръ Его Величества обнаружили красную пѣхоту въ селѣ Березовая Лука на западномъ берегу р. Хорола. На слѣдующій день село было занято авангарднымъ дивизіономъ полка Кирасирами Ея Величества одновременно съ двумя эскадронами Дроздовцевъ, поддержанные огнемъ Гв. батареи. Въ этомъ селѣ дивизія простояла до I7 Августа, ведя усиленную развѣдку.

Въ числѣ высланныхъ въ эти дни разъѣздовъ, разъѣздъ Кавалергардовъ обнаружилъ I5 Августа у станціи и въ селѣ Вернисловка значительныя силы красной пѣхоты. Во время перестрѣлки у станціи начальникъ разъѣзда, одинъ изъ лучшихъ развѣдчиковъ эскадрона унтеръ-офицеръ Цвиникидзе былъ убитъ.

I6-го изъ запасной части пришло пополненіе, приведенное командиромъ полка Коссиковскимъ. Кавалергарды получили 20 человѣкъ съ унт.-оф. Висгаленомъ и прикомандированнымъ къ дивизіону подпоручикомъ Гв. конной артиллеріи Мирковичемъ.

I7-го въ исполненіе поставленной задачи - сбить красныхъ съ жел.-дор. Гадячь-Лохвица, командиръ Гв. бригады отправилъ Сводно-

Кирасирскій полкъ для занятія ст. Вернославовка, а 2-ой Гвардейскій полкъ на с. Петровка, для захвата переправы черезъ Хоролъ у этого села.

Сводно-Кирасиры, переправившись въ свою очередь черезъ Хоролъ у с. Ручки, сразу обнаружили наступленіе очень крупныхъ силъ красной пѣхоты и конницы. При поддержкѣ огня I-ой Гв.батареи, Кирасиры Его Величества выбили красныхъ изъ с. Середняки. Кирасиры Ея Величества очистили отъ красныхъ хутора южнѣе села Вернославовка, потерявъ тяжело раненымъ командира дивизіона полковника фонъ Баумгартена.

Конногвардейцы съ полковыми и Кавалергардскими пулеметами были отправлены на подкрѣпленіе сильно тѣснимаго на переправѣ черезъ Хоролъ у села Петровка, 2-го Гв. полка. Въ резервѣ бригады остался одинъ эскадронъ Кавалергардовъ.

Когда обнаружился обходъ праваго фланга полка и возможный прорывъ красныхъ на стыкѣ обоихъ гвардейскихъ полковъ, то для противодѣйствія имъ былъ вызванъ эскадронъ Кавалергардовъ. Одинъ взводъ съ шт.-р. графомъ А.Д. Толстымъ былъ оставленъ при командирѣ полка.

Два взвода съ командиромъ эскадрона шт.-р. бар. Остенъ-Дризенымъ и кор. В.К. Львовымъ разомкнулись въ лаву. Третій взводъ съ подпоручикомъ Мирковичемъ шелъ въ поддержкѣ.

Пройдя по сжатому, но еще не убранному полю, лава перешла жел.-дор. полотно и атаковала красную пѣхоту, которая, увидавъ Кавалергардовъ, остановилась и открыла по лавѣ огонь залпами. Но, когда лава доскакала до цѣпей, красные стали бросать винтовки, сдаваться и убѣгать.

Унт.-оф. Висгаленъ занесъ шашку надъ однимъ красноармейцемъ. Львовъ его остановилъ: "Не руби, онъ сдался". Но неуспѣла лава пройти еще нѣсколько шаговъ, какъ тотъ же красноармеецъ, поднялъ винтовку и выстрѣломъ въ спину убилъ наповалъ Львова. Висгаленъ повернулъ коня и зарубилъ красноармейца.

Во время атаки командиръ эскадрона бар. Остенъ-Дризенъ былъ раненъ пулей въ ступню. Въ командованіе эскадрона вступилъ шт.-ротмистръ гр. Толстой.

Атака барона Дризена имѣла рѣшающее значеніе на исходъ боя. Красные отступили съ большими потерями на всемъ фронтѣ Гв.бригады. Наступившая темнота остановила преслѣдованіе. На ночлегъ полкъ сталъ въ д. Когановщизна послѣ 10-ти верстнаго преслѣдованія красныхъ.

Въ послѣдующіе дни дивизія продолжала свое безостановочное движеніе на Бахмачъ. Ночуя послѣдовательно въ д. Андреевка, гор. Глинскъ, у котораго переправилась черезъ рѣку Сулу вбродъ, с. Гавриловка и Крапивное, бригада, выбивъ своимъ авангардомъ - 2-ой Гв. полкъ - изъ д. Терещиха Журавчикъ довольно крупныя части красной конницы, стала на ночлегъ въ колоніи Большой Вердеръ.

Для занятія сторожевого охраненія - станція Варваровка - с. Хвостовцы, былъ отправленъ сводный дивизіонъ, по эскадрону Кавалергарды и Кирасиры Его Величества, подъ командой кн. Девлетъ

Кильдѣева. Не доходя с. Варваровка разъѣзды обнаружили огромный обозъ красныхъ съ пѣхотнымъ прикрытіемъ очень крупнымъ, шедшій изъ д. Мартыновка на бивакъ бригады въ Б. Вердеръ.

Дивизіонъ спѣшился и вступилъ въ бой, продолжавшійся до подхода бригады. Съ ея приходомъ красное прикрытіе было разсѣяно, частью взято въ плѣнъ. Было захвачено около ста повозокъ. Станція и село Варваровка были прочно заняты.

23-го дивизія выступила задолго до разсвѣта и, перейдя жел.-дор. Бахмачъ-Нѣжинъ, продолжала свое движеніе въ обходъ г. Бахмачъ съ запада. Сбивъ упорное сопротивленіе красныхъ у д. Стрѣльники, дивизія подошла къ ж.-д. магистрали Бахмачъ-Гомель. Гвардейская бригада со 2-ой Гв. батареей была направлена на станцію Дочь. 2-ой Дроздовскій и 3-ій конные полки съ I-ой Гв. батареей на станцію Чесноковка.

Обѣ колеи ж.-д. пути въ направленіе на Городню были забиты сплошной вереницей воинскихъ поѣздовъ, уходившихъ изъ Бахмача. Мѣткимъ огнемъ I-ой батареи, подбившей паровозъ въ одномъ эшелонѣ, былъ остановленъ цѣлый рядъ поѣздовъ. 2-ой конный захватилъ броневой поѣздъ красныхъ.

Гвардейская бригада атаковала ст. Дочь, гдѣ 2-ой батареей было разбито и подожжено нѣсколько поѣздовъ.

Изъ I5 эшелоновъ, захваченныхъ дивизіей, большинство было гружено боевымъ и продовольственнымъ имуществомъ. Плѣнныхъ было захвачено очень мало. Непрерывная цѣпь разбитыхъ и горящихъ вагоновъ не дала возможности конницѣ во-время настичь разбѣжавшихся въ окрестные лѣса красныхъ.

Подъ вечеръ полки V-го коннаго корпуса съ разныхъ сторонъ вошли въ г. Бахмачъ, завершивъ поставленную корпусу задачу, пройдя въ 20 дней съ боемъ болѣе 700 верстъ. На слѣдующій день въ Бахмачѣ состоялся смотръ конному корпусу, на которомъ г.-л. Юзефовичъ горячо благодарилъ полки и батареи за ихъ боевую работу. Сразу послѣ смотра два эскадрона 2-го Гвардейскаго полка, Уланы и Конно-гренадеры, были отправлены въ г. Батуринъ.

Въ Бахмачѣ полкъ простоялъ до 29-го, неся гарнизонную службу и охрану ж.-д. узла. Изъ запасной части пришло пополненіе людьми и лошадьми.

За это время армейская группа ген. Драгомірова заняла Кіевъ и для болѣе тѣсной и непосредственной связи съ ней въ конномъ корпусѣ и въ частности во 2-ой дивизіи была сдѣлана перегруппировка. Сводно-Кирасирскій полкъ со взводомъ I-ой батареи былъ отправленъ для занятія г. Нѣжинъ. 2-му Дроздовскому полку съ другимъ взводомъ той же батареи было приказано выдвинуться въ сторону Чернигова и очистить отъ красныхъ весь лѣвый берегъ р. Десна и прилегавшій къ нему районъ.

На разсвѣтѣ 29 полкъ подъ командой полковника гр. Бенигсена (Л.-Гв. Коннаго п.) выступилъ изъ г. Бахмача и, пройдя 40 верстъ по тяжелой песчаной дорогѣ, сталъ на бивакъ въ с. Хорошее Озеро.

Высланный впередъ въ сторону Нѣжина дивизіонъ Кирасиръ Ея Величества для занятія у ст. Круты ж.-д. узла Черниговъ-Прилуки и

Бахмачъ-Нѣжинъ, выбилъ совмѣстно съ подошедшимъ изъ Бахмача броневымъ поѣздомъ, красныхъ изъ села и станціи Круты и прочно занялъ ж.-д. узелъ. На слѣдующее утро полкъ выступилъ на городъ Нѣжинъ, оставивъ на ст. Круты одинъ эскадронъ Кирасиръ Ея Величества.

Былъ яркій солнечный день, когда, пройдя пригородъ Могилевку, полкъ вступилъ въ Нѣжинъ, встрѣченный перезвономъ всѣхъ Нѣжинскихъ церквей и монастырей и несмѣтной толпой горожанъ, засыпавшихъ полкъ цвѣтами.

Всѣ улицы, по которымъ проходилъ полкъ, были покрыты густымъ ковромъ цвѣтовъ. Цвѣты были повсюду: на пикахъ, на каскахъ, на сѣдлахъ, оголовьяхъ, на пушкахъ и на пулеметныхъ тачанкахъ. По обѣимъ сторонамъ улицы за полкомъ слѣдовали тысячи горожанъ; дѣти, женщины, подростки, взрослые и старики. Гремѣло несмолкаемое ура. У многихъ, у очень многихъ были слезы радости. Какъ въ Свѣтлый Праздникъ со всѣхъ сторонъ слышалось Пасхальное привѣтствіе: "Христосъ Воскресе".

Когда эскадроны и орудія выстроились на городской площади, изъ Яворскаго монастыря, основаннымъ знаменитымъ проповѣдникомъ царствованія Петра Великаго Стефаномъ Яворскимъ, вышелъ крестный ходъ во главѣ съ архимандритомъ, съ хоругвями, иконами и съ духовенствомъ многихъ другихъ церквей. Послѣ молебна архимандритъ обошелъ и окропилъ ряды подъ пѣніе "Спаси Господи люди Твоя", подхваченное всей толпой, запрудившей площадь и прилегающія улицы. Съ трудомъ развели эскадроны и артиллерію по квартирамъ. Всѣ жители на перебой хотѣли имѣть своего постояльца.

На ж.-д. путяхъ и въ казармахъ 44-ой артиллерійской бригады красными были оставлены огромные, всевозможные запасы оружія, обмундированія, снаряженія и продовольствія.

Уже день клонился къ вечеру, начинало смеркаться, а улицы по-прежнему были полны людьми. Кавалергарды, Конногвардейцы, Кирасиры и артиллеристы, дѣвушки въ яркихъ лѣтнихъ платьяхъ не расходились до поздней ночи. Слышался веселый смѣхъ, пѣніе и звуки гармони. На фонѣ изсине-чернаго неба южной русской ночи четко выдѣлялась Большая Медвѣдица - возъ - , горѣли стожары и тысячи мильоновъ звѣздъ млечнаго пути прорѣзали небосклонъ.

А сѣвернѣе города, всего въ десяти верстахъ по большой Черниговской дорогѣ, на опушкѣ прилегавшаго лѣса лежали трупы замученныхъ и повѣшенныхъ городскихъ жителей - расправа Нѣженской чеки при ея бѣгствѣ изъ города. И между ними, при слабомъ свѣтѣ мерцающихъ фонарей, тѣни несчастныхъ родственниковъ, разыскивающихъ своихъ родныхъ и близкихъ.

Утро, слѣдующаго по прибытію въ Нѣжинъ, дня прошло въ обычной обстановкѣ прифронтоваго отдыха кавалерійскаго полка. Провѣрялась ковка, сѣдловка, сушились потники, чистились винтовки. Пулеметчики набивали пулеметныя ленты и круги, смазывали пулеметныя тачанки и приводили въ порядокъ сбрую запряжекъ.

Большинство офицеровъ находилось на ж.-д. станціи, отстоявшей, какъ во многихъ русскихъ городахъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, для разбора брошенныхъ красными огромныхъ запасовъ. Туда же были отправлены повозки обоза и нарядъ пѣшихъ людей.

Утромъ пришло пополненіе изъ запасной части. Длѣ болѣе тѣсной связи съ Кіевской армейской группой въ гор. Козелецъ былъ отправленъ эскадронъ Кирасиръ Ея Величества.

Но это почти мирное благополучіе продолжалось недолго. Около часу дня на городъ былъ сдѣланъ чрезвычайно смѣлый налетъ краснаго отряда Крапивянскаго. Крапивянскій, кадровый офицеръ, дослужившійся до чина полковника, до прихода полка въ Нѣжинъ, входилъ со своимъ отрядомъ въ гарнизонъ города. Во время чистки красной арміи отъ контръ-революціоннаго элемента, въ связи съ дѣломъ маршала Тухачевскаго, Крапивянскій, будучи въ чинѣ генерала начальникомъ дивизіи, былъ разстрѣлянъ.

Неожиданность нападенія и полное отсутствіе со стороны Сводно-Кирасирскаго полка даже намека на охраненіе и дальнюю развѣдку, позволили Крапивянскому, не только подойти незамѣченнымъ къ пригородамъ, но и захватить часть самаго Нѣжина.

Полкомъ была выставлена всего одна застава Кирасиръ Его Величества на сѣверной окрайнѣ города у выхода на Черниговское шоссе. О томъ, что кромѣ сѣвера существуютъ еще три другія части свѣта, штабъ полка забылъ.

Только благодаря сравнительно небольшому числу красныхъ, около 500-700 человѣкъ при одномъ орудіи, и, хотя разрозненной, но быстро организованной оборонѣ эскадроновъ, взводовъ и командъ, удалось избѣгнуть катастрофы и полнаго уничтоженія всего I-го Гвардейскаго Сводно-Кирасирскаго полка.

Около часу дня на западной окрайнѣ Нѣжина неожиданно послышалась стрѣльба. Скоро она распространилась по всему городу и къ отдѣльнымъ ружейнымъ выстрѣламъ присоединилась рѣзкая чечетка пулеметовъ, разрывы ручныхъ гранатъ и орудійные выстрѣлы.

Въ расположеніе Кавалергардовъ прибѣжалъ подпоручикъ Мирковичъ и поднялъ тревогу. Ун.-оф. Ситковскій (кадетъ Полоцкаго корпуса) выбѣжалъ съ пулеметами на улицу и открылъ огонь по краснымъ всадникамъ. Подъ прикрытіемъ огня пулеметовъ эскадронъ посѣдлалъ и запрягъ пулеметныя тачанки. Кор. фонъ Адеркасъ, какъ старшій, принялъ команду надъ Кавалергардами.

Кіевская улица, по которой надлежало идти къ вокзалу, прострѣливалась красными. Адеркасъ свернулъ эскадронъ на боковую улицу и благополучно отвелъ его на станцію. Тамъ уже находилось одно орудіе со шт.-кап. Викторомъ Павловичемъ Родзянко и подходили другіе эскадроны. Нарядъ Кавалергардовъ, стоявшій въ Яворовскомъ монастырѣ, въ банкѣ и на городскомъ почтамтѣ, былъ отведенъ на станцію кор. Чудово-Адамовичемъ одновременно съ эскадрономъ Конной Гвардіи шт.-р. Буда-Жемчужникова.

Къ этому времени красные заняли городъ. Закрѣпившись на его южной окрайнѣ, въ пригородахъ Могилевка и Авдѣевка, они перешли въ наступленіе на вокзалъ.

Подъ прикрытіемъ блестящаго огня взвода I-ой батареи, спѣшенные эскадроны сами перешли въ контратаку и къ вечеру вновь заняли Нѣжинъ. Кавалергарды потеряли убитымъ ун.-оф. Кулагина,

2-го Сентября утромъ при огромномъ стеченіи народа, въ Яворскомъ монастырѣ состоялось отпѣваніе павшихъ въ бою съ отрядомъ Крапивянскаго и похороны ихъ на монастырскомъ кладбищѣ.

Сопостовляя свѣденія, полученныя отъ ночныхъ разъѣздовъ съ тѣми, что дали мѣстные жители, выяснилось, что отрядъ Крапивянскаго скрывался въ деревняхъ, прилегавшихъ къ лѣсистой и сильно болотистой полосѣ р. Остеръ, въ 20-ти верстахъ отъ Нѣжина.

На разсвѣтѣ 2-го Сентября сводный дивизіонъ - эскадронъ Кавалергардовъ шт.-р. гр. А.Д. Толстого и эскадронъ Кирасиръ Ея Величества шт.-р. Полянскаго подъ командой полк. барона Таубе (Кирасиръ Ея Величества) съ полковой пулеметной командой былъ отправленъ въ эти деревни для розыска отряда Крапивянскаго.

Пройдя с. Мыльники, дивизіонъ обнаружилъ красныхъ, занимавшихъ высоты у с. Плоское. Конной атакой дивизіона, поддержанной огнемъ пулеметовъ, красные были сбиты съ высотъ, село Плоское занято и захвачены плѣнные, лошади и повозки. Преслѣдуя красныхъ, дивизіонъ ихъ настигъ вторично на переправѣ черезъ Остеръ у с. Мринъ и нанесъ имъ полное пораженіе. При бѣгствѣ красныхъ отъ скопившихся повозокъ мостъ черезъ р. Остеръ провалился и пулеметная команда почти въ упоръ всѣхъ перестрѣляла. Только самому Крапивянскому съ нѣсколькими людьми удалось еще при первомъ столкновеніи съ дивизіономъ у с. Плоское уйти черезъ болото Смолежъ въ лѣса.

Возвращаясь 3-го въ Нѣжинъ дивизіонъ развѣдалъ деревни Колесники, Взрубъ и болото Смолежъ, но нигдѣ не обнаружилъ слѣдовъ красныхъ.

Все-же, подъ впечатлѣніемъ налета на городъ, полкъ во все время своего пребыванія въ Нѣжинѣ, несъ постоянное охраненіе на югъ и на западъ отъ города вдоль р. Вьюница, высылая въ томъ же направленіи разъѣзды. Къ этому времени 3-го Сентября въ село Веркѣевку въ 8-ми верстахъ къ сѣверу отъ Нѣжина отошелъ, послѣ ряда боевъ подъ Черниговымъ, Дроздовскій конный полкъ и взводъ I-ой Гв. батареи.

Къ началу сентября красные, остановившись и закрѣпившись на рубежѣ р. Десна, получили значительное подкрѣпленіе. Съ ихъ западнаго польскаго фронта красные перебросили Латышскую стрѣлковую дивизію А. Матусевича, стр. бригаду П. Павлова и конную бригаду червонныхъ казаковъ В. Примакова.

Во время генеральной чистки красной арміи въ 1937 и 1938 г. Примаковъ, командуя корпусомъ, былъ привлеченъ къ дѣлу маршала Тухачевскаго и разстрѣлянъ. Вмѣстѣ съ нимъ были "ликвидированы" начальники Бѣлорусскаго военнаго округа Уборевичъ, Кіевскаго военнаго округа Якиръ, военной академіи Корхъ, главнаго управленія арміи Фельдманъ, военной подготовки Эйдманъ и ген. Путна. Начальники главнаго штаба Егоровъ, воздушныхъ силъ Алькисъ, военно-морскихъ Орловъ, 13 изъ 15-ти командующихъ арміями, 57 изъ 85 корпусныхъ командировъ, 110 изъ 190 начальниковъ дивизій и 220 изъ 406 бригадныхъ командировъ и главные инспектора артиллеріи и броневыхъ силъ.

Воспользовавшись растянутымъ расположеніемъ V-го конного корпуса, красные перешли противъ него въ наступленіе и заняли вновь Батуринъ, Бахмачъ и Конотопъ, перерѣзавъ важную для снабженія арміи рокадную магистраль Кіевъ-Ворожба. Угроза прорыва

фронта принудила добровольческое командованіе произвести перегруппировку своихъ силъ.

Изъ Кіева въ Нѣжинъ былъ переброшенъ 2-ой Гв. пѣхотный полкъ, а Сводно-Кирасирскій отозванъ 13-го Сентября къ своей дивизіи. и погруженъ въ эшелоны для слѣдованія въ Бахмачъ. Но дошелъ полкъ только до ст. Плиски, 30 верстъ не доходя до Бахмача. Тамъ полкъ былъ остановленъ, выгруженъ и отправленъ въ с. Красиловка.

Въ этомъ районѣ, ограниченномъ съ востока рѣкой Дочь и рѣкой Борзна, съ сѣвера рѣкой Десна, съ запада большой дорогой Нѣжинъ-Черниговъ и съ юга ж.-д. магистралью Бахмачъ-Нѣжинъ, полкъ въ теченіи трехъ недѣль велъ частые, порой тяжелые, но всегда успѣшные бои, облегчая вторичное занятіе Бахмача и содѣйствуя Гв. пѣхотѣ въ защитѣ Нѣжина.

До 19-го полкъ оставался въ с. Красиловка, неся охраненіе и усиленную боевую развѣдку къ сѣверу и востоку отъ села. 16 и 17 сторожевое охраненіе несли Кавалергарды, имѣя главную заставу въ х. Расикъ, на дорогѣ въ г. Борзна. По донесенію Кавалергардскаго разъѣзда кор. Адеркаса городъ былъ занятъ красной конницей. Мѣстные жители говорили - полкомъ.

Лѣвѣе Кавалергардовъ на линіи Сиволожъ-Евлашевка-Британы стояло охраненіе 2-го Гв. пѣхотнаго полка. Правѣе, въ районѣ с. Великая Загоровка охраненіе 3-го коннаго полка.

19-го началось вторичное наступленіе У-го к. к. на Бахмачъ. Для облегченія атакующихъ частей, привлеченіемъ на себя возможно большихъ силъ красныхъ, полкъ велъ усиленную боевую развѣдку. 20 полкъ перешелъ въ наступленіе на станцію Дочь, старую знакомую по бою 23 Августа. Красные не оказали почти никакого сопротивленія ни на переправѣ черезъ р. Борзна, ни у самой ст. Дочь.

Только подъ самый вечеръ, подошедшій со стороны Макошина бронепоѣздъ "Совѣтская Россія" обстрѣлялъ ст. Дочь и шедшій на бивакъ въ с. Шаповаловка полкъ. Въ ночномъ разъѣздѣ у с. Высокое былъ раненъ Кирасиръ Ея Величества шт.-р. Кожинъ.

Послѣ тяжелыхъ ночныхъ боевъ, вторичное наступленіе на Бахмачъ закончилось занятіемъ города, во время котораго дѣятельное участіе приняли бронепоѣзда обѣихъ сторонъ. Добровольческіе "Орелъ" и "Князь Пожарскій" понесли тяжелыя потери.

21-го эскадронъ Кавалергардовъ шт.-р. графа А.Д. Толстого велъ развѣдку южнаго берега р. Сеймъ. Разъѣздъ кор. графа Вас. Мусинъ-Пушкина, высланный на мѣст. Новый Млинъ, атаковалъ у села Головенки отступающую пѣхоту красныхъ. Подошедшіе красные пулеметы не позволяли разъѣзду развить достигнутый успѣхъ. На ночлегъ эскадронъ сталъ въ хут. Церковный, наблюдая дорогу на село Великій Устюгъ. На слѣдующее утро эскадронъ продолжалъ развѣдку берега р. Сеймъ, совмѣстно съ подошедшимъ эскадрономъ Конной Гвардіи. Красные нигдѣ не были обнаружены. Мосты у Батурина и Нов. Млинъ и паромъ у Крупецкаго монастыря были найдены въ полной исправности. Вечеромъ эскадронъ присоединился къ полку.

Пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ и тѣмъ, что части У- к.к. почти всѣ были привлечены къ Бахмачу, красные перешли въ энергичное наступленіе на Нѣжинъ, которому смѣнившая полкъ Гв. пѣхота не всегда могла противостоять.

Рѣка Десна
Сосница
Зметневъ
Конягинъ
Вишенька
Оптово
Сухачи
Коротъ
Макошино
Вел. Устье
Церковный
Нов. Млинъ
Р. Сеймъ
Алтыновка
Высокое
Лочь
Батуринъ
Британы
Вел. Кошелевка
Коношевка
Смолежъ
Комаровка
Борзна
Шаповаловка
Верхѣевка
Занька
Влашевка
Стрѣльники
Чесновка
Прохоры
Расикъ
Бахмачъ
Конотопъ
Мал. Кошелевка
Нѣжинъ
Сиволожъ
Загоровка
Мринъ
Ильники
Плиски
Круты
Хор. Озеро
Варвары
Синявка
Хвастовцы
Верцеръ
Максимовка
Мартыновка
Григорьевка
Терешиха
Журавчикъ
Ичня
Р. Удай
Ярошевка
Талалавка
С
Ю
10 верстъ

Для облегченія ея положенія въ районъ Нѣжина былъ вновь отправленъ отрядъ подъ начальствомъ командира Гв. бригады ген. Данилова въ составѣ Сводно-Кирасирскаго полка, эскадрона Новгородскихъ драгунъ 3-го коннаго п., и Дроздовской кон. батареи. 23-го отрядъ ночевалъ въ г. Борзна. 24-го въ 2 часа утра выступилъ въ направленіе Нѣжина въ тылъ, наступавшихъ на городъ, красныхъ. Пройдя села Оленовка и Берестовецъ, отрядъ подошелъ къ с. Комаровка въ тылу красныхъ. Комаровка была взята конной атакой дивизіона Кирасиръ Ея Величества, захватившихъ плѣнныхъ, обозъ и пулеметъ. Кирасиры потеряли ранеными корнетовъ Стеценко и Дзахсорова.

Продолжая свое движеніе отрядъ подошелъ къ занятымъ крупными силами красной конницы селамъ Евлашевка и Смолежъ. Наступившая темнота и проливной дождь не позволили ген. Данилову продолжать наступленіе. На ночлегъ отрядъ сталъ въ селѣ Комаровка.

Присутствіе отряда въ тылу красныхъ, дѣйствовавшихъ въ Нѣжинскомъ направленіи, не могло не обезпокоить красное командованіе. На разсвѣтѣ 24-го охраненіе отряда - Новгородскіе драгуны - было прорвано и бригада червонныхъ казаковъ Примакова, почти на плечахъ отходившаго охраненія, ворвалась въ западную окрайну Комаровки.

Предупрежденные перестрѣлкой въ охраненіи, полкъ и батарея, несмотря на стремительный налетъ красной конницы, успѣли во-время посѣдлать и запречь орудія и пулеметныя тачанки и не только выйти въ полномъ порядкѣ изъ села, но и закрѣпиться на его сѣверной и восточной окрайнахъ.

Эскадронъ Кирасиръ Его Величества былъ отправленъ на село Евлашевка, куда скоро подошла Гв. пѣхота. Другой эскадронъ того же дивизіона выбилъ изъ с. Смолежъ красную конницу. Обезпечивъ, такимъ образомъ отрядъ со стороны Нѣжина, ген. Даниловъ перешелъ въ наступленіе.

Послѣ упорнаго, длительнаго стрѣлковаго боя, при блестящей поддержкѣ огня Дроздовской батареи, цѣпи Кавалергардовъ, Конногвардейцевъ и Кирасиръ Ея Величества вновь заняли все село. На ночлегъ отрядъ сталъ въ с. Евлашевка вмѣстѣ съ Гв. пѣхотой. Въ сторожевое охраненіе пошли Новгородцы съ ротой Преображенцевъ.

На разсвѣтѣ 25-го отрядъ продолжалъ наступленіе на станцію и село Британы. Дивизіонъ Кирасиръ Ея Величества былъ отправленъ западнѣе ж.-д. Круты-Черниговъ для захвата Британы съ юга. Дивизіонъ атаковалъ лаву червонныхъ казаковъ, отбросивъ ее отъ Кошелевки.

Въ атакующую Британы часть было выдѣлено по эскадрону Кавалергардовъ, Конногвардейцевъ и Кирасиръ Его Величества подъ командой полковника князя Девлетъ Кильдѣева. Три эскадрона разомкнулись въ лаву. На правомъ флангѣ Кавалергарды, въ центрѣ Конногвардейцы, на лѣвомъ Кирасиры.

По совершенно открытому, сжатому полю, несмотря на заборы и плетни, окружавшіе село и на очень сильный огонь красныхъ, эскадроны ворвались въ село и захватили плѣнныхъ, обозъ и пулеметы. Кавалергарды захватили пулеметъ Максима съ тачанкой въ полной запряжкѣ, нѣсколько повозокъ, 6 плѣнныхъ, 29 винтовокъ и 20.000

ружейныхъ патроновъ. Въ атакѣ они потеряли ранеными кор. графа Вас. Мусинъ-Пушкина, вахмистра Гнѣвшина и ефрейтора Мартынова (лицеистъ).

Красные, только что выбитые изъ Британы, скоро сами перешли въ наступленіе. Однако, всѣ ихъ повторныя атаки были отбиты огнемъ всѣхъ пулеметныхъ командъ, нанесшій краснымъ страшныя потери. Мѣстами ихъ цѣпи лежали сплошь скошенныя пулеметами.

Пораженію красныхъ помогла своимъ огнемъ Дроздовская батарея, заставившая замолчать красную артиллерію въ самомъ началѣ боя. Доблестный командиръ Дроздовской батареи, любимый и уважаемый всѣмъ полкомъ, шт.-к. Виноградовъ былъ убитъ разрывомъ послѣдней красной гранаты.

Захвативъ инициативу въ свои руки, ген. Даниловъ рѣшилъ продолжать наступленіе и выбить красныхъ изъ с. Великая Кошелевка. Въ с. Британы были оставлены дивизіонъ Кирасиръ Ея Величества и Кавалергарды для обезпеченія тыла наступающихъ на Вел. Кошелевку. Впервые въ атакующія цѣпи Конногвардейцевъ и Кирасиръ были влиты всѣ легкіе пулеметы полка.

Во время наступленія цѣпей, красные, для облегченія положенія оборонявшихся въ Вел. Кошелевкѣ, направили въ тылъ отряда полкъ червонныхъ казаковъ. На переѣздѣ ж.-д. красная конница натолкнулась на, оставленные въ Британы, эскадроны.

Напоровшись на неожиданное для нихъ сопротивленіе и понеся большія потери отъ огня спѣшенныхъ эскадроновъ и пулеметовъ, красная конница отхлынула въ безпорядкѣ. Все-же ея появленіе внесло нѣкоторый переполохъ въ полковомъ перевязочномъ пунктѣ - летучкѣ -, повозки котораго стали уходить въ рассыпную.

Захваченная полкомъ Вел. Кошелевка была передана Гв. пѣхотѣ. Отрядъ ген. Данилова отошелъ въ резервъ въ с. Евлашевку. Вечеромъ туда пришло изъ запасной части изъ г. Лубны очень крупное пополненіе.

Къ Кавалергардамъ присоединился сформированный шт.-р. гр. И.Д. Толстымъ № 2-ой эскадронъ, 110 шашекъ, дивизіонная коннопулеметная команда шт.-р. А.Н. Шебеко, 4 тяжелыхъ пулеметовъ на тачанкахъ и 30 конныхъ для пополненія № 1-го эскадрона. Впервые въ строю полка находились полностью 8 эскадроновъ и 5 конно-пулеметныхъ командъ.

Но пребываніе въ резервѣ оказалось кратковременнымъ. Атакованная крупными силами красныхъ, Гв. пѣхота не была въ состояніи остановить ихъ продвиженіе и очистила, только что переданный ей районъ Британы, Вел. Кошелевка, Смолежъ. Ген. Данилову предстояло вновь занять всѣ эти мѣста.

На разсвѣтѣ 27-го Сентября наступленіе красныхъ сказалось уже непосредственно въ сторожевомъ охраненіи отряда въ с. Комаровка. Дивизіонъ Конногвардейцевъ, занимавшій охраненіе, былъ сбитъ красной конницей съ артиллеріей. Полкъ выступилъ по тревогѣ для возстановленія положенія и къ полудню, послѣ очень упорнаго сопротивленія, красные были выбиты изъ Комаровки и село вновь было прочно занято полкомъ. Тамъ полкъ оставался до вечера и съ наступленіемъ темноты выступилъ на Британы.

По свѣденіямъ развѣдки Кирасиръ Его Величества, Британы было занято пѣхотой, конницей и артиллеріей красныхъ. Въ Комаровкѣ былъ оставленъ обозъ отряда съ прикрытіемъ взвода Новгородскихъ драгунъ.

. Длиннымъ ночнымъ переходомъ, болѣе 25 верстъ, болотами и густымъ лѣсомъ, прилегавшимъ къ берегамъ рѣкъ Десны и Дочь, частью совсѣмъ безъ дорогъ, лѣсными просѣками, полкъ на разсвѣтѣ 28-го, обойдя Британы съ сѣвера, выстроился для атаки.

Высокій лѣсной гребень скрывалъ полкъ отъ взоровъ красныхъ. Батарея, съ прикрытіемъ трехъ взводовъ Новгородскихъ драгунъ, стала на позицію на самомъ гребнѣ, на опушкѣ лѣса. Вдали, внизу, еще подернутые предрасвѣтнымъ туманомъ, виднѣлись заборы, плетни, окаймлявшіе Британы и желтая извилистая полоса свѣже-вырытыхъ окоповъ.

Въ первомъ эшелонѣ, въ двухъ линіяхъ, вытянулись лавы обоихъ Кирасирскихъ дивизіоновъ. За ними, во второмъ эшелонѣ, во взводныхъ колонахъ стали Кавалергарды и Конногвардейцы. На флангахъ обоихъ эшелоновъ находились ихъ дивизіонныя пулеметныя команды. Полковая шла въ резервѣ за вторымъ эшелономъ.

Взошедшее солнце, играя яркими, еще косыми лучами, на лезвіяхъ обнаженныхъ шашекъ, на остріяхъ пикъ и на развѣвавшихся разноцвѣтныхъ флюгерахъ, освѣтило начинавшійся бой.

Красная пѣхота показала рѣдкую выдержку. Несмотря на неожиданность атаки, на бѣглый, и какъ всегда изумительно мѣткій огонь Дроздовской батареи, красные молча подпустили Кирасирскія лавы на постоянный прицѣлъ и только тогда открыли огонь. Но, когда Кирасиры, поддержанные выскочившими впередъ на карьерѣ пулеметными командами, подошли вплотную къ селу, а мѣстами уже ворвались въ его улицы, оборона красныхъ сразу потеряла свое упорство и устойчивость. Бросая окопы и оружіе, они стали поспѣшно очищать село.

Вслѣдъ за первымъ, въ Британы вошелъ второй эшелонъ, выбивая отдѣльныхъ пѣхотинцевъ, еще пытавшихся кое-гдѣ оказать сопротивленіе.

Пройдя село, Кирасиры на его южной окраинѣ были встрѣчены огнемъ красныхъ резервовъ, построившихся въ каре. Всѣ они были полностью уничтожены, подошедшими на карьерѣ, всѣми пятью конно-пулеметными командами.

Красные понесли огромныя потери. Всѣ улицы и поле у Британы были покрыты тѣлами убитыхъ людей и лошадей и брошеннымъ оружіемъ. Среди убитыхъ было обнаружено много курсантовъ, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется необычайно упорная и выдержанная оборона. Кирасиры Ея Величества потеряли убитымъ шт.-р. Деконскаго, Кирасиры Его Величества раненымъ прапорщика Сомова.

Боевыя дѣйствія полка нашли себѣ оцѣнку въ сообщеніи штаба главнокомандующаго 15/28 Сентября 1919 года. Въ немъ сказано "Черниговское направленіе. Къ сѣверу отъ Нѣжина бои продолжаются. Нашими частями занято село Заинка. Сводно-Кирасиры, выйдя въ тылъ противнику, занимавшему Веркѣевку, разогнали три полка червонныхъ казаковъ и захватили 7 пулеметовъ и трофеи".

Удачному занятію Британы много помогъ уходъ въ ночь передъ боемъ красной артиллеріи и бо́льшей части конницы.

Подъ вечеръ полкъ отошелъ на ночлегъ въ с. Евлашевка. Сторожевое охраненіе Смолежъ-Занька заняли Кавалергарды. Правѣе у Комаровки стояло охраненіе Конной Гвардіи, лѣвѣе въ с. Веркѣевка Гвардейская пѣхота.

Послѣ пораженія красныхъ у Британы на всемъ этомъ участкѣ наступило полное затишье. Въ районъ Нѣжина началъ подходить Бѣлоозерскій пѣх. полкъ для предстоящаго наступленія на Черниговъ, который и былъ имъ взятъ II-го октября вмѣстѣ съ Дроздовскимъ коннымъ полкомъ. Олонецкій п.п. сосредоточивался въ ст.Дочь для наступленія на фронтѣ Сосница-Макошино. Отрядъ ген. Данилова и приданная Дроздовскому кон.полку I-ая гв.батарея отзывались къ своей дивизіи. 2-го Октября полкъ выступилъ на Бахмачъ.

На походѣ назначеніе полку было измѣнено. Вмѣсто Бахмача ему надлежало идти въ корпусной резервъ въ г. Батуринъ. Тогда же дивизіонъ Кирасиръ Ея Величества былъ выдѣленъ изъ полка и отправленъ по ж.-д. въ г. Ромны для дѣйствія противъ многочисленныхъ бандъ атамана Шубы, пробиравшимся по тыламъ арміи на соединеніе съ бандами атамана Махно.

Въ районѣ Сорочинцы дивизіонъ вмѣстѣ съ приданной ему Роменской офицерской ротой и двумя орудіями 8-ой конной батареи имѣлъ бой съ намного превышающей своимъ числомъ бандой. Въ результатѣ, потерявъ половину состава офицерской роты, оба орудія, и понеся большія потери, дивизіонъ былъ оттянутъ въ Полтаву въ составъ отряда полк. Пальшау (IO гус. Ингерманландскаго п.). Дивизіонъ присоединился къ полку только въ началѣ Декабря въ с. Дмитровка на рѣкѣ Орелъ.

Безостановочное, побѣдоносное продвиженіе армій юга Россіи къ концу Сентября постепенно утратило свой порывъ. Огромная линія фронта, протяженіемъ на много тысячъ верстъ, на которой остановилось наступленіе, начиналось у Каспійскаго моря и шло въ общемъ направленіи на Царицынъ-Урюпино-Лиски-Воронежъ-Елецъ-Орелъ-Бахмачъ-Черниговъ-Кіевъ-Фастовъ, гдѣ связывалось съ Украйнскими войсками Петлюры, занимавшими Фастовъ-Казатинъ и дальше по рѣкѣ Збручъ до ея впаденія въ Днѣстръ.

Безъ прочно организованнаго тыла, вынужденная выдѣлять значительныя силы для охраны ж.-д. узловъ и городовъ, Армія не была въ состояніи крѣпко держать захваченную территорію. Къ тому же замѣтно усилилась дѣятельность бандъ различныхъ атамановъ: Махно, Тютюника, Щусь и Шубы.

На самомъ фронтѣ значительно измѣнился составъ Красной Арміи: количественный и особенно качественный. Въ первыхъ числахъ Октября Южный фронтъ Красной Арміи насчитывалъ болѣе I50.000 штыковъ, I5.000 шашекъ, противъ 74.000 штыковъ и 24.000 шашекъ Бѣлой Арміи. Кромѣ того Красная Армія на Южномъ фронтѣ получила 500 пулеметовъ, 30.000 винтовокъ, 33 милліона патроновъ, 80.000 снарядовъ, столько же паръ сапогъ и 50.000 шинелей. (I)

(I) Кузьминъ. Гражданская война и военная интервенція въ СССР, стр. 24I-242.

Всѣ попытки Бѣлаго командованія остановить продвиженіе красныхъ оказались неудачными. Бѣлая Армія перешла сначала къ активной оборонѣ, затѣмъ постепенно потеряла иниціативу, надолго перешедшую въ руки краснаго командованія.

В. Звегинцовъ.

ХРОНИКА

Послѣ выхода послѣдняго Вѣстника Кавалергардской Семьи въ 1963 году:

1963 г.

20-го Декабря въ Парижѣ послѣ краткой, тяжелой болѣзни скончался членъ Кавалергардской Семьи графъ Илларіонъ Владиміровичъ Мусинъ-Пушкинъ. Похороненъ на кладбищѣ С. Женевьевъ.

23-го Декабря въ Парижѣ скоропостижно скончался графъ Димитрій Александровичъ Шереметевъ. Офицеръ полка производства 1907 года. Похороненъ въ С. Женевьевѣ.

1964 г.

18-го Мая въ Висбаденѣ скончалась дочь Кавалергарда Ирина Александровна de Faria e Castro, рожд. Черткова.

11-го Іюля въ Durban, Великобританія состоялась свадьба внучки Кавалергарда Александра Ивановича Звегинцова, павшаго въ боевой воздушной развѣдкѣ въ Ноябрѣ 1915 г.
Diana Holdsworth и Sandor Hervey.

17-го Іюля въ Ванкуверѣ, Канада состоялась свадьба Павла Ильича Миклашевскаго и баронессы Маріи фонъ Ганъ, дочери барона Іохима фонъ Ганъ и баронессы Карела, рожд. баронесса фонъ Кошкуль.

30-го Августа въ день боя подъ Каушеномъ, Восточная Пруссія, въ ознаменованіе 50-лѣтней годовщины начала Первой Міровой Войны, въ Александро-Невскомъ Соборѣ въ Парижѣ, Кавалергардской Семьей, совмѣстно съ объединеніями Конногвардейцевъ и Л.-Гв. Конной Артиллеріи, была отслужена панихида по всѣмъ, павшимъ въ войну 1914-1917 г., чинамъ этихъ полковъ и батарей. Послѣ панихиды въ ресторанѣ Валентенъ состоялся ужинъ, на которомъ присутствовало 20 членовъ трехъ объединеній.

Въ тотъ же день въ Нью-Іоркѣ, такая же панихида была отслужена Кавалергардской Семьей въ Синодальномъ Храмѣ.

2-го Сентября въ Русскомъ Православномъ храмѣ въ Афинахъ состоялась свадьба сына члена Семьи князя Н.Н. Оболенскаго, кн. Леонида Николаевича и Cloe Georgakis, дочери Ректора Афинской Школы Политическихъ Наукъ Пантіосъ, профессора Ioannis Georgakis.

Въ 1964 году въ разное время состоялась 50-ти лѣтняя годовщина производства въ офицеры полка С.А. Безобразова, кн. И.В. Репнина, А.В. Чичерина и Г.Г. Рауха. Отъ Кавалергардской Семьи имъ были посланы поздравленія.

Сергѣю Александровичу Безобразову.

Дорогой Сергѣй Александровичъ,

50 лѣтъ тому назадъ, I2 Іюля I9I4 года, по окончаніи Пажескаго корпуса, Ты былъ Высочайшимъ приказомъ выпущенъ изъ камеръ-пажей корнетомъ въ Кавалергарды съ назначеніемъ въ № 4-ый эскадронъ.

Въ его рядахъ, черезъ I0 дней, почти со школьной скамьи, Ты выступилъ въ походъ, участвуя во всѣхъ бояхъ полка.

Въ бою подъ деревней Мацковая Руда I7/30 Сентября I9I4 г., когда всѣ уносы, подаваемаго передка на позицію I-ой Гв. конной батареи, для вывоза послѣдняго орудія, были перебиты, Тебѣ удалось съ нѣсколькими Кавалергардами Твоего взвода, подъ сильнымъ огнемъ, откатить орудіе на рукахъ въ укрытое мѣсто, откуда оно было уже вывезено взводомъ № 3-го эскадрона кн. Багратіона-Мухранскаго.

I-го Іюля I9I5 года Ты былъ по собственному желанію откомандированъ въ I3 Лейбъ-Гренадерскій Эриванскій Царя Михаила Ѳеодоровича полкъ и принялъ участіе во всѣхъ бояхъ этого славнаго полка вплоть до Ноября I9I5 года, въ особенности въ тяжеломъ, неравномъ, двухдневномъ бою подъ Владавою.

Въ этомъ бою 4 Августа, въ рядахъ 9-ой роты, Ты былъ тяжело контуженъ разрывомъ 9-ти дюймоваго снаряда и вынесенъ Гренадерами Твоей роты на ея новую позицію. Сухая короткая фраза полкового приказа Эриванскаго полка - "Корнетъ Безобразовъ, несмотря на контузію, остался въ строю" - подчеркиваетъ то чувство долга, которое Тобой было проявлено.

Послѣ боя у Новые Троки, въ которомъ Ты уже командовалъ II-ой ротой, офицеры Кавалергарды были отозваны въ свой полкъ и Ты былъ назначенъ командиромъ 2-го стрѣлковаго эскадрона Стрѣлковаго полка I-ой Гвардейской кавалерійской дивизіи.

Въ память служенія Кавалергардовъ въ рядахъ Эриванцевъ, Тебѣ и другимъ, оставшимся въ живыхъ, четыремъ офицерамъ, было даровано, до сихъ поръ небывалое, право ношенія шашки кавказскаго образца.

Привѣтствуя Тебя въ этотъ памятный день, Кавалергардская Семья шлетъ Тебѣ, дорогой Сергѣй Александровичъ свои поздравленія и пожеланія силъ и здоровія на многіе годы.

Парижъ - Нью-Іоркъ. I964 г.

Князю Игорю Вадимовичу Репнину.

Дорогой князь Игорь Вадимовичъ,

Въ I9I3 году по окончаніи Императорскаго Александровскаго Лицея, Ты поступилъ вольноопредѣляющимся въ Кавалергарды съ назначеніемъ въ № 4-ый эскадронъ. Въ тотъ самый эскадронъ, командуя которымъ, Твой предокъ князь Николай Григорьевичъ, въ бою подъ Аустерлицемъ вплелъ первые боевые лавры въ боевую лѣтопись полка.

Въ слѣдующемъ году, полвѣка тому назадъ, 12-го Іюля Ты былъ Высочайшимъ Приказомъ произведенъ въ корнеты, оставленъ въ томъ же эскадронѣ, съ которымъ 10 дней спустя Ты выступилъ на войну 1914-го года.

Первый разъѣздъ отъ № 4-го эскадрона, обстрѣлянный противникомъ былъ Твой, равно какъ и въ бою подъ Каушеномъ 6-го Августа, Твой взводъ, идя въ головной походной заставѣ нашей дивизіи, первый вошелъ въ огневое соприкосновеніе съ германской пѣхотой.

Далѣе сѣть боевъ, разъѣздовъ и охраненій, сидѣніе въ окопахъ вплоть до революціи и развала Арміи.

Привѣтствуя Тебя, дорогой князь Игорь Вадимовичъ, въ сегодняшній знаменательный день, Кавалергардская Семья шлетъ Тебѣ свои поздравленія и пожеланія здоровія на долгіе годы.

Парижъ - Нью-Іоркъ. 1964 г.

Александру Викторовичу Чичерину.

Дорогой Александръ Викторовичъ,

По окончаніи Орловскаго реальнаго училища Ты поступилъ вольноопредѣляющимся въ Кавалергарды съ назначеніемъ въ № 2-ой эскадронъ.

Болѣзнь не позволила Тебѣ держать въ 1913 году офицерскій экзаменъ и только на слѣдующій годъ, полвѣка тому назадъ, Ты былъ Высочайшимъ приказомъ произведенъ въ прапорщики.

Въ бою подъ Каушеномъ 6-го Августа Ты былъ контуженъ гранатой, но остался въ строю, а 24 Мая 1915 года въ разъѣздѣ у деревни Серафимы въ Козлово-Рудскихъ лѣсахъ, Ты вновь былъ контуженъ, на этотъ разъ такъ тяжело, что былъ эвакуированъ.

Во время революціи, командуя № 2-мъ эскадрономъ, на охранѣ желѣзныхъ дорогъ въ Бердичевѣ, 27 Сентября 1917 года, Ты благодаря своему хладнокровію и рѣшительности, предотвратилъ возможный самосудъ, при переводѣ изъ Бердичевской тюрьмы на вокзалъ генераловъ Деникина, Маркова, Эрдели и другихъ.

Затѣмъ въ 1918 году Ты находился въ отрядѣ генерала Кирпичева въ Кіевѣ и, наконецъ, въ рядахъ родныхъ Кавалергардовъ на Югѣ Россіи, гдѣ Ты сформировалъ и командовалъ № 3-имъ эскадрономъ.

Вмѣстѣ съ остатками дивизіона Ты эвакуировался изъ Крыма и, по выгрузкѣ въ Константинополѣ, остался съ Кавалергардами въ Галиполи.

Привѣтствуя Тебя, дорогой Александръ Викторовичъ въ этотъ Памятный день, Кавалергардская Семья шлетъ Тебѣ свои поздравленія и пожеланія здоровья на многіе годы.

Парижъ - Нью-Іоркъ. 1964 г.

Георгію Георгіевичу Рауху.

Дорогой Георгій Георгіевичъ,

Полвѣка тому назадъ, I-го Октября I9I4 года, по окончаніи Пажескаго корпуса, Ты былъ Высочайшимъ приказомъ выпущенъ въ Кавалергарды корнетомъ съ назначеніемъ въ № 3-ій эскадронъ, въ рядахъ котораго Ты принялъ участіе во всѣхъ послѣдующихъ бояхъ полка.

За атаку въ конномъ строю со взводомъ I3 Августа I9I5 года во время ликвидаціи Свѣнцянскаго прорыва, имѣвшую слѣдствіемъ захвата Тобою фольварка Суторишки, Ты былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-ой ст. съ мечами и бантомъ.

Въ концѣ I9I6 года Ты по собственному желанію въ числѣ другихъ пяти офицеровъ полка, была откомандированъ въ Лейбъ-Гвардіи Егерскій полкъ, гдѣ командовалъ 5-ой ротой.

Въ началѣ революціи Ты перешелъ на службу въ авіацію Румынскаго фронта. Уѣхавъ послѣ развала Арміи въ С. Петербургъ, Ты былъ арестованъ и заключенъ въ Кронштадтскую крѣпость, откуда, случайно и неожиданно, Тебѣ удалось освободиться.

Въ I9I9 году Ты вновь въ рядахъ родныхъ Кавалергардовъ на Югѣ Россіи. Командуя эскадрономъ, Ты провелъ всѣ бои тяжелаго отступленія отъ Глухова на Харьковъ, Ростовъ, въ Задонскія степи и въ Крымъ.

Въ послѣднихъ бояхъ на подступахъ Крыма, командуя, послѣ раненія его командира, Гвардейскимъ кавалерійскимъ полкомъ, Ты дважды велъ его въ повторныя конныя атаки на наши окопы, занятые красными, и въ послѣднюю атаку Ты былъ раненъ ружейной пулей, кровью своей запечатлѣвъ извѣчный девизъ: "За Вѣру и Вѣрность".

Привѣтствуя Тебя въ этотъ памятный день, Кавалергардская Семья, шлетъ Тебѣ, дорогой Георгій Георгіевичъ, свои поздравленія и пожеланія здоровья на многіе годы.

Парижъ - Нью - Іоркъ. I964 г.

Вестникъ

Кавалергардской Семьи

1965

"Всякій офицеръ, особливо Кавалергардскій, исполняя порученіе хорошо, ничего больше не сдѣлалъ, какъ долгъ свой".

Командиръ Полка,
Генералъ ДЕПРЕРАДОВИЧЪ

ПРАЗДНИКЪ КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ

Кавалергардская Семья въ Парижѣ праздновала день Св.Св. Захарія и Елисаветы 18 сентября. По примѣру прошлыхъ лѣтъ въ 17 ч.30 м. въ Александро-Невскомъ соборѣ былъ отслуженъ молебенъ, на которомъ присутствовали всѣ наличные въ этотъ день въ Парижѣ члены Кавалергардской Семьи, ихъ родственники, друзья и знакомые и много молящихся. Послѣ молебна въ ресторанѣ "Le Valentin" собрались, подъ предсѣдательствомъ секретаря Кавалергардской Семьи В.Н. Звегинцова, Г.В. Бибиковъ, кн. Г.Г. Гагаринъ, бар. Г.Г.Гротгусъ, Д.Д. Давыдовъ, В.В. и М.В. Звегинцовы, Д.Д. Левшинъ, гр. В.В. Мусинъ-Пушкинъ, кн. Н.Н. Оболенскій, Г.Г. Раухъ, кн. И.В. Репнинъ, Ф.Н. Татищевъ и И.Н. Чудово-Адамовичъ.

Въ Нью-Йоркѣ Кавалергардская Семья праздновала этотъ день 19 сентября. Послѣ молебна, отслуженнаго о. Александромъ Пашковымъ въ East Sharaton Hotal, состоялся, подъ предсѣдательствомъ О.Ф. Дубасова, завтракъ, на которомъ присутствовали кн. Т.К. Багратіонъ-Мухранскій, С.С. Безобразовъ, С.С. Бутурлинъ (младшій), кн. В.А. Волконскій, гр. А.Н. Мусинъ-Пушкинъ, кн. С.П. и И.С. Оболенскіе-Нелединскіе-Мелецкіе, о. А.А. Пашковъ, Б.А. Чичеринъ и гр. В.Д. Шереметевъ.

ПАМЯТИ УШЕДШИХЪ

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ ЗУБОВЪ

1890 † 26.10.1964

Сынъ покойнаго уѣзднаго Васильсурскаго предводителя дворянства д. ст. сов. и его жены Софіи Ивановны рожд. Лыкошина, родился въ имѣніи родителей Засурье Нижегородской губерніи.

Послѣ окончанія въ 1914 году Императорскаго училища Правовѣденія, Зубовъ поступилъ вольноопредѣляющимся въ Кавалергарды съ зачисленіемъ въ № 2-ой эскадронъ, съ которымъ выступилъ на войну 1914-1917 г.

За осенніе и зимніе бои подъ Петроковымъ и на Пилицѣ въ 1914 г. награжденъ Георгіевскимъ крестомъ 4-й ст. и произведенъ въ ефрейторы. Въ слѣдующемъ году, 28 августа, возвращаясь со своимъ разъѣздомъ къ полку въ мѣс. Кокуцишки, Зубовъ, произведенный уже въ младшіе унтеръ-офицеры, захватилъ цѣликомъ германскій офицерскій разъѣздъ 8-го Конно-Егерскаго полка (офицеръ и 8 рядовыхъ). За это дѣло награжденъ Георгіевскимъ крестомъ 3-ей ст. съ бантомъ.

Произведенный въ прапорщики, затѣмъ въ корнеты, Зубовъ былъ переведенъ въ концѣ Декабря 1915 года во вновь сформированный № 6-ой эскадронъ, въ которомъ оставался до революціи.

Въ революціонные годы Зубовъ принялъ участіе въ гражданской борьбѣ въ Западной Арміи, сначала командуя стрѣлковымъ эскадрономъ Конно-Егерскаго дивизіона, затѣмъ, послѣ перехода къ бѣлымъ 2-го Петроградскаго коннаго п., сведеннаго съ Конно-Егерскимъ дивизіономъ въ Конно-Егерскій полкъ, продолжалъ въ немъ службу.

Тяжело раненый въ Іюлѣ 1919 г. въ бояхъ у м. Лопецъ въ руку, остался въ строю до конца боя. Послѣ выхода изъ госпиталя назначенъ офицеромъ для связи къ начальнику 4-ой пѣх. див. кн. А.Н. Долгорукову, командиру Кавалергардовъ въ первые мѣсяцы войны. Во время службы въ Западной Арміи Зубовъ былъ произведенъ въ подполковники.

Послѣ окончанія борьбы на западѣ Россіи, въ связи съ заключеніемъ Эстоніей въ концѣ января 1920 г. Юрьевскаго мира съ Совѣтскимъ Правительствомъ, Западная Армія была демобилизована и прекратила свое существованіе. Въ теченіи послѣдующихъ 10-ти лѣтъ, Зубовъ приложилъ всѣ свои силы на служеніе Православной церкви въ Эстоніи, затѣмъ переѣхалъ въ С.А. С.Ш., гдѣ продолжалъ ту же церковную дѣятельность, одновременно окончивъ Колумбійскій университетъ со званіемъ доктора философіи.

Дѣятельность П.П. Зубова оставила яркій и глубокій слѣдъ въ исторіи Американской Православной церкви. Благодаря его постояннымъ хлопотамъ и усиліямъ, была основана Св. Владимірская духовная Академія въ Нью-Іоркѣ и воздвигнутъ Св. Николаевскій храмъ-памятникъ въ Вашингтонѣ. Его безкорыстная, безконечная, часто безвозвратная помощь всѣмъ нуждающимся была по заслугамъ оцѣнена митрополитомъ Платономъ, назвавшаго Зубова "новоявленнымъ безсеребренникомъ".

Помимо непосредственной дѣятельности въ лонѣ Американской Православной церкви, Зубовъ читалъ много докладовъ на разныя темы: духовныя и по русской культурѣ и велъ регулярное преподаваніе въ офицерской школѣ Морского Вѣдомства въ Вашингтонѣ. Тамъ, послѣ очередной лекціи, у него сдѣлался сердечный припадокъ, отъ котораго онъ скончался, не приходя въ сознаніе.

Въ тотъ же день 26 октября, вечеромъ, гробъ былъ поставленъ въ Вашингтонскомъ храмѣ и, послѣ панихиды, ночью перевезенъ въ Св. Покровскій каѳедральный соборъ въ Нью-Іоркѣ, гдѣ на слѣдующій день состоялась заупокойная литургія и отпѣваніе архіепископомъ Иринеемъ въ сослуженіи 18 священниковъ. Похороненъ въ Св. Тихоновскомъ монастырѣ въ Пенсильваніи.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ РОДЗЯНКО

II.I2.I880 † I7.4.I965

I7 апрѣля въ Brayfield Lodge, Olney. Bucks, въ Великобританіи скончался Павелъ Павловичъ Родзянко и похороненъ на мѣстномъ кладбищѣ.

Сынъ штальмейстера Высочайшаго Двора Павла Владиміровича Родзянко и его жены Маріи Павловны, рожд. фрейлина княжна Голицына, покойный окончилъ въ 1901 году Пажескій Е.В. корпусъ и выпущенъ изъ камеръ-пажей корнетомъ въ Кавалергарды.

Въ 1905 г. произведенъ въ поручики и прикомандированъ къ Россійскому посольству въ Римѣ. Въ слѣдующемъ году прикомандированъ къ Итальянской офицерской кавалерійской школѣ для прохожденія въ ней курса.

По окончаніи школы вернулся въ строй полка и сталъ однимъ изъ первыхъ проводниковъ, такъ называемой, Итальянской школы въ русскомъ конномъ спортѣ, особенно въ полевой ѣздѣ и въ преодолѣніи препятствій.

Вмѣстѣ съ братомъ Александромъ, такимъ же приверженцемъ новаго теченія въ конномъ спортѣ, выигралъ въ составѣ русской команды три года подъ рядъ: 1912, 1913 и 1914 кубокъ короля Эдуарда VII, главнѣйшее международное состязаніе въ преодолеваніи препятствій, въ которомъ принимали участіе лучшія команды конницъ различныхъ странъ.

Произведенный въ штабсъ-ротмистры и въ ротмистры, командовалъ въ полку эскадрономъ Ея Величества. Въ 1914 г. былъ назначенъ личнымъ адъютантомъ командира Гв. Корпуса. Въ 1916 году, произведенный въ полковники, былъ назначенъ офицеромъ для связи съ Главнымъ командованіемъ на Итальянскомъ фронтѣ.

Послѣ революціи перешелъ на службу въ Великобританскія Войска и былъ назначенъ въ распоряженіе начальника Великобританской военной миссіи въ Сибирѣ ген. A. Knox.

Во время 2-ой міровой войны исполнялъ различныя, особыя порученія въ Южной Африкѣ, Сиріи, Іерусалимѣ, Сардиніи и Германіи. По окончаніи войны и въ промежутокъ между двумя Міровыми войнами, всецѣло предался улучшенію коннаго спорта въ Великобританіи. Командовалъ Irish Cavalry School, въ Дублинѣ и принималъ личное участіе во многихъ состязаніяхъ.

ИЛЬЯ ѲЕДОРОВИЧЪ ЛАДЫЖЕНСКІЙ

22.10.1893 † 22.9.1965

22 сентября въ домѣ Русскаго Краснаго Креста въ предмѣстіи Парижа Шелль, скончался послѣ долгой болѣзни Илья Ѳедоровичъ Ладыженскій. Сынъ Кавалергарда Ѳедора Ильича Ладыженскаго и его жены Александры Леонидовны, рожд. Ховрина, по окончаніи ускоренныхъ курсовъ Пажескаго корпуса выпущенъ 1.2.1917 г. прапорщикомъ въ Кавалергарды. Въ 1919-1920 г.г. принялъ участіе въ гражданской войнѣ въ рядахъ Кавалергардскаго дивизіона на югѣ Россіи.

Похороненъ на мѣстномъ кладбищѣ 27.9.1965 г. На отп*ваніи и погребеніи присутствовали, Ф.В. Шебеко и пріѣхавшіе изъ Парижа бар. Г.Г. Гротгусъ, Д.Д. Давыдовъ, В.Н. Звегинцовъ, Гр. В.В. Мусинъ-Пушкинъ и И.Н. Чудово-Адамовичъ.

СЕРГѢЙ СЕРГѢЕВИЧЪ БУТУРЛИНЪ

20.2.1885 † 28.9.1965

28 сентября въ Reed Farm, N.Y. U.S.A., скончался Сергѣй Сергѣевичъ Бутурлинъ. Сынъ генералъ-отъ-инфантеріи С.С. Бутурлина и его жены Екатерины Петровны, рожд. княжна Туркестанова, поступилъ, по окончаніи университетскаго отдѣленія Лицея Цесаревича Николая, вольноопредѣляющимся въ Кавалергарды съ назначеніемъ въ № 2 эскадронъ. Въ 1907 году произведенъ въ корнеты, въ 1911 въ поручики, въ 1915 въ штабсъ-ротмистра. На войну 1914 года Бутурлинъ выступилъ въ рядахъ своего эскадрона и принялъ участіе во всѣхъ бояхъ до лѣта 1915 г., когда по собственному желанію, въ числѣ другихъ шести офицеровъ полка, былъ прикомандированъ къ 13 Лейбъ-гренадерскому Эриванскому Царя Михаила Ѳедоровича полку.

Въ новомъ полку, въ новыхъ боевыхъ условіяхъ, Бутурлинъ сразу завоевалъ уваженіе и любовь начальниковъ и подчиненныхъ. Два раза раненый: командуя 5-ой ротой 20 мая въ Галиціи, въ кисть правой руки и, вторично, 20 августа, командуя II батальономъ во время Виленскихъ боевъ, въ локоть правой руки.

За бой 15 апрѣля Бутурлинъ былъ награжденъ Георгіевскимъ Оружіемъ "за то, что въ бою 15 апрѣля 1915 года у деревни Павлово-Костельно, командуя ротой и занимая позицію впереди расположенія полка, подъ сильнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ, пріостановилъ на своемъ участкѣ наступленіе значительныхъ силъ противника, лично руководя отбитіемъ атаки и, затѣмъ, съ частью своей роты лично бросился въ штыки на непріятеля, выбилъ его изъ занимаемыхъ имъ окоповъ и заставилъ отступить".

Въ декабрѣ 1915 г. Бутурлинъ былъ откомандированъ обратно въ Кавалергарды, гдѣ былъ назначенъ командиромъ вновь сформированнаго № 5 эскадрона, которымъ командовалъ до революціи въ чинѣ ротмистра.

Чинъ отпѣванія и погребенія, этого исключительно, по своимъ духовнымъ, душевнымъ и военнымъ качествамъ человѣка, былъ совершенъ о. А. Пашковымъ. На похороны въ Ново-Дивеевъ монастырь 1-го октября пріѣхали: П.П. Барановъ, С.А. Безобразовъ и О.Ф. Дубасовъ.

ПОЛКОВАЯ ПЕЧАТЬ

Среди безчисленнаго множества различныхъ печатей Военнаго и Гражданскихъ Вѣдомствъ, существовавшихъ въ Россіи до 1917 года, Печать Кавалергардовъ является единственнымъ исключеніемъ отъ общепринятаго образца.

На всѣхъ печатяхъ имѣлось изображеніе Государственнаго герба и надпись, обозначавшая принадлежность печати опредѣленному учрежденію. На печати же Кавалергардовъ, вмѣсто названія полка - надпись "Державный Орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго", а на груди

орла, вмѣсто Московскаго герба, Мальтійскій стягъ, наложенный на Мальтійскій крестъ.

Когда Императоръ Павелъ принялъ званіе Гроссмейстера Мальтійскаго Ордена, то въ Императорскій Титулъ было добавлено это званіе и на груди орла, въ Государственной печати, вмѣсто Московскаго герба были наложены атрибуты Ордена. Одновременно была сформирована Кавалергардія, какъ личная охрана Гроссмейстера Ордена, названнаго Павломъ I-мъ Державнымъ, и ей была присвоена соотвѣтствующая печать.

Вступивъ на престолъ, Императоръ Александръ I, не принялъ на себя званіе Гроссмейстера и, вслѣдствіи этого, всѣ атрибуты Ордена были сняты съ Государственной и всѣхъ другихъ печатей.

Со всѣхъ, кромѣ Кавалергардской. О ней забыли, а полкъ, дорожа этой особенностью, никогда не исправилъ эту забывчивость и въ теченіи 121 года пользовался Павловской печатью "Державного Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго".

ПОЛКОВОЙ МАРШЪ

Безъ малаго сто лѣтъ полковымъ маршемъ Кавалергардовъ служилъ маршъ изъ оперы "Бѣлая Дама" французскаго композитора

Когда и по какому случаю это произошло, описано въ воспоминаніяхъ дочери Императора Николая I-го, Великой Княжны, впослѣдствіи королевы Вюртембергской Ольги Николаевны. На стр. 12 ея воспоминаній, напечатанныхъ въ Парижѣ въ русскомъ переводѣ въ 1963 году издательствомъ "Военная Быль", она говоритъ:

"Въ сентябрѣ (1826 г.) въ день св. Елизаветы, въ день полкового праздника Кавалергардовъ, Мама впервые, какъ Шефъ этого полка, принимала парадъ. Она была и польщена и сконфужена, когда Папа скомандовалъ "на караулъ" и полкъ передъ нею продефилировалъ... Музыка играла маршъ изъ "Бѣлой Дамы", въ то время модной оперы, и этотъ маршъ, въ память этого событія, сталъ полковымъ Маршемъ Кавалергардовъ".

Послѣдній разъ полковой маршъ прозвучалъ въ Крыму въ колоніи Окречь 5/18 сентября 1920 года.

"ЕЩЕ О ПЕТЕРБУРГЕ"

С.А. Безобразова

По Невскому шла гвардейская рота со знаменемъ. Мѣрно ударяли тяжелые солдатскіе сапоги по сбитому, желтому февральскому снѣгу. Кивера чуть блестѣли в тускломъ утреннемъ свѣтѣ и штыки ровными рядами колыхались надъ головами рослыхъ молодцовъ. Дружно взлетали и падали полы сѣрыхъ шинелей, на которыхъ ярко выдѣлялись бѣлые пояса.

"Ать, два, три, четыре!" вполголоса подсчитывал бравый унтеръ.

Въ однообразіе мѣрной поступи, неожиданно ворвался глухой взрывъ барабана. Долго сдерживаемый потокъ мѣдныхъ звуковъ, обрушился на улицу, затопилъ ее и, разбиваясь о стѣны домовъ, понесся кверху, стараясь пробиться сквозь низко нависшее желтое небо.

По сторонамъ роты, подпрыгивая, стараясь попасть въ ногу, бѣжали мальчишки.

Подъ приземистыми арками Гостиннаго Двора, лавочные сидельцы стояли кучками и, увлеченные воинственными звуками, одобрительно провожали глазами проходящую роту.

Красно-желтые трамваи, вереницей слѣдовали за шествіемъ, а у каланчи, надъ городской думой, дежурный пожарный, вытянувшись, отдавалъ честь проходящему знамени.

Пройдя мимо Казанскаго Собора, рота повернувъ направо на Морскую, скрылась въ сумракѣ широкой арки Генеральнаго Штаба; огласивъ побѣдными звуками пустынную Дворцовую площадь, обогнула гранитную колонну Благословеннаго и исчезла за большими чугунными воротами дворца.

День былъ пасмурный, морозный. "Постъ номеръ шесть, на углу, что противъ биржи", находился на набережной у воротъ дворцоваго сада, обнесеннаго оградой розового гранита. Часовой стоялъ у полосатой будки. Передъ нимъ разстилалось бѣлое поле замерзшей Невы. Вдали надъ низкими, тяжелыми стѣнами крѣпости, чуть блестѣлъ протестантскій шпиль Петропавловскаго Собора, увѣнчанный золотымъ ангеломъ, а на противоположномъ берегу, "адмиралтейская игла" упиралась своимъ золотымъ фрегатомъ въ низкое небо.

Когда-то Петръ строилъ новый Амстердамъ, строилъ каналы, горбатые мосты, набережныя. Но, несмотря на всѣ старанія, отъ "Амстердама" только и остались, что преземистая крѣпость со шпилемъ, маленькій голландскій дворецъ въ Лѣтнемъ Саду и тихіе каналы.

Послѣ Петра городъ спѣшно выросталъ изъ низкихъ болотъ, но новые строители о Голландіи уже не думали. Бѣдная прямолинейная протестантская простота уступила мѣсто вдохновеніямъ Средиземного моря - Греціи, Риму, Венеціи.

Налѣво отъ крѣпости - храмъ Паллады съ двумя ростральными колоннами, замерзалъ, занесенный снѣгомъ. Два льва, опустивъ тяжелыя лапы на каменные шары, охраняли широкую гранитную лѣстницу на набережной противъ Сенатской площади, гдѣ могучій и грозный всадникъ, вздыбивъ коня на гребнѣ гранитной волны, однимъ движеніемъ распростертой длани, велъ Россію на новые пути.

Татары въ коричневыхъ халатахъ и тюбетейкахъ, скалываютъ ледъ съ тротуаровъ передъ дворцомъ.

У гранитной лѣстницы, расчищенная на льду и обсаженная елками дорога ведетъ на другую сторону Невы. Бородатый мужикъ, съ обледенѣлой бородой, на конькахъ, толкая передъ собою кресло на полозьяхъ, за гривенникъ перевозитъ желающихъ на другой берегъ.

Самоеды, зашитые въ оленьи шкуры, катаютъ на оленяхъ любопытныхъ прохожихъ. Вдали, поблескивая синими искрами, бѣгаетъ по рельсамъ, проложеннымъ по льду, маленькій трамвай. Посреди рѣки, мужики въ овчинныхъ тулупахъ и рукавицахъ, выпиливаютъ толстые пласты прозрачно-зеленаго льда и на дровняхъ везутъ въ городъ.

Ровно въ полдень, бѣлое облачко вырастаетъ на веркахъ крѣпости. Глухой пушечный громъ потрясаетъ стѣны дворцовъ. Оглушенные прохожіе, спѣшно вынимаютъ часы. Куранты на колокольнѣ начинаютъ бить двѣнадцать ударовъ и хитрая заморская механика играетъ "Коль Славенъ".

Изъ-за угла дворцоваго сада появляется разводящій съ новой смѣной. Набережная постепенно оживляется. Кареты, сани, извозчики, обгоняя другъ друга, торопятся по крѣпко прибитому снѣгу. Пара быстрыхъ коней, крытыхъ широко-развѣвающейся синей сѣтью, разбрасывая комья снѣга, проноситъ посольскія сани. Сзади на запяткахъ стоитъ, держась за ремни, ливрейный выѣздной съ темно-зеленымъ плюмажемъ на шляпе и экзотической саблей на широкой разукрашенной портупеѣ.

Дѣти, закутанные въ башлыки, съ гамашами на ногахъ, чинно идутъ передъ гувернанткой. Блестящая пролетка мелькаетъ красной гусарской фуражкой.

Громадный кавалергардъ, щелкая шпорами, держа въ лѣвой рукѣ длинный палашъ, вытягивается передъ маленькимъ, сгорбленнымъ генераломъ въ отставкѣ, съ трудомъ передвигающемъ ноги въ толстыхъ, окованныхъ мѣдными задниками, калошахъ. Генералъ, чуть подымая руку, еле-слышно хрипитъ привычное: "Проходи".

У чугунныхъ воротъ дворцоваго сада, появляются два околодочныхъ въ бѣлыхъ перчаткахъ. Десятокъ городовыхъ уже стоятъ въ разныхъ мѣстахъ вокругъ ограды и вдоль дворца.

Тяжелыя ворота тихо отворяются. Околодочные и городовые замираютъ въ ожиданіи. Въ воротахъ появляется большой, закрытый автомобиль и представители порядка превращаются въ статуи. Часовой, рѣзко повернувъ голову налѣво, лихо въ два счета беретъ на караулъ.

Въ автомобилѣ Государь. Двѣ Великія Княжны съ любопытствомъ слѣдятъ за усерднымъ часовымъ. Государь чуть трогаетъ козырекъ фуражки, и автомобиль, управляемый свиты генералъ-майоромъ, поворачиваетъ направо вдоль набережной. Ворота закрылись, а околодочные и городовые, также, какъ появились, незамѣтно исчезли.

Зимой въ Петербургѣ темнѣетъ рано и уже къ четыремъ часамъ дня, вдоль набережной зажглись высокіе двойные фонари.

Вѣтеръ перемѣнился и теперь ледянымъ холодомъ вѣяло справа из-за рѣки. Небо еще ниже нависло надъ городомъ. Легкія снѣжинки, гонимыя вѣтромъ, все чаще и гуще метались по воздуху. Быстро стало темно и сѣрая мгла окутала набережную, Неву, высокія окна и колонны дворца.

Крѣпость напротивъ растворилась во мракѣ. Далекіе огни Васильевскаго острова потухли. Часовой стоялъ одинъ у своей будки, и весь его видимый міръ ограничивался кругомъ свѣта отъ ближайшаго фонаря.

Вѣтеръ порывами бросалъ съ вышины обезумѣлыя снѣжинки, которыя у самой земли, подхваченныя обратнымъ теченіемъ, плотной толпой неслись наверхъ и исчезали въ темномъ хаосѣ неба.

Теперь снѣгъ шелъ сплошной бѣлой стѣной, покрывая набережную, парапеты Невы, будку часового и его самого. Стало тихо, той особенной тишиной, которая всегда сопутствуетъ снѣгопаду. Несмотря на черныя суконныя рукавицы, пальцы нѣмѣли, и часовому порой казалось, что кровь застывала въ жилахъ.

А впереди, тамъ гдѣ еще такъ недавно видна была крѣпость, вьюга заливалась и стонала надъ скованной рѣкой. Ничто не защищало теперь набережную съ ее дворцами отъ напора полярныхъ вѣтровъ. Съ трудомъ двигаясь противъ вѣтра показалась смѣна. Пришелъ приказъ надѣть овчинную шубу и толстые кожаные "кеньги", хранившіеся въ будкѣ.

Ни неистовые холода, ни снѣгъ, ни темнота не могли помѣшать постояннымъ петербургскимъ пріемамъ и выѣздамъ, которые для петербуржца были необходимымъ бѣгствомъ отъ длинной, темной зимы,- бѣгствомъ въ яркій свѣтъ, въ шумное блестящее собраніе, гдѣ горы цвѣтовъ "изъ Ниццы", своимъ видомъ и запахомъ переносили воображеніе въ края мимозъ и глициній. На время забывалась тяжелая зима и можно было окунуться въ обманъ утѣшительныхъ иллюзій.

Вотъ почему въ Петербургѣ, театры и особенно балеты, даже съ ихъ коленкоровыми рощами и фальшивымъ солнцемъ, были всегда переполнены.

Пріемы во дворцахъ, частныхъ особнякахъ и домахъ, отличались красотой и великолѣпіемъ. Начинались они въ началѣ декабря и безпрерывно длились вплоть до Великаго Поста, въ самые темные и холодные мѣсяцы года, иногда по два, три за одинъ вечеръ.

Балы начинались поздно, и приглашенные собирались уже послѣ II-ти часовъ вечера. Проведя ночь "средь шумнаго бала", окутанные запахомъ мимозъ, гвоздикъ и розъ, усталые отъ вальсовъ, мазурокъ, контрдансовъ, петербуржцы возвращались домой подъ утро, которое ничѣмъ не отличалось отъ только-что ушедшей темной ночи.

Зимой, кромѣ баловъ, Петербургъ съ увлеченіемъ катался на конькахъ. Этимъ спортомъ увлекались всѣ, кто могъ и былъ достаточно привыченъ къ русской морозной зимѣ. То было именно катанье, а не бѣгъ, такъ какъ кромѣ рѣдкихъ профессіоналовъ, для большинства это было веселое развлеченіе на открытомъ воздухѣ.

Катковъ было два: одинъ въ Таврическомъ саду, другой на Фонтанкѣ у Семеновскаго моста. Въ Таврическомъ катались только обладатели особыхъ билетовъ. На Семеновскомъ-же всякій, заплативщій двугривенный.

Таврическій садъ у дворца того-же имени, слегка холмистый съ небольшимъ озеромъ, окруженнымъ высокими берегами, на которыхъ

дремали старыя липы, березы, ели, находился въ тихой части города въ концѣ Сергіевской, по обѣимъ сторонамъ которой чередовались красивые особняки. На высокомъ берегу озера стоялъ небольшой деревянный домикъ. Короткій, но очень крутой ледяной спускъ велъ на чистый гладкій ледъ.

Катающихся обыкновенно было немного. О фигурномъ катаніи мало кто заботился. Катались кто какъ могъ. Посреди озера, иногда, смѣлый конькобѣжецъ, на удивленіе публикѣ, ловко выдѣлывалъ восьмерки на льду, даже дѣлая тоже самое заднимъ ходомъ.

Но главное веселье было въ концѣ озера, тамъ гдѣ двѣ высокія деревянныя горы стояли одна противъ другой. Горы были очень крутыя, покрытыя большими прямоугольниками невскаго льда.

Низкія, тяжелыя сани, крытыя цвѣтнымъ бархатомъ, чуть трогая ледъ, почти по воздуху, неслись внизъ между двухъ деревянныхъ стѣнокъ. Вѣтеръ обжигаетъ лицо, свиститъ въ ушахъ; слезы туманятъ зрѣніе и тутъ-же замерзаютъ на рѣсницахъ. Сани несутся, чуть подбрасываемыя неровностями льда. Со скоростью стрѣлы, онѣ вылетаютъ на озеро и, пронесшись по льду шаговъ триста, останавливаются на маленькомъ подъемѣ у второй горы.

Мужики подымаютъ колесомъ санки на верхъ горы; отсюда начинается обратное путешествіе и до темноты можно было увлекаться этой захватывающей душу ѣздой.

Способы спусканія съ горъ были разные. Безъ саней, стоя на конькахъ; стоя на санкахъ. Нѣсколько санокъ, сцѣпленныхъ вмѣстѣ и человѣкъ десять, кто сидя, кто лежа, а кто сидя верхомъ на лежащемъ, бросались подъ гору со скоростью поѣзда.

Въ предыдущее царствованіе Императрица Марія Ѳеодоровна любила спускаться съ этихъ горъ и часто посѣщала Таврическій садъ, и тогда на каткѣ игралъ хоръ трубачей Кавалергардскаго полка, шефомъ котораго была Императрица.

Семеновскій катокъ, на Фонтанкѣ у моста того-же названія, былъ катокъ платный, гдѣ всякій могъ кататься весь день, даже до полуночи, такъ какъ съ темнотой катокъ освѣщался электрическими фонарями. Все здѣсь было проще и не было красоты Тавриды. Катокъ былъ зажатъ между гранитными берегами набережныхъ и обнесенъ кругомъ высокой стѣной изъ полотна.

Толпы людей всякого чина и званія сновали по бѣлому отъ бесчисленныхъ слѣдовъ льду. Въ крытой будкѣ, военный духовой оркестръ безъ устали тянулъ "На сопкахъ Манчжуріи" или "Тоску по Родинѣ". Кругомъ по особой дорожкѣ носились по три, по два, обгоняя другъ друга, заложивъ руки за спину, равномѣрно вытягивая длинныя, затянутыя въ узкія трико, ноги, профессіональные бѣгуны въ вязаныхъ колпакахъ и на длинныхъ тонкихъ прямыхъ конькахъ, пригодныхъ только для бѣговой ѣзды. Такъ они носились безъ устали, часами, и прохожіе на Семеновскомъ мосту, какъ зачарованные тоже часами стояли у парапета и, не взирая ни на холодъ, ни на снѣгъ, смотрѣли на неутомимыхъ бѣгуновъ.

Уже девятаго марта, день, когда надъ полями и въ окнахъ булочныхъ появлялись жаворонки, оттепель шла полнымъ ходомъ. Природа торопилась нагнать потерянное за долгую зиму время. Съ крышъ капало; зеленые ушата у сточныхъ трубъ были полны воды. Иногда отмерзшій ледъ съ грохотомъ вываливался изъ трубъ, обдавая прохожихъ ледяной водой. Текли ручьи, снѣгъ потемнѣлъ, съежился. Нева, покрывшись темными пятнами, застыла въ ожиданіи. Ночью теплый вѣтеръ съ Финскаго залива, вздулъ воду. Ледъ началъ трещать, ломаться, громоздить глыбы одну на другую.

На разсвѣтѣ ледъ двинулся. Весь день грозно шумя, шелъ онъ, кружась и сталкиваясь въ черныхъ омутахъ бурлящей рѣки.

"Ледъ тронулся ! Ледъ тронулся !" - съ радостью говорили петербуржцы другъ другу.

Конецъ безконечной зимней ночи; конецъ холодамъ. Еще въ февралѣ, весна казалась невозможностью; о ней даже не думали. И вотъ теперь, въ одну ночь совершилось чудо. - "Ледъ тронулся!"

Ледъ шелъ два дня и очищенная веселая Нева радостно блистала подъ прохладными вешними лучами солнца. Стало замѣтно теплѣе. Но радоваться еще было рано.

Опять стало холодно и площади чистаго бѣлаго льда плыли по теченію Невы. То шелъ ладожскій ледъ. На короткій срокъ вернулась зима, но теперь никто въ нее не вѣрилъ. Дня черезъ три Ладога прошла и больше ничто не могло помѣшать бурной, прозрачной, единственной въ своемъ родѣ петербургской веснѣ.

Теплый легкій вѣтеръ дулъ съ моря. Первый гребной баркасъ коменданта крѣпости переплылъ Неву, какъ это дѣлалось каждую весну со временъ Петра Великаго. Навигація по рѣкѣ была открыта.

Грязный снѣгъ быстро стаялъ и тысячи дворниковъ скребли и чистили улицы. Сани уступили мѣсто экипажамъ на колесахъ и даже извозчики выглядѣли теперь веселѣе и чище. Таксометровъ въ тѣ времена не было и вотъ, какъ нанимали извозчиковъ:

Идетъ по улицѣ старушка съ тяжелымъ узломъ. Нагоняетъ ее порожнякъ. -"Садитесь, барыня", зазываетъ извозчикъ - "Мигомъ довезу". Старушка подозрительно смотритъ на извозчика. - "А сколько, батюшка, до Апраксина ?" - "Шесть гривенъ, пожалуйте !" говоритъ извозчикъ, придерживая лошадь. "Что ты, Господь съ тобой", пугается старушка, - "Видано-ли дѣло - шесть гривенъ ! Четвертакъ - больше не дамъ".

Извозчикъ клянется, машетъ руками. - "Барыня, помилуйте, накиньте двугривенный !". Старушка молчитъ. Извозчикъ, шагомъ ѣдетъ рядомъ. Оба дѣлаютъ видъ полнаго равнодушія. Послѣ долгихъ колебаній старушка рѣшается: "Алтынный накину, а больше и не проси". Извозчикъ съ досады хватаетъ себя по колѣнямъ.

Въ это время приближается другой порожнякъ. Извозчикъ быстро оборачивается, спѣшно отстегиваетъ кожаный фартукъ и кричитъ: "Пожалуйте, барыня!" - Старушка съ видомъ побѣдителя садится въ пролетку.

Легкій вѣтеръ дуетъ съ моря; бѣлыя чайки кружатся надъ водой. Зеленый ялик качается на небольшой волнѣ. Буксиры съ трудомъ тащатъ вереницы груженыхъ барокъ. У мостовъ трубы падаютъ назадъ и буксиры, окутанные дымомъ, исчезаютъ подъ низкими пролетами. Снуютъ по разнымъ направленіямъ небольшіе пароходы Финляндскаго общества.

Мальчикъ у пристани непрестанно выкрикиваетъ: - "Калинкинъ мостъ, пьять копѣекъ! Калинкинъ мостъ пьять копѣекъ!"

Гудки пароходовъ гулко звучатъ въ прозрачномъ воздухѣ, повторяясь эхомъ на другой сторонѣ.

Сколько бодрости въ весеннемъ воздухѣ Петербурга. Какъ хорошъ прохладный солнечный день и какъ четко падаютъ тѣни на торцовыя мостовыя. Послѣ безконечно-длинной зимы, это весеннее возрожденіе Петербурга кажется настоящимъ чудомъ. "Мѣдный Всадникъ", озаренный солнечными лучами, больше не страшитъ замерзающихъ прохожихъ. Въ такую весну забыты бури, наводненія и Его дерзкій вызовъ судьбѣ.

Первого мая, на Марсовомъ полѣ, бывали великолѣпные военные парады. Гвардейская кавалерія въ блескѣ золотыхъ доспѣховъ, тяжелымъ топотомъ сотрясала ряды дворцовъ. Съ грохотомъ проносились батареи. Подъ дробь барабановъ и звукъ военной музыки, проходили гвардейскіе полки за полками. Петровскіе, Преображенцы и Семеновцы, Измайловцы Императрицы Анны Іоановны, курносые Павловцы, Егеря, Стрѣлки... Шла исторія Россійской Имперіи.

Государь, верхомъ на конѣ, принималъ парадъ, который кончался общей атакой кавалеріи.

А рядомъ, за Лебяжьей канавкой, Лѣтній Садъ уже свѣже-зеленый, былъ мѣстомъ тишины и спокойствія. Крыловъ со своего кресла, добродушно поглядывалъ на дѣтей, игравшихъ у его подножія. Вдоль аллей, подъ сводами старыхъ липъ, стояли бѣлыя мраморныя статуи, съ такимъ трудомъ вывезенныя изъ-за границы Петромъ Великимъ. Статуи эти были посредственными копіями оригиналовъ, но безъ нихъ и особенно безъ Сатурна, пожирающаго своего ребенка, трудно себѣ представить Лѣтній Садъ.

Монументальная решетка отдѣляла садъ отъ Французской набережной. Рядъ высокихъ, розового гранита колоннъ, увѣнчанныхъ такими же урнами, были соединены удивительной по простотѣ и красотѣ рисунка, чугунной решеткой. С одной стороны Лѣтній Садъ былъ ограниченъ Лебяжьей канавкой, а съ другой Фонтанкой.

Какъ хорошо, какъ по петербургски звучатъ эти оба названія. Фонтанка, каналъ, обрамленный гранитными берегами, былъ для Петра той частью Голландіи, которую онъ во что-бы то ни стало хотѣлъ возпроизвести въ своемъ "Парадизѣ".

Дѣйствительно, петербургскіе каналы были почти точными копіями каналовъ Гааги, Дельфъ, Амстердама. Но на русской почвѣ, созданные русскими руками, они потеряли голландскую скромную провинціальность. Здѣсь, въ Петербургѣ, каналы съ ихъ чудесными решетками, горбатыми, висящими мостами, свидѣтельствовали о размахѣ строителей и Императорскомъ умѣніи создавать красоту.

Тутъ нельзя не вспомнить "Зимнюю Канавку", отдѣлявшую Зимній Дворецъ отъ Эрмитажа. Тихая, темно-зеленая вода канавки зажата высокими стѣнами дворцовъ съ нишами и статуями, а наверху надъ каналомъ повисъ "Мостъ вздоховъ". Здѣсь Венеція, такъ неожиданно выросшая почти у полярнаго круга.

На Фонтанкѣ всегда было движеніе. Сновали финляндскіе пароходики, тихо плыли баржи съ дровами. Стояли у береговъ живорыбные садки. Лѣтомъ набережныя каналовъ покрывались штабелями березовыхъ дровъ и лохматые грузчики на тачкахъ свозили ихъ на берегъ.

Съ наступленіемъ весны по улицамъ раздаются выкрики бродячихъ продавцовъ. - "Пельсины, лимоны ха-а-роши !", нараспѣвъ тянетъ малый въ бѣломъ передникѣ съ лоткомъ на головѣ. Татаринъ съ бритой головой и мѣшкомъ за плечомъ, ходитъ по дворамъ, подражая муздзину, гнусаво кричитъ: "Халатъ, халатъ, хорошъ халатъ !"

Если случится пожаръ, дежурный на каланчѣ подымаетъ тревогу. На мачтѣ взлетаетъ шаръ, два или три, въ зависимости отъ размѣра пожара. Пожарныя команды съ шумомъ и грохотомъ скачутъ по булыжникамъ на пожаръ.

Впереди, на бѣломъ конѣ, трубачъ въ мѣдной каскѣ, неустанно трубитъ сигналы: "Прочь съ дороги ! Прочь съ дороги ! Берегись прохожій !" За нимъ, если пожаръ большой, стоя на подножкѣ пролетки, опершись на плечо кучера, - самъ брандъ-майоръ.

Слѣдомъ три или четыре одномастныя четверки. Бѣлая, какъ снѣгъ, везетъ сверкающій дымящійся паровой насосъ. Вторая съ лѣстницами, шлангами и баграми. Гнѣдая съ пожарными въ каскахъ и топорами на боку. Шествіе заключалось двумя, тремя зеленными бочками съ водой.

На полномъ скаку, съ трубнымъ гласомъ и брандъ-майоромъ, ведущимъ свою команду въ атаку, пожарная команда была любимымъ зрѣлищемъ петербуржцевъ.

Кажется, нѣтъ другого города на свѣтѣ, гдѣ весна была бы такимъ символомъ радостнаго пробужденія, послѣ длиннаго сна, и поневолѣ въ эти дни все стремилось на открытый воздухъ, подъ лучи возродившагося солнца.

Съ конца апрѣля, по воскресеньямъ, послѣ полудня, набережная отъ Троицкаго моста и до Зимняго дворца покрывалась толпами гуляющихъ, и по торцовымъ мостовымъ, шагомъ двигались безконечныя вереницы экипажей.

Тутъ были парныя вѣнскія коляски, легкія блестящія одиночки. Извозчики "лихачи", которые возили большей частью сыновей купеческихъ или биржевыхъ маклеровъ. У нѣкоторыхъ на концахъ оглобель, были вдѣланы электрическіе фонари, что многимъ казалось предѣломъ цивилизаціи, а на поясахъ на спинѣ кучеровъ висѣли часы для пущаго удобства сѣдоковъ.

Толпа, двигавшаяся по обѣимъ сторонамъ набережной, по выраженію городовыхъ, состояла изъ "чистой публики", пришедшей сюда, чтобы "себя показать да и на другихъ посмотрѣть".

Въ полукруглыхъ углубленіяхъ гранитнаго парапета, спиной къ рѣкѣ, стояли лицеисты или правовѣды въ дореформенныхъ треуголкахъ. Мимо шли, полные достоинства камерпажи въ каскахъ, бѣлыхъ перчаткахъ и со шпагами. Иногда попадались бѣлоподкладочники студенты. Юнкеръ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, въ ярко-малиновой безкозыркѣ, лихо надѣтой набекрень, съ шинелью такой длинной, что она почти мѣла мостовую, позванивая шпорами, побѣдоносно шествовалъ на удивленіе скромнымъ дѣвицамъ, гуляющимъ подъ строгимъ надзоромъ гувернантокъ.

Мелькаютъ бѣлыя фуражки кавалергардовъ, конногвардейцевъ, кирасиръ. Въ открытыхъ коляскахъ, съ ливрейными выѣздными проѣзжаютъ дамы, элегантныя, а иногда болѣе, чѣмъ элегантныя.

Посольскія коляски съ кучерами, украшенными на спинѣ большими трехугольниками изъ серебрянаго позумента. Кое-гдѣ рѣдкіе автомобили, высокіе на тощихъ колесахъ.

Все это двигается, пѣшкомъ или на колесахъ, безпрестанно кланяясь, отдавая честь, снимая шляпы. На всѣхъ печать веселого оживленія. Даже старые генералы, оставивъ дома галоши и ватныя фуражки, на нѣсколько часовъ чувствуютъ себя почти корнетами.

Въ день Благовѣщенія, на Конногвардейскомъ бульварѣ шло народное гулянье и о "чистой публикѣ" здѣсь говорить уже не приходилось. Гуляли мастеровые, рабочіе, портнихи, горничныя, швейцары, лакеи, мелкіе чиновники и просто размалеванныя бабы.

Со смѣхомъ, говоромъ, треньканьемъ балалаекъ, частыми переливами лихой гармошки, посвистываньемъ глиняныхъ дудокъ, выкриками продавцовъ, лузгая семечки, разряженная толпа двигалась тѣснымъ потокомъ между двумя рядами балагановъ, палатокъ, прилавковъ. Снуютъ продавцы съ лотками, выкрикивая свои товары.

Парень навеселѣ, на радость зѣвакамъ, пускаетъ по вѣтру цвѣтные воздушные шары. Плутоватый разносчикъ кричитъ, показывая стеклянную трубку, въ которой дутый изъ стекла чертикъ, подымается и опускается въ жидкости: "Американскій житель, большой воды любитель ! Всего десять копѣекъ."

Мальчишка съ пачкой пожелтѣвшихъ романовъ Поль де Кока и Понсонъ дю Терайля, охрипшимъ голосомъ, скороговоркой сыплетъ: "Полудѣвы - книга-романъ, вмѣсто рубля пять копѣекъ!" Или же: "Романъ дѣвицы Лавальеръ, а также Тайны Мадридскаго двора - гривенникъ пара!"

Такъ проходитъ день и наступаетъ свѣтлая, прозрачная "бѣлая ночь"; и когда въ полночь идешь по пустынному свѣтлому городу, странное ощущеніе охватываетъ душу. Вечеръ, тьма, как-то связаны съ концомъ, со смертью; здѣсь же, въ бѣлую ночь, вѣетъ безсмертіемъ.

День продолжается и, хотя куранты въ полночь бьютъ свои двѣнадцать ударовъ, ночь не приходитъ. Неугасимо свѣтится безмолвный, ночной день, слегка затуманенный синеватымъ освѣщеніемъ, въ которомъ тяжелая крѣпость, горбатые мосты, гранитныя зданія, парапеты, памятники, немного расплывчато, какъ-бы висятъ въ воздухѣ.

Въ такую ночь хорошо ѣхать на Острова, на Стрѣлку и тамъ встрѣтить восходъ солнца, которое за ночь никуда не уходило, а лишь на мгновеніе окунулось въ недвижныя воды Финскаго залива.

Перваго мая войска одѣвали лѣтнія, защитныя формы и выступали въ лагеря.

Уже издали слышна неровная дробь конскихъ копытъ. Ближе, ближе, заливается хоръ пѣсенниковъ. "Полянка, полянка, поляночка моя..." - Эскадроны идутъ въ лагеря въ Красное Село.

Уходятъ пѣхотные полки, артиллерія. Городъ постепенно разгружается отъ военныхъ.

Кто можетъ, уѣзжаетъ къ себѣ въ далекія деревни; кто побѣднѣе, переѣзжаетъ на дачи въ окрестностяхъ Петербурга. Городъ пустѣетъ и къ началу іюля у пустыхъ домовъ торчатъ одни дворники въ цвѣтныхъ ситцевыхъ рубашкахъ, въ жилетахъ и бѣлыхъ передникахъ съ мѣдными бляхами на груди.

Наступаетъ жаркое, пыльное, короткое лѣто. Вмѣсто березовыхъ дровъ, баржи привозятъ кирпичи, песокъ, камни. Вырастаютъ лѣса и каменщики выводятъ стѣны новыхъ домовъ.

Жарко, пыльно... Но... "Вянетъ листъ, проходитъ лѣто..." и наступаетъ какъ-то сразу, холодная, мокрая осень.

Въ окна вставляются двойныя рамы, и уже къ декабрю морозъ свирѣпо сковываетъ Неву. И опять часовой у "поста номеръ шесть, на углу, что напротивъ биржи", стоитъ недвижно у своей будки и мерзнетъ подъ порывами пронизывающаго ледяного вѣтра, дующаго прямо съ Сѣвернаго Полюса.

КАВАЛЕРГАРДЫ ВЪ ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

Глава Четвертая

Октябрь-Декабрь 1919 года

Развѣдка къ сѣверу отъ Батурина. Бои подъ Глуховымъ и Рыльскомъ. Отходъ на Сумы и оставленіе Харькова

Переброска I-го Гв. Сводно-Кирасирскаго полка въ Батуринъ совпала съ усиленіемъ боевой дѣятельности въ этомъ районѣ въ связи съ наступленіемъ Добровольческой Арміи на Черниговъ. 2-го Октября полкъ ночевалъ въ г. Борзна, а 3-го сталъ въ резервъ V К.К. въ Батуринѣ.

Нѣкогда резиденція гетмана Украйны, Батуринъ ничего не сохранилъ отъ своего былого величія. Только развалины огромнаго гетманскаго дворца свидѣтельствовали о томъ значеніи, которое городъ имѣлъ въ минувшіе вѣка.

5-го Октября у станціи Дочь сосредоточился Олонецкій пѣх. п. для форсированія р. Десна на фронтѣ Сосница-Макошино. Прикрывая его разворачиваніе, Кавалергардскій дивизіонъ выступилъ на

разсвѣтѣ этого дня къ сѣверу отъ ж.-д. Бахмачъ-Готня для развѣдки и наблюденія за переправами черезъ Десну у Оболонья, Конятина, Змѣтнева и Спасскаго.

6-го № I эскадронъ шт.-р. графа А.Д. Толстого отбросил пѣшую развѣдку красных, переправившуюся подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня у Змѣтнева на южный берегъ Десны. 7-го дивизіонъ вернулся въ Батуринъ.

8-го полкъ выступилъ къ сѣверу отъ гор. Кральевца, чтобы очистить отъ просочившейся красной пѣхоты районъ между рѣками Эсмань и Десна. Переночевавъ въ д.д. Алтыновка и Лукновъ, полкъ выбилъ красныхъ изъ лѣвобережныхъ домовъ с. Вишенька и отбросилъ ихъ на правый берегъ Десны. Кавалергарды не приняли участія въ бою у Вишеньки. Рано утромъ 9-го дивизіонъ былъ отправленъ изъ Лукнова въ гор. Коропъ для наблюденія за переправами черезъ Десну и прикрытія операціи Гвардейской бригады.

По дорогѣ между Лукновымъ и Коропомъ, въ лѣсномъ дефиле у моста черезъ р. Царевку, дивизіонъ былъ обстрѣлянъ красными, по всей вѣроятности партизанами.

Густой, болотистый лѣсъ не давалъ возможности выслать боковые разъѣзды. Подъ прикрытіемъ огня дивизіонной конно-пулеметной команды шт.-р. А.Н. Шебеко, открывшей огонь по лѣсу въ обѣ стороны отъ дороги, дивизіону удалось проскочить засаду съ небольшими потерями двухъ раненыхъ Кавалергардовъ и пяти убитыхъ лошадей.

На огромномъ 35-ти верстномъ лусномъ участкѣ, отъ станціи Жерновка до д. Шабелино, подъ проливнымъ дождемъ, ливщимъ почти безостановочно и днемъ и ночью, Кавалергарды несли развѣдку и охраненіе до 21-го Октября, когда были отозваны къ полку в гор. Кральевецъ.

По приходу дивизіона въ Коропъ отъ № 2-го эскадрона были сразу высланы небольшіе посты на переправы черезъ Десну у ст. Жерновка и въ с.с. Рыботинъ, Сухиничи и д. Шабелино. Многочисленные хутора между этими селеніями наблюдались мелкими разъѣздами и конными дозорами. № I-й эскадронъ и пулеметная команда помѣстились на сѣверной окрайнѣ города.

Не прошло и полутора часа со времени высылки наряда, какъ та часть города, въ которой стояли Кавалергарды подверглась обстрѣлу красной артиллеріи съ сѣвернаго берега Десны. Командиръ дивизіона гр. И.Д. Толстой перевелъ эскадронъ и команду на южную окрайну Корола. Но и тутъ, черезъ короткій промежутокъ времени, они вновь были обстрѣляны гранатами. Стало ясно, что огонь красныхъ коректируется непосредственно изъ города.

Въ это время, одинъ изъ высланныхъ разъѣздовъ унтеръ-офиц. Малахова обнаружилъ въ полѣ, среди кустовъ, на днѣ канавы, телефонный проводъ, идущій, какъ ему показалось, изъ города въ направленіе рѣки.

Малаховъ повернулъ разъѣздъ и повелъ его вдоль провода. Проводъ привелъ разъѣздъ къ заброшенному, небольшому дому, почти

на самой околицѣ Коропа. Разбитыя ворота и окна, полуобвалившійся заборъ, садъ и дворъ, поросшіе густымъ бурьяномъ - все указывало на то, что домъ пустъ и давно оставленъ своими хозяевами.

Несмотря на это, Малаховъ остановилъ разъѣздъ и съ двумя Кавалергардами вошелъ въ домъ. Всюду висѣла паутина и густой слой пыли покрывалъ полъ. Осмотръ комнатъ и чердака ничего не далъ, но когда Кавалергарды спустились въ подвалъ, то среди пустыхъ бочекъ и большихъ чановъ обнаружили полевой телефонъ, а подъ однимъ изъ опрокинутыхъ чановъ, въ самомъ темномъ углу подвала и самаго освѣдомителя красныхъ. Послѣдній былъ задержанъ Малаховымъ, отведенъ къ командиру дивизіона, который отправилъ его въ штабъ дивизіи. Послѣ этого обстрѣлъ больше не повторялся.

21-го Кавалергарды были смѣнены дивизіономъ 3-го коннаго полка и ушли въ с. Обложки на присоединеніе къ полку.

11-го въ Коропѣ состоялось собраніе старшихъ офицеровъ дивизіона: гр. И.Д. Толстой, М.В. Безобразовъ, А.Н. и Ф.В. Шебеко, гр. А.Д. Толстой и гр. Вас. В. Мусинъ-Пушкинъ. Одновременно въ Лубнахъ состоялось собраніе старшихъ офицеровъ: гр. Г.А. Шереметевъ, В.Н. Звегинцовъ, кн. Г.Г. Гагаринъ, А.А. Тимашевъ и А.В. Чичеринъ.

За время пребыванія Кавалергардовъ въ Коропѣ, Гв. бригада вела 15-го наступленіе на Шостенскій пороховой заводъ и мѣстечко. Одно время цѣпи Конногвардейцевъ и Кирасиръ захватили вокзалъ и станціонный поселокъ, а эскадронъ Уланъ Его Вел. ротм. Зубова вошелъ въ самое мѣстечко. Но развить достигнутый успѣхъ бригадѣ не удалось. Подавляющій перевѣсъ красныхъ въ артиллеріи и переправа красной конницы черезъ Десну у с. Пироговка, съ выходомъ далеко за лѣвый флангъ наступающихъ частей, принудилъ бригаду прекратить бой и стойти на мѣст. Воронежъ-Глуховскій. Вторичное наступленіе бригады 19-го такъ же не имѣло успѣха.

20-го Октября, послѣ тяжелыхъ боевъ, атакъ и контръ-атакъ, красные заняли Орелъ (1). Вслѣдствіе этого Гв. бригада была переброшена въ гор. Глуховъ.

22-го Кавалергарды присоединились къ полку въ с. Обложки, гдѣ сосредоточилась вся бригада для дальнѣйшаго движенія на Глуховъ. По дорогѣ у д. Тулиголовка, на обозъ Гв. конно-артиллерійскаго дивизіона, шедшаго въ хвостѣ колонны, напала одна изъ многочисленныхъ бандъ атамана Шубы, которой удалось временно захватить нѣсколько повозокъ, немедленно отбитыхъ, подоспѣвшей командой конно-артиллерійскихъ развѣдчиковъ. Въ селѣ Обложки, кромѣ женщинъ, стариковъ и дѣтей, почти никого не было. Всѣ взрослые мужчины, вольно или невольно, находились въ бандахъ Шубы.

23-го, по совершенно раскисшей отъ непрерывныхъ дождей дорогѣ, бригада пришла въ г. Глуховъ, въ районѣ котораго оставалась

---

(1) Латышская стрѣлковая див. Калнина, стр. бр. Павлова и бригада Червонныхъ казаковъ Примакова.

до 15-го Ноября, ведя, почти ежедневно, дальнюю развѣдку съ боемъ и, одновременно, борьбу съ многочисленными, хорошо вооруженными бандами, дѣятельность которыхъ, по мѣрѣ приближенія фронта значительно усилилась.

Уѣздный городъ Глуховъ со своими старинными церквами, съ чуднымъ соборомъ въ древнемъ византійскомъ стилѣ, съ прекраснымъ иконостасомъ сѣраго мрамора, съ казармами 175 пѣх. Батуринскаго полка, казался послѣ Батурина, Коропа, Кральевца и, въ особенности, послѣ мрачнаго, грязнаго Бахмача, столицей.

Въ его окрестностяхъ, въ 20-ти верстахъ къ югу, на рѣкѣ Клевани, находился Петропавловскій монастырь, построенный въ 1230 году. Въ трехъ верстахъ, въ глухомъ вѣковомъ лѣсу, стояла старая Глинская Пустынь, славившаяся на всю округу особымъ глинскимъ звономъ своихъ колоколовъ и въ которой подвизался св. Димитрій Ростовскій. Исключительно радушное и сердечное отношеніе всѣхъ жителей Глухова еще болѣе скрашивало пребываніе полковъ въ городѣ. Это было тѣмъ болѣе цѣнно, что фронтъ все ближе и ближе подходилъ къ городу.

Кавалергарды стали въ баракахъ ремонтной комиссіи, отлично сохранившихся съ временъ Великой войны. За всѣ года гражданской войны, ни до, ни послѣ Глухова, Кавалергарды и ихъ лошади не были такъ прекрасно размѣщены. "Совсѣмъ, какъ въ Красномъ Селѣ", по опредѣленію вахмистровъ - старыхъ Кавалергардовъ Гнѣвшина и Деревянкина.

На разсвѣтѣ 27-го полкъ подъ командой полк. гр. Бенигсена, въ составѣ двухъ дивизіоновъ, Кавалергардскаго и Конногвардейскаго и одного эскадрона Кирасиръ, со всѣми пулеметными командами и I-й Гв. конной батареей, выступилъ въ направленіе на с. Маковъ и далѣе на Шостку съ цѣлью глубокой боевой развѣдки.

Когда авангардъ полка - Кавалергарды и Гв. батарея - подходилъ къ с. Слаутъ, изъ него отошелъ эскадронъ красныхъ. По словамъ мѣстныхъ жителей, слѣдующее село Сабачевъ было занято крупными силами красной пѣхоты. По распоряженію командующаго полкомъ авангардъ свернулъ съ большой дороги и втянулся въ густой лѣсъ, подходившій съ юга почти до самаго Сабачева.

Не выходя изъ лѣса рот. гр. И.Д. Толстой развернулъ дивизіонъ для атаки села. Дивизіонная конно-пулеметная команда шт.-р. А.Н. Шебеко вынеслась впередъ лавы, повернула кругомъ и открыла огонь съ тачанокъ по селу, одновременно съ батареей.

На полевомъ галопѣ Кавалергарды атаковали село, охватывая его съ трехъ сторонъ широкой лавой. Сопротивленіе красныхъ было почти сразу сломлено. Ворвавшись въ село, Кавалергарды захватили 180 плѣнныхъ и два тяжелыхъ пулемета Максима съ полными запряжками, болѣе 300 винтовокъ и нѣсколько повозокъ съ патронами. Взятые въ плѣнъ красноармейцы принадлежали къ 41 стр. див. Эйдемана.

На плечахъ убѣгавшихъ красныхъ Конногвардейцы заняли село и станцію Маковъ, захвативъ около полсотни плѣнныхъ. На ночлегъ полкъ отошелъ въ Сабачевъ, выставивъ сторожевое охраненіе отъ

Кирасиръ. Поздно ночью красные открыли артиллерійскій огонь по биваку полка.

Несмотря на неожиданность обстрѣла, полкъ и батарея вышли изъ подъ огня въ полномъ порядкѣ и отошли подъ проливнымъ дождемъ въ с. Слоутъ. Кромѣшная тьма и дождь много способствовали удачному выходу изъ села и тому, что не повторилась печальная исторія Нѣжина.

28-го въ Слоутъ подошелъ второй эскадронъ Кирасиръ и, пополнивъ запасъ патроновъ и снарядовъ, полкъ вторично выступилъ на Маковъ. Авангардъ полка - Кирасирскій дивизіонъ - выбилъ изъ Сабачева красную пѣхоту, захвативъ 65 плѣнныхъ. Продолжая наступленіе, Кирасиры заняли Маковъ.

На ночлегъ полкъ сталъ въ с. Сабачевъ. Въ охраненіе пошли Кавалергарды. На ст. Маковъ была выдвинута отдѣльная застава пор. гр. Вас. В. Мусинъ-Пушкина съ двумя тяжелыми пулеметами. Для предупрежденія возможнаго появленія краснаго бронепоѣзда, жел.-дор. полотно было разобрано во многихъ мѣстахъ и станціонныя стрѣлки были заклинены.

29-го предполагалось дальнѣйшее наступленіе на Шостку, но полкъ дошелъ только до д. Гамалѣевка въ пяти верстахъ послѣ Макова, гдѣ получилъ приказаніе вернуться въ Сабачевъ для наступленія на Ямполь, въ районѣ котораго было обнаружено накапливаніе крупныхъ силъ красныхъ.

На разсвѣтѣ 30-го, имѣя въ авангардѣ, подошедшій наканунѣ изъ Глухова, 2-ой Гв. Сводно-Кавалерійскій полкъ и 2-ую Гв. батарею, бригада выступила на мѣс. Ямполь. После короткаго обстрѣла батареями, красные были отброшены и мѣс. и ст. Ямполь были заняты авангардомъ.

Сводно-Кирасирскій полкъ находился въ резервѣ и остался на ночлегъ въ с. Гремячка. Только боковое охраненіе Конногвардейцевъ имѣло столкновеніе у хут. Турановка, откуда имъ былъ выбитъ красный эскадронъ. 3I-го полкъ вернулся въ Глуховъ, гдѣ его ожидало, пришедшее изъ Лубенъ пополненіе.

Плохая погода, продолжавшаяся весь Октябрь, еще ухудшилась. Температура рѣзко упала на -I0. По утрамъ стояли сильные заморозки и гололедка. Пользуясь временнымъ затишіемъ на фронтѣ, Кавалергарды начали перековку лошадей на зимнія подковы.

Въ Глуховѣ были получены газеты съ описаніемъ взятія Сабачева. Въ сообщеніи Ставки упоминались имена командующаго полкомъ гр. Бенигсена, командира I-ой Гв. батареи Лагадовскаго и Кавалергардовъ гр. И.Д. и А.Д. Толстыхъ и А.Н. Шебеко. Особенно подчеркивалась боевая работа Кавалергардскаго дивизіона.

4-го Ноября въ составѣ Кавалергардскаго и Конногвардейскаго дивизіоновъ и взвода 2-ой Гв. батареи, полкъ выступилъ для розыска различныхъ бандъ атамана Шубы, сильно затруднявшихъ сообщеніе съ 3-мъ конным полкомъ, стоявшимъ въ Кральевцѣ. Развѣдавъ д. Черториги и с. Дубовичи и Тулиголовка, изъ которой Конногвардейцы выбили красныхъ, полкъ сталъ на ночлегъ въ с. Обложки.

На слѣдующій день къ полку присоединился эскадронъ Кирасиръ и еще взводъ 2-ой Гв. батареи. Полкъ выступилъ на с. Ярославецъ, но дальше д. Щебры, изъ-за проливного дождя съ талымъ снѣгомъ и совершенно раскисшей дороги, сильно затруднявшей движеніе батареи, не пошелъ, а сталъ на ночлегъ въ д. Дунайцы. Красные не были обнаружены. Только Кирасиры, высланные на Ярославецъ, были обстрѣляны изъ села пулеметомъ.

На разсвѣтѣ 8-го полкъ, имѣя въ авангардѣ Кавалергардскій дивизіонъ, выступилъ на Ярославецъ. При подходѣ къ селу Кавалергардовъ, въ селѣ раздался набатъ и головной эскадронъ былъ встрѣченъ огнемъ съ околицы села и опушки ближайшаго лѣса. Батарея открыла огонь. Дивизіонъ развернулся въ лаву. № I-ый эскадронъ пошелъ на село, № 2-ой въ лѣсъ. Атака дивизіона не дала существеннаго результата. Въ лѣсу было подобрано всего двое раненыхъ и нѣсколько винтовокъ. Въ селѣ было зарублено нѣсколько красныхъ, въ томъ числѣ и звонарь, поднявшій на колокольнѣ набатъ. Вечеромъ полкъ вернулся въ Глуховъ.

Очищеніе отъ бандъ селъ и деревень въ тылу фронта, при слабомъ наличіи силъ и невозможности прочно закрѣпить за собой всѣ эти селенія, никакого положительнаго результата не давало, и причиняло полкамъ только излишнюю трепку и изматываніе людей и лошадей. Осенью 1919 г. въ Донецкомъ бассейнѣ и въ прилегавшихъ районахъ противъ Добровольческой Арміи сражалось болѣе 20-ти тысячъ партизанъ. Въ Екатеринославской губерніи около 35 тысячъ. Столько же на Кавказѣ, не считая непосредственной прифронтовой полосы. Борьба съ ними требовала огромное количество войскъ и страшно ослабляло фронтъ.

Въ ночь на 22 Октября Черниговъ, занятый 2 Дроздовскимъ конннымъ и Бѣлоозерскимъ пѣх. полками, былъ нами оставленъ подъ давленіемъ 60 стр. див. Крапивянскаго, знакомаго полку по Нѣжину, и Таращанской бр. 44 стр. див. Щорса. Въ самомъ Глуховѣ начали появляться бѣженцы изъ Орла и другихъ сѣверныхъ городовъ - первые предвѣстники грядущихъ неудачъ на фронтѣ.

9-го въ 4 часа утра къ сѣверу отъ Глухова послышалась сильная артиллерійская стрѣльба. Краснымъ удалось сбить у с. Береза сторожевое охраненіе 2-го Гв. полка. Конногвардейскій и Кирасирскій дивизіоны были спѣшно направлены на поддержку охраненія. Кавалергарды были отправлены къ югу отъ Глухова въ с. Обложки для наблюденія за Кральевецкимъ направленіемъ, гдѣ 3-ій конный полкъ съ большимъ трудомъ сдерживалъ наступленіе красныхъ.

По возвращеніи въ Глуховъ, Кавалергарды получили пополненіе: I2 конныхъ и 8 заводныхъ лошадей, 2 легкихъ пулемета Люиса и 80 комплектовъ зимняго англійскаго обмундированія, столько же папахъ, перчатокъ, башлыковъ и смѣнъ теплаго бѣлья.

I2-го утромъ обнаружился сильный и непосредственный нажимъ красныхъ на Глуховъ въ направленіе на д.д. Береза и Слоутъ, гдѣ стояло охраненіе 2-го Гв. полка. Высланные на его поддержку Конногвардейскій и Кирасирскій дивизіоны отбили наступленіе красныхъ и захватили въ конной атакѣ болѣе 200 плѣнныхъ, кухни, обозъ и канцелярію.

Наканунѣ 3-ья отд. кав. бригада красныхъ Соколова захватила Кральевецъ. Поэтому предполагаемое выступленіе Кавалергардскаго дивизіона и взвода I-ой Гв. батареи на усиленіе 3-го коннаго полка было отмѣнено. Въ дальнѣйшемъ 3-ій конный полкъ былъ, подобно 2-му Дроздовскому конному, отрѣзанъ отъ своей дивизіи и отошелъ съ частями ген. Бредова въ Польшу, гдѣ былъ интернированъ. Только въ 1920 году полкъ вернулся, черезъ Румынію въ Крымъ.

Чтобы ослабить нажимъ красныхъ на Глуховъ 2-ой Гв. полкъ съ I-ой Гв. батареей выступилъ 13-го на с. Эсманъ, 20 верстъ по Сѣвской большой почтовой дорогѣ, гдѣ полкъ имѣлъ бой съ крупными силами красной пѣхоты съ двумя батареями. Наступившая темнота не позволила развить достигнутый успѣхъ. Къ вечеру вся бригада стала въ Глуховѣ.

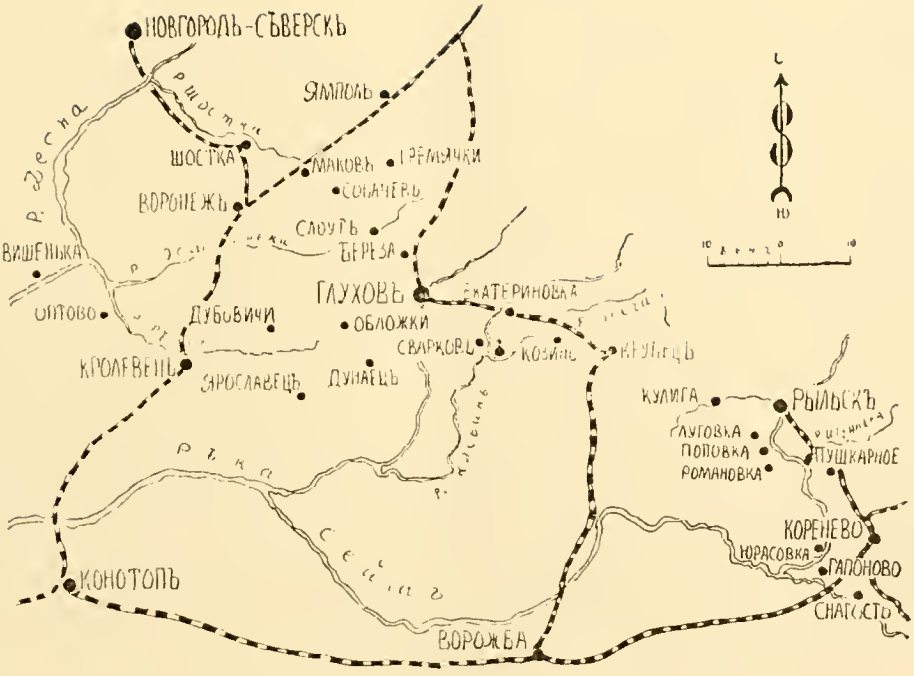
Отъ перебѣжчиковъ и плѣнныхъ выяснилось, что красные собираются атаковать Глуховъ въ ночь на 14-ое. Въ виду невозможности для конницы ввязаться въ ночной, уличный бой, штабъ дивизіи принялъ предварительныя мѣры. Всѣ обозы были еще засвѣтло сосредоточены на южной и восточной окраинахъ города. Обозъ I-го полка и I-ой батареи у выхода на Путивльскую дорогу, обозъ 2-го полка и 2-ой батареи у выхода на Рыльскую дорогу. № I-ый эскадронъ Кавалергардовъ былъ отправленъ на развѣдку лѣса, лежавшаго между двумя этими дорогами, на участкѣ с.с. Сварково и Екатериновка. № 2-ой эскадронъ съ дивизіонной конно-пулеметной командой - въ с. Обложки для наблюденія за Кральевецкимъ направленіемъ, откуда, по словамъ перебѣжчиковъ, можно было также ожидать наступленіе красныхъ на Глуховъ.

Въ послѣдніе дни пребыванія бригады въ Глуховѣ, предполагалась ея переброска въ Курскъ, гдѣ создалось тяжелое положеніе. Были запрошены свѣденія о нужныхъ полкамъ эшелонахъ, и былъ заготовленъ фуражъ. Но, въ виду невозможности получить затребованные поѣздные составы, отправка бригады по ж.-д. была отмѣнена.

Въ Кавалергардскомъ дивизіонѣ, послѣ отправки въ отпускъ части офицеровъ и Кавалергардовъ и въ запасную часть слабосильныхъ лошадей и больныхъ Кавалергардовъ.

Въ командованіе № I эскадрономъ вступилъ шт.-р. Г.Г.Раухъ, при офицерахъ: пор. Сидоровъ, гр. Вас.В. Мусинъ-Пушкинъ, кор.фонъ Адеркасъ, Мирковичъ и Чудово-Адамовичъ. № 2 эскадронъ принялъ шт.-р. А.Н. Шебеко при офицерахъ: шт.-р. Горяиновъ, кор. Ф.В.Шебеко, М.А. Роговичъ, гр. Р.В. Мусинъ-Пушкинъ. Дивизіонную конно-пулеметную команду принялъ шт.-р. П.А. Роговичъ.

Въ 23 часа, въ ночь на 14-ое Ноября, красные открыли сильный орудійный огонь по городу. Согласно приказу начальника дивизіи, части бригады вышли безъ боя изъ города и отошли на переправы черезъ Клевань. Сводно-Кирасирскій полкъ съ I-ой батареей въ с. Сварково, въ 8-ми верстахъ къ югу отъ Глухова, Сводно-Кавалерійскій полкъ съ 2-ой батареей въ с. Екатериновка на 10 верстъ на востокъ. Кавалергарды остались на своихъ мѣстахъ: № I-ый эскадронъ въ лѣсу между Сварково и Екатериновкой, № 2-ой въ селе


НОВГОРОДЪ-СѢВЕРСКЪ
ЯМПОЛЬ
ШОСТКА
МАКОВЪ
ГРЕМЯЧКИ
СОНАЧЕВЪ
ВОРОНЕЖЪ
СЛОУТЬ
ТЕРЕЗА
ВИШЕНЬКА
ОПТОВО
ДУБОВИЧИ
ГЛУХОВЪ
ЕКАТЕРИНОВКА
ОБЛОЖКИ
СВАРКОВЪ
КОЗИНЪ
КРУПЕЦЪ
КРОЛЕВЕЦЪ
ЯРОСЛАВЕЦЪ
ДУНАЕЦЪ
КУЛИГА
РЫЛЬСКЪ
ГЛУГОВКА
ПОПОВКА
РОМАНОВКА
ПУШКАРНОЕ
КОРЕНЕВО
ЮРАСОВКА
ГАПОНОВО
СНАГОСТЬ
КОНОТОПЪ
ВОРОЖБА
С
Ю

Обложки. Подступы къ городу наблюдались сѣтью разъѣздовъ, которые вели перестрѣлку съ развѣдкой красныхъ. На этихъ мѣстахъ полки простояли весь день 14-го и утро 15-го, когда получили приказаніе идти походомъ въ Курскъ по маршруту Крупецъ-Рыльскъ-Льговъ.

Когда полки выходили изъ Глухова, высланные еще за-свѣтло, фуражиры I-ой батареи не успѣли вернуться. Чтобы обезпечить ихъ возвращеніе, командиръ батареи, полк. Лагадовскій, остался по личной иниціативѣ со взводомъ своей батареи и командой конныхъ развѣдчиковъ въ городѣ. Сѣверная часть Глухова уже была занята красными, когда фуражиры вернулись и полк. Лагадовскому удалось вывести своихъ людей безъ потерь подъ обстрѣломъ красныхъ.

Въ полдень всѣ разъѣзды и № 2-ой эскадронъ Кавалергардовъ были отозваны и полкъ выступилъ на с. Козино. Въ пути къ нему присоединился № I-ый эскадронъ Кавалергардовъ.

Красные, занятые сведеніемъ счетовъ съ населеніемъ, грабежами и расправами, не помѣшали отходу полка. На слѣдующій день полкъ продолжалъ свое движеніе. Ночью поднялась сильная метель, и къ 7-ми часамъ утра, ко времени выступленія полка, всѣ дороги были занесены высокими сугробами. Температура пала на -15. Почти весь переходъ до с. Крупецъ, полкъ шелъ въ поводу, мѣняя каждые полчаса головной эскадронъ. Мѣстами снѣгъ былъ по брюхо лошади. Вечеромъ полкъ сталъ на ночлегъ въ с. Крупецъ. Туда же подошла бригада ген. Аленича изъ I-ой кав. дивизіи: полки сводно-гусарскій и сводно-уланскій. Бригадѣ была передана 2-ая Гв. батарея и она была оставлена въ Крупецѣ для обезпеченія движенія Гвардейской бригады на Рыльскъ.

Когда въ 4 часа утра полкъ выступилъ съ ночлега, метель еще усилилась. Пронизывающій вѣтеръ, морозъ -20. Дорога распознавалась только по телефоннымъ столбамъ. Полкъ не дошелъ до Рыльска и остановился въ небольшой дер. Кулиги въ 8-ми верстахъ отъ города. Совершенно неожиданно въ этой обстановкѣ было получено изъ интендантства по 40 теплыхъ англійскихъ комплектовъ бѣлья на эскадронъ. 18-го полкъ выступилъ на Рыльскъ, гдѣ уже находился, пришедшій наканунѣ, 2-ой Гвардейскій Сводно-Кавалерійскій полкъ.

Рыльскъ, небольшой, типичный старинный русскій городъ со своими церквами, съ красивымъ соборомъ, построеннымъ въ XV-мъ вѣкѣ при Василіи Шемякѣ, доживалъ послѣдніе часы, сравнительно тихой, спокойной и безмятежной провинціальной жизни. Фронтъ подошелъ вплотную къ городу. Несмотря на это, несмотря на разсказы бѣженцевъ изъ сѣверныхъ городовъ объ ужасахъ расправы чекистовъ съ населеніемъ, жители Рыльска, всѣ безъ исключенія радушно и сердечно встрѣтили полкъ.

Въ день прихода полка въ Рыльскъ, красныя стр. дивизіи: 9-ая Солодухина и Эстонская Пальварде, заняли Курскъ и дальнѣйшее движеніе Гв. бригады въ этомъ направленіи было безцѣльно. Бригада была остановлена въ Рыльскѣ съ задачей прикрыть переправу черезъ Сеймъ. Къ этому времени красные заняли обширный районъ, оттѣснивъ Добровольческую Армію на линію г.г. Тимъ, Фатежъ, Льговъ, Дмитровъ и Сѣвскъ.

Около 17 часовъ въ сторожевомъ охраненіи 2-го Гв. полка поднялась сильная ружейная, пулеметная и орудійная стрѣльба. Сводно-Кирасирскій полкъ и батарея были вызваны на поддержку охраненія. Батарея выѣхала на позицію и открыла огонь. Полкъ сталъ на сѣверной окрайнѣ Рыльска. Кирасирскій дивизіонъ влился въ цѣпи 2-го полка.

Къ вечеру стало ясно, что бригадѣ не удастся удержать рыльскій тэтъ-де-понъ. Въ 22 часа, пропустивъ 2-ой Гв. полкъ и батарею, полкъ въ свою очередь покинулъ Рыльскъ при сильномъ буранѣ и 25 градусахъ мороза.

Только въ 5 часовъ утра полкъ сталъ на ночлегъ въ д. Луговка. Ночной переходъ, хотя и небольшой, всего 6 верстъ, оказался очень тяжелымъ. Все заметающая вьюга, морозъ, къ тому же на пути оказался оврагъ съ неглубокимъ, незамерзшимъ ручьемъ, но съ крутыми, обледенѣлыми берегами. Мостъ былъ сломанъ и пришлось въ полной темнотѣ отпрягать лошадей въ пулеметныхъ тачанкахъ и въ обозѣ и переправлять всѣ повозки на рукахъ по колѣно въ водѣ. Съ полкомъ отходило изъ Рыльска нѣсколько сотенъ подводъ съ бѣженцами, которымъ пришлось помогать на переправѣ.

Все это отразилось на боевомъ составѣ полка. За одну эту ночь въ полку оказалось около 40 % отмороженныхъ. Во всѣхъ дивизіонахъ здоровые люди были сведены въ одинъ эскадронъ. Въ командованіе Кавалергардскимъ эскадрономъ вступилъ шт.-р. Раухъ. Изъ офицеровъ въ строю остались шт.-р. Горяиновъ, кор. гр. Вас. Мусинъ-Пушкинъ и Сидоровъ. Кор. М.А. Роговичъ принялъ пулеметную команду, шт.-р. А.Н. Шебеко остался на должности дивизіонера. Весь лишній обозъ, больные и отмороженные Кавалергарды и слабосильныя лошади, были отправлены въ запасную часть.

20-го трехъ-эскадронный полкъ, но со всѣми пулеметными командами отошелъ на д. Ромадановка, оставивъ въ д. Поповка охраненіе отъ Кавалергардовъ.

Прошло двое сутокъ со времени оставленія Рыльска и только около 12 часовъ красная пѣхота подошла къ охраненію. Встрѣченные огнемъ и понеся потери, красные отошли. Почти четыре часа на Кавалергардскихъ застав хъ царила полнѣйшая тишина. Затѣмъ красные уже значительно въ большихъ силахъ, съ артиллеріей возобновили наступленіе.

Остальная часть полка подошла къ главной заставѣ, чтобы усилить Кавалергардовъ, но одновременно съ этимъ было получено приказаніе штаба дивизіи не ввязываться въ бой, а отойти на с. Пушкарное, гдѣ закрѣпиться на переправѣ черезъ Игруньку. Выходъ изъ боя состоялся подъ прикрытіемъ Кавалергардовъ, сдерживавшихъ еще болѣе часа наступленіе красныхъ. Кавалергарды потеряли шесть раненыхъ, въ томъ числѣ ефр. Скаржинскаго (лицеиста), раненаго тремя шрапнельными пулями.

21-го безъ всякого давленія вся бригада отошла на мѣс. и узловую станцію Коренево, куда подошла изъ 1-ой кав. дивизіи бригада ген. Барбовича (1-ый Алексѣевскій и 10 Ингерманландскій). Ген. Барбовичу удалось проскочить черезъ Льговъ, уже

занятый красными, ночью въ страшную метель. Подъ Льговомъ было потеряно 4 бронепоѣзда и почти полностью уничтожены Дроздовскій и Самурскій пѣх. полки.

Наступила зима. Не проходило дня безъ снѣжныхъ метелей и сильнаго сѣвернаго вѣтра. Понемногу всѣ лощины, овраги заносились сугробами. Дороги стали еле замѣтными и трудно проходимыми. 20-ти градусные морозы стали обычнымъ явленіемъ. Повозки колеснаго обоза, начиная съ пулеметныхъ тачанокъ, были замѣнены санями.

22-го для обезпеченія лѣваго фланга конницы, занимавшей переправы на р. Сеймъ и для связи съ бригадой ген. Аленича, ведущей бои въ районѣ Ворожбы и Бѣлополья, Сводно-Кирасирский полкъ выступилъ на с. Гапоново.

За ночь намело такъ много снѣга, что полкъ пришелъ въ Гапоново только къ II-ти часамъ. Охраненіе было выставлено отъ Кирасиръ и отъ нихъ же была выслана развѣдка по ту сторону Сейма въ д. и хут. Юрасово, которые оказались занятыми красной пѣхотой.

Село Гапоново расположено на обрывистомъ, крутомъ берегу Сейма и вытянулось вдоль рѣки въ одну, мѣстами въ двѣ улицы. Противоположный берегъ, низменный и замерзшіе плавни были покрыты густымъ кустарникомъ. Къ сѣверо-восточной околицѣ подходилъ густой лѣсъ, вдоль котораго лежала единственно возможная для движенія дорога. Къ югу за селомъ находилась ст. Гапоново, на ж.-д. линіи Коренево-Ворожба. Въ 30 верстахъ къ западу у д. Теткино бриг. ген. Аленича вела бой, но связаться съ нею не было никакой возможности. Дворы, занятые Кавалергардами, находились на самомъ обрывѣ и оттуда хорошо были видны и Юрасово, и ближайшіе хутора. Рано утромъ 23-го Кавалергарды смѣнили въ охраненіи Кирасиръ, выставивъ три караула: на колокольнѣ и на обѣихъ околицахъ села.

Утро прошло спокойно. Густой туманъ, поднявшійся съ рѣки, постепенно заволокъ все непроглядной пеленой. Къ полудню туманъ началъ постепенно разсѣиваться и постъ съ колокольни донесъ о движеніи у красныхъ. На льду рѣки ясно выдѣлялся хвостъ пѣхотной колонны красныхъ, втягивающійся въ лѣсъ. Небольшой заслонъ, около 50 человѣкъ съ двумя пулеметами, открылъ огонь по деревнѣ.

Кавалергардскіе пулеметы: четыре тяжелыхъ и столько же легкихъ, были выставлены на самомъ оврагѣ и въ свою очередь открыли огонь. Эскадронъ сосредоточился на второй улицѣ, хорошо прикрытый домами отъ огня.

Завязавшаяся перестрѣлка была прекращена приказаніемъ штаба дивизіи: не ввязываться въ бой, а отойти къ штабу въ с. Снагость. Полкъ немедленно двинулся въ Снагость. Кавалергардамъ было приказано снять охраненіе и догонять полкъ.

Пока собирались посты и снимались съ позиціи пулеметы, полкъ былъ уже далеко. Наконецъ, весь эскадронъ собрался и рядами, т.к. занесенная снѣгомъ дорога не позволяла другого строя, рысью вытянулся изъ села. Незамѣченные въ туманѣ красные успѣли войти въ лѣсъ и, когда Кавалергарды подходили къ его опушкѣ, то были встрѣчены ружейнымъ огнемъ почти въ упоръ.

Развернуть эскадронъ для атаки въ снѣжныхъ сугробахъ, было невозможно. Шт.-р. Раухъ поднялъ эскадронъ въ галопъ, какъ онъ шелъ, рядами, Кор. Роговичу приказалъ открыть пулеметный огонь, съ саней, какъ только эскадронъ минуетъ поворотъ. Увидавъ несущійся прямо на нихъ эскадронъ, красные оторопѣли, рѣшивъ, что Кавалергарды ихъ атакуютъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что снѣжные сугробы этого не позволятъ. Стрѣляли они безпорядочно и плохо. Большинство стало убѣгать вглубь лѣса.

Наконецъ Кавалергарды доскакали до поворота и пошли вдоль опушки. Пулеметныя сани шли карьеромъ за эскадрономъ, подпрыгивая на снѣжныхъ сугробахъ. Пулеметы безостановочно стрѣляли по опушкѣ. Съ вѣтвей падали густые хлопья снѣга. Въ лѣсу раздавались крики и стоны раненыхъ. Гулко отзывалась въ немъ неумолкаемая чечетка пулеметовъ.

Заскочивъ за слѣдующій изгибъ дороги, эскадронъ перешелъ въ шагъ. Вслѣдъ за эскадрономъ, пулеметная команда отходила перекатами, держа подъ непрерывнымъ огнемъ опушку лѣса,не давая возможности краснымъ выйти изъ лѣса. Во время отхода, начальникъ пулеметной команды кор. М.А. Роговичъ былъ раненъ въ поясницу въ тотъ моментъ, когда онъ остановился, чтобы удостовѣриться, что всѣ пулеметы слѣдуютъ за нимъ. Подъ затихающимъ огнемъ красныхъ, его сняли съ лошади и уложили на пулеметныя сани. Кромѣ него было еще легко ранены два Кавалергарда, убиты двѣ лошади и четыре ранено.

Кавалергарды догнали полкъ въ с. Снагость, гдѣ въ красивомъ домѣ усадьбы кн. Барятинскихъ стояла полковая санитарная летучка. Докторъ Захаровъ осмотрѣлъ и перевязалъ раненыхъ. Рана Роговича оказалась очень тяжелой. У него была задѣта прямая кишка и онъ скончался черезъ два дня.

Полкъ выступилъ на д. Гордѣевку, гдѣ сталъ на ночлегъ въ теплыхъ широкихъ квартирахъ. Весь переходъ дулъ сильный сѣверный вѣтеръ и безостановочно мела метелица. Дорога была завалена сугробами и полку приходилось часто спѣшиваться.

Вечеромъ въ Гордѣевку пришла бриг. ген. Барбовича. Чтобы дать возможность ея полкамъ стать болѣе свободно, полкъ перешелъ на слѣдующее утро въ д. Владиміровку. Вечеромъ въ охраненіи бригады ген. Барбовича поднялась перестрѣлка, скоро замолкшая.

25-го, за долго до разсвѣта, полкъ перешелъ въ с. Алексѣевка. На его мѣсто во Владиміровку долженъ былъ перейти ген. Барбовичъ. Подъ Владиміровкой было рѣшено задержаться и принять бой. Въ Алексѣевкѣ полкъ былъ разведенъ по дворамъ, оставаясь въ полной боевой готовности.

До полудня на фронтѣ все было тихо. Только въ обѣдъ раздались первые выстрѣлы завязавшагося боя. Полкъ выстроился у выхода на Владимірскую дорогу. Красные ввели въ бой крупныя силы и огонь съ обѣихъ сторонъ достигъ большого напряженія. Очень скоро со стороны с. Бѣловоды обозначился обходъ праваго фланга бригады Барбовича.

Для его парированія Кавалергардскому эскадрону было приказано выдвинуться въ направленіе на Ново-Николаевку - Бѣловоды. Отъ эскадрона былъ высланъ головной разъѣздъ пор. гр. Вас. Мусинъ-Пушкина. Миновавъ Ново-Николаевку, разъѣздъ продолжалъ движеніе на Бѣловоды, дойти до котораго ему не удалось. Пройдя всего три версты послѣ Ново-Николаевки, гр. Мусинъ-Пушкинъ столкнулся съ красной пѣхотой и конницей.

Тѣмъ временемъ шт.-р. Раухъ занялъ сѣв.-вост. околицу Николаевки всѣми легкими пулеметами съ небольшимъ прикрытіемъ. Ядро эскадрона съ тяжелыми пулеметами заняло позицію на высокомъ гребнѣ, не доходя до Николаевки, откуда хорошо обстрѣливалось село, занесенный снѣгомъ оврагъ передъ селомъ и дорога.

Очень скоро пулеметы въ Николаевкѣ открыли огонь по красной пѣхотѣ и конницѣ, преслѣдовавшей отходящій разъѣздъ и эскадронъ I-го Алексѣевскаго коннаго полка, отходившаго также на Николаевку. Несмотря на свое численное превосходство, красные дѣйствовали вяло. Пѣхота залегла, конница спѣшилась. Гр. Мусинъ-Пушкину былъ посланъ остатокъ его взвода и, вмѣстѣ съ Алексѣевцами, имъ была занята цѣпью околица села.

Подъ самый вечеръ, на усиленіе Кавалергардовъ былъ присланъ эскадронъ Кирасиръ. Въ командованіе дивизіономъ вступилъ рот. А.Н. Шебеко. Вялая перестрѣлка понемного затихла. Съ темнотой красные отошли. Когда совсѣмъ стемнѣло, Кирасирамъ и Алексѣевцамъ было приказано отойти къ своимъ полкамъ, Кавалергардамъ же оставаться на занятой позиціи до тѣхъ поръ, пока всѣ полки ген. Барбовича не пройдутъ черезъ Алексѣевку, послѣ чего идти на ночлегъ въ с. Большая Писаревка.

Для обезпеченія лѣваго фланга конной группы, полкъ рано утромъ 26-го, перешелъ въ с. Хотень, въ трехъ верстахъ къ западу отъ Б. Писаревки. Сильно запруженное русло р. Олешня было занято у с. Хотень Кавалергардами, выставившихъ на перекрестокъ дорогъ въ трехъ верстахъ къ сѣверу, взводъ гр. Вас. Мусинъ-Пушкина съ двумя пулеметами. У дер. Заболотье, Кровное и Рудневка стали заставы Конногвардейцевъ и Кирасиръ. Въ Хотень было доставлено по 50 мѣшковъ сахара на эскадронъ съ сосѣднихъ сахарныхъ заводовъ.

Къ этому времени бригада ген. Аленича, отходившая на Ворожбу, подошла черезъ Виры на д. Головачевку у ж.-д. Ворожба - Сумы. Поздно ночью полкъ былъ смѣненъ Своднымъ полкомъ 12-ой кав. див. полковника Псёлъ, и ушелъ на ночлегъ въ д. Рудневку. Ночью гр. Вас. Мусинъ-Пушкинъ заболѣлъ тифомъ, первая жертва въ полку той страшной эпидеміи, которая обрушилась на всю армію. Въ ту же н ночь онъ былъ эвакуированъ.

Утромъ 27-го, оставивъ въ д. Песчанная на р. Олешнѣ эскадронъ Кирасиръ, полкъ стошелъ на д. Парное. Вечеромъ полкъ отошелъ на ночлегъ въ предмѣстіе г. Сумы, Лука. Въ д. Барановка на лѣвомъ берегу р. Псіолъ, охраненіе было выставлено отъ Кирасиръ.

Послѣ сильныхъ морозовъ неожиданно наступила ростепель и проливные дожди. Снѣгъ, лежавшій крѣпкимъ настомъ, растаялъ, превративъ всѣ дороги и поля въ мѣсиво черной, непролазной грязи.

Отъ внезапного подъема воды рѣки вздулись и левады, овраги и болота стали непроходимыми.

28-го красные перешли въ наступленіе на Сумы. Рано утром Сводно-Кирасирский полкъ сосредоточился въ д. Барановка, куда подошли 2-ой Гвардейскій полкъ и I-ая Гв. батарея. Гвардейской бригадѣ было приказано переправиться черезъ р. Псіолъ у с. Большая Чернетчина и занять у д. Пушкаревка и с. Александровка выходы изъ лѣсовъ на сѣверномъ берегу рѣки.

Дойдя до Чернетчины выяснилось, что мостъ и плотина у села были прорваны водой и вся долина рѣки превращена въ непролазную топь, исключающую для батареи возможность переправиться черезъ Псіолъ. Поэтому въ Чернетчине былъ оставленъ только Сводно-Кирасирский полкъ съ двумя орудіями. Остальная часть бригады была возвращена въ Сумы.

Конногвардейскій эскадронъ былъ отправленъ въ Пушкаревку. Кавалергарды заняли сѣверную околицу села вдоль р. Псіолъ и выходъ на лѣсную дорогу въ хут. Литварова. Лѣса на южномъ берегу Псіола занимали огромную, непрерывную площадь, протяженіемъ болѣе 20 верстъ къ югу и еще больше к западу и подходили почти вплотную къ Чернетчинѣ.

Около I6 часовъ наступленіе красныхъ сказалось непосредственно на участкѣ полка. Отъ Конногвардейцевъ было получено донесеніе, что красные вышли изъ лѣса и атаковали Пушкаревку крупными силами пѣхоты и конницы и, что эскадронъ не въ состояніи удержать за собою деревню. Черезъ часъ Конногвардейцы отошли на Чернетчину.

Густой туманъ неожиданно заволокъ всю долину рѣки. Подъ его прикрытіемъ, вскорѣ по приходу Конногвардейцевъ, красные вышли изъ лѣса и подошли вплотную къ западной околицѣ села, обстрѣлявъ его изъ нѣсколькихъ пулеметовъ. Кавалергарды сосредоточились на западной окрайнѣ села, Кирасиры и Конногвардейцы заняли сѣверную. Красные, продолжая свое наступленіе, постепенно охватывали кольцомъ Чернетчину, стараясь отрѣзать полку пути отступленія.

Кавалергардамъ было приказано прикрыть выходъ полка изъ боя. Кирасиры и часть Конногвардейцевъ отошли на д. Барановку, гдѣ получили приказаніе удерживать мостъ черезъ Псіолъ, пока остальныя части конницы не пройдутъ черезъ Сумы (I).

Кавалергарды, прикрывая отходъ полка, постепенно отходили вглубь села, ведя въ сплошномъ туманѣ уличный бой, затѣмъ отошли на с. Малая Чернетчина, гдѣ заняли сторожевое охраненіе. Кромѣ нихъ въ Малой Чернетчинѣ оказались штабъ полка, два орудія и взводъ Конногвардейцевъ.

(I) Сумы были окончательно заняты 29 ноября 4I стр. див. красных Агуреев, стр.I27.

ВОРОЖБА
ГОРДѢЕВКА
ВЛАДИМІРОВКА
НОВ. НИКОЛАЕВКА
АЛЕКСѢЕВКА
ЮНАКОВКА
ХОТЕНЬ
ПИСАРЕВКА
СУДЖА
РУДНЕВКА
СТЕЦКОВКА
ПАРНОЕ
ПЕСЧАННОЕ
БОЛ.
ЧЕРНЕТЧИНА
МАЛ.
БАРАНОВКА
СУМЫ
С
Ю
Р. ПСЁЛЪ
ВЕР
НИЖ
СЫРОВАТКА
БОЛ
МАЛ
БОБРИКЪ
БОЛ
ИСТОРОПЬ
МАЛ.
БОРОМЛЯ
ЛЕБЕДИНЪ
Р. КОРОВА
Р. ВОРСКЛИЦА
БѢЛКА
Р. ГОРОМЛЯ
РАДОМЛЯ
ТАРАСКА
ТРОСТЯНЕЦЪ
СМОРОДИНО
КРАМЧАТКА
СОЛДАТСКОЕ
ВОЛЬНОЕ
ЯМНОЕ
Р. ВОРСКЛА
АХТЫРКА

Въ теченіи дня на правомъ, западномъ берегу р. Псіолъ, южнѣе Сумъ, бриг. ген. Аленича, отходя отъ Шпилевки на Сумскую Ворожбу, наткнулась на встрѣчное наступленіе красныхъ и, не имѣя возможности ихъ отбросить, отошла на с. Большая Исторопь, переправившись черезъ Псіолъ у Нижней Сыроватки.

29-го на разсвѣтѣ, подъ покровомъ еще болѣе густого тумана, красные повторили свой вчерашній маневръ, выйдя изъ прилегавшаго вплотную лѣса въ тылъ правофланговой Кавалергардской заставы шт.-р. Горяинова, которую немедленно усилила остальная часть эскадрона, разсыпавшись въ цѣпь вдоль огородовъ.

Вялая перестрѣлка въ сплошномъ туманѣ продолжалась около трехъ часовъ. Затѣмъ, легко оторвавшись отъ красныхъ, Кавалергарды отошли на ночлегъ въ мѣст. Нижняя Сыроватка, гдѣ сосредоточилась вся Гвардейская бригада. На переправѣ черезъ Псіолъ въ с. Низы было выставлено охраненіе отъ Кирасиръ.

Гор. Лебединъ былъ занятъ красными и, тѣмъ самымъ, обозначился глубокій и непосредственный обходъ обоихъ фланговъ конной группы и со стороны Суджи и со стороны Лебедина. Для облегченія создавшейся угрозы и расширенія фронта для свободнаго выхода изъ образовавшагося почти полнаго кольца Гв. бригада была смѣнена Своднымъ полкомъ 12 кав. див. и оттянута 30-го на с. Большая Исторопь. Стоявшая тамъ бригада ген. Аленича была, въ свою очередь оттянута къ югу отъ ж.-д. Сумы-Лебединъ, для прикрытія крайняго лѣваго фланга конницы со стороны Лебедина.

Въ теченіи всего дня 30-го на участкѣ Гв. бригады красные не проявили никакой дѣятельности. Но это спокойствіе, необычайное для всѣхъ предыдущихъ дней, продолжалось недолго. Въ три часа утра 1-го Декабря, красные вновь перешли въ наступленіе и атаковали сторожевое охраненіе Конногвардейцевъ. Сторожевой резервъ - Кавалергарды - немедленно подошелъ къ лѣвому флангу охраненія и занялъ цѣпью западную и юго-западную околицы села, держа подъ пулеметнымъ огнемъ Лебединскую дорогу, опушку лѣса и мостъ черезъ Ревку. Затѣмъ, когда немного посвѣтлѣло, шт.-р. Раухъ выдвинулъ свои пулеметы, взявшіе подъ продольный огонь красныя цѣпи, и заставилъ ихъ отойти въ лѣсъ.

Когда же совершенно разсвѣло, армейская бригада ген. Барбовича смѣнила Сводно-Кирасирскій полкъ и перешла въ энергичное наступленіе, отбросивъ красныхъ за р. Псіолъ, противъ Сумской Ворожбы, но переправиться черезъ рѣку бригада не смогла. Во время ночной перестрѣлки Кавалергарды потеряли ранеными вахмистра подпрапорщика Гнѣвшина и трехъ Кавалергардовъ.

Къ 10 часамъ утра Гв. бригада сосредоточилась у сахарнаго завода въ резервѣ конной группы. Вечеромъ она отошла на ночлегъ въ с. Малая Исторопь на 6 верстъ къ югу.

Въ ночь на 2-ое Декабря бригада ген. Аленича, стоявшая въ районѣ хут. Юхнова, заняла безъ боя г. Ахтырку. Выдвиженіе бригады въ Ахтырку было вызвано необходимостью обезпечить конницу отъ болѣе глубокого обхода ея лѣваго фланга и сохранить за нею пути отхода. На мѣсто полковъ ген. Аленича была переведена Гв.

бригада, занявшая на разсвѣтѣ 2-го декабря рядъ хуторовъ южнѣе ж.-д. на Лебединъ. Полкъ сталъ въ хуторѣ Стеблянкинъ. Отъ Кирасиръ были высланы разъѣзды на сѣверъ на д. Батраковъ и село Рябушки.

Въ I7 часовъ въ наступающей темнотѣ, Гв. бригада получила приказаніе перейти въ с. Радомля, къ западу отъ ж.-д. Сумы-Богодуховъ. Подходя къ мѣст. Бѣлки, когда уже почти вся бригада втянулась въ мѣстечко, она неожиданно попала подъ ружейный и пулеметный огонь красныхъ, подошедшихъ почти одновременно съ бригадой къ Бѣлки.

На рысяхъ бригада вышла изъ мѣстечка на д. Алексѣевку, гдѣ ей надлежало переправиться черезъ р. Баромлю. Прикрывать отходъ бригады остался эскадронъ 2-го полка съ орудіемъ Гв. батареи. Но переправиться у Алексѣевской, бригадѣ не удалось. Мостъ былъ разрушенъ и бригада пошла южнѣе на с. Тростянецъ, гдѣ перейдя рѣку стала на ночлегъ въ д. Смородино въ полночь на 3-е Декабря.

3-го, въ 5 час. утра, въ предрасвѣтной темнотѣ зимняго, морознаго утра, бригада выступила съ ночлега на станцію Смородино для выполненія, поставленной ей наканунѣ задачи, занять село Радомлю. Пройдя станцію 2-ой полкъ спѣшился и начала наступленіе цѣпями западнѣе Сумского шоссе. Прикрывая его правый флангъ вдоль опушки лѣса, шла Кавалергардская лава. Лѣвый флангъ охранялся конными заставами Конногвардейцевъ. Кирасиры прикрывали батарею и коноводовъ. Наступленіе бригады протекало успѣшно и красные постепенно очищали свои позиціи. Около I0 часовъ было получено донесеніе отъ ген. Аленича, что красные выбили его изъ Ахтырки и оттѣснили его на хут. Высокій въ 6-ти верстахъ по Грайворонскому шоссе (I).

Появленіе красныхъ въ 24 верстахъ въ тылу и за лѣвымъ флангомъ конницы создало серьезную угрозу захвата путей ея отступленія. Ген. Барбовичу, вступившему послѣ заболѣвшаго ген. Миклашевскаго въ командованіе сводной дивизіей: Гв. бригада + I-й Алексѣевскій кон. и I0-й Ингерманландскій гус. полки, было приказано выйти изъ боя и перейти всей дивизіей въ с. Пожня на рѣкѣ Ворсклицѣ на 28 верстъ отъ Смородино.

Преслѣдуемые бѣглымъ огнемъ Гв. батареи, красные при своемъ отступленіии изъ Радомли, не замѣтили отхода бригады и дали ей возможность легко выйти изъ боя. Пройдя с. Люжа и д. Ницаха, дивизія переправилась у с. Солдатское на восточный берегъ Ворсклицы и пошла, прикрываясь ею, на Пожню. Но дойти до села дивизія не смогла. Недоходя до с. Крамчатка-Тарасовка, авангардъ дивизіи - Гв. бригада - былъ обстрѣлянъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ.

2-ой полкъ спѣшился и повелъ наступленіе на село. На правомъ флангѣ цѣпей въ конномъ строю шелъ Кавалергардскій эскадронъ, на лѣвомъ Кирасиры. Конногвардейцы прикрывали коноводовъ и батарею.

(I) 4I стр. див. заняла Ахтырку, 46 стр. див. Грайворонъ. Агуреев, I27.

Подойдя къ Крамчаткѣ-Тарасовкѣ, Кавалергардская лава была встрѣчена огнемъ. Несмотря на наступившую ночь и густой туманъ, Кавалергарды атаковали и ворвались въ село, зарубивъ нѣсколько пѣхотинцевъ, остальнымъ удалось уйти черезъ огороды. Туманъ былъ настолько густой, что не только преслѣдовать, но и видѣть что-нибудь далѣе десяти шаговъ было невозможно.

Не желая ввязываться въ ночной бой, при полной неизвѣстности, гдѣ и какія силы красныхъ находятся противъ дивизіи, ген. Барбовичъ отмѣнилъ дальнѣйшее движеніе на Пожню и рѣшилъ отвести свои полки за рѣку Ворсклу въ районъ с. Ямное - Большая Писаревка. Прикрывать отходъ дивизіи были оставлены: Кавалергарды въ Крамчаткѣ-Тарасовкѣ, Конногвардейцы и Кирасиры въ с. Солдатскомъ. Послѣ рѣдкой перестрѣлки съ невидимыми въ туманѣ красными, полкъ отошелъ въ арьергардѣ дивизіи на с. Доброньское, гдѣ началъ переправу по льду черезъ Ворсклу.

Вновь наступившіе морозы не успѣли достаточно крѣпко сковать ледъ, поэтому полки переправлялись черезъ рѣку въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Тѣмъ не менѣе въ Дроздовской батареѣ, почти у выхода на восточный берегъ, одно изъ орудій провалилось и было вытащено лишь утромъ.

То же самое произошло при переправѣ Кавалергардскаго эскадрона: подъ одними пулеметными санями ледъ не выдержалъ и они, вмѣстѣ съ лошадьми, ушли подъ ледъ. Пулеметъ и сани удалось сразу вытащить, но одна изъ дышловыхъ лошадей утонула.

Въ 5 часовъ утра 4-го Декабря, послѣ 24 часовъ, во время которыхъ полкъ прошелъ съ боемъ болѣе 40 верстъ, онъ сталъ въ с. Ямное. Лошади еле шли, а всадники засыпали на ходу. Но воспользоваться отдыхомъ въ Ямномъ Кавалергардамъ не пришлось. Немедленно по приходу въ село, эскадронъ былъ назначенъ въ сторожевое охраненіе въ с. Вольномъ и д. Стрѣлецкой на западномъ берегу Ворсклы.

Оба села, Ямное и Вольное, очень большія, болѣе 400 дворовъ въ каждомъ. Множество пустырей, кривыхъ, извилистыхъ улицъ, переулковъ и тупиковъ расползлись во всѣ стороны. Оба села раздѣлялись рѣкой Ворсклой, черезъ которую лежалъ крѣпкій каменный мостъ. Сразу у моста большая Сумская дорога развѣтвлялась къ югу на Богодуховъ, къ западу на Грайворонъ.

Во время перехода пулеметчики могли, хоть немного, выспаться въ саняхъ и были въ сравненіи съ эскадрономъ, менѣе измотаны. Начинало свѣтать. Мѣстность впереди была совершенно открытая и опасаться неожиданнаго и незамѣтнаго подхода красныхъ не приходилось. Поэтому, чтобы дать эскадрону, хоть немного отдохнуть, охраненіе было занято одними пулеметами. Одинъ изъ нихъ былъ оставленъ у моста.

Прошло три часа со времени занятія охраненія. За это время успѣли накормить людей и лошадей. Около 9 утра, вдоль Сумской дороги показалось человѣкъ 100 красной конницы. Встрѣченные огнемъ пулеметовъ, красные, потерявъ нѣсколько всадниковъ, отошли.

Почти вслѣдъ за этимъ авангардомъ, появились крупныя силы красной конницы, которая, развернувшись на широкомъ фронтѣ, повела энергичное наступленіе на Вольное, охватывая его кольцомъ съ востока, сѣвера и запада. Вдали за красной лавой, виднѣлись густыя колонны конницы.

Силы, столкнувшіяся у Вольнаго, были настолько неравны, что всякая возможность Кавалергардамъ удержать за собою село и его тэтъ-де-понъ, была заранѣе предрѣшена. Оставалось только задерживать красныхъ, какъ можно дольше, чтобы дать возможность полкамъ и обозамъ своевременно выйти изъ села.

Постепенно отходя вглубь села, Кавалергарды сдерживали наступленіе красныхъ около часа. Затѣмъ, когда всѣ пулеметные ленты и круги были разстрѣляны, а два тяжелыхъ пулемета заклинились, шт.-р. Раухъ отправилъ эскадронъ съ шт.-р. Горяиновымъ на присоединеніе къ полку, а самъ съ однимъ пулеметомъ Люиса остался прикрывать отходъ эскадрона. Наконецъ, эскадронъ и пулеметы благополучно вышли изъ села. Еще нѣсколько минутъ, чтобы дать эскадрону возможность отойти полальше, и можно будетъ послѣднему пулемету выйти изъ села. Но въ ту самую минуту, когда Раухъ собирался окончательно покинуть село, десятка два красныхъ всадниковъ бросились на пулеметъ. Пулеметъ выпустилъ свой послѣдній кругъ. Почти всѣ всадники были убиты, остальные ускакали, не рѣшаясь вновь атаковать. Воспользовавшись этой короткой передышкой, послѣдніе Кавалергарды вышли изъ села.

За это время дивизія успѣла выйти изъ Ямнаго и развернуться западнѣе большой дороги изъ Писаревки на Ахтырку. Кирасиры стали въ прикрытіе къ Гв. батареѣ, Конногвардейцы, оставленные наканунѣ на переправѣ черезъ Ворсклу, находились еще въ с. Добреньское. Кавалергарды пристроились къ 2-му полку въ резервѣ дивизіи.

Занявъ оба села и переправу черезъ Ворсклу, красная конница продолжала свое наступленіе, но едва ея головныя части показались на выходахъ изъ Ямнаго, какъ они были загнаны обратно огнемъ Гвардейской и двухъ Дроздовскихъ батарей. Подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня, армейская бригада выдвинулась въ сторону Ямнаго и всѣ повторныя попытки красныхъ выйти изъ Ямнаго были остановлены. Подъ вечеръ бой затихъ. Гв. бригада отошла на ночлегъ въ д. Иваны, верстъ на 9 къ югу, гдѣ къ полку присоединился Конногвардейскій эскадронъ.

Одновременно съ боемъ у Ямнаго, бригада ген. Аленича вела наступленіе на Ахтырку. Но взять обратно городъ ей не удалось. Бригада отошла, сначала въ исходное положеніе, а затѣмъ еще дальше на 10 верстъ по Богодуховскому шоссе, въ д. Веселая за рѣкой того же названія.

Ночь прошла совершенно спокойно. Красные не развивали достигнутаго успѣха, ограничившись занятіемъ переправъ у Б. Писаревки и Ямнаго. Никакого продвиженія красныхъ въ сторону Богодухова охраненіе дивизіи не обнаружило. Ген. Барбовичъ рѣшилъ нанести краснымъ короткій ударъ и отбросить ихъ за Ворсклу.

5-го Декабря въ 5 часовъ утра, еле отдохнувъ, полкъ вытягивался изъ д. Иваны въ авангардѣ дивизіи. Головнымъ эскадрономъ шли Кавалергарды. За ночь къ краснымъ въ Ямное подошла пѣхота и артиллерія. Кавалергардскія походныя заставы обнаружили, не доходя до Ямнаго, колонну красной пѣхоты, шедшую навстрѣчу дивизіи. Кавалергарды спѣшились и, въ ожиданіи подхода дивизіи, заняли цѣпью гребни бугровъ и завязали перестрѣлку съ развернувшейся пѣхотой. Подошедшіе эскадроны полка удлинили цѣпь. Конногвардейцы вправо, Кирасиры влѣво.

Постепенно вся дивизія втянулась въ бой. Три батареи открыли огонь. На участкѣ полка, его цѣпи начали продвигаться впередъ и подошли къ небольшой, замерзшей рѣчкѣ, притокѣ Ворсклы, почти у самаго Ямнаго. Ледъ былъ настолько крѣпокъ, что цѣпи легко перешли рѣчку.

Въ это время обнаружился обходъ красными лѣваго фланга полка, настолько глубокій, что Кирасирамъ пришлось загнуть свою цѣпь почти на 90 градусовъ. Такой же обходъ праваго фланга дивизіи обнаружился и со стороны Большой Писаревки.

Временно пренебрегая этимъ направленіемъ, ген. Барбовичъ приказалъ эскадрону Лейбъ-Драгунъ ротм. Де Витта - резервъ Гв. бригады - атаковать красныхъ, охватывавшихъ Кирасиръ. Одновременно взводъ Гв. батареи съ ея командиромъ полк. Лагадовскимъ, вынесся впередъ, и открылъ продольный огонь по краснымъ цѣпямъ.

Коноводы полка были вызваны ка цѣпямъ. Пока они подходили и полкъ садился, красные, сбитые мѣткимъ огнемъ Гв. батареи, начали спѣшно отходить на Ямное, увлекая за собой цѣпи, что находились передъ полкомъ и тѣ, что появились со стороны Б.Писаревки.

Кавалергарды, Конногвардейцы и Лейбъ Драгуны атаковали красныхъ, отступающихъ западнѣе рѣчки. Нѣсколько армейскихъ эскадроновъ атаковали ихъ восточнѣе рѣчки. Всѣ эти эскадроны одновременно ворвались въ Ямное, перерубивъ красныя цѣпи и захвативъ въ селѣ болѣе 200 плѣнныхъ. Но большинство красной пѣхоты, какъ и батареи, успѣли уйти черезъ Ворсклу в Вольное. Съ темнотой бой затихъ. Гв. бригада отошла на ночлегъ въ Иваны, армейская на с. Варваровка. Въ Ямномъ и въ Б. Писаревкѣ были оставлены слабыя сторожевыя заставы.

За бой 5-го Декабря полкъ потерялъ болѣе 20-ти человѣкъ,что для трехъ эскадроновъ слабаго состава было очень чувствительно. Больше всего потеряли Кирасиры. Командиръ ихъ эскадрона Шт.-р. Кучинъ былъ раненъ. Кавалергарды потеряли трехъ человѣкъ, въ томъ числѣ унтеръ-офицера Данилова, и шесть лошадей.

Кирасирскій эскадронъ былъ сведенъ во взводъ и приданъ Кавалергардамъ, въ рядахъ которыхъ онъ принялъ участіе во всѣхъ бояхъ до 20-го Декабря, когда крупное пополненіе дало возможность вновь развернуть полкъ въ четыре эскадрона.

Во время второго боя у Ямполя, бригада ген. Аленича, ведя аріергардный бой, отошла черезъ с. Каплуновка на с. Никитовка, въ 12 верстахъ къ западу отъ гор. Богодухова.

Ген. Чекатовскій, вступившій въ командованіе V К.К. (I), остался крайнѣ недоволенъ дѣйствіями ген. Аленича. Отходъ бригады не оправдывался боевой обстановкой ни на фронтѣ дивизіи ген. Барбовича, ни на ея собственномъ фронтѣ. 6-го Декабря бригада оставила с. Никитовка и отошла на 6 верстъ къ югу, за рѣку Мерля, въ д. Гуты. Командиръ корпуса приказалъ ген. Аленичу возстановить положеніе и закрѣпиться въ покинутомъ имъ селѣ Никитовка.

Но за истекшія сутки, красные успѣли прочно укрѣпить Никитовку и всѣ усилія ген. Аленича занять село не удались. Во время ночного боя село нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки. Въ результатѣ красные не только удержали село, но и отбросили бригаду на 25 верстъ къ югу отъ Богодухова, въ с. Александровка, гдѣ 7-го Декабря сосредоточилась вся I-ая кав.дивизія.

Такимъ образомъ, Богодуховъ не только былъ оставленъ безъ боя, но между обѣями кавалерійскими дивизіями образовался прорывъ въ 70 съ лишнимъ верстъ. Поэтому, когда 6-го Декабря дивизія ген. Барбовича вновь развернулась на фронтѣ Большая Писаревка - Ямное, для форсированія рѣки Ворсклы, штабъ корпуса приказалъ отнюдь не ввязываться въ бой, а отойти на Богодуховъ.

Красная конница довольно долго преслѣдовала отходящую дивизію. На высотѣ села Лѣсковка на рѣкѣ Рябина, въ трехъ верстахъ къ сѣверу отъ Богодухова, Гв. Бригада была остановлена и заняла сторожевое охраненіе. Кавалергардскій эскадронъ былъ выдвинутъ въ хуторъ Ахремцы, въ 4-хъ верстахъ восточнѣе Лѣсковки съ задачей прикрыть с. Сѣнное и находившуюся тамъ переправу черезъ рѣку Мерля.

7-го Декабря, задолго до разсвѣта, къ охраненію Кавалергардовъ подошла конная развѣдка красныхъ, легко отбитая огнемъ заставъ. Съ первыми лучами солнца, вслѣдъ за конницей, подошла на саняхъ красная пѣхота, такъ же легко отбитая Кавалергардами.

Вскорѣ, со стороны Лѣсковки послышалась стрѣльба постепенно усилившаяся. Около I2 часовъ, красные обошли низкорослымъ лѣсомъ оба фланга эскадрона, стараясь отрѣзать ему дорогу на Сѣнное и на переправу черезъ Мерлю. Эскадронъ былъ принужденъ отойти. На буграхъ, не доходя Сѣнного, эскадронъ вновь спѣшился, задерживая продвиженіе красной конницы. Здѣсь шт.-р. Раухъ получилъ приказаніе отойти къ полку на Богодуховъ.

Пройдя дер. Шейчино, эскадронъ присоединился къ полку поздно вечеромъ въ Богодуховѣ. Накормивъ людей и лошадей, полкъ ночью

(I) У К.К. къ этому времени состоялъ изъ 7-ми полковъ: Сводно-Кирасирскій (2 эскадрона), Сводно-Кавалерійскій (3 эск.), I-й Алексѣевскій, I0 Ингерманландскій, Сводно-Уланскій, Сводно-Гусарскій и Сводный полкъ I2-й кав. Дивизіи и пяти батарей. 2-ой Дроздовскій и 3-й Конный отходили въ Польшу. Сводный полкъ 9-й Кав. Дивизіи находился у Екатеринослава.

ТРАЙВОРОНЪ
СОЛДАТСКОЕ
ВОЛЬНОЕ
Р. ВОРСКЛИЦА
БОЛ. ПИСАРЕВКА
ЯМНОЕ
АХТЫРКА
Р. ВОРСКЛА
ИВАНЫ
ДЕГТЯРЫ
АХРЕМОВЦЫ
СЕННОЕ
ЗОЛОЧЕВЪ
Р. УДЫ
Р. ЛОПАНЬ
БОГОДУХОВЪ
МАКСИМОВКА
Р. МЕРЛА
Р. МЕРЧИКЪ
ОЛЬШАНЫ
ДВУРОГІЙ КУТЬ
ПЕРЕСѢЧНОЕ
ХАРЬКОВЪ
НОВ.
СТ.
МЕРЧИКЪ
ЛЮБОТИНЪ
КОВЯГИ
КОЛОМАКЪ
ИСКРОВКА
Р. МОЖА
МЕРЕФА
ЗНАМЕНСКОЕ
НОВ. ВОДОЛАГИ
ПРОСЯНОЕ
НОВОГ
ГУСАКОВЪ
ЗМІЕВЪ
КАРАВАНСКОЕ
С
Ю
ПАРАСКОВЕЯ
ЛЬНИВКА
КОНСТАНТИНОГРАДЪ
Р. БЕРЕСТОВАЯ
10 Верстъ

покинулъ Богодуховъ и сталъ на бивакъ въ д. Максимовка въ I2 верстахъ къ юго-востоку отъ города (I).

День 8-го Декабря прошелъ на бивакахъ полка совершенно спокойно. Настолько спокойно, что лошади не были посѣдланы. Только пулеметныя команды и обозъ были запряжены. Вечеромъ полкъ выступилъ на смѣну сторожевого охраненія 2-ой бригады. Полкъ не успѣлъ дойти до хуторовъ, гдѣ стояли сторожевыя заставы, какъ по всей линіи охраненія начался сильный ружейный и пулеметный огонь.

Полкъ подошелъ на рысяхъ къ сторожевому резерву, спѣшился и занялъ цѣпями гребни впереди и между заставами. Было совершенно темно, шелъ густой талый снѣгъ и наступающія красныя цѣпи были замѣтны только по вспышкамъ выстрѣловъ. Около полуночи, перестрѣлка постепенно затихла и вся дивизія отошла въ районъ полустанка Максимовка. Полкъ сталъ на бивакъ въ д. Петровское.

Въ теченіи этого для бригада ген. Аленича вела въ районѣ с. Александровка встрѣчный бой, окончившійся для нея отходомъ на с. Новый Мерчикъ еще на 8 верстъ на юго-востокъ.

На разсвѣтѣ 9-го Декабря въ сторожевомъ охраненіи дивизіи сѣвернѣе д. Максимовка загорѣлся бой, въ который постепенно втянулась вся дивизія. Армейская бригада развернулась правѣе деревни, фронтомъ на сѣверъ и на западъ, 2-ой Гв. Кавалерійскій полкъ лѣвѣе деревни, фронтомъ на юго-западъ. На всемъ этомъ участкѣ красные сосредоточили крупныя силы пѣхоты съ многочисленной артиллеріей и наступленіе велось ими очень энергично.

Около II-ти часовъ обнаружилось продвиженіе красныхъ въ направленіе на мѣст. Ольшаны, въ обходъ праваго фланга дивизіи. Одновременно отъ I-ой кав. див. было получено сообщеніе о движеніи красной конницы и пѣхоты въ направленіе на гор. Валки. Такимъ образомъ сразу опредѣлился обходъ обоихъ флангов коннаго корпуса.

Когда же штабъ ген. Барбовича, стоявшій въ постояломъ дворѣ за д. Максимовка, былъ обстрѣлянъ съ близкаго разстоянія, съ опушки лѣса, въ полуверстѣ отъ штаба, то создалась не только угроза обхода флангов дивизіи, но и опасность ея полнаго окруженія. Ген. Барбовичъ рѣшилъ вывести полки изъ создавшагося мѣшка.

Сводно-Кирасирскій полкъ, сведенный послѣ боевъ подъ Ямполемъ въ два эскадрона - Кавалергарды и Конногвардейцы - не находился въ цѣпи. Конногвардейцы прикрывали Дроздовскія конныя батареи, Кавалергарды находились въ личномъ резервѣ начальника дивизіи.

Кавалергардамъ было приказано задержать,во что бы то ни стало, продвиженіе красныхъ въ тылъ дивизіи и обезпечить ей путь

(I) Богодуховъ былъ занятъ въ ночь на 8 Дек. 4I стр. див. Эйдемана, I бр. Латышской див. Вайняна и 8 кав. див. Примакова. Агуреевъ, стр. I29

отхода на с. Старый Мерчикъ. Спѣшившись, Кавалергарды залегли вдоль глубокой дренажной канавы, и своим ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ, сдерживали болѣе часа красную конницу, не давая ей дебушировать изъ лѣса.

Выходъ дивизіи изъ боя начался съ болѣе угрожаемаго ей лѣваго фланга. Только тогда, когда всѣ полки дивизіи отошли за ж.-д. Богодуховъ - Харьковъ, въ свою очередь послѣдними отошли Кавалергарды.

Цѣпляясь за каждый рубежъ, дивизія медленно отходила,отбиваясь отъ насѣдавшихъ красныхъ. Только поздно вечеромъ красныя атаки прекратились. Ночью дивизія стала въ с. Старый Мерчикъ, куда подошла и I-ая кав. дивизія. Находившаяся при бригадѣ ген. Алѐнича 2-ая Гв. конная батарея была возвращена своей бригадѣ.

IO-го красные вновь атаковали охраненіе дивизіи у станціи Мерчикъ. Дивизія подошла къ сторожевымъ заставамъ и развернулась на ихъ высотѣ. Не въ примѣръ минувшимъ днямъ, красные на этотъ разъ дѣйствовали вяло, ограничясь одной перестрѣлкой.

Послѣ полдня дивизіи было приказано отойти на узловую ж.-д. станцію Майскій, а затѣмъ на с. Люботинъ, откуда I58 дней тому назадъ началось наступленіе У К.К. Въ Люботинѣ дивизія получила приказаніе перейти въ с. Пересѣчное, на сѣверо-западъ отъ Харькова, для содѣйствія частямъ Дроздовской дивизіи, ведущимъ бой на сѣверныхъ подступахъ къ городу.

Еще на начинало свѣтать, когда II-го Декабря полки дивизіи вытягивались со своихъ биваковъ. Дер. Двурѣчный Кутъ была занята безъ боя. Продвигаясь дальше на сѣверъ, по большой Богодуховской дорогѣ, дивизія не доходя мѣст. Ольшаны, встрѣтилась съ наступающей на Харьковъ красной пѣхотой.

Подъ прикрытіемъ огня трехъ батарей, дивизія быстро развернулась и перешла въ наступленіе цѣпями и лавами. На лѣвомъ флангѣ дивизіи одинъ изъ армейскихъ полковъ обходилъ лавой Ольшаны съ запада. На правомъ флангѣ Кавалергардская лава обходила мѣстечко съ востока.

Появленіе дивизіи передъ Ольшанами было для красныхъ, повидимому, совершенно неожидано. Послѣ короткаго сопротивленія, красные начали отходить, сначала на Ольшаны, затѣмъ, послѣ небольшой задержки на его окрайнѣ, совершенно очистили мѣстечко, отойдя на нѣсколько верстъ къ сѣверу. Мѣстечко было занято обходившими его лавами (I).

Послѣ занятія Ольшанъ цѣпями, лавы были отозваны. До самой темноты съ обѣихъ сторонъ велась вялая перестрѣлка. Ночью дивизія отошла на села Гавриловка и Пересѣчное, въ которомъ сталъ на ночлегъ Сводно-Кирасирскій полкъ.

(I) "Однако на сѣверныхъ подступахъ къ Харькову, войска I4 арміи встрѣтили упорное сопротивленіе частей У К.К. и I А.К. Деникина". Агуреевъ, стр. I29.

12-го Декабря дивизія выступила на Харьковъ, но не доходя до него версты четыре, было получено донесеніе разъѣздовъ, что наканунѣ вечеромъ красные заняли Городъ (I).

Дивизія круто повернула на югъ и по плохой, совершенно разбитой, узкой, лѣсной дорогѣ, вышла на с. Березовка и, затѣмъ, далѣе на села Комаровка, Артемово и мѣстечко Мерефа.

Рано утромъ 13-го въ сторожевомъ охраненіи къ западу отъ Мерефы поднялась ружейная и пулеметная стрѣльба. Полкъ, т.е. два слабыхъ эскадрона, были подняты по тревогѣ и направлены на д. Утковка, въ двухъ верстахъ къ югу отъ Мерефы, гдѣ красные перешли въ наступленіе, стремясь захватить мостъ черезъ р. Можъ.

Наступленіе красныхъ было легко отбито Кавалергардами и Конногвардейцами.

Вечеромъ, послѣ того, что Дроздовская дивизія покинула Мерефу, оба эскадрона въ аріергардѣ своей дивизіи отошли на бивакъ въ с. Новая Водолага.

(I) Латышская стрѣлковая и 8 кавалерійская дивизіи.

ХРОНИКА

со дня выхода послѣдняго номера Вѣстника.

1964 ГОДЪ

26-го Октября въ Вашингтонѣ скончался Петръ Петровичъ ЗУБОВЪ. Офицеръ полка производства 1915 года. Похороненъ въ Св. Тихоновскомъ монастырѣ. Пенсильванія С.А.С.Ш.

1965 ГОДЪ

2-го Февраля въ Reed Farm, N.Y. U.S.A. скончалась Софья Александровна Бутурлина, рожд. гр. Голенищева-Кутузова. Похоронена въ Ново-Дивеевомъ монастырѣ.

28-го Февраля скончался сынъ Кавалергарда полковникъ Канадской Арміи св. кн. Павелъ Анатольевичъ Ливенъ. Похороненъ на русскомъ кладбищѣ въ Sainte-Geneviève-des-Bois.

17-го Апрѣля въ Olney Bucks, Великобританіи скончался Павелъ Павловичъ Родзянко. Офицеръ полка производства 1901 года. Похороненъ на мѣстномъ кладбищѣ.

20-го Іюня въ Парижѣ состоялась въ Александро-Невскомъ Соборѣ свадьба Алексѣя Ѳедоровича Татищева и Miss Penelope Wilkinson.

19-го Іюля въ Monterey, U.S.A., скончалась графиня Екатерина Васильевна Мусинъ-Пушкина, рожд. Кочубей.

22-го Сентября въ домѣ Русскаго Краснаго Креста, въ предмѣстіи Парижа, Шелль скончался Илья Ѳедоровичъ Ладыженскій. Офицеръ полка производства 1917 года. Похороненъ на мѣстномъ кладбищѣ.

28-го Сентября въ Reed Farm, N.Y. U.S.A. скончался Сергѣй Сергѣевичъ Бутурлинъ. Офицеръ полка производства 1907 года. Похороненъ въ Ново-Дивеевомъ монастырѣ.

Въ 1965 году исполнилась 50-лѣтняя годовщина производства въ офицеры гр. Романа Владиміровича Мусинъ-Пушкина, гр. Николая Александровича Мусинъ-Пушкина, кн. Сергѣя Платоновича Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго и Сергѣя Павловича Родзянко.

Всѣмъ юбилярамъ были посланы поздравленія.

Кавалергардская Семья шлетъ
всѣмъ своимъ сочленамъ
поздравленія и наилучшія пожеланія
къ наступающему Новому Году
и Празднику Рождества Христова

Вестникъ

Кавалергардской Семьи

1966

ВЕСТНИК КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ

1966 год

ПРАЗДНИК КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ.

Европейский отдел Кавалергардской Семьи праздновал день Св. Св. Захария и Елисаветы, день Кавалергардских именин, в Париже в воскресение 5/18 сентября. После молебна в Александро-Невском соборе, на котором присутствовали наличные в этот день в Париже члены Семьи, их родственники, друзья и знакомые и много молящихся, в ресторане "Le Valentin" на Porte Maillot, собрались под председательством секретаря Семьи В.Н. Звегинцова: Г.В. Бибиков, бар. А.П. Бильдерлинг, кн. Г.Г. Гагарин, бар. Г.Г. Гротгус, В.В. Звегинцов, Д.Д. Левшин, гр. Г.Д. Менгден, гр. В.В. Мусин-Пушкин, Г.Г. Раух, Ф.Н. Татищев, Б.А. Чичерин, И.Н. Чудово-Адамович и гр. П.П. Шереметев.

В Америке Ф.Ф. Дубасов, кн. В.А. Волконский, В.Д. Левшин и гр. А.Н. Мусин-Пушкин съехались в Дивеевском монастыре - Спринг-Валлэй -, где отец Александр Пашков отслужил молебен и панихиду на кладбище, на котором похоронены кн. Л.В. Елецкой, С.С. Бутурлин и С.С. Воеводский. После панихиды в монастырской трапезной для приезжих состоялся завтрак.

Памяти ушедших

Николай Александрович ЛЬВОВ

29.4.1897 - † 26.I.1966

26-го января 1966 года в Буенос-Айресе скоропостижно скончался Николай Александрович Львов. Сын причисленного для особых поручений к министерству Иностранных Дел, камергера Высочайшего Двора действ. ст. советника Александра Николаевича Львова и его жены Анны Николаевны рожд. светлейшая княжна Салтыкова, покойный после окончания ускоренных военных курсов Пажеского корпуса был выпущен I-го февраля 1917 г. (последний выпуск до революции) прапорщиком в Кавалергарды.

По окончании I-ой Мировой войны Львов продолжал свое высшее образование, сначала в Берлине, затем в Гейдельбергском университете. Перед 2-ой Мировой войной Львов был представителем телеграфного агенства Рейтер и главным редактором Люксембургской радио-станции.

После 2-ой Мировой войны Львов переехал в Аргентину в Буенос-Айрес, где в течении многих лет был сотрудником газеты и журнала "Ла Насион", в которых им был помещен целый ряд статей по жизнеописанию и художественному творчеству Фра Анжелико, Лука Синьорелли, Леонардо да Винчи, а также и современных художников: Шагал, Пикассо, Ван Гог, Кокошка, Брак и многих других.

Одновременно он состоял художественным экспертом в разных картинных галереях.

Аргентинская пресса тепло отозвалась на кончину Н.А.Львова, в особенности "Ла Насион", в которой была помещена его фотография и большая статья-некролог, где отдавалось должное его широкому образованию, большой культуре и знанию многих языков.

Князь Александр Сергеевич ГАГАРИН

16.4.1879 - † 4.3.1966

4-го марта в Каннах, на юге Франции, скончался в старческом доме князь Александр Сергеевич Гагарин. Сын князя Сергея Николаевича Гагарина и его жены княгини Ольги Димитриевны рожд. Селезнева, покойный князь окончил Николаевский кадетский корпус и поступил в 1901 году в Николаевское инженерное училище, откуда в следующем году перешел в Николаевское кавалерийское училище. По окончании последнего 22 апреля 1905 г. произведен в корнеты Новомиргородского драгунского полка. 3-го сентября того же года переведен в Кавалергарды. В 1909 г. произведен в поручики и назначен адъютантом Военного Министра с зачислением по Гвардейской кавалерии.

В эмиграции долгие годы состоял ктитором и церковным старостой храма Св. Михаила в Каннах. В этом храме и состоялось отпевание покойного князя 8-го марта, на котором присутствовало много молящихся друзей, знакомых, прихожан храма и пансионеров старческого дома. В числе венков, возложенных на гроб, был венок от Кавалергардской Семьи из белой и красной гвоздики с лентами полковых цветов, возложенный Н.В. Поливановым, который совместно с М.И. Гришиным, бывшим взводным в Кавалергардском дивизионе стояли у гроба.

Погребение состоялось в Ницце на русском кладбище Кокад.

" ВОЛОКОЛАМСКИЙ УЕЗД "

Из далеких воспоминаний С. Безобразова.

Село Ивановское Волоколамского уезда Московской губернии, вотчина, дарованная моим предкам дедом Иоанна Грозного, Вел. Князем Иоанном III Московским, находится в трех верстах от города Волоколамска.

Чудный далекий вид открывается с Ивановской колокольни. Слегка холмистая местность пересечена небольшими оврагами. Далеко на Север синеют Клинские леса, а за ними, в особенно ясный день, горят расплавленным золотом купола Иосифовского монастыря. Ветер доносит неуловимые обрывки тихой далекой благовести. Белые высокие стены и башни монастырского кремля, как в зеркале отражаются в глади большого озера. Дремучие леса обступили монастырь. В этих лесах разбросаны одинокие, молчаливые скиты древних богоугодных старцев. У высоких стен монастыря похоронен злодей Малюта

Скуратов, предтеча многих Малют позднейших времен. В белой высокой башне дымом был задушен Царь Василий Шуйский, так объяснял служка, показывая почерневшие от дыма стропила крыши.

Прославленный Святитель Иосиф Волоцкий был основателем белокаменного монастыря-крепости около Клина. Отсюда св. Иосиф вел свой знаменитый спор с Нилом Сорским и заволжскими старцами, надолго определивший судьбы Православной Церкви. Нил стремился возвратить церковь к ее первобытной простоте и бедности. Почти три века до него св. Франциск Ассизский надеялся тем же путем возродить католическое Христианство. Св. Иосиф хотел видеть Церковь богатой, влиятельной. Спор был решен в пользу Иосифа царем Иоанном Васильевичем Грозным.

Ближе и правее монастыря ясно виднеются синие купола Волоколамского Собора, в котором светилась неугасимая лампада из турьего рога: дар Иоанна Ш-го Великого. Великий князь московский любил охоту на красного зверя и часто приезжал охотиться на лосей, медведей, барсов и туров в темные, дикие леса Волоколамска и Клина. Здесь же у него сделался нарыв на ноге и его несли на руках все 40 верст от Волоколамска до Клина, где он и скончался в больших страданиях.

В ограде собора две небольшие плиты с полустертыми надписями, лежат забытые и одинокие. Здесь похоронены двое младенцев - дети Иоанна Грозного.

Волок на Ламе или же Волоколамск окружен высокими земляными валами под защитой которых высоко возносятся купола собора. Старые валы были свидетелями древнейших времен. Их осаждали татары, ногайцы, крымцы, ляхи. Название города указывает на древний речной путь из Ладоги, Ильменя на Оку и далее на юг через Днепр в Черное море в Царьград. У Волоколамска ладьи тащили (волокли) сухим путем из р. Ламы до р. Рузы. Так создалось название города Волоколамск.

Река Лама течет ломаной блестящей лентой, тихая, глубокая.

Глядя с колокольни Ивановской церкви, на синеющие дали, можно насчитать много старинных дворянских вотчин. Вот Белая Колпь кн. Шаховских. Там старый князь старался сохранить древние обычаи московского боярства. В Праздники из кладовых вынимались ливреи времен Анны Иоановны или Елизаветы Петровны и дворовая челядь наряжалась в позеленевшие от времени с потускневшими позументами одежды.

По праздникам, в старинном, длинном, одноэтажном доме Шаховских собиралось дворянство, и большой обеденный стол был тесно окружен гостями. Князь считал, что дворянство обязывает к красноречью и его старший сын уже с 12-тилетнего возраста должен был во время обеда произносить, заученную заранее, речь.

Левее Белой Колпи чуть видна церковь Ошейкина кн. Василия Васильевича Мещерского, славившегося наилучшей псовой охотой в губернии.

Еще левее видна церковь Ботова Шиповых. Дмитрий Николаевич Шипов создал там образцовое хозяйство и имел наивысший удой в

уезде. Дмитрий Николаевич был известен на всю Россию своей земской деятельностью, принесшей много пользы крестьянам, и особенно настойчиво он проводил переход крестьянского хозяйства с трехпольной системы на девятипольную.

Вот в верстах двенадцати от Ивановского виден Ярополец гр. Чернышевых-Безобразовых. Среди темно-зеленого парка белеют стены дома, построенного Растрелли и большой тоже белой церкви того же архитектора.

Ярополец неоднократно посещала Императрица Екатерина II-ая со своим двором. В память этих посещений над прямоугольным искусственным озером воздвигнут обелиск белокрасного мрамора, увенчанный золотым шаром, в котором солнце отражается ослепительной искрой. На полугоре, спускающейся от дома к реке Ламе, стоял белый дом с четырьмя колоннами по фасаду. Назывался он "Екатерининские бани", так как был построен с этой целью для Императрицы. Входные и внутренние двери в доме были стеклянные, что придавало зданию легкость I8 века. Три четверти этого дома было занято большой залой в пол которой был вделан бассейн из полированного черного гранита. Бассейн овальной формы, аршина два глубины, был достаточно велик, чтобы в нем плавать. Три гранитных ступени спускались к воде.

Также посещал Ярополец Император Павел I-й со свитой, о чем упоминает шевалье де Корберон в своих воспоминаниях. Сюда же был отправлен на проживание под надзором полиции, по отбытии каторжных работ в Нерчинских рудниках и тяжелого ранения на Кавказской войне, разжалованный в солдаты декабрист кавалергард гр. Захар Чернышев.

В Ярополецкой церкви, над склепом фельдмаршала гр. Чернышева, стоял мраморный памятник работы знаменитого датского скульптора Торвальдсена. Памятник, по сложности замысла и красоте исполнения, был достоен лучших памятников Медичи во Флоренции.

Он состоял из огромной пирамиды желтого мрамора с белыми горельефами, изображающими Харона, перевозящего в лодке фельдмаршала через Стикс. По сторонам пирамиды стояли две белые статуи в полтора человеческого роста - две женщины в классических хламидах. Одна из них грустно поникла главой, другая же весело "ликует". Плачущая и ликующая Россия. Предполагалось, что в день смерти фельдмаршала, пол России будет его оплакивать, другая же радоваться.

Сведения об языческих истуканах дошли до отцов церкви и от Святейшего Синода пришло, через гражданские власти, грозное распоряжение - немедленно убрать из освященного места безбожную мифологию. Вот почему великолепное произведение Торвальдсена стало украшением парадной залы Ярополецкого дома.

Во время последней войны дом сгорел, и в Метрополитан музее я нашел фотографию сгоревшего дома. Промеж обгорелых стен, по колено в снегу стоят обе статуи Торвальдсена. Так окончилась гордая затея Екатерининского вельможи.

В Ярополецком парке стояла настоящая мечеть с двумя, прямыми как стрела, минаретами. Мечеть эта была построена пленными турками, присланными фельдмаршалу Чернышеву фельдмаршалом Румянцевым.

В память Румянцова, перед мечетью был поставлен мраморный обелиск с надписью "Победителю Ларги и Кагула в память славного Кучук-Кайнарджийского мира".

Дорога от Ивановского до Яропольца вьется между зелеными лугами, спускающимися к берегу Ламы. Мимо желто-золотых полей, поросших синими васильками и красными маками. Синий, красный, желтый - так называемая триада, три основные краски, дающие наивысшие контрасты. Природа в своем глубоком знании взаимной зависимости красок, создала незабываемое впечатление от летних спеющих полей, впечатление так дорогое нам с раннего детства; - мимо полос темно-оливкового картофеля, мимо березовых рощ, - легких, светлых, прозрачных, дрожащих серебряной рябью от малейшего ветерка.

Шоссе пусто: изредка тянется, скрипя немазанными осями, длинный обоз с товарами. Проскачет тарантас, окутанный пылью, звеня плохо подобранными бубенцами. В тарантасе судебный следователь и становой пристав. Они возвращаются с расследования пьяного побоища между Суворовскими и Кашинскими мужиками.

За Яропольцем краснеет крыша небольшого Федоровского, принадлежащего потомкам знаменитого математика и астронома Эйлера, выписанного Екатериной Великой для открытия Академии Наук, того Эйлера, про которого Лавуазье говорил, что без него не было бы высшей математики.

Рядом с Федоровским, в гуще запущенного сада чуть виден классический фронтон Яропольца Гончаровых. Здесь в этом красно-белом доме чудесных пропорций, с коринфскими колоннами и портиком, стоящим на высоком подиуме, часто жил Пушкин, где он создал ряд наилучших своих произведений. Он был женат на старшей дочери хозяйки, красавице Наталье Гончаровой.

Усадьба эта пожизненно принадлежала Елене Борисовне Гончаровой, сестре кн. Сергея Борисовича Мещерского, владельца большого имения Лотошино, верстах в двадцати от Яропольца, на самой границе Тверской губернии. Князь крепко держался старины, и жизнь в Лотошине неизменно продолжалась такой, какой она была в дореформенное время.

Лотошино славилось швейцарским сыром и многолюдными храмовыми праздниками, куда собирались дворяне Московской и соседних губерний. Дом в Лотошине был большой, деревянный, без всяких архитектурных поползновений. Там было бесчисленное количество покоев, покойчиков, кладушек, переходов, лестниц. Казалось, что каждую комнату пристраивали по мере нужды к накопленному уже целому. В передней сидел на табуретке юродивый, кривой на один глаз, в драных штанах и рубахе. Звали его "Груздь". Груздь неожиданно хриплым голосом начинал петь тропарь. Никто этому не удивлялся: "Так всегда было! Наши отцы и деды так жили, так жить будем и мы и дети наши". Неторопливо, поглаживая бороду, говорил князь Сергей Борисович.

Город Волоколамск, кроме земляных высоких валов, мало чем отличался от заурядных уездных городов Российского государства. При въезде полосатый шлагбаум с полосатой будкой и сторожем в солдатской шинели. Напротив желтая одноэтажная казарма со сводчатыми

окнами, - низкое, тяжелое, каменное строение казенной архитектуры времен Николая I-го. По шоссе гремит телега - буланая кобылка плохо взнуздана, седелка не подтянута, дуга набок. На грядке возница в красной рубахе и шапкой на затылке. Из телеги раздаются пьяные выкрики. Торчат из соломы тяжелые ноги в смазных сапогах - визжит баба.

Парни едут с "ярманки" домой. Получив свой пятак, сторож подымает шлагбаум и, гремя по булыжникам, с гиканьем, телега уносится в облаке пыли.

В середине города площадь с казенными зданиями, все той-же казарменной архитектуры. Две-три подстриженные чахлые березы перед судебным присутствием. Большая, никогда не просыхающая лужа. В стороне пруд, окруженный городским садом с невыросшими пыльными березами.

Кругом площади Торговые Ряды из некрашенных, потемневших от непогод досок с навесами, подпертыми тонкими столбиками. Здесь центр жизни. Купцы сидят под навесами, попивая чай; сидельцы зазывают прохожих, а из темных лавок несет селедкой, дегтем, овчиной, свежим хлебом. Купцы торговали, развлекались своими купеческими затеями.

Купчиха Тарасова выезжала на лучшей паре в городе: упряжь с кистями и серебряными бляхами, пристяжная кольцом, а кучер с павлиньими перьями на круглой шляпе, в безрукавке поверх ярко-красной рубахи и поясом цвета радуги. Замечательно, что как бы купец ни был богат, на тройке он не ездил, - тройки или четверики были упряжи дворянские. Также купеческие кучера никогда не одевали синих рубах. Каким то неписанным законом этот цвет был присвоен кучерам дворянским.

Купцы Скородумовы торговали московскими и заграничными товарами и их каменный двухэтажный дом с подстриженными березами по фасаду и белой деревянной решеткой, был украшением города. Жданов - скряга и ростовщик, держал всю округу в руках и скупал земли разорявшихся помещиков.

У него была одна страсть - рысистые бега, и во всем уезде вряд ли можно было найти лучших рысаков. Сидя верхом на доске легких беговых дрожек, старик Жданов, уперев ноги на перекладину, сам правил горячим конем, а сзади, обхватив его руками, трясся его верный конюх Макарка.

Иногда на шоссе можно было встретить скачущий во всю прыть тарантас, весь в пыли, вероятно никогда не мытый. На облучке бочком, ямщик в драном архалуке, подвязанном веревкой, нахлестывал разномастную тройку, и гремя бубенцами, заливаясь поддужным колокольчиком, треща и звеня всеми своими частями, подобно апокалиптическому видению, скрывается в облаках густой пыли. Это Дрожалкин, Волоколамский ямщик, известный на весь уезд быстротой своих троек, которые он загонял немилосердно. Его старые тарантасы и брички, скача по неровной мостовой "шоссе", производили такой оглушительный звон и шум, что казалось имя хозяина было нарочно придумано для определения его ремесла.

Мало что можно прибавить к описанию Волоколамска. Этот городок, вероятно, существует и сейчас, конечно переменился, перестроился. Появилось несколько многоэтажных строений. Мостовая, надо надеяться, улучшена: но вряд ли город стал красивее.

Красотой в российских уездных городах никто не занимался - все складывалось случайно и кое-как, как в общем сложилась вся Великая Русь, кроме иностранного города Санкт-Петербурга, по существу никогда не понятого, нелюбимого остальной Московской Русью; а ведь Петербург был город великой красоты.

Тихо текут воды полноводной глубокой Ламы, в которой отражаются неподвижно свисающие ветви деревьев. Лама течет в стороне от селений, от городов. Ее берега пустынны: ни лай собак, ни человеческий голос, ни стук колеса не нарушают тишину этой тихой, ленивой реки и только иногда чудесная тишина нарушается всплеском большой рыбы, после чего еще долго расходятся во все стороны круги встревоженной воды.

В пронизанной солнцем воде стайки плотвы лениво, чуть двигая хвостами, поблескивают серебристой чешуей... и вдруг, все, как одна, метнувшись, молнией исчезают в зеленой глубине. Низко над водой носятся изумрудные с отливами стрекозы. Темный лес покрывает крутой противоположный берег и тянется до Волоколамска.

В лесу тишина, безлюдье. Таинственно, почти человеческим голосом кукует кукушка... потом долго молчит.

Раз в году тишина леса нарушалась дикими криками, гиканьем, топотом сотен коней и между еще голыми деревьями мелькали подобные Центаврам, всадники в разноцветных рубахах, без седел, болтая руками и ногами, скача по всем направлениям. То было "Пробуждение весны", народное гулянье, наследие языческих времен. В нем участвовали все окрестные деревни. К вечеру Центавры исчезали и до следующего года лес стоял недвижно безмолвный, таинственный.

Зимой в морозные, лунные ночи, голодные волки переходили по льду из леса в парк. Они как то задрали сетера моего отца, выпущенного на вечернюю прогулку, и только утром были найдены на снегу у реки кровавые остатки собаки и многочисленные волчьи следы из леса и обратно.

Ивановские колокола славились по всей округе и издали можно было слышать равномерные удары большого колокола, долго потом гудевшего низким басом, разбегаясь волнами, в окрестные дали.

Только успевал он погаснуть, как новый мощный удар будил опять окрестности. Тогда вступали средние колокола, более частые, но размеренно-неторопливые. Их голоса вплетались в низкое гудение большого колокола, как бы стараясь догнать великана. Вдруг, как свора сорвавшихся с цепи собак, бросались в догонку, перебивая друг друга, веселые перезвоны мелких колоколов и соединенными усилиями дрожа и качаясь несся ввысь полный хор медных голосов.

Растратив свои усилия, звуки постепенно гасли... и опять с новой силой раздавался одинокий торжественный удар большого колокола.

Глядя все с той же колокольни, через дорогу, обсаженную старинными березами, видна зеленая крыша Ивановского дома с высокими белыми колоннами по обоим фасадам, в нео-классическом стиле времен Александра I-го.

За домом темная зелень древнего парка, полного романтизма ушедшей эпохи. Еще дальше под широким зеленым спуском блестит гладь тихой Ламы. Рядами лежит скошенная трава; пахнет пряно свежим сеном. С реки тянет прохладой. Иволга вопросительно повторяет все ту же свою жалобу. Где-то за деревьями парка Илья пророк погромыхивает далекими перекатами. Недвижно застыли старые липы, поникшие листьями от тяжкого зноя.

Короткий сухой взрыв с невиданной силой потрясает небеса и потоки воды обрушиваются на потемневший парк, на зеленые луга, на зеленые крыши и купола церкви. Мутью заволокло края небес. Вихрь пронесся над покрывшейся рябью рекой. Верхушки деревьев беспомощно гнутся в одну сторону. Молнии одна за другой скользят по грозному небу, светясь дрожащими белыми отблесками. Чаще и чаще гремит гром, сливаясь в один подавляющий гул.

"Господи Сусе, Господи Сусе" шепчет старуха, прижавшись к закрытым дверям церкви. Но вот вдали за деревьями показался лоскут синего неба... Грозу пронесло !

ВХОД ЗА КАВАЛЕРГАРДОВ

Среди особых преимуществ, присвоенных исключительно Кавалергардам, имелось право офицерам полка входа за Кавалергардов во время Высочайших придворных выходов. Это право, преемственно унаследованное полком от старой Кавалергардии в связи с несением Кавалергардами, наравне с военной, еще чисто придворной службы, было окончательно закреплено за ними в царствование Императора Александра II-го Особым Положением.

Ниже помещаем выписку из "Придворного Календаря" на 1904 г., где на стр. 340-342 находится "Высочайше утвержденное 13 Апреля 1858 года "Положение о выходах при Высочайшем Дворе". Во 2-ом разделе этого положения о "ВХОДЕ ЗА КАВАЛЕРГАРДОВ" сказано:

"ВХОД ЗА КАВАЛЕРГАРДЫ есть преимущество, коим пользуются придворные чины и дами, а так же высшие государственные сановники, собираться, во время больших при Высочайшем Дворе выходах, в зале, ближайшей ко внутренним аппартаментам, дабы иметь счастие первым встретить Их Величества с Августейшей Фамилией при входе в церковь и откланяться при обратном шествии."

Подле сего зала ставится, в некоторых случаях, ПИКЕТ КАВАЛЕРГАРДСКОГО ПОЛКА, отчего и произошло и самое выражение "ВХОД ЗА КАВАЛЕРГАРДОВ".

Из лиц, обязанных и имеющих право являться на большие выходы при Высочайшем Дворе, собираются, до начала выхода, в зале ЗА КАВАЛЕРГАРДОВ: все придворные дамы, придворные чины и состоящие в придворных званиях, члены Государственного Совета, сенаторы,

статс-секретари и почетные опекуны, присутствующие в Опекунских Советах.

Пред возвращением Их Императорских Величеств из церкви, все означенные в сем 2-м отделе лица (кроме придворных), а также ШТАБ и ОБЕР ОФИЦЕРЫ КАВАЛЕРГАРДСКОГО ПОЛКА становятся в зале ЗА КАВАЛЕРГАРДОВ, куда входят потом шествующие, как сказано выше, с Императорской Фамилией, из церкви придворные чины и дамы. Прочие же лица, являющиеся на выходы, собираются в определенных для них по повесткам залах.

Когда Их Величествам угодно будет, перед выходом или после оного, остановиться в зале ЗА КАВАЛЕРГАРДОВ, для разговоров с присутствующими (о чем каждый раз особо объявляется), то в залу входят также: генерал-адъютанты, Свиты Его Величества генерал-майоры и флигель-адъютанты, адъютанты Великих Князей и состоящие при Их Императорских Высочествах генералы, генерал-губернаторы, военные губернаторы, полные генералы, адмиралы и действительные тайные советники, не состоящие в вышеупомянутых должностях и званиях, состоящие при Иностренных Дворах Российские послы и посланники.

ПРИМЕЧАНИЕ. Сверх сих лиц, могут иметь ВХОД ЗА КАВАЛЕРГАРДОВ, в вышеозначенном случае, по особым Высочайшим разрешениям относительно каждого лица: отставные чины 2-го класса, лейб-медики и С.-Петербургские губернатор и почт-директор.

Два письма Императора Павла Московскому генерал-губернатору генерал-фельдмаршалу графу Ивану Петровичу Салтыкову.

Граф Иван Петрович,

Получа письмо от генерал-лейтенанта маркиза Дотишампа, в коем он мне доносит, что садясь в карету, зашиб себе ногу, что и удерживает в Москве, я по сему случаю, партикулярно к вам адресуясь, хочу, чтобы вы в особенном от вас письмом меня уведомили о справедливости сего приключения и нет ли каких других тому причин.

Доброжелательный вам
П а в е л

Казань 27 Маия 1798 г. Получено 1 Июля 1798 г.

(Маркиз Дотишамп был командиром первого Кавалергардского полка расформированного 1 Декабря 1797 г.).

Граф Иван Петрович,

Получив донесение ваше от 21 Июня касательно, что некоторые из отставных Кавалергардов желают вступить в воинскую службу, то на это я согласен, чтоб их принимать юнкерами в кавалерию или инфантерию по их желанию и потом по старшинству и достоинству производить в корнеты или прапорщики и так далее, так как сие уже уже и исполняется в гусарском Линденера полку.

П а в е л .

Петергоф 1799 г. Июля 27-го. Получено 4 Августа 1799 г.

РАПОРТ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО КНЯЗЯ КУТУЗОВА ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ

Кавалергардского полка поручик Орлов, посланный парламентером, до прибытия моего к Армиям, Главнокомандующим I-ой Западной Армией для узнания о взятом в плен генерал-майоре Тучкове, после девятидневного содержания его у неприятеля, донес мне при возвращении вчерашнего числа довольно подробные сведения.

При встрече его неприятельских аванпостов по Смоленской дороге у деревни Коровино, застал он Короля Неаполитанского со всей его кавалерией, которую полагает он около 20.000. В недалеком от него расстоянии фельдмаршала Давуста корпус, состоящий из пяти дивизий: имянно из дивизии Моран, дивизии Фриан, дивизии Гюден, который при сражении у Заболотье ранен и умер, дивизии Дессек и дивизии Компанс, силы которого корпуса полагает он около 50.000.

Потом за оными, в расстоянии 45 верст, при деревни Заболотье, корпус маршала Нея, составленный из трех дивизий: из дивизии Людрю, дивизии Разу и дивизии Виртембергских войск, состоящий под командой Виртембергского Наследного Принца. Корпус сей он полагает около 20.000.

Потом, в Смоленске уже, нашел он Императора Наполеона с его гвардией, в силах около 30.000 и 5-ый корпус, составленный из поляков около I5.000, который корпус составлен из дивизий генерала Зайончека и генерала Князевича, следуемые по дороге, где отступала 2-ая Западная Армия, по которой, он Орлов, будучи возвращен, не нашел больше никого, а слышал только от французских офицеров, что на левом неприятельском фланге, по направлению к Сычевке, следует корпуса фельдмаршалов Жюно и Мортье под командой Вице-Короля Итальянского, не более оба, как 30.000, что и составило бы I65.000. Но по расспросам, деланным нашими офицерами по квартирмейстерской части от пленных, полагаю я донесение Орлова несколько увеличенным.

I8I2 года. Августа I9. Главная Квартира при Гжатске.

РАЗБИВКА НОВОБРАНЦЕВ

Распределение новобранцев по полкам Гвардии иначе разбивка новобранцев согласно военной терминологии производилась в годы до первой Великой войны обычно в Михайловском манеже в Петербурге и сопровождалась особой церемонией.

На таких разбивках присутствовал почти всегда Вел.Князь Николай Николаевич в качестве Главнокомандующего Войсками Гвардии.

Но в царствовании Императора Александра II-го, после обнародования в I875 г. военной реформы, разбивку очень часто производил сам Государь в Николаевской или в других залах Зимнего Дворца.

На одной из таких разбивок один новобранец, уроженец города Дерпта из дворян, обратился к Государю с просьбой определить его в Кавалергарды. Просьба его была Государем тут же уважена.

КАВАЛЕРГАРДЫ В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

Глава Пятая

Бои южнее Харькова. Отход за Дон. Бои у Ростова, Батайска и Егорлыкской. Отход за Кубань. Новороссийская катастрофа.

С оставлением Харькова и отходом, сначала на юг на Лозовую, затем, через каменно-угольный район, за Дон, начался новый период участия Кавалергардов в гражданской войне.

Остатки V К.К. отходили с боем на Ростов. Снежная вьюга и порывы леденящего ветра сливались с грохотом рвущихся снарядов, с резкой чечеткой пулеметов и с приглушенными ружейными выстрелами. А когда настапала ночь и темное, зимнее небо покрывало своей чернотой все, и людей и землю, голодные, измученные до предела человеческой выносливости, полки V конного корпуса продолжали свой безпрерывный страдный путь отхода.

От всех этих полков, бравших в неудержимых конных атаках окопы, пулеметы и орудия, укрепленные деревни и села, остались одни лишь поредевшие эскадроны полуживых призраков. От легендарной красоты легендарного безумия конных атак осталась одна лишь безумно-красивая легенда.

13 декабря 1-ый Гв. Сводно-Кирасирский полк, сведенный в два эскадрона под командой Кавалергарда шт.-ротм. А.Н. Шебеко, стал на ночлег в с. Новая Водолага, где простоял, никем не тревожимый двое суток. За это время успели отдохнуть и люди и лошади. Успели не только выспаться, но и вымыться в бане и выстирать давным давно не сменяемое белье.

16-го рано утром оба Гвардейские полка со своей 2-ой Гв. батареей перешли в с. Знаменское, в восьми верстах к С.-З. от Новой Водолаги, на смену бригады Терской казачьей дивизии, перебрасываемой в гор. Константиноград, где обозначилось наступление красных. (Константиноград был занят частями 46 стрел. див. 21-го декабря).

По прибытию в Знаменское Кавалергарды заняли сторожевое охранение на западной околице села, на левом берегу р. Иваны. Весь день прошел спокойно: В два часа утра, 17-го декабря, красная разведка вышла на Кавалергардские посты и завязалы с ними перестрелку, продолжавшуюся до рассвета. Около шести утра к красным подошли очень крупные силы конницы, и Кавалергардам приказано было отойти на д. Просяное, где сосредоточилась вся дивизия ген. Барбовича.

После занятия Знаменского, красные выдвинулись на Просяное, энергично преследуя отходящее охранение. На околице этой деревни цепи Гв. Бригады, поддержанные метким огнем 2-ой батареи, не только резко остановили продвижение красных, но и принудили их к отходу.

Левее Гв. бригады у д. Жидов Рог и южнее ее, где развернулись полки 2-ой бригады, красные также не смогли добиться успеха. Только правее Гв. бригады у с. Новая Водолага, красным удалось выбить бригаду ген. Аленича и занять село.

В сумерки ген. Барбович отвел свои полки в с. Новое, откуда, после двух часов отдыха, конница вновь перешла в наступление на Новую Водолагу. Подойдя к селу вдоль обеих сторон полузамерзшего ручья, полки спешились и, охватив село с востока и запада, короткой, ночной, штыковой атакой выбили красных из села, захватив два пулемета и десятка полтора пленных. В цепях 2-го Гв. полка был ранен улан Е.В. шт.-р. Римский-Корсаков. Оставив в Новой Водолаге охранение от бр. ген. Аленича, конница отошла на бивак в с. Новое.

I8-го, около полудня, красные вновь заняли Н. Водолагу. Одновременно в районе Константинограда красные перешли в успешное наступление на войсковую группу ген. Кальницкого. А еще раньше, I7 декабря, у Купянска, красные прорвали фронт белых и начали свое выдвижение на каменно-угольный район. Все эти неудачи на общем фронте белых армий предрешали отход конницы ген. Барбовича.

Прикрывать отход конницы за р. Берестовую был оставлена Гв. бригада. Кавалергардский и Конногвардейский эскадроны шт.-ротм. Рауха и Таптыкова - все что осталось от некогда восьми эскадронного полка - заняли цепями околицы с Новое.

После перестрелки с красной конницей, эскадроны отошли сначала на хутор Гусакова, затем на с. Караванское, задерживая продвижение красных и заставляя их разворачивать боевой порядок на каждом рубеже: у хуторов Голопузова, Набокова и Завидовки. Под Караванским, совместно со 2-м Гв. полком, прикрывавшим отход конницы восточнее полка, наступление красных было окончательно остановлено. В наступившей темноте бригада отошла на с. Парасковея к дивизии, занимавшей переправы на р. Берестовой от с. Охочее до с. Медведовка.

В сторону красных, вдоль всего течения реки, через каждые десять верст, лежала целая сеть старых, полуразрушенных укреплений. Некоторые на карте сохранили еще свое старинное название, другие же значились просто крепосцами. На фронте дивизии такие крепосцы имелись у с. Охочее; против с. Парасковея лежала Парасковеевская крепосца, против с. Власовки - Орловская крепосца и при впадении р. Берестовеньки в Берестовую, крепосца Иван Город. Все они были заняты сторожевым охранением.

I9-го для удлинения фронта в сторону Константинограда, Гв. бригада была переведена в с. Власовка. Под вечер ко всему фронту конницы Барбовича подошла красная разведка, легко отбитая огнем застав.

20-го, без всякого давления со стороны красных, вся конница, сведенная в трех-бригадную дивизию ген. Барбовича, отошла с рубежа р. Берестовой на р. Орель для смены пехоты. Полк выступил в 4 ч. утра и перешел на бивак в с. Дмитровка. Ночью в Дмитровку подошел дивизион Кирасир Ее В. из Константиноградского отряда, где он нес сторожевое охранение с I4-го декабря у д. Староверовка, Берестовенька и Тишинковка. Прибытие дивизиона - более 200 шашек с пулеметной командой - сразу увеличило вдвое боевую мощь полка. В командование полком, вместо шт.-р. А.Н. Шебеко, вступил пол. бар. Таубе.

Рано утром 2I-го, красные атаковали и сбили охранение 2-го

Гв. полка севернее деревни Марийнская и оттеснили охранение на саму деревню.

На поддержку охранению были высланы Сводно-Кирасиры со 2-ой Гв. батареей. Полк занял цепями холмы севернее Дмитровки и принял на себя отходящий 2-ой Гв. полк.

В течение всего дня Гв. бригада сдерживала красных и только ночью, расстреляв все патроны и снаряды, отошла на ночлег в дер. Ново-Александровка. Под Дмитриевкой был ранен улан Е.В. пор. Долино-Иванский. Эскадрон Кирасир, высланный в обход красных, наступающих из Марийнской, попал в тяжелое положение и потерял убитыми и ранеными более 30 Кирасир.

22-го утром красные подошли к Ново-Александровке, перейдя в версте южнее ее реку Орель, и атаковали хутор Лисовинского. Чтобы остановить продвижение красных и не дать им возможности захватить большую дорогу на Лозовую, Сводно-Кирасирский полк был спешно выслан к хутору. Перейдя в свою очередь реку Орель, полк развернулся в лаву с пулеметными командами впереди атаковал красную пехоту и конницу и очистил от них хутор, отбросив красных за реку.

Тем временем дивизия отошла на с. Преображенское и развернулась севернее его. Туда же, в резерв дивизии подошли и Сводно-Кирасиры.

Около полудня красные вновь подошли к позиции дивизии, но были легко отбиты. На ночлег дивизия осталась в южной части села Преображенского, имея на северной околице охранение от Кавалергардов.

Провести спокойно ночь в Преображенском дивизии, однако, не пришлось. В час ночи Кавалергарды были атакованы красной пехотой, подошедшей на санях. Одновременно красные подошли глубоким оврагом к западной околице и ворвались на огороды. Кирасиры и Конногвардейцы успели во-время остановить дальнейшее продвижение красных вглубь села. Кавалергарды оттянули свои заставы и посты и совместно с остальными эскадронами полка перешли в контр-атаку и окончательно очистили село от красных.

Тем временем дивизия успела выйти из Преображенского и отойти в дер. Беляевка и Орловка, за р. Орельку. Вслед за дивизией в Беляевку отошел и полк.

Днем 23-го полк отошел на дер. Ново-Петровка, вблизи станции Краснопавловка, где полки и батареи с избытком пополнили свои запасы снарядов и патронов. Входные стрелки на станции были взорваны. Ночью в охранении поднялась стрельба по вооруженной красной дрезине.

24-го вся дивизия отошла на станцию Лозовая для смены пехоты в долговременных укреплениях. Но по приходу дивизии в район Лозовой, ни пехоты, ни малейшего намека на укрепления там не оказалось. Полк стал в хут. Царевка.

25-го с раннего утра в сторожевом охранении дивизии у станции Панютино поднялась стрельба, скоро перешедшая в бой, в который постепенно втянулась вся дивизия. Красные ввели в бой очень

крупные силы пехоты, конницы и особенно артиллерии, и к полудню жел.-дор. узел Лозовая в тылу дивизии был ими занят. (I).

На всем фронте Белой Армии обстановка складывалась не в ее пользу. Особенно остро сложилась она для конницы ген. Барбовича, которой грозило быть отрезанной от Армии, выдвижением конной армии Буденного на Славянск. Ген. Барбовичу было приказано оторваться от противника и, делая большие переходы, отойти на Таганрог.

Дивизия постепенно вышла из боя и тяжелым, сороковерстным переходом отошла за р. Самару в д. Башиловка. Во время боя у ст. Панютино, Кирасирский эскадрон понес особенно тяжелые потери. Прикрывавший отход дивизии, Сводно-Кирасирский полк подошел к Башиловке поздно ночью.

С этого дня, в течение двенадцати суток, делая почти ежедневно, тяжелые, длинные, более 40 верст, переходы, полк продолжал свой безостановочный отход.

26-го полк ночевал в селе Спас Михайловское, 27-го, пройдя Веровка, полк стал в с. Марьевка, где Кавалергарды заняли сторожевое охранение, 28-го, после привала в д. Казенноторгская, полк через станцию Желанная остановился на ночлег в с. Александровка. Здесь уже начался каменно-угольный район.

Густая сеть железных дорог расходилась по всем направлениям. Почти все жел.-дор. пути были забиты брошенными воинскими составами, большей частью уже разграбленными. Ночью небо озарялось багровым заревом горящих эшелонов. Слышались безпрерывные взрывы снарядов и патронов.

Сравнительно хорошо налаженная планомерная эвакуация армейских тылов, постепенно превратилась в сплошной хаос. Перед неудачами на фронте командование Белых Армий оказалось совершенно безпомощным, не оценив в должной мере объем создавшегося положения и не приняв заблаговременно надлежащих мер.

Огромное интендантское имущество, так скупо выдаваемое войскам, склады обмундирования, продовольствия, боевые припасы, санитарные поезда... все было брошено на произвол судьбы. Проселочные дороги были забиты перемешавшимися обозами разных частей и сотнями тысяч подвод с беженцами.

Тиф, новое испытание, выпавшее на долю этой массы несчастных, измученных людей, косил ежедневно тысячами и тысячами смертей. Всюду лежали трупы людей и павших от безкормицы лошадей. Хоронить их было некому и некогда.

В рядах Армии, потерявшей веру в саму себя, в свое дело и в свое командование, началось дезертирство. И только редкие боевые части, скованные внутренней дисциплиной, спаявшей в одно нераздельное целое всех своих членов, устояли от разложения.

(I) 46 стр. див. после тяжелого боя заняла жел.-дор. узел Лозовую. А.А.Гуреев, стр. I48.

Такой выдающейся боевой частью оказался I-ый Гвардейский Сводно-Кирасирский полк. Сведенный под Харьковом в 2 эскадрона, он 29-го декабря в с. Голицыно вновь развернулся в четырех-эскадронный полк.

В обед в Голицыно к полку подошло очень крупное пополнение, приведенное командиром полка, полковником Коссиковским из Павлограда, после того, что там соединились все запасные и хозяйственные части полка. К Кавалергардам присоединился их № 3-й эскадрон - I20 шашек -, сформированный шт.-рот. А.В. Чичериным в городе Лубнах и действовавший в отделе в Полтавском отряде генерала Кальницкого. Кирасирский взвод, прикомандированный к Кавалергардам был возвращен в свой эскадрон.

Пополнение, по выходе из Павлограда, шло, почти в слепую, по маршруту Богуслав-Дмитровка-Николаевка-Славянка-Гришино-Юзовка-Голицыно, где случайно соединилось с полком. Полученное Кавалергардами пополнение, было влито в остатки действующего эскадрона, что дало возможность отправить в обоз наиболее усталых людей и лошадей, прошедших весь страдный путь от Глухова.

30-го, минуя станцию Рутченково, полк стал на ночлег в дер. Караванная. Северная часть Донецкого бассейна уже была занята красными. Где находились части Белых Армий было совершенно неизвестно. Все попытки ген. Барбовича связаться со штабом Армии и получить от него дальнейшие директивы были неуспешны, и конница, отрезанная от всех, продолжала отходить в никуда.

3I-го Кавалергарды выступили северным боковым авангардом на Мостино-Даниловка-хут.Чумакова. На станцию Кутейниково был послан разъезд, вернувшийся в ту же ночь. Кутейниково уже было занято красными.

I-го января I920 года эскадрон продолжал ту же задачу. Пройдя с. Петровское-Киреево, Кавалергарды присоединились к полку вечером в с. Анастасьевка.

Рано утром 2-го конница выступила на Матвеев Курган, но дойдя до д.Новоселки, повернула на с.Покровское. Матвеев Курган уже был занят красными. Что происходило на побережьи Азовского моря, в частности в Таганроге, куда надлежало прибыть дивизии генерала Барбовича было неизвестно. Для выяснения положения в Таганроге, туда был послан разъезд Кирасир Е.В. кор. Розеншильд-Паулина.

Простояв в Покровской до I7 часов, полк выступил ночным переходом на д. Самбек и далее в сторону Азовского моря. На рассвете 4-го полк пришел в Самбек, где ему было дано два часа отдыха. Затем полк снова выступил и к обеду пришел в д. Синявка на берегу Азовского моря, на жел.-дор. линии Таганрог-Ростов. Там к полку присоединился разъезд кор. Розеншильд-Паулина. Таганрог был уже эвакуирован, но присутствия частей Красной Армии поблизости замечено не было. (Таганрог был занят 6-го янв. 9-ой стрелковой и II-ой кавалерийской дивизиями. Тюленев, стр. I34).

В Синявке была, наконец, получена директива Штаба Армии. Дивизии ген. Барбовича надлежало оставаться в Синявке на левом фланге Дроздовской п. дивизии, стоявшей у Мокрый Чалтырь, и вести разведку и охранение впереди Синявки.

Синявка, большое село, вытянувшееся вдоль Азовского моря. Пересекая его во всю длину, проходит жел.-дор. Ростов - Таганрог. В середине села жел.-дорожная станция. Бивак полка находился в самом центре села.

В Синявке произошло переформирование остатков У-го К.К., сведенного в двух-бригадную дивизию. В I-ую бригаду вошли I-й и 2-й конные полки, составленные из всех полков армейской конницы, во 2-ую бригаду вошли оба Гвардейских полка - Сводно-Кирасирский и Сводно-Кавалерийский. Второй бригадой командовал ген. Данилов. Взвод 2-ой Гв. и 7-ой конной батарей были приданы I-ой бригаде, взвод I-ой Гв. батареи - 2-ой.

5-го января командир сводно-Кирасирского полка полк. Коссиковский выступил со всеми больными и слабосильными людьми и лошадьми в обоз 2-го разряда, стоявший на Кубани.

Утром в Синявку пришел из Ростова наш бронепоезд - всего один бронированный вагон, вооруженный тремя пулеметами и одним 3-х дюймовым орудием, и две платформы с запасными рельсами, шпалами и баластом. Бронепоезд был сильно поврежден в предыдущих боях. Он направлялся в сторону Таганрога для вывоза запасных частей танков, но ввиду занятия города красными, он ограничился одной разведкой в этом направлении.

6-го Кавалергарды сменили охранение Кирасир в хуторах впереди западной околицы села. До смены Кирасиры были обстреляны красным бронепоездом.

7-го в Рождество Кавалергардское охранение было обстреляно красными бронепоездами, но потерь не понесло. Одновременно красная пешая разведка вышла на линию полевых караулов и была ими легко отбита. Вечером Кавалергарды были сменены и ушли на ночлег в Синявку.

На рассвете 8-го два красных бронепоезда "Коммунист" и "Красный Кавалерист" обстреляли село и сторожевое охранение. Одновременно довольно крупные силы красной пехоты и конницы оттеснили сторожевое охранение к селу.

Сводно-Кирасирский полк был вызван на поддержку охранения. Цепи полка заняли западную околицу села. Но еще до выхода цепей, пулеметный взвод Кавалергардов был выслан вперед. Мл. унтер-офиц. Илларион Данилов "несмотря на сильный пулеметный огонь бронепоезда, подбежал со своим пулеметом вплотную к жел.-дор. полотну, открыл огонь и сбил наблюдателя бронепоезда, не дал возможность высадится десанту и тем облегчил выход бригады на позицию. Млад. унтер-офицер Данилов был награжден Георгиевским крестом 3-ей ст." (Приказ по отдельному Добровольческому Корпусу № 26 от 22 января 1920 г.).

Несмотря на введение в бой значительных сил, красные не смогли занять Синявки и с темнотой отошли (I).

(I) Центр и правый фланг белых были разгромлены. Лишь Корниловцы, Дроздовцы и конница Барбовича, находившиеся на левом фланге, продолжали упорно сопротивляться.
Тюленев, стр. I37.

Ночью 7-го было получено приказание Штаба Армии коннице ген. Барбовича "перейти в район хут. Монастырский и Кошкарев, к западу от Ростова". В исполнение этого приказания I-ая бригада выступила на Хопры. Гв. бригада была временно оставлена в Синявке, для прикрытия передвижения конницы к Ростову и для обеспечения связи с пехотой.

После выступления I-ой бригады, красные вновь атаковали Синявку; отогнанные огнем Дроздовцев, красные начали отходить. Полк был вызван вперед и, выйдя из села, развернулся в лаву и атаковал отходящие красные цепи. Гололедка и наступившая темнота остановили преследование. Полком было захвачено полтора десятка пленных и подобрано два брошенных пулемета и около двухсот винтовок.

Впервые за всю кампанию пришлось коннице видеть наши танки. Два старых английских, шедших в цепях Дроздовцев.

Вечером Гв. Бригада сменила у Мокрого Чалтыря Дроздовцев, ушедших в Азов. 9-го за-долго до рассвета бригада перешла в Хопры и выступила, вслед за I-ой бригадой на Ростов.

Дождь и оттепель предыдущих дней сменились сильнейшим морозом. Промокшие шинели покрылись толстой ледяной корой и совершенно одеревенели. Конница шла рысью, но движение было не ровное с частыми перебоями. Чувствовалось, что в головной бригаде не все идет так, как надлежало. Начинало светать. Было получено приказание выслать на Ростов квартирьеров, но не успели они отъехать, как в головной бригаде поднялся сильный орудийный и пулеметный огонь. Стреляли с самой окрайны Ростова.

Для выяснения обстановки было выслано несколько разъездов. Разъезд 2-го Гв. полка кор. Улан Ея Вел. Некрасова погиб целиком. Донесения всех разъездов подтвердили предположение штаба дивизии. Ростов занят красными и мост через Дон в их руках.

Движение на хут. Монастырский в обход Ростова было не выполнимо. Перед ген. Барбовичем стала дилемма. Пробиваться ли через город к мосту со всем риском, связанным для конницы с уличным боем, или переправляться через Дон по льду ? Последнее решение осложнялось тем, что накануне, чтобы помешать красным переправиться через Дон, вниз по реке был пущен ледокол.

Между тем стрельба со стороны Ростова все усиливалась. Пехота,шедшая впереди, не в силах пробиться через город к мосту, повернула к реке. Это повлияло на решение ген. Барбовича и он повернул головную бригаду к Дону.

Огонь красных достиг наивысшего напряжения. Гранаты и шрапнели рвались по всему фронту. А вдали показались красные лавы, покрывая собой все поле.

I-ая бригада разомкнулась. Перемешавшиеся эскадроны, батареи, различные обозы неудержимой лавиной устремились к Дону. Гв. бригада повторили маневр I-ой.

На большак, только что покинутый конницей, вышла красная лава и бросилась преследовать отходившую массу обозов и конницу. Шедший в аръергарде дивизии Сводно-Кирасирский полк повернул, и строя на ходу фронт, пошел в контр-атаку, поддержанный беззаветно лихим выездом на открытую позицию своей I-й Гв. батареи.

Отогнав красную лаву, полк занял цепями рубеж между Ростовским большаком и Доном. Сзади, насколько видел глаз, малое русло Дона и его плавни, все было покрыто переходившими обозами, батареями и полками. А посередине главного донского русла, синела, только что затянувшаяся за ночь полоса, пробитая накануне ледоколом.

До этого места лед был крепок и держал не только всадника, но и повозки, и орудия. Далее переправа осложнялась. Мороз не всюду и не в одинаковой степени сковал реку. Орудия, повозки распрягались и на руках перетягивались канатами. В наиболее опасных местах навалливали камыш, доски и все что можно было найти под рукой. Переправа длилась до самой ночи.

Если не считать несколько слабых попыток красных сбить Сводно-Кирасир с последней арьергардной позиции впереди станицы Гниловская, конница Буденого не проявила сколь нибудь сильного напора на всю эту массу перемешавшихся людей, лошадей и повозок. Ростов со всеми брошенными складами всевозможных запасов, как магнит притягивал к себе I-ую конную. Это и жестокий мороз, своевременно сковавший разрезанное русло Дона, спасли пехоту Кутепова и конницу Барбовича от полного уничтожения.

Под вечер на позиции у Гниловской остались лишь Кавалергарды и Кирасиры Его Вел., оттянувшие свои пулеметы и цепи почти к самому обрыву реки.

Во время отхода от Ростова в Кавалергардском эскадроне особенно отличились ст. ун.-оф. Василий Яковенко, атаковавший со своим дозором левофланговый дозор красной лавы и полностью его уничтоживший и мл. ун.-оф. Иван Манн, который по собственной инициативе выдвинулся с пулеметом вперед своей лавы и, несмотря на сильный артиллерийский и пулеметный огонь, подпустил красную лаву на I00 шагов и внезапным и метким огнем нанес красным большой урон и заставил их отойти. Оба награждены Георгиевскими крестами 4-ой ст. (Приказ по отдельному корпусу Добровольческой Армии от 22 Янв. I920 г. № 26).

С темнотой, когда солнечный шар скрылся в туманной дали Азовского моря Кавалергарды начали переправу. Вслед за ними, уже ночью перешли Дон и Кирасиры.

У станции Гниловской весь жел.-дор. путь был забит горевшими эшелонами. Ежеминутно рвались снаряды, прорезая блеском своих зарниц темноту зимней ночи. Тут же валялись остатки подорванных нами английских танков.

Пройдя еще верст десять через мелкие протоки и плавни Дона, Кавалергарды присоединились к полку в Койсуге. Физическая и моральная усталость достигли последнего предела. Подавленное настроение, чувство горечи от постигшей Армию неудачи сплетались с сознанием, что весь этот ужас позади. Что ожидало всех в дальнейшем, никто не знал и об этом никто не думал. Единственное ближайшее желание всех было спать.

Следствием тяжелых неудач, постигших Вооруженные Силы Юга России, явилось расчленение Добровольческой Армии на три части.

Левый фланг Армии - войска генералов Бредова и Шиллинга, отступая из района Киева и Чернигова на Одессу, очутились в Польше, где они были интернированы. Центр под командой ген. Слащева отошел на Крымский полуостров. Правый фланг Армии через Донецкий бассейн отошел за Дон.

Все части Добровольческой Армии, как и части Донской и Кубанской Армий понесли огромные потери, ранеными, убитыми, тифозными и от дезертирства, не говоря о том колоссальном военном имуществе, которое было брошено при отступлении.

Все части Добровольческой Армии, отошедшие за Дон, были сведены: пехота в I А.К. ген. Кутепова - Корниловская, Дроздовская, Марковская, Алексеевская пех. дивизия, конница в бригаду ген. Барбовича: Гвардейский полк под командой ген. Данилова, в который вошли все эскадроны Гв. конницы и I-ый конный из всей армейской конницы.

Впоследствии, по мере получения пополнений, бригада была развернута в четырех-полковую дивизию.

I0-го Января бригада ген. Барбовича перешла в станицу Ново-Николаевку, где она простояла в резерве I-го А.К. до I4-го, высылая разъезды в хут. Злодейский, Койсуг, Батайск и Азов. I-й А.К. занимал, вдоль восточного берега Дона, линию от Нахичеванской переправы до Азова. Правее корпуса стояли части Донской и Кубанской Армий.

I5-го, чтобы дать место Кубанской коннице ген. Топоркова, бригада Барбовича, уже к этому времени трех-полковая, перешла в район Зеленый Мыс. Гвардейский полк стал в станице Пелехино, где простоял до I9-го.

I8-го поздно вечером, бригада Барбовича была поднята по тревоге для перехода в Батайск. В этот день красные, после постигшей их неудачи I7-го у станицы Ольгинской (I), вновь переправились через Дон и перешли в энергичное наступление на участке Ольгинская - Батайск.

Последний, защищаемый Корниловцами, взять им не удалось, но Ольгинская, занятая Донской конницей, была захвачена 4-ой и II-ой кавалерийскими дивизиями Конной Армии Буденного и I6-ой стр. див. 8-ой Армии.

Сильнейшая метель, ветер и мороз задержали выступление бригады. Ночью метель улеглась и, задолго до рассвета, бригада выступила на Батайск, куда подошла с первыми лучами солнца. Батайск обстреливался из Ростова тяжелыми снарядами. Пройдя на рысях через Батайск, бригада ген. Барбовича перешла железную дорогу.

Впереди, главным образом, со стороны станицы Ольгинской, доносился сильный орудийный и пулеметный огонь. Ольгинская накануне была занята красными и они продолжали свое наступление к югу

(I) I бр. I2 стр. дивизии, 2 бр. 6-й кав. див. и II кав. див вынуждены были отступить в исходное положение.
А.Гуреев, стр. I48.

от станицы и в направлении на Батайск. Наступление красных на самый Батайск с трудом сдерживалось Корниловцами и, только что подошедшей, дивизией Кубанской конницы.

Ко времени перехода бригадой через жел.-дор. полотно, кубанцы уже развернулись для атаки. Ген. Барбович остановил бригаду. Один из полков был весь развернут на широких интервалах непосредственно в затылок кубанцам. Остальные два полка были поставлены в резервных колоннах за невысокими буграми за левым флангом. Там же были сосредоточены все пулеметные команды бригады и обе конные батареи.

Вся местность впереди, перехваченная невысокими грядами, постепенно понижалась к Дону. Правее бригады в сторону Ольгинской, четко выделялись на снегу Красные и Донские лавы. А еще дальше, слегка подернутые туманом, чернели квадраты резервов красных. (4, 6, II кав. див. и I6, 33 стр. див.). Было хорошо видно, как Донские и Красные лавы, подобно волнам прибоя, то откатывались, то накатывались друг на друга.

Всего несколько минут прошло с момента занятия бригадой назначенные ей места, как Кубанские лавы, встреченные сильнейшим огнем, повернули и стали отходить. За ними, почти на хвосту, показались лавы красных. Их было очень много и они были очень близко.

Но в ту самую минуту, когда последний кубанец проскочил через разомкнутый конный полк, разом заговорили пулеметы, открыв одновременно ураганный огонь во фланг атакующих красных. В одно мгновение красная конница была смята и в замешательстве отхлынула, преследуемая Гвардейским и другим конным полком. Обе батареи выскочили на открытую позицию и, через головы своих, били по резервным колоннам красных. Правее у Ольгинской Донцы также перешли в атаку.

Вся степь, от Батайска до станицы Хомутовской покрылась скачущими всадниками. Замерзшая земля гудела от топота десятков тысяч коней. По всему фронту гремело ура.

Красные лавы не приняли атаки и повернули кругом. На их плечах полки бригады Барбовича врубились в конные резервы красных и вся масса перемешавшихся всадников обеих конниц понеслась через донские плавни к реке.

Конные батареи, с трудом, еле поспевая за атакующей конницей, перенесли огонь на станицу Аксайскую и на Нахичеванскую переправу, у которой столпились красные полки.

Проскочив плавни, бригада достигла Дона, где остановилась. С западного берега реки красные открыли заградительный огонь по реке, прикрывая отход своих. К этому времени Донские казаки заняли Ольгинскую, выбив из нея красную пехоту - части I6 стр. див. - и захватили 9 орудий и 62 пулемета. Со своей стороны бригада ген. Барбовича взяла 5 орудий, 36 пулеметов, пленных и, что было особенно ценно, 300 лошадей.

Поздно ночью Гвардейский полк, пройдя с песнями через Батайск, стал на ночлег в Койсуге, где простоял весь следующий день, перековывая лошадей и заряжая пулеметные ленты и круги. (К I2 час.

в районе Батайска и в трех километрах южнее станицы Ольгинской, конница обеих сторон развернулась лавой и пошла в атаку. Благодаря перевесу в артиллерии и бронепоездам, противнику, после шестичасового боя, удалось отбросить части I-ой Конной и 8-ой Армий на правый берег Дона. Тюленев, стр. I43).

2I-го января кон. Армия Буденного, усиленная двумя стрелковыми дивизиями 8-ой Армии, снова переправилась через Дон у Нахичеванской переправы и перешла в наступление по фронту станица Ольгинская - Батайск. Заняв, после упорного сопротивления Донских казаков, Ольгинскую, красные повели наступление на Батайск. Корниловцы, занимавшие позицию впереди Батайска, были принуждены отойти.

С первыми выстрелами завязавшагося боя на биваках конницы послышались, ставшие столь обычными, торопливые ноты сигнала "тревога" и через четверть часа полки и батареи вытягивались крупной рысью по дороге на Батайск.

Не доходя жел.-дороги вся бригада развернулась и, поддержанная огнем батарей атаковала красную пехоту. Красные бежали, преследуемые полками ген. Барбовича, через плавни к самому Дону. Там полки попали под обстрел тяжелых орудий из Ростова и отошли на правый фланг своей пехоты - Корниловцы и Марковцы - где спешились и удлинили и усилили стрелковую цепь.

Все попытки красных выдвинуться в сторону Батайска были неудачны и каждый раз они неизменно загонялись огнем обратно в плавни. Неудачна была также атака красной лавы, вышедшей между Нахичеванской и Аксайской переправами. Несмотря на значительное количество батарей, переправленных Буденным в этот раз на левый берег Дона, упорный бой, длившийся уже несколько часов, стал явно склоняться в нашу пользу. К I5-ти часам наступил резкий перелом. Корниловцы и Марковцы перешли в контр-атаку. В цепях спешенной конницы трубачи подавали сигналы "коноводы" и "галоп".

Первыми подошли коноводы Гвардейского полка. Не дожидаясь подхода остальных, полк развернулся в лаву и с места пошел в атаку на отходивших в полном безпорядке красных. Орудия, пулеметные тачанки, проваливались под лед в многочисленных ериках, застревали в кустарнике и густом камыше донских плавень и тщетно искали переправу.

На участке конницы Барбовича преследование остановилось лишь с темнотой на берегу Дона. Ольгинская была вновь занята казаками и красные были загнаны за Дон.

Поздно вечером полк пришел на ночлег в Батайск. В этот день в рядах Кавалергардского эскадрона особенно отличились и были награждены Георгиевскими крастами 4-ой ст. пулеметчик младший унт.-офицер Вадим Ситковский, произведенный в I920 году в корнеты и прикомандированный к эскадрону, ефрейтор Филипп Халепа и Николай Ломаковский.

Ситковский "видя, что его пулемет не может следовать в лаве по болоту, выдвинулся по собственной инициативе на фланг, был

атакован красными, и, несмотря на сильный ружейный и пулеметный огонь, без выстрела подпустил красных на 500 шагов и начал их расстреливать в упор, отбил их атаку и ликвидировал фланговый обход эскадрона". Халепа и Ломаковский "были посланы каждый с разъездом в 5 коней на оба фланга атакующего эскадрона, заскочив со своими разъездами за фланги красной лавы, врубились в ее ряды, чем облегчили атаку эскадрона." (Приказ по отдельному Добровольческому корпусу от 22 января 1920 г. № 26 ст. Каял).

В течение этого боя конница Барбовича взяла 11 орудий и 38 пулеметов, из которых три были захвачены Кавалергардами в красной лаве, и более 500 пленных.

Описывая бой 21-го января, советские писатели говорят: "... всего со стороны красных участвовали 4, 6, 11 кав. див. 9, 12 стр. див. 1-ой кон., 31 и 40 стр. див. 8-ой Армии и 21 стр. див. 9-ой Армии. 9-ая и 12-ая стр. див. наступали от устья Дона до Батайска, встретили упорное сопротивление Добровольческого корпуса и, не добившись результата, к вечеру отошли на исходные рубежи. Особенно упорные бои развернулись в районе Нахичеванской переправы и станицы Ольгинской. 4, 6 кав. див., 31 и 40 стр. див. вновь овладели Ольгинской. Контр-атаки следовали одна за другой. Мужественно отражая натиск белых, войска показали невиданный героизм, однако, имея превосходство в силах, белогвардейцы вынудили наши войска вновь отойти на правый берег Дона. Агуреев, стр. 179."

И.В. Тюленев на стр. 143-145 говорит: "... таким образом, части Конной Армии и 8-ой Армии 21-го января в третий раз начали наступление в том же порядке, как и 18-го января, сменив лишь стр. див. 8-ой Армии. Во время боя станица Ольгинская несколько раз переходила из рук в руки. К Батайску же, противник, как и в прошлые дни, не подпускал наши части ближе чем на три клм. К 15 часам создалось тяжелое положение. Противник сбил на линии Батайск - Ольгинская части Конной Армии и стремился отрезать им переправу у Нахичевани, чтобы захватить потом в плен пехоту в районе Ольгинской. Действиями 1-ой бр. 4-ой кав. див. - резерв Конной Армии - угроза обхода была ликвидирована, но части Конной и 8-ой Армий были вынуждены сново отойти на правый берег Дона. За период боев 17, 18, 19 и 21 января под Батайском 1-ая Конная и 8-ая Армии понесли очень большие потери".

До 28-го января полк простоял в Койсуге. За эти дни удалось отправить в запасную часть в Крым 23 Кавалергарда, нуждающихся в продолжительном отдыхе после ранений и тифа. Вместе с ними туда же переправили несколько лошадей.

28-го января красные вновь перешли через Дон и повели наступление на Батайск крупными силами 9-ой, 15-ой, 31-ой и 40-ой стр. дивизий. Бригада Барбовича была срочно вызвана к Батайску, где полки спешились и совместно с Корниловцами и Марковцами развернулись в Донских плавнях.

Красные наступали очень вяло, ограничиваясь ведением редкой перестрелки. С темнотой и она прекратилась и обе стороны отошли в исходное положение.

2-го февраля поздно вечером полк снова седлал по тревоге.

Красные, перейдя Дон у Аксайской переправы, вновь заняли станицу Ольгинскую. Ввиду очень плохой погоды, первоначально предполагалось отложить выступление до утра, но сведения, поступившие из района Ольгинской и с Маныча, были настолько тревожные, что бригада Барбовича выступила после полуночи на Ольгинскую.

25-ти-верстный переход до Ольгинской, при 30-градусном морозе и леденящих порывах ветра, был очень тяжел. Конница шла всю ночь, часто спешиваясь и ведя лошадей в поводу. Все же за этот переход в полках было много отмороженных.

В предрассветной мгле бригада подошла к Ольгинской и, охватив ее с двух сторон, атаковала ее в конном строю, без всякой артиллерийской подготовки, совместно с казаками. В станице было взято около 800 пленных, спящих по хатам, и много пулеметов. Красные пехотинцы не оказали никакого сопротивления. Преследуя отступающих в полном беспорядке красных, полк дошел до Аксайской переправы, где попал под обстрел красных бронепоездов, и отошел на Ольгинскую. Поздно вечером бригада вернулась в район Батайска. Полк стал на старый бивак в Койсуге.

9-го февраля конница Барбовича получила очень крупное пополнение, и бригада была вновь развернута в 4-х полковую дивизию.

13-го на поле у Батайска состоялся смотр Добровольческому корпусу генералом Деникиным, а в ночь на 14-ое красные перешли Дон у станицы Елисаветинской. Развивая свой успех, они заняли на левом берегу Дона Азов, станицу Кулишевку и хутора Усть-Койсугский и Шведов. Последний в семи верстах от бивака полка.

Дивизия Барбовича немедленно выступила из Койсуга в сторону Кулишевки, по пути очистив от красных хутор Шведова. Авангард дивизии развернулся и совместно с подошедшими Алексеевцами и Дроздовцами, выбил красных из Кулишевки. Преследовать красных был послан из резерва дивизии Гвардейский полк.

Полк настиг красных в Донских плавнях, где им было взято около 500 пленных, 5 орудий, из которых одно Кавалергардами и много пулеметных тачанок, застрявших в плавнях. В Конногвардейском эскадроне был смертельно ранен шт.-р. граф Стембок-Фермор; Уланы Его Вел. потеряли убитым шт.-р. князя Волконского. (I).

15-го Дивизия была вновь вызвана в Ольгинскую, которая была опять занята красными. Мороз, по-прежнему, был очень сильный, но день солнечный и без ветра, и переход до Ольгинской был совершен гораздо легче.

Подходя к станице, вся дивизия развернулась и под прикрытием огня своих батарей атаковала Ольгинскую с запада. То же сделали казаки с юго-востока и Ольгинская была занята почти без потерь. За конницей ген. Барбовича утвердилось навсегда, данное ей в армии прозвище Пожарной команды. Простояв очень короткое время в Ольгинской, дивизия вернулась на свои биваки.

(I) Белые оказали упорное сопротивление, особенно Добровольческий корпус, которому удалось вновь занять Кулишевку.
Агуреев, стр. 187.

На полях у станицы лежали груды сложенных трупов людей и лошадей - следы частых боев. Земля так глубоко и крепко промерзла, что хоронить эти тысячи трупов было невозможно и некому. Чтобы предохранить местность от заразы разложения, все трупы, и людские и конские, обливались водой и постепенно превращались в ледяные горы.

Утром 19-го в штабе дивизии была получена диспозиция наступления на Ростов. По этой диспозиции Корниловцы должны были выступить вечером и, перейдя Дон, подойти к станице Гниловской и захватить ее коротким ударом. После чего взорвать железнодорожные пути в сторону Таганрога и Ростова, обеспечив образовавшийся тэт-де-пон от подхода броневых поездов.

Вслед за Корниловцами выступала дивизия ген. Барбовича, имея в голове Гвардейский полк и I-ую Гв. батарею. После занятия Гниловской, дивизия должна была наступать на Ростов, где ей надлежало связаться с частями 3-го Донского корпуса ген. Старикова, который наступал на Ростов через Нахичевань.

Со стороны Батайска, в лоб на Ростов, наступление вели Алексеевцы. Дроздовцы наступали из Азова с целью занять жел.-дорогу Ростов-Таганрог, и прикрыть тыл и левый фланг частей, наступающих на Ростов из Гниловской. Марковцы оставались в резерве Добровольческого корпуса.

К 22 часам Гвардейский полк подошел к сборному месту дивизии, на западной окрайне Койсуга и через час, вместе с I-ой Гв. кон. батареей, выступил в авангарде через Донские плавни на Гниловскую.

Сильный мороз и ветер с пургой в достаточной степени замедляли и вместе с тем скрывали движение полка. Перейдя через замерзшие реку Койсуг и Орчасов ерик, полк задолго до рассвета, соблюдая полнейшую тишину, подошел с батареей к главному руслу Дона и остановился в прибрежных камышах.

Уже близился рассвет, когда со стороны Гниловской послышалось несколько выстрелов, короткая пулеметная строчка, и вновь все погрузилось в полнейшую тишину. Корниловцы успешно выполнили свою задачу. Незамеченные красными, они захватили станицу врасплох. Появление Корниловцев было настолько неожиданно, что большинство пленных было ими захвачено спящими в хатах.

Начало светать и в утреннем тумане постепенно выплывали очертания Ростова. Полк перешел рысью Дон, втянулся в Гниловскую и скрытно расположился за ее домами. На площади у церкви стояла не запряженная красная батарея, без выстрела захваченная Корниловцами.

Стало уже совсем светло, когда со стороны Ростова раздались первые выстрелы. Красные стреляли по подходившей во взводных колоннах дивизии. По мере ее приближения, огонь красных все усиливался. К разрывам полевой артиллерии присоединился огонь морских орудий красных бронепоездов.

Бой под Ростовым постепенно разгорался и ширился по фронту. Уже были видны цепи Алексеевцев, переходящих Дон. В самой станице Гниловской начали рваться снаряды и свистели излетные пули.

Со стороны Темерника - пригорода Ростова - показались густыя цепи красных, пулеметные тачанки и батарея, наступавшие в сторону Гниловской. Наступление велось очень быстро и в полном порядке. Навстречу красным вышли цепи Корниловцев.

С подходом остальных частей дивизии, полк вышел из Гниловской вдоль проселочной дороги на Олимпиадовку с целью обойти фланг наступающих на Гниловскую красных.

Отойдя от станицы версты на полторы, полк повернул взводами направо и пошел в атаку. Красные цепи начали смыкаться и встретили атаку залпами. Но по мере приближения полка, стрельба красных становилась нервной и безпорядочной. Многие пехотинцы стали отбегать, другие втыкали винтовки штыками в землю, подымали руки и сдавались.

Всего полком было захвачено более 800 пленных 48-ой бриг. I6-ой стр. дивизии, которые были отправлены под конвоем эскадрона Л.-Драгун в Гниловскую и далее за Дон.

Кроме того Кавалергардами было взято 2 орудия: на одном ездовые успели отрубить постромки уносам и ускакать, другое, уходя от Кавалергардов в Темерник, зацепило фонарный столб и опрокинулось. Ездовые, бросив запряжки бежали через заборы.

Продолжая обход Ростова, полк прошел вдоль окрайны Темерника, пересек кольцевую железную дорогу у Олимпиадовки, когда со стороны Ростова показался поезд. Несколько Пульманских вагонов, площадки с рельсами и баластом, вооруженные пулеметами. I-ая Гв. батарея немедленно поставила одно орудие прямо между рельсами и с одного выстрела подбила паровоз и остановила поезд. Из вагонов выскочило десятка два красноармейцев в черных кожаных куртках, почти все зарубленные полком. Поезд оказался базой бронепоезда "Гром", захваченного в Ростове в числе других пяти.

Продолжая свое движение в обход Ростова, полк к I4 часам подошел к кладбищу, откуда красные были выбиты огнем батареи, после чего кладбище, скаковой круг, остатки упраздненной крепости Св. Димитрия на северной окрайне Ростова и все выезды из него были заняты полком. В городе еще велась безпрерывная ружейная и пулеметная стрельба.

Под вечер на одну из застав полка выскочил красный броневой автомобиль "Мефистофель". Нарвавшись на огонь заставы, броневик хотел свернуть с дороги, но застрял в снегу. Два комиссара и шофер были захвачены в плен.

Вечером полк был оттянут в Темерник. 2I-го февраля с рассветом, красные перешли в наступление на Ростов. Дивизия Барбовича была выведена из Темерника и отошла, под довольно сильным огнем, на Гниловскую. Из Гниловской, дивизия пошла в обход Ростова на хутора Лисенкова, Курень, хут. Карапеда, Назарова, Константинов и Монастырский. Все они были легко заняты без особого сопротивления, после чего полк выступил на Ростов.

К этому времени, город был окончательно занят и полк стал на ночлег в домах на северной окрайне Ростова, очень радушно принятый населением.

Весь день 22-го полк простоял в Ростове. Из Батайска пришло пополнение. Кавалергарды получили 8 конных. За последние два дня, в особенности во время атаки на 48-ю бригаду, полк потерял убитыми и ранеными более 40 человек, среди них Кирасира Его Вел. пор. Максимова, Л.-Улана пор. Крыжановского и Кирасира Ея Вел. шт.-ротм. Одинцова.

Вечером стало известно, что достигнутый успех не только не будет развиваться, но войска отойдут за Дон, в связи с неудачей в районе Тихорецкой, где конница Буденного нанесла поражение Кубанцам.

В 2 часа ночи полк выступил из Ростова по пустынным улицам, еще спящего города. Вместе с Кавалергардским эскадроном ушло из Ростова пять жителей города добровольцами и две сестры милосердия из красного госпиталя.

Перейдя по льду Дон, полк стал у полустанка Заречный в плавнях, выставив целую сеть постов наблюдать за городом. Когда последние пехотные части вышли за Дон, полки дивизии Барбовича отошли на свои биваки, оставив Гвардейский полк наблюдать за Ростовом.

В городе долго царила полнейшая тишина и только около 15-ти часов послышались в нем одиночные выстрелы. В 17 часов после редкой и совершенно безвредной перестрелки, полк ушел на бивак в Койсуг. (После ожесточенных боев к вечеру 23-го февраля наши войска освободили Ростов на Дону и Нахичевань. Агуреев, стр.191).

Отойдя на несколько верст от Дона, полк попал под обстрел красных бронепоездов, пришедших из Новочеркасска. Снаряды рвались довольно далеко от полка. Лишь одним из них, разорвавшимся в непосредственной близости от Кавалергардского эскадрона, была убита лошадь под шт.-р. графом Р.В. Мусин-Пушкиным и другая ранена под командиром эскадрона ротм. Г.Г. Раухом.

Четыре дня полк простоял в Койсуге. Командир эскадрона поехал в станицу Ново-Николаевскую, где стоял обоз, чтобы наладить отправку дальше в тыл больных людей и лошадей и привести пополнение.

После неудач, постигших Красную Армию в районе Батайска, где все повторные попытки штаба фронта прорвать Конной Армией фронт Добровольческого корпуса, Донских и Кубанских казаков не увенчались успехом, и только привели к огромным потерям в рядах Конной, 8-ой и 9-ой армий, командующий фронтом В.И. Шорин, был смещен и на его место назначен М.И. Тухачевский.

Перемена в командовании повлекла за собой полное изменение в директивах армиям. Вместо лобовых атак на фронте Ольгинская - Батайск, был намечен глубокий обход правого фланга белых с выходом им в тыл. Успехи 10-ой и 11-ой армий под Царицыным и Астраханью, разложение в рядах Кубанских казаков, сильно облегчили красному командованию исполнение задуманного плана.

1-ая Конная была снята с Батайского направления, переброшена за р. Сал, где после отдыха, она была пополнена, приведена

в порядок и усилена конным корпусом Думенко (I) и 21 стр. див. Численность этой группы была доведена до 15 тысяч конницы, 2-х с половиной тысяч пехоты с 50 орудиями и 350 пулеметами.

Наступление на Ростов было вызвано желанием парировать создавшуюся на правом фланге угрозу. Но когда выяснилось, что конница ген. Павлова - Донские и Кубанские казаки - не в состоянии удержать наступление красных, в станицу Егорлыкскую была спешно переброшена - Пожарная команда - дивизия генерала Барбовича.

Бои, протекавшие до этого времени с переменным успехом на реке Маныч, а затем между реками Средний Егорлык и Рассыпная, с подходом 20, 34 и 50 стр. див. из 10-ой и 11-ой Красных Армий, стали склоняться не в пользу Белых Армий. Разгром 22-го февраля 1-го Кубанского корпуса ген. Крыжановского в районе станицы Белая Глина еще больше усложнил, уже без того тяжелое положение конницы ген. Павлова.

25-го между станицами Средне-Егорлыкская и Белая Глина произошел встречный бой конницы ген. Павлова и 1-ой Конной, усиленной тремя стр. дивизиями. В результате этого боя части ген. Павлова вновь потерпели поражение и были отброшены к станице Егорлыкской. Туда в распоряжение ген. Павлова была переброшена 26-го дивизия ген. Барбовича.

Пройдя по маршруту хут. Злодейский - станицы Кагальницкая и Мечетинская в снежный буран и сильнейший мороз около 100 верст, дивизия подошла к станице Егорлыкской вечером 28-го февраля.

Желая использовать достигнутый успех, красное командование решило вновь атаковать группу ген. Павлова. Для этого 4-ая и 6-ая кав. див. 1-ой Конной Армии выступили из станицы Средне-Егорлыкской на хут. Грязнухин, откуда, обойдя станицу Егорлыкскую, они должны были атаковать конницу ген. Павлова с северо-запада. 11-ая кав. див. вместе с Кавказской кав. див. и дивизией Блинова должны были атаковать Егорлыкскую с юго-востока. 20 и 50 стр. див., следуя за и в промежуток между, охватывающими Егорлыкскую, дивизиями, нацеливались на Егорлыкскую с юга. 34 стр. див. оставалась в резерве и в прикрытие тыла красных в районе станица Белая Глина, Горькая Балка и Средне-Егорлыкская.

Около 10 час. утра 1-го марта, головные части 4-ой и 6-ой кав. див. вышли к западу от Егорлыкской, на сторожевое охранение 1-го кон. полка дивизии ген. Барбовича и не смогли полностью выполнить поставленную им задачу - охват Егорлыкской с сев.-запада.

К этому времени конница ген. Павлова, Донские и Кубанские казачьи дивизии были собраны впереди южной окрайны станицы Егорлыкской. Дивизия ген. Барбовича в составе трех полков - Гвардейского, 2-го и 3-го конных стала в резерв. Навстречу наступающим красным лавам ген. Павлов выслал дивизию ген. Барбовича.

Под артиллерийским огнем дивизия перестроилась в боевой порядок. В первой линии Гвардейский и 3-ий кон. полки, во второй 2-ой конный. Лавы красных повернули кругом и, отходя, открыли

(I) Обвиненный в измене, Думенко был расстрелян.

свои пулеметы, встретившие атакующие полки сильным огнем. Во главе с командиром полка ген. Даниловым, полк бросился в атаку, опрокинул лавы, их поддержку, пулеметы и на их плечах, совместно со 2 и 3-м кон.полк.врубился в подходившую поддержку главных сил красных. В самом начале атаки под временно командующим Кавалергардским эскадроном шт.-р. гр. Р.В. Мусин-Пушкиным была убита лошадь. Пока ему подавали другую, атака была уже далеко.

Между перемешавшимися всадниками обеих конниц началась беспощадная рубка. Крики Ура, стоны раненых, отдельные выстрелы - все слилось в сплошной гул. Смятые атакой дивизии, красные начали отходить, но в это время на казачьи полки, стоявшие левее дивизии, вышли свежие силы красных. Казаки атаки не выдержали, и красные, обойдя фланг дивизии, атаковали ее с тыла.

Не имея больше никаких резервов, ген. Барбович собрал все находившиеся поблизости пулеметные тачанки разных полков и лично повел их против красных. Огнем пулеметов красные были отброшены с большими потерями, кольцо окружения было прорвано и полки смогли отойти за вторую речьку. Там полки снова построились и вторично пошли в атаку. Но дойти до третьей речьки, как и в первый раз, дивизия не смогла и столкнулась с красными на второй речьке.

Три раза ходили в атаку поредевшие полки ген. Барбовича, останавливая каждый раз продвижение красных, нанося и неся большие потери. С темнотой бой прекратился. Все атаки красных были отбиты, и поле боя осталось за дивизией.

Но этот частный успех на участке дивизии ген. Барбовича был куплен страшной ценой. Ценой почти полного уничтожения ее полков. Гвардейский полк потерял убитыми и ранеными больше 50 % своего состава, в том числе 11 офицеров.

Конногвердейцы потеряли убитыми кор. Штранге и ранеными рот. князя Накашидзе, Кирасиры Е.В. убитыми рот. Кучина и пор. князя Черкасского, Кирасиры Ея В. убитыми пор. Буйнова и кор. графа Гейдена и ранеными рот. Полянского, Конногренадеры убитыми рот. Хитрово и кор. Пуришкевича, Лейб-Драгуны убитыми кн. Енгалычева и Лейб-Гусары убитыми рот. кн. Святополк-Мирского.

Несмотря на частный успех дивизии ген. Барбовича, бой под Егорлыкской, в котором на протяжении 15 верст участвовало с обеих сторон около 30 тысяч всадников, окончился полным поражением конницы ген. Павлова. Около 20 Донских и Кубанских полков не приняли почти никакого участия в бою, оставаясь в лучшем случае, пассивными зрителями, и вся тяжесть боя легла исключительно на див. ген. Барбовича. Только перед самым окончанием боя за флангом красной конницы появилась конная бригада ген. Агоева, чем в значительной степени была облегчена третья атака регулярной конницы.

С темнотой дивизия сосредоточилась в хуторах к западу от Егорлыкской. На рассвете 2-го, в связи с общей обстановкой на фронте, без всякого давления со стороны красных, она отошла через станицы Гуляй-Борисовка, Ново-Пашковская, Екатериновская, Павловская на Челбасскую, куда пришла 7-го марта.

Поражение конницы ген. Павлова, выход 1-ой конной и частей 10-ой и 11-ой красных армий за правый фланг и в глубокий тыл белых,

предрешали возможность дальнейшей обороны на рубежах Дона и Маныча и неимнуемость отхода всего фронта на линию р. Кубани.

Несмотря на удачу под Егорлыкской I-я конная только 8-го марта смогла начать преследование армий Юга России.

Ночью 8-го стан. Челбасская была атакована красными. После короткой обороны Гв. полк отошел на Звериную Гать, откуда дивизия, сведенная в двух-полковую бригаду, отошла небольшими переходами на р. Бейсужек, где заняла I3-го оборону переправы у ст. Дедовская. Но уже I5-го, выравнивая фронт по отходившим восточнее Донским и Кубанским казакам, бригада отошла на ст. Медведовская. К этому времени красные успели занять ст. Усть-Лабинская и переправы через р. Лабу и Кубань. Ввиду нароставшей угрозы правому флангу белых армий, бригада была оттянута к Новороссийску. I9-го она стала в ст. Крымская в 20-ти верстах к северу от Новороссийска.

Вечером I-го марта, когда бой под Егорлыкской уже кончился, к полку пришло пополнение, приведенное рот. Раухом из ст. Ново-Николаевская. Потери в полку были настолько велики, что многие эскадроны были сведены во едино. Так Кавалергарды и оба Кирасирские эскадроны были сведены в один, под командой рот. Рауха. В течение января и февраля в несколько приемов, из полкового околотка в Н.-Николаевке и из обоза 2-го разр., стоявшего в ст. Ясеньская, были отправлены больные, после перенесенного тифа и раненые Кавалергарды в Крым.

Пребывание обоза в ст. Ясеньская едва не окончилось печально. В первую же ночь по прибытии в нее обоза, Кубанские казаки разоружили спящих Кавалергардов и только через несколько дней, после вмешательства Штаба Армии и Кубанского правительства, оружие было возвращено.

20-го марта вся бригада сосредоточилась в ст. Крымская. Положение на фронте, не только с каждым днем, но с каждым часом становилось все тревожнее. Главное командование, не сумевшее предусмотреть возможность отхода с рубежей Дона и Маныча, не принявшее своевременно никаких мер для эвакуации тылов Армии, не озаботившееся наличием нужного тоннажа в портах Азовского и Черного морей, растерялось и не знало, на что решиться. Отходить ли вдоль черноморского побережья, удерживать ли, заранее обреченный Новороссийский плацдарм, или перебросить армии в Крым ? В самой Армии, потерявшей веру в свое Главное Командование, началось массовое дезертирство. Уходили одиночками и целыми группами к "зеленым", хозяйничавшим в горах.

Все дороги до самого Новороссийска были забиты отходящими частями, перемешавшимися воинскими обозами, обозами разных гражданских учреждений, беженцами, тысячами калмыков, покидавшими целым народом вслед за Армией свои юрты и станицы.

По обочинам дорог лежали сотнями умирающие и мертвые люди, скошенные тифом, лошади, верблюды, павшие от безкормицы. Всюду сброшенные под откос горных дорог, разбитые орудия, патронные ящики, повозки всех видов, часто груженные всяким скарбом.

Наконец последовало решение Главного Командования об эвакуации в Крым.

С 21-го по 24-ое бригада вела разведку и наблюдение за переправами через многочисленные русла Кубани, впадавших в Кизилташский лиман. 25-го бригада была оттянута на ст. Тонельная, откуда в связи с общим отходом, отошла на Новороссийск.

Вечером, когда окончательно выяснилось, что Штаб Армии ничего не предусмотрел для погрузки бригады, ген. Барбович выслал от Гв. полка эскадрон для приискания и занятия какого-нибудь парохода. После долгих поисков удалось найти небольшой транспорт "Дооб", который и был занят эскадроном. Но утром 26-го к транспорту подошли остатки Кубанской Армии, несколько тысяч с ген. Топорковым во главе, для погрузки на транспорт. Между казаками и эскадроном едва не дошло до перестрелки.

Когда выяснилось, что "Дооб" действительно предназначен Кубанцам, охрана была снята, но тут же заняла, только что подошедший транспорт "Аю Даг". Немедленно началась погрузка в первую очередь всех больных и раненых, которые по разным причинам не были еще эвакуированы в Крым.

Вся набережная и прилегавшие к ней улицы были забиты орудиями, грузовиками, броневыми машинами и всякими повозками. Под всем этим валялись, втоптанные в грязь сахар, шеколад, консервные банки, груды совершенно нового английского обмундирования, в выдаче которого еще накануне было отказано, сапоги, шинели, кожаные куртки, непромокаемые плащи, белье. Все это, выданное своевременно, было бы спасено и в свою очередь, спасло бы жизнь не одной тысяче бойцов.

Под вечер бригада, с трудом пробиваясь через весь этот хаос, подошла к причалу "Аю Дага". Тут выяснилась невозможность погрузить лошадей. Всего на всю бригаду было погружено не более 50-ти лошадей.

Конь есть первое оружие кавалериста. Этому учили в военных училищах и в полках. Гражданская война, в которой на долю конницы выпала первенствующая роль, только подтвердила и усугубила эту истину. И вот настала тяжелая минута, когда всадникам пришлось расстаться со своими верными боевыми товарищами, из которых многие прошли все блестящее наступление от Ак Маная на Бахмач и весь страдный отход на Дон.

Полк стой! Слезай! Расседлывай! Взять с собой седла и суголовья! Выходи на погрузку! - Последнее прости боевому другу, последняя ласка, кусок сахара и, не оборачиваясь, полк начал погрузку.

Черные тучи заволокли все небо. Кругом раздавались взрывы снарядов и треск патронов в подожженных складах. Яркое пламя пожара озаряло жуткую картину покидаемого города.

Ночью "Аю Даг" вышел на рейд и утром 27-го покинул Кавказский берег.

28-го полки подошли к Феодосии и сразу начали разгрузку.

В. З в е г и н ц о в

Х Р О Н И К А

со дня выхода последнего номера Вестника.

1 9 6 5

24-го Ноября декретом Президента Французской Республики князь Николай Николаевич Оболенский награжден орденом Почетного Легиона.

Зачисленный подпоручиком в запас, по окончании Сан-Сирской Военной Школы в 1939 году, князь Оболенский уже в том же году, 2-го сентября, был призван на действительную военную службу с назначением в 21-ый п. полк Иностранных Добровольцев.

Вынося 14-го июня 1940 года своего раненого ротного командира, князь Оболенский был сам ранен двумя пулями в грудь с повреждением легкого, и был награжден Военным Крестом за, как сказано в приказе по дивизии, "Прекрасный пример самоотверженности и храбрости. 14-го июня 1940 г., в бою у Гранж-о-Буа, под сильным огнем противника, смело бросился на помощь своему раненому капитану и пал, тяжело раненый".

25 лет спустя Военный Министр счел эту награду не соответствующей совершенному подвигу и представил князя Оболенского к высшей военной французской награде, Ордену Почетного Легиона, которым он и был награжден.

1-го Декабря в Париже скончалась графиня Ирина Дмитриевна Менгден, рожд. графиня Шереметева. Похоронена на Русском кладбище в Сан-Женевьев-де-Буа, под Парижем.

1 9 6 6

26-го января в Буенос-Айресе в Аргентине скоропостижно скончался Николай Александрович Львов. Офицер полка производства 1-го февраля 1917 года.

4-го марта в Каннах, французские Приморские Альпы, скончался после долгой болезни в старческом доме князь Александр Сергеевич Гагарин, офицер полка производства 1905 года. Похоронен на кладбище Кокад в Ницце.

22-го марта в Риме скончалась вдова Кавалергарда графиня Елена Феофиловна Шереметева, рожд. баронесса Мейендорф. Похоронена на кладбище Тестаччио.

23-го июля в Мадриде состоялась свадьба внука Кавалергарда князя И.А. Куракина, в духовном сане Епископа Иоанна, Михаила Петровича Гилленшмидт и баронессы Jacqueline de Boisséson, дочери французского посла при Испанском Правительстве.

28-го июля в г. Коллон в Шотландии скончалась сестра Кавалергарда Ксения Валерьяновна Курис, рожд. Бибикова. Похоронена на местном кладбище.

19-го сентября в доме Русских Инвалидов в Монтморанси, под Парижем, скончалась вдова Кавалергарда Софья Алексеевна Брянчанинова, рожд. Татищева. Похоронена на местном кладбище.

5-го октября в газете "Новое Русское Слово" в Нью-Йорке помещена следующая заметка: Друзья и почитатели покойного церковного деятеля П.П. Зубова установили на его могиле на кладбище Свято-Тихоновского монастыря памятник. Надпись на памятнике гласит: "Петр Петрович Зубов (1893-1964). Вечная Память верному русскомв воину, преданному сыну Святой Православной Церкви и истинному христианину".

1/14-го октября исполнилось 50 лет со дня производства в корнеты Кавалергардского полка Его Выс. Князя Андрея Александровича. От Кавалергардской Семьи юбиляру было послано поздравление.

Последняя часть книги В.Н. Звегинцова "Кавалергарды в Великую и гражданскую войну" поступила в набор.

- - - - -

Вестникъ

Кавалергардской Семьи

1967

ОТ РЕДАКЦИИ

ВЕСТНИКА КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ

На протяжении более тридцати лет, что выходит наш Вестник, все темы, непосредственно связанные с Кавалердским полком и дивизионом, постепенно иссякли.

На протяжении тех же лет разные члены Кавалергардской Семьи склоняли и спрягали на его страницах на все лады Аустерлиц, Бородино, Кульм, Фершампенуаз и бои Первой мировой и гражданской войн.

Продолжать в таком виде Вестник невозможно.

У редакции нет больше тем, и что более грустно, почти нет новых сотрудников. Поэтому, исходя из того, что Вестник Кавалергардской Семьи, как говорит само его название, не является исключительно Вестником участников Первой мировой и гражданской войн, но Вестником всех членов Кавалергардской Семьи, редакция решила расширить существующие до сих пор рамки и печатать статьи на разные темы, в надежде, что Вестник, являющийся единственной связью между всеми нашими сочленами, разбросанными по разным странам, сможет еще продолжить свое существование.

К ДЕКАБРИСТАМ

Не многие из вас еще в живых остались,
Полвека протекло без малого с тех пор...
Но памятен тот день : вы в крепости собрались
Одних вели на казнь - а прочих на позор !

С утра гулял палач у Кронверкской куртины,
По гласису над рвом виднелось шесть столбов,
Тяжелый брус скреплял их тонкие вершины,
Готово торжество : ряд виселиц готов !...

На площади войска, и пушка между ними,
Блестит на солнце медь - начальники верхом,
И вправду торжество - над жертвами святыми,
Несущими свой крест с сияющим лицом.

Разложены костры, вот слышны в отдалении
Командные слова - зловещий будто крик.
Безмолствует народ, он в страхе и смятении
От казней на Руси давно уж он отвык.

Внезапно ворота на петлях заскрипели,
И двинулась толпа нестройная вперед.
В ней фраки и мундир, как в городе пестрели,
То смесь была людей, но не был то народ.

Откуда же они ? Кто были эти люди,
Которых суд клеймил бесчестия стыдом ?
Как блеском орденов украшены их груди,
Украшена их жизнь любовью и трудом.

Несчастным помощь в них - защита угнетенным,
Все помыслы и цель к добру устремлены...
Свобода их кумир ; ей жертвам принесенным
Нет места, ни числа, нет меры, нет цены.

И как нам не почтить участия слезою
Ратующих за чернь вельмож и богачей.
То цвет России был, поблекший под грозою,
И скошенный с земли руками палачей.

Н.С. Мартынов.

Село Знаменское. 1870 г.

Сборник Биографий Кавалергардов.
Том 3-ий, стр. 106.

ПРАЗДНИК КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ

В Париже 5/18 Сентября в день Святых Захария и Елисаветы, в соборе Св. Александра Невского в 19 час. был отслужен молебен, на котором кроме членов Кавалергардскей Семьи, их родственников, друзей и знакомых, присутствовало много посторонних молящихся. После молебна в ресторане Au Palmier de Longchamps, состоялся товарищеский ужин, на котором присутствовали: С.А. и А.С. Безобразовы, Г.В. Бибиков, бар. А.П. Бильдерлинг, бар. Г.Г. фон Гротгус, В.Н., В.В. и М.В. Звегинцовы, Д.Д. Левшин, гр. Г.Д. Менгден, гр. В.В. Мусин-Пушкин, кн. Н.Н. Оболенский, кн. И.В. Репнин, Г.Г. фон Раух и И.Н. Чудово-Адамович.

В Нью-Йорке 17 сентября после литургии в соборе Знамения Божией Матери был отслужен молебен.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Александр Викторович ЧИЧЕРИН

10/23 Августа 1892 + 15 Июня 1967

15 Июня в Нью-Йорке скончался Александр Викторович Чичерин. Сын помещика Карачевского уезда Орловской губернии, Виктора Александровича Чичерина и его жены Надежды Андреевны рожд. княжна Эристова. Поступил после окончания Орловского реального училища вольноопределяющимся в Кавалергарды с зачислением в № 2-ой эскадрон. В 1913 году был оставлен на сверхсрочную службу с награждением узким серебряным шевроном. На войну 1914 г. вышел ординарцем командира полка. В конце Июня произведен в прапорщики по армейской кавалерии. После боя под дер. Каушен в Восточной Пруссии, в котором был контужен разрывом гранаты, переведен тем же чином в Кавалергарды.

24 Мая 1915 г. в чине корнета был снова контужен гранатой в разъезде у дер. Серафимы в Козлово-Рудских лесах. В 1917 г. произведен в поручики. В сентябре 1917 г. вступил в командование № 2-м эскадроном и произведен в штабс-ротмистры. Находясь с эскадроном на охране ж.-д. путей на станции Бердичев, благодаря проявленной им решимости и хладнокровию 27 сентября, была предовращена возможность самосуда толпы над генералами Деникиным, Марковым, Орловым, Эйслером, Эрдели и Вановским во время перевода их из Бердичевской тюрьмы на вокзал.

Принял участие в гражданской борьбе, сначала в Киеве в октябре-ноябре 1918 г., затем в рядах Кавалергардского дивизиона на юге России. В 1919 г. до перехода через Дон командовал сформированным им № 3-м эскадроном.

После оставления Крыма некоторое время находился в Галлиполи при остатках Кавалергардского дивизиона. Имел солдатский Георгиевский крест 4-ой ст., кресты Св. Анны и Св. Станислава 3-ей ст., с мечами и бантом и Св. Анны 4-ой ст. с надписью "За храбрость", юбилейные медали 100-летия Отечественной войны и 300-летия Дома Романовых и Галлиполийский знак.

Похоронен на кладбище Ново-Дивеевского монастыря в С.Ш.С.А.

Денис Димитриевич ДАВЫДОВ

I6/29 Декабря I894 + 25 Июня I967

25 Июня после продолжительной болезни скончался в Париже Денис Димитриевич Давыдов. Сын Киевского помещика, владельца хорошо известного в Русской истории имения Каменка, Димитрия Львовича Давыдова и его жены Наталии Михайловны рожд. Гудим-Левкович, поступил в I9I5 г. после окончания Императорского Александровского лицея, вольноопределяющимся в Кавалергарды.

24 Июня I9I6 г. во время обстрела тяжелыми снарядами позиции полка впереди деревни Богушевка на Сосновом острове на реке Стоходе, Давыдов был дважды контужен, причем во второй раз настолько тяжело, что был вынесен из под огня штабс-ротмистром гр. Матвеевым Старженским. В конце года был произведен в ефрейтора. Имел Георгиевскую медаль 4-ой ст. за бои на реке Стоход.

После отпевания в Александро-Невском соборе в Париже погребен на Русском кладбище С. Женевьев де Буа в окрестностях Парижа 29-го. На отпевании и похоронах присутствовали все свободные от службы члены Кавалергардской Семьи.

Граф Николай Александрович МУСИН-ПУШКИН

+ I3 Сентября I967

I3-го Сентября в Америке скончался граф Николай Александрович Мусин-Пушкин, младший сын гофмейстера Высочайшего Двора, Почетного опекуна графа Александра Алексеевича Мусин-Пушкина и графини Марии Николаевны, рожд. княжна Долгорукая.

По окончании С.-Петербургской гимназии поступил в I9I3 году вольноопределяющимся в Кавалергарды с зачислением в № 3 эскадрон, с которым вышел на войну I9I4 г. Произведен в ефрейторы, младшие унтер-офицеры и награжден Георгиевским крестом 4-й ст. По выдержанию офицерского экзамена, произведен в I9I5 году в прапорщики, затем в корнеты, поручики. - Участвовал в боях полка I9I4-I6 г.г.

Димитрий Иванович ЗВЕГИНЦОВ

I8 Января I880 + 23 Октября I967

В Glasbury on Wye - Великобритания скончался 23 октября Председатель Кавалергардской Семьи Димитрий Иванович Звегинцов. Сын действительного тайного советника Ивана Александровича Звегинцова и его жены Марии Александровны рожд. Казакова, поступил, по окончании Императорского Александровского Лицея в августе I90I года юнкером в Кавалергарды. В октябре того же года произведен в корнеты с оставлением в рядах № 4-го эскадрона, в котором протекла вся его мирная и боевая служба в полку.

Заведуя полковой учебной командой в I9I0 г., он подготовил тот унтер-офицерский кадр, с которым полк выступил на войну, и который так блестяще оправдал ту боевую выучку, инициативу и сноровку, вложенную Димитрием Ивановичем.

Требовательный по службе к своим подчиненным и еще больше к самому себе, он заслужил среди них глубокое уважение.

1916 год застал его в чине полковника помощником командира полка по хозяйственной части. Его неутомимая деятельность в этой области быстро привела в порядок, немного запущенную хозяйственную отчетность полка, создавшуюся вследствии постоянных переброс с фронта на фронт.

Наступившая революция с новыми демократическими веяниями в высших командных сферах принудила его покинуть полк. Он был назначен состоять для связи при иностранных миссиях в Ставке. Эту же должность занимал он во время гражданской войны на юге России.

Последние годы он жил в небольшом, купленном им, имении в Sussex, а затем у своего сына Димитрия, бригадира Великобританской Королевской армии.

В его лице Кавалергардская Семья потеряла не только своего председателя, но и в высшей степени культурного и образованного товарища.

\- - - -

ИЗ НЕИЗДАННЫХ ДОПОЛНЕНИЙ К БИОГРАФИИ КАВАЛЕРГАРДОВ

Много лет тому назад, на заседании старшин Кавалергардской Семьи было постановлено избрать комиссию из трех лиц для продолжения и дополнения биографий Кавалергардов, доведенных в 4-ом томе "Биографий Кавалергардов" до 1906 года. В комиссию были избраны В.Н. Звегинцов, барон Г.Г. фон Гротгус и Д.Д. Давыдов.

Перед комиссией стала троякая задача. Составить биографии офицеров и чиновников, поступивших в полк с 1906 по 1917 год, дополнить биографии, помещенные в 4-ом томе и, наконец, добавить биографии тех лиц, которые по разным причинам не были помещены в "Сборнике Биографий". Последнее из трех заданий неожиданно оказалось, в сравнении с другими, наиболее легким. Составлены были биографии 22-х Кавалергардов, не помещенных в 3-м томе. Удалось достать снимки 15 из них. Написать беглый обзор разных тайных обществ, приведших к восстанию 14-го Декабря. Выяснить роль, которую каждый из этих лиц играл в тайных обществах и затем условия жизни сосланных в Сибирь.

Желание старшин об издании всех биографий вряд-ли сможет быть осуществлено, ввиду большой стоимости такого издания, в особенности если придерживаться однообразия с предыдущими четырьмя томами.

В сегодняшнем номере Вестника Кавалергардской Семьи будут помещены биографии двух кадровых офицеров полка. Из них и последующих биографий, можно видеть насколько ложна предвзятая идея невинных мучеников, жертв правительственного произвола, пущенная современниками этому событию "передовыми" кругами общественности, во главе с Пушкиным, Лермонтовым, Денисом Давыдовым, Мартыновым, Некрасовым и возведенных в Кумиры теперешними советскими исследователями.

В 3-м томе "Биографий Кавалергардов", изданных Кавалергардским полком ко дню своего столетнего юбилея, как строевая часть, пропущены биографии следующих 22 лиц: И.А. Анненков, Д.А. Арцыбашев, Ф.Ф. Вадковский, Н.А. Васильчиков, граф Л.П. Витгенштейн, князь С.Г. Волконский, князь А.Н. Вяземский, А.С. Горожанский, Н.Н.Депрерадович,

В.П. Ивашев, А.А. Крюков, А.Л. Кологривов, М.С. Лунин, светл. князь П.П. Лопухин, А.М. Муравьев, А.З. Муравьев, М.Ф. Орлов, П.И. Пестель, И.Ю. Поливанов, П.П. Свиньин, П.Н. Свистунов, граф З.Г. Чернышев.

В предисловии к этому 3-му тому указаны причины, побудившие редактора "Биографий Кавалергардов" воздержаться от помещения биографий перечисленных 22 лиц. Однако в том же 3-ем томе помещены биографии шести Кавалергардов в свое время причастных в той или иной степени к разным тайным обществам. Это граф Я.Н. Булгари стр. 183, С.Б. Бегичев стр. 258, князь Ф.Ф. Гагарин стр. 135, В.И. Пестель стр. 255, А.Ф. Шереметев стр. 318 и князь Ф.А. Щербатов.

Если основанием принятого решения является присяга, которую всякий воин давал при самом начале своего вступления на действительную военную службу, то решение редактора совершенно обосновано и правильно.

Воинская присяга начинается словами "Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред Святым Его Евангелием в том, что хощу и должен Его Императорскому Величеству Самодержцу Всероссийскому и Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего до последней капли крови"... В последней части присяги сказано "Об ущербе же Его Императорского Величества, интересах, вреде и убытке, как только о том уведаю не токмо благовременно объявить, но и всяческими мерами отвращать и не допущать потщуся"... И далее "И все по совести своей исправлять и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды против службы и присяги не поступать"... "и во всем так себя вести и поступать, как честному, верному, послушному, храброму и расторопному войну надлежит."

Таким образом, в отношении присяги, никаких смягчающих обстоятельств вины нет и быть не может. Все в одинаковой степени клятвопреступники и все в одинаковой степени виновны.

Но тогда является вопрос почему биографии, не только шести, выше перечисленных лиц, но и биографии непосредственных участников дворцовых переворотов 1762 и 1801 годов, возведших на престол Императрицу Екатерину Великую и Императора Александра I-го с убийствами царствующих монархов Петра III-го и Павла I-го помещены полностью, а в 3-ем томе "Истории Кавалергардов" того же издания Кавалергардского полка, еще подробно описаны деятельность каждого из них, кроме того в биографии Мартынова, в числе некоторых его стихов, помещена его хвалебная ода декабристам.

Одной из главных целей, которую ставили себе члены различных тайных обществ, начиная с 1814 года и осуществить которую мог свободно каждый из них, не дожидаясь установления в России "представительного образа правления", будь то республика или конституционная монархия - было уничтожение крепостного права. Но ни до 14-го декабря, ни после, когда сосланные на каторгу получили прощение и вернулись в Европейскую Россию, никто из них никого из своих крепостных не освободил. Только спустя семь лет по возвращении из Сибири и только после манифеста 19-го февраля 1863 года, когда поступить иначе было нельзя, Анненков, князь Волконский, Крюков, Свистунов, граф Чернышев и другие, освободили своих крестьян. Так же поступали семьи сосланных в Сибирь и те, которые отделались более легкими наказаниями - переводом на службу в армию, или те, дело о которых

было оставлено без внимания и никакого наказания они не понесли. Все они спокойно дождались манифеста Царя Александра Освободителя, ничем не проявив себя в области облегчения участи своих крестьян.

АННЕНКОВ, Иван Александрович

Родился 5-го Марта 1802 г. в Москве. Сын отставного капитана Л.Гв. Преображенского полка, советника Нижегородской гражданской палаты и дочери Якутского генерал-губернатора Ивана Варфоломеевича Якоби, Анны Ивановны.

Первоначальное образование Анненков получил дома под руководством гувернеров швейцарца Дюбуа и француза Бержэ. Затем он слушал лекции в Московском университете, но курса не окончил. В возрасте 16 лет он поступил на военную службу юнкером в Кавалергарды. 21-го Декабря 1819 г. произведен в корнеты, 13 Марта 1823 г. в поручики.

Обладая большими средствами, которые давали ему не скупясь родители, Анненков весь ушел в круг столичной золотой молодежи и вел широкую жизнь.

В 1824 г. он вступил в члены Северного Общества, больше из подражания своим товарищам и не проявлял в нем почти никакой деятельности. Вместе с полком Анненков присягнул Императору Николаю I-му и в его рядах принял участие в подавлении восстания 14-го Декабря, находясь со своим взводом в прикрытии одного орудия бригады полковника Нестеровского, около здания Синода.

Анненков был арестован в 11 часов ночи 19 Декабря дежурным по полку, "одевайся, но шпаги не бери" и отвезен командиром своего № 5 эскадрона ротмистром Фитингофом в Зимний Дворец.

Когда Фитингоф приехал с Анненковым в Зимний Дворец, там уже находились, в ожидании допроса, еще два офицера полка корнеты Арцыбашев и Александр Муравьев. В присутствии командира полка графа Апраксина, генерал Левашев (Биография Кавалергардов. Том 3, стр.95) начал допрос. "Вы заботились о судьбах России, сказал Левашев допрашиваемым офицерам, а связали руки Государю в его благих намерениях по крайней мере на 50 лет".

Во время допроса к ним подошел Император Николай. Он обвинил всех трех офицеров в неблагодарности к памяти покойного Императора Александра. В особенности Анненкова. У последнего 19 Марта 1820 года, всего три месяца после производства в офицеры, была дуэль с Лейб-Гусаром Ланским, во время которой Анненков смертельно ранил своего противника. Наказание, наложенное на Анненкова, было самое незначительное. Александр I ограничился тем, что велел посадить Анненкова на три месяца на гаупт-вахту. "Ездить на взводах не умеете, а захотели изменить судьбы России", сказал им в заключение Государь.

После предварительного допроса Анненков был отправлен в Выборг и заключен в тамошнюю крепость, откуда 1-го февраля переведен в Петропавловскую крепость и заключен в камеру № 19. Для его перевоза в Петропавловскую крепость за ним в Выборг был послан жандармский капитан Соколовский. В предписании о нем коменданту крепости сказано: "Присылаемого Анненкова посадить по усмотрению и содержать хорошо".

На допросах в Верховной Следственной Комиссии Анненков показал, что "вступил в Северное Общество в 1824 г. Ему была открыта цель оного - введение республиканского образа правления, а потом слышал о намерениях истребить Императорскую Фамилию. Перед 14-м Декабрем, будучи у князя Оболенского, узнал, что хотели противится присяге, но сам он в том не участвовал. По принесению присяги на верность подданства, все время находился при полку".

По приговору Верховного Уголовного Суда Анненков был осужден к лишению чинов, орденов и дворянства и к ссылке на каторжные работы на 20 лет. При утверждении приговора Государем, срок каторжных работ был ему сокращен до 15 лет, по истечении которых надлежало его оставить на поселении в Сибири.

10-го Декабря 1826 г. он был отправлен в кандалах в Иркутск, откуда в конце Января следующего года был переведен на работы в Нерчинск на рудник Благодатный. В 1832 г. срок работ был ему сокращен на 10 лет, после двух лет работ в Петровском заводе.

Анненков был в связи с француженкой Полиной Гебль - Прасковией Егоровной, после ее перехода в Сибири в православие. (9.4.1800 - 14.9 1876). Она была дочерью бывшего офицера Royals Dragons, затем, при Наполеоне I-м, payeur de Marine, убитого гверильясами 23.II.1809 в деревне Аранда в Испании, женатого на девице Gorcy. Смерть отца сильно пошатнула средства семьи и Полина для содержания матери и сестер, была принуждена поступить продавщицей в модный магазин, сначала в Париже, затем в России.

Она оставила свои воспоминания, изданные под заглавием "Записки жены декабриста". В них она подробно описывает все затруднения, встреченные ею при осуществлении своего желания поехать в Сибирь вслед за Анненковым, свадьбу с ним и первые годы пребывания в Сибири.

Анненков познакомился с нею за полгода до 14 Декабря в Пензе, где она служила как старшая продавщица в модном магазине Диманси и куда Анненков приехал закупать ремонт для Кавалергардского полка. После отправки купленных лошадей в Петербург, Анненков должен был объехать имения своей матери в Пензенской, Симбирской и Нижегородской губерниях, куда он и поехал вместе с Прасковией Егоровной. В имении Петино, на реке Суре, ее поразила груда серебряной посуды, сваленной в кучу в одной из комнат заколоченного барского дома.

В Апреле 1826 года у нее родилась дочь Александра, и сразу после этого она начала хлопоты для получения разрешения ехать в Сибирь к Анненкову. В 1827 г., узнав, что Государь нахоцится в Вязьме, она поехала туда и при помощи дворецкого Императора Александра, занимавшего ту же должность при новом Государе, ей удалось обратиться к князю Лобанову-Ростовскому и передать ему прошение на имя Государя. Лобанов-Ростовский ознакомился с прошением и, вернув его, сказал, чтобы на следующий день она пришла бы с прошением к подъезду дворца и посоветовал ей написать еще просьбу Вел. Князю Михаилу Павловичу.

Последовав его совету Прасковье Егоровне удалось обратиться к Государю и, сказав что не говорит по-русски, передала Императору прошение. На следующий день она была принята генералом Дибичем, который ей сказал, что Николай Павлович прочел ее прошение, был тронут его содержанием и, что Государь приказал передать ей, что просьба ее будет уважена.

Вернувшись в Москву, Прасковья Егоровна совершила паломничество в Троицко-Сергиевскую Лавру. Узнав об этом аббат Герье жестоко упрекнул ее, католичку, за то, что пошла молиться в православный монастырь. В Москве же получила она письмо Вел. Князя Михаила Павловича, подтверждающее согласие Государя.

Наконец, долгожданное разрешение было получено. Все необходимые официальные бумаги были ей выданы Московским губернатором Шульгиным вместе с тремя тысячами рублей от имени Государя на путевые расходы.

Оставив новорожденную дочь на попечение матери Анненкова, Прасковья Егоровна тронулась в долгий путь 23-го Декабря. Через 18 дней приехала в Иркутск, откуда после сравнительно долгой задержки, благодаря административной волоките, она доехала до Петровского завода. Там 4-го Апреля 1828 года состоялась свадьба. Посаженным отцем был комендант генерал-майор Станислав Романович Лепарский, а посаженной матерью Наталия Димитриевна фон-Визина, так же приехавшая добровольно в Сибирь за своим мужем. Шаферами были два товарища Анненкова по полку Свистунов и А.Н. Муравьев.

Жених был приведен в церковь в кандалах и только там был раскован и то только на время венчания. Это небывалое на каторге событие привлекло немало народа. Присутствовали все жены ссыльных декабристов, Нарышкина, Давыдова, Янтальцева, кн. Волконская и кн. Трубецкая.

Скоро после свадьбы, 21-го Апреля, Прасковья Егоровна подала Государю прошение. "Государь, Вы соблаговолили протянуть руку помощи иностранке, беззащитной и без всякой поддержки. Эта Августейшая и несравненная доброта дает мне смелость опять обратиться к Вашему Императорскому Величеству, как к самому милостивому из монархов.

Муж мой предназначил мне сумму в 60 тысяч рублей, которая была отобрана банковыми билетами во время его арестования. По его просьбе следственному комитету и прежде чем был произнесен приговор, она была отдана в руки его матери, которой было известно и которая одобряла ее назначение. Теперь эта сумма оспаривается наследниками моего несчастного мужа.

Государь ! Без этой суммы я не имею средств к существованию, и крайняя нужда будет мои уделом. Соблаговолите приказать возвратить ее мне. Государь ! докончите Ваши благодеяния. С почтительным упованием в величие Вашей души, я припадаю к стопам Вашего Величества и осмеливаюсь умолять обеспечить существование той, которую Вам уже раз угодно было спасти.

Государь ! Здесь я должна была бы остановиться. Преступление моего мужа должно бы, быть может, воспретить всякое ходатайство за его несчастную дочь, глубокое раскаивание, которое наполняет и терзает его душу, его мучения, которым я свидетельница, не дают мне, я это чувствую, никакого права просить за нее Ваше Императорское Величество, но Ваше великодушное сердце, Ваши благодеяния даже, ободряют меня. Наша несчастная и невинная сирота, без средств, без родителей, даже без имени. Сжальтесь, Ваше Величество, над этим несчастным существом и благоволите позволить ей носить имя тех, которым она обязана жизней.

Простите, Государь, что я дерзнула еще раз возвысить голос до

Вашего трона. Благодеяния, которыми Вы уже меня осыпали, должны бы мне дозволить только призывать благословение Неба на моего Августейшего благодетеля.

Проникнутая живейшей и почтительнейшей признательностью к Вашему Величеству, остаюсь с глубоким почтением и безграничной преданностью, Государь, Вашего Величества верноподданная Паулина Анненкова. 21-го Апреля 1828 года. Прошение это было послано генералу барону Дибичу для передачи Государю.

В конце Декабря, говорит в своих воспоминаниях П.Е. Анненкова, к ней приехал в полной парадной форме при всех орденах генерал Лепарский и прочитал ей полученный указ Правительствующего Сената, по которому обе ее просьбы были Государем уважены.

"Указ Его Императорского Величества и Самодержца Всероссийского из Правительствующего Сената господину тайному советнику Иркутскому и Енисейскому генерал-губернатору и кавалеру Александру Степановичу Лавинскому".

"Правительствующий Сенат: СЛУШАЛИ предложение господина тайного советника сенатора, управляющего министерством юстиции и кавалера князя Алексея Алексеевича Долгорукова, что господин товарищ начальника Главного Штаба Его Императорского Величества, от 16 Ноября сего года, сообщил ему, господину управляющему, что государственный преступник Анненков, бывший поручик Кавалергардского полка, до осуждения его Верховным Уголовным Судом, прижил незаконную дочь с иностранкой Полиной Гебль, с которой впоследствии, с Высочайшего разрешения, вступил в законный брак, находясь уже по осуждению его в Сибири, в каторжной работе. При арестовании Анненкова оказались в числе его имущества 60 тысяч рублей ломбардных билетов, которые по осуждению его отданы были матери его, статской советнице Анненковой. За сим жена означенного преступника Полина Анненкова утруждала Государя Императора всеподданнейшим прошением, что муж ее еще до осуждения его определил ей вышеупомянутую сумму и сие назначение известно матери его, статской советнице Анненковой, с согласия коей и последовало, но наследники его оспаривают сии деньги, почему всеподданнейше просила повелеть возвратить ей оные; прижитой же ею с Анненковым дочери дозволить носить имя Анненкова.

По Высочайшей Государя Императора воле, вследствии сего прошения воспоследовавшей, спрашивана была статская советница Анненкова, согласна ли она возвратить жене ее сына вышеупомянутые 60 тысяч рублей и желает ли, чтобы дочь их, прижитая до осуждения, носила бы имя Анненкова.

На сие статская советница Анненкова сделала отзыв, что ей действительно известно было, что 60 тысяч рублей, у сына ее при арестовании его оказавшиеся, назначены были в пользу жены его Полины, на что она Анненкова, как прежде, так и теперь согласна, но, впоследствии, наследники сына ее оспаривали деньги сии, взяли оные от нее посредством присутственного места; что же касается до представлении дочери сына ее носить фамилию Анненкова, то она сочтет сие за особую Монаршую милость.

Государь Император, приемля во внимание, что преступник Анненков назначил нынешней жене его 60 тысяч рублей с согласия матери

его, и что дочь сего преступника прижита им до осуждения его, Высочайше повелеть соизволил, чтобы найденные в имуществе преступника Анненкова 60 тысяч рублей истребованы были обратно от наследников его и отданы жене его Полине Анненковой; прижитой же с нею преступником Анненковым дочери дозволить носить фамилию Анненковой, не представляя ей впрочем никаких прав по роду и наследию законами определенных.

О таковом Высочайшем повелении он, господин управляющий министерством юстиции, предложил Правительствующему Сенату для зависящего к исполнению оного распоряжения.

ПРИКАЗАЛИ. Во исполнение Высочайшего Его Императорского Величества повеления учинить следующее: I) Об истребовании от наследников Анненкова обратно 60 тысяч рублей и немедленном доставлении их жене его Полине Анненковой и об объявлении о сем Высочайшем повелении матери Анненкова, статской советнице Анненковой, предписать Московскому Губернскому Правлению; 2) Об объявлении сего Высочайшего повеления ей, Полине Анненковой, для учинения о том распоряжения по Сибири, где ныне сия Анненкова находится, предписать Вам господину генерал-губернатору и кавалеру и господину генерал-губернатору Вельяминову о том послать указы. Ноября 30 дня 1828 года.

Подлинный подписан: в должности обер-секретаря А. Куц, скреплен секретарем Соловьевым, справлен сенатским регистратором Торсковым."

Приговоренный к каторжным работам на 20 лет, Анненков вследствии неоднократных сокращений срока каторги, пробыл на ней всего 6 лет. 8-го Ноября 1832 года он был выпущен из тюрьмы и обращен на поселение села Бельское, Иркутской губернии. По ходатайству его матери ему было разрешено 5-го Ноября 1837 г. переехать на поселение города Туринска, Тобольской губернии и поступить на гражданскую службу в Туринский Земский суд служителем 4-го разряда. Через два года, согласно поданному им прошению он был переведен в самый город Тобольск и зачислен в штат Тобольского Общественного Губернского Правления. Постепенно повышаясь по службе, он был произведен в 1848 году в коллежские регистраторы и в 1854 г. назначен заседателем Тобольского Приказа Общественного Призрения.

Обладая большими средствами, даже в Сибири, Анненковы купили себе в Тобольске большой дом с землей. Многие из овощей были совершенно неизвестны в Сибири. Анненков выписал из Европейской России семена и развел большой огород. Успех превзошел всякое ожидание. В первый же год, полученные овощи оказались необычайных размеров. Свекла достигла 20-ти фунтов штука, репа 18-ти, а в двух особенно больших кочанах капусты было 2 пуда и 1 фунт. Примеру Анненкова последовали многие местные жители и через несколько лет огороды стали обычным явлением в Сибири.

У Анненкова было шестеро детей: Александра, родившаяся еще до брака родителей 11.4.1826 года и оставленная на попечении матери Анненкова в Москве, Ольга 19.5.1830, вышедшая замуж за генерал-майора Константина Ивановича Иванова, Владимир 18.10.1831, Иван 8.11.1835, Николай 15.12.1838 и Наталия 28.6.1842.

Во время пребывания родителей в Сибири, дочь их Александра вышла замуж за майора внутренней стражи Александра Григорьевича Теплова. Ей удалось выхлопотать разрешение на поездку в Сибирь для свидания с родителями, которых она совершенно не помнила. Ей было всего несколько месяцев, когда отец был отправлен на каторгу и полтора года, когда уехала ее мать. Разрешение было дано, однако, при условии установления за нею самого строгого полицейского надзора во все время ее пребывания в Сибири.

Наконец Высочайшим манифестом 20 Августа I856 года Анненков был восстановлен во всех правах и ему было разрешено вернуться в Европейскую Россию. Он поселился в своем Нижегородском имении - IO тысяч десятин. Некоторое время состоял чиновником особых поручений при Нижегородском губернаторе, а затем в I86I г. избран Нижегородским уездным предводителем дворянства, на каковой должности оставался несколько трехлетий. Несмотря на то, что одной из главных целей всех тайных обществ было освобождение крестьян, ни один из них не был освобожден Анненковым до манифеста I9 февраля I863 года, после которого он принял участие по занимаемой им должности в устройстве освобожденных крестьян.

Анненков умер 27 Января I878 года, два года спустя после смерти своей жены. Похоронен вместе с нею на кладбище монастыря Креста Господня в Нижнем Новгороде.

АРЦЫБАШЕВ, Димитрий Александрович

Произведен в корнеты Кавалергардского полка из полковых эстандарт-юнкеров 5-го Апреля I823 г. I9 Декабря I825 г. был арестован в полку и отвезен в Зимний Дворец. После допроса, произведенного генералом Левашевым ему и еще двум офицерам полка, поручику И.А. Анненкову и корнету А.М. Муравьеву, Арцыбашев был отправлен в Нарву и заключен в тамошнем замке, откуда I5 февраля I826 г. был переведен в заключение в Петропавловскую крепость.

На допросах в Верховной Следственной Комиссии Арцыбашев показал, что "вступил в Северное Общество в I825 г. Знал цели оного - преобразование правительства. В сочлены никого не принимал. За три дня до I4-го Декабря князь Оболенский пригласил его к себе на квартиру и говорил ему, что в другой раз присягать не следует, и спрашивал его можно ли надеяться на Кавалергардский полк, но, получив отрицательный ответ, дальнейших планов ему не открывал".

I4-го Декабря Арцыбашев присягнул Императору Николаю вместе с полком и находился в его строю во всё время подавления восстания. В ночь на I5-ое он рапортовался "больным сильной лихорадкой".

По докладу Верховной Следственной Комиссии Государю, последовало Высочайшее повеление "Продержать Арцыбашева еще месяц в Петропавловской крепости и перевести его тем же чином в Таманский гарнизонный полк..".

7-го Августа I826 г. последовал приказ о переводе его в этот полк. В I828 г. Арцыбашев был переведен в Нашебургский пехотный полк, в рядах которого участвовал 28-го Августа I828 года во взятии крепости Баязета. В I830 г. произведен в поручики. Умер II-го Ноября I83I года.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ

Михаил Алексеевич ПАШКОВ

"Воинская дисциплина состоит в точном и строгом исполнении всех правил, предписанных воинскими законами. Поэтому она обязывает всякого воинского чина точно и нерушимо исполнять все приказания начальства ..." Из воинского устава.

Полковой адъютант, командир № 4-го эскадрона, флигель адъютант после производства в полковники был назначен в 1892 г. командиром 13-го драгунского Каргопольского полка. В 1894 г. произведен в генерал майоры и за неимением свободной гвардейской вакансии в кавалерии, зачислен по армейской кавалерии с назначением состоять при командующем войсками Варшавского Военного Округа для особых поручений.

Наконец долгожданная вакансия открылась в 1899 г., только не в кавалерии, а в пехоте. Ко всеобщему удивлению Пашков был назначен командиром Лейб-Гвардии Литовского пехотного полка.

И вот вскоре после принятия полка Литовцам был назначен один из очередных смотров. На Варшавском военном поле, в ожидании начальства стоял Литовский полк. Скоро вдали, в облаках пыли показалась приближающаяся группа начальников.

Забыв, что он командует не кавалерийским полком, а пехотным, по старой кавалерийской привычке, Пашков подал команду "Полк садись!"

Дисциплина - великое дело. Обернувшись, Пашков увидал весь Литовский полк от рядового до полковника сидящих на земле.

Во что обошлось издание истории и биографий Кавалергардов 1899 г.

К столетнему юбилею Кавалергардов, как воинская часть, полком была издана под редакцией С. Панчулидзева История Кавалергардов в 4-х томах и четыре тома Биографий Кавалергардов, охватывающие всю историю полка и биографии всех служивших в нем офицеров и чиновников со дня основания Петром Великим Кавалергардии в 1724 году по 1908-ой год.

Стоимость всего издания напечатанного в Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг обошлась полку в 131.725 рублей 10 копеек, из которых 46.604 рубля 86 копеек истрачено на собственно Историю, а 20.000 на Биографии. Остальные 65.120 рублей 24 копейки падают на сбор различных матерьялов, фотографий, плату сотрудникам, разъезды, переписку с различными министерствами, архивами, на канцелярские принадлежности и другие мелкие расходы.

При выходе в полк, офицеры были обязаны приобрести полностью все восемь томов издания, за которые удерживалось одновременно из жалования 100 рублей.

В переводе на золото издание обошлось в немного менее 330 тысяч франков или в 13.172 фунта 10 шиллингов. Один рубль - 2,47 франков, один фунт - 10 рублей.

ИЗ ДНЕВНИКА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ 2-го

I8 Января I890 года. Четверг. В 7 часов начался обед у Кавалергардов. Венгерцы, песенники, цыгане. Уехал в II с половиной очень веселый.

8 Декабря I906 года. Четверг. Царское Село. Сегодня пришли Кавалергарды. Все офицеры обедали у нас. Разговаривали до I0 часов.

9 Декабря. Пятница. Погода стояла теплая и сырая. В I0 часов отправился с Мишей верхом к дворцу, на площади которого был выстроен Кавалергардский полк в конном строю. Пропустил полк три раза разными аллюрами. Кавалергарды представились замечательно хорошо. Назначил Юсупова в Свиту, штабс-ротмистра Скоропадского флигель адъютантом.

II Декабря. Воскресение. Принял Мейендорфа, Юсупова и Скоропадского до обедни.

ДВА ЭПИЗОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Из архива Кавалергардской Семьи

В Архивах Кавалергардской Семьи очутилось, совершенно случайно, описание двух боев на Закаспийском противобольшевистском фронте 28 Августа и I4 Октября I9I8 года, в то время, когда Кавалергардский дивизион еще только начинал свое формирование на юге России.

Хотя это описание не имеет никакого отношения к Кавалергардской Семье вообще, ни к ее отдельным членам, но для читателей нашего Вестника, особенно посторонних - а таких очень много - изучающих гражданскую борьбу на разных фронтах России, оно может представить некоторый значительный интерес, в особенности из за большого числа мелких подробностей, подчеркивающих участие Английских вооруженных сил.

Отстуканное на шести листах, оно, к сожалению, пестрит многими огрехами, разночтениями. Так станция Кахка читается иногда как Каахка, 27 Индусский полк называется то уланским, то зуавов, и номер его меняется на 28. На заглавном листе надпись чернилами Major Miller, вероятно тот самый, который в чине капитана был тяжело ранен в первом бою.

БОЙ У СТАНЦИИ КАХКА

В ночь на 28 Августа I9I8 года фронт Закаспийского отряда находился в трех верстах на восток от станции Кахка, по обе стороны от железнодорожного полотна.

Отряд состоял из трех рот I2-го Пенджабского пехотного полка силой в 450 шт., при шести английских офицерах, добровольческого Кизильярвадского батальона 300 шт. и трех-орудийной клиновой батареи с прислугой из офицеров и юнкеров.

На самой станции находился штаб Закаспийского отряда с небольшим конным конвоем из русских и туркмен, русская рота и 50 нестроевых сипаев под командой капитана Стюарта.

На рассвете 28 Августа красные открыли сильный артиллерийский огонь и к 8-ми часам утра был обнаружен глубокий обход самой станции со стороны старой туркменской крепости (Кала). Высланная разведка из штабного конвоя, выяснила, что обходная колонна красных силой около 600 человек пехоты и конницы с двумя пулеметами, уже подходит к станционному поселку.

Начальник штаба Закаспийского отряда полковник Рябцев обратился к находившемуся при штабе майору Бинггам с просьбой оказать содействие обороне станции. По распоряжению майора Бинггам сипаи заняли вокзал, затем под командой двух английских офицеров - капитана Миллер и лейтенанта Уорд, совместно с полуротой штабной роты, заняли цепью позицию и сдерживали наступление красных до подхода, вызванных с фронта, двух рот сипаев под начальством командира полка полковника Нульс при трех английских офицерах: капитане Тиггер и лейтенантах Стивенс и Гиббс.

Увлекаемые своими офицерами, сипаи на ходу соскочили с поезда и бросились в атаку. Противник, состоящий, главным образом, из мадьяр, был выбит из станционного поселка и отброшен на Калу, в которой часть красной пехоты закрепилась, тогда как конница бежала, не оказав сопротивления. К 15 часам Кала была занята сипаями при деятельной поддержке клиновой батареи.

В этом бою был смертельно ранен лейтенант Уорд, умерший через три дня и похороненный в Асхабаде; тяжело ранены были капитаны Миллер и Стюарт и легко ранен майор Бинггам.

Незначительный сам по себе боевой эпизод имел, однако, крупное моральное значение и вызвал огромный подъем среди населения Закаспия, убедившегося в ложности распространяемых слухов, что англичане сражаться не будут и что, вообще, им не устоять против мадьяр и немцев, составлявших тогда главный контингент красных войск.

НАБЕГ НА СТАНЦИЮ ДУШАК

После неудачного наступления красных на станцию Кахка, они, получив крупное подкрепление, пытались несколько раз атаковать позиции Закаспийского отряда впереди станции. Все их атаки 7, 11 и 18 сентября были отбиты с большими для них потерями. Особенно тяжелый урон был им нанесен, когда стала действовать, сформированная полковником Мездриковым, трех-орудийная полевая батарея, в изобилии снабженная снарядами англичанами из Баку.

К началу Октября на Закаспийском фронте красные получили значительные подкрепления и занимали позиции по фронту станции Арман-Сагад, поселок и станция Душак. По сведениям разведки их силы исчислялись в 6.000 пехоты при 150 пулеметах, 18 легких орудий и 6 шести-дюймовых мортир. Конница мадьярская и русская, последняя из русских, пленных немцев и австрийцев с придачей небольшого числа киргиз и туркмен, исчислялась в тысячу с небольшим шашек. На обеих станциях было сосредоточено 32 различных воинских эшелонов.

Силы Закаспийского отряда, расположенного в районе станции Кахка, составлялись из русских: 6 рот 1-го Закаспийского пех. полка

полковника Лева - 600 шт. при 8 пулеметах, Закаспийского Туркменского полка ротмистра Овес-Баева - 4 конных и 2 пеших сотни с двумя пулеметами, всего 500 шашек, Закаспийских конной и пешей сотни под командой известного в краю партизана туркмена Кара-Сердара, трехорудийной батареи полковника Мездрикова, трех-орудийной клиновой батареи без запряжек и одного броневика, вооруженного трех-дюймовым орудием и двумя пулеметами, и англичан: трех рот I9 Пенджабского полка под командой полковника Кноульс, 350 шт. при I2 пулеметах, двух эскадронов 27 Индусского уланского полка под командой майора Крайер, 250 шаш., два орудия 44-ой легкой батареи под командой командира батареи капитана Гаррисон.

По агентурным сведениям, полученным в штабе Закаспийского отряда, красные ожидали подход еще более крупных подкреплений, что было вполне правдоподобно после неудач, понесенных атаманом Дутовым под Оренбургом.

После совещания начальника штаба Закаспийского отряда с таковым же Английского отряда, было решено перейти в наступление на станцию Душак до прибытия к красным подкрепления, с целью нанести им возможно больший урон.

Наступление должно было вестись одновременно тремя колоннами. Первая полковника Цоколаева в составе Туркменского конного полка ротмистра Овес-Баева, четырех рот I-го Закаспийского пех. полка полковника Лева и полевой батареи полковника Мездрикова, должна была сделать глубокий обход и атаковать станцию Душак с севера. Вторая колонна - два эскадрона 27 уланского Индусского полка майора Крайер, должна была, одновременно с первой, атаковать станцию с юга. И, наконец, третья колонна, находящаяся на незадолго до этого занятой белыми станции Арман-Сагад, состоящая из только что подошедшей роты английского Хемпшайрского пех. полка под командой капитана Фарделла, одной роты I-го Закаспийского пех. полка и конной сотни Кара-Сердара, должна была произвести демонстрацию против позиции красных, лежащей на полпути между станциями Арман-Сагад и Душак.

Первая колонна, ночным переходом, сосредоточилась I0 Октября в Карахан-Чашме, имея авангард в Навруз-Чашме. К этому времени красные оттянули все свои эшелоны и сосредоточили их на станции Душак.

Ночной переход показал полную непригодность туркмен к выполнению задуманной операции. К тому же у начальника колонны имелись веские сведения, что красные были предупреждены о наступлении отряда туркменами, причем главное подозрение падало на командира туркмен ротмистра Овес-Баева. Все это побудили полковника Цоколаева выехать в Арман-Сагад для обсуждения дальнейших действий.

На совещании обоих штабов было решено продолжать выполнение задачи, повидимому против мнения полковника Цоколаева, так как I3 Октября в Навруз-Чашме приехал на его смену новый начальник отряда полковник Мальчуковский, отдавший новую диспозицию для дальнейшего наступления.

По этой диспозиции войска были распределены по-прежнему в три колонны с небольшой перегруппировкой. Левая колонна, Туркменский конный полк с двумя пулеметами должен был выступить из Навруз Чашме

в 20 часов в направление на Душак и сосредоточится к 5 1/2 часам утра на ее восточной окрайне для совместной атаки станции с другими колоннами. Средняя колонна полковника Лева в составе трех рот 19-го Пенджабского полка с 12 пулеметами, пяти рот 1-го Закаспийского пех. полка, из которых одна рота была оставлена в прикрытии обоза, с восмью пулеметами, трех-орудийной полевой батареи, двух орудий 44-ой английской полевой батареи и 1-ой Закаспийской конной сотни должна была выступить в 21 ч. и сосредоточится к 5 1/2 часам утра 14-го Октября на северной окрайне станции Душак. Правая колонна, дивизион 27го Индусского уланского полка, двигаясь вдоль правой стороны ж.-д. полотна, должна была содействовать другим колоннам атакой станции с юга.

Так было на бумаге, на деле же вышло совсем иначе. С самого начала похода диспозиция не была соблюдена. Все колонны выступили в назначенное им время и направление, кроме Туркменского конного полка, который сразу оторвался от своего направления и пошел самостоятельно на аул Донгуз-Чашме. Появился он вновь у станции Душак уже после занятия ее, нагруженный награбленной добычей.

Средняя колонна, то ли по незнанию проводниками туркменами дороги, то ли вследствии злого умысла, вышла значительно севернее и очутилась перед рассветом верстах в восьми северо-западнее станции.

Чей то случайный выстрел произвел в некоторых частях беспорядок, в особенности в индусской пулеметной команде на мулах. Полный порядок был восстановлен только с рассветом, когда вернулась разведка и когда выяснилось, что отряд находится в шести верстах от станции на совершенно открытой, песчаной степи, изредка поросшей мелким кустарником, к тому же на виду противника.

Несмотря на крайне невыгодное положение, полковник Мальчуковский приказал построить боевой порядок и перейти в наступление.

Когда цепи подошли на расстояние трех верст от станции, на ней была поднята тревога. Заиграли сигнальные рожки, артиллерия красных открыла огонь.

Продвигаясь вперед, цепи скоро вступили в полосу действительного и очень сильного пулеметного огня более 35 пулеметов. Роты Забайкальского полка, составлявшие центр и правый фланг наступления, залегли и в дальнейшем наступлении приняло участие только около 70 человек, в большинстве офицеры и юнкера, во главе с командиром полка полковником Лева.

Видя отказ Закаспийцев продолжать наступление, рота 19 Пенджабского полка из общего резерва немедленно заняла место Закаспийцев. С расстояния 800 шагов индусы бросились бегом в атаку, несмотря на очень большие потери.

Удачное попадание артиллерии отряда в эшелон, груженый снарядами, вызвало целый ряд взрывов и пожар на самой станции. Вслед за этим на станцию ворвались индусские эскадроны, переколовшие и порубившие много красных, особенно при преследовании, бежавших в сторону Такира, конных мадьяр.

К 8 часам утра станционный поселок и сама станция были совершенно очищены от красных, а через четверть часа появились туркмены

Овес-Баева, немедленно приступившие к грабежу поселка вместе с подошедшими Закаспийцами, не пошедшими за своим командиром в атаку. Крутыми мерами грабеж был скоро прекращен. Туркмены разбились на мелкие группы и распылились по своим аулам.

К этому времени начался орудийный обстрел станции и переход красных в наступление во главе с командующим красными войсками на Закаспийском фронте Колузаевым.

Все четыре английских офицера I9-го Пенджабского полка выбыли из строя. Капитан Стивенс был убит, капитаны Шютт, лично взявший красный пулемет, и Тиггот, и лейтенант Гиббс, были тяжело ранены. Из восьми индусских офицеров один убит и пять ранено. Из 350 сипаев - 56 убито и I48 ранено. Почти все офицеры и солдаты, последовавшие в атаку с полковником Лева выбыли из строя. Индусская кавалерия потеряла 20 всадников. Майор Крайер принял общее командование над всеми пешими и конными остатками индусских полков.

К I2 часам определился подход значительного подкрепления к красным со стороны Такира. Все это вместе взятое принудило полковника Мальчуговского отдать приказ об общем отходе на Навруз-Чашме, куда отряд подошел к 20 часам. Отступление прошло в полном порядке. Красные, несмотря на огромный перевес в силах, не преследовали, что дало возможность не только вывести всех раненых и тела убитых, но и все захваченные пулеметы, оружие и патроны, в изобилии захваченные на станции и в эшелонах.

Красные также понесли тяжелые потери, настолько тяжелые, что им пришлось через сутки очистить станцию Душак и отвести все свои ж.-д. составы, сначало на Такир, а затем в Мевр. К I-му Ноябрю не только Мевр, Байрам-Али, но и весь Тедженский округ был занят белыми без потерь.

МЕТЕК КУДРЯВЦЕВ

Из воспоминаний князя Н.Н. Оболенского

Характер у него был чортов. Я это понял с первого же взгляда, с первого опроса. Получил я его на Страстной, почти перед выходом на фронт. Во взводе у меня было всего 22 штыка, против уставных 40, поди с таким составом исполняй взводные занятия. Понятно, что я по ночам не спал, а днем все обхаживал капитана, охая и ахая, благо выходило так, что по службе я все время был около него. В конце концов последнее укомплектование, полученное ротой, было полностью влито в мой взвод, к вящему возмущению других взводных командиров.

У нас полагалось офицеру иметь поименный список взвода с некоторыми сведениями насчет каждого солдата: год рождения, семейное положение, адрес, № винтовки.

Войдя в барак и присев на настил, я начал опросы вновь прибывших, занося их ответы в записную книжку.

Когда очередь дошла до Кудрявцева, и он назвал свою фамилию, то я, дабы подчеркнуть свое положение офицера, которому мундир заменил национальность, спросил "Русский?" - Кудрявцев осклабился: "Конечно русский".

В душе у меня шевельнулось. В пестрой иностранной толпе меня окружавшей, передо мной был солдат, чьи боевые качества в силу одной только его национальности были вне всякого сомнения. Я поднял на него глаза. Высокий, крупный, уже не молодой, лет за 40, бритый, русоволосый, с холодными, стеклянными, немного нахальными глазами. Во всем его облике, во всех его движениях спокойное сознание своей силы и уверенность в себе.

Было еще несколько упражнений в стрельбе, разборка легкого пулемета. "Умеешь стрелять, Кудрявцев?" Это уже по-русски, во время перерыва, вдали от взвода, протягивая ему папиросу. "А то как же. Конечно умею. В России во флоте служил. Да, в 16-ом году во флот призвали". От дальнейших распросов насчет своей военной службы ускользает. Я не настаиваю. Вероятно в свое время и большевиком был. С такими глазами и офицера мог спокойно застрелить и хладнокровно.

Во взводе смесь племен, лиц и наречий. Кто из них шел идейно - исполнить свой долг перед приютившей его страной, кто просто, чтобы избегнуть высылки или концентрационного лагеря и по окончанию войны получить право на труд и мирную жизнь. По долгу службы надо закрывать глаза и не расспрашивать, раз не говорят. Оно и лучше. Хотя бы те же испанцы. Разбери, что у них в прошлом? А испанский или русский коммунист, какая разница - лишь бы были хорошими солдатами.

Меняю разговор. - "А что ты делаешь в штатской жизни? Работаешь?" - "А как же. Работаю, конечно. Пентром 5 лет работаю". "И хорошо зарабатываешь?" - "Да не плохо - жаловаться не могу. Тысячи 4 в месяц зарабатываю, а иногда и больше". - "Вот, как. Молодец". А сам думаю, ну конечно: сознательный, синдикат и все как следует, читает не большевистскую, а социалистическую газету, как хватит лишний coup de blanc, то совсем красным становится.

"Женат?" - "Да". "А дети есть?" "Двое. То-есть один мальчик мой, а дочь жены. Я два раза был женат. Первый раз плохо, первая жена у меня плохая была. Бросила меня и ребенка. Сколько денег мне стоила. Страсть. Ну а теперь жена у меня чудесная. Француженка. Да и первая француженкой была. И мальчика моего любит, как своего. Вот теперь дочь женили в апреле прошлого года. Скоро родить будет. Все жду письма. Может я уже и дед".

"Ну, а пулемет знаешь? Показывали тебе?" - "Да что там, что Левис, что Викерс, что Максим, что этот, все одно".

В первую же учебную стрельбу, он сжег сразу всю обойму, не отрывая пулемета от плеча. Капитан почти в истерике. "Да нет, не всю сразу, экий дурак". Подошли к мишени. Капитан поднес габарит. Дыра в 20-ти франковую монету и только одна дыра. "Вот так стрелок! Как тебя звать?" - "Кудрявцев, мой капитан". - "Молодец, отлично".

А он со своим спокойно-самоуверенным взглядом смотрит на нас и виду не подает, что похвала начальства ему приятна. И мне приятна. Какой там не есть, а все же свой.

Грустная в этом году выдалась нам Пасха - без поста, без говения, без заутрени. Все же друзья прислали из Парижа куличи, крашенные яйца. Так среди мелкого песка, заносящего бараки лагеря,

под жарким солнцем, эта маленькая посылка из Парижа создала какое-то подобие праздника. Погода была чудная. Вершины гор сияли на голубом, легком весеннем небе своими снеговыми венцами, вдали виднелось море, и мы двое, игрой судьбы облаченные в иностранные мундиры, стояли друг перед другом, за бараком, куда я велел вызвать Кудрявцева.

Протянул ему красное яичко, кусок кулича. "Христос Воскресе, Кудрявцев". Тот сначала опешил. "А, ведь, правда сегодня Пасха. Спасибо. Во истину воскресе". Похристосовались. Он видимо был тронут. В его глазах пробежало что-то далекое, далекое, родное. Мелькнуло, как искра и потухло.

Служил он отменно, одевался аккуратно, делал все исправно, не торопясь, доброкачественно. Много в нем было какой-то русской черноземной силы и плохо скрытого презрения ко всему окружающему. "И не то, и не таких еще видывал".

Затруднения у меня с ним начались в Эльзасе, куда нас по началу двинули. В Эльзасе мы стояли постоем в большом, богатом селе. Взвод был расположен в трех дворах, по отделению в каждом. Я сам стоял в том же дворе, что и отделение Кудрявцева. Порядок в этом отделении стараньями отделенного унтер-офицера русского писателя и самого Кудрявцева был образцовый. Ружья поставлены в козлы, на месте каждой винтовки ее номер, ранцы аккуратно расставлены на широкой балке, на полке котелки, надраенные до блеска, вилки, ножи, ложки. Пол чисто выметен. Красота.

Жизнь походила больше на учебный сбор, нежели на жизнь части в военное время, хотя были мы всего в I8-ти верстах от фронта, и в ясную погоду из сада фермы, позади сеновала, в котором жило отделение, хорошо была видна колокольня Страсбургского собора.

После занятий, умывшись, солдаты сидели под навесом за сеновалом в саду, обедали. Кудрявцев крутил цыгарку, читал газету, которую регулярно получал из Парижа. Иногда вечером отделенный унтер-офицер отпускал его с хозяином, добрым эльзасцем, ни слова по французски и, конечно, по русски не понимавшим, за сеном. Фура, запряженная двумя коровами, мирно скрипела, коровы лениво ступали, качая головой, понукаемые длинной хворостиной хозяина. Иногда постреливали пушки - напоминание предстоящего.

Но это напоминание казалось скорее назойливой мухой, нежели жуткой действительностью. Было начало мая, лунные ночи, тепло. Перед сном я заходил на сеновал к отделению. Журил, что еще не погашен свет, орал, чтобы не смели курить на сене. Потом на дворе выкуривал папиросу с отделенным, беседовал с ним о предметах обоим нам дорогих. Странная тогда была война.

Первая моя стычка с Кудрявцевым произошла в один из таких вечеров. То-ли он выпил лишнее, то ли, как говорится, вожжа под хвост попала, но таким я его еще не видел.

"Мон льетенан, говорит, переведи ты меня (он вообще легко, особенно возбуждаясь, переходил на ты), переведи ты меня в другое отделение". - "В чем дело, Кудрявцев, разве тебе здесь плохо ?" "Не могу, ну право не могу больше с жидами оставаться. Понимаешь. Ну просто не могу. Ну какие это солдаты. Дрянь, а не солдаты".

Тут он употребил другое, более резкое выражение, то самое, что употребил генерал Камброн под Ватерло. "Ружья держать не умеют, не то что с немцами воевать."

И еще жарит, мерзавец, по французски, чтобы все, даже испанцы поняли. Хоть бы говорил по русски, история осталась бы между нами: им, мной и обиженными. А тут.

"Кудрявцев, потрудись замолчать". "Не буду молчать к капитану пойду". "Молчать, подымаю голос почти до крика, ты служишь во французском полку. Нет тут ни русских, ни жидов, ни испанцев, ни белых, ни красных, а лишь французские солдаты": "Хочешь идти к капитану, дело твое, проси, чтобы тебя убрали вон из взвода, но если ты еще одно слово скажешь, то я тебе так вклею, что жарко станет. Не смей оскорблять товарищей".

Дальнейшего я не слышал, так как вышел, сел во дворе на завалинку, закурил папиросу. Ко мне подошел отделенный унтер-офицер, мой приятель писатель. Удивительный это был человек. Тип идеалиста 19-го века, затерявшийся в нашем жестоком веке, из тех, что участвовали в Сербских восстаниях, умирали на Парижских баррикадах. В России, сам, вероятно, на зная почему, он был бы революционером. На войну пошел идейно, считая нашего главного противника своим личным врагом. Гордился своим родством с Российским революционным министром и живи он на Гонулулу, а не во Франции, мы с ним все равно бы встретились под красно-зеленым значком нашего полка.

"Удивительно невоздержанный (ну, конечно, другого слова не употребит, подумал я, так это слово подходило ко всему облику, тактичному и мягкому, моего собеседника), удивительно невоздержанный этот Кудрявцев. Сколько раз я ему говорил, чтобы он себя в руках держал, у него постоянно истории в отделении".

"Вот вчера, потерял стило. Ищет, ищет, не находит. Это, говорит, жиды украли. Брось чепуху молоть, ты бы поискал в сене, где спал. Представьте нашел стило и был очень сконфужен. Отличный солдат, интересный тип, а как хватит лишнего - из рук вон".

Трудно мне приходилось с Кудрявцевым. Чувство справедливости в нем было развито до мелочности. Был он прямо маньяком справедливости. Когда кончилась наша "дольче вита" и началась военная страда, стать не в очередь на дежурство, попасть не в очередь в наряд, вызывало с его стороны бурю протестов. Не то чтобы он не исполнил охотно, буде его попросили, а вот приказано не в очередь, где же тут справедливость? Я все к нему, как русскому, то-есть как к человеку, с которого можно в десять раз больше спросить, чем с другого, которому все нипочем, а он нет, нет да вспомнит, что он без пяти минут равноправный француз, пэнтр из Аньера, зарабатывающий до 4 тысяч в месяц месье Кудрявцев. Где же тут в самом деле и равенство и братство и что от мсье Кудрявцева остается.

"Ты на меня не кричи. Жэ карант ан. Я тебе говорю, я не мальчик. Ты попроси пойду. В ту корвэ я вчера ходил и не манжэ. Я фатигэ, а ты меня опять гонишь. Я всю ночь вчера работал, сегодня полдня де гард был. Захочу пойду, не захочу, никак не пойду."

Спокойно, но в последней степени извода: "Я тебе приказываю идти в корвэ. Тебя назначили - ступай". Не стрелять же мне в него в самом деле. Те, от которых ему было не в моготу, как это ни странно, относились к нему благодушно, без злобы, считали его за человека храброго и, вероятно, понимали, что в беде он не выдаст.

Раз, сам мне потом сказал, он был готов меня убить все во имя той же справедливости и человеческого достоинства. В ту ночь взводу, стоявшему в лесу, приказали занять позицию на опушке в прикрытие противотанкового орудия. Надо было окопаться, натянуть проволоку. Работы было на всю ночь. Люди были уже порядком измучены пребыванием на позиции, полубольны. Пища была из рук вон плохой.

Сосчитали мотки проволоки. Перегруженную прислугу пулеметов я думал поначалу освободить от нового груза, но без пулеметчиков всех катушек поднять одновременно было нельзя. В лесу было почти темно, двух путешествий сделать бы не успели, и надо было пока какой-то еще свет, дойти до позиции.

Велел взять проволоку и пулеметчикам. Один из них начал ныть. Говорит, что ему и так тяжело, что ничего больше он нести не может. Знал его за плохого солдата, трусливого, вероятно и физически он был слаб, но назвался груздем - полезай в кузов, военная служба не санатория. Повторил приказание, теребя кобуру револьвера. Тот же стон и нытье, тогда я схватил солдата за шинель и швырнул его к куче проволоки. "Марш". Мой солдат в плач, но все же подчинился. Кудрявцев что-то бормочет сквозь зубы и злобно смотрит на меня волком. По взводу глухой ропот. "Молчать!" Выстроил взвод, повел. Отойдя шагов на двадцать взял моток из рук солдата и понес его сам.

За ночь немцы выпустили по нас несколько очередей. Из девяти человек, бывших в непосредственной от меня близости, один был убит и двое ранено. Об инциденте с проволокой я, конечно, забыл, но не забыл о нем Кудревцев.

На следующий день, обходя окопы, я подошел к нему. Сидит подле пулемета. Смотрит вперед своими бутылочными глазами. По лицу видно, что не спал всю ночь, и вот опять дежурит. Из землянки, под боком у Кудрявцева, доносится мерный храп. Явно дежурит вне очереди, дабы дать выспаться более чем он уставшим товарищам.

Днем курить можно. Протягиваю ему папиросу, здороваюсь. "Ну как, Кудрявцев, не устал? Здорово вчера нам черти всыпали". - "Да от чего устать. Вот, что я хотел сказать, чего ты на него накричал? Сам видишь, какой он дохлый. Даром что жид, а все человек. Ты бы меня попросил, я бы тебе и три мотка понес, и потом, зачем ты это револьвером играешь? Вот те Бог, обнажи ты револьвер, я те клянусь, я бы в тебя не задумываясь из пулемета целую бы обойму всадил. Будь потом, что будет, все равно. Я те говорю... И вообще ты какой-то дурной стал. Вот в лагере все тобой довольны были и даже, можно сказать, тебя любили. Ты и ранец на спине понесешь, если кому тяжело, и всем ноги после похода осмотришь, а теперь, чуть что кричишь".

Слушаю, не прерывая. Возбуждаясь с возмущением и дрожью в голосе. "Вот ты и на меня намедни кричал, в корвз не в очередь послал. Накричал на меня, а я ты знаешь какой, у меня в ту войну 9 братьев было убито. Ты вот увидишь, я из этой винтовки (хлоп рукой по пулемету) до последнего патрона стрелять буду, а потом на утек, и ее с собой унесу, а живым немец ни меня, ни винтовки не возьмет. Вот что...", и смотрит на меня, выкатив глаза. "Да ты разве не понимаешь. Я не мальчишка, жз карант ан, же веню дефандр ма патри". Патри вызывает во мне веселое настроение, но все же зкий Архаровец.

"Отлично, Кудрявцев, но ответь мне на один вопрос. Ты вот говоришь, что в лагере я все сделал, чтобы облегчить вам жизнь. Выходит так, что я значит мог думать, что теперь каждый из вас будет стараться облегчить мне работу. Или ты считаешь, что я все должен о вас думать, а вы обо мне никогда думать не должны ?". Он совершенно озадачен, растерялся и не находит ответа. Хлопаю его по плечу. "Иди сменись, и тебе отдохнуть надо, не каменный поди".

Вторая рота, растреляв патроны, отходила. За ней двинулись три взвода нашей роты. Положение создалось отчаянное. Накануне вечером, батальон, очистив после короткого боя город М., залег в канавах вдоль большой дороги, хвостом своим упираясь в небольшое село. С вечера в лесах, подходящих справа и слева, почти вплотную к дороге, постреливали немцы. Взобравшись на деревья, они выпускали из легких пулеметов несколько очередей, не причиняя нам впрочем вреда, стараясь произвести на нас впечатление, надеясь вызвать ответную стрельбу, дабы нащупать расположение наших пулеметов. Красиво, как большие светлячки, мелькали в темной листве светящиеся пули. Было ясно, что батальон в западне. На заре над нами низко пролетали азропланы.

Пропустив отходящие части, я велел взводу идти за ними. Офицер отходит последним. Я ждал, чтобы последний солдат вскинул за плечи ранец и двинулся в путь. Дорога в сторону немцев блестела асфальтом, тень от деревьев падала на нее широкими пятнами. Она была пуста кратковременной пустотой ожидания.

Ну вот сейчас покажутся броневики, танки... пронеслось в моей голове. Взгляд мой скользнул вдоль канавы, где скорым шагом, пригнувшись, отходило несколько солдат. Шагах в пятидесяти за мной, в направлении к немцам, совершенно один лежал Кудрявцев с пулеметом в руках. Все такой же, только все мускулы в лице натянуты, напряжены. Смотрит на меня, но не двигается.

Как это произошло, я и сам не знаю. Вернее знаю. Это логически бессмысленное сопротивленпе на краю села, уже почти окруженного с двух сторон немцами, стало вдруг естественным - как же иначе... Было оно организовано по молчаловому приказанию Кудрявцева, которому подчинились и капитан и я.

Два пулемета других взводов замешкались у входа в село. Схватил мешок с обоймами. "Ступай вперед, Кудрявцев". "Нет, ты иди первым. У меня пулемет, если немец покажется я сразу стрелять смогу...".

Влево от дороги, за срубленным деревом установили пулемет. Капитан, тем временем, установив другой пулемет, подошел к нам. Разорвав пакет с патронами, я начал набивать обоймы, капитан тоже. Кудрявцев стрелял много лучше нас.

"Этот человек герой, я его представлю к награде, какой молодец". "Он был унтер-офицером в Российском флоте, капитэн". Над нашей головой слышался гул пропеллера, выстрелы. Похоже было, что аэроплан, незаметно появившийся среди ясного неба, осадили как лошадь, резко натянув поводья, и он присел на хвост. Пуля просвистала над ухом. Не отдавая себе отчета, что он целит в нас, мы продолжали набивать обоймы.

В это время с опушки леса выпрыгнул зеленый зверь - несколько солдат. С точки зрения военного искусства, этот скачек был верхом совершенства. Люди выскочили, как один человек, точно движимые одной волей, брошенные вперед одной пружиной. Я только тронул рукой Кудрявцева и молча показал ему направление. Прежде чем зверь успел окончить свой второй скачек, покуда он еще висел на воздухе, Кудрявцев дал по нем очередь. "Попал, попал, радостно закричал капитан, уложил офицера". Тут я был ранен.

В лазарете меня положили на тюфяк на полу рядом с тюфяком капитана, окликнувшего меня слабым голосом. Он рассказал мне, что расстреляв все патроны, он послал Кудрявцева догонять роту, а сам с двумя-тремя солдатами продолжал стрелять из винтовки. Потом, когда подошли броневики, хотел укрыться в доме, но перебегая улицу был ранен.

Капитан скоро поправился и перед отправкой в Германию навестил Кудрявцева. Прощаясь со мной, он сказал, что у Кудрявцева начался столбняк и что он страдает ужасно. Ранен он был к вечеру, осколками бомбы из миномета, после того, как догнав роту, еще долго стрелял по немцу, вероятно, как утром, слившись с пулеметом настолько, что тот казался впаенным в его плечо.

Кудрявцева перевели в отдельную комнату, рядом со мной. Сестры качали головой, когда я их о нем спрашивал. Порой он кричал. Звал санитара, просил, чтобы ему переменили рубашку. Жар у него был сильнейший.

Нам объявили о перемирии. "Война кончена. Скоро вас отпустят по домам. С Англией мы разделаемся в 15 дней". Кудрявцеву становилось все хуже. Было ясно, что он не выживет. Я, как только мог встать, пошел в его комнату.

"Бонжур, мой льетенан". Лежит истощенный, бледный. "Вот бы священника". Высокий, худой офицер с крестом на лиловой ленте на шее нагнулся над ним. Я плохо слышал слова латинской молитвы - вечные слова утешения. Неужели помрет ? Мысль эта не вязалась в моей голове. - "Да, я вам обещаю, я сегодня же напишу вашей жене". "У меня трое детей, вспомнил бедняга, что дед. Вы понимаете, жэтэ веню дефандр ма патри...". Все спокойно, без всякого волнения. Вздох и замолк. Вынесли его сразу. Мелькнуло большое, худое, почти голое тело, поднятое за ноги и руки, лицо обросшее щетиной.

Вечером в комнате раненого немецкого офицера я включил радио-аппарат. Передавали речь какого-то ансиен комбатанта. "Надо очистить нашу страну от метеков, от всей иностранной сволочи..."

Я выключил ток.

Кригсгефангенен лазарет Фош. Лаон 1940.

ПОЕЗДКА В ЯРОПОЛЕЦ

Из воспоминаний С.А. Безобразова

Большое шестиместное ландо, влекомое четверней рослых, вороных лошадей, гремя железным ходом своих колес, тащится по Волоколамскому шоссе.

От Ивановского, где мы живем, немного больше часа езды. Мне семь лет и этот час тянется безконечно. Непрерывный шум колес, звон подков, тряска, пыльная духота, все это утомительно и я с трудом сижу на горячих, кожаных подушках ландо.

Мимо плывут знакомые картины - поля, рощи, небольшие темно-зеленые болота. Кое-где, вдоль старого тракта, по которому проложено шоссе, древние березы, обожженные молниями, засохшие от старости, бегут навстречу, низко склоняя редкие зеленые ветви - остатки немногих еще уцелевших Екатерининских берез, посаженных вдоль тракта в дни проезда Императрицы.

Все это я знаю давно, каждое дерево, каждый куст мне знакомы. Я стою в ландо и не свожу глаз с широкого зада, хвоста и мелькающих ног правой пристяжной.

Под шлеей пенится мыло, лошади устали от бьющего полдневным жаром июльского солнца. Постромки слабеют, валёк начинает болтаться. "Эй.. эй" негромко и немного нараспев покрикивает кучер Илья и только для острастки проводит кнутом по спинам лошадей. Лошади подхватывают, прибавляют ходу, постромки, вальки опять натянуты.

Но вот четверик сворачивает с шоссе направо, на мягкую, обсаженную деревьями дорогу. Сразу становится прохладно и резкий переход от неумолчного шума к безмолвию мягкой дороги, действует так отдохновительно.

Теперь ясно слышен чистый звон бубенцов среди зеленых стен дороги. Мягко шуршат колеса по пыльной дороге, бесшумно мелькают блестящие подковы. Лошади почуяли дом и, забыв усталость, дружно уносят большое, тяжелое ландо.

Чугунные ворота с кружевными узорами и гербом наверху, широко сткрыты. Четверик, не замедляя хода, проносится через них и быстро огибает зеленый круг посреди двора. Серая, деревянная Русь, с ее избами, колокольнями, проселками и телегами, осталась позади.

Под колесами шелестит гравий, напоминая шум морской волны, бегущей по песчаному берегу далекого моря. На дворе прохладно и тихо. Ландо останавливается у одной из каменных терасс. Позванивая

бубенцами, кони нетерпеливо переминают ногами, в ожидании прохладной конюшни, полутемного стойла и меры овса.

У входной двери уже стоит человек в ливрее и коричневых гетрах, а за ним в открытую стеклянную дверь виден портрет во весь рост Екатерины Великой, работы Лампи. Она с небольшой бриллиантовой короной на голове и лентой через плечо, приветливо улыбается той знакомой улыбкой, которой убылается на всех своих портретах. В Яропольце мы в гостях у деда и бабушки Чернышевых.

Поездки эти я помню отчетливо и вплоть до смерти деда, мы постоянно ездили гостить в Яропольц, и только начиная от 1907 года окончательно переехали туда, так как Яропольц перешел по наследству моим родителям. С тех пор мы проводили там каждое лето.

Дед мой граф Ипполит Иванович Чернышев-Кругликов с 16-тилетнего возраста остался сиротой и был отдан Императором Николаем I под опеку графу Вельгорскому, известному любителю музыки и другу Государя. Вельгорский вполне оправдал доверие Государя, добросовестно следя за воспитанием своего питомца и управлением его очень большого состояния.

Дед начал службу Лейб-Гвардии в Конном полку. Участвовал в завоевании Кавказа, находясь адъютантом князя Барятинского. Присутствовал при пленении Шамиля и был сделан флигель-адъютантом Императора Александра II-го. Дед прошел курс Военной Академии, одновременно женившись на моей бабушке графине Марии Ивановне Апраксиной.

Первое его начинание не дало никаких результатов, так как вскоре он решил покинуть военную службу и вышел в отставку в чине генерал-майора, а второе было самым счастливым и удачным событием его жизни.

Бабушка его обожала, жила для него, заботилась о нем и была счастлива только в его присутствии. Так они прожили до глубокой старости, никогда не расставаясь.

Если бабушка чем-то напоминала Пульхерию Ивановну из "Старосветских помещиков", то дед был далеко не Афанасий Иванович. Огромного роста, широкоплечий, непомерно сильный, с головой Бисмарка, но немного калмыцкими скулами, дед делал, что хотел, не спрашивая бабушку. Она же всегда на все была согласна, так как благодаря своей безконечной доброте и терпению, никогда ничего для себя не хотела и не искала.

Дед был вспыльчив, горяч и потому часто несправедлив, но быстро отходил и сознавался в своих ошибках. Он никогда никому не отказывал в помощи, чем многие пользовались без особой нужды.

Особенной страстью его жизни была охота. Мой тесть граф Димитрий Сергеевич Шереметев, в своих воспоминаниях говорит, что дед был первоклассным стрелком и выдающимся знатоком охоты, и что он выбил почти всех крупных зверей в окрестностях Петербурга. Граф Шереметев сам был замечательный стрелок и страстный охотник и вполне мог судить о способностях деда в этой области. Граф Ипполит предпочитал ходить на медведя с рогатиной, считая ружейную охоту занятием недостойным.

В 1907 году дед охотился зимой на волков недалеко от Ярополь-ца, простудился, слег и в несколько дней его не стало.

Бабушка поразила меня своим спокойствием в дни похорон, но ее добрая улыбка исчезла навсегда. Оставшиеся 16 лет своей жизни, бабушка провела сидя в кресле перед мольбертом, на котором стоял портрет деда, не сводя с него глаз, уйдя в какие-то свои мысли, не говоря ни слова. Иногда она вставала, садилась за небольшой орган и пела чистым уверенным голосом любимые псалмы.

Начал я этот рассказ въездом тяжелого ландо во двор Ярополь-ца, где мы гостили у деда и бабушки, иногда по две, три недели.

Стараясь припомнить такие далекие времена, я неизменно вижу деда и бабушку в Яропольце, окруженными всегда теми же лицами, ярко запечатлевшимися в моей памяти.

В доме было много всякой прислуги, но помню, главным обра-зом, трех лиц, которые в моем детском воображении, да и сегодня, тесно связаны с дедом и бабушкой. Эти лица, теперь кажутся мало-значительными, но без них я не могу себе представить Яропольц времен моего раннего детства.

Федор был камердинером моего деда, но занимал при нем поло-жение, гораздо важнее присвоенного его званию. В конце концов он превратился в доверенное лицо, без которого обойтись было нельзя.

Только Федор умел приготовить как следует послеобеденный кофе. Только Федор умел как следует вычистить любимое ружье после охоты. Только Федор знал какие одежды будут необходимы во время разных поездок в Ниццу, Биариц или Лондон.

Федор был небольшого роста, тихий, спокойный, неторопливый. Говорил ровной чисто-русской скороговоркой, но с большой изыскан-ностью, чаще всего в третьем лице.

Пропутешествовав с дедом по всяким заграницам, Федор приоб-рел лоск, носил хорошо сшитые европейские пиджаки, высокие, твер-дые воротнички и такие же манжеты с затейливыми запонками. Был он трезв, чист, аккуратен и постепенно приобрел значительное влия-ние в управлении домовым хозяйством. Таков был Федор, и нужно сказать, что этот молчаливый человек, несмотря на некоторую зам-кнутость характера, был действительно незаменим.

Второй,по моим понятиям, по значению была горничная бабушки Соня. Соня была дочь старой Матрены, бывшей крепостной горничной моей прабабушки графини Апраксиной. Матрена вместе с молодой Со-ней перешла к бабушке после ее замужества.

Старую Матрену я хорошо помню и так-же ее привычки крепост-ного человека. Бабушке и моей матери она целовала руки, а нас детей в плечо и при этом низко кланялась (мне было тогда лет пять). Она вспоминала "француза" двенадцатого года, о котором помнила по-видимому со слов живых свидетелей.

Ее дочь Соня, начав свою жизнь горничной бабушки, так и ос-тавалась при ней вплоть до ее кончины в двадцатых годах нашего века. Соня, как и Федор, была тихая молчаливая женщина и во всем ее существе чувствовалась искренняя, постоянная привязанность к бабушке.

Она заранее угадывала ее желанья и безпрекословно, точно исполняла малейшие ее прихоти. От нее веяло необычайной чистотой душевной и желанием быть полезной окружающим ее людям. В трудные дни военного большевизма, холода, голода двадцатых годов, она самоотверженно оставалась при бабушке, которую благодаря ее немощам, нельзя было вывезти из Петербурга.

Третьим лицом, имевшим большое влияние, был эстонец Кеппе. Садоводство в Яропольце было сложное, большое и требовало знаний. Сады, спускавшиеся терассами к прямоугольному озеру, были планированы в подражание Версалю, но, конечно, более скромных размеров.

Количество больших ковровых и не ковровых клумб, было необычайно велико и дом утопал в цветах, среди шума падающих вод фонтанов, среди обелисков и памятников прошлого, среди лабиринта подстриженных лип.

Требовалась постоянная работа по замене отцветающих растений, уходу за разными породами олеандров, апельсинных деревьев, пальм, выставляемых на лето вокруг дома, а также за более чем десятью тысячами штамбованых роз.

За садами синел парк с более чем пятнадцатью верст дорожек, которые требовали постоянного ухода. Зимой, необычайной вышины, оранжереи были полны тропическими растениями, а в теплицах согревалась коллекция редких кактусов. Тут Кеппе был очень хорош, на своем месте, управляя сонмом помощников и поденных баб для чистки дорожек.

Большой, тяжелый Эстонец, он носил европейскую одежду, клетчатую кепку и кожанные краги. Он несомненно не совсем был чист на руку, почти открыто крал, призирая "русский свинья", но был незаменим, и дед его держал, зная все его недостатки.

Тут повторялась знакомая картина. Считалось, что кроме Кеппе, никто не умел так рано выгонять в парниках "Les primeurs". Никто, кроме Кеппе, не был в состоянии доставить на кухню la vraie romaine croquante, как говорила бабушка. Никто,кроме Кеппе, не мог правильно организовать облавы и держать в порядке лукашей-обкладчиков. Кеппе также очень удачно заведывал огромными, жирными карпами в озере, по преданию пущенных туда самим Чесменским.

Бабушка, благодаря своему воспитанию, думала, говорила и писала почти исключительно по французски. Она получила воспитание, которое полагалось девицам времен королевы Виктории. Прекрасно рисовала, блестяще играла на рояле, говорила на всех языках безошибочно, но по русски была совершенно безграмотна.

Кеппе окончательно обворожил деда и забрал понемногу в свои руки все хозяйство. Что там он делал ? Кого зажимал ? К кому благоволил ? Одному Богу известно.

Вот в общих чертах картина жизни в Яропольце, где часть года проводили дед, уже далеко за 70, и бабушка лет на десять его моложе. Такими я их помню. Особенно ясно помню их ежедневные прогулки по парку.

К подъезду подавался английский плетеный экипаж - баскет - запряженный в дышло парой спокойных коней с наглазниками. Бабушка особенно боялась многочисленных мостов в парке и потому лошади подбирались старые, спокойные.

Сзади баскета на двух железных прутьях торчало небольшое сидение для грума. Иногда одному из нас детей, позволялось сидеть на этой вышке и сопровождать деда и бабушку.

После длительных приготовлений они выходила на террасу, бабушка с неизменным зонтиком, а дед в пробковом шлеме, бывшем тогда в моде. Наконец, они садились в экипаж, бабушка открывала свой зеленый зонтик, а дед опирался на бамбуковую палку с гнутой ручкой. Палок у деда было большое количество, и они стояли на особой подставке около бронзовых пушек, снятых с дедушкиной яхты "Джигит".

Палки были разные - гнутые, с набалдашниками, или с серебряными зверями в виде ручки. Была даже палка, особенно нравившаяся нам, с острой шпагой внутри.

Федор и два лакея в ливреях хлопочат кругом баскета, подсаживают, подсовывают подушки, покрывают ноги шотландским пледом. Можно подумать, что дед и бабушка собираются на Северный полюс. Наконец, когда все готово, экипаж трогается.

Я сижу на своей вышке, и бабушка непременно несколько раз скажет деду по французски: "Обязательно скажи ему, чтобы ехал тихо, ведь он (это я) может легко упасть. Бабушка была необычайно заботлива и всегда боялась, что что-то с нами детьми, должно случится.

Старые лошади отлично знали дорогу и, выехав за ворота, тихой рысцой направлялись направо под "триумфальные ворота" и потом опять направо, вдоль оранжерей, где выращивались знаменитые персики "Венус", названные так за их необычайное сходство с некоторыми частями тела Венеры Милосской, и белой стены, окружающей верхние сады. В конце стены было ворота, через которые баскет въезжал в парк.

Через эти ворота ходил Пушкин, идя из усадьбы Гончаровых по тропинке вдоль реки к Наталии Григорьевне Чернышевой, будущей жене декабриста Никиты Муравьева, за которым она последовала в Сибирь, где и скончалась еще совсем молодой. Судя по письмам Пушкина, который ее очень ценил, она благодаря своему обаянию, уму и красоте, имела огромный успех в Петербургском обществе. Пушкин любил ее навещать, когда приезжал гостить к Гончаровым. Брат его жены, Гончаров, упорно сватался Наталье Григорьевне, но по словам Пушкина, она каждый раз повторяла: "Замуж за Гончарова ? - ни за что, ни за что".

Затем экипаж, глухо стуча по доскам "золотого моста", шагом переправляется на другую сторону Ламы и не торопясь продолжает свой путь кругом парка, по мостам проезжает остров с мечетью, подымается на возвышенность, где стоит круглый с парными колоннами белый храм Венеры и, когда солнце начинает заходить, возвращается домой мимо потемневшего озера, мимо почти теперь синего

храма Аполлона, возвышающегося на холме среди прямых, как мачты, сосен, в верхушках которых время от времени шумит легкий ветер, мимо мраморного гетмана Дорошенко, высящегося на белой колонне, над высоким спуском к озеру, пристально смотрящего, через озеро на далекую мечеть.

Кто и почему поставил его здесь, далеко от его родной Украйны ? И почему его останки покоятся в небольшой белой часовне в селе Ярополец ? Он был в почетном изгнании, но почему в Ярополце ? На этот вопрос ответа я никогда не нашел и не знаю его и теперь.

Высоко наверху, над потемневшими терассами, на фоне почти темно-лилового неба, ярко, словно охваченный пожаром, горит белый дом, теперь почти розовый.

Огонь заката, красно-золотым блеском переливается в больших сводчатых окнах, а внизу темно-угрюмое озеро понемногу скрывается в сырой темноте наступивших сумерек.

Уже совсем стемнело, когда экипаж останавливается у освещенного подъезда.

Дед и бабушка обедают, сидя на концах длинного стола. Вокруг бесшумно двигается Федор с помощниками. Со стен смотрят аллегорические фигуры на вышитых коврах Бове.

Белые козлы везут в небольшой колеснице павлина с длинным, чудесным хвостом. Амуры шаловливо украшают их лентами. Райские птицы, распустив радужные крылья, сопровождают по воздуху колесницу. Прозрачные, синеватые деревья задумчиво склоняют ветви над затейливыми композициями декораторов восемнадцатого века.

Нам младшим внукам обед обыкновенно накрывался на ломберном столе, в соседней со столовой, большой синей с белыми колоннами зале, под портретом Императрицы Екатерины Великой, писанным Розелином. Однажды, я хорошо запомнил этот день, у деда и бабушки был к обеду гость. Неожиданно дверь в столовую отворилась и к нам вошел высокий старик в черном сюртуке с большой белой бородой. В каждой руке он нес по тарелке с закусками, которые нам были запрещены, при этом он, как заговорщик, хитро улыбался. Оставив нам запретные закуски, старый господин исчез за дверью в столовую.

На следующий день бабушка нам сказала, что господин этот был Сипягин, имение которого называлось Клушуво. Таким образом господин с белой бородой и закусками в каждой руке казался мне олицетворением всего доброго и привлекательного. Это небольшое событие произошло в 1902 году, а вскоре в том же году "добрый господин с белой бородой", сделавшись министром внутренних дел, был убит членом боевой дружины социал-революционеров, созданной Савинковым, Бурцевым и другими.

День кончается в кабинете деда. Бабушка вышивает или вяжет в углу дивана у большой, со спиртовой горелкой, лампы. Мягкий белый свет освещает портреты на стенах, круглую голландскую печь с белосиними рисунками Дельфт, тяжелую кожаную мебель времен 2-ой Империи.

Дед сидит в плетеном кресле у письменного стола и просматривает годовой отчет Яхт-Клуба. Он был одним из старейших членов этого учреждения и одним из очень редких членов действительно обладавшим морской яхтой, на которой он ходил в Англию и Францию. Большинство же членов, несмотря на такое морское название клуба, никогда даже моря не видали.

По свидетельству графа Димитрия Сергеевича Шереметева, деда в клубе побаивались, а он, как всегда, занимая то же место у окна, мало кого допускал к своему креслу. В числе этих избранных был мой тесть гр. Д.С. Шереметев, которого дед очень одобрял. Кроме того, повидимому, оба сходились на страстном увлечении охотой.

Но вот Федор вносит в кабинет поднос с кофеем, тайну приготовления которого он один знает. Так досиживают дед и бабушка до второго часа ночи, после чего их день кончается, и они отправляются спать.

ИЗ СТАРЫХ БУМАГ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Лет двадцать тому назад, разбирая старые бумаги семейного архива, мне попалась затерявшаяся, ветхая школьная тетрадь, исписанная мелким, но еще достаточно четким разборчивым почерком моей прабабушки Анны Алексеевны Андро-де-Ланжерон, рожденная Оленина.

Это та самая Аннет Оленина, за которой ухаживал Пушкин, тщетно и безрезультатно добиваясь ее руки. Много стихотворений было посвящено Пушкиным моей прабабушке. Одно из них, написанное им в 1829 году ей в альбом, когда все надежды на брак были им уже потеряны, косвенно подтверждает несбывшиеся мечты поэта.

Я Вас любил. Любовь еще быть может
В душе моей угасла не совсем.
Но пусть она Вас больше не тревожит,
Я не хочу печалить Вас ничем.

Я Вас любил безмолвно, безмятежно,
То робостью, то ревностью томим.
Я Вас любил, так искренне, так нежно,
Как дай Вам Бог любимой быть другим.

Четыре года спустя, под этим стихотворением Пушкин приписал: "1833 г. Давно прошедшее - plusqueparfait". - Впоследствии стихи эти стали известным романсом, очень красиво положенные на музыку графом Шереметевым.

Любила-ли моя прабабушка Пушкина ? Судя по ее характеристики поэта, можно с уверенностью сказать, что нет. "Un jour au bal chez la comtesse Tiesenhaizen-Hitroff, пишет она в своем раннем девичьем дневнике, она увидела le personnage le plus intéressant de son temps et distingué dans la carrière des lettres. C'était le fameux poète Pouchkine.

"Бог даровал ему гений единственный, не наградив его привлекательной наружностью. Лицо его было выразительно, но некоторая

злоба и насмешливость затмевали тот ум, который был виден в голубых, или лучше сказать, стеклянных глазах его. Арапский профиль, заимствованный от поколений матери, не украшал лица его. Да и прибавьте к тому ужасные бакенбарды, растрепанные волосы, ногти, как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взгляд на женщин, которых он отличал своею любовью, странность нрава природного и принужденного и неограниченное самолюбие - вот все достоинства телесные и душевные, которые свет придавал русскому поэту 19 века".

Отец моей прабабушки Алексей Николаевич Оленин был создателем Публичной Библиотеки, Президентом Академии Художеств, исключительно образованным человеком, - кудесником, как называл его Император Александр I-ый. В Олениноком доме в Петербурге, или в имении Приютино собиралось самое избранное культурное общество современной ему России. Крылов, Баратынский, Вьелгорский, Глинка, Пушкин, Вяземский. В этой обстановке и среди этих замечательных людей протекла молодость и юность моей прабабушки.

Но вернемся к тем запискам, в найденной тетради, начатым моей прабабушкой, когда ей было 77 лет, что по тогдашним временам, считалось более чем преклонным возрастом. Начала она свои записи в 1881 году, прервала их и после трехлетнего перерыва, продолжила их в 1884 году, чтобы почти сразу вновь их прервать, на этот раз окончательно.

"Вы хотите, любезные друзья мои, так начинает она свои записки, чтобы я решилась, наконец, написать то, что слышала и видела на своем веку. Признаюсь меня побуждает писать еще то, что в нынешний грамотный век многие стали авторами записок, более или менее занимательных.

"Все мы теперь грамотны, чем, между нами будь сказано, похвастаться не могу. Итак не взыщите и не обращайте слишком много внимания на слог моих воспоминаний.

"Я собрала в памяти своей столь много прекрасных и великих воспоминаний, что в нынешнее время, когда глаза слабеют и слух изменяет, они являются для меня отрадой и я спокойно думаю о близкой будущей загробной жизни, с благодарностью за все, что мне пришлось узнать и увидеть на жизненном моем пути.

"Сердце еще не окаменело и чувство к больному мужу, к детям, внукам и друзьям все еще, слава Богу, и живо и горячо. Старость моя, надеюсь, не в тягость другим и всем этим я обязана былому, великому прошлому.

"Сижу иногда, работаю, молчу, а мысли - одна другую сменяют. Моему воображению представляется то исторические факты, то веселые и умные шутки Крылова и других. То какой-нибудь анекдот, стихи, музыка Глинки, разговоры батюшки с Александром Гумбольт (Александр фон Гумбольт: 1769-1859. Немецкий натуралист и путешественник), первый визит которого, после представления Императору Николаю Павловичу, был к моему отцу.

"Приходят также на память наши Приютинские праздники, особенно именины моей матери 5-го Сентября, всегда торжественно празднуемые. Павловские праздники у Блудовых и Плещеевых.

"Мой отец и граф Блудов часто присоединялись к нам и приходили в восторг, особенно от одной игры "Звон колокольный", производимой нами на разные голоса. Эти знаменитые мужи принимали участие и в других наших играх. Память и сердце мои наполнены этими воспоминаниями".

Здесь прерываются записки прабабушки, чтобы снова появиться три года спустя.

1884 г. Майорат графа Замойского Звержинец, где я провожу лето.

"С тех пор, как были написаны последние строки моих воспоминаний прошло три года и много воды утекло и много горя произошло. Я все думала и думаю и говорю, что горе по велению Всевышнего не может быть неизменно. Оно переходит в тихую грусть и понемногу успокаивается. Искренняя грусть томящая, гнетущая не может оставаться всегда одинаковой. Силы человеческие не перенесли бы этого - надо умереть или успокоиться.

"Не говорю забыть - это невозможно и не должно быть. Думая о прошедшем горе сердце все еще щемит, но скажу с поэтом "Он крест дает и Он же нам в кресте надежду посылает". И так продолжаю запись моих воспоминаний".

Предания старины глубокой.

"Семейные дела избранного какого-нибудь кружка не могут быть одинакого интересны всем, а потому если я буду сперва говорить о моих grands-parents, то только для того, чтобы показать насколько их нравы и обычаи отличались от современных нам.

"Начинаю мое повествование с моего деда Николая Яковлевича Оленина, который скончался до моего рождения и которого я знала лишь по рассказам моей матери. (Николая Яковлевич Оленин. 1732-1802. Касимовский уездный предводитель дворянства). Он был человек кроткого, доброго и тихого нрава. Жил почти постоянно в своей деревне в селе Салоур Рязанской губернии, живописно расположенном при трех огромных озерах и очень любил свое уединение.

"Мне пришлось посетить гнездо наших предков и там до сих пор сохранились воспоминания о добром дедушке и более чем оригинальностях моей бабушки Анны Семеновны рожденная княжна Волконская. Дед мой, как я говорила, отличался уживчивостью и избегал всяких столкновений со строптивым нравом моей бабушки.

"Я не могу простить ей всего того, что она выдумывала, чтобы мучить и унижать своего сына - моего отца, а впоследствии его жену - мою добрейшую и умнейшую мать, которую весь Петербург знал и которую любили и почитали в разных слоях общества. (Елизавета Марковна рожденная Полторацкая. 1768-1838. Дочь Марка Федоровича и Агафоклеи Александровны, рожд. Шишкина). Но бабушка по неукротимости своего нрава, широко пользовалась всеми дозволенными и неодобряемыми в те времена всевозможными причудами.

"Злость ее к моему отцу простиралась и за гробом. Она отказала все свои благоприобретенные имения по духовной своему брату князю Григорию Семеновичу Волконскому и его сыновьям Никите и Сергею, в ущерб родному своему сыну. Впоследствии, после смерти их отца, Волконские возвратили имения моему отцу.

"У деда и бабушки было 17 детей - так водилось в старину - из которых дожили до глубокой старости только мой отец и две его сестры - Варвара и Софья, умершие обе старыми девами.

"Так как дети умирали один за другим, не достигнув возраста, то по совету какой-то бедной старушки, окрестили моего отца в соборе перед ракой Святителя Алексия Митрополита Московского, который приходился нам родней по Плещеевым, и в честь его назвали батюшку Алексеем.

"Восприемником от купели был неизвестный монах, находившийся при мощах Святителя, за отсутствием крестного отца князя Григория Волконского, а восприемницей была княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Все это было сделано по суеверию, но суеверие подтвердилось. Отец пережил всех, дожив до 80-ти лет.

"Грустное было детство моего отца. Разлад родных, казалось, не мог содействовать развитию в нем нежности, но, несмотря на это, в характере отца не было ни суровости, ни холодности, ни эгоизма. Прекрасная душа его развивалась во всей полноте. Ум и сердце следовали ее живому направлению и, хотя нрав его был вспыльчивый, но никогда не злой и не строптивый.

"С малых лет начал он мечтать о службе военной, но бабушка задумала непременно поместить его при дворе и, чтобы разочаровать его в его стремлениях, заставляла сына стоять по несколько часов подряд на карауле с тяжелым ружьем, порою по колено в снегу. Ничего, однако, не помогло.

"До 10-ти лет находился он при родителях под надзором гувернера француза, который только и знал, что свою французскую литературу и правописание. Когда отцу пошел 11-ый год, его отправили в Санкт-Петербург к тетушке Екатерине Романовне Дашковой, где на него обратила внимание Великая Екатерина.

"В 1774 году по ее повелению он был записан в Пажеский корпус. Когда по прошествию пяти лет, он впервые дежурил в качестве пажа при Ее Величестве, Императрица спросила его какую карьеру он намерен избрать. - "Военную, Ваше Величество", был его ответ, "а потому прошу Ваше Величество соизволить мне, для изучения артиллерийского дела, ехать в Дрезден". В то время артиллерия была признана первейшей в мире именно в Дрездене.

"Государыня похвалила его за такое желание и отправила батюшку на свой счет вместе с его гувернером обучаться в Дрезден, где он и пробыл семь лет.

"Во все это время отчеты об его учении, успехах и отметках по экзаменам были, по Высочайшему повелению, присылаемы Государыни и она оказывала моему отцу свое благоволение и давала ему чины.

"Занимаясь прилежно своим делом, он иногда и кутил при случае, но при всем этом никогда не упускал из вида все полезное и высокое, все прекрасное и интересное. Привычка серьезного учения, вкус к изящному, изыскание исторических древностей развились в нем во время пребывания в Дрездене, где он приобрел те глубокие познания, которые впоследствии оказались замечательными.

"Его гувернер француз вряд-ли мог понять чему учился отец, потому что кроме Вольтера и его развратных сочинений он не знал и не ценил ничего другого.

"В России отец изучил французский язык, который знал безукоризненно и первые начала латинского и греческого. Немецкий язык он не любил и без особой нужды не говорил на нем, хотя владел им в совершенстве, изучив его так основательно в Дрездене. В Дрездене же он окончательно освоил греческий и латинский языки, а вернувшись в Россию принялся за изучение языков английского, испанского и итальянского, на которых говорил очень много и хорошо. Археологические его занятия принудили его, кроме того впоследствии, научиться языку арабскому и еврейскому.

"В Дрездене жизнь его была самая приятная. Он ходил учиться в артиллерийскую школу и жил в семье одного профессора, у которого помещались на квартире еще несколько молодых русских.

"Семья профессора чрезвычайно полюбила молодого русского, веселого, умного и щедрого. Он любил иногда подшутить над профессором и его дочерьми, но шутки никогда не выходили из пределов приличия и хорошего воспитания.

"В то время многие более или менее были вольтерианцами и мой отец тоже был немного под этим влиянием. Анатомию он изучал в анатомическом театре, куда ходил на вскрытия.

"В Дрездене в нем укрепилась и развилась любовь ко всему прекрасному. Он выучился рисовать, и рисунки его пером в самом деле замечательны по своей верности и бойкости.

"До самой глубокой старости он вспоминал о Дрездене с благодарностью и в преклонных годах не раз говорил мне: "Когда поедешь за границу непременно заезжай в Дрезден и поклонись ему от меня". Я свято исполняла заветы отца. Сколько раз не была я за границей, всегда заезжала в Дрезден с теплым к нему чувством.

"Батюшке я сама во многом обязана. От его истинного, глубокого знания и мне кое-что перепало. В его разговорах, в выборе для меня книг и в кружке незабвенных наших великих современников, всегда принятых у нас радушно и дружелюбно, протекла моя молодость. От Карамзина, Крылова, Гнедича, Батюшкова, Блудова, Пушкина, Вяземского, а также Брюллова, Щедрина, Глинки, Мицкевича и других, я почерпала все, что в то время было лучшего.

"И так, откинув от себя грустные воспоминания, продолжаю описание моих родственников. Живо представляется мне в памяти брат моей бабушки и дядя моего отца князь Григорий Семенович Волконский

со всеми его странностями, которые производили во мне больше страх, чем смех. (Князь Г.С. Волконский. Генерал-от-Кавалерии, член Государственного Совета. Кавалер всех Российских орденов. 1742-1824. Женат на княжне Александре Николаевне Репниной. 1757-1834).

"Он страдал временами от полученной в голову раны. Он отличался причудливой одеждой и не раз приходил к нам, или вернее прибегал при 20 градусах и более мороза в одном фланелевом костюме и, вдобавок, без фуражки. В большие праздники он иногда становился для молитвы на колени среди улицы.

"Подобными выходками он корчил из себя Суворова с его всевозможными причудами. Едучи однажды верхом рядом с фельдмаршалом, князь Григорий гарцевал на седле и, чтобы перегнать своего спутника, пустил лошадь во весь карьер... и свалился. Суворов тотчас подъехал к нему, помог ему встать и, держа его лошадь за узду, сказал: "Эх князь. Вы себе, батюшка, мой, шею сломаете, а Суворова все равно не догоните".

"Князь Григорий был единственным братом шести княжен, которые любили его до обожания. Несмотря на все свои причуды, он был для своего времени весьма образованным человеком. Страстно любил чтение и увлекался им по целым ночам. Любил музыку и понимал ее тонко. Он был хорошим военным и отличился во многих сражениях.

"Он стал особенно знаменит, женившись на единственной дочери фельдмаршала князя Николая Репнина. Тогда князя Григория стали отличать при дворе. Умный и весьма хитрый, он умел строго держать в повиновении свою добрую, всеми уважаемую жену и детей.

"У них было четверо детей. Старший Николай сделался по просьбе старого фельдмаршала Репнина, которого заслуженное, старое и громкое имя умирало вместе с ним, князем Репниным-Волконским. Теперешнее поколение князей Репниных идет от него. Второй сын Сергей был впоследствии замешан в 14-ое число и со всеми декабристами сослан в Сибирь и лишь при Александре II-ом возвращен из ссылки, и не так давно скончался в Петербурге. (Князь С.Г. Волконский. 1788-1865. Кавалергард. Св. Е.В. ген.-майор. Бригадный командир 19-ой п. див. Масон, член ложи Соединенных друзей, Сфинкса и Киевской ложи Соединенных Славян. Основатель ложи Трех Добродетелей). Он был женат на дочери героя 12-го года Марии Николаевне Раевской, которая добровольно поехала за ним в Сибирь. (М.Н. Раевская. 1805-1863).

"Третий сын Никита был женат на знаменитой писательнице княжне Зинаиде Александровне Белосельской-Белозерской. Она была та знаменитая Зинаида Волконская, очаровательная, умная женщина, артистка в душе, имевшая чудный голос, которого кто слышал наверно забыть не может, в том числе и аз. Она кончила свою жизнь в Италии католичкой, фанатичкой, но продолжала делать много добра. Она была так мила, умна и не злоблива, что ей можно многое простить.

"Муж ее Никита был добрый человек, но в нем, более чем в других детях князя Григория, была та полудурь, которую почему то

называли оригинальностью, а в нашей семье Волконщиной. Может быть и мы не без греха на этот счет.

"Сестра этих трех братьев Софья Григорьевна вышла замуж за светлейшего князя Петра Михайловича Волконского, впоследствии фельдмаршала и министра Императорского Двора.

"Как я говорила у князя Григория Семеновича было шесть сестер. Старшая из них Марья Семеновна (1731-1796) была замужем за генерал-поручиком Александром Васильевичем Римским-Корсаковым (1729-1781. Погребен в Донском монастыре знаменитым Московским Архиереем Платоном Левшиным). Вторая Александра Семеновна (1733-1793) была за бригадиром Федором Ивановичем Димитриевым-Мамоновым. Третья Анна Семеновна (1737-1812) была за моим дедом Николаем Яковлевичем Олениным. Четвертая Наталия Семеновна (1739-1776) за бригадиром Андреем Ивановичем Хрущевым. Пятая Екатерина Семеновна (1743-1818) за Петром Леонтиевичем Ермоловым. Шестая Софья Семеновна (1747-1769) умерла в девах, убитая лошадьми.

"Три старшие из сестер резко отличались от других своими странностями, своей Волконщиной и тем самым доказали насколько мы опередили их, как по воспитанию, так и по образу жизни.

"Римская-Корсакова почиталась сестрами своими и не признавала над собой никакой власти, потому что муж ее относился снисходительно к ее капризам. Он был генерал-ан-шеф и участвовал в Суворовских походах и в польской войне. Потом оставался на Литве много лет командующим войсками. Он был начальником Шлиссельбургской крепости во время бунта Мировича. (Мирович хотел освободить силой, заключенного в крепости "неизвестного узника" Императора Иоанна 6-го. Попытка не удалась. Во время схватки Император был убит, Мирович ранен, арестован, предан суду и казнен).

"Сама Римская-Корсакова была неимоверной скупости. Она старалась всегда отобедать в гостях и для этого заранее посылала лакея разузнать у знакомых, где повкуснее можно пообедать. Живя на Литве, она нередко занималась продажею табака с примесью золы и даже хвасталась перед моей матерью, приехавшей навестить ее в первый раз после свадьбы своей.

"Разговоры ее касались большей частью расходов по хозяйству, которые она ставила всем в пример, приговаривая: "Вы наживаться не умеете, так вот у меня учитесь". В ее расходных книгах под заглавием ПРИХОД стояла статья ТАБАК. Поясняя написанное, говорила она моей матушке - "Вот едет отсюда офицер в Россию, а я говорю ему - не в службу, а в дружбу, привези-ка ты мне, батюшка мой, табачку из России. Не забудь". Возвращается офицер и привозит мне несколько фунтов табаку. Ну спасибо, батюшка, удружил". А я, бывало, возьму да и подсыплю в этот табак золы и продаю офицерам по той же цене, за какую сама купила - вот таким образом и получается приход".

"У Римской-Корсаковой было две дочери. Старшая Екатерина (1775-1836) была замужем за Иваном Петровичем Архаровым, бывшим генерал-губернатором в Москве. (И.П. Архаров 1744-1815, генерал-от-инфантерии, Московский военный губернатор. При коронации Императора Павла назначен командиром Московского гарнизонного полка, известного под

названием Архаровского и получил в награду 1000 крестьян, но в 1800 году, как это часто случалось в царствовании Императора Павла, Архаров вместе с братом подвергся опале и ссылке в свое Тамбовское имение Рассказово. При воцарении Императора Александра I-го, опала была снята и Архаров вернулся в свой Московский дом на Пречистенке, где по воскресениям собиралось избранное общество Москвы. Туда съезжались все иностранные путешественники, а для молодых людей лучшим одобрением Московского общества, служило то, что они были приняты у Архаровых.

"Летом Архаровы жили в своем подмосковном имении Ислявское на Москве-реке по Звенигородской дороге. В 1812 году семейство Архаровых оставило Москву за два дня до вступления неприятеля, но по изгнанию французов, Архаровы уже не могли жить в Москве. Дом сгорел, а имение было разграблено. Архаровы переселились в Петербург, где И.П. скоро умер. (Память об Архарове еще долго была связана с баталионами его суровых Архаровцев).

"Римская-Корсакова ненавидела своего зятя и не называла его иначе как "Хархарка вор с девятой клетки". Объяснение этому прозвищу то, что на каменном мосту через Москву-реку была устроена в девятой арке клетка, для помещения в ней преступников перед судом или казнью. Народ приходил смотреть на них. В этой клетке содержался и Пугачев со своим соумышленником Белобородовым. При виде приходящих на него смотреть, Пугачев грозил кулаком, говоря : "Счастье ваше, что мне дело мое не удалось, а то ни одного из вас не было бы в живых". Атаман Белобородов говорил ему "Пеняй на себя самого. Говорили тебе, руби столбы, а не плетни - вот столбы тебя и задавили.

"Вот что такое была девятая клетка, устроенная для воров, убийц и прочих преступников. Римская-Корсакова считала своего зятя достойным быть заключенным в девятую клетку. O tempora, o mores !

"Сама Екатерина Архарова, двоюродная сестра моего отца была очень умная и почтенная женщина.

"Другая дочь Римской-Корсаковой, добрейшая Елизавета Александровна, родилась, как говорили про нее "с изъянцем". Она была косолапа от рождения и ходила с трудом. В те времена считалось позором для семьи, ежели дочери оставались в девках. И вот нашли соседа по имению, доброго и достойного человека, который согласился приехать просить руки несчастной девушки. (Александр Ильич Ржевский. Действительный камергер. 1726-1809).

"Перед помолвкой мать заставила свою дочь пройти перед женихом через весь зал, высоко подняв юбки, дабы он убедился бы, что она косолапа, и говорила "Видишь, ничего не скрываю, но за то прибавлю за изъянец еще 10 тысяч рублей".

"Достоен внимания обычай того времени выдавать замуж девиц. По обыкновению мать должна была долго не соглашаться на брак дочери, хотя бы и желала этого. Это делалось в расчете иметь ту выгоду, что выдавая дочь нехотя, могли дать и приданного поменьше. После многих придуманных препятствий, соглашались, наконец,

на свадьбу. Зятя принято было ненавидеть, а невестку угнетать и держать в повиновении.

"Рассказывали еще про злую тетку моего отца, что рассердившись, однажды, на своих дворовых людей, она хотела послать их на гуляние в Москве I-го Мая в одних рубашках с веревками на шее. Насилу отговорили сумасбродную старуху.

"Старшая ее дочь Екатерина Архарова была умная, почтенная и всеми уважаемая женщина.(Кавалерственная дама. Пользовалась особыми милостями и уважением Царского Семейства. Император Александр Павлович нередко приезжал к ней и запросто проводил у нее вечера).

"От первого брака ее мужа (с Екатериной Александровной Щепотьевой) была дочь Мария замужем за Постниковым. (Сенатор Захар Николаевич. I784-I834), которую она любила наравне со своими родными дочерьми: Софией (I792-I854), вышедшей замуж за графа Соллогуба (Граф Александр Иванович. Тайный Советник. I787-I844). Сын их известный юмористический писатель нашего времени, и Александра (I79I-I855) замужем за Васильчиковым (Тайный Советник Алексей Васильевич, внук гетмана Разумовского. I778-I854)."

На этом обрываются записки моей прабабушки.

В. Н. З в е г и н ц о в .

Х Р О Н И К А

со дня выхода последнего номера Вестника

Апрель, I967 г.

В ночь на I-ое Апреля скончалась в предместии Парижа Шелль Наталия Петровна Шебеко, рожд. Орлова, жена Кавалергарда Ф.В.Шебеко. Похороны состоялись на русском кладбище в Sainte-Geneviève-des-Bois, в предместьи Парижа.

I-го. В Wilton, Wiltshire,Grande-Bretagne, состоялась свадьба внука Председателя Кавалергардской Семьи, прапорщика Coldstream Guards, Ивана Димитриевича Звегинцова и дочери подполковника Великобританской Королевской Армии Gordon Watt, Elizabeth-Louise-Caroline.

I5-го. В ночь на I5-ое Апреля скончалась на острове Мальте княгиня Ольга Павловна Путятина, вдова Кавалергарда князя Павла Павловича Путятина. Похоронена на местном кладбище после отпевания в греческой церкви.

I6-го. В Варен, департамент Ньевр, Франция, скончалась после долголетней болезни дочь кавалергарда Евгения Алексеевна Пашкова, рожд. Стахович.

М а й

2I-го. В Русском Православном Соборе Св. Архангела Михаила в Paterson, New Jersey, USA, состоялась свадьба дочери Кавалергарда Петра Петровича Баранова, Наталии Петровны, и Colin-Charles MacKinlay.

Июнь

15-го в Нью-Йорке скончался Александр Викторович Чичерин. Офицер полка производства 1915 года. Похоронен на кладбище при Ново-Дивеевом монастыре.

24-го в Александро-Невском Соборе в Париже состоялась свадьба внучки и правнучки Кавалергардов Елены Михайловны Звегинцовой и Филиппа Froment.

25-го в Париже после долгой болезни скончался Денис Димитриевич Давыдов. Вольноопределяющийся полка 1916 года. Похоронен на русском кладбище в Sainte-Geneviève-des-Bois.

Сентябрь

10-го в Kensington (Великобритания), в православной церкви Успения, состоялась свадьба внука и правнука Кавалергардов, Сергея Михайловича Звегинцова и дочери J.M. Mills, Caroline.

13-го в Америке скончался граф Николай Александрович Мусин-Пушкин, офицер полка производства 1915 года.

28-го в ночь на 29-ое скончалась вдова Командира Кавалергардского полка Анна Михайловна Шипова, рожденная Раевская, похоронена в Sainte-Geneviève-des-Bois.

30-го в Sainte-Geneviève-des-Bois, состоялись похороны сына командира Кавалелергардского полка, князя Феликса Феликсовича Юсупова.

Октябрь

23-го в Великобритании скончался Председатель Кавалергардской Семьи Димитрий Иванович Звегинцов.

В 1967 году исполнилось 50 лет со дня производства в офицеры полка Федора Вадимовича Шебеко и графа Георгия Димитриевича Менгден, которым Кавалергардская Семья шлет сердечные пожелания здоровья.

Вышла и поступила в продажу последняя часть книги В.Н. Звегинцова "Кавалергарды в Великую и Гражданскую Войну", охватывающая 1916-1920 года.

Вышла и поступила в продажу следующая часть труда В.В. Звегинцова "Русская Армия", 67 таблиц с текстом к ним: формы, вооружения, планы сражений от Петра I-го до Екатерины II-й. 1700-1762.

КАВАЛЕРГАРДСКАЯ САМЬЯ ШЛЕТ ВСЕМ СВОИМ СОЧЛЕНАМ И ЧИТАТЕЛЯМ КАВАЛЕРГАРДСКОГО ВЕСТНИКА К НАСТУПАЮЩЕМУ НОВОМУ 1968-му ГОДУ СВОИ СЕРДЕЧНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ И ПОЖЕЛАНИЯ БЛАГОДЕНСТВЕННОГО И МИРНОГО ЖИТИЯ, ЗДРАВИЯ И ВО ВСЕМ БЛАГОГО ПОСПЕШЕНИЯ.

ВЕСТНИК

КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ

1968

ПРАЗДНИК КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ

В Париже в день Святых Захария и Елисаветы 5/18 сентября в Соборе Св. Александра Невского в 19 часов был отслужен молебен, на котором, кроме членов Кавалергардской Семьи, их родственников, друзей и знакомых, присутствовало много посторонних молящихся. После молебна в ресторане Chez Mas, состоялся товарищеский ужин, на котором присутствовали: Кн. Т.К. Багратион-Мухранский, С.А. и А.С. Безобразовы, Г.В. Бибиков, бар. А.П. Бильдерлинг, бар. Г.Г. ф. Гротгус, В.Н., В.В. и М.В. Звегинцовы, гр. Г.Д. Менгден, гр. В.В. Мусин-Пушкин, Г.Г. Раух, кн. И.В. Репнин, Ф.А. Татищев, гр. М.И. Толстой, Б.А. Чичерин и И.Н. Чудово-Адамович.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Протоиерей Александр Александрович ПАШКОВ

18-го марта в Америке скончался протоиерей Александр Александрович Пашков. Внук Кавалергарда, сын Александра Васильевича и Александры Григорьевны, рожд. Черткова, родился 28-го декабря 1890 г. Окончив в С.Петербурге гимназию Гуревича, затем Кембриджский университет в Англии, поступил в 1912 г. вольноопределяющимся в Кавалергарды с зачислением в № 3-й эскадрон. Окончив полковую учебную команду произведен в унтер-офицеры и в 1913 г., после сдачи офицерского экзамена, произведен в корнеты. В 1914 году выступил с полком на войну, в течении которой был последовательно произведен в поручики и в штабс-ротмистры.

Когда в 1915 г. оказался огромный урон в офицерском составе пехоты, Пашков, в числе шести офицеров полка, добровольно откомандировался в 13-ый Лейб-Гренадерский Эриванский Царя Михаила Федоровича полк,в рядах которого, командуя 3-й ротой, принял участие в тяжелых боях под Влодавой и у Ново-Троки. В 1916 г. вернулся в Кавалергардский полк.

Во время революции принял участие в гражданской войне сначала на Кавказе переводчиком при Английской миссии по снабжению Кавказской армии генерала Врангеля, затем в 1919 г. в рядах Кавалергардского дивизиона на юге России. Командуя конно-пулеметной командой всего Гвардейского кавалерийского полка был ранен, прикрывая своими пулеметами отход полка, арьергард конного корпуса генерала Барбовича, от с. Ново-Дмитриевка на Чонгарский полуостров Крыма.

Переехав, после окончания борьбы в Крыму, во Францию, затем в Америку, неустанно помогал оказанию помощи всем нуждавшимся членам Кавалергардской Семьи, рассеяным во многих странах.

В 1961 г. был посвящен во дьяконы, затем во священники.

Умер 18-го марта и похоронен на кладбище при Ново-Дивеевом монастыре, который он окормлял последние годы своей жизни.

Был женат на княжне Марии Александровне Волконской, скончавшейся скоро после него и похороненной на том же кладбище.

Памяти Старого Командира Полка
КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ДОЛГОРУКОВА.

Двадцать лет тому назад, 17-го января 1948 года скончался в Рабате командир полка (1912-1914) генерал-лейтенант князь Александр Николаевич Долгоруков.

Выпущенный из камер-пажей 7-го августа 1892 г. корнетом в Кавалергарды, дальнейшая его военная служба не следовала тому шаблону и той рутине, в которых обыкновенно протекала служба рядового офицерства.

Окончив в 1899 г. курсы Восточных Языков, он был откомандирован в распоряжение Российского посла в Константинополе. В 1903 г., после блестяще сданного конкурсного экзамена, он поступил в Академию Генерального Штаба.

Началась Японская война. Кн. Долгоруков прерывает занятия в Академии и едет добровольцем на войну. Командуя 3-ей сотней 2-го Читинского казачьего полка Забайкальского казачьего Войска, кн. Долгоруков был тяжело ранен в конной атаке под Ляояном в грудь пулей на вылет и контужен гранатой. Еще не вполне оправившись от ранений, он возвращается в Читинский полк и принимает участие в боях на реке Шахе, у Мукдена, Цинхочена и Мадзядана.

В 1912 г. он назначается командиром Кавалергардов с производством в генерал-лейтенанты. На его долю выпала высокая честь и величайшая ответственность вести свой родной полк на войну 1914 г. Восточная Пруссия, бои 6/19 августа у деревни Каушен, за который он был награжден Георгиевским крестом, Августовские леса; затем он зачисляется в Свиту Е.В. и назначается начальником 3-ей Донской казачьей дивизии, командуя которой награждается Георгиевским Оружием.

Наступила революция. На улицах Петрограда схватывают и арестовывают офицеров. Арестован и Долгоруков и отведен на миноносец для отправки в Кронштадт. На миноносце отбирают у офицеров оружие. Долгоруков отказался отдать свою Георгиевскую шашку и выбросил ее за борт.

В дальнейшем он участвует в защите Киева, в Северо-Западной армии, где командует 4-ой стрелковой дивизией. Всегда впереди, с неразлучным своим стэком, в белой Кавалергардской фуражке, пренебрегая опасностью, жертвуя собою, показывая пример всем своим подчиненным.

Долгорукову, как никому другому, подходит выражение "безумно храбрый". Но не только безумная храбрость является его отличительной чертой. Чуждый всякой интриги, всякой фальши, он обладал другой еще храбростью - храбростью гражданской. Возможно это не совсем правильное и подходящее определение другой черты его характера. Прямой по своему нраву, он никогда не боялся выразить на словах то, что думал и что считал правильным. Иногда во вред себе самому. Не даром звали его le Roi des gaffeurs.

За несколько лет до своей смерти С.С. Бутурлин прислал мне свои записки, посвященные памяти кн. Долгорукова, с просьбой использовать их для нашего Вестника.

"Назадолго до войны 1914 г., пишет мне Бутурлин, в период полкового междуцарствия, когда Вел. Князь Михаил Александрович перестал командовать полком и до назначения нового командира, Долгоруков временно командовал полком. Как-то раз приезжаю завтракать в Яхт-Клуб "the only and true snob corner of Russia", как его прозвал Великобританский посол сэр Джордж Бьюкенен. (Единственный подлинный снобистический уголок России). Туда же приехал к завтраку в этот день и Долгоруков.

Во главе стола возвышается величественная фигура Вел. Кн. Николая Николаевича, далее командир Гвардейского корпуса Безобразов, начальники 1-ой и 2-ой Гвардейских кавалерийских дивизий Казнаков и Раух и другое многочисленное кавалерийское начальство.

Никого из иностранных дипломатов нет. Разговор вертится на тему о надвигающейся, почти неизбежной войне и о том, что у нас большое преимущество, заключающееся в обладании громадной массой великолепной кавалерии, которая может быть брошена в прорыв и, при удаче, решить в нашу пользу участь кампании в самом ее начале.

Не знаю, почему мне это напомнило Горбуновского генерала Дитятина, который написал книгу "О возможности столкновения на берегах речки Шпрее".

Я сижу против Долгорукова и вижу что ему не сидится. И вдруг он выпаливает, "все это очень хорошо и теоретически я с этим согласен. Но кто же будет командовать этой кавалерийской массой ?. У нас, несмоненно, найдется ряд прекрасных генералов вообще, но во всемирной военной истории известных кавалерийских генералов не много. Их можно перечесть всех по пальцам. А я же сколько не смотрю вокруг, не вижу у нас ни одного. Хоть шаром покати". Я пытаюсь толкнуть Долгорукова ногой под столом, но тщетно. Закусил удила и пошел, и пошел. Все переглянулись, водворилось неловкое молчание. Кто-то перевел разговор на другую тему.

После завтрака еду в полк. В передней меня нагоняет Долгоруков и предлагает подвести на своем автомобиле. Сидим. Он мрачно молчит. Вдруг: "C'est maladroit", дернуло же меня - ни одного, хоть шаром покати, - а они все на меня смотрели с таким видом - а мы то все здесь на что. Как ты думаешь, дадут ли мне теперь наш полк, или не дадут ?". "Дадут, конечно". "Почему ты так думаешь?" "Во-первых потому, что тебе полк обещан, и ты его вполне заслужил. Во-вторых, в отличие от прежних случаев, нет других достаточно веских кандидатов". "Другими словами ты хочешь сказать, что на безрыбии и рак рыба. Ну что-же, утешение довольно плохое, но, конечно, я буду бесконечно счастлив, если получу наш полк. Это было всегда моей заветной мечтой". Я оказался пророком и мы выступили на войну под командой этого сверх доблестного, беззаветно храброго воина. Прав был несомненно и сэр Джордж Бьюкенен.

Вспоминаю один из рассказов Долгорукова, связанных с Японской войной. Когда его несли после ранения на носилках на перевязочный пункт мимо недавно подошедшей на фронт из России пехотной дивизии, ее начальник, по старому военному обычаю, скомандовал в честь раненого "Смирно". В войну 1914 г. этот древний обычай, к сожалению, больше не соблюдался. Генерал остановил носилки и спросил кого несут. Воробец, денщик Долгорукова, чрезвычайно ему преданный и гордившийся им, громко отрапортовал : "Кавалергардского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка ротмистр князь Долгоруков, Ваше Превосходительство. Смертельно ранен в грудь на вылет".

Тут генерал, по примеру великих полководцев, решил сделать красивый жест и произнести слово, которое, наверно, будет запечатлено на страницах военной истории России. Сняв фуражку, он громко воскликнул: "Мир праху твоему, храбрый воин". Но тут Долгоруков, не выносивший фальшивой позы, откинул шинель, прекрывавшую ему лицо, и сказал: "Вы рано меня хороните, Ваше Превосходительство. Я еще жив", чем разрушил театральный жест бедного генерала. "Je lui ai gaché toute son histoire", закончил Долгоруков свой рассказ.

В сентября 1914 г. Долгоруков получил 3-ью Донскую казачью дивизию. Уезжая, после сдачи полка князю А.Н. Эристову, в свою дивизию, Долгоруков, по обыкновению сильно картавя, все повторял: "La Troisième du Don, la Troisième du Don," как по твоему это звучит ? По моему, ça sonne bien."

Граф Л.Н. Толстой слишком рано обнародовал свой роман "Война и Мир". "Долгоруков как раз просится на страницы дополнительной главы о новой Отечественной Войне 1914 года".

С. Бутурлин.

Тут я добавлю. В одном из своих писем к Царю Ивану Васильевичу Грозному, князь Андрей Курбский писал: "В животе и смерти нашей Царь волен, но отечества (т.е. потомственная принадлежность к роду) ни убавить, ни прибавить никому не может". И Долгорукому, унаследованные от предков храбрость и прямоту, ни прибавить, ни убавить никто ничего не может.

В. Звегинцов.

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ

13-го октября минуло сорок лет со дня кончины последнего Шефа Кавалергардов Императрицы Марии Федоровны. Ниже помещаем письмо Государыни, тогда еще только нареченной невестой Наследника Цесаревича, Датской принцессы Дагмары, к Императору Александру II-му.

В своем письме Императрица просит Государя оказать все возможное содействие России для облегчения очень тяжелых условий, наложенных на Данию Германией для заключения мирного договора.

Несмотря на содействие Императора Александра, война закончилась отторжением Шлезвига от Дании и оставило Императрице навсегда чувство острой горечи и возмущения, что потом, когда Она стала Императрицей, несомненно, оказало влияние на изменение иностранной политики России, следствием чего явилось постепенно сближение с Францией, закончившееся тесным с нею союзом.

Fridemborgue, 29 Oct. 1864.

Mon Cher Papa,

Pardonnez que je m'approche de Vous cette fois par une supplique, la première que je vous fais, mais en voyant, mon pauvre Papa, notre pays et peuple couchés sous le joug des injustices, je me sens naturellement attirée vers Vous, mon Cher Papa par les liens d'amour et de confiance et voilà pourquoi je viens comme une fille auprès de son père en Vous suppliant d'employer Votre pouvoir pour adoucir les affreuses conditions que la force brutale des Allemands a obligé Papa d'accepter, vous montre combien ma confiance en Vous est déjà profonde puisque c'est à l'insu de mon père que je Vous demande aide et protection si c'est possible contre nos affreux ennemis.

J'espère, Cher Papa, que Vous ne trouverez pas Votre future belle-fille trop indiscrète, mais la triste situation de ma chère patrie me tient très à coeur et m'a suggéré l'idée de m'adresser à Vous, comme pouvant devenir notre Providence.

En Vous embrassant de coeur je Vous prie de baiser les mains de la chère Maman, ne pas oublier les chers frères et Marie, je reste

Votre
soumise et obéissante
fille Dagmar-Marie.

ИЗ НЕИЗДАННЫХ ДОПОЛНЕНИЙ К БИОГРАФИИ КАВАЛЕРГАРДОВ

Ниже помещаем биографии четырех следующих строевых офицеров полка, находившихся на лицо ко дню I4-го декабря. Из этих биографий видно, до какой степени ходячее и предвзятое мнение, не только о суровости, но о жестокости постигших их наказаний, не соответствует действительности. В особенности это ясно видно из биографии Горожанскаго, в отношении которого было проявлено совершенно не заслуженное им снисхождение.

ВАСИЛЬЧИКОВ, НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Сын племянника фаворита Императрицы Екатерины II-й, Александра Ивановича и его жены Екатерины Ивановны, рожденная Грекова. Родился 9-го мая I799 года в Вене. Первоначальное

образование получил дома под руководством гувернера француза Кюри, затем поступил в Пажеский корпус, откуда выпущен в 1817 году корнетом в Кавалергарды. С 1823 по 1825 год исполнял должность полкового ремонтера.

В полку особенно сблизился с П.Н. Свистуновым, под влиянием которого поступил в Северное общество. В событиях 14-го декабря никакого участия не принимал, находясь в отпуску в Москве у матери, куда приехали и поселились у него Свистунов и Ипполит Муравьев-Апостол.

Васильчиков был арестован в Москве 26 декабря и доставлен 29-го в Зимний Дворец на допрос генералом Левашевым. На вопрос последнего, почему он, отстранившись от общества, не сообщил об нем по команде, Васильчиков ответил: "Хотя вскоре узнал и чувствовал свою неосторожность и, могу даже сказать, свою глупость, но объявить об обществе не хотел, гнушаясь названием доносчика. Впрочем общество сие и намерения оного полагал столь маловажным, что не заслуживали внимания правительства".

В тот же день Васильчиков был заключен в Петропавловскую крепость. В предписании о нем Государя коменданту крепости, было сказано: "Присылаемого Васильчикова посадить поудобнее, дав писать что хочет и содержать хорошо".

На последующих допросах в Верховной Следственной Комиссии Васильчиков показал, что "был членом Северного Общества с 1825 г. Знал только то, что целью общества было введение конституции, но никакого участия в нем не принимал. Старался уклониться от общества и даже с принявшими его ничего не говорил." На протоколе допроса 10 января 1826 г. имеется пометка генерала Бенкендорфа: "Отвечал чистосердечно. Совершенно расскаивается".

По докладу Следственной Комиссии Государю последовала Высочайшая резолюция: "Продержать еще месяц в крепости и выписать в полки 5-го кавалерийского корпуса тем же чином".

7 июня 1826 г. Васильчиков был переведен в Тверской драгунский полк, затем, в 1827 г. в Серпуховской уланский и в 1828 в Харьковский уланский, в рядах которого принял участие в Турецкой войне на Кавказском фронте.

В бою под Ак-Анадаром Васильчиков был ранен и награжден орденом Св. Анны 4-ой степени с надписью "За храбрость". В 1830 году он вышел в отставку.

Над Васильчиковым был установлен строгий секретный надзор и въезд в столицы ему был запрещен. По ходатайству его матери этот запрет с него был снят и ему было разрешено поселиться в Москве. В 1835 г. ему был разрешен выезд за границу, а 9 мая 1839 г. ему было объявлено полное прощение.

Васильчиков был женат на Екатерине Петровне Демидовой (1800-1851), дочери тайного советника Петра Григорьевича (1740-1826) и Екатерины Алексеевны, рожд Жеребцова. У него было двое детей, Николай (1830-1851) и Екатерина (1832-1894) замужем за Самуилом Александровичем Панчулидзевым. Васильчиков умер 20 июля 1864 г. и погребен в Московском Симоновом Монастыре.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКИЙ, АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ.

Сын помещика Веневского уезда Тульской губернии полковника князя Николая Семеновича и его жены княгини Александры Петровны, рожд. Римская-Корсакова. Родился в 1803 г. Службу начал совместно с братом князем Андреем в I-ом Учебном Карабинерном полку и одновременно с ним переведен I-го февраля 1823 года корнетом в Кавалергарды.

Был членом Северного Общества. На допросах в Верховной Следственной Комиссии Вяземский показал, что "принят в Северное Общество в 1824 году. Знал только то, что целью общества было введение конституции. В члены общества никого не принимал и на совещаниях оного не участвовал. В происшествиях 14 декабря никакого участия не принимал и все время находился при своей команде в полку. Сознался, что в общество вступил по безрассудку".

Во время следствия Вяземский содержался на гаупт-вахте Военного Госпиталя. По докладу Верховной Следственной Комиссии Государю, последовало 11-го июня Высочайшее повеление "Перевести Вяземского в один из полков 2-ой армии и ежемесячно доносить о его поведении".

7-го июля 1826 г. он был переведен в Санкт-Петербургский драгунский полк тем же чином. За отличие в Турецкую войну 1828 г. Вяземский был переведен в Ингерманландский гусарский полк поручиком.

В 1832 г. он был уволен от службы и женился на Александре Александровне Римско -Корсаковой против желания и без согласия его отца, который лишил его наследства и все свое имущество завещал сыну Андрею. Последний после смерти отца скрыл от брата завещание отца и поровну поделил с ним наследство, имения в Тульской и Рязанской губерниях.

ГОРОЖАНСКИЙ, АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ.

Отец Горожанского был коллежским ассесором и Псковским помещиком. 11-го февраля 1821 г. произведен из полковых юнкеров в корнеты. Летом того-же года арестован на 24 часа с переводом в 7-ой запасный эскадрон "за соделанный им дерзкий поступок по отношению к управляющему имением господина Кушелева". В 1822 г. назначен полковым казначеем, 12 декабря 1824 г. произведен в поручики.

Горожанский был членом Северного Общества. На следующий день после восстания он добровольно явился в Зимний Дворец с повинной к Императору Николаю и с раскаяниями в своей вине.

На допросах в Верховной Следственной Комиссии Горожанский показал, что "вступил в Северное Общество полтора года тому назад. Сам лично принял в члены двух человек и, совместно с Муравьевым, еще трех человек". Но его словам единственная известная ему цель Общества было "введение монархической конституции".

Трудно поверить Горожанскому, что он, участвовавший в принятии пяти новых членов в Общество, ничего другого, кроме "Введения монархической конституции", о целях Общества не знал. Тем более трудно, что правдивость его утверждений категорически опровергается показаниями других офицеров полка, в частности Свистунова и Муравьева, всем поведением Горожанского I4-го декабря и сведениями, полученными от Гвардейского командования.

Свистунов показал, что "еще в июне I824 г. он сам открыл Горожанскому намерения Южного Общества ввести республиканское правление и, что повторил ему, слышанное от Вадковского, что для истребления Императорской Семьи можно было бы воспользоваться большим балом в Зимнем Дворце и там же объявить, что установлена республика." Сверх того Муравьев показал, что "Горожанский, будучи горячим членом Общества, подстрекал его, Муравьева, к большой ревности в пользу Общества и, что при чтении конституции брата Муравьева, Горожанский сказал, что она ему не нравится по своей умеренности и, ссылаясь на конституцию, составленную Пестелем, говорил, что Муравьевская конституция должна быть гораздо либеральнее".

Однако Горожанский на очных ставках с Муравьевым и Свистуновым упорно все это отрицал. Но на следующих допросах он сознался, что "по смерти Государя Александра I-го, он слышал о намерении членов Общества воспользоваться этим случаем, а также о том, что решено возбуждать полки к упорству в принесении присяги".

Из показаний других лиц выяснилось, что "уже после того, что полк присягнул Императору Николаю, Горожанский поручил унтер-офицеру Михайлову говорить людям, что манифест фальшивый и, что Цесаревич Константин не отказывался от престола. Лично сам Горожанский говорил о том же часовому, стоявшему у квартиры генерала Депрерадовича и еще некоторым людям".

На совещании членов Общества, созванном накануне I4-го декабря, Горожанский не присутствовал, присяги в полку не приносил и в строю его не находился. Вместо того он пошел на Дворцовую Площадь, где находилось каре восставших, разговаривал с князем Одоевским, который командовал у них стрелковой цепью и на вопрос последнего, что их полк, Горожанский ответил "идет сюда". Потом, увидав, что восстание не разростается и обречено на неудачу, он ушел в здание Сената и скрывался там все время, пока на площади не закончились все события этого дня.

По сведениям, доставленным командиром Гвардейского корпуса видно, что во время присяги полка Горожанский не был при своей команде, а когда он вернулся в полк, то говорил некоторым солдатам, что они обмануты и напрасно присягнули Императору Николаю. Когда же было приказано седлать и выезжать на Дворцовую Площадь, то Горожанский посылал унтер-офицера уговаривать людей не выезжать из казарм.

Несмотря на все поведение Горожанского в день I4-го декабря и на то, что явка его с повинной к Государю была вызвана исключительно страхом и желанием, как-нибудь смягчить ожидаемое

наказание, Император ограничился тем, что повелел "Снисходя к молодости и неопытности Горожанского, не предавать его суду, а наказать исправительной мерой: продержать в заключении в Петропавловской крепости еще четыре года с переводом тем же чином в Кизильташский гарнизонный батальон." В предписании о нем коменданту крепости сказано: "Горожанского посадить куда удобнее под строгий арест".

По окончанию срока заключения Горожанский был переведен на службу в 7-ой Оренбургский линейный баталион. За целый ряд проступков, совершенных им в бытность в Оренбурге, Горожанский был отправлен по Высочайшему повелению 18-го декабря 1830 года на заточение в Соловецкий монастырь.

Там в мае 1833 г., в припадке сумашествия, он заколол часового. По медицинскому свидетельствованию Горожанский был признан "страдающим частным помешательством ума - мания партиалис". Несмотря на это, ходатайство его матери Марии Горожанской о переводе сына на лечение в госпиталь, было отклонено. 29 июля 1846 года он умер и похоронен на монастырском кладбище.

ДЕ-ПРЕРАДОВИЧ, НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ.

Сын бывшаго командира Кавалергардского полка генерал-от-кавалерии Николая Ивановича и его жены Наталии Павловны, рожд. Алединская. Родился 18-го ноябры 1802 года. По окончанию Пажеского корпуса произведен 16-го июня 1822 года в корнеты Кавалергардского полка.

Де-Прерадович был членом Северного Общества и после событий 14-го декабря сознался в этом своему отцу. Старый генерал, не дожидаясь приказа об аресте сына, повез его лично в Зимний Дворец к Государю.

На допросах в Верховной Следственной Комиссии Де-Прерадович показал, что "был принят в Северное Общество в 1822 году на квартире Свистунова Вадковским, где находился в это время Пестель. Он знал о намерении Общества ввести республиканское правление с истреблением всей Императорской Семьи. Де-Прерадович дал Пестелю обещание действовать с жаром".

Спрошенный по этому поводу Свистунов показал, что "однажды Вадковский говоря о разных способах введения республиканского правления, сказал, что можно было бы воспользоваться балом в Белом зале Зимнего Дворца для истребления всей Императорской Фамилии и тут же разгласить установление республиканского правления. Вадковский спрашивал затем всех находившихся в квартире у Свистунова готовы ли вы в том участвовать. Все, и в том числе Де-Прерадович, отвечали утвердительно".

На дальнейших допросах Де-Прерадович сознался, что "слышал об этом злодейском намерении, но в душе не разделял его". Так же выяснилось, что во время присяги Александр Муравьев сказал ему, что "теперь настало время, когда он должен уговаривать солдат не давать другой присяги". Но Де-Прерадович на это не согласился.

Из сведений, доставленных командиром полка графом Апраксиным, видно, что Де-Прерадович присягнул на верность Государю Николаю Павловичу со всем полком и все время находился при своей команде на Дворцовой Площади.

Из уважения к многолетней службе его отца, а также к поступку старого заслуженного боевого генерала Государь не предал Де-Прерадовича суду, ограничившись переводом его на службу в армию.

27-го марта I826 г. он был переведен в Нижегородский драгунский полк на Кавказ. I3-го апреля он участвовал в бою под Ганжей против армии Аббас-Мурзы, I3-го октября в экспедиции за реку Аракс и в сражении при Елизаветполе. 6-го января I827 года произведен в поручики, 5-го июля участвовал в бою у Джават-Булат и награжден орденом Св. Анны 4-ой степани "За храбрость".

Участвовал с I4-го по 20 сентября при осаде крепостей Сардар-Аббас и с 24-го сентября по I октября Эривани. Согласно рапорту командира Нижегородского полка Раевского "во всех сражениях вел себя с отличной храбростью". То же самое сказано о нем в рапортах Государю генерала Ермолова от II-го ноября I826 года и Паскевича от 30-го ноября I827 года. В последнем Паскевич доносит, что "поручик Де-Прерадович во всех делах против неприятеля показал себя неустрашимым".

I2-го мая I828 г. Де-Прерадович был переведен в С.-Петербургский уланский полк, а 7-го января I829 г. Лейб-Гвардии в Уланский. 7-го июля I836 г. произведен в полковники, 29-го января I842 г. назначен командиром Стародубовского кирасирского полка.

В I846 году в чине генерал-майора уволен в отставку. Умер I9-го декабря I884 года в Штутгарте и похоронен при Тринитаскирхе в Дрездене.

УЖАСНЫЙ СОН

Отрывок из неоконченной поэмы.

Вдруг видит он: манеж огромный;
Дверям, окошкам - нет конца !
Барьер с механикой: - подъемный,
И два парадные крыльца !

Везде богатство, роскошь, нега,
Повсюду золото блестит,
И на земле, белее снега,
Песок посыпан и убит.

Под мрамор стены, колоннада,
Над нею хоры с двух сторон,
И тканью яркой Цареграда
Внизу украшен павильон !

Ковры, статуи, зеркала,
Фестоны радужных знамен.
Все окна, двери и балкон
Из разноцветного стекла.

Фонтаны брызжут по углам,
Цветы, деревья - здесь и там,
Везде гирлянды, кольца, шолк..

А в середине вдохновенно,
Стеной недвижимо, нетленно
Стоит КАВАЛЕРГАРДСКИЙ ПОЛК.
Как стройный лес мелькают пики,
Пестреют ярко флюгера;

Все люди, лошади велики,
Как монумент Царя Петра !
Стремёна, сёдла, мунштуки,
Пахвы, наперсья, чепраки
Все пригнано: как раз все впору,
Нигде ни складки, ни зазору !

Под ряд - для пользы и красы,
У всех нафабрены усы.
Все лица на один покрой,
И статен тот, как и другой.

Вся аммуниция - с иголки.
У лошадей надменный вид
И от хвоста до самой челки
Шерсть одинаково блестит !

Любой солдат - краса природы.
Любая лошадь - тип породы.
Что офицеры ? Ряд картин !
И все как будто бы один !

В посадках - идеал равенства,
В равненьи - прямо совершенство !
Уж с полчаса они стоят,
Все ждут кого-то и украдкой
На горизонт далекий, гладкий
В смущеньи пристально глядят...

По всем приметам им парад.
И вот на самом на конце,
Ворота с шумом отворились;
Толпятся слуги на крыльце,
Берейтора засуетились,
Ведут к подъезду лошадей...

Невольно лица всех людей
Мгновенной краской оживились..
Уже вдали галопируют,
Уж офицеры салютуют,
Уж раздается крик ура!!!

Настала страшная пора
Уже готовы все фаланги
Вступить в торжественную сечу,
А трубачи - на правом фланге,
Играют трогательную встречу.

Н.С. М а р т ы н о в

Санкт Петербург

1836 г.

ИРЛАНДСКОЕ ВОССТАНИЕ 1916-го ГОДА.

Первая половина 1916 года прошла для Кавалергардов в целом ряде переброс ок, по железной дороге или походом, с и на разные участки обширного боевого фронта. С района Проскурова в район Режице, оттуда в район Глубокого, затем в район Рожище. Там, после тяжелых боев под Ковелем и не сбывшихся надежд прорыва неприятельского фронта, Кавалергарды, подобно другим полкам Гвардейской конницы, были посажены в окопы, которые они занимали на различных отсеках фронта на реке Стоход.

В очередь с другими полками, сидели они в окопах у колоний Марьяновка, Пустомыты, Переходы и у деревни Ощев, вплоть до отвода в тыл на зимние квартиры. И если непосредственному наступлению противника полк не подвергался, тем не менее постоянный, ежедневный артиллерийский обстрел позиций полка причинял ему подчас очень тяжелые потери. Лошади перестали быть одним из главных оружий кавалериста и постепенно превратились исключительно в способ передвижения.

События, о которых далее пойдет речь, застали полк на походе из мест. Люцин в окрестностях Режицы в район станции Глубокое.

В 1966 году минуло пятьдесят лет со времени Ирландского восстания против Британского управления островом. Произошло

оно в Дублине в те дни, когда не Западе весь христианский мир праздновал Христово Воскресенье. Восстание окончилось полной неудачей, но стоило много жизней, как среди восставших, так и среди британских войск и местного населения. Если бы оно удалось, соотношение сил борющихся государств и конечный исход войны были бы в корне изменены.

К этому времени на всех фронтах первой мировой войны заканчивались, подготовлялись или велись тяжелые бои.

На французском фронте бои под Верденом достигли наивысшего напряжения. Одновременно подготовлялось предстоящее наступление на реке Сомме.

Великобритании стоило огромное финансовое напряжение и моральное усилие, чтобы довести численность своих дивизий на французском фронте до 47-ми.

На итальянском фронте заканчивалось второе и вторичное неудачное наступление Итальянцев на реке Изонцо.

На русском фронте недавно закончилось тоже неудачное наступление в районе озера Нарочь.

Всеми этими обстоятельствами решили воспользоваться руководители восстания, приурочив его к Пасхальной неделе в надежде, что в эти дни Британские власти окажутся менее бдительными.

Если бы среди населения Ирландии был бы произведен опрос об его отношении к новому закону - Home Rule - обеспечивающему внутреннее самоуправление острова, то нет никакого сомнения, что большинство Ирландцев приняло бы его с полным удовлетворением. По крайней мере на первых порах.

Лишь незначительное меньшинство считало, что только вооруженное восстание против Британского владычества, сможет раз и навсегда разрешить Ирландский вопрос, вплоть до полного разрыва с Великобританией и создания отдельного самостоятельного государства.

Это политическое течение было особенно сильно в Северных Американских Штатах среди Ирландских эмигрантов, откуда шла и моральная поддержка и огромная денежная помощь. Ирландские эмигранты, уже поколениями Американские граждане, были в большинстве потомками Ирландского Fenians и в них особенно сильна была ненависть ко всему Британскому. К властям, к законам, к "Британскому Игу", свержение которого было их заветной мечтой.

Во главе этого движения стояла тайная революционная организация I.R.B. - Irish Republican Brotherhood (Ирландское Республиканское Братство) унаследовавшее от былого феньянизма его сентиментальный, средневековый романтизм, ирландский патриотизм и революционный терроризм.

Для приведения в исполнение своих замыслов Верховный Совет И.Р.Б. на тайных собраниях в Филадельфии, решил воспользоваться войной 1914 года, которая должна была, по их мнению, создать, и действительно создала, целый ряд затруднений Великобританскому правительству.

В первую очередь стал вопрос снабжения оружием Ирландских заговорщиков. Количество однообразного вооружения и патронов к нему, какое хотел иметь в своем распоряжении Верховный Совет, достать в Америке было очень трудно. Еще труднее была его отправка из Американских портов в Ирландию. Сохранить все это в тайне от Британской разведки было невозможно.

В те годы, I9I4-I9I6, когда подготовлялось восстание, Америка еще не вступила в войну и в Вашингтоне находилось Германское посольство. Вот туда и обратилось И.Р.Б., чтобы при его посредстве и содействии получить разрешение Германских властей на выдачу 200 тысяч ружей и пулеметов с соответствующим количеством патронов, и кроме того, получить доступ в лагеря военнопленных Ирландцев, для вербовки среди них Ирландской республиканской бригады.

На обе эти просьбы Германское правительство охотно дало свое принципиальное согласие и для переговоров и решения на месте всех возможных побочных вопросов из Америки выехал в октябре I9I4 года представитель И.Р.Б. и Американо-Ирландской революционной организации Clan na Goël Sir Roger Casement.

После бесконечно долгого и скрытного путешествия Casement добрался, наконец,до Берлина, где его ожидало первое разочарование. Вместо просимых двухсот тысяч ружей, Германские власти согласились на выдачу только двадцати тысяч. В пулеметах было отказано. Но второе, самое главное разочарование ожидало его в лагерях военнопленных. На все уговоры вступить в Ирландскую республиканскую бригаду отозвалось самое незначительное числе пленных.

Ирландцы, доблестно сражавшиеся в рядах Royal Irish Riflers, Connaught Rangers, Munsters, Dublin Fusiliers почти поголовно остались верными Соединенному Королевству.

Следующий вопрос, как переправить оружие в Ирландию получил свое разрешение только в конце I9I5 года/начале I9I6 и, как это ни странно, помимо и даже без ведома Casement. Вопрос был разрешен непосредственными переговарами И.Р.Б. с Германскими властями при посредстве Германского посольства в Вашингтоне.

Пароход "AUD",предоставленный Германским морским командованием для перевоза оружия, вышел из Любека в самом начале апреля I9I6 года, направляясь в залив Трали, на юго-западной оконечности Ирландии, где у города того же названия должны были ожидать его приемщики.

Погрузка и отправка оружия были сделаны в такой тайне, что сам Casement узнал об этом только несколько дней спустя, когда "AUD" был уже в открытом море далеко от германских берегов. Ему все-же удалось получить разрешение следовать в немецкой подводной лодке, в надежде догнать пароход.

Но последнее ему не удалось. Под каким-то благовидным предлогом проверки, не то телефонной, не то электрической сети, Американская контр-разведка сделала, в отсутствии владельца, обыск на частной квартире одного из Германских дипломатов в Нью-Йорке и обнаружила все подробности ирландского заговора.

С ведома Американского правительства, или без него, или потому что рука руку моет, но все сведения были негласно переданы Американской разведкой Англичанам, которые немедленно приняли соответствующие меры.

"AUD" был захвачен поджидавшими его миноносцами, еще далеко от берегов Соединенного Королевства и отведен в Куинстоун, где, по недосмотру Английских властей, он был затоплен своим германским командиром.

Подводная лодка с Casement подошла на рассвете Страстной Пятницы к берегам Ирландии. О судьбе, постигшей "AUD" еще не было известно. С боевой рубки Casement тщетно ожидал сигнальные, зеленые огни приветствия. После тщетного ожидания он был спущен на берег в лодке и почти сразу арестован. Потом в августе, после суда, он был повешен в Пентовилле, как изменник.

На этом Британские власти успокоились. Заговор, как им казалось, был пресечен в самом зародыше. Дублинский гарнизон мог спокойно насладиться наступающими праздниками Пасхальной недели.

Надежда эта, однако, не сбылась. В понедельник 24-го апреля в самом Дублине вспыхнуло восстание захватившее местные власти, и гражданские, и военные, совершенно врасплох.

В Южной Ирландии существовали две полувоенные организации: "Ирландские добровольцы", получившие свое начало в самые критические дни введения Home Rule, в противовес такой же организации на Севере, и "Армия Ирландских Граждан". Обе эти организации совершенно открыто вели обучение своих сочленов военной премудрости, вплоть до маневров в поле и почти ежедневного парадирования по улицам Дублина.

Британское командование благодушно следило за их деятельностью, наивно считая, что все это относится ко внутренним делам Ирландии, к соперничеству католического Юга "Зеленые" с протестантским Севером "Оранжевые".

Поэтому, когда днем 24 апреля в понедельник на Святой, на улицах Дублина показались вооруженные отряды этих организаций, военные власти и население не обратили на них никакого внимания, считая что это обычное явление - рутина - игра в солдатики.

Первые выстрелы и появление полубелого, полузеленого флага с надписью "Ирландская Республика" взяло всех врасплох. Всех, вплоть до начальника штаба Ирландских Добровольцев.

Когда стал известен арест Casement и захват транспорта с оружием, начальник Ирландского штаба MacNeill, предвидя неудачный исход восстания, отдал приказание воспрещающее какое-бы то ни было выступление добровольцев. Приказание было передано всем отдельным начальникам разных отрядов, через адъютанта "Дублинской бригады". А этим адъютантом был никто иной, как американский гражданин Eamon de Valera, теперешний Президент Ирландской Республики.

Приказ начальника штаба в корне изменил все планы заговорщиков. Перед ними стал жгучий вопрос, что делать дальше. Расчитывать можно было только на тех членов организации, которые согласятся на вооруженное восстание вопреки распоряжения начальства. На тайном собрании заговорщиков в Пасхальное Воскресенье, о котором начальник штаба ничего не знал, было решено выступить на следующий день.

День 24 апреля выдался в Дублине на редкость солнечный, погожий. Улицы были полны праздничной толпой. В полдень в городе появились четыре отряда заговорщиков, всего около I000 человек, которые заняли целый ряд правительственных и общественных зданий. На крыше Главного Почтамта взвился флаг Ирландской республики и "Главнокомандующий всеми вооруженными силами Ирландской Республики," так он себя именовал, Pears прочел, перед изумленными жителями прокламацию "Временного Правительства Ирландской Республики" призывая всех Ирландцев, мужчин и женщин, начать борьбу за свою свободу.

И только тогда, когда прозвучали первые выстрелы и на улицах города появились первые жертвы, убитые и раненые, Британское командование поняло, что все происходящее не внутренние Ирландские дела, и далеко не игра в солдатики, а настоящее вооруженное восстание.

Гарнизон Дублина, подразделения Dublin Fusiliers, Royal Irish Riflers и Sherwood-Foresters немедленно приняли нужные меры. На улицах были возведены баррикады. В течении нескольких дней шла повсюду оживленная перестрелка. Из Англии было прислано подкрепление - пехота и четырех орудийная восьми-фунтовая батарея. Вверх по реке Лиффей подошло легкое военное судно, принявшее участие в обстреле зданий вдоль набережной.

Хотя к восставшим также подошло подкрепление из ближайших окрестностей, но судьба всего восстания была уже предрешена.

28 утром в Дублин приехал генерал Sir John Maxwell и вступил в командование всеми правительственными силами. В изданном им объявлении он требовал безусловной, немедленной сдачи всех повстанцев, грозя в противном случае разрушить не только здания, занятые повстанцами, но и все ближнии к ним дома.

К этому времени горевший Главный Почтамт был эвакуирован. Штаб повстанцев был окружен и всякое сообщение между ним и другими республиканскими отрядами было прервано. Улица О'Коннель была вся в огне. Повстанцы сложили оружие.

Среди пленных было 70 женщин, во главе с графиней Маркевич, рожд. Gare- Boots. Все оне были одеты в своеобразную, немного опереточную форму. Зеленые рейтузы, такой же китель, широкополая, тоже зеленая шляпа, украшенная глухариными перьями, кованный пояс, подобно тому, что носили в Америке ковбои, с висящим на нем кобурой с револьвером.

Население Дублина не питало никаких симпатий к восставшим. Наоборот, оно почти все было на стороне Британского командования, на стороне Дублинского гарнизона, насчитывавшаго в своих рядах много жертв.

3-го мая военно-полевой суд приговорил к расстрелу трех лиц: P.H. Pears, T. Mac Danagh и T.Y. Clark, провозгласивших и подписавших воззвание об установлении Ирландской Республики. В последующие дни было расстреляно I5 человек, 79 было приговорено к тюремному заключению и принудительным работам, I706 было выслано.

Приговор военно-полевого суда, согласно обще-принятому мерилу, не был чрезвычайно суровым. Восстание было ударом в спину всему Соединенному Королевству и в том числе, Ирландцам, доблестно сражавшимся в Бельгии, Франции и на других участках общаго союзнаго фронта. Но Королевское правительство не учло реакцию Америки и свою собственную, внутреннюю реакцию политических партий и англиканского пуританизма.

Королевский посланник в Вашингтоне передал сожаление и порицание казням изменников и надежду правительства Северо-Американских Штатов, что приговоры в будущем будут мягче. Вероятно по этой причине один из главных участников восстания, американский гражданин Де Валера не был казнен.

Английская пресса не осталась в долгу, и в целом ряде статей осуждала излишнюю суровость военно-полевых приговоров. Bernard Shaw в Daily News сравнивал борьбу Ирландских революционеров, с той борьбой, что вели Сербы, Бельгийцы и Поляки против немецкой оккупации. Manchester Guardian, The Times и другие менее значительные газеты писали в том же духе. Асквит в палате произнес громовую речь, восхваляя храбрость восставших. Католическая церковь в Ирландии воспользовалась всей этой шумихой и в лице Лимерикского епископа объявила приговоры ненужно жестокими.

Под влиянием всего этого Ирландские повстанцы, которые до сих пор в глазах самих Ирландцев были изменниками, постепенно превратились в жертвы "британского террора" и в национальные герои-мученики.

Несмотря на многие годы, разделявшие конец первой и начало второй Мировых войн, в течение которых все сокровенные вожделения Ирландцев, вплоть до создания самостоятельного государства, осуществились, взаимоотношение Ирландской Республики и Соединенного Королевства продолжали быть очень натянутыми.

Не доводя их до полного разрыва, Ирландия, во время Второй Мировой Войны, соблюдала строжайший нейтралитет. Под влиянием ее президента, старого повстанца Де Валера, все порты и гавани Ирландии были закрыты для всех судов борющихся держав, вплоть до великобританских; некоторое негласное попустительство существовало для германских.

В безчисленных заливчиках, наблюдение за которыми для Великобританской разведки было очень затруднительно, неоднократно приставали германские подводные лодки, главным образом, для связи с германским посольством, находившемся всю войну в столице Ирландской Республики Бельфасте.

В.Н. ЗВЕГИНЦОВ.

И В А Н О В С К О Е .

Волоколамского уезда Московской губернии.

Воспоминания С.А. БЕЗОБРАЗОВА.

ИВАН—СТОПНИК

В девятисотых годах прошлого столетия мы жили круглый год в Ивановском, имении моего отца. Уклад жизни был старинный и соответствовал скорее "временам Очакова и покорения Крыма". Теперь все это осталось далеко позади и новым поколениям кажется средневековым.

Зимой по дому ходил высокий старик в красной рубахе с жилетом по-верху. Волосы его были разделены посредине на пробор и подстрижены "под скобку". Большая с проседью борода падала на жилет и придавала ему вид благочестия. Это Иван-стопник.

Его работа зимой заключалась в ношении из комнаты в комнату связок дров. Печей было много, дом большой с очень высокими потолками. Требовалось много дров и огня, чтобы согревать эти большие пространства.

Изо дня в день, с раннего утра и до ночи Иван-стопник, шаркая валенками по паркетам, кочергой ворошил головешки, подкладывая березовые дрова, которые разгораясь шипели, выпуская слезу. Много десятков лет так ходил Иван-стопник по дому, всегда молчаливый, строгий на вид.

Но вот наступил день, когда Иван исчез. Потом другой, третий. Он заболел. Ноги так распухли, что валенки на них не влезали.

"Черная водянка", говорил буфетный мужик, от которого я старался узнать почему Иван-стопник больше не приходит. Я понял, что что-то "черное", ужасное угрожало Ивану.

На другой день я с разбега вбежал в переднюю, всегда напоминавшую мне церковь, благодаря каменным плитам на полу и высокому куполу, опиравшемуся на колонны.

Остановившись у двери, я с удивлением смотрел. Посреди передней, совсем как в церкви, на коленях стоял Иван-стопник, все в той же красной рубахе с черным жилетом поверху. С невероятным трудом, еле передвигая ноги, Иван как-то добрался до нашего дома и тяжело рухнул на колени.

Лицо его было белое, прозрачное, но торжественное. Ежедневные заботы и мелочи жизни остались где-то позади.

Твердым голосом произнес он,обращаясь к моему отцу, которого вызвали в переднюю "Батюшка Ляксандра Федоровичь, Господь узрел меня, пришел проститься с тобою, пожелать счастья тебе, Софье Ипполитовне и деткам тоже". Сказав свое прощание, он попытался встать, но не мог и его под руки отвели в людской флигель.

Ночью того же дня Иван-стопник, после длинной, молчаливой жизни отдал Богу душу. Так сурово и просто умирали деревенские старики. "Господь узрел", значит смерть Благодать Господня - великое успокоение.

Моя первая охота

Старший брат был лет на 6 старше меня и в моем воображении занимал место богатыря из народных былин... "промежду плечей косая сажень, а палица его в девяносто пуд. Куда ей махнет там улица - отмахнет переулочек". Я любил представлять себе его в таком виде и мне он казался героем народного воображения, считавшего его защитником Святой Руси от темных сил Жидовина-хозарского, Идолища-печенегского или Тугарина-половецкого.

Я был младшим из пятерых и, обыкновенно, старший брат не обращал на меня никакого внимания. Но вот случилось неожиданное событие. Вечером, в темном коридоре, брат торжественно обращаясь ко мне, как к равному, сообщил: "знаю, что тебе можно доверить и знаю, что ты сдержишь свое слово". Тут мое сердце замерло от гордости. "Завтра на рассвете пойдем на охоту на уток. Хочешь идти со мной ?" - Я был потрясен смелостью предприятия, но таков был авторитет брата-богатыря, делавшаго все по-своему и для которого закон не был писан, что с воодушевлением я тут же согласился.

До Петрова дня еще было далеко, но брата этот вопрос не беспокоил. "Перекрестись, что никому не скажешь". Взволнованный я молча быстро крестился.

На другой день, еще только светало, брат тихо меня разбудил. Сонный, я оделся как мог и, боясь опоздать, забыв башмаки и чулки, босиком бежал за ним.

Было чудное июньское утро, солнце еще не успело забраться на крышу флигеля и "красный двор", объятый запахами резеды, левкоя и гелиотропа, дремал в ночной, сырой прохладе. Трава блестела прозрачными каплями росы. Старые липы у высокой колоннады белокаменной решетки, безмолвно, не шевеля ни единым листом, стояли еще полные сонного оцепенения и дремоты. Раз или два, несмело, вероятно еще во сне, пискнула какая-то пичуга и, испугавшись собственной смелости, замолчала.

Брат с ружьем в руках шел впереди, а я, с сумкой для дичи, поспевал сзади. Пройдя двор, потом дорогу, мы обогнули белую церковь и шли по мокрому клеверу под гору к реке Ламе. Там на реке должны быть утки, и я не сомневался, что моя сумка скоро будет полна.

Берег реки был крутой, заросший кустарником. Лама, неторопливо цепляя водой концы ветвей, тихо плыла мимо заросших берегов. Долго бродили мы вдоль берегов, но уток не было. Напрасно брат уверял, что вот там немного дальше он знает место, где живет большая кряква, но кряквы тоже не было.

Мы залезали в кусты у воды, взбирались на обрывы над рекой, но все понапрасну. Солнце начало пригревать. Я устал, мне хотелось пить, сесть, отдохнуть - ведь мне было всего лет шесть и моя выносливость не могла равнятся с силой почти взрослого брата. Он же свежий и неутомимый,шагал и шагал,отмахивая версту за верстою. Наконец, убедившись, что никаких уток нет и не было, (утки любят болота, а не проточные воды), брат решил идти на Путятинское болото. "Уток там будет сколько угодно".

Я устал и мой охотничий пыл увял. Не лучше ли просто вернутся домой, думал я, но брат так решительно зашагал к Путятинскому болоту, что я, как послушная собака, не прекословя тащился за ним. Болото было за рекой и чтобы добраться до другого берега нужно было перейти брод верстах в пяти вниз по течению.

Не задумываясь брат шел к болоту, а я, конечно, за ним. Стало жарко и солнце немилосердно сияло высоко в небесах. Не останавливаясь мы добрались до деревни Путятино. Ноги ныли и я хромал, не имея привычки ходить босиком. А брат хоть бы что ! Ни жара, ни усталость его не брали и он то и дело безжалостно подгонял меня.

Брод оказался глубже чем мы думали. Я провалился в яму и чуть не остался под водой, и если бы не брат, тащивший меня за руку, одним охотником на этом свете было бы меньше. Но все же, в конце концов, мы оказались на другом берегу. Оба вымокли с головы до ног.

Болото было небольшое, темно-зеленое. Кругом тянулись полосы ржи, льна, гречихи. Завидя болото, забыв усталость, я побежал вперед, надеясь первым увидеть утку.

Раздался торопливый всплеск воды, шум тяжелых крыльев, бьющих воду и как стрела, огромная кряква пронеслась низко над болотом в противоположную от нас сторону. Брат вскинул ружье. Бам, бам, раздались один за другим два выстрела и со свистом заряд пронесся мимо моего уха, обжигая горячим воздухом щеку.

Мы стояли разочарованные. Я, обалдевший от грома выстрелов, от которых звенело в ушах, а брат в отчаянии, так как патронов больше не было. Два патрона, это все что он нашел в ружейном шкафу отца. Утка же благополучно исчезла за лесом.

Возвращение было мучительное. Я шел хромая, набив ноги до крови. Вышли мы голодные и теперь, когда время завтрака давно прошло, я так устал, что с трудом передивгал ноги. Брат шел молча, ни разу не останавливаясь, видно было, что он тут же мог повторить всю прогулку заново.

Вернувшись домой, мы застали переполох. По всем дорогам были отправлены конные нарочные нас искать. Я ожидал возмездия, но ничего не случилось, и я отделался нравоучением.

Брат же был заперт в своей комнате на сутки, главным образом для проформы.

Отец давно пришел к убеждению, что сладить со старшим сыном было ему не под силу.

Теньковский лес.

Верстах в трех от дома начинался Теньковский лес. Лес был густой, непрочищенный, с вывороченными с корнями деревьями, с зарослями, небольшими прогалинами, где, после сырого, прохладного воздуха пропитанного запахами мха, падших листьев, грибов и гнилого валежника, так неожиданно обдавало сухим теплом, запахом сухой травы и особенно лесной земляники, которая местами густо стлалась красным ковром. Земляника, нагретая солнцем, темно красная, душистая, росла здесь в необычайном количестве.

В сырой же прохладе леса, особенно после теплого, летнего дождя, семьями толпились грибы, которых здесь было такое изобилие, что мы собирали только боровики.

Как красив был этот царь грибов. Плотный, блестящий, словно покрытый лаком пожженой умбры, старательно гримировавшийся под падший бурый лист, надеясь таким способом обмануть многочисленных на него охотников.

Снизу же он был белый, с легким отливом охры, на такого же цвета, крепкой, утолщавшейся книзу ножке. Все было солидно у этого гриба, очертания чистые, твердые, не в пример всяким опенкам. Это был царь грибов, равный в природе льву, орлу и дубу. Величественно, в расцвете своей недолгой жизни, стоит боровик окруженный многочисленным потомством. Тут были подростки, иногда близнецы и, наконец, малыши на толстых круглых ножках с круглыми, коричневыми, прижатыми у ствола головами. Найдя патриарха, хорошо поискав кругом среди сухих листьев, можно было набрать до пятнадцати членов его семейства самых разных возрастов. Остальные грибы мало что стоили в сравнении с боровиком.

Подосиновики, или черные грибы, как полагалось их мещанской породе, росли в большом количестве, где угодно и как попало. У них не было благородных очертаний, красок и плотности белого гриба. Большая, бесформенная шляпа на тощей ножке. Осина дерево дрянное, дешевое и те же качества очевидно передались и "черному грибу".

Еще были подберезовики, плотные, красивые грибы, цвета жженой сиены, но равняться с белым грибом они не могли - что то простенькое было в их внешности. Иногда попадались подлипники. На первый взгляд гриб первоклассный, но присмотревшись ближе - шляпа поддернута нездоровым зеленоватым оттенком. Заглянув под шляпу, сразу делается ясно, что гриб дрянь. Низ зеленовато-желтый, и если нажать пальцем, остается темно-лиловое пятно. Какой же это гриб ? Дальше следуют совсем низкие сословия бесчисленных опенок, сыроежек, белянок, груздей, лисичек и множество подобной мелочи, которую можно набрать полные корзины в очень короткий срок.

Но вот открыто и нахально стоит красивый мухомор. Он никому на подражает и ни от кого не прячется. Одно название не

предвещает ничего хорошего и мухи пролетают мимо этого ядовитого арлекина, одетого в ярко-красный мундир с белыми пятнами - мундир на чисто-белой подкладке. Его видно издали и он вызывающе стоит не прячась, зная, что никто его не тронет, не сорвет. Все это грибное царство, с неизбежным красным злодеем, оживляло лес своими красками и запахами.

Пеньковский лес жил своей организованной жизнею, далеко от людской суеты, и только на большой прогалине, на опушке густо столпившихся деревьев, стояла сторожка лесника, куда мы ездили на длинных, десятиместных долгушах, где путешественники размещались спина к спине на кожаных подушках.

Дорога к лесу шла лугами, где паслись стада и немного в стороне, всегда сумрачный, угрожающе стоял большой черный бык, известный тем, что насмерть забодал пастуха Перфилия. У самого леса дорога спускалась в небольшую лощину и пересекала никогда не высыхающую лужу. Лошади осторожно ступают в мутную воду и ноги сидящих вот-вот окажутся в воде. Дорога углублялась в лес и нас сразу окутывали сырые, прохладные лесные запахи. Деревья все ближе теснились к колее и пристяжные жмутся к кореннику.

Местами колея была залита водой, местами мы пересекали твердые, ярко-зеленые полянки. Горячее солнце, с трудом пробиваясь сквозь густые заросли, неожиданно отражается ярким медным блеском на листьях в темной зеленой глубине чаши.

Лес редеет и мы въезжаем на большую прогалину-порубку, где стоит одинокая сторожка лесника. Кругом благодатная тишина, почти слышно дыхание природы, иногда нарушаемое шмелиным полетом или неугомонным пчелиным жужжанием. Зимой поляна, глубокими сугробами отрезана от всего мира и волки по ночам воют под окнами сторожки.

Путешествие в Ниццу.

Уже была глубокая зима, снежные завалы, сильные морозы. Родители ехали в Ниццу и было решено взять с собой и нас детей.

В те времена Виндаво-Рыбинская железная дорога еще не существовала и чтобы попасть на поезд, шедший в Москву, надо было санным путем добраться до Клина в сорока верстах от Ивановского.

Закутанный в шубу, с грелкой в ногах, я смотрю в заиндевелое окно возка - кареты, поставленной на полозья и запряженной тройкой гусем с верховым на переднем коне.

Мутно белое пространство растилалось по сторонам, пропадая в сумерках наступающей ночи. Пошел снег и, подгоняемый ветром, крутился в бесцветных, мрачных далях. От времени до времени попадались вехи, воткнутые в снег елки для обозначения дороги. Становилось темно и лошади, напрягаясь, с трудом волокли через ухабы и заносы тяжелый возок. Кучера с трудом находили спасительные вехи.

Пришлось остановится и зажечь факелы. Красным зловещим огнем пылали факелы, воткнутые в фонарные скобы, освещая

сугробы и дикую муть кружащагося снега. Кучер Илья, занесенный снегом с заиндевевшей бородой, просунул голову в дверцу и что-то сказал отцу. Все что я раслышал было "не дай Бог волки", после чего я сразу заснул.

Иногда, сквозь сон, я слышал оглушительные выстрелы. То Иван, на страх волкам, могучим размахом вороткого кнутовища, со свистом выбрасывал далеко вперед десяти-аршинный ремень с концом из конского волоса.

Проснулся я в Клину, где наш обоз из пяти саней уже стоял у станции железной дороги. Мне, вероятно, было лет пять и, впервые за мою недолгую жизнь, я видел станцию с ее рестораном, поезд занесенный снегом, тяжело дышащий паровоз, кондуктора, бегающего с фонарем вдоль вагонов, человека с длинным молотом, позванивающего по ободам колес.

Дети принимают обыкновенно все как должное и поэтому, попав из наших снежных трущоб в страну солнца и пальм, я мало что запомнил. Из всей поездки в благодатные южные края, осталось только воспоминание езды по сугробам от Ивановского до Клина.

Ц Р И Н И

Памяти верного боевого товарища и друга.

На странице 349 второго тома, недавно поступившего в продажу дневника Государственного Секретаря А.А. Половцова, автор, описывая прощальный обед, данный им 16 марта 1891 года в честь уезжавшего князя Лобанова, говорит: "Шипова (Софья Петровна, рожд. Ланская, дочь Наталии Николаевны Гончаровой, бывшей в первом браке за А.С.Пушкиным), рассказала, что Императрица (Мария Федоровна) очень озабочена тем, кого назначить командиром Кавалергардского полка, которого состоит она Шефом, так как теперешними полковыми порядками она недовольна. Для обсуждения этого вопроса она дважды приглашала двух прежних полковых командиров: графа Мусин-Пушкина и Шипова. Оба они признали необходимым отвергнуть кандидатуру Великого Князя Николая Михайловича, который этого только и желает". (Т.е. командовать Кавалергардами).

В октябре командир полка Николай Аркадьевич Тимирязев был назначен командиром 1-ой бригады 1-ой Гвардейской кавалерийской дивизии и, хотя до назначения нового командира, он продолжал числится командиром полка, но на деле полком командовал старший полковник Андрей Яковлевич Дашков.

Только через три месяца в феврале 1892 года командиром Кавалергардов был назначен командир 30-го драгунского Ингерманландского полка Артур Александрович Гринвальд.

Родной племянник старого командира Родиона Егоровича Гринвальда, к тому же женатый на дочери Кавалергарда графине Марии Александровне Тизенгаузен, Артур Александрович, кроме

двух лет службы Л.-Гв. в Кирасирском Его Величества полку, провел все остальные годы вне Петербурга из коих девять лет в рядах Семиреченского казачьего войска, с которым участвовал в целом ряде боев.

Все это вместе взятое, семейные связи с полком и служба вне Петербурга в отдалении от столичных и придворных сплетен и интриг и, конечно, личные качества Гринвальда, повлияло на решение старых командиров полка просить Шефа утвердить их выбор.

В день коронации Императора Николая II-го Гринвальд был взят в Свиту. "Радость полка была двойная: в пожаловании командиру Высочайших вензелей видели новую милость Государя к полку, радовались и лично за Артура Александровича, редкую и неусловную правдивость, самостоятельность и нелицеприятие которого, полк успел уже глубоко оценить". (Биогр. Кавалергардов. Т. 4, стр. 359).

Гринвальд пользовался большой любовью и огромным уважением всего полка, что отнюдь не мешало добродушной, но всегда сердечной товарищеской насмешке, в роде шутливой песни, которая вспоминалась еще долго после сдачи им полка.

"Возле речки, возле Рейна жил один старик семейно.
"Дочь его была девица ростом мала, круглолица.
"В нее рыцарь раз влюбился, переодетым к ней явился
"И сказал: "Коли не дура, узнай рыцаря Артура".
"И ей сердце подсказало, и она его узнала".

Но при чем же здесь Црини? Пока ни причем. Все это лишь присказка, пробудившая старые воспоминания, чтением дневника А.А. Половцова, а о самом Црини, о моем Црини речь будет дальше.

У командира полка был брат, владевший в Вейсенштейнском уезде Эстляндской губернии имением Койк с небольшим, но очень хорошим конским заводом.

Одну из лошадей его завода, еще камер-пажем, я купил у моего будущего товарища по полку и 4-му эскадрону, графа Георгия Александровича Шереметева. Моя первая строевая лошадь, на которой я начал мою службу в Кавалергардах. Конь Бамбук, почти 6-ти вершков, без отмет, темногнедой "вишневой" масти.

Летом, особенно в июне и июле, жара в Красном Селе обычно стояла очень большая и полковые ученья на Военном поле начинались рано. В шесть часов утра, а иногда и раньше, по всему расположению полка в Павловской Слободе Красного Села раздавались певучие звуки генерал-марша. "Всадники-други в поход собирайтесь". То полковые трубачи, начиная от квартиры командира полка, будили, останавливаясь на каждом перекрестке Петербургского шоссе, еще спящий полк. Одевшись и наскоро проглотив утренний завтрак, спешили мы в свои эскадроны, чтобы вместе с ними идти на сборное место полка.

Трава на Военном поле за эти месяцы выгорела и была сбита ежедневными учениями гвардейских полков. В густых облаках пыли носились мы по всему полю, то в разомкнутых строях, то в сомкнутых "ящиках", одновременно изучая все премудрости, только что введенной в "регулярную" конницу, казачьей лавы.

Однажды, еще камер-пажами, но на офицерском уже положении - мы ездили на взводах - мы, т.е. камер-пажи: Георгий Воеводский, Евгений Гернгросс и я, вернулись с учения в нанимаемую нами сообща дачу в Павловской Слободе. Только что успели отмыть слои пыли и переодеться, чтобы идти обедать в полковую Артель, как на дворе раздались истошные женские крики: "Пожар, пожар, горим!".

Мы выбежали на двор. Густой черный дым от горевшего сена и соломы заволок весь двор... Накинув на головы лошадям шинели, чтобы они не видели и не пугались бы огня, наши вестовые выводили их из горевшей уже конюшни. Скоро запылал и наш дом.

Прибежали Кавалергарды дежурного эскадрона и дежурный по полку князь Щербатов, но спасти что-нибудь из дома оказалось невозможным. Неудачно вытаскиваемый комод из наших верхних комнат, так плотно застрял в дверях, что войти в комнаты было нельзя.

Пожарные ручные насосы, полковой и Павловской Слободы, не были в состоянии бороться с огнем, уже охватившим целый ряд соседних домов.

К счастью из Ульянки, имения графа А.Д. Шереметева, которому дали знать о пожаре, карьером примчалась знаменитая Шереметевская пожарная команда с паровыми насосами во главе с ее владельцем, бывшим Кавалергардом и отцом двух офицеров полка. Только благодаря Шереметевским пожарным удалось отстоять другие крестьянские дворы, из которых Кавалергарды уже вынесли всю домашнюю утварь и вывели скот.

Нам удалось спасти лошадей, седловку и амуницию только благодаря расторопности наших вестовых. Остальное: обстановка, почти все наше белье и обмундирование стало достоянием огня. После пожара мы перебрались: Воеводский к брату Сергею, Гернгросс к дяде А.Г. Черткову, я к моему двоюродному брату Д.И. Звегинцову.

В следующем году состав нашего сожительства изменился. Воеводский остался жить с братом, а мы, Гернгросс и я, наняли другую дачу и к нам присоединился В.Н. Бибиков, на год нас моложе по выпуску из Пажеского корпуса.

Наша дача получила неожиданное название Греческой: Гернгросс, я, по полковому прозвищу Барбос и Бибиков, окрещенный в рифму Бибикос. Так оказалось в полку три грека. Когда в начале революции носители немецких фамилий подверглись гонению, принадлежность к "греческой нации" оказала услугу Гернгроссу. Солдатское мнение по этому вопросу было безоговорочно точно. "Какой же он немец. Известное дело он грек".

В тот день - это была суббота - когда случился пожар к нам должна была приехать к чаю мать Гернгросса Вера Григорьевна, и к этому времени ее должен был встретить на станции Скачки один из наших красносельских "полковых" извозчиков. "Как поживают пажи" спросила его Вера Григорьевна. "Да, барыня, горе то какое, они все дочиста сгорели". Такой ответ ее страшно взвол-

новал и приехала она к своему брату А.Г. Черткову полуживая от волнения. К счастью по дороге на станцию Гернгросс успел встретить мать и успокоить ее, что мы все живы и здоровы.

Ко времени моего поступления в полк, кроме Бамбука, того же завода Гринвальда было еще две офицерских лошади. Жеребец Бой у шт.-ротмистра П.С. Толстого и конь Црини у графа Г.А. Шереметева, у которого раньше я купил Бамбука. Вот этого то Црини я и купил в первую зиму после производства. Впоследствии, в 1912 г., к этим трем лошадям завода Гринвальда прибавилась четвертая, конь Като полубрат моего Бамбука, принадлежавшая произведенному в этом году в полк корн. бар. А.А. Пиллар-фон-Пильхау. На этой лошади Пиллар был убит 6/19 августа 1914 года в бою у всем нам до тех пор неизвестной, небольшой Восточно-Прусской деревни Каушен.

Црини слыл трудной и даже злой лошадью, главным образом потому, что его боялся и не любил наездник Шереметева Ревякин. И Црини платил ему тем же. Он его не только не любил, но просто ненавидел. Когда Ревякин входил к нему в стойло, Црини старался прижать его к стенке и наровил ударить. Ревякин уверял, что он даже пытался его укусить.

Ревякин все приставал к Шереметеву: "Продайте, да продайте Црини. Это не конь, а прямо аспид какой-то". К тому же Црини начал под Ревякиным опрокидываться. Разлад между ними был полный. "Вот корнет Звегинцов на коня не наглядится. Вы бы ему продали Црини". И мой вестовой Рыбаченко тоже все советовал купить Црини. "Вы попросите графа Шереметева, может быть он Вам коня и уступит. А конь уже больно хорош, прямо орел. Да и красив, что и говорить". Случилось так, что мне обязательно была нужна вторая лошадь, а у Шереметева, уж не знаю почему, Црини был лишним. Так я и купил Црини.

А он, правда, был очень красив. На следующий год на Concours hippique в Михайловском манеже он получил 2-ой приз за красоту. 300 рублей мне и серебряная медаль коннозаводчику, к большой радости меня и Гринвальда.

У Лермонтова есть, уж не помню в каком стихотворении, такие строчки:

"Золото купит четыре жены.
"Конь же лихой не знает цены.
"Он и от вихря в степи не отстанет,
"Он не изменит, он не обманет".

И, действительно, за все семь лет нашей совместной мирной и боевой службы Црини не изменил и не обманул, как не изменил и не обманул доверие своего Императора Фердинанда I-го его знаменитый полководец граф Николай Црини, в честь которого мой Црини был назван.

Граф Николай Црини (1518-1566), потомок очень древнего Словенского рода Субич, был баном - наместником - Хорватии и Словении, главнокомандующим всеми Имперскими войсками на правом берегу Дуная и комендантом города и крепости Сигет.

6-го августа 1566 г. Султан Солиман Великолепный осадил стотысячной армией Сигет. В течении целого месяца Црини успешно отбивал яростные штурмы турецких полчищ. Затем, когда подожженный турками город выгорел до тла, Црини заперся в цитадели, продолжая отбивать ежедневные штурмы.

Тщетно склонял его султан к сдаче города, обещая ему в награду наместничество над всей Иллирией и потомственное владение Боснией. Он угрожал казнею его единственного сына, который якобы находился у султана в плену.

Все было напрасно. Когда же 7-го сентября пламя охватило и цитадель, Црини во главе 600 воинов - все, что осталось в живых от гарнизона - произвел вылазку и пал, сраженный тремя пулями и весь изрубленный саблями янычар.

Дорого обошлась туркам победа, более четверти войск Солимана пало при штурмах и при взрыве пороховых погребов, подготовленного Црини перед вылазкой.

По совету нашего ветеринарного врача доктора Гофмана, сразу же после традиционной передачи коня "из полы в полу", Црини вместо стойла получил просторный денник. Постепенно он свыкнулся с новой обстановкой, с новыми людьми, забыл своего "врага" Ревякина. С моей стороны и я привык к нему, к его характеру, к его разнородным качествам и зажили мы с ним душа в душу.

Постепенно я взял его в работу. Он так охотно исполнял и усваивал незатейливые требования манежной езды, что я стал усиленно заниматься с ним работой в руках по системе Филлиса, лелея тайную надежду выехать на нем на Императорский приз за Высшую Езду. Эту надежду он оправдал, выиграв подо мною 2-ой Императорский Приз. 500 рублей деньгами и на такую же сумму серебряный кубок с орлом.

Состязание на Высшую Езду всегда происходило летом во время лагерного сбора под Красным Селом и состояло из четырех призов. Первые два Императорские, два других Военного Министерства. Участие в нем было очень заманчиво, хотя бы потому, что взятые призы заносились в послужной список, и, обычно привлекали значительное число участников. Я не помню, кто взял I-ый приз. Помню одно, что между ним и мною разница была в один балл. 4-ый приз взял мой двоюродный брат Д.И. Звегинцов на Львице.

Требования, предъявляемые на этом состязании, в сущности не были очень сложными. Езда на мундштуке одной рукой с обнаженным оружием в другой. Правильность посадки и аллюров, принимания, вольты и повороты кругом на месте на передних и задних ногах, при чем требовалось и на что обращалось особенное внимание, было, чтобы ноги лошади, при повороте, описывали круг, оставаясь почти на том же месте. Большое внимание обращалось также на перемену ног на галопе. Вся езда происходила перед целым синклитом судей разных полков.

Задолго до назначенного дня Рыбаченко проявил необычайную деятельность. Чистил, скреб, подщипал хвост и гриву, смазывал

копыта и довел до блеска подковы кирпичным порошком. Седло оголовье, поводья были смазаны, вычищены, подпруги выбелены. А перед самым состязанием, по совету доктора Гофмана, он всунул Црини в рот пригоршню сахарного песка, а под хвост имбирь. Впечатление получилось чрезвычайное. Хвост пером, пена во рту, Црини казался еще более горячим и красивым, чем на деле. Орел да и только.

Я не могу похвастаться большим количеством призов взятых Црини на состязаниях в Михайловском манеже. Их было немного и большей частью второклассные, охотничьего типа. Поэтому когда обнаружилось другое качество Црини - его прямо железная выносливость, то по совету А.П. Родзянко я использовал это качество и через год Црини выиграл мне два первенства "Championnat de cheval de chasse" и таковой же "Championnat de cheval d'armes".

Оба первенства состояли из 40-верстного пробега по местности, за которым следовала 2-верстная одиночная барьерная скачка. В первом чемпьонате седловка была произвольная, препятствия полевые охотничьего образца. Банкеты простой и двойной, шлагбаум, трипль бар, хэрделя, канава, всего 20 препятствий, тогда как во втором чемпьонате седловка была походная с полным вьюком и форма одежды тоже, шашка, револьвер, бинокль и даже полевая сумка. Препятствий было меньше.

Когда же в 1912 году было введено новое чисто военное испытание "Пробег разведчиков", в котором обязательно должно было участвовать по разъезду от всех кавалерийских полков и конной артиллерии Красносельского лагерного сбора, то командир полка назначил меня начальником нашего разъезда. Кроме офицера, разъезды состояли из унтер-офицера и семи всадников при полной боевой походной седловке, обмундировании и вооружении.

Общая подготовка разъезда и его тренировка была поручена А.П. Родзянко. Вахмистра и полковой писарь были заняты чисто "хозяйственной" стороной состязания. Выяснением что и сколько полагалось иметь каждому всаднику, как и что полагалось вьючить: положенное количество овса, сена, крупы, соли, запасных подков, гвоздей к ним, путы, коновязные колышки и вообще все то что полагалось по "наставлению" и что впоследствии на войне, в боевой обстановке, оказалось ненужным и было оставлено в обозе в первые же дни войны. Вплоть до мундштуков. Все было проверено, свешано, уложено и навьючено заранее и ко дню состязания все оказалось в полном порядке.

"Приз Разведчиков" состоял из 40-ка верстного пробега по местности с двух-верстной барьерной скачкой после,всем разъездом. Офицер впереди, за ним разъезд разомкнутый в одну шеренгу. Кроме того разъезд получал задачу, которую мне передали в момент выезда. В 1912 году она состояла в разведке переправы, причем каждый разведчик получил особое задание. На следующий год условия приза были те же, задача была дана: выбор и разбивка квартиро-бивака для кавалерийского полка.

Два года подряд, 1912 и 1913, брал я полку первые призы в этом состязании. Конечно, кроме отличного выдающагося

качества всех разведчиков и лошадей, назначенных мне от эскадронов, очень много способствовала нашему успеху упорная тренировка разъезда Александром Павловичем и кропотливая до мельчайших подробностей работа "конклава" вахмистров и полкового писаря.

К "Призу Разведчиков" всё готовили и все готовились с особенным старанием. Ведь дело шло не о личном успехе или неуспехе кого-нибудь из нас. Дело шло об успехе для всего полка и наш полковой Кавалергардский патриотизм требовал приложение всех усилий, чтобы выиграть полку этот приз.

Потом началась война и в то тревожное время, которое ей предшествовало, было не до призов и большинство состязаний было отменено.

Сколько бесконечных переходов, дневных и ночных разъездов, сторожевок бессменно проделал со мной Црини, по несколько суток оставаясь под седлом. В жару, в дождь и в мороз, иногда по брюхо в снегу или вязнув в липкой грязи нашей всероссийской распутицы. В Восточной Пруссии, в Польше, в Литве. В Августовских и Козловорудских дремучих лесах. Под Петроковом, на р. Пилице, в Свенцянском прорыве. Сколько десятков тысяч верст проделала эта изумительно выносливая лошадь изо дня в день без отказа. Счесть их так же невозможно, как исчислить звезды млечного пути.

На этом можно было бы закончить мой рассказ о Црини, но в его жизни произошло событие, причинившее мне тогда, я не боюсь в этом сознаться, большое горе, да и теперь, по прошествию полвека я вспоминаю о нем с большой грустью.

В ноябре 1917 года, когда наш старый полк перестал существовать, я перешел на службу в Государственное Коннозаводство и был назначен начальником Симферопольской Государственной конюшни. Еще до этого я отправил своих лошадей в имение с моим вестовым Белоусовым, который после того что мой прежний вестовой Псарев был ранен, был назначен ко мне. Белоусов, как и я, был уроженцем Новохоперского уезда Воронежской губернии из села Верхний Калмык, верстах в 30-ти от нашего Петровского.

Я рассчитывал, после выяснения обстановки в Симферополе, выписать туда моих лошадей. В Крыму я получил от Белоусова письмо, в котором он мне рассказал все, что произошло с Црини в деревне. Через несколько дней по приводу лошадей, в Петровском была назначена конская мобилизация. Приехал отряд красноармейцев с комиссаром. На выгоне у церкви были собраны все лошади села и наши экономические.

"Привел и я Црини с вашими лошадьми из имения, писал мне Белоусов. Увидал комиссар Црини и ни за что, ни про что, хвать его плеткой. А Вы знаете, что ни я, ни Вы, не только плеткой, а и дурным словом каким коня ни в жисть не обидели. Црини взвился на дыбы, а комиссар смеется да кричит "Что не любишь белогвардейская сволочь" и в другой раз хвать его плеткой. Тут вышло такое, что и не знаю, как сказать. Црини, словно как

человек закричал, лягнул и попал комиссару прямо в висок, а шипы то зимние, острые. И пробил Црини комиссару голову, кровь полилась, а народ так и ахнул. А Црини у меня вырвался, да и махнул через мост, мимо мельницы прямо в лес. Я было побёг за нима, да куда же, не догнать!".

"А на другой день пошел я по следам в лес, снегу много, видать хорошо, да и люди мне сказывали, что видали коня в бору. Я и увидал там Црини. Звал его звал. Он как будто меня признал, хотел подойти, но не подошел, видать раздумал, али побоялся, и подался опять в лес. И так мне стало тяжко, что и мне он больше не верил, значит начисто изверился. Больше его не видал. Чи к козакам на Дон подался, чи волки его зарезали, а их в лесу теперь страсть что развелось. Не знаю, как Вам и сказать, как я коня жалкую. Он мне ровно, что брат был".

Так кончил свою жизнь мой верный друг Црини.

В.Н. З в е г и н ц о в

Х Р О Н И К А

Со дня выхода последнего номера Вестника:

1967 г. Октябрь

I-го в Русском Доме Красного Креста в г. Шелль скончалась вдова Кавалергарда графа Ивана Димитриевича Толстова графиня Надежда Викторовна, рожд. княжна Кочубей. Похоронена на Русском кладбище в С.-Женевьев.

1967 г. Ноябрь.

II-го в Русском Доме в С.-Женевьев скончалась вдова Кавалергарда князя Анатолия Анатольевича Гагарина, княгиня Татьяна Михайловна, рожд. Миклашевская. Похоронена там же.

1967 г. Декабрь.

I0-го в Париже скончалась дочь Кавалергарда Александра Григорьевича Черткова, Софья Александровна Шварц. Похоронена на Русском кладбище в С.-Женевьев.

22-го скончалась дочь Кавалергарда св.князя Анатолия Павловича Ливен, св. княжна Серафима Анатольевна. Похоронена на Русском кладбище в С.-Женевьев.

1968 г. Февраль.

20-го у внука Кавалергарда Димитрия Ивановича Звегинцова, прапорщика Кольдстрим Гард, Ивана Димитриевича Звегинцова родился сын Петр.

23-го у сына Кавалергарда Владимира Николаевича Звегинцова, Владимира Владимировича, родился сын Стефан.

28-го в Лондоне скончалась дочь Кавалергарда Евгения Александровича Гернгросса София Евгеньевна Бенкендорф. Похоронена на кладбище Чисвик.

1968 г. Март.

18-го в Америке скончался протоиерей Александр Пашков, в мире ротмистр полка производства 1913 года, Александр Александрович Пашков.
Похоронен на кладбище монастыря Ново-Дивеево.

1968 г. Июнь.

22-го в Александро-Невском соборе в Париже состоялась свадьба внука Кавалергарда Епископа Иоанна, в миру князя Ивана Анатольевича Куракина, Александра Петровича ф. Гиллен-шмидта и Екатерины Николаевны Флиге.

30-го в Александро-Невском соборе в Париже состоялась свадьба сына члена Кавалергардской Семьи князя Николая Николаевича Оболенского, князя Михаила Николаевича и Mademoiselle Françoise LABADIE.

1968 г. Август.

24-го в Париже скончалась сестра Кавалергарда, вдова адмирала, Мария Александровна Развозова, рожд. баронесса фон-дер Остен-Дризен. Похоронена на кладбище в С.-Женевьев.

1968 г. Сентябрь.

10-го в Дербан, республика Южной Африки, скончалась вдова Кавалергарда князя Сергея Михайловича Кантакузена Графа Сперанского, княгиня Мария Александровна, рожд. Околичани на Околезна и Липто и похоронена в Umkomaas.

11-го в Холивуде скончался барон Георгий Федорович Гойнинген-Гюне, сын Кавалергарда барона Федора Федоровича Гойнинген-Гюне.

20-го в Бельгии скончалась дочь Кавалергарда графа Сергея Александровича Чернышева-Безобразова, эрц-герцогиня Австрийская Ксения Сергеевна.

28-го в Обан, Великобритания, состоялась свадьба внука Кавалергарда Димитрия Ивановича Звегинцова, Павла Димитриевича и дочери майора Джемс Меллор, Maree.

К НАСТУПАЮЩЕМУ НОВОМУ 1969 ГОДУ КАВАЛЕРГАРДСКАЯ СЕМЬЯ ШЛЕТ ВСЕМ СВОИМ СОЧЛЕНАМ И ЧИТАТЕЛЯМ КАВАЛЕРГАРДСКОГО ВЕСТНИКА СЕРДЕЧНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ И ПОЖЕЛАНИЯ БЛАГОДЕНСТВЕННОГО И МИРНОГО ЖИТИЯ, ЗДРАВИЯ И ВО ВСЕМ БЛАГОГО ПОСПЕШЕНИЯ.

ВЕСТНИК

КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ

1969

ПРАЗДНИК КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ

В Париже в день Святых Захария и Елисаветы 5/18 Сентября в Соборе Св. Александра Невского в 19 часов был отслужен молебен.

Несмотря на крайне трудные условия передвижений по городу - почти полная забастовка метро и автобусов, на молебне присутствовало много родственников членов Кавалергардской Семьи с их друзьями и знакомыми.

После молебна в ресторане "Chez Mas" состоялся товарищеский ужин, на который собралось 13 членов Семьи: Г.В. Бибиков, бар. П.А. Бильдерлинг, бар. Г.Г. ф. Гротгус, В.Н. и В.В. Звегинцовы, Д.Ф. Левшин, гр. Г.Д. Менгден, гр. В.В. Мусин-Пушкин, кн. И.В. Репнин, Г.Г. Раух, гр. М.И. Толстой, гр. П.П. Шереметев и И.Н. Чудово-Адамович.

"МОИ ВОСПОМИНАНИЯ"

1848 – 1889

А. А. Ф Е Т

Известный в последней половине XIX века поэт-лирик Афанасий Афанасьевич Фет (Шеншин) служил в кирасирском Военнаго Ордена полку. В то время, о котором он повествует в своих воспоминаниях, он находился в прикомандировании к Лейб Уланскому Его Высочества полку, стоявшему в поселенном штабе на р. Волхове, для держания экзаменов к переводу в Гвардию.

"Наступила зима, рассказывает Фет, и приехал корпусной командир старик Штрандман производить смотр. (Командир Гвардейского резервного корпуса генерал-от-кавалерии Карл Густавович Штрандман).

" На следующее утро ввсь корпус офицеров, в полном составе, выстроен был в манеже для одиночной езды. По окончании смотра корпусной командир объявил, что, выслужившие к 4-му январю полугодовой срок прикомандирования, могут явиться в Петербург под команду генерала Головина для приуготовления к смотру Его Высочества. (Будущий Император Александр II-й. Генерал-майор Федор Гаврилович Головин был начальником 2-ой Гвардейской резервной кавалерийской дивизии).

" Явившись в Петербурге генералу Головину, я в той же парадной форме отправился благодарить генерала Эссена. (Генерал-лейтенант Антон Антонович Эссен начальник Гвардейской кирасирской дивизии, командовал прежде 2-ой кирасирской дивизией, куда входил кирасирский Военнаго Ордена полк и очень покровительствовал Фету).

" В Михайловском манеже назначена была первая езда. Брать лошадей из частных манежей я считал рискованным и потому явился к Эссену с просьбой помочь мне в этом деле.

" Ну, мой любезный, сказал генерал, сразу изменяя тон, в Петербурге никто не дает своей лошади и я для себя ни за что

просить не стану. Но для Вас, так и быть, попробую. Завтра в 12 часов я буду смотреть в манеже Кавалергардов, явитесь туда и я Вас представлю командиру полка.

" Никогда не забуду изысканной любезности Кавалергардских офицеров, старавшихся друг перед другом помочь мне в этом деле. Все офицеры были пешком, так как Эссен проверял работу ганашей в унтер-офицерской смене на кордах и уздечках.

" Когда под конец учения я подошел к генералу, то на просьбу Антона Антоновича граф Бреверн (Командир Кавалергардского полка граф Алексей Иванович Бреверн-де-ла-Гарди) любезно разрешил мне обратиться к одному из командиров средних эскадронов. Офицеры указали мне на командира 3-го эскадрона (вероятно Федор Карлович Фишер, который был переведен в Кавалергарды из Екатеринославского кирасирского полка), а тот пригласил меня пройти к нему в казармы, куда обещал явиться тотчас же по окончании смотра.

" Сидя в столовой полковника, я среди полнейшей тишины внезапно услыхал из соседней комнаты, в которую дверь была раскрыта, громко и отчетливо раздававшуюся лихую команду ружейных приемов. Тихо пробираясь, заглядываю в кабинет - ни души - и снова громко протянулось "Под при ..." и, затем, коротко и отрывисто "клад !" Тут только я заметил, стоящую у окна клетку и сидевшего в ней попугая, так изумительно затвердившего команду.

" Вошедший полковник приказал позвать вахмистра и на заявление моей признательности, сказал: "Даю Вам на выбор любую унтер-офицерскую лошадь, с тем большим удовольствием, что сам был в том же положении, в каком Вы теперь, и мне никто не дал лошади". - "Вот, подумал я, действительно свет не без добрых людей". Вахмистру я сунул 10 рублей и обещал поблагодарить его по окончании смотра.

" На другой день солдатик в черном фраке и в белом галстуке, привел мне прекрасную лошадь, заседланную моим седлом.

" В день смотра мы выстроились посреди манежа к назначенному часу и на левом фланге появились у нас массивные Кавалергардские унтер-офицеры, готовившиеся к переводу офицерами в армию. В манеж стали прибывать генералы и Великие Князья, выстраиваясь в два порядка у входа, в ожидании Великого Князя Цесаревича.

" Ответив на отданную ему честь, Его Высочество скомандовал нам "С права по одному", и смотр начался.

" Доброезжая лошадь моя была совершенно без огня, а шпорить в присутствии начальства считалось невежливым. Зато, пройдя перед глазами главнокомандующего известным аллюром, я старался за спиной его надовать своему коню таких горячих шпор, от которых он снова проходил перед начальством весь кипящий жизнью.

" Проезжая собранной рысью, я увидел руку Его Высочества, указывающую на меня и ясно услыхал его слова "Славно ездит". - "Ну, подумал я, слава Богу, теперь я буду переведен".

" Когда пришлось прыгать через барьер с сабельной рубкой, я вспомнил наставление Н.Ф. Щ---го, и на скаку вышиб ударом

палаша барьер из рук его державших. - "Благодарю вас, господа, сказал Его Высочество, и поздравляю с переводом в Гвардию, кроме Вас, обратился он к пешему артиллеристу, Вы срам как ездите".

Москва. Издание 1890 г. Типография Мамонтова.
В скобках примечания редакции.

ВОИНСКАЯ ПРИСЯГА

Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, перед Его Святым Евангелием, в том, что хощу и должен Его Императорскому Величеству Самодержцу Всероссийскому и Его Императорскаго Величества Всероссийскаго Престола Наследнику верно и не лицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к высокому Его Императорскаго Величества Самодержавству силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности исполнять.

Его Императорскаго Величества государства и земель Его врагам, телом и кровью, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях и партиях, осадах и штурмах и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление и во всем стараться споспешествовать, что к Его Императорскаго Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может.

Об ущербе же Его Императорскаго Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но всякими мерами отвращать и не допущать потщуся и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, а пред поставленным надо мною начальником во всем, что к пользе и службе государства касаться будет, надлежащим образом чинить послушание и все по совести своей исправлять и для своей корысти, свойства и дружбы и вражды против службы и присяги не поступать.

От команды и знамени, где принадлежу, хотя в поле, обозе и гарнизоне, никогда не отлучаться, но за оным, пока жив следовать буду и во всем так себя вести и поступать, как честному, верному, послушному, храброму и расторопному войну надлежит. В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий.

В заключение сей клятвы целую слова и крест Спасителя моего.
А м и н ь .

ИЗ НЕИЗДАННЫХ ДОПОЛНЕНИЙ К "СБОРНИКУ БИОГРАФИЙ КАВАЛЕРГАРДОВ"

Ниже помещаем биографии пяти офицеров полка, состоявших в разное время членами различных тайных обществ и числящихся в списках строевого состава полка на 14-ое Декабря 1825 года и одну на вышедшего в отставку.

КОЛОГРИВОВ, АЛЕКСАНДР ЛУКИЧ

Сын Воронежского, а затем Тверского губернатора Луки Степановича и Марии Евгеньевны рожд. Лаврова. Родился в 1795 году.

После домашнего образования Кологривов поступил на гражданскую службу в учреждения, подведомственные его отцу. Первоначально 2-го Июля 1812 г. в Воронежскую Губернскую канцелярию, затем 15-го Августа того же года в Тверское Губернское правление.

19-го Июля 1813 г. Кологривов перешел на военную службу в Александрийский гусарский полк подпоручиком. 13-го Декабря 1814 года произведен в поручики с переводом в Кавалергардский полк. 16-го Июля 1816 г. произведен в штабс-ротмистры, 27 Марта 1819 г. в ротмистры, 2-го Февраля 1824 г. в полковники.

Был членом Северного Общества. Арестован в Москве, посланным для этой цели командиром № 1-го эскадрона ротмистром Гринвальдом. Доставлен в Петропавловскую крепость 26-го Декабря. В предписании о нем коменданту крепости сказано "Посадить на гауптвахту под строгий арест".

На допросах в Верховной Следственной комиссии Кологривов показал, что "Был принят в общество в 1825 году. Знал только то, что целью общества было введение конституции. В члены никого не принимал и на совещаниях не бывал. В происшествиях 14-го Декабря никакого участия не принимал, находясь вне Петербурга. Сознался, что вступил в общество по безрассудству".

По Высочайшему повелению Кологривов не был предан суду. На него было наложено дисциплинарное взыскание. Его продержали 6 месяцев на крепостной гауптвахте под арестом, затем перевели тем же чином в Финляндский драгунский полк. В Феврале 1846 г. он был уволен в отставку в чине генерал-майора.

Кологривов был женат на Екатерине Александровне Гвоздевой и имел 11 детей. Владел в Орловской губернии Ливенского уезда селом Набережное и в Юрьевском уезде сельцом Семеновском, в котором умер и похоронен.

МУРАВЬЕВ, АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

Сын сенатора Михаила Никитича и Екатерины Федоровны рожд. баронесса Колокольцова. Родился 19-го Марта 1802 г. Образование получил в доме родителей под руководством гувернера швейцарца Бидо и преподавателей Елика, Раупаха и Германа.

Его брат Никита был одним из деятельнейших членов тайных обществ и автор "Конституции", известной в исторической литературе по этому вопросу под названием "Муравьевской". Он был одним из руководителей Северного Общества в Петербурге.

Муравьев поступил на военную службу юнкером в Кавалергарды. 6-го Апреля 1824 г. произведен в корнеты. Арестован в полку одновременно с поручиком Анненковым и корнетом Арцыбашевым 15-го Декабря. После первого допроса генералом Левашевым был, за неимением места в Петропавловской крепости, заключен в Ревельском замке.

На последующих допросах в Верховной Следственной Комиссии после перевода в Петропавловскую крепость, Муравьев показал, что "в 1820 году был принят в Северной Общество, но по молодости лет (ему было 18 лет) счел все это за шутку. В 1824 году он вновь присоединился к обществу. Ему была объявлена цель общества — введение конституционного правления. Он слышал о существовании Южного Общества, стремившагося к республике, а также о замыслах на жизнь покойного Государя Александра. Сам он в таких злоумышлениях не участвовал и их не одобрял.

"О готовящемся возмущении 14-го Декабря он знал и о решении противиться присяге также. Сообщил об этом двум своим однополчанам и уговорил их быть на собрании у князя Оболенского в 10 часов утра 12-го Декабря, а 14-го утром подстрекал поручика Горожанского распустить между солдатами слух, что Цесаревич от Престола не отказывался".

Кроме того, Муравьев сказал корнету Де Прерадовичу, что "теперь настало время, когда надо уговаривать солдат не давать другой присяги".

Однако, несмотря на то, что он "подстрекал" поручика Горожанского и корнета Де Прерадовича противится присяге, Муравьев, согласно сведений полкового командования "присягнул Императору Николаю вместе со всем полком. В действиях мятежников никакого участия не принимал, находясь в строю полка при своей команде".

По приговору Верховного Уголовного Суда Муравьев был присужден к лишению чинов, орденов и дворянства и к ссылке на каторжные работы сроком на 12 лет. По утверждению приговора Императором Николаем срок работ был ему сокращен до 8 лет.

К месту работ в Нерчинск Муравьев прибыл в кандалах 28-го Января 1827 г. и был назначен на рудник Благодатный. В Нерчинске, подобно другим ссыльным декабристам, Муравьев пробыл недолго. После неудачной попытки восстания каторжан на Зарентуйском заводе, отправка декабристов на работы в Нерчинск была приостановлена. Новым местом для их заключения был назначен Петровский завод, но до окончания постройки там тюремного замка-острога, они были направлены в Читу. В Сентябре 1830 года все декабристы находились уже на работах в Петровском заводе.

После повторного сокращения срока работ, Муравьев в 1832 г. должен был быть отправлен на поселение, но просил разрешения остаться в Петровском заводе до истечения срока работ его брата Никиты.

На эту просьбу последовало Высочайшее повеление, переданное через генерала Лепарского 9 Марта 1833 г., в котором было сказано, что "Муравьев, как добровольно отказавшийся от Высочайшей милости, неминуемо должен подвергнуться и всем тем правилам, коим подлежат находящиеся в Петровском заводе государственные преступники, то-есть оставаться в том положении, в котором был до состоявшагося Всемилостивейшего указа о назначении его на поселение".

I4-го Декабря I835 г., когда истек срок работ брата, Муравьев был обращен на поселение села Уриковского близ Иркутска. После смерти брата, Муравьев просил о переводе на жительство в гор. Тобольск, который более подходил его слабому здоровью. В Тобольске, по ходатайству его матери, ему было разрешено поступить на гражданскую службу и в Феврале I852 года он был произведен в коллежские регистраторы.

Еще находясь на жительстве в Уриковском Муравьев женился на гувернантке детей Волконских Жозефине Адамовне Бракман. (р. I8I4 г.).

После смерти деда сенатора барона Колокольцова, мать Муравьева Екатерина Федоровна унаследовала огромное состояние: три с половиной тысячи крепостных мужского пола и 57 тысяч десятин в I4-ти уездах разных губерний, из которых в Воронежской губернии II тысяч десятин и I800 крепостных и 33 тысячи десятин с I200 крепостными в Нижегородской.

Двух-этажный каменный дом Муравьевых возле церкви Михаила Архангела стал тем центром, куда сходились большинство поселенных декабристов и местное Тобольское общество. Обладая очень большими средствами, которые посылала ему мать, Муравьев много помогал неимущим ссыльным и местному населению. Особенно много он пожертвовал в холерный год.

Слабое здоровье Муравьева позволяло ему с трудом переносить суровый климат Сибири. Им было возбуждено ходатайство о разрешении переехать с семьей в Европейскую Россию. После долгой переписки разрешение было дано, но не застало его уже в живых.

Муравьев умер 24-го Ноября I853 г. в Тобольске и похоронен на Завальном кладбище, т.е. находящимся за городским валом, остаток прежних укреплений, близ кладбищенской церкви Семи Отроков, рядом с могилой дочери Лидии. Над могилой был поставлен большой чугунный крест со следующей надписью:

"Александр Михайлович Муравьев. Родился I802 года Марта I9-го. Умер I853 года Ноября 24-го. Лидия дочь его родилась I847 года Августа I-го. Умерла 23-го Февраля I850 года".

"Телом спи спокойно наш родитель милый, духом со святыми успокойся ты. Мы не станем с грустью вкруг твоей могилы насаждать цветы. Но с надеждой сладкой верим во свидание душ на небесах, и что сам Спаситель в общее восстание воскресит твой прах".

После смерти Муравьева в 3-ье отделение Собственной Е.В. канцелярии поступил ряд доносов о том, что Муравьев после своей смерти оставил наследство в два миллиона рублей. Начальник канцелярии генерал-лейтенант Дубельт запросил генерал-губернатора Гасфорда о правильности доносов и приказал выяснить, каким образом образовалась у Муравьева такая сумма.

Расследование генерал-губернатора показало, что по духовному завещанию Муравьева им оставлено 258.94I рубль серебром, каковая сумма хранится в Московском Опекунском Совете и образовалась она от вкладов, сделанных его матерью в разное время на его имя.

У Муравьевых было шестеро детей. Двое из них умерли в малолетсве в Сибири: Никита в Уриковском и Лидия в Тобольске. Остальные: Михаил был Ялтинским уездным предводителем дворянства - умер в 1887 году, Екатерина замужем за лейтенантом британского королевского флота Бючау-Тельфер, Елена замужем за Самойловичем и Александра замужем за Абаза.

В 1902 г. в Берлине в сборнике "Убийство Павла I-го и восшествие на престол Николая I-го" под редакцией профессора Берлинского университета Ф.Ф. Шимана в издательстве Георга Реймера были напечатаны записки Муравьева на французском языке. В них он, между прочим, говорит, что полковник Кавалергардского полка граф Александр Николаевич Зубов (Биог. Кав. Т.3, стр. 267) отказался вести на место казни свой эскадрон. "Ce sont mes camarades, et je n'irai pas".

Записки свои Муравьев писал в Сибири и слышать этих слов, если они действительно были произнесены, он, находясь в это время в заключении в Петропавловской крепости, не мог. В биографии же Зубова, никакого даже малейшего намека по этому поводу нет.

После смерти мужа Жозефине Адамовне было разрешено переехать с детьми в Европейскую Россию, но без права проживания в столицах. В 1856 году она вышла замуж за ординатора Одесской городской больницы Генриха Мейера, с которым скоро разошлась.

ПОЛИВАНОВ, ИВАН ЮРЬЕВИЧ

Брат Кавалергардов Александра и Егора Юрьевичей (Биогр. Кав. Т.3, стр. 285 и Т.4, стр. 29). Родился в 1797 году. Из потомственных дворян Калужской губернии, сын сподвижника фельдмаршала Суворова, георгиевского кавалера генерал-майора Юрия Игнатьевича (+ 1813) и Анастасии Михайловны рожд. Свечина (+ 1814).

11 лет был помещен в Московский Благородный пансион, потом в пансион Виллена. Закончил образование дома под руководством гувернеров французов Дерош, Марк и Мартэн и англичан Йонг, Бредов и Джаксон.

Поступил на военную службу эстандарт-юнкером в Кавалергарды, в 1815 г. произведен в корнеты, в 1817 г. в поручики, в 1819 г. назначен бригадным адьютантом к генералу Каблукову 2-му (Бигр. Кав. Т. 3, стр. 47) и произведен в штабс-ротмистры, в 1822 году в ротмистры.

Поливанов был членом Северного Общества, в который был принят адьютантом командующего 2-ой армией графа Витгенштейна штабс-ротмистром Л.-Гв. Гусарского полка князем Александром Петровичем Барятинским. Узнав, что общество стремится установить республику и, не имея решимости донести об этом, бросил военную службу, ушел в 1824 г. в отставку полковником и вышел из общества.

Поливанов был арестован в Москве на основании письма Императора Николая к Московскому генерал-губернатору князю Голицыну, в котором, между прочим, Государь писал: "В рапортах проезжающих я видел, что в столице находится Кавалергардский ротмистр, ныне же полковник Поливанов и какой-то отставной Кавалергард Толстой.

Первый явно обличен. Его надо арестовать и, так же как Орлова, прислать сюда секретно". (Государь ошибается. В Москве в это время находился прапорщик Московского пехотного полка Владимир Сергеевич Толстой. Он был в дружеских отношениях с Кавалергардами Анненковым, Арцыбашевым, Васильчиковым, князем Вяземским, Свистуновым и графом Чернышевым. Все они были членами Северного Общества, откуда, вероятно, и произошла ошибка).

Поливанов был заключен в Петропавловскую крепость. В предписании о нем коменданту крепости сказано : "Присылаемого Поливанова содержать под арестом".

На допросах в Верховной Следственной комиссии Поливанов показал, что "принадлежал к Северному Обществу с 1824 года, но, узнав цели онаго - введение республиканскаго правления с истреблением Императорской Фамилии, ужаснулся сего. Вышел в отставку и удалился от всякого сношения с членами".

В своих показаниях в Верховной Следственной комиссии "касательно обсуждений в Северном Обществе по попросам введения в России другого вида правления" Матвей Иванович Муравьев-Апостол говорит, что "Никита Муравьев и князь Сергей Трубецкой не были согласны на щет преступнаго предложения Южнаго Общества - республики и истребления, но Н. Тургенев, князь Оболенский, Рылеев, Бестужев (адьютант), князь Валерьян Голицын, Митьков, Поливанов, Федор Вадковский, Свистунов, Анненков, Де Прерадович разделяли сие мнение".

Верховный Уголовный Суд не обратил особенного внимания на показания Муравьева-Апостола, что "Поливанов разделял сие мнение" и приговорил его к лишению чинов, орденов и дворянства и к ссылке на каторжную работу на два года. По конфирмации приговора Государем срок работ был ему сокращен до одного года.

Поливанову не пришлось отбывать наложенного на него легкого наказания. Находясь в крепости он заболел сильным нервным расстройством. Крепостной врач доктор Элькан, рапортом от 3-го Августа 1926 года, донес, что "содержащийся в здешней крепости, в куртине между бастионами Императрицы Екатерины и князя Трубецкого, в № 15, лишенный чинов и дворянства Поливанов заболел сильными нервическими, судорожными припадками, при значительном расслеблении всего корпуса". Поливанов был переведен для лечения в Сухопутный Военный госпиталь, в котором умер 5-го Сентября 1826 года, и похоронен на Смоленском кладбище.

Поливанов был женат на Анне Ивановне Власьевой. В 1826 году ей было всего 19 лет и она ожидала появления на свет своего первого ребенка. Участь постигшая ее мужа в такой степени на нее подействовала, что она в течении следствия и суда, несколько раз теряла рассудок. В Июне 1826 года у нее родился сын Николай.

СВИНЬИН, ПЕТР ПАВЛОВИЧ

Родился 14 Февраля 1801 г. Сын полковника Павла Петровича, путешественника, коллекционера и до некоторой степени литератора и Екатерины Александровны рожд. Алексеева. На военную службу

поступил юнкером в Кавалергарды и 3-го мая 1820 года произведен в полк корнетом. В мае 1823 г. Свиньин был секундантом у своего однополчанина корнета Пусловскаго (Владислав-Иван-Адам-Иосиф-Агриппа Войтехович. Биогр. Кавал. Т.3-й, стр. 379) во время дуэли с отставным артиллерии штабс-капитаном Гедеоновым, на которой последний был убит Пусловским.

Причина дуэли была, согласно всеподданейшаго рапорта командира полка графа Апраксина, следующая: "Сего числа пополудни в 4 часа, командуемаго мною Кавалергардскаго полка корнет Пусловский, явясь ко мне, объявил, что он имел насчастие убить на дуэли отставного артиллерии штабс-капитана Гедеонова. По исследования сего дела свидетелей, оказалось, что личности между ними начались в минувшую субботу, в 10 часов вечера, в кондитерской лавке Амбиеля. Пусловский, в бытность там, потребовал мороженого, которое во время разговора его, неизвестно кем было взято; на замечание со стороны Пусловскаго о неприличии таковой шутки, г. Гедеонов сделал ему грубостей и, называя его мальчиком, котораго проучить должно, вызвал на дуэль на пистолетах. Условие было сделано нынешняго числа после отказа (окончания) парада.

Свидетелями (секундантами) были при дуэли: со стороны Пусловскаго Кавалергардскаго полка поручик князь Голицын (Александр Алексеевич. Биогр. Кавал. Т.3-й, стр. 344) и корнет Свиньин, со стороны г. Гедеонова брат его Л.-Гв. Жандармскаго полуэскадрона штабс-капитан Гедеонов и отставной майор Коноб ка. По уверению свидетелей дуэли и самаго Пусловскаго, приняты были все меры к прекращению ссоры, но, по характеру и настойчивости отставного Гедеонова, Пусловский был принужден принять вызов".

Высшее начальство вполне удовлетворилось рапортом Апраксина. Никаких последствий для секундантов дуэль Пусловскаго не имела, а он сам был переведен в Арзамасский конно-егерский полк с производством в поручики, не потеряв прав Гвардии.

3-го февраля 1824 г. Свиньин был произведен в поручики. Он был членом Северного Общества, но никакой дѣятельности в нем не проявлял. Арестован в Москве и доставлен в Петропавловскую крепость 26 декабря, в которой содержался до 13 июня 1826 г. В предписании о нем коменданту крепости было сказано: "Посадить по усмотрению и дать писать, что хочет".

На допросах в Верховной Следственной комиссии Свиньин показал, что "был принят в члены Сеѣернаго Общества в 1825 г. и знал только то, что целью общества было введение конституции. В члены никого не принимал и на совещаниях не бывал. В происшествиях 14 декабря никакого участия не принимал, находясь вне С.-Петербурга в отпуску".

По докладу комиссии последовало Высочайшее повеление: "Перевести Свиньина тем же чином в полки 2-ой Армии". 7-го августа 1826 г. Свиньин был переведен с потерей гвардейскаго старшинства тем же чином поручика в Харьковский уланский полк, с которым участвовал в Турецкой войне 1828 г. В январе 1831 года уволен от службы и поселился в Москве, где над ним был установлен секретный надзор полиции.

В I838 г., после семилетнего пребывания в Москве, у Московской полиции неожиданно возникло сомнение о законности проживания Свиньина в столицах. Однако, благодаря ходатайству начальника 2-го Округа жандармов генерала Перфильева, ему было разрешено поселиться в Москве. По случаю коронации Императора Александра II-го 26 августа I856 года надзор полиции был с него снят.

Свиньин умер холостым в Москве I6-го апреля I882 года и похоронен на кладбище Симонового монастыря в Москве.

СВИСТУНОВ, ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ

Сын действительного статского советника и камергера Николая Петровича (I770 + I8I5) и Марии Николаевны Ржевской (I778 +I866). Родился 27-го июля I803 года. После смерти мужа мать Свистунова перешла в католичество, переехала жить в Париж, где и умерла и похоронена в монастыре Св. Сердца Марии.

Свистунов воспитывался первоначально в иезуитском пансионе барона Швабо, потом в Пажеском корпусе, откуда выпущен корнетом в Кавалергарды 20-го апреля I823 г. Он был членом Северного Общества и принимал деятельное участие в его делах. На его квартире не раз собирались члены общества для обсуждения разных вопросов.

Вместе с другими однополчанами ротмистром Поливановым, поручиком Анненковым и корнетами Вадковским, Де-Прерадовичем, он был принят Пестелем на квартире брата последнего, ротмистра Владимира Пестеля (Биогр. Кавал. Т.3, стр. 258) в полковых казармах, в отдел Южнаго Общества, долженствующего проявлять более энергичную деятельность. Тогда же, вместе с Вадковским, Свистунов был возведен Пестелем в почетное звание Бояр.

Никакого участия в событиях I4-го декабря Свистунов не принял, находясь в этот день в Москве, где он и был арестован I9-го в доме своего товарища по полку Васильчикова, на основании записки Императора Николая на имя военного министра А.И. Татищева. "Сейчас слышу от приезжих из Москвы, что Кавалергардский (пропуск, вероятно чина) Свистунов встречен по Московской дороге, куда выехал отсюда в Воскресение то-есть I3-го рано по утру. Я считаю нужным, чтобы вы сейчас написали от меня князю Голицыну (князь Д.В. Голицын Московский генерал-губернатор), чтобы по прибытию в Москву, он его арестовал и сейчас доставил со всеми бумагами и уведомить тут же, что исканный Пушин здесь взят".

23-го декабря Свистунов был посажен в Петропавловскую крепость. В предписании о нем коменданту было сказано: "Посадить в Алексеевский равелин, дав писать и содержать строго, но снабдить всем, что пожелает, то-есть чаем".

На допросах в Верховной Следственной Комиссии Свистунов показал, что "вступил в члены Северного Общества в I823 году и сам принял в оное несколько человек. Знал цели общества - введение республиканскаго правления и разделял преступное мнение об истреблении Императорской Фамилии. Согласился, вместе с прочими, на предложение, сделанное Вадковским на его Свистунова квартире, что

уничтожение Императорской Фамилии удобнее исполнить на придворном балу, и сам несколько раз подтвердил о том, но сам же утверждает, что предложение это он считал только средством узнать смелость своих сочленов.

Слышал, что Матвей Муравьев-Апостол в 1824 году хотел покуситься на жизнь Государя Александра. Не одобрял намерение общества открыть действия. На совещаниях не был и в событиях 14-го декабря не принимал никакого участия.

13-го (около 6 часов вечера) уехал из С.-Петербурга в Москву. При отъезде князь Трубецкой поручил ему доставить письмо к Генерал-майору Орлову и повидать Семенова (С. Семенов заменял Пущина во главе Московской управы тайного общества, который в это время находился в Петербурге). Того и другого он, якобы, не исполнил, но на допросах передает содержание письма Трубецкого. "Насколько упомню, Трубецкой говорил Орлову, чтоб приехал в Петербург немедля, что войска, конечно, будут в неустройстве и, что надо воспользоваться первым признаком онаго, что он вскоре пришлет ему заемное письмо Пирошкова, что происшествие, конечно, будет, и желательно бы было, чтоб он ускорил своим приездом.

По приговору Верховнаго Уголовнаго Суда Свистунов был приговорен к лишению орденов, чинов и дворянства и к ссылке на каторжные работы сроком на 20 лет. При утверждении приговора Государем срок работ был ему сокращен до 15 лет.

3-го мая 1827 г. Свистунов прибыл в Нерчинск на работы в руднике Благодатном. При отправке были указаны его приметы "2 аршина 6 вершков росту, лицо белое, продолговатое, глаза серые, нос большой с маленькой горбинкой, волосы светло-русые, на левой стороне шеи небольшое родимое пятно".

В Нерчинске Свистунов, подобно другим декабристам, пробыл очень короткое время. Вместе с ними он был переведен на работы в Читу, а затем в Петровский завод. В 1832 году срок работ ему был снова сокращен до 10 лет, по истечению которых он был обращен на поселение села Юдинскаго (Каменка) Иркутской губернии, но по ходатайству генерал-майора графа де Бальмена, женатого на сестре Свистунова Глафире, он был переведен на жительство в город Курган Тобольской губернии, затем в самый город Тобольск.

Матерьяльно хорошо обеспеченный, прекрасно образованный Свистунов стал скоро ближайшим сотрудником Тобольского губернатора Г.Ф. Прокофьева по учреждению в Тобольске женскаго училища. 23 ноября 1841 г. он поступил на государственную службу в Тобольское губернское правление. В 1847 г. он состоял членом в Тобольской комиссии по рассмотрению проэкта законоположений для бродячих и кочевых инородцев. В 1849 г. за отличие по службе он был произведен в коллежские регистраторы, затем в губернские секретари. Дом его на Большой Архангельской улице стал центром, где собиралось местное общество и ссыльные декабристы.

В 1842 году Свистунов женился на дочери Курганскаго областного начальника А.И. Дуронова, Татьяне Александровне. Свадьба много раз откладывалась, расстраивалась и вызвала многочисленную переписку между декабристами, по разному относящихся к этому событию. В феврале 1841 г. И.Д. Якушкин писал из Ялуторовска

И.И. Пущину: "кажется при вас были здесь брат и сестра девушки, на которой Свистунов был помолвен. Они изъявляли своим знакомым сожаление, что сестру их выдают за чахоточного старика (ему было 38 лет), которого она решительно не любит.

Матвей Муравьев-Апостол, узнавши об этом, настрочил письмо к Свистунову, в котором поздравляет его, как с счастьем, что угрожавший ему брак не состоялся, исчисляя ему все неудобства жениться в его годы на своевольной молоденькой девочке, вступить в тесную связь с Дуроновым, отъявленным взяточником и вором. Это письмо, к счастью или к несчастью, не попало в Курган, а вчера узнали, что Свистунов опять сошелся с бывшей невестой и, что он на ней женится весной".

Несколькими днями позже в приписке к письму Якушкин добавляет "от Свистунова было сегодня письмо, в котором он уведомляет о примирении со своей невестой и, что он решительно на ней через два месяца женится". Еще в другом письме от пишет, что "свадьба Свистунова отложена до будущей зимы по несовершеннолетию невесты".

По манифесту 26-го августа 1856 года ему было возвращено право дворянства. 16-го марта 1857 г. Свистунову было разрешено вернуться в Европейскую Россию. Но еще до этого он ездил в Москву для свидания с братом действительным тайным советником, директором департамента личнаго состава Министерства Иностранных Дел Алексеем.

Сначала Свистунов поселился в Калуге, откуда писал, что "тут такая скука, что больше года выдержать здесь нельзя". Затем Свистунов переехал в Москву, где принял деятельное участие по устройству освобожденных крестьян. 15-го ноября 1857 года с Высочайшего разрешения его брат выделил ему из отцовскаго наследства в Лихвинском и Козельском уездах Калужской губернии при селе Салтановском с деревнями и в селе Мишнево и деревни Олешки 733 крепостных, которых он, однако, до манифеста 19-го февраля, сам не освободил.

Состоял членом Правительства в Калужском Губернском по Крестьянским делам присутствии и товарищем Председателя Калужскаго губернскаго статистическаго комитета.

У Свистунова было трое детей: Мария род. 11 июня 1848 года, Иван 3-го октября 1851 г. и Екатерина 17-го мая 1853 года. Свистунов умер в Москве 15-го февраля 1889 года и похоронен на кладбище Алексеевскаго Монастыря.

В 1870 г. в журнале "Русский Архив" была напечатана его статья "Несколько замечаний по поводу новейших книг и статей о событиях 14-го декабря и о декабристах".

ГРАФ ЧЕРНЫШЕВ, ЗАХАР ГРИГОРЬЕВИЧ.

Сын обер шенка двора Его Величества графа Григория Ивановича (великаго мастера ложи Елизаветы к добродетели) и Елизаветы Ивановны рожд. Квашнина-Самарина, родился 14-го декабря 1796 года (97 ?). Воспитывался дома под руководством гувернера швейцарца Жуае очень деятельного масона, затем обучался в Муравьевской школе колонновожатых, откуда в 1815 г. поступил на военную службу колон-

новожатым. I4 мая I8I7 г. переведен эстандарт-юнкером в Кавалергарды. 3I января I8I8 г. произведен в корнеты, I7 апреля I8I9 г. в поручики, 22 октября I82I г. в штабс-ротмистры, I2 декабря I824 в ротмистры.

27 декабря I825 г. Чернышев был арестован в имении отца, Тагино Орловской губ., посланным с этой целью командиром I-го эскадрона Кавалергардскаго полка ротмистром Гринвальдом и доставлен в Петропавловскую крепость. В предписании о нем коменданту крепости сказано: "Посадить на гауптвахту и содержать хорошо".

На первом же допросе в Верховной Следственной Комиссии, один из ее членов генерал-адъютант Александр Иванович Чернышев (Биогр. Кавал. Т.3, стр. 68) воскликнул: "Comment, mon cousin, vous êtes coupable aussi ?" - на что Чернышев ему ответил: "Coupable peut-être, cousin jamais".

А.И. Чернышев, на основании более чем дальнего родства, всячески домогался майората Чернышева. Он подал прошение в Государственный Совет, который признал его право, но при конфирмации "мемории" Совета, Император Николай наложил свое решение: "Наследник жив. На милость царскую образца нет".

На дальнейших допросах в Верховной Следственной комиссии Чернышев показал, что "был членом Северного Общества (принят корнетом А.М. Муравьевым). Знал цели онаго введение конституции и, что общество будет действовать силой оружия, а также, что в случае сопротивления со стороны Императора, предполагалось уничтожить Его Особу и весь Царствующий Дом. На совещаниях не был и на собраниях никого не принимал".

Главной причиной, почему Чернышев поступил в Северное Общество было, по его словам то, что "узнав, что в сие общество вступили многие люди, которых познания и дарования природы гораздо больше и превосходнее моих, полагал, что они имеют в виду улучшение правительства и благосостояние Империи. Любовь к Отечеству побудила меня вступить в их тайное общество".

I4-го декабря Чернышев находился в отпуску в имении отца и никакого участия в "действии" не принимал.

По приговору Верховного Уголовного Суда Чернышев был приговорен к лишению чинов, орденов и дворянства и к ссылке на каторжные работы сроком на 2 года. Вероятно в угождение генералу Чернышеву, несколько судей из его ближайших друзей подали при голосовании судьбы Чернышева, свой голос за смертную казнь.

В Апреле I827 года Чернышев прибыл на работы в Нерчинский рудник. Были указаны его приметы: "Росту 2 аршина и 7 6/8 вершка. Лицо белое, круглое, глаза темно-карие, нос прямой продолговатый, волосы темно-русые".

По окончании срока каторжных работ, Чернышев был обращен на поселение города Якутска, откуда подал прошение о поступлении рядовым на Кавказ. 9 мая I829 г. он был зачислен в Нижегородский драгунский полк. 3I августа I829 г. командир Нижегородцев Н.Н. Раевский (младший) в рапорте на имя начальника отряда генерал-

адъютанта Потемкина донес "разжалованный за причастие к умышленному тайному обществу по сентенции Верховного Суда и определенный во вверенный мне полк из поселян Чернышев, в сражениях 27 и 28 числа Июля при селениях Харт и Балахор отличил себя особенной храбростью, бросаясь впереди всех на неприятельские толпы и одушевлял товарищей своих". В конце рапорта Раевский добавил, что "Чернышев приобрел любовь и уважение нижних чинов".

9 мая I829 г. Чернышев был переведен в 4I егерский полк, в рядах которого он был ранен I5 октяб. I830 г. пулей в грудь. По аттестации начальства, Чернышев "неоднократно оказывал опыты отличного мужества". 6 января I832 г. он был произведен в унтер-офицеры, а в марте в прапорщики с зачислением в 7-ой линейный Кавказский батальон, в I834 г. произведен в поручики. В январе I835 г. Чернышев вышел в отставку и навсегда покинул Кавказ, где с самых первых дней своей службы стал общим любимцем солдат за то старание и усердие, с которыми тянул тяжелую солдатскую лямку.

Перевод Чернышева из Нижегородцев в 4I егерский полк явился следствием опалы, наложенной на г.-м. Раевскаго Государем. В августе I829 г. Раевский получил отпуск из действующего отряда у Байбурта, в котором он командовал бригадой и взял в свой конвой, из 6 унт.-оф. и 36 драгун, Чернышева. У крепости Гумри пришлось выдержать трехдневный карантин, в течении которого Раевский давал обеды, на которых присутствовали так же и разжалованный за участие в Тайных Обществах Чернышев и два польских графа Ворцель и Карвицкий, разжалованные из польских войск и отправленные рядовыми на Кавказ.

Через адъютанта генерала Чернышева Бутурлина, оказавшагося в это время в Гумри гостем на обедах Раевского, "короткое и неприличное обращение Раевского с некоторыми лицами, принадлежавшими к злоумышленным обществам"стало известным Государю, который приказал Паскевичу произвести по этому делу строжайшее дознание. В заключении своего дознания Паскевич, желая отделаться от более блестящих помощников, затемнявших его боевую славу, полагал, что "удаление отсюда генерал-майора графа Остен-Сакена есть полезно; удаление генерал-майора Раевского также; весьма полезно удаление генерал-майора Муравьева (Карского).

На рапорт Паскевича последовало Высочайшее повеление, переданное через ген. Чернышева: "Перевести генерал-майора Раевского из вверенного вам корпуса в 5-ую уланскую дивизию (в Европейскую Россию), но, между тем, усматривая из собственного донесения генерал-майора Раевского, что он в сем случае совершенно забыл долг свой и порядок службы, повелеваем вам, милостивый государь, сделать ему именем Его Величества строжайший выговор, посадив его под арест домашний при часовом на 8 дней".

После отставки Чернышеву было указано жить безвыездно в Ярополье, имении его сестры графини Софии Григорьевны Чернышевой-Кругликовой, в Волоколамском уезде Московской губернии. Ограничение это было с него скоро снято.

2I декабря I84I г. он поступил на гражданскую службу в Орловское Дворянское Депутатское собрание, в I848 г. его перевели

в канцелярию Московского гражданского губернатора. В 1856 году ему был возвращен титул и разрешен выезд за границу. Умер в Риме и похоронен на кладбище Тестаччио. Был женат на дочери сенатора Алексея Григорьевича Теплова Екатерине. Брак бездетный.

К этим шести биографиям надо еще добавить дополнительные сведения о полковнике Владимире Ивановиче Пестеле, брате казненного командира Вятского пехотного полка, служившего некоторое время совместно с братом в Кавалергардах.

Его биография помещена в третьем Томе "Сборника Биографий Кавалергардов" на стр. 258. Чем руководствовался издатель и редактор этого Сборника, поместившего биографию В.И. Пестеля, тогда как биографии светлейшего князя Лопухина и графа Витгенштейна, в равной степени виновных к принадлежности к тайным обществам и по делу которых имеется Высочайшая резолюция "Освободить. Не считать причастными", сказать теперь трудно. Возможно, что назначение Пестеля на следующий день после казни брата флигель-адъютантом, повлияло на это решение.

Имя Владимира Ивановича Пестеля, помимо его личных показаний, упоминается на допросах многих декабристов. Брат его "утвердительно" показывает, что брат никогда, ни в каких тайных обществах не состоял, и, даже ничего об их существовании не знал, тогда как князь Трубецкой показал, что "Пестель был при первом начатии общества". То же самое подтвердили на допросах Матвей Муравьев-Апостол, М.Ф. Фонвизин и братья Никита и Александр Муравьевы.

Последний, однополчанин Пестеля по Кавалергардскому полку, отвечая на вопросы Верховной Следственной комиссии, не отрицая участия Пестеля в Тайных Обществах, всячески смягчал свои показания. "Пестель был, кажется мне, принят в июле 1817 года, кажется капитаном Муравьевым в бывший прежде и ныне разрушенный Союз Спасения. Он совершенно никакого участия в действиях общества не принимал и только считался членом и едва был на собраниях".

В 1820 г. командир Гвардейского корпуса Васильчиков, в письме от 21-го декабря, князю Волконскому для доклада Императору Александру называет "Кавалергардского полка ротмистра Владимира Пестеля" в числе тех "главных болтунов", за которыми надо было наблюдать. К этому надо добавить, что когда Павел Пестель приезжал в Петербург для переговоров с руководителями Северного Общества, несколько свиданий с ними происходили на полковой квартире брата на Шпалерной улице. Трудно допустить, что он не знал или не догадывался о целях таких собраний.

ЖЕНЫ ДЕКАБРИСТОВ

На страницах 31 и 32 своих "Воспоминаний", изданных в Москве в 1897 г. в типографии Александрова, доктор Николай Андреевич Белоголовый, рассказывая о своем пребывании в Сибири, так

передает впечатление, которое оставили ему встречи с некоторыми женами ссыльных декабристов.

"Двумя центрами, около которых группировались иркутские декабристы, были семьи Трубецких и Волконских, так как они имели и средства жить шире, и обе хозяйки - Трубецкая и Волконская - своим умом и образованием, а Трубецкая своей необычайной сердечностью, были, как бы созданы, чтобы сплотить всех товарищей в одну дружескую семью, а присутствие детей в обеих семьях вносило еще больше оживления и теплоты в отношениях".

"Нельзя не пожалеть, что такие высокие и цельные по своей нравственной силе типы русских женщин, не нашли до сих пор ни должной оценки, ни своего Плутарха, потому что, если революционная деятельность декабристов мужей, по условиям времени, не допускает нас относиться к ним с совершенным объективизмом и историческим беспристрастием, то ничто не мешает признать в их женах такие классические образцы самоотверженной любви, самопожертвования и необычайной энергии, образцы, какими в праве гордиться страна, выростившая их, и которые без всякого зазора и независимо от всякой политической тенденциозности, могли бы служить в женской педагогии, во многих отношениях, идеальными примерами для будущих поколений".

"Как не почувствовать благоговейного изумления и не преклониться перед этими молоденькими и слабенькими женщинами, когда оне, выросшие в холе и в атмосфере столичного большого света, покинули, часто наперекор советам своих отцов и матерей, весь окружавший их блеск и богатство, порвали со всем своим прошлым, с родными и дружескими связями и бросились, как в пропасть, в далекую Сибирь с тем, чтобы разыскать своих несчастных мужей в каторжных рудниках и разделить с ними их участь, полную бесправия ссыльно-каторжных, похоронив в Сибирских тундрах свою молодость и красоту".

"Чтобы еще более оценить величину подвига Трубецкой, Волконской, Муравьевой, Нарышкиной, Ентальцевой, Юшневской, фон-Визиной, Анненковой, Ивашевой и других, надо помнить, что все это происходило в 20-ых годах, когда Сибирь представлялась издали каким-то мрачным, ледяным адом, откуда, как с того света, возврат был невозможен и где властвовал произвол таких легендарных, жестокосердных воевод, которыми были, только что сошедшие со сцены правители: Пестель, Трескин и другие".

Обстановка, в которой очутились жены декабристов в течении первых лет по приезду в Сибирь, была очень тяжела. Сохранился ряд писем к родным в Россию, в которых оне мрачными красками рассказывают о своем пребывании на каторге, особенно в Петровском Заводе.

А.Г. Муравьева в письме к отцу графу Чернышеву I-го октября 1830 года из Петровского Завода: "Мы в Петровском и в условиях в тысячу раз худших чем в Чите. Во-первых тюрьма построена на болоте; во-вторых, здание не успело просохнуть; в-третьих, хотя печь и топят два раза в день, но она не дает тепла, и это в сентябре; в-четвертых, здесь темно: искусственный свет необходим днем и ночью, за отсутствием окон нельзя проветривать комнаты.

(Только через год было получено приказание из Петербурга прорубить окна. Они были прорублены, но на высоте без малого сажень от пола). Нам, слава Богу, разрешено быть там с мужьями, но, как я уже вам сообщала, без детей, так что я целый день бегаю из острога домой и из дома в острог, будучи на седьмом месяце беременности".

Н.Д. Фонвизина - Н.Н. Шереметевой. 28-го сентября I830 года. Оттуда же, "Конечно, если все это положение перенести с покорностью к Воле Божьей и со смирением, то и оно будет на пользу... сердце кровью обливается смотреть на тех у кого есть дети: бедные малютки одни живут и Бог знает чему подвергнутся... Помолитесь, друг милый, чтобы Спаситель наш ниспослал нам всем силы покориться с кротостью этому ужасному положению. Вы себе и представить не можете этой тюрьмы, этого мрака, этой сырости, этого холода".

Кн. Е.И. Трубецкая - гр. А.Г. Лаваль. - "Я живу с мужем в очень маленькой комнате, с одним окном на высоте сажени от пола, выходит в коридор. Темь в моей комнате такая, что мы и в полдень не видим без свечей. В стене много щелей, отовсюду дует ветер и сырость так велика, что пронизывает до костой".

Е.П. Нарышкина - родным. - "Желая разделить вполне участь мужа моего, поступила в острог, где занимаю один нумер с ним; здесь мы лишены не только воздуха, но и дневного света".

Но несмотря на эту тяжелую, в особенности для них непривычную тюремную обстановку, оне, как говорит, в посвященных им стихах, декабрист князь Одоевский "С улыбкой утешения любовь и мир душевный принесли". И не только своим мужьям, но и другим бедным жителям Читы, Петровского Завода, а позднее и на поселении.

Один из старожилов Петровского Завода М.С. Добрынин так отзывается, в частности о княгине Волконской: "Эта женщина должна быть бессмертна в русской истории. В избу, где мокро, тесно, скверно, лезет бывало эта аристократка - и зачем ? Да посетить больного. Сама исполняет роль фельдшера, приносит больным здоровую пищу и, разузнав о состоянии болезни, идет в каземат к доктору Вольфу (ссыльный декабрист), чтобы он составил лекарство".

Кто же были эти русские женщины, о которых так тепло отзывается доктор Белоголовый и другие современники-сибиряки, свидетели пребывания декабристов на каторге ? Все оне, за малым исключением, по рождению и по семейным связям своих мужей, принадлежали к высшему кругу Московской и Петербургской знати, к богатейшим семьям столичной и провинциальной аристократии,и все оне поехали в Сибирь тогда, когда ссыльные декабристы находились еще на каторжных работах.

Княгиня Мария Николаевна Волконская, рожд. Раевская, Александра Ивановна Давыдова, рожд. Потапова, Александра Васильевна Ентальцева, рожд. Лисовская, Александра Григорьевна Муравьева, рожд. графиня Чернышева († в Сибири в I832 году), Прасковья Михайловна Муравьева, рожд. княжна Шаховская (ее муж А.Н. Муравьев был сослан в Сибирь на поселение, минуя каторгу), Елизавета

Петровна Нарышкина рожд. графиня Коновницына, баронесса Анна Васильевна Розен рожд. Малиновская, княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая рожд. графиня Лаваль († в Сибири в I854 г.), Мария Казимировна Юшневская рожд. Круликовская и, наконец, две француженки, поехавшие в Сибирь, чтобы обвенчаться с находившимися на каторге: Полина Егоровна рожд. Гебль за И.А. Анненкова и Камилла Петровна Ле Дантю за В.П. Ивашева († в Сибири в I846 г.).

В течении времени, тяжелые физические и нравственные условия, в которых очутились жены декабристов в Петровском Заводе, изменились к лучшему. Содержание писем, которые оне отправляли родным, возымело свое действие.

В I83I году было получено распоряжение из Петербурга прорубить в камерах окна. Правда прорублены они были на высоте двух с половиною аршин от пола, но, все-же, давали они и свет и воздух.

Кроме сведений, полученных родными из Сибири от жен декабристов, распоряжение об улучшении тюремного быта было вызвано еще и рапортом коменданта генерал-майора Лепарского. Об этом говорит в своих воспоминаниях декабрист Якушкин.

"На другой день нашего прихода комендант обошел все казармы: вошед в мой номер, он запер дверь, вынул бумагу и, посмотрев на нее, сказал: здесь очень темно. Я было стал уверять его, что мне прекрасно, но он опять сказал, что у меня очень темно и вышел. То же повторилось и во всех прочих номерах... Он представил в Петербург, что, замечая, как мы вообще наклонны к помешательству, он опасается, что многие из нас, оставаясь в темноте, могут сойти с ума".

Еще раньше, в I828 году, во время пребывания декабристов в Читинском остроге, с них были сняты кандалы. Потом жены декабристов стали строить свои собственные дома и улица в Петровском Заводе, на которой они стояли, называлась Дамская улица. Мужьям было разрешено, по окончании работ, приходить и проводить время со своими семьями. Наконец, 27-го июля I839 года, девять лет после пребывания в Петровском Заводе, последние декабристы покинули тюрьму и отправились на поселение в назначенные им места.

"Имею честь сообщить, писал своей сестре декабрист Вадковский, о благополучном разрешении от бремени de Madame la prison de Petroffsky. 27-го июля у нее родилось 23 ребенка после беременности, продолжавшейся девять лет".

Кроме этих русских женщин, выросших, по словам доктора Белоголоваго "в холе и в атмосфере столичного большого света", есть еще целый ряд других русских женщин, простых русских "баб", выросших далеко не "в холе" и в совсем другой "атмосфере". Но об них, как общее правило, до и после революционная литература, связанная с декабрьским восстанием, молчит.

Все же в статье профессора академика М.Г. Нарсиана "Декабристы в Армении", изданной в Эривани Армянской академией наук, упомянуты I5 жен нижних чинов Л.-Гвардии Московского полка, пожелавших добровольно следовать за своими мужьями на Кавказ. Это Ирина Агеева, Прасковья Алексеева, Елизавета Андреева, Александра

Григорьева, Марфа и Наталия Ивановы, Евгения Кирилова, Марина и Фекла Михайловы, Авдотья Миронова, Екатерина Павлова, Маланья Селивестрова, Татьяна Семенова и Марья Терентьева.

После разбора степени виновности чинов Л.-Гвардии Московскаго и Гренадерскаго полков и Гвардейскаго Экипажа, из них был сформирован в феврале I826 года особый Л.-Гвардии Сводно-гвардейский пехотный полк под командой генерал-майора Ивана Павловича Шипова, прежде служившего Л.-Гвардии в Преображенском полку и причасному к Союзу Благоденствия.

Полк, в составе I320 чинов, принял участие во взятии крепостей Сардар-Аббада, Нахичевани, Эривани и города Тавриза. После заключения в начале I828 года Туркманчайского мирного договора с Персией, полк покинул Кавказ, сопровождая отбитые неприятельские знамена, орудия и трон Аббас Мирзы, возвратился в Петербург II-го декабря I828 года, где полк был расформирован, а чины его влиты в свои основные полки.

I9I4 год. Прошло без малого столетие, когда другие русские женщины, подобно тем, о которых говорит доктор Белоголовый, добровольно поехали сестрами милосердия на войну, чтобы своим присутствием, своей работой в тыловых госпиталях и в полевых лазаретах облегчить страдания русского солдата.

При наших двух Гвардейских кавалерийских дивизиях, в самом начале войны, было сформировано два передовых летучих отряда красного креста. Следуя со своими кавалерийскими дивизиями, оне открывали перевязочные пункты в непосредственной близости боевых позиций, обслуживая, не тольк свои полки, но и другие части, ведущие бои рядом с Гвардейской конницей.

Вместе со своими дивизиями оне перебрасывались на разные участки фронта по железной дороге, часто походом, разделяя со своими полками тяжесть боевой и походной жизни в зимнюю стужу и летний зной, иногда, как это было в Копачевском лесу, жили многие недели в землянках без всякого, даже малейшего, комфорта.

Все эти русские женщины, как и те, что добровольно поехали в Сибирскую каторгу, принадлежали к высшим, богатым кругам русской знати. В одном из выпусков нашего "Вестника", наш однополчанин С.С. Бутурлин, подобно доктору Белоголовому и почти теми же словами, описывает работу сестер 4I-го передового отряда красного креста при I-ой Гвардейской кавалерийской дивизии.

" ... опасаясь, что кто-нибудь из раненых на передовых позициях, в сторожевом охранении сможет остаться без немедленной медицинской помощи, оне неудержимо стремились вперед, не обращая никакого внимания на выстрелы. Занимая перед боем помещение в брошенной жителями деревне, оне, прежде всего, тщательно мыли и скребли полы, дезинфекцировали дома, раскладывали койки и приготовляли все для перевязок и операций. Делали всю эту тяжелую, черную работу сами, ибо делать ее больше было некому.

"Все оне, воспитанные в величайшей роскоши, работали легко, весело, никогда ни на что не жалуясь, с улыбкой, как будто оне

всю свою жизнь этим только и занимались. Потом приносили раненых, по временам тифозных и больных заразной дизентерией. За почти полным отсутствием санитаров, сестры сами выносили подкладные судна с тем же выражением лица, как будто разносили на балу корзинки с котильонными значками".

"На подмостках театра войны, когда сбрасывается маска повседневной жизни сквозь, подчас убогую человеческую природу, просвечивает, а иногда ярко сияет внутренняя духовная и душевная красота. Наши сестры явили своим примером, во всем своем великолепии, образ русской женщины-подвижницы и, по завету Великаго Князя Димитрия Донского, не посрамили Землю Русскую".

У Э Р И В А Н Ц Е В

Ниже мы помещаем два отрывка из воспоминаний С.А. Безобразова за время его службы в рядах 13-го Лейб-Гренадерскаго Эриванскаго Царя Михаила Федоровича полка.

Первые "беженцы". Защита переправы через приток реки Буга. 1915 год.

2-го мая 1915 года, немецкие корпуса, под командой генерала фон Макензена, перешли в наступление на фронте Тарнов-Горлицы. Было сосредоточено небывалое до сих пор на нашем фронте количество артиллерии. На участке около 10-ти верст до тысячи полевых и тяжелых орудий одновременно открыли огонь по русским позициям. Бомбардировка из всех орудий длилась шесть часов безостановочно, после чего германская пехота двинулась вперед.

В те времена, мы еще не научились располагать свои войска в глубину, а держали их тесно в передовых окопах. По окончании бомбардировки, наши окопы были сметены и разрушены. Преодолев сопротивление уцелевших защитников, противник начал свое длительное, победоносное наступление вглубь занятой нами Галиции и в наши Юго-Западные губернии; всего около 200 верст.

В ответ на ураганную бомбардировку мы молчали. Не было снарядов и войскам был отдан приказ строго их беречь. Защита наша ограничивалась штыковыми контр-атаками, почти без артиллерийской подготовки. Винтовок не хватало для прибывавших пополнений и, поэтому, в боевую часть вливались только те люди, которых можно было вооружить.

Весь май, июнь и июль наши армии отступали. На верхах вспомнили Наполеоновскую кампанию и свыше пришло приказание - не оставлять противнику ни продовольствия, ни возможности зимовать в занятых им селах и деревнях. Было приказано выселять жителей и направлять эти бездомные массы на восток. Но времена были другие. В 1812 году не было сплошного фронта и сравнительно небольшая часть населения, вдоль пути Великой Армии, бежала при приближении врага. Теперь же подняты были миллионы. Опережая армию, по дорогам потянулись телеги, фуры, даже тачки, все это наполненное домашним скарбом "беженцев", уходящих не зная куда, не зная

ждут ли их где-либо. Густо, безконечной вереницей двигались они и сложилось новое слово, так нам знакомое, с которым мы неразлучно прожили пятьдесят с лишним лет.

"Беженство" стало профессией нашего века. Родилось оно на полях Галиции, наших Юго-Западных губерний, расцвело в годы революции и перебросилось в Европу.

В середине июля я прибыл в 13-ый Лейб-Гренадерский Эриванский Царя Михаила Федоровича полк. Наши войска отступали по следам уходящего населения. По краям дорог стояли кресты, связанные из двух палок и воткнутые в свеже-набросанные могилы. Сколько их было погибших "беженцев" ? Отступали обыкновенно ночью, но эти ночи были светлее дня. По полям разъезжали казаки и поджигали все, что могло гореть: сложенные снопы, скирды, дома, целые хутора. До самого горизонта бушевало море огня.

Мы шли по дорогам, освещенным красным заревом, среди дыма и гари, стлавшихся низко над землей. Казалось, что воскресшая Grande Armée опять бродила по русским пространствам. Треск пожаров вопровождался неумолчными взрывами патронов. Почему в горящих снопах и скирдах оказались патроны - я никогда не узнал.

Поздно вечером шли мы по пыльной, затоптанной тысячами сапог, дороге. Пахло солдатчиной, запотелой, давно немытой.В стороне у дороги часто стояли брошенные телеги, фуры, валялись палые лошади. В одной из фур без лошади, без хозяев, вцепившись руками в грядку, стояла девочка лет трех и широко раскрытыми глазами, не двигаясь смотрела на проходившие роты. Слезы давно усохли на ее измазанном грязью лице.

Из рядов выбежал гренадер и бросил в фуру кусок хлеба. Это все, что он мог сделать. Глядя на замазанное лицо девочки, нечесанные волосы, смятую рубашку, стало страшно за ее судьбу. Что же с ней будет ? И первой мыслею было - доставить ее до ближайших добрых людей.

"А если мамка ее, или бабка, отлучились за водой или по другой причине ? Что же будет, когда, вернувшись, не найдут они свою девочку ? Разлука навсегда".

"Где твоя мамка?" спрашивал я девочку, но она, продолжая цеплятся за последние остатки своего "дома", молча смотрела на меня огромными, испуганными глазами. Я достал плитку шеколада и положил ее на дно фуры, рядом с хлебом и с тяжелым чувством полного безсилия, не оглядываясь, побежал догонять уходившую роту.

Первая встреча с "беженством": потерянные дети, пропавшие родители, разбитые семьи. Все это было еще впереди не только для жителей западных губерний, но и для всех нас, свалившихся в водоворот истории.

Еще было темно, когда мы дошли до полуразрушенного моста, через небольшую речку - приток реки Буга, окруженную болотами. Насыпанная гать вела к мосту и дальше вплоть до противоположного берега - шагов триста. Дорога шла лесом и пожары больше не освещали ее.

Переправившись на другой берег, дивизия, не останавливаясь, ушла на заранее подготовленные позиции, верстах в двадцати за рекой. Наша 9-ая рота была оставлена на холме против гати, получив задачу задержать, по возможности до вечера, преследовавшего нас противника. Ротой командовал поручик Кандауров, о котором я упоминал, описывая бой у Влодавы, где он погиб.

Усталые, проведя ночь в походе, мы сразу занялись устройством позиции. Задача была нетрудная. Командир лично указал на карте условные знаки - "болото непроходимое". Оставалось только стрелять по мосту и гати. Вниз к реке были высланы наблюдатели и так же вправо и влево от наших флангов. Взводам было приказано окопаться и, несмотря на усталость, замелькали лопаты и, как кроты, пехота начала зарываться в землю.

В воздухе еще висела ночная прохлада, над рекой клубился туман, и первые лучи солнца блеснули за далеким лесом сзади. Лес напротив, за рекой, загадочно молчал, притаившись, словно что-то скрывая. Глядя в бинокль, ясно как на ладони, видна дорога, уходящая в лес и большая, безлюдная поляна между лесом и рекой. Было тихо и мирно и не верилось, что мы ждем врага, что возможна стрельба.

Гренадеры еще не успели закончить окапывание, когда на дороге из леса показались два человека. Они шли не торопясь. Даже в бинокль еще трудно было определить, кто были эти люди. Блеснула искра, отражая солнечный лучь от медной бляхи, и сразу стало ясно, что шли передовые разведчики. Потом показались еще двое, потом целые взводы. Дойдя до открытого луга они распространились вправо и влево, вдоль окрайны леса.

Командир полка обещал прислать сапер взорвать мост, но саперы не появились и мост стоял, как был, наполовину разрушенный. Кандауров решил бить противника залпами, всей ротой. Зная, что наша одинокая рота не была в состоянии даже не надолго задержать врага силой не менее пехотной дивизии, он надеялся, хотя бы отпугнуть первые ряды наступающих. Вся надежда была в устрашающем треске залпов. В это время вражеская пехота все гуще, все многочисленнее выливалась из темного леса.

Весь противоположный берег кипел людьми, быстро двигавшимися вдоль опушки. Раздались одиночные выстрелы. Прибежал подчасок от моста с обычным заявлением "Идут, так и валят. Прямо туча". Часто русский человек любит прибавлять для красного словца, но в данном случае, действительно, "туча" надвигалась и бесконечные цепи шли прямо через "непроходимое болото", быстро переправилась через мелководную речку и оказалась на нашей стороне.

Вот-те и "непроходимое", с огорчением повторял Кандауров. Снизу от реки вернулись дозорные. Рота легла в одну шеренгу на гребне высоты и замерла. Четвертый взвод расположился сзади у небольшой рощи. Уж без бинокля можно было видеть отдельных людей шедших в нашу сторону. Их было много и они виднелись тоже далеко направо и налево.

Кандауров выдерживал и смотрел в бинокль. Уже передние ряды были шагах в двухстах, когда Кандауров, вскочив, закричал, как на

учении: "Прямо по противнику. Прицел постоянный... Рота-аа Пли!" Траах. Опять "Рота Пли!". Траах, и еще "Рота Пли!".

Как гиганские куски полотна, раздираемые неведомой силой, прогремели три залпа. "Прямо по противнику... Часто начинай!" командовал Кандауров и стрельба закипела не останавливаясь.

Противник исчез, залег в высокой траве и открыл огонь. Так мы стреляли друг в друга. В незаконченных окопах, спрятаться было трудно и мы лежали прямо на земле, стараясь не высовывать головы. Уже несколько раненых унесли в лесок за нами, но позиция наша была выгодная, подходы к ней совершенно открытые.

Прибежал дозорный, высланный для наблюдения за правым флангом: "Обходят. Вот, вот зайдут в тыл". Слева такое же донесение. Нужно уходить и поскорее. Рота втянулась в лесок и быстрым шагом мы двинулись назад. Раненых было человек пять-шесть, но только двух пришлось нести на носилках.

Противник со всех сторон старался нас окружить, но к счастью мы во-время покинули пригорок. Вражеская артиллерия отсутствовала, вероятно узкие лесные дороги, забитые пехотой, помешали подвести батареи. "Вот те и напроходимое", продолжал жаловаться Кандауров.

Таким образом наши "Фермопилы" окончились неудачей. Все же надо принять во внимание, что царь Леонид защищал ущелие, наши же фланги были открыты и сразу обойдены, так как "непроходимое" оказалось "проходимым".

Выйдя из под обстрела, мы безпрепятственно прошли верст десять и нашли отличный холм, на котором было решено задержаться. Все опять произошло, как рано утром, только без красивых залпов. Такой способ стрельбы хорош против густых построений, но не по цепям. Стрельба залпами давно отошла в область преданий, но я рад, что оказался редким и, вероятно, последним ее свидетелем в современной войне.

Продержались мы на новой позиции всего часа полтора и опять, рискуя быть окруженными, спешно двинулись назад. Самая последняя остановка была совсем недалеко от заранее заготовленных окопов, прочно занятых нашей дивизией.

Остановившись, мы ждали, но враг не появлялся. До вечера просидели в открытом поле и перед заходом солнца пошли на присоединение к полку. Почему противник оставил нас в покое ? Вероятно близость наших главных сил заставила его действовать осторожнее. На этом закончилось мое первое "дело" в рядах Эриванцев.

Бой у Ново-Троки. 1915 год.

По окончании тяжелых боев у ст. Влодава, полк походным порядком шел в Кобрин для посадки в поезда и отправки на Север, через ст. Лида, на защиту Вильно. 14-го августа, на рассвете, мы прибыли на ст. Ландварово, немного недоезжая до Вильно.

Было часа четыре утра и начанало светать. Заспанные люди сыпались из товарных вагонов. Спускались на платформы патронные двуколки, походные кухни. Тут же на станции гренадеры получили гречневую кашу и большие куски черного хлеба. Люди согрелись и выглядели бодрее.

Роты строились вдоль платформы. Раздались команды и полк, растянувшись по шоссе, двинулся в путь, на запад. Погода была серая и кругом все казалось такого же цвета - небо серое, шинели серые, настроение серое.

Еще звучали в ушах треск и громы Влодавского сражения. Еще не улеглось напряжение уставших людей, только что переживших губительные атаки против невидимых стен непрерывной стрельбы, косивших ряды шедших на приступ Эриванцев. Вдали гудела артиллерия и, не останавливась, полк торопился на звуки, так знакомые еще с Влодавы.

Несколько дней в вагонах не были в состоянии вычеркнуть из сознания накопившуюся тяжесть впечатлений. Малейший стук, хлопнувшая дверь, упавшая винтовка, вызывали картины только что пережитого. Казалось страха не было - но это только казалось. Была беготня, крики, иногда духовные подъемы, но все же то тут, то там, прорывались короткие вспышки самого настоящего страха.

Помню победоносный бег вперед, всезахватывающее Ура-ааа, в котором "я" с его личным страхом, растворилось в общем "соборном" порыве, в котором самый мирный "тыловик" бежал вперед широко открыв рот и глаза. Не даром "на людях и смерть красна".

Я так же бежал, и, вдруг, кто-то, как будто шепнул в ухо, совсем близко, почти коснувшись его. Я обернулся, но никого не было. "Так близко" догадался я и в этот момент я знал, что жизнь самый ценный дар Божий. Но уже, охваченный "соборностью", я не мог и не хотел остановиться, укрыться за дерево, и хоть на мгновение, зарыться в чудесное ощущение безопасности, и я бежал со всеми, подгоняемый первобытным ревом а - а - а...

Теперь мы шли на такое же испытание,и все усиливающийся грохот разрывов возвращал мысль к той же Влодаве. "Скорее, Скорее" торопил полковой адъютант, рысью обгонявший шедшие роты. Повидимому "там" дело было плохо и нас ждали.

Шоссе стрелой уходило вдаль по плоской равнине. Нескончаемой вереницей шли отступавшие обозы - эти унылые зрелища тылов. Навстречу тянулись темно-зеленые двуколки, фургоны. Возницы, большей частью бородачи, равнодушными глазами провожали нас.

Прошло часа четыре, местность начала меняться. Показались невысокие, крутые горы, поросшие лесом, дикие. Полевые лазареты складывали палатки и тоже уходили. Над горами, впереди, висели знакомые белые облачки. Вправо от дороги растилалась большая долина, окруженная высотами.

Полк сошел с шоссе и пошел по скошенному лугу. Роты рассыпались в цепь лицом к видневшимся горам и двинулись вперед без обычных напутствий и речей. Чем ближе к подошве крутых холмов, тем больше росло напряжение. Вот-вот загремит "встреча" и старый, знакомый холод пробирался к сердцу.

Еще несколько шагов и грохот ружейной и пулеметной стрельбы опоясал низы холмов. Загремело спасительное ура.. а.. а, и подхваченные общей волной, как пишется в реляциях, "с безумной храбростью" Эриванцы устремились на врага. Стрельба превратилась в сплошной треск; люди падали, бежали, опять падали, но об них никто не заботился. С трудом карабкаясь в гору, уже в кустах, гренадеры преследовали бегущего врага.

Два, как мне казалось, мальчика в остроконечных касках, выбежали навстречу, протягивая винтовки. "Дозвольте обыскать" - раздались голоса. - "Обыскать, обыскать!" вторили другие. Я знал, что это значит - пленных отправили бы в тыл, конечно, без сапог. Отделенному я поручил отвести под конвоем пленных в штаб. Мальчишки, не скрывая постыдной радости, отправились с конвоем, а мы продолжали лезть по склону очень крутому и покрытому лесом.

У самого верха лес поредел и за последними деревьями открылась гранитная площадка, кое-где покрытая лишаями и мохом. Напротив, шагах в тридцати, залегли немцы. Пули громко защелкали о деревья. Что же нам делать ? Бежать вперед ? Тридцать шагов на виду у всех, кроме гибели ничего не сулило.

Рядом со мной лежал прапорщик Орехов, уже почтенного возраста, почти лысый, весь круглый, простой, спокойный. Работая локтями и коленями он начал ползти вперед. Пока мы находились в мертвом пространстве, все шло благополучно, но за известной чертой лежал верный смертный приговор. Пули, обгоняя друг друга, неслись низко над головами. Ползти дальше было безумием, даже самые удалые лежали плашмя не двигаясь.

Прапорщик Орехов то и дело подымал голову, стараясь рассмотреть, что делалось за площадкой. Так мы лежали некоторое время не смея двинуться. Повидимому Орехову это надоело и он опять начал ползти вперед. Не оглядываясь, он, таким образом, проделал шага три. Вдруг голова его упала на землю и он замер. Одна нога, судорожно дернулась раза два, после чего Орехов лежал недвижно, как будто погрузился в спокойный сон. Действительно он заснул на веки. С трудом мы оттащили его за ноги назад.

Под вечер стрельба утихла, но мы продолжали лежать все там же, не имея возможности окопаться из-за гранитной почвы. Ко мне пробрался подполковник Сабель и приказал готовиться к атаке. Вскочить должна была вся рота одновременно и бежать вперед.

Так мы и сделали, пережив последние мучительные минуты ожидания. Пробежав площадку, мы оказались на другом склоне - ни одного выстрела ! Гора была свободна, противник ушел, исчез. Шел небольшой дождь, быстро стало темнеть, поднялся ветер, холодный, осенний и шумел в верхушках деревьев, раскачивая ветви. Ветер усиливался и стволы деревьев уныло скрипели, как немазанные телеги.

Несмотря на темноту меня нашел посыльный с запиской от подполковника Сабеля. Сабель считался самым храбрым офицером 2-го Кавказского корпуса и про него ходили легенды достойные Георгия Победоносца. Так же,как и тяжело раненый при Влодаве капитан Пильберг, он был по происхождению финн. Возможно, что записка,

которую я держал в руках, была последним его распоряжением. На следующий день, бросившись в атаку, он был убит на месте.

"Послать разведку по склону горы и осмотреть местность в ложбине у подошвы", писал мне подполковник Сабель. Я решил идти сам. В этот момент со мной были посыльный и гренадер Струйский, который носил за мной небольшой чемодан с умывальными принадлежностями и бурку.

Взял я на эту должность Струйского, так как ни на какую другую он не был годен. С первого с ним знакомства он порядочно меня рассмешил. Пришел он к нам с пополнением, за несколько дней до Влодавы. Ни в какой запасной части не обучался, а был со сборного пункта прямо назначен в полк на пополнение.

Новые люди стояли в очереди, подходили, и я записывал их имена и краткие биографии. Небольшой человек с черной бородой, матовым лицем, грустный с близорукими глазами, протянул мне руку: "Здрасьте, господин начальник". Растерявшись я протянул руку застенчиво улыбавшейся бороде. - "Я Струйский", сказал бородатый воин и, сняв фуражку, вежливо поклонился. Все это было так наивно и искренно, что я не мог удержаться от улыбки и, продолжая осмотр вновь прибывших, приказал Струйскому носить за мною мой маленький чемодан и бурку.

Во время Влодавского боя он старательно не отставал от меня, но к вечеру исчез и только три дня спустя я его нашел, когда уже в глубоком тылу, в деревне Пища, мы отмывали трехдневную грязь и в первый раз могли сменить белье. Вот этого Струйского я и взял с собой на разведку, а посыльного отправил в штаб с требованием немедленного пополнения патронами.

Даже теперь мне кажется, что ничего нет страшнее, как идти ночью по темному лесу, полному шорохов и звуков, после оглушительной стрельбы и суеты сражения. Испытания дня еще были свежи и напряжение дневных переживаний заполняло сознание тяжелой усталостью.

Мы шли и мне казалось, что под каждым кустом, за каждым деревом, кто-то прятался и следил за нами. Так мы добрались до подошвы горы, прошли луг, где было светлее, но нигде противника не было. Убедившись, что склон и долина свободны, мы двинулись назад.

Струйский добросовестно нес чемодан. Раз только, тяжело вздохнув, сказал: "Пане благородие, плохое дело война, ой какое плохое. Все убивать, да убивать, нехорошо". Слова непривычные в армии. Возвращаясь, уже у самой верхушки, я обернулся, ища Струйского, но его не было. С чемоданом и буркой, он исчез, - исчез навсегда. Потом мне говорили ротные сплетники, что он давно собирался уйти в плен. Очевидно этот тихий и безобидный человек не мог найти в себе достаточно сил продолжать наше звериное существование. Я же, потеряв бурку, лежал теперь на мокрой земле и было холодно и неудобно.

Выслав вперед дозорных, я старался заснуть, но без бурки, под дождем мне это не удавалось.

На рассвете появились свежие немецкие части. Вернулись дозорные, по всей линии шла тревога. Стрельба началась справа, разгораясь все сильнее и сильнее, потом все смолкло. Прибежал посыльный с приказанием отходить. Но стрельба опять завязалась, и немцы толпами шли в гору. Наши роты стреляли вниз, густо и безостановочно. Занимая очень выгодную позицию, мы могли здесь держаться сколько угодно.

Опять пришло приказание отступать, так как гора наша рисковала быть обойденной с Севера и I3-ый и I6-ый Финляндские стрелковые полки, под натиском врага, ушли со своей позиции. Мы рисковали быть окруженными, как у Влодавы.

Отступление, особенно по крутой горе вниз, легко перешло в бегство. Роты бежали, как стадо испуганных коров, подгоняемые непрерывным градом пуль, певших на все лады.

Повидимому где-то прорыв был глубокий, так как приказано было отступать на линию Ново-Троки - Сорок Татар, где дивизия, заняв позицию, отбивала атаки противника вплоть до конца августа. Положение нашей I0-ой Армии было критическое и противник начал охватывать наш правый фланг. В то-же время ему удалось прорвать фронт южнее у Свенцян.

Медленно, упорно обороняясь, I0-ая Армия отходила, имея нашу гренадерскую дивизию в центре исходящего угла фронта, и только к II-му сентябрю I0-ая Армия вполне вышла из под угрозы быть окруженной, прочно заняв позицию Сморгонь - Крево. В последних действиях я уже не участвовал, так как пришел мой черед ехать в отпуск.

В О С П О М И Н А Н И Я

княгини СОФИИ МИХАЙЛОВНЫ ДОЛГОРУКОВОЙ рожд. Устинова.
(Вдовы командира Кавалергардскаго полка
Князя Александра Николаевича Долгорукова).

"Ялта не переменилась". Вот слова, сказанные мне моими знакомыми, которые, в свою очередь, слышали их от одной дами, только что приехавшей из Ялты в Париж. "Ялта не изменилась". Эти слова сделались, какой-то навязчивой мыслею и воскресили во мне картины далекого прошлого - воспоминания, которые так часто заполняют и сокращают мои бессонные ночи.

Вижу Ялту при утренних лучах солнца, бросающих розовый оттенок на скалы Ай-Петри, или вечером, когда смотришь с палубы подходящего парохода, когда открывается панорама Ялты с лиловой тенью окружающих ее гор и слышишь звуки оркестра, играющего в Городском Саду.

Помню Ялту еще в 80-х годах минувшего столетия, когда пароходы приходили только два раза в неделю и мола еще не существовало, а набережная была совсем узкая.

Помню ее осенью 94-го года, когда все мы были на молу для встречи Царской Семьи. Крейсер должен был подойти к самому молу;

палуба его была на много выше обыкновенных пароходов и поэтому на молу были построены подмостки, задрапированные трех-цветными флагами.

День был пасмурный. Были слухи, что Государь нездоров, но особенной тревоги эти слухи не возбуждали. Медленно подошел крейсер. Раздались крики ура. На подмостках появился Государь, а за ним вся Царская Семья. Вид у Государя был очень плохой. Особенно поражал землистый оттенок его лица. Этого никто не ожидал и у многих навернулись слезы. Государыня, видимо, спешила обойти встречавших ее дам.

Помню былые приезды, когда не было еще мола и Царская Семья подъезжала на шлюпках к пристани. Помню команду "Суши весла", поднятые вверх весла и подходящие с разгона шлюпки к пристани. В Черноморском флоте гребля была особенная, про чее говорили, что сохранилась она еще со времен Запорожцев и все Черноморские моряки ею гордились.

К приезду Царской Семьи, ученики Никитского Боганического сада, сделали, во всю длину пристани, ковер из цельных роз. Чайные составляли фон, а из красных был сделан двуглавый орел. Получилось очень красиво. Даже Императрица, войдя на пристань, остановилась на минуту прежде чем вступить на ковер, чтобы им полюбоваться.

Осенью 1894 года для цветов уже было поздно. Царская Семья села в экипажи. Прогремело ура и они уехали в Ливадию, а оставшиеся стали делиться своими грустными впечатлениями.

С каждым днем известия были все тревожнее. Улучшений в здоровьи Государя не было. Болезнь брала свое. Государь почти не выезжал из Ливадии, редко катался в экипаже, а встречавшие его находили, что он выглядит все хуже и хуже.

Приезжал отец Иоанн Кронштадтский. Мы тоже его встречали. Море было бурное. Он приехал на яхте Эреклип, которая была еще колесная. Была большая толпа, встречавшая его и желавшая подойти под его благословение. Помню пристава в серой шинели с рукой у козырька, обращавшагося к публике, прося "не задерживать батюшку, которого ждут в Ливадии".

Другой день, оставшийся в моей мамяти, был приезд невесты Цесаревича, будущей Императрицы Александры Федоровны. Наследник выехал ее встретить, а из Симферополя они ехали лошадьми. Час проезда не был известен и официальной встречи не должно было быть, но погода была хорошая и на набережной было много гуляющих в надежде увидеть проезжающего Наследника с невестой.

Вот проскакал татарин в разшитой золотыми галунами одежде и в круглой мерлушковой шапке, а за ним коляска, заложенная четверкой лошадей, и в ней Наследник с невестой в коричневом пальто с песцовым воротником. Помню раздающиеся крики ура, сопровождавшие их быстрый проезд. За ними свита с фрейлиной принцессы Алисы Гессенской Фабрис и с генералом в прусской форме.

Кто мог думать тогда о мученической их смерти ? Оба молодые, Наследник улыбался, будущая Императрица наклоняла голову,

отвечая на приветствия толпы. Сколько, думалось, ожидало их хорошего и славного. Оба полные сил и благих намерений. Можно ли было тогда думать, что их ожидала "слава великих несчастий" - единственная надежная, по словам древних. Вероятно потому, что не возбуждает зависти.

Надежда на выздоровление Императора Александра III-го все слабела. Из Берлина был выписан профессор Лейден, а из Москвы доктор Захарьин. Лейдена я встретила у знакомых, неделю или десять дней до смерти Государя, и он тогда говорил, что надежды нет, и эти слухи распространились по городу.

20-го октября день был пасмурный. Днем я пошла в, так называемую, кипарисскую беседку в нашем саду. Оттуда была хороша видна вся Ялтинская бухта и Ливадия.

Против Ливадии стоял крейсер. Море было совершенно черное от нависших над ним черных туч, через которые изредка пробивались солнечные лучи. Вся эта картина осталась в моей памяти. Я увидела, как крейсер медленно стал поворачиваться, и с правого его борта блеснул огонь и грянул выстрел, которому ответило эхо в горах. То была весть о смерти Государя.

Мы поехали в Ялту, чтобы узнать подробности смерти Государя и о времени когда будут панихиды.

Государь умер, сидя в кресле, в угловой небольшой комнате маленького дворца, который, впоследствии, стал называться дворцом Императора Александра III-го. Потом, на том месте, где стояло кресло, в паркете был сделан крест.

Нам рассказали, что Государыня стояла на коленях у кресла и что последние слова Государя были: "Будь спокойна, я совершенно спокоен". Мы узнали, что на следующий день в Ливадийской церкви будет молебен по случаю восшествия на престол нового Государя.

21-го все были на обедне и молебне в Ливадийской церкви в белых платьях, потому что в день восшествия на престол не полагалось быть в трауре. Настроение у всех было удрученное. Из Ливадии я поехала с отцем в Ялтинский собор, который потом, когда был выстроен новый, стал называться старым.

Собор находился на горе в старой части города, окруженный кипарисами. Белый на темной зелени кипарисов он ярко вырисовывался и был далеко виден с моря. Собор был полон. Началась присяга и, глубоко в моей памяти, остались слова присяги и поднятые руки присягающих, сосредоточенные лица и чувство серьезности момента. В мои семнадцать лет, мне казалось, что и я присягаю вместе со всеми за себя и, может быть, за будущую мою семью.

Дома спешно готовили траурные платья. У многих военных не было с собой парадной формы. Выписывать ее в Ялту требовало тогда много времени. Поэтому только немногим приходилось нести грустную и тяжелую службу у гроба, и большинству приходилось постоянно находиться в Ливадии.

Катафалк в Ливадийской церкви был весь в зелени. Перед приходом вдовствующей Императрицы, гроб закрывали. Слишком

тяжело было Государыне видеть изменившееся лицо Государя. Впоследствии тело Государя было забальзамировано, но, как говорили, не совсем удачно.

Панихиды повторялись ежедневно до отъезда Царской Семьи с гробом Александра Ш-го в Петербург. Перенесение гроба Императора на крейсер "Память Меркурия" было утром. Из Ливадии очень тяжелый гроб несли на руках шесть матросов, которые часто сменялись.

На набережной у часовни в память смерти Александра II-го была краткая лития. За гробом шла вся Царская Семья. Шоссе было пыльное и осталось у меня в памяти шлейф черного платья Императрицы Марии Федоровны, весь пропитанный серой пылью.

На молу была панихида, после которой гроб внесли на палубу "Памяти Меркурия", где был устроен катафалк. Командир крейсера возложил венок, перевитый георгиевскими лентами с названием крейсера.

Для Императрицы это было концом похорон любимого мужа. После этого дня начался официальный церемоньял, и ей не пришлось больше идти просто пешком со всей своей семьей за гробом мужа, как это было при перенесении гроба из Ливадии в Ялту.

Мы все чувствовали, что прощаемся с сильной русской мощью, но не предвидели той глубины несчастия для России, которую принесла преждевременная смерть Императора Александра Ш-го.

Х Р О Н И К А

После выхода последнего номера Вестника:

1 9 6 8 год

30-го ноября во Франции в предместьи Bayonne, Ascain, скончался внук Шефа Кавалергардского полка Государыни Императрицы Марии Феодоровны князь Федор Александрович. Похоронен на кладбище Urrugne.

23-го декабря в Америке скончалась вдова Кавалергарда Георгия Степановича Воеводского, рожд. M. Russell.

1 9 6 9 год

23-го января исполнилось 25-ти летие серебряной свадьбы Михаила Владимировича и Ирины Георгиевны Звегинцовых.

2-го февраля в Гамбурге скончалась внучка Кавалергарда барона Адольфа Яковлевича Пиллар-фон-Пильхау, баронесса Мария Федоровна Пиллар-фон-Пильхау.

9-го февраля в Париже в Александро-Невском соборе состоялась свадьба дочери Св. князя Константина Александровича Горчакова и княгини Марии Александровны рожд. Вырубова, княжны Дарии Константиновны и Андрея Сергеевича Кочубея.

3-го марта в Вашингтоне скончался внук Кавалергарда Михаила Сергеевича Толстого-Милославского, Михаил Сергеевич Толстой-Милославский. Похоронен на кладбище Ново-Дивеево монастыря.

16-го апреля в предместьи Парижа Garches скончалась дочь Кавалергарда Алексея Николаевича Синельникова княгиня Ольга Алексеевна Гагарина, в первом браке княгиня Багратион-Мухранская. Похоронена на местном кладбище.

19-го апреля в Париже в церкви Ecole Militaire, состоялась свадьба внучки Кавалергарда Димитрия Федоровича Левшина и Наталии Александровны рожд. графиня Голенищева-Кутузова Марии-Констанс Димитриевны Левшиной и лейтенанта французской службы Сергея Владимировича Хлебникова.

20-го апреля в Нью-Йорке в церкви Св. Серафима состоялась свадьба внука Кавалергарда Димитрия Федоровича Левшина и Наталии Александровны рожд. графиня Голенищева-Кутузова Федора Васильевича Левшина и Марии Александровны Гавриловой.

21-го июня во Франции в церкви Св. Иоанна Крестителя в городе Neuilly, состоялась свадьба внучки Кавалергарда Анны Михайловны Звегинцовой и Yvonnick Charveriat.

21-го июня в Америке в Нью-Йорке скончалась жена нашего сочлена Василия Димитриевича Левшина Александра Михайловна рожд. Плигина.

28-го августа старейшему Кавалергарду Александру Павловичу Родзянко минуло 90 лет и 70 лет со дня окончания Пажеского корпуса и производства в корнеты Кавалергардского полка.

К этому дню Александру Павловичу были посланы поздравления: общее от всей Кавалергардской Семьи, особо от Лондонского ее отдела. Кроме того отдельные члены Кавалергардской Семьи, проживающие в разных странах, лично поздравили дорогого юбиляра.

14-го Ноября в Neuilly, скончался внук Кавалергарда Сергей Сергеевич Воейков и похоронен на кладбище Sainte Geneviève-des-Bois.

К НАСТУПАЮЩЕМУ НОВОМУ 1970 ГОДУ КАВАЛЕРГАРДСКАЯ СЕМЬЯ ШЛЕТ ВСЕМ СВОИМ СОЧЛЕНАМ И ЧИТАТЕЛЯМ КАВАЛЕРГАРДСКОГО ВЕСТНИКА СЕРДЕЧНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ И ПОЖЕЛАНИЯ БЛАГОДЕНСТВЕННОГО И МИРНОГО ЖИТИЯ, ЗДРАВИЯ И ВО ВСЕМ БЛАГОГО ПОСПЕШЕНИЯ.

ВЕСТНИК

КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ

1970

ПРАЗДНИК КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ

В Париже в день Святых Захария и Елисаветы 5/18 Сентября в Соборе Св. Александра Невского в 19 часов был отслужен молебен, на котором, как всегда, кроме членов Кавалергардской Семьи, их семейств, присутствовали друзья и знакомые Кавалергардов и много других молящихся.

После молебна в ресторане "Chez Mas" состоялся товарищеский ужин, на который собралось 10 членов Семьи: Г.В. Бибиков, барон Г.Г. Гротгус, В.Н., В.В. и М.В. Звегинцовы, граф Г.Д. Менгден, граф В.В. Мусин-Пушкин, И.Н. Чудово-Адамович и граф П.П.Шереметев.

С.и. Лукьянов.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Александр Павлович РОДЗЯНКО
1879 - + 1970

6-го Мая 1970 г. в Нью Йорке скончался старейший Кавалергард Александра Павлович Родзянко. Сын Кавалергарда Павла Владимировича и Марии Павловны рожд. княжна Голицына родился 13/25 Августа 1879 года.

По окончании Пажеского корпуса выпущен из камер-пажей 9-го Августа 1899 года корнетом в Кавалергарды. В 1902 г. принял участие в международных конных состязаниях в Турине. В 1903 г. произведен в поручики, в 1905 г. откомандирован в переменный состав Офицерской Кавалерийской Школы, по окончании которой произведен в штабс-ротмистры и откомандирован во французскую кавалерийскую школу в Сомюр в 1907 г. Вернувшись в строй полка произведен в ротмистры и назначен командиром № 2-го эскадрона.

Вместе с братом Павлом и другими гвардейскими кавалерийскими офицерами он стал одним из главных, деятельных проводников новой школы верховой езды вообще и барьерных состязаний особенно.

Это новое направление выработалось из сочетаний системы англичанина Филлиса, преподававшаго высшую езду и выездку коня в нашей Офицерской Кавалерийской Школе, с тем что пришлось видеть в Италии - система Каприлли - и во Франции в Сомюрской кавалерийской школе.

Кроме международных состязаний в Турине, А.П. Родзянко принял участие в таковых же в Лондоне на приз "Золотой кубок короля Георга", который, после трех последовательных, непрерывных лет выигрыша его русскими ездоками, перешел в собственность русской конницы.

Английские спортсмены, желая сохранить у себя кубок своего короля, предложили в обмен точно такие же кубки по числу полков русской конницы, представители которых принимали участие в трехлетнем его выигрыше.

На войну 1914 г. Родзянко выступил командиром, вновь сформированного полка Офицерской Кавалерийской школы с производством

в полковники. Вновь сформированный полк входил в отдельную кавалерийскую бригаду вместе с 20 Финляндским драгунским полком. Впоследствии, когда бригада была развернута в дивизию, получившей номерное наименование 17-ой, Родзянко был назначен бригадным командиром ее 1-ой бригады.

В гражданскую войну Родзянко принял деятельное участие в создании Добровольческих частей на Северо-Западе России. Командуя сначала Северным Корпусом, затем Северо-Западной Армией, Родзянко с успехом вел свои войска в победоносном движении к подступам Петрограда. В результате ряда удачных боев были заняты Псков, Ямбург, Гдов, Копорье, Красное и Церское Село, Гатчина.

Когда с победоносным продвижением Армии, падение северной столицы казалось неизбежным, Главнокомандующий Северо-Западным фронтом Юденич пожелал лично возглавить войска и руководить их боевыми действиями, назначив Родзянко своим помощником.

Взятие Петрограда не удалось. Неожиданно для себя Родзянко получил 23-го Ноября 1919 года предписание генерала Юденича за № 7927 "Предписываю Генерал-Лейтенанту Родзянко с получением сего отправится в Англию для выполнения возложенного на Вас поручения". Родзянко покинул Армию и дальнейшая его жизнь прошла почти целиком в Соединенных Штатах Америки в беженской, и под час очень трудной обстановке.

Генерал Родзянко был последним из Вождей Белого движения в гражданскую войну.

ОЛЕГ ФЕДОРОВИЧ ДУБАСОВ

1889 - + 1970

16-го Июня 1970 г. в Соединенных Штатах Северной Америки в Garden City, Long Island, скончался Олег Федорович Дубасов. Сын адмирала Федора Васильевича Дубасова и Александры Сергеевны, рожд. Сипягина, родился 21-го Марта 1889 г.

По окончании Императорского Александровского Лицея в 1911 году, поступил вольно-определяющимся в Кавалергарды. В 1912 г. после сдачи офицерского экзамена при Николаевском кавалерийском училище, был произведен в корнеты с оставлением в эскадроне Ее Величества, в рядах которого выступил в поход в войну 1914 г. и участвовал во всех боях 1914-1915 г. в Восточной Пруссии, на Пилице, под Мариямполем в Августовских и Козлово-Рудских лесах.

В 1916 г. откомандирован в Кречевицкие Казармы, под Новгородом, для обучения полковой учебной команды и маршевых эскадронов, Кавалергардского полка.

После революции Дубасов некоторое время проживал в Европе, затем окончательно переехал в С.Ш.С.А., где начал тренировку лошадей различных владельцев скаковых конюшень. Очень скоро

лошади его тренировки стали одними из лучших, занимая первые места во всех главных скачках, гладких и барьерных, как-то Ocean Handicap, Saratoga Special, Mayflower Stakes, Delaware Oaks, New York Handicap и во многих других. В скаковых кругах Америки Дубасов пользовался большой известностью, как выдающийся тренер и знаток лошади.

Еще до первой Мировой войны, в следующий после производства год, Дубасов выиграл Зимний 100-верстный пробег в окрестностях Петербурга при исключительно плохой и холодной погоде.

Похоронен на кладбище Cedar Lawn Cemetery, East Hampton.

ПОСЛЕДНЯЯ БОРЬБА

Надо мною буря выла,
Гром на небе грохотал,
Слабый ум судьба страшила,
Холод в душу проникал.

Но не пал я от страданья,
Гордо выдержал удар.
Сохранил в душе желанья,
В теле силу, в сердце жар.

Н е к р а с о в

50 лет тому назад, в Ялте 15-го Ноября н.с. 1920 года, усталые до предела человеческой выносливости, измученные физически и морально, остатки Кавалергардского дивизиона, закончив, вместе с другими частями конного корпуса генерала Барбовича погрузку на транспорты "Русь" и "Крым", вышли на внешний рейд.

Под вечер показалась яхта "Лукул" с генералом бароном Врангелем, объезжающим порты, где происходила погрузка Армии, чтобы лично удостовериться в ее благополучном окончании. Всюду главнокомандующего приветствовали громким ура. Несмотря на тяжелый исход борьбы и полную неизвесность будущаго, вера Армии в своего вождя не была поколеблена.

От всех конных полков, еще год назад входивших в 5-ый конный корпус ген. Юзефовича, бравших в неудержимом порыве конных атак пулеметы, орудия, окопы и укрепленные селения, от легендарной красоты их легендарного безумия, осталась одна безумно-красивая легенда.

Туман постепенно заволакивал очертания Крымских берегов. Вершины Аю-Дага и Ай-Петри потонули в наступившей ночи. Только изредка кое-где вспыхивали и сразу потухали одиночные огни на покидаемой родной Земле. Последняя страница боевой летописи Кавалергардов была закончена и вместе с нею прекратилось 121-летнее существование полка.

Исход борьбы на Юге России, несмотря на весь героизм Русской Армии, был заранее предрешен. Подписание Советами мирного договора с Польшей 12-го Октября в Риге, дало возможность красному командованию перебросить на Крымский фронт очень большое подкреп-

ление. Соглашение, заключенное с повстанческой Армией Махно 2-го Октября в Старобельске, также усилило красную армию. Хорошо задуманная Заднепровская операция, хотя и позволила нанести довольно значительный урон красным, но в конечном итоге ее более чем плачевный исход совершенно не оправдал возложенные на нее надежды.

К началу наступления Красной Армии ее командование сосредоточило на Крымском фронте 140 тысяч, в четыре раза больше 35-тысячной Русской Армии, занимавшей 400-верстную дугу с совершенно необеспеченными флангами и полной невозможностью пополнять понесенные потери людьми и лошадьми. Все это, вместе взятое, принудило командование Крыма принять одну, из двух имевшихся у него возможностей: вывести заблаговременно войска за Крымские перешейки, до наступления красных, или принять бой в Северной Таврии.

По существу оба решения, в конечном итоге, сводились к тому-же самому, но активная оборона в Северной Таврии, кроме нанесения красным урона, замедляла их продвижение и тем самым давала Командованию Руссской Армии больше времени для подготовки эвакуации войск, гражданских учреждений и желающей части населения.

К этому решению и пришло, созванное Главнокомандующим, совещание командиров корпусов : 1-го генерала Кутепова, 2-го генерала Абрамова, конного генерала Барбовича и начальника штаба армии генерала Шатилова.

Начало наступления красных застало Кавалергардов в С. Верхние Серагозы, в резерве ударной группы. Вечером 29-го Октября, когда выяснилось продвижение 1-ой Конной Армии Буденого глубоко в разрез между Крымскими перешейками и частями занимавшими северный отсек фронта, генералу Барбовичу было приказано отбросить красную конницу и обеспечить отход за перешейки.

Задолго до рассвета, в темноту,Кавалергарды были высланы разведывательным эскадроном на с. Агайман. Село оказалось занятым красной конницей, пытавшейся окружить эскадрон. Подошедший на выстрелы, на рысях Гвардейский полк, авангард конного корпуса, удлинил Кавалергардскую лаву. Скоро подошли остальные полки корпуса с бронемашинами. Красные не выдержали, атаки не приняли, преследуемые Гвардейским и 3-м конным полками, очистили Агайман, отойдя в полном беспорядке в разные направления.

На следующий день конница с боем заняла с. Отраду. До этого красные захватили транспорт с ранеными, всех перерубили, в том числе сестру милосердия Наталию Ивановну Звегинцову, сестру офицера полка полковника Димитрия Ивановича Звегинцова. Все были похоронены в с. Отрада.

Конному корпусу оставалось обеспечить отход войск на Чонгарский полуостров и по Арабатской Стрелке. В ночь на 1-ое

Ноября I-ая кавалерийская дивизия была отправлена на с. Рождественское, занятое красной конницей.

Без огневой подготовки, в сильнейшую пургу, село было взято конной атакой в ту же ночь, причем, кроме пленных, была захвачена ценнейшая добыча - несколько сотен лошадей.

На следующий день 2-ая Конная Армия красных, вновь пыталась захватить Рождественское. В результате контр-атак, она вновь была разбита и обращена в бегство. Гвардейский полк потерял убитым своего командира полковника Ковалинскаго и ранеными 5 офицеров, в их числе Кавалергарда полковника князя Г.Г. Гагарина.

На следующий день, прикрывая отход своей пехоты, дивизия двинулась на Чонгар. У с. Ново-Димитриевка ее атаковала красная конница. В арьергардном бою Кавалергарды потеряли ранеными начальника полковой пулеметной команды ротмистра А.А. Пашкова и командира своего пулеметного взвода корнета Собриевского.

"Величайшее преступление", о котором упоминал Ленин в своей телеграмме командованию I-ой Конной - т.е. позволить Врангелю отвести свои войска за перешейки - было допущено. Ценой больших потерь, войска все же были выведены за перешейки. В последние дни борьбы в Крыму, боевой состав Армии, со всеми запасными и учебными частями, не превышал 25-ти тысяч. Тогда и сложилась в Крыму поговорка: "С трех сторон нас море, а с четвертой горе".

Наступал неизбежный конец борьбы на Юге России. 8-го Ноября конный корпус, насчитывавший всего около четырех тысяч шашек, был вызван на фронт. Ночным переходом, в сильнейшую пургу, при IO-ти градусах мороза, корпус на рассвете 9-го подошел к Карповой Балке. Его авангард - Кавалергарды - обнаружил крупные силы красной пехоты.

"Нас было мало, слишком мало. От вражьих сил чернела даль.
"Холодным блеском засверкала из ножен вынутая сталь".

Подошел Гвардейский полк и другие полки дивизии. В конной атаке I-ой дивизии красные были отброшены. Подошли другие части конного корпуса. Конница вторично пошла в атаку на красных, отбросив их в глубь Литовского полуострова. В атаке командир Гвардейского полка полковник Малиновский был ранен. Полк принял полковник Г.Г. фон Раух, а Кавалергардский эскадрон штабс-ротмистр Б.А. Чичерин.

Со своей стороны красные пытались все-же перейти в наступление. В 3 часа пополудни конный корпус пошел в третий раз в атаку, "венчая путь своих атак".

"И как минутная победа швырнула нас за Перекоп
"И храп коня, и стон соседа, и кровью залитый сугроб".

Преследуя бегущих красных, эскадроны, перескочив через свои окопы, нарвались на свою же проволоку, за которой красные, остановившись, открыли сильнейший огонь. В Гвардейском полку был ранен его командир полковник Г.Г. фон Раух, убито три офицера и ранено еще два. После трех атак в полку осталось только 200 шашек.

10-го и 11-го конный корпус вел тяжелые арьергардные бои, прекрывая отход пехоты через озерные дефиле, постоянно переходя в контр-атаки. В одной из них в Кавалергардском эскадроне был ранен корнет граф В.В. Мусин-Пушкин. Наконец, в два часа дня был получен приказ Главнокомандующего о прекращении борьбы. Пройдя Четырдагский перевал, Алушту, Кавалергарды пришли 14-го Ноября в Ялту и заняли сторожевое охранение на ее окрайне, прикрывая посадку. 15-го, в свою очередь они погрузились на транспорт "Крым".

Туман постепенно заволакивал очертания Крымских берегов. В наступившей ночи потонули вершины Ай-Петри и Аю-Дага. Изредка вспыхивали и потухали одиночные огни на покидаемой родной земле. Была дописана последняя страница боевой летописи Кавалергардов и с нею вместе прекратилось существование родного полка.

"И оставили в России, в память трех кровавых лет
"Горечь наших поражений и славу громкую побед."

Потери Кавалергардов в офицерском составе
в гражданскую войну на Юге России.

1919 год.

18-го Июня. При прорыве Акмонайских позиций красных в Крыму ранены ружейными пулями: начальник кавалерийской дивизии полковник И.М. Миклашевский и ординарец штаба дивизии поручик граф Р.В. Мусин-Пушкин.

17-го Августа. В конной атаке у деревни Когановщизна ранен ружейной пулей ротмистр барон Г.А. фон дер Остен-Дризен. Там же в той же атаке убит корнет В.К. Львов.

25-го Августа. В конной атаке на село Британы ранен ружейной пулей корнет граф Вас. В. Мусин-Пушкин.

23-го Ноября. Прикрывая отход эскадрона у села Гапоново убит ружейное пулей начальник пулеметной команды корнет М.А. Рогович.

1920 год.

10-го Марта. Убит бомбой с аэроплана на станции Джанкой адъютант генерала Слащева корнет В.В. Шебеко.

15-го Апреля. В сторожевом охранении на Турецком Валу в Крыму ранен тремя ружейными пулями корнет граф Вас. В. Мусин-Пушкин.

26-го Июля. В конной атаке на д. Щербаковку убит ружейной пулей начальник пулеметной команды корнет Н.С. Исаков.

31-го Июля. В конной атаке на мест. Жеребец ранен шрапнелью начальник пулеметной команды штабс-ротмистр А.Н.Шебеко.

12-го Августа. В конной атаке у дер. Черненькая ранен ружейной пулей полковник граф И.А. Толстой.

20-го Августа. В цепи у дер. Ново-Репьевка ранен ружейной пулей корнет Гневшин.

25-го Августа. В цепи у деревни Ново-Александровка ранен ружейной пулей корнет Трубников.

2-го Сентября. В цепи у колонии Софиевка-Нассауская, Каховка ранены пулеметным огнем корнет Бухарин и корнет Вурумзер.

1-го Ноября. В конной атаке у села Рожденственское ранен ружейной пулей полковник князь Г.Г. Гагарин.

2-го Ноября. Ранены ружейными пулями у деревни Ново-Димитриевка начальник пулеметной команды ротмистр А.А. Пашков, и командир пулеметного взвода корнет И.А. Собревиский.

9-го Ноября. В конной атаке на Литовском полуострове ранен двумя ружейными пулями полковник Г.Г. фон Раух.

10-го Ноября. В конной атаке у озера Безымянного ранен ружейной пулей корнет граф В.В. Мусин-Пушкин.

ИЗ НЕИЗДАННЫХ ДОПОЛНЕНИЙ к 3-му ТОМУ БИОГРАФИЙ КАВАЛЕРГАРДОВ

Ниже помещаются биографии на трех офицеров полка, состоявшими к 14-му Декабря адъютантами Главнокомандующего 2-ой Армией.

ГРАФ ВИТГЕНШТЕЙН. ЛЕВ-ЛЮДВИГ-АДОЛЬФ-ФРИДРИХ ПЕТРОВИЧ

Впоследствии князь Сайн Витгенштейн-Барлебург. Старший сын фельдмаршала графа, впоследствии князя, Петра Христофовича и Антуанетты Станиславовны рожд. Снарская. Родился 7-го Июля 1799 года. По окончании в 1817 году Пажеского корпуса выпущен корнетом в Кавалергарды. В 1820 году назначен флигель-адъютантом.

Привлеченный по делу тайных обществ, Витгенштейн на допросах в Верховной Тайной комиссии показал, что "в 1820 году вступил по приглашению князя Барятинского (адъютант его отца, офицер Л.-Гв. Гусарского полка) в тайное общество, имевшее исключительно благотворительные цели. Ничего противозаконного, ни политического он не заметил в обществе и с членами его имел весьма малое сношение. В 1821 году, по возвращению своего из Лайбаха, узнал об уничтожении общества и с тех пор был совершенно уверен, что оно больше не существует".

При производстве дальнейшего следствия, отзывы других допрошенных лиц, подтвердили, что Витгенштейн не принадлежал к тайному обществу, возникшему после 1821 года и, что о существовании последнего он ничего не знал.

По докладу Верховной Следственной комиссии последовало Высочайшее повеление "Не считать Витгенштейна причастным к этому делу".

Трудно допустить, что вопреки резолюции Императора Николая, Витгенштейн, занимавший должность адъютанта своего отца главнокомандующего 2-ой Армией, действительно ничего не знал о существовании Южного Общества, имевшего свой центр при самом штабе 2-ой Армии в Тульчине.

По роду своей службы Витгенштейн имел постоянные ежедневные сношения со многими другими адъютантами отца, из которых, принявший его в общество князь Барятинский и Пестель были самыми деятельными членами Южного Общества. С другим адъютантом отца Ивашевым, Витгенштейн служил одновременно в рядах Кавалергардского полка, что несомненно влияло на их внеслужебные отношения. Исключительно высокая должность, занимаемая его отцом, не могла не иметь влияние на редакцию доклада Верховной Следственной Комиссии.

Витгенштейн оставался флигель-адъютантом и при новом Государе, но два года спустя после объявления общаго приговора над декабристами, Витгенштейн ушел в отставку 14-го Сентября 1828 года полковником.

Витгенштейн был женат два раза. Первый раз на дочери камергера князя Доминика Радзивил, княжне Стефании (1809-1832) и второй раз на княжне Леонилле Ивановне Барятинской (1816-1918), умершей в Швейцарии в возрасте 102 лет.

От первого брака у него было двое детей. Княжна Мария-Антуанетта-Каролина-Стефания, вышедшая замуж за наместника Эльзаса князя Гогенлое-Шиллингфюрст и князь Петр-Доминик-Людвиг (1831-1887), генерал-адъютант генерал-лейтенант.

От второго брака у него было четверо детей. Княжна Антуанетта, вышедшая замуж за князя Марио Киджи-Альбано, князь Фридрих, женатый на Вильгельмине Гаген, отказался от княжеского титула и принял фамилию графа фон Альткирхен, князь Людвиг холостой и князь Александр-Алексей женатый три раза: на герцогине Ивонне де Бланко-д'Олпс, на Марии де Перюсс-де Карс и на Елене Кругликовской. Подобно брату, он отказался после третьего брака от княжеского титула и принял фамилию графа фон Хохенбург.

Витгенштейн умер в 1866 году в городе Канн, на юге Франции в доме для душевно-больных, в котором находился последние годы своей жизни.

К БИОГРАФИЯМ КАВАЛЕРГАРДОВ ПОМЕЩЕННЫХ В ВЕСТНИКЕ в 1967-1970 гг ДОБАВЛЕНИЕ

Иван Александрович Анненков

Прасковья Егоровна Анненкова рожд. Полина Гебль

Граф Захар Григорьевич Чернышев

Николай Александрович Васильчиков

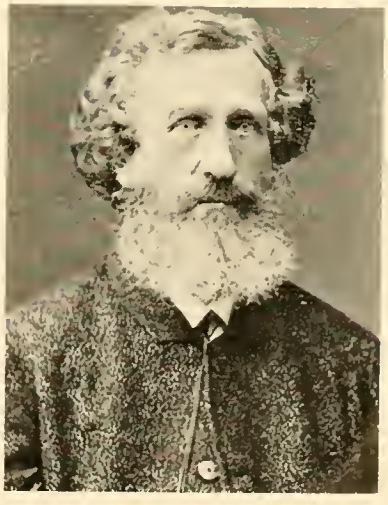
Екатерина Петровна Васильчикова рожд. Демидова

Василий Петрович
Ивашев

Камилла Петровна
Ивашева
рожд. Ле Дантю

Александр Александрович
Крюков

Александр Михайлович
Муравьев



Петр Николаевич
Свистунов

КРЮКОВ, АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Из потомственных дворян Тульской губернии. Сын Нижегородского губернатора Александра Семеновича, владевшаго в Крапивенском уезде несколькими селениями с 371 крепостными и Елизаветы Ивановны, рожд. Манжан (Mangin) Англичанка. Родился в 1793 г.

Первоначальное образование получил дома, затем в петербургских пансионах Криля и Мейера и в "большой Петропавловской школе, что на Невском".

В 1812 г. поступил корнетом в конный полк Нижегородского ополчения, с которым участвовал в осаде Дрездена, Гамбурга и Магдебурга. По расформировании полка переведен 14-го Августа 1815 г. в Ольвиопольский гусарский полк. 23 Мая 1817 г. произведен в поручики, 30 Января 1819 г. назначен адъютантом Главнокомандующего 2-ой Армией графа Витгенштейна. 8-го Февраля 1820 г. переведен Л.-Гв. в Конно-Егерский полк с оставлением в прежней должности. 11-го Января 1822 переведен в Кавалергардский полк, оставаясь адъютантом.

Первые сведения о принадлежности Крюкова к тайным обществам были получены Императором Александром еще 18-го Апреля 1825 г. от генерала графа Витта (Сб. Биогр. Кав. Т. 2-ой стр. 448) на основании доноса помещика Бошняка. Император Николай Павлович получил эти сведения во время междуцарствия в рапорте начальника Главного Штаба генерал-адъютанта барона Дибича, 4-го Декабря. 30-го Декабря на основании полученных из Петербурга распоряжений, Главнокомандующий 2-ой Армией арестовал Крюкова и отправил его в Петербург в сопровождении жандармского унтерофицера Ерыскулова.

Но еще до этого в Линцах, по распоряжению барона Дибича, 13-го Декабря был арестован Пестель. С арестом главы Южного Общества членам его стало ясно, что существование Общества открыто и что дальнейшие аресты неминуемы. Генерал-Интендант 2-ой Армии Юшневский, штаб-лекарь Вольф, адъютанты штаба 2-ой Армии поручик Басаргин, Крюков и его брат сговорились ни в чем не сознаваться и на первом допросе генералом Левашевым, Крюков сказал, что "я никогда никакому тайному обществу не принадлежал и о сем последнем ничего не знал".

Такое определенное заявление Крюкова вызвало сомнение в его виновности и у Левашева и у Императора Николая, который в предписании коменданту Петропавловской крепости писал "Поручика Крюкова посадить где лучше и содержать строго, но хорошо, ибо полагать должно, не виноват". 9-го Января 1826 года Крюков был помещен в хорошем арестантском каземате № 14 в бастионе князя Трубецкого.

Но в показаниях других лиц, в особенности Пестеля, Юшневского и Вольфа, Верховной Следственной Комиссии стало известно о принадлежности Крюкова к Тайному Обществу (Союзу Благоденствия, и затем Южному) и на последующих допросах ему пришлось

сознаться, что "был принят в I820 г. в Тайное Общество в Тульчине адъютантом Главнокомандующего 2-ой Армией штаб-ротмистром Л.-Гв. Гусарского полка князем Барятинским", что "после объявления о закрытии Общества в Москве, согласился на продолжение Общества с целью введения в государстве конституционного правления с удалением верховной власти".

"Особенных причин побудивших меня продолжать Общество привести не могу никаких, но по легкомыслию, необдуманности вдруг отказаться я остался в оном, увлеченный большинством голосов и настоятельностью Пестеля".

"Сознаюсь откровенно, что хотя внутреннее участие в Обществе принимать не желал, но, завлекаемый день ото дня более и более в преступление и сделавшись, наконец, вполне виновным, я совершенно потерялся и, наконец, принял в Общество квартермейстерской части поручика Аврамова, коему объявил цель Общества - введение в Государстве конституционного правления. Поручика же Заикина принял в члены я не один, а вместе с упомянутым Аврамовым, но, будучи старше его членом, я принужден был принятие Заикина взять на себя".

Хотя Крюков и не признавался "в умысле на цареубийство и истребления Императорской Фамилии", тем не менее он был приговорен за то, что "по собственному признанию" участвовал в этом намерении. Кроме того Следственная Комиссия обвинила его в "распространении тайного Общества и в привлечении товарищей", и что он в течении всего следствия "был на откровенен".

Заключение Следственной Комиссии, что Крюков "в деяниях Общества участия не принимал" и что он "весьма недеятельный член Тайного Общества "что подтверждается показаниями прочих" немного сведений имел", не многим облегчило его судьбу. По приговору Верховного Уголовного Суда, Крюков был присужден к лишению орденов, чинов и дворянства и к ссылке на каторжные работы на 20 лет. При утверждении приговора Государем, указом 22-го Августа I826 года срок работ был ему уменшен до I5 лет с последующим поселением в Сибири.

В Марте I827 г. Крюков был отправлен в Нерчинск на рудник Благодатный, но в связи с восстанием на Зарентуйском руднике, вместе со всеми другими декабристами, был перемещен в Читу, откуда в Сентябре I830 года в Петровский Завод.

В I832 г. срок работ был ему еще раз сокращен до I0 лет и, наконец, I4-го Декабря I835 г. он был обращен на поселение села Онашино. В I836 г. он был переведен на жительство в город Минусинск, где в I852 г. получил разрешение вступить на гражданскую службу канцеляристом 4-го класса. Впоследствии он был произведен в коллежские регистраторы.

После амнистии декабристов, Крюков приезжал в Москву по особому разрешению для свидания со своей сестрой княгиней Надеждой Александровной Черкасской, и чтобы исхлопотать разрешение

переехать в Европейскую Россию со всей семьей. Весной I838 г., не дождавшись разрешения он вернулся в Минусинск.

Находясь в Минусинске, Крюков женился в I839 г. на крестьянке из поселенных каторжан, уроженке Лифляндской губернии Анне Николаевне Киве, осужденной на каторгу за убийство своего новорожденного незаконного ребенка.

Наконец, благодаря хлопотам сестры, долгожданное разрешение было получено 20-го Марта I859 г. и Крюков переехал в Киев. В I865 г. ему было разрешено выехать за границу. Крюков умер в Брюсселе в I867 г. У него было трое детей, рощившихся до брака и впоследствии им узаконенных: Леонтий, Александр и Николай:

ИВАШЕВ, ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ

Родился I3-го Сентября I794 года. Сын очень богатых родителей, помещика села Ундоры Симбирской губернии, сподвижника Суворова, генерал-майора Петра Никифоровича и Веры Александровны, рожд. Толстая. До I4 лет воспитывался дома под руководством гувернера Динокура. В I808 г. поступил в Пажеский корпус, по окончании которого 28-го Февраля I8I5 г. выпущен из камер-пажей корнетом в Кавалергарды.

Согласно его послужному списку, доставленному "I-го Генваря I826 г." командиром полка генерал-майором графом Апраксиным в Верховную Следственную комиссию, I5-го Июля I8I6 г. Ивашев был произведен в поручики, 6-го Июня I8I8 г. в штабс-ротмистры, I7-го Июня I8I9 г. назначен адъютантом к командующему 2-ой Армией графу П.Х. Витгенштейну. 22-го Октября I82I г. произведен в ротмистры.

В приказе по полку I5-го Апреля I8I9 г., в котором помещен выговор всему полку после смотра, особенно упомянут Ивашев : "После салютования, когда подъезжал, то, не сделавши подвыски, с опущенным палашем". В послужном списке, в графе "знание", сказано по-российски, по-французски и по-немецки читать и писать умеет. Алгебру, географию, тригонометрию, артиллерию и физику знает".

Приказ об его аресте был послан в Тульчин - штаб 2-ой Армии - 27-го Декабря I825 г. во время нахождения Ивашева в отпуску. Арестован он был на возвратном пути в Тульчин в Москве 23-го Января I826 г. и доставлен в Петербург 26-го в сопровождении квартального поручика Чиплевского. В предписании о нем коменданту Петропавловской крепости было сказано "Содержать хорошо и посадить по усмотрению". Ивашев был заключен в каземат № 20 в куртине между бастионами Императрицы Екатерины I-й и князя Трубецкого.

Отвечая на целый ряд "Вопросных Пунктов", Ивашев показал, что был принят в Тайное Общество (Союз Благоденствия) в I8I9 г.

в Кавалергардском полку ротмистром Бегичевым. (Сбор. Биогр. Кавалергардов, Т.3, стр. 255). Ничего противозаконного в Обществе не заметил и, что "даже я полагал, что оное должно со временем сделаться гласным".

Далее Ивашев показал, что присутствовал на совещании в Тульчине, созванном по случаю закрытия в 1821 г. в Москве Союза Благоденствия, и тогда же согласился на продолжение Общества на юге и на введение республиканского правления. Он одобрял революционную деятельность и упразднение престола и, в случае крайности, соглашался на уничтожение тех лиц, которые представляют к тому непреодолимые препятствия.

"Происходившее на самом совещании, говорит Ивашев, мне представляется, как неясный сон. В обвинение себе скажу, что я согласился на все сделанные тогда предложения и, что не менее виноват других тут бывших членов, наравне с другими виноват, если и решено даже было то, что теперь не помню, чего истинно гнушаюсь". "Когда Общество сие (Союз Благоденствия) было разрушено в Москве, я хотел последовать примеру отложившихся членов, но разрушение оного представлено мне было, как следствие личности против некоторых членов, в числе которых Пестель себя включил. Я в это время опасно был болен, он ходил за мною больным, как за братом. Боясь, чтоб он не почел меня неблагодарным, когда бы в это время я Общество покинул, и частью следуя общему примеру Тульчинских членов, я остался, но с твердым намерением покинуть его при первом удобном случае, если не разрушится собственным ничтожеством".

"Часто повторяемые слухи о войне с турками препятствовали исполнению сего последнего намерения, но я верен был предначертанному себе поведению и не вступал ни в какие дела Тайного Общества". "Причина, побудившая меня вступить в Общество, называемое ныне Южным, говорит Ивашев, одна - безрассудность".

"Чувствую всю слабость доводов, служащих к извинению моему, но могу ли умолчать, когда письма родственников моих, доставленные мне с дозволением начальства, провозглашая милость Государя Императора, пробудили в душе надежду, когда сквозь стены, в которые я заключен, проник слух о высоком Его милосердии ищущим средства к пощажению обвиненных".

Ивашев был очень слабого здоровья и большую часть времени своей службы во 2-ой Армии он провел в домашних отпусках в Симбирской губернии и на Кавказских лечебных водах. Ни на каком другом совещании Южного Общества в Тульчине он не присутствовал и никакой деятельности в Обществе не проявлял.

Все показания Ивашева были подтверждены адъютантом Главнокомандующего 2-ой Армией Л.-Гв. Гусарского полка шт.-рот. князем Барятинским, старшим адъютантом штаба 2-ой Армии Л.-Гв. Егерского полка поручиком Басаргиным и штаб-лекарем коллежским ассесором Вольфом, причем все они добавили, что Ивашев неоднократно

говорил им, что это Общество гибельно, что они неосторожно сделали, вступив в него и, что необходимо из него выйти.

По приговору Верховного Уголовного Суда Ивашев был приговорен к лишению чинов, орденов и дворянства и к ссылке на каторжные работы на 20 лет. По утверждению приговора Государем, указом от 22-го Августа 1826 г. срок работ был ему сокращен до 15-ти лет с дальнейшим поселением в Сибири.

В 1827 г. Ивашев был отправлен в Нерчинск, на рудник Благодатный, но в связи с попыткой восстания на Зарентуйском руднике, он вместе с другими декабристами, был переведен в Читу, откуда в 1830 г. все декабристы были перемещены в Петровский Завод. В препроводительных бумагах Ивашева были даны его приметы: "Росту 2 аршина и 5 с половиной вершков. Лицо белое, продолговатое. Глаза голубые. Нос небольшой, продолговатый. Волосы светло русые. Левая рука от перелома немного короче".

В 1832 г. срок работ был ему сокращен до 10 лет, по истечении которых в 1837 г. он был обращен на поселение города Туринска. 28-го Декабря 1840 г. Ивашев умер, через год после смерти своей жены Камиллы Петровны рожд. Ле Дантю, скончавшейся 30-го Декабря 1839 г. Ее сестра Сидония была матерью писателя Григоровича.

Камилла Петровна была дочерью гувернантки двоюродных сестер Ивашева Хованских. Лето оба семейства проводили вместе и детская восторженность и восхищение перед камер-пажеским мундиром с годами превратилась у нее в глубокую привязанность и любовь.

При помощи родителей Ивашева и при содействии Императрицы Александры Федоровны Шефа Кавалергардского полка, к которой обратилась Камилла Петровна, ей удалось преодолеть безконечный ряд всяких административных затруднений и препятствий и получить высочайшее разрешение на поездку в Сибирь. Но разрешение это было обусловлено непременным, предварительным согласием Ивашева на брак.

Сообщая о полученном разрешении генерал-губернатору Западной Сибири, граф Бенкендорф требовал от местной администрации "чтоб в проезд сей насчастной девицы через губернии Западной Сибири ей было бы оказано всевозможное содействие и пособие".

Но Ивашев, находясь на каторге, как и раньше, будучи Кавалергардом, никогда не думал об этой возможности. Разность положений и состояний не позволяли ему рассматривать их взаимные отношения иначе, как детской и юношеской дружбой.

Ивашев с трудом переносил тягости пребывания на каторге. Доведенный до отчаяния, он стал готовиться к побегу. Но побеги

с каторги удавались редко. Прельщаемые высокой денежной наградой за поимку беглых, местные жители часто принимали деятельное участие в их поимке.

Вот почему товарищи Ивашева по заключению, узнав об его намерении бежать, всячески старались отговорить его от этой несбыточной затеи. Но единственно чего они добились, было согласие Ивашева отложить свой побег на неделю.

В один из последующих дней, рано утром, Ивашев был неожиданно вызван к коменданту. Все, и в том числе сам Ивашев, были убеждены, что попытка к побегу раскрыта и, что теперь ему придется отвечать и расплачиваться за свое намерение. У Ивашева мелькнула даже мысль, что его выдали собственные товарищи, желая тем спасти его от неминуемой и верной смерти.

Какого же было его удивление, когда, вместо сурового наказания, генерал-майор Лепарский обратился к нему с вопросом: "Желаете ли Вы жениться на девице Камилле Ле Дантю ?". Ивашев был так ошеломлен неожиданностью вопроса, что попросил сутки на размышление. Когда он вернулся в тюрьму и рассказал своим товарищам, с беспокойством ожидавшим его возвращения, что с ним произошло у коменданта, то общей радости не было конца.

Свадьба состоялась I6-го Сентября I83I г. в той же церкви, в которой три года тому назад венчались Анненков и Полина Гебль. В своих воспоминаниях княгиня Мария Николаевна Волконская говорит, что "Жених знал ее еще в отроческом возрасте. Это было прелестное создание во всех отношениях и жениться на ней было большим счастием для Ивашева. Свадьба состоялась при менее мрачных обстоятельствах, чем свадьба Анненкова. Не было больше кандалов на ногах, жених вошел торжественно со своими шаферами, хотя и в сопровождении солдат, но без оружия. Я была посаженной матерью молодой четы. Все наши дамы провожали их в церковь. Мы пили чай у молодых и на другой день у них обедали. Наконец мы возвращаемся к светским обычаям, не работаем больше на кухне, имея для этого прислугу".

Декабрист князь А.М. Одоевский посвятил Ивашевой длинное стихотворение, которое кончается следующими строфами:

" С другом любо и в тюрьме,
" В душе мыслит красна девица,
" Свет он мне в могильной тьме,
" Встань, неси меня метелица,
" Занеси в его тюрьму,
" Пусть, как птичка домовитая,
" Прилечу и я к нему,
" Притаюсь, людьми забытая."

Всего 9 лет продолжалась семейная жизнь Ивашевых. Камилла Петровна умерла 30-го Декабря I839 г. от родильной горячки, через пять дней после преждевременного рождения и смерти ее четвертого ребенка Елизаветы.

Над могилой Ивашевых был поставлен памятник - мраморная пирамида. На ее четырех сторонах были высечены надписи. На первой: "Здесь погребены тела Василия Петровича Ивашева и его супруги Камиллы Петровны, урожденной Ле Дантю. Он родился I794 года, I3 Сентября, скончался I840 г. 28 декабря. Она родилась I808 г., I7 Июня, скончалась ..... ". На другой стороне "Придите ко Мне труждающиеся и обремененные и Аз упокою вы". На третьей "Здесь подле них погребено тело их дочери младенца Елизаветы. Родилась I839 г. Декабря 25, скончалась .....". На четвертой стороне надпись совершенно исчезла, отчасти стертая временем, но главным образом стараниями малокультурных посетителей:

После смерти Ивашева в Сибири осталось трое малолетних детей. Петр, женившийся впоследствии на Екатерине Александровне Лебедевой, Мария, вышедшая замуж за книгоиздателя Константина Васильевича Трубникова, Вера замужем за книготорговцем Александром Александровичем Черкесовым. Дети были записаны в метрических книгах, согласно правилам, относящимся к детям декабристов рожденных в Сибири, под фамилией Васильевых и только спустя несколько лет после возвращения в Европейскую Россию им была возвращена фамилия отца.

Первое время до приезда в Сибирь их бабушки Марии Петровны Ле Дантю, о них заботился большой друг Ивашева декабрист Пущин, затем они были перевезены бабушкой в Россию и жили у тетки Ивашева княгини Хованской.

Ивашев обладал большими музыкальными способностями. Он был учеником знаменитого в свое время пианиста Фильда. В Сибири им было написано несколько музыкальных вещей для квартета декабристов, от которых осталось мало следов.

Романс "Рыбак".
Слова и музыка Ивашева. Подражание баллады Гете того же названия.

"Волна шумит, волна бушует и с пеною о берег бьет.
"На берегу сидит, тоскует младой рыбак и слезы льет.
"Грозой челнок его разбило, напрасны были все труды.
"Погиб, но белое ветрило еще мелькает из воды.
"То погрузится, то всплывает, как бы прощаясь с рыбаком,
"Так пламя жизни догорает с весной в страдальце молодом".

"ИЗ СТАРЫХ ГАЗЕТ"

В Петербургской газете "Голос" от 8-го Сентября I882 года было помещено описание полкового праздника Кавалергардского полка, первого после назначения Шефом полка Государыни Императрицы Марии Федоровны.

"В Воскресение 5-го Сентября, в Петергофе происходил церковный парад Кавалергардского Ее Величества полка. В II часов

утра, полк в парадной форме, в пешем строю построился в развернутом фронте на Дворцовой площади, имея на правом фланге свой полковой штандарт и хор трубачей.

"Против фронта, в сторону Нижнего парка, были разбиты две белые, царские, соединенные в одну, палатки, живописно обставленные весьма редкими растениями из Петергофской Императорской оранжереи. Здесь сгруппировались полковые дамы и дамы свиты, одетые в белые с красной отделкой высокие платья - цвета Кавалергардского полка. Каждой прибывающей даме подносился от полка букет живых цветов. Публика живой гирляндой протянулась вдоль решетки площади, почти до правого фланга выстроенного полка, где находились Высочайшие Особы и начальствующие лица.

"Ровно в I2 часов Их Императорские Величества с Их Императорскими Высочествами Наследником Цесаревичем Георгием Александровичем и Великой Княжной Ксенией Александровной прибыли из Александрии в открытых экипажах. Государыня имела в руках роскошный букет цветов, поднесенный Ее Величеству еще утром, как Шефу полка, командующим Кавалергардским полком флигель-адъютантом полковником Шиповым.

"Его Величество принял рапорт, обошел фронт полка, поздоровался с ним и поздравил его с праздником. Громовое ура Кавалергардов слилось со звуками Народного Гимна.

"Кроме Государыни и Августейших Детей, в палатке находились Великая Княгиня Екатерина Михайловна с дочерью Герцогиней Еленой Георгиевной, Принцесса Евгения Максимилияновна Ольденбургская, супруга Герцога Лейхтенбергского Терезия Петровна и Владетельный Князь Черногорский в своем великолепном национальном костюме.

"После молебна и церемониального марша и относа штандарта с известной церемонией, в Большом дворце был сервирован завтрак на I50 кувертов, на который были приглашены все Кавалергардские офицеры. Государь Император провозгласил тост за здоровье Кавалергардского полка. За завтраком играли, по-переменно, два оркестра музыки: придворным и Лейб-Гвардии Преображенского полка.

"Князь Черногорский пожаловал Черногорский орден Князя Даниила I-ой степени Министру Императорского Двора графу Воронцову-Дашкову, генерал-адъютанту Рихтеру, обер-гофмаршалу Нарышкину и 2-ой степени командующему Кавалергардским полком флигель-адъютанту полковнику Шипову и штаб-офицерам названного полка полковникам Дубенскому и Пашкову.

"Вечером в Большом дворце был блестящий бал, на котором, кроме Высочайших Особ, были Князь Черногорский, Японский Принц Арисугава, все офицеры полка и полковые дамы. Всего было около 250 приглашенных."

В том же номере имеется описание посещения Японским Принцем Кронштадта. "Встреченный адмиралом Казакевичем, всеми начальствующими лицами и почетным караулом от I-го Флотского

экипажа, Принц осмотрел библиотеку, минный класс, арсенал, торпедную и минную мастерские, доки, корабль Петр Великий и форты Константин и граф Милютин.

"После завтрака на пароходе Ильмень, с обычным обменом тостов, адмиралом Казакевичем был представлен Принцу его соотечественник, работавший в динамо-электрической мастерской, Японец Сонне-Сакое, приехавший сюда учиться.

БЕЖЕНЦЫ

В прошлом номере нашего Вестника С.А. Безобразов в своей статье "У Эриванцев" подробно описал трагедию мирного населения во время Первой Мировой войны. Беженцы. Сколько горя, сколько физических и душевных мучений выпало на долю жителей пограничных и прифронтовых районов, в особенности во времена неудач на фронтах, при нашем отступлении.

Беженцы - явление не только наше, русское. То же самое испытало население Восточной Пруссии в 1914 году, конечно в меньшей мере, потому что наступление наших армий было не столь продолжительным и выдвижение внутрь Пруссии не таким глубоким.

Мысленно возвращаясь в давно-прошедшие пережитые годы, нельзя забыть вереницы немецких подвод, до-верху нагруженных подушками, пуховиками и всяким домашним скарбом, с восседающими на них женщинами всех возрастов и детьми, запряженных добротными Бранденбургскими конями, со стариком возницей с неизменной длинной, пенковой трубкой во рту.

В дополнении к рассказу С.А. Безобразова, помещаем здесь выдержки из записок сестры 41-го передового отряда красного креста, неизменного и постоянного спутника полков 1-ой Гвардейской кавалерийской дивизии А.М. Звегинцовой, которая, подобно С.А. Безобразову, описывает трагедию беженцев.

"29-го Августа 1915. (Числа по старому стилю. Ред.). В местечке Таурогине у нас был короткий привал, во время которого туда пришел разъезд Кирасир Ее Величества из отряда генерала Арсеньева. Наконец связь нашей дивизии с его отрядом была восстановлена.

"Наши полки заняли позицию на перешейках между озерами и начали быстро окапываться. Бой постепенно разгорался и немецкие снаряды стали рваться не так далеко от нашего перевязочного пункта. Нам было приказано оттянуть наш пункт верст на 2 по шоссе. К этому времени у нас уже было около 10-ти раненых Кавалергардов и Александрийцев, к счастью все легко.

"Простояли мы на новом месте около часа, как, громыхая по шоссе стали тянуться разные обозы, в перемежку с подводами беженцев. Все шоссе было ими забито и нам опять приказали отойти еще версты на три.

"Ночевали в почти пустой деревне. Я не помню ее названия, но хорошо помню несчастных хозяев, которые вечером должны были покинуть свой дом. Было приказано всем жителям уходить в Двинск.

"Это было, мне кажется, страшная ошибка. Тысячами тянулись беженцы по шоссе. Более счастливые в повозках, другие пешком - старики, старухи, женщины с детьми. Все это, обливаясь слезами, с плачем бросали свои дома и спешили в Двинск. Но там их накопилось такое множество, что не хватало поездов для их отправки вглубь страны, и многие, очень многие там умерли с голоду и от холеры, которая развилась в Двинске.

"Помню, как отец и мать с маленькой девочкой покидали с плачем свой дом. Выйдя за околицу, девочка , вдруг, побежала обратно в дом и сорвала себе на память цветочек из своего сада. Бог знает, что с ними стало. Вернулись ли они когда-нибудь домой, нашли ли его целым или умерли. Грустно и тяжело было смотреть на этих насчастных.

"К утру нас еще раз передвинули по шоссе, почти к самому Александровску. Все это время беженцы тянулись сплошной массой. Помню плелась старая, старая старушка, ведя за руку маленькую трехлетнюю девочку.

"Раненых мы уже всех сдали в Александровск и смогли развернуть нечто вроде питательного пункта, при помощи наших запасов, отрядной кухни. Кавалергарды, по просьбе нашего уполномоченного Болотова, прислали нам весь свой хлеб, что у них был в обозе.

"Помню, как в толпе я увидела маленькую девочку, которая плакала навзрыд. Она потеряла свою мать и не могла ее найти. Рядом стояла наша отрядная бричка. Я села в нее, взяла с собой девочку и рысью поехала вдоль шоссе. Не успела проехать версту, как я нашла ее мать, всю в слезах и которая звала свою дочь. Она совсем обезумела от счастья и только повторяла "Сестрица, сестрица, Бог тебя нам послал".

"К вечеру мы роздали все, что у нас было. Прошли через Александровск, где пополнили наши медицинские и пищевые запасы, бензин, шины, свернули с шоссе и больше этого ужаса на видели".

ВОЛОКОЛАМСКИЙ ГЕРОЙ

Воспоминания С.А. Безобразова.

В самом конце прошлого столетия проживал в Волоколамске некий князь - вернее наезжал, так как постоянного местожительства, ни в уезде, ни в городе у него не было.

Он появлялся неизвестно откуда, стоял по несколько недель у соборного протопопа и пропадал опять надолго, неизвестно куда.

Все его знали, бывал он на дворянских приемах, обедах, но к себе никогда на звал - да и звать было некуда - ни усадьбы, ни поместья.

Был он не один, а сам третий - жена, лошадь, да он. Жена цыганка - черноокая, чернобровая, пухлая. Увез ее насильно из табора Московского Яра, угрожая пистолетом, повез ее к венцу, куда-то в Замоскворечие, где и повенчал их старенький батюшка. Испуганная "молодая", поневоле согласилась, потом привыкла и осталась жить у своего князя.

Так они кочевали по губернии - она, лошадь и князь. Кочевали в старом ободранном тарантасе. Князь разъезжал по поместьям обыкновенно один верхом на своем желто-гнедом "Огоньке", оставив жену на попечении жены протопопа, всегда затянутый в черкеску с гозырями или закутанный в черную бурку. На Кавказе князь никогда не был и кроме Валдая никаких гор не видал, но впечатление производил прирожденного кавказца - времен Пушкина или Лермонтова.

Князь славился необычайной силой и не было в уезде усадьбы или трактира, где бы не было серебряных ложек, свернутых штопором железными руками гостя. Он был крайне самолюбив и горе тому, кто тоже пробовал закручивать ложки; это был вызов и князь не успокаивался пока возможный конкурент не был посрамлен публично.

На большом дворянском обеде, в Белой Колпи у князя А.А. Шаховского, Ярополецкий земский начальник Петр Митрофанович Купчинов, набравшись бодрости в нескольких стаканах домодельной настойки, красный от возбуждения, доказывал собравшемуся обществу, что он Купчинов легко, одной рукой может выжать два пуда. Заявление это произвело впечатление особенно среди дам и Купчинов немедленно сделался героем.

Тут же присутствовавший князь этого вынести не мог. Разгоряченный той же настойкой, он кричал: "Где ему ! Еще на днях мы с ним ходили на реку - не руки, а мармелад. Смотреть противно!".

Петр Митрофанович, после длинного обеда, благополучно засыпавший в своем кресле, вскочил, словно ужаленный. "Милостивый государь!" вскричал он, "Я мармелад ? Я, Петр Митрофанович Купчинов вызываю Вас на состязание. Посмотрим, кто мармелад". Дворяне пришли в восторг от такого вызова и тут же было решено устроить состязание в Ивановском, у предводителя дворянства, которым тогда был мой отец. Состязание было назначено на Воскресение, через две недели. Отец, конечно, пригласил всех присутствующих к себя в Ивановское на состязание и на обед после.

Кажется еще никогда Ивановская усадьба не видала столько троек, пар, четвериков, поминутно въезжавших в широкие ворота

между двумя невысокими белыми башнями, похожими на ладьи в шахматной игре - продукт творчества какого-то предка, любителя доморощенной архитектуры.

Высадив у подъезда гостей, кучера еще долго водили шагом вдоль дороги потных, взмыленных, разгоряченных коней.

Красный двор, после душного Июльского дня, объятый вечерней прохладой, утопал в запахах свежеполитых цветов, пахнувших теперь особенно чудесно. Посреди зеленого круга, вокруг толпы ярко-красных канн, на белых садовых скамьях расположились гости. Тут же недалеко разместился Ивановский балалаечный хор под управлением учителя приходской школы Сергея Николаевича. Все его звали так, а фамилию никто не знал.

Сергей Николаевич обладал необычайно густой гривой на голове и небольшой интеллигентской бородкой. "Наверно революционер" говорили благомыслящие Волоколамцы. Но это не мешало ему в торжественных случаях - приезда митрополита или главнокомандующего Великого Князя Сергея Александровича - с воодушевлением отбарабанивать "Славься ты славься" и даже "Боже Царя храни". Но все же, как-то нагрянувшая полиция с исправником во главе забрала Сергея Николаевича с полной корзиной запрещенной литературы.

Хор из 30 ребят в белых косоворотках, с красными поясами и круглыми шапками, отороченными павлиньими перьями, был организован отцом и являлся достопримечательностью уезда. Играли они действительно хорошо и такого другого хора трудно было сыскать во всей губернии.

Тут же открыто и нахально шумел другой хор, шумевший не хуже базарной толпы, никем не приглашенный. Высокие древние березы вдоль дороги и у церкви, были покрыты гнездами и там, на верхушках, шел безостановочный бой.

Вороны и галки дрались из-за гнезд, из-за лучших мест. Перья летели во все стороны и победители, выгнав законных владетелей, твердо устраивались на чужих местах, пока не выгоняли их следующие.

Борьба эта шла безостановочно, неутомимо, сопровождаемая оглушительным карканием победителей и жалобными криками побежденных. Кресты над куполом и колокольнями были черны от ворон, сидевших тесными рядами и следивших за борьбой, всегда готовых вмешаться и урвать себе что-нибудь.

В этот день, не считаясь с торжеством внизу, вороны, не стесняясь, продолжали свои драки, стараясь заглушить хор балалаечников и говор многочисленных гостей. Но Волоколамцы, как и все настоящие русские люди, выросли под звуки вороньего карканья, и вороны, со всем их шумом и нахальством, были чем-то родным, своим.

У скамеек, на белом круглом столе, лежал на подносе бараний бурдюк с белым кахетинским вином. Бурдюк этот прислал отцу князь П.Н. Трубецкой, тогда губернский предводитель дворянства. Кахетинское возымело большой успех у Волоколамских дворян и с тех пор такие бурдюки выписывались многими прямо с Кавказа.

Купчинов любил выражаться по-французски, хотя говорил на этом языке плохо. То были счастливые времена, когда знание французского языка придавало говорящему особый блеск культурности.

Уже гости взялись за вторые стаканы кахетинского со льдом, когда в широкие ворота внесся на полном скаку кавказский джигит. Лихо обскакав круг, князь круто осадил коня у подъезда и, бросив повод на шею лошади, соскочил с коня. Огонек, знавший привычки хозяина, неторопясь отправился щипать лопухи под старыми липами у белокаменной ограды.

Купчинов уже давно приехал и все удивлялись его спокойствию и уверенности в себе. Сторож, кряхтя, приволок из нашей конторы тяжелую, двух-пудовую, черную гирю и бросил ее на траву. Купчинов привез свою и с помощью кучера, еле дотащил ее с конного двора.

Противники стали у своих гирь. Судьей был местный помещик Григорий Григорьевич Языков, славившийся знанием, входившей тогда в моду "шведской гимнастики". Ввиду моего возраста, доступ на круг мне был запрещен, и я смотрел из окна нашей классной комнаты.

Вот князь нагнулся, схватил гирю за кольцеобразную ручку, приподнял ее, с трудом согнул руку в локте и начал выжимать кверху. Мускулы его напряглись, шея, лицо стали темно-красными, жилы на висках вздулись и тихо, тихо гиря начала подыматься. Был момент, когда, казалось, князь не выдержит, ноги его согнулись и весь он задрожал, как дерево перед последним ударом дровосека. Но овладев собой, он сделал последнее усилие и гиря теперь висела над его головой на вытянутой руке.

Продержав гирю несколько мгновений, князь выпустил ее из рук и отскочил назад. С тупым звуком гиря упала на траву и даже не качнулась. Умолкшие гости разразились аплодисментами, а хор грянул "Славься ты славься". О Купчинове больше никто не думал.

Маленький, толстый Купчинов, ничуть не смущаясь, подошел к своей гире, схватил ее за кольцо, легко, как бы шутя, поднял ее выше головы, потом опустил, раскачал и изо всей силы подбросил высоко наверх, на уровень второго этажа, как мне казалось из моего окна.

Зрители замерли и наступило полное молчание. "Что!" - раздался голос князя, "Что такое ?". Он быстро подошел к упавшей гире, поднял, посмотрел на всех кругом и далеко отшвырнул

ее. Потом, вскочив на коня, громко бросил Купчинову "Свинья" и ускакал так быстро, что никто ничего не успел сказать. А Купчинов, довольный своей проделкой, заливался быстрым, мелким смехом, приговаривая: "теперь мы с ним до за до, дас, до за до". Гиря оказалась деревянной, искусно покрашенной в черную краску.

После этого происшествия князь исчез из Волоколамска недели на три, после чего его можно было видеть в трактире вместе с Купчиновым, дружелюбно распивающим местную мадеру, которую трактирщик "для силы" безбожно заправлял спиртом из местной аптеки. Волоколамцы люди добродушные и старые обиды забывались быстро.

Отец был большой любитель рысистого спорта и организовал "Волоколамское Беговое Общество", членами которого были большинство помещиков и некоторые Волоколамские купцы. Сам же он из года в год избирался председателем Общества. У въезда в Волоколамск был обнесен изгородью беговой круг, выстроены трибуны и судейская беседка.

День открытия был назначен на последнее Воскресение Августа. Уже третью неделю безостановочно шел дождь - мелкий, серой сетью заволакивающий горизонт. Тот кто не жил в Волоколамском уезде, не может себе представить, что делалось в эти дни на дорогах. Размоченная глина, липкой кашей облепляла колеса по ступицу. Ноги проваливались так глубоко, что сапоги неизменно застревали в вязкой каше и пешеходы брели по колено в грязи, неся сапоги за спиной.

Если бы не бесконечные дожди, все было бы чудно. Весело развевались еще непросохшие флаги. Трибуны были полны местной знатью. Народ со всех окрестностей толпами обступил изгородь и, несмотря на дождь, с раннего утра терпеливо ждал любопытное зрелище.

Всего должно было быть три заезда и на каждый было записано лошадей по пяти. Лошади бежали запряженные в обыкновенные дрожки под дугой, хомутом, шлеей и седелкой.

Князь пробовал записаться, но дрожек у него не было, а кроме того его "экипаж" не подходил к такому состязанию. Ему отказали. Он долго спорил с комитетом, доказывая, что Огонек не хуже других и вполне может бежать рысью под седлом. Но все его усилия были напрасны и его окончательно отставили.

Для князя это было не простое состязание, а случай, где он мог бы прославиться, оказаться героем. Три недели князь носил в душе горькую обиду и жаждал мести. Но как ? Этого он не знал и оставалось ему только злиться, сидя за чашкой чая у соборного протопопа.

Наконец наступил великий день, который я помню очень ясно и по сей час.

Дождь прекратился, но небо продолжало быть серым. Трибуны, особенно издали, были похожи на огромный цветник. Так много флагов развевалось над ними, так много было дамских шляп с цветами, лентами и крыльями всяких птиц. Совсем Парижский Лоншан.

Первый заезд появился на кругу. Шагом прошли пять беговых дрожек мимо трибун, завернули назад и выстроились против судейской беседки. На каждой лошади свой номер и выглядело все это очень основательно. Бег должен был начаться по третьему звонку. Отец ударил в колокол - раз, два, три. Лошади рванулись вперед и легкие дрожки, обгоняя друг друга, понеслись по кругу. Шли хорошо без сбоя, хорошей широкой рысью. Уже бегуны прошли три четверти круга. Впереди легко вел "Петушок" отца.

У самого заворота произошло замешательство, смятение. На полном скаку, немилосердно отбивая нагайкой бока своего Огонька, князь, перемахнув через ограду аршина полтора высотой, несся галопом вслед уходившим дрожкам.

Разбрасывая тяжелые комья жидкой глины, он скакал теперь на уровне дрожек. Лошади, чувствуя обгоняющего соперника, шли все резвее и резвее. Некоторые начали сбиваться на галоп, другие просто скакали полным ходом и, несмотря на усилия ездоков, вся ватага со всадником во главе, в безумной галопаде, пронеслась мимо трибун.

Достигнув своего, пройдя столб первым, князь огрел коня плеткой, опять махнул через забор и скрылся с глаз. Так кончился первый заезд Волоколамского Бегового Общества. Бег был аннулирован и перенесен на следующее Воскресение.

Помню серебряную корзину, стоявшую на камине в кабинете отца. На ней выгравировано "Петушок. А.Ф. Безобразова. I-й приз Волоколамского Бегового Общества". Князь же исчез окончательно с Волоколамского горизонта.

Как сейчас стоит передо мной последнее видение. Впереди скачет князь в черкеске с гозырями, неустанно размахивая нагайкой. Он весь шеколадный - лицо, руки, черкеска забросаны коричневой глиной.

Глубоко оскорбленный купец Жданов говорил потом: "А вот говорят из грязи в князи. А тут вышло наоборот. Мы хотя и купеческого звания, а на такие дела неспособны".

О ДУЭЛЯХ ОФИЦЕРОВ И БЫВШИХ ОФИЦЕРОВ КАВАЛЕРГАРДСКОГО ПОЛКА

В прошлогоднем номере нашего Вестника, в биографии корнета П.П. Свиньина было упомянуто его участие в качестве секунданта в дуэли его однополчанина корнета В.В. Пусловского с отставным артиллерии штабс-капитаном Гедеоновым.

Это была одна из тех многочисленных дуэлей, обычай которых был занесен в Россию французскими эмигрантами и которыми насыщены и пересыщены царствования Императоров Александра I-го и Николая I-го. Дуэли двух Кавалергардов Дантеса с Пушкиным и Мартынова с Лермонтовым, следствием которых была безвременная смерть двух русских выдающихся поэтов и писателей, долгие годы служили и продолжают служить и по настоящее время предметом многочисленных изысканий и трудов.

Кончилась последняя война с Наполеоном. После долгих лет тяжелых походов и боев большинство гвардейских офицеров, в том числе и Кавалергардские, вернувшись домой в мирную обстановку, с головой окунулись в бурную светскую и полусветскую жизнь столичной золотой молодежи. Привыкшие проливать свою и чужую кровь, и для которых своя и чужая жизнь была "копейка", они относились к ней - к этому высшему Божьему дару - к жизни - с непонятным теперь легкомыслием.

Дуэль штабс-ротмистра Василия Васильевича Шереметева (Сб. Биогр. Кав. Т.3, стр. 241) с камер-юнкером графом Александром Петровичем Завадовским - сыном фаворита Императрицы Екатерины Великой, особенно ярко характеризует "атмосферу" нравов столичного Петербургского общества и света.

Кроме самих соперников, в этой дуэли был замешан целый ряд других лиц : подпоручик Гвардейской артиллерии барон Строганов, Лейб-Гвардии Уланского полка корнет Александра Иванович Якубович - будущий декабрист -, князь Александр Александрович Шаховской, заведовавший репертуарной частью в Театральной Дирекции и сам сочинитель многих театральных пьес, доктор Ион, Александр Сергеевич Грибоедов, Лейб-Гусар Петр Павлович Каверин, о котором Пушкин упоминает в Евгении Онегине:

" Пади ! Пади ! раздался крик.
" Морозной пылью серебрился
" Его бобровый воротник.
" К Talon помчался. Он уверен,
" Что там уж ждет его Каверин".

и, наконец, сама виновница дуэли балерина Евдокия Ивановна Истомина. Увлекавшийся ею одно время Пушкин в звучных стихах описал ее выход на сцену:

" Театр уж полон, ложи блещут,
" Партер и кресла - все кипит
" В райке нетерпеливо плещут,
" И, взвившись, занавес шумит.

" Блистательна, полувоздушна,
" Смычку волшебному послушна,
" Толпою нимф окружена,
" Стоит Истомина. Она

" Одной ногой касаясь пола
" Другою медленно кружит,

" И вдруг прыжок, и вдруг летит,
" Летит, как пух из уст Эола,
" То стан совьет, то разовьет,
" И быстрой ножкой ножку бьет..."

Года за два до дуэли состоялся первый выход на сцену в качестве прима-балерины "казеннокоштной воспитанницы Императорского Театрального Училища Авдотьи Истоминой" в роли Галатеи в балете, известного в те времена балетмейстера Дидло, "Ацис и Галатея".

Еще задолго до этого дня, среди балетоманов, среди Петербургского света и золотой молодежи, только и было разговоров о необычайном таланте и красоте молодой 17-ти летней "танцорки". Дебют был блистательный. С первых шагов она покорила и очаровала всех. Кого своим талантом, кого своею красотой. Сцена была завалена цветами; рукоплесканиям и вызовам не было конца.

Главным центром театральной жизни столицы являлось, в те времена, Императорское Театральное Училище, помещавшееся на Екатерининском Канале у Львиного мостика, недалеко от Фонарного переулка. В него принимались только "дети свободного состояния" для обучения "драматическому и балетному искусству".

Грозой Училища был балетмейстер Дидло. Знаменитый трагик Каратыгин говорил о нем, что "Он был легок на ногу и тяжел на руку. В ком находил он больше способностей, на того обращал больше внимания и щедро награждал колотушками".

Яркое описание училищной жизни оставил Лермонтов в своем "Монго" :

" Встаешь, бывало, утром рано,
" Бренчит уж в зале фортепьяно,
" Поют все врознь, трещит в ушах,
" А тут сама, поднявши ногу,
" Стоишь, как аист на часах".

По окончанию уроков, репетиций, будущих балерин и актрис увозили домой.

" В кареты всех сажают нас
" Тут у подъезда офицеры
" Стоят все вряд, порою в два.
" Какие милые манеры
" И все отборные слова.

" Иных улыбкой ободряешь,
" Других бранишь и отгоняешь;
" Зато, вернувшись лишь домой,
" Директор порет на убой.

" Ни взгляд не думай кинуть лишний,
" Ни слова ты сказать не смей,
" А сам - прости ему Всевышний -
" Ведь уж какой прелюбодей".

Служивший при Театральной Дирекции писатель-драматург, действительный статский советник, князь А.А. Шаховской, присутствуя на репетициях, если не "порол на убой", то "ругал на пропалую". "Ты, миленькая, дурища ! Уха у тебя нет. Где у тебя размер стиха ? В прачки тебе идти надо". Доставалось и самому Каратыгину. "Зарычал ! Зарычал! На ярмарках в балаганах тебе играть!" Доставалось также и другому, тоже хорошему актеру, Сосницкому. "Опять зазюзюкал, миленький, ведь ты с придворной дамой говоришь, а не с горничной. Что губы сердечком складываешь. Раскрывай рот !"

За все время своего существования, Театральное Училище дало целый ряд выдающихся, талантливых актрис, актеров, балерин и танцоров, а сам балет был поставлен на такую выдающуюся, исключительную высоту, которая до сих пор нигде и никогда не была превзойдена.

Рядом с Театральным Училищем был дом, принадлежащий итальянскому выходцу Джульяно Септи. В нем помещался, содержимый им, "Готель дю Норд" и его же "Северный Трактир".

В этой гостиннице "Для господ путешественников и приезжих имелись чистые и хорошо меблированные комнаты, хороший стол, наемные кареты и служащие, кои говорят на разных языках в Европе употребляемых".

В Северном Трактире в ненастные, дождливые, осенние дни, в холодные, зимние вечера собирались гвардейские офицеры и золотая молодежь в ожидании выхода предметов своих поклонений - молодых актрис и балерин - тех самых

" Красотки молодые, которых, позднею порой,
" Уносят дрожки удалые по Петербургской мостовой".

Среди поклонников этих "молодых красоток" был и сам Санктпетербургский генерал-губернатор граф Михаил Андреевич Милорадович, сподвижник Суворова и герой всех войн Александровской эпохи, покровитель балерины Телишевой, Никита Всеволодович Всеволожский, в письме к которому Пушкин вспоминал, как он однажды сопровождал его в Училищную церковь "да помолишься ты Господу Богу и нагляцишься на госпожу Овощникову" - предмет поклонения Всеволожского. Ему жу Федор Глинка посвятил экспромт:

" Он весел, любит жизнь простую,
" И страх, как всеми он любим,
" И под кафтаном золотым
" Он носит сердце золотое.

" Зимой живет он в Петрограде
" Для службы, света и связей,
" А летом он гостит в Отраде
" И сам отрада для гостей".

И еще родственник Всеволожского Гвардейский Конно-Егерь Павел Борисович Мансуров, предметом поклонения которого была

молодая ученица Театрального Училища Крылова. Ее упоминает Пушкин в послании к Мансурову:

" Мансуров, закадычный друг,
" Надень венок терновый !
" Вздохни, и рюмку выпей вдруг
" За здравие Крыловой".

Лейб-Улан Якубович, нарядившись сбитеньщиком, проникал за кулисы и угощал всех шампанским. Сенатский чиновник Хлопов, под видом костюмерного подмастерия, довольно неловко помогал переодеваться актрисам и балеринам. Гвардейские офицеры, одев солдатские шинели, появлялись за кулисами, под видом музыкантов или трубачей и, наконец, автор "Горе от Ума", Грибоедов, легкомысленный виновник смерти Шереметева.

Грибоедов был давнишним приятелем Шереметева. Он отлично знал взаимные отношения Истоминой и Шереметева и нередко бывал вместе с ними в разных увесилительных местах. За год до дуэли он писал другому своему другу поручику Кавалергардского полка Степану Никитичу Бегичеву (Сб. Биог. Кав. Т.3, стр. 255): "Квартира у меня славная, как приедешь, прямо у меня остановись. На Екатериненском Канале у Харламова моста, угольный (угловой) дом Валька. Приезжай, приезжай скорее ! В Воскресение я с Шереметевым и Истоминой еду в Шустер-Клуб: когда бы ты был здесь и ты бы подурачился с нами. Сколько здесь портеру и как дешево".

Дружба Грибоедова с Бегичевым началась еще с 1813 года, когда Грибоедов служил в Иркутских гусарах, входивших в отряд генерала А.С. Кологривова, у которого адъютантом был Бегичев. Бегичев был большим ценителем таланта Грибоедова, постоянно отвращал его от пустых, праздных развлечений, всеми силами поощрял его литературные занятия и не раз выручал его, помогая деньгами "без чего корабль Грибоедова остался бы на мели".

Грибоедов никогда не мог забыть свой необдуманный поступок и свою косвенную вину в дуэли с ее трагическим концом. Никогда не мог забыть своего друга "бедного Васю" и эти тяжелые воспоминания и угрызения совести отразились на всей его дальнейшей жизни и судьбе.

В своем "Путешествии в Арзум", Пушкин говорит, что "Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками. следствие пылких страстей и могучих обстоятельств. Он почувствовал необходимость расчесться раз и навсегда со своей молодостью и круто повернуть жизнь. Он простился с Петербургом и с праздной рассеянностью".

Грибоедов простился с Петербургом и уехал на Кавказ. Эти "некоторые облака", о которых упоминает Пушкин, были, вероятно, причиной, заставившей декабриста А.А. Бестужева, отправленного на Кавказ рядовым и писавшим там под псевдонимом Марлинского, первоначально избегать знакомства с Грибоедовым. "Я был предубежден против Грибоедова, говорит он в своих воспоминаниях,

рассказы об известной дуэли, в которой он был секундантом, мне были переданы его противниками в черном виде".

12-го Ноября 1817 года Шереметев был смертельно ранен на дуэли графом Завадовским. Следствие, произведенное полковником Кавалергардского полка Сергеем Петровичем Ланским (Сб. Биогр. Кавал. Т.3, стр. 130) совместно с полицмейстером полковником Ковалевым, выяснило следующее.

"9-го Ноября в 4 часа по полудни Шереметев, вместе с Лейб-Гвардии Уланского полка корнетом А.И. Якубовичем, приехал на квартиру к графу Завадовскому и потребовал от него "тотчас драться на смерть". Завадовский попросил дать ему время пообедать, на что Шереметев согласился и уехал домой.

На следующий день Шереметев, в сопровождении того же Якубовича, были вновь у Завадовского. Находившийся у Завадовского, вероятно в качестве будущего секунданта, подпоручик Гвардейской артиллерии барон Строганов, тщетно отговаривал Шереметева от дуэли, но последний, хотя и признавал, что он "ничем не обижен", все же настаивал, что поединок должен быть смертельным.

По условиям поединка, барьер был установлен на 18 шагов. 10-го место предстоящей встречи не было еще выбрано, 11-го сильная метель помешала поединку и только 12-го в 2 часа дня противники сошлись на Волковом Поле.

Первым стрелял Шереметев и оторвал край воротника Завадовскому. Выстрел Завадовского попал Шереметеву в бок и живот. Якубович отвез Шереметева на его квартиру, где он скончался на следующий день в 5 часов 3/4 вечера."

На этом кончаются данные официального расследования, о котором можно сказать, что велось оно более чем поверхностно. Почему-то было обойдено полным молчанием то обстоятельство, что дуэль должна была быть двойной и все внимание следователей было обращено, главным образом, на выяснение "любовной", светской стороны дуэли, ее завязки и развязки.

Первым должен был стреляться Шереметев с Грибоедовым. Вторым Якубович с Завадовским, но в последние минуты, порядок встречь, по не выясненным причинам, был изменен. Шереметев стрелялся с Завадовским, а Якубович должен был стреляться с Грибоедовым, но, вследствии тяжелого ранения Шереметева, дуэль Якубовича с Грибоедовым, по их общему согласию, была отложена. Она состоялась год спустя 23-го Октября 1818 года в окрестностях Тифлиса, недалеко от селения Куки.

Якубович ранил Грибоедова в руку. "По крайней мере играть перестанешь", сказал Якубович после дуэли. Грибоедов был отличным пианистом. 11 лет спустя рана, нанесенная Якубовичем, дала возможность опознать труп Грибоедова среди изрубленных Тегеранской чернью членов Русского Посольства в Персии. В это время Грибоедов занимал место секретаря посольства.

Секундантами на дуэли были: у Якубовича будущий Наместник на Кавказе, Гвардейского Генерального Штаба капитан Николай Николаевич Муравьев, у Грибоедова служащий, как и он в дипломатической миссии, Андрей Карлович Амбургер. Врачем при дуэли был, приглашенный Муравьевым, доктор Миллер.

Описывая дуэль, Муравьев в своем дневнике говорит: "Тот день Грибоедов провел у меня, рана его была неопасна, Миллер сказал, что он в короткое время оправится. Дабы скрыть поединок, мы условились сказать, что были на охоте, Грибоедов свалился с лошади, которая наступила ему на руку. Якубович теперь бывает вместе с Грибоедовым и, по обращению их друг с другом, никто бы и не подумал, что они стрелялись.

"Я думаю, что еще никогда не было такого поединка: совершенное хладнокровие у всех, ни одного неприятного слова между Якубовичем и Грибоедовым: напротив того, до самой той минуты, как стать к барьеру, они мирно разговаривали между собой и после того, как секунданты их побежали за доктором, Грибоедов лежал на руках у Якубовича. В самое время поединка я любовался осанкой и смелостью Якубовича - вид его был мужествен, велик, особливо в ту минуту, как он после своего выстрела, ожидал верной смерти, сложа руки".

Хотя о состоявшейся дуэли знал, говорил и обсуждал "весь Тифлис", никаких последствий, ни для самих дуэлянтов, ни для их секундантов не было. Покровительство Ермолова Муравьеву сказалось и в этом.

Спрошенная на следствии, Истомина показала, что она "давно намеревалась по беспокойному характеру Шереметева и жестокими с ней поступками отойти от него". Однако, по мнению Петербургского света, дело было только в том, "что по юным летам своим, Шереметев ничем другим перед нею не провинился, как тем, что обмелел его карман".

3-го, рассказывала далее Истомина, она переехала на квартиру другой балерины Азаровой, а 5-го "в понедельник, когда она была в театре на танцах, то знакомый, как ей, так и Шереметеву, Ведомства Государственной Коллегии Иностранных Дел губернский секретарь Грибоедов, часто бывавший у них по дружбе с Шереметевым и знавший о ссоре ее с ним, позвал ее с собой к служащему при Театральной Дирекции действительному статскому советнику князю А.А. Шаховскому, к коему она, по благосклонности его, нередко заезжала, но, вместо того, завез ее на квартиру графа Завадовского, но не сказывая, что это его квартира, куда вскоре приехал и Завадовский, где, по прошествии некоторого времени, он предлагал ей о любви, но в шутку или на самом деле, того она не знает, но согласия ему на то объявлено не было, с коими, посидев несколько времени, была отвезена Грибоедовым на ее квартиру".

Грибоедов в это время жил на квартире Завадовского в доме крупного комерсанта Чагина, который вел обширную торговлю с Китаем. Через этого Чагина семьи декабристов, в особенности

Волконские, Трубецкие, Муравьевы и Лунин, получали негласным путем в Сибири крупные деньги от своих родных.

Грибоедов, со своей стороны, объяснил свой поступок, тем, что пригласил Истомину "единственно для того, чтобы узнать подробности, как и почему она поссорилась с Шереметевым и, как он жил за неделю на квартире графа Завадовского, то и завез ее на оную, куда приехал и Завадовский, но объяснялся ли он ей о любви, не помнит, но после отвез ее на квартиру".

Завадовский показал, что "он ее в театре, на лестнице лично приглашал к себе, когда она оставит Шереметева, но с кем она приехала к нему он не знает и о любви, может быть, в шутку и говорил и делал разные предложения". Но потом, на очной ставке с Грибоедовым, Завадовский, вдруг, вспомнил с кем приехала к нему Истомина и добавил, что "он ошибся, приняв приезд Истоминой на свой счет".

7-го Истомина, видя Шереметева в таком чистосердечном раскаянии, не желая его довести до отчаяния - Шереметев грозил застрелиться - она согласилась вновь переехать к нему". Но потом Шереметев, по словам Истоминой, замучил ее расспросами "не была ли она у кого-нибудь во время их ссоры" и под угрозой застрелить уже ее саму, вынудил от нее признание о поездке к Завадовскому и о роли Грибоедова. Все это и побудило Шереметева сделать вызов.

В конечном счете всей этой, в сущности банальной любовной истории, кроме самого Шереметева, пострадало только двое лиц. Якубович был переведен на службу на Кавказ в Нижегородский драгунский полк, а Завадовский был выслан на некоторое время за границу. Император Александр признал, что "убийство Завадовским Шереметева было совершено необходимостью законной обороны".

В самом конце двадцатых годов, отяжелевшая, и для балерины уже не молодая, Истомина вышла замуж за молодого актера Экунина. Ее брачная, и по-прежнему шумная жизнь, продолжалась не долго. Она умерла от холеры в Петербурге в эпидемию 1831 года, оставив "неутешному" вдовцу все свои многочисленные брильянты, которыми он не замедлил себя всего разукрасить: кольца, запонки, пуговицы на фраках, иголки для галстуха.

Другая дуэль, имевшая место в том же 1817 году, произошла между бригадным командиром 2-ой уланской дивизии Свиты Его Величества генерал-майором князем Сергеем Григорьевичем Волконским (будущий декабрист), и Волынским гражданским губернатором Варфоломеем Каэтановичем Гижицким. Помимо служебного положения обоих соперников, не имевших ничего общего с "золотой молодежью" столицы, причина дуэли и сама "атмосфера", которой она была вызвана, были совсем иные, чем те, что описаны в предыдущей дуэли Шереметева.

Создание Царства Польского, разные слухи о возможном расширении его границ за счет искони русских земель Белоруссии, Подолии и Волыни, как следствие неопределенных и туманных слов Императора Александра, вызвали, особенно на Волыни, ряд противорусских выступлений со стороны местной польской шляхты. Такое настроение польского дворянства и явилось причиной дуэли Волконского.

В Житомире ожидался приезд Императора Александра и по этому поводу в городе намечался ряд приемов, празднеств, обычно связанных с такими событиями, присутствовать на которых съехалось много помещиков, как русских, так и поляков.

Невольной жертвой такого большого съезда оказался обер-провиантмейстер 2-го резервного кавалерийского корпуса Олов. Чтобы предоставить помещение одному своему приятелю, приезжему польскому помещику, Волынский губернатор Гижицкий не нашел ничего лучшего, как приказать полицмейстеру выселить Олова из занимаемой им казенной квартиры.

Олов обратился к Волконскому, который в это время являлся старшим из военных начальников в Житомире. Спрошенный полицмейстер, не только подтвердил слова Олова, но и добавил, что губернатор приказал, в случае отказа Олова выехать из дома, вынуть все оконные рамы и это, несмотря на то, что жена Олова еще не оправилась от родов. Волконский пошел с полицмейстером к губернатору, чтобы добиться отмены незаконного приказания. Дальнейшее, как и сама дуэль подробно описаны Волконским в своих воспоминаниях.

По его словам Гижицкий был крайне возмущен вмешательством Волконского и его настойчивыми требованиями, и резко ему сказал, что "Tous les princes russes réunis ne m'imposeront pas à moi, Noble Polonais, et je m'étonne de votre démarche et de votre exigence".

На это Волконский ему ответил: "Si vous vous croyez offencé personnellement, vous pouvez en temps et lieu me demander satisfaction et je suis prêt à vous la donner, но дело, приведшее меня к Вам - дело служебное и должно быть разрешено немедленно в административном порядке. Благоволите теперь же, при мне, приказать полицмейстеру оставить господина Олова на его квартире, которую, кстати, Вы не имели права отнимать для кого нибудь из Ваших друзей соотечественников.

Настойчивость Волконского принудила Гижицкого отменить свое распоряжение.

После короткого пребывания в Житомире, Государь уехал в Варшаву и на следующий день Волконский получил вызов Гижицкого.

Чтобы избегнуть излишних толков и немного затемнить истинную причину дуэли, было решено, что у каждого из противников

будет по одному русскому и одному польскому секунданту. У Волконского были генерал-майор Засс (бригадный командир во 2-ой Кирасирской дивизии) и граф Станислав Потоцкий. У Гижицкого генерал-майор Иван Сергеевич Леонтьев и флигель-адъютант граф Артур Потоцкий.

Дуэль состоялась в окрестностях Житомира на пистолетах, с барьером на расстоянии 16 шагов. После обмена первыми выстрелами, которыми никто ранен не был, дуэль, по настоянию секундантов была прекращена и противники, в знак примирения, протянули друг другу руку.

Три года после этих двух дуэлей, 19-го Марта 1820 года состоялась дуэль между корнетом Кавалергардского полка Иваном Александровичем Анненковым (Будущий декабрист. - См. Вестник Кавалергардской Семьи 1967 г.) и Лейб-Гвардии Гусарского полка корнетом Владимиром Яковлевичем Ланским, во время которой Ланской был убит. О причинах этой дуэли нет никаких подробностей ни в истории Лейб-Гусар Манзея, ни в Сборнике Биографий Кавалергардов, в котором вследствии принадлежности Анненкова к тайным обществам, биография его не помещена.

Единственно, что известно, это степень наказания, наложенная по Высочайшему повелению на Анненкова. "Три месяца ареста при Главной Санкт-Петербургской Гауптвахте". И это все. Нет также указаний на то, кто был секундантами и каким наказаниям они подверглись.

Три года спустя, после только что описанной дуэли, под конец царствования Императора Александра, состоялась дуэль между начальником Штаба 2-ой Армии генерал-майором графом Павлом Димитриевичем Киселевым (Сб. Биогр. Кавал. Т.3, стр. 144) и бригадным командиром 19-ой пехотной дивизии генерал-майором Мордвиновым. Подобно дуэли Волконского, причина дуэли была вызвана служебными столкновениями.

В начале 1823 года в Одесском пехотном полку произошел недопустимый дисциплинарный проступок. Во время инспекторского смотра, в присутствии начальника дивизии, командующий этим полком подполковник Ярошевицкий был избит одним из своих офицеров.

Командир бригады Мордвинов был заранее предупрежден о готовившемся скандале, несмотря на что, умышленно, не принял никаких мер, чтобы его не допустить. На основании рапорта Киселева, Главнокомандующий 2-ой Армией граф Витгенштейн отрешил Мордвинова от командования бригадой.

Прошло полгода. Мордвинов, не получая другого назначения и считая Киселева виновником, постигшего его служебного наказания, приехал в Тульчин (Штаб 2-ой Армии) и потребовал от Киселева в резких выражениях, сначала объяснений, а затем и удовлетворения. Киселеву пришлось принять вызов.

Поединок состоялся 24-го Июня 1823 года на пистолетах, верстах в сорока от Тульчина, во время которого Мордвинов был тяжело ранен и умер на следующий день. Киселев сдал свою должность и подал о происшедшем рапорт Государю. В ответ Начальник Главного Штаба барон Дибич сообщил Киселеву, что Император Александр вполне понимает причины, побудившие Киселева принять вызов, его оправдывает, но находит, что было бы лучше, если бы дуэль состоялась за границей. В Октябре того же года Киселев был назначен генерал-адъютантом.

В.Н. ЗВЕГИНЦОВ.

Во время сборки Вестника было получено грустное известие о кончине Князя Игоря Вадимовича Репнина.

Князь Игорь Вадимович РЕПНИН

Сын князя Вадима Николаевича Репнина и княгини Надежды Владимировны рожд. Семичева, родился 31-го Марта 1892 г. ст.ст. По окончании Императорского Александровского лицея в 1913 году поступил вольноопределяющимся в Кавалергардский полк с зачислением в № 4-ый эскадрон, прославленный его предком князем Николаем Григорьевичем Репниным в полковой и русской военной истории знаменитой атакой в бою под Аустерлицем.

12-го Июля 1914 г. после сдачи офицерского экзамена при Николаевском кавалерийском училище произведен в корнеты и спустя 9 дней выступил с полком в поход на войну 1914 года.

Участвовал в рядах полка во всех боях в Восточной Пруссии, в Августовских лесах, в обороне реки Пилицы, в боях у города Людвинова, на реках Свенте и Стоходе. При демобилизации старой Императорской Армии уволен в отставку в чине штабс-ротмистра.

Скончался 12-го Октября 1970 года в городе Аньере и похоронен на русском кладбище в Sainte-Geneviève-des-Bois.

ХРОНИКА

1970 год

26-го Февраля. В Париже скончалась внучка Шефа Кавалергардского полка Государыни Императрицы Марии Федоровны Ее Высочество Княгиня ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА, княгиня Юсупова, графиня Сумарокова-Эльстон.
Похоронена на кладбище Ste-Geneviève-des-Bois.

1-го Марта. В пригороде Лондона Reading, скончался сын Кавалергарда Василия Александровича Пашкова, член Кавалергардской Семьи Александр Васильевич ПАШКОВ, род. 23 ноября 1913 г.
Похоронен на кладбище Widmore, близ Reading.

6-го Мая. В Нью-Йорке скончался старейший Кавалергард генерал-лейтенант Александр Павлович РОДЗЯНКО. Офицер полка производства 1899 года. Последний из командующих Добровольческими армиями в гражданскую войну.
Похоронен на кладбище Ново-Дивеево.

14-го Мая. В Париже скончалась вдова Кавалергарда князя Евгения Феофиловича ГАГАРИНА княгиня Ольга Денисьевна рожд. Карнович.

16-го Июня. В Соединенных Штатах Северной Америки в Garden City, Long Island скончался Олег Федорович ДУБАСОВ. Офицер полка производства 1912 года.
Похоронен на кладбище Cedar Lawn Cemetery, East Hampton, N.Y.

3-го Июля. В Лондоне скончался сын Кавалергарда графа Николая Феликсовича СУМАРОКОВА-ЭЛЬСТОН и графини Софии Михайловны рожд. баронесса Коскуль, граф Михаил Николаевич.
Похоронен на кладбище Chiswick New Cemetery.

21-го Июля. В пригороде Парижа Аньер, скончалась жена Кавалергарда князя Игоря Вадимовича РЕПНИНА, княгиня Варвара Владимировна рожд. графиня Мусин-Пушкина.
Похоронена на кладбище в Sainte-Geneviève-des-Bois.

26-го Июля. В Филадельфии в церкви Пресвятой Богородицы состоялась свадьба внука Кавалергарда о. Георгия Александровича Шереметева, графа Георгия Александровича ШЕРЕМЕТЕВА и Веры Васильевны Смирновой.

12-го Октября скончался князь Игорь Вадимович РЕПНИН. Офицер полка производства 1914 года.
Похоронен на русском кладбище в Sainte-Geneviève-des-Bois.

Император Петр Великий издал указ, в котором повелевалось "Считать Новый Год не с первого Сентября, а с первого Генваря 1700 года и, в знак того доброго начинания и нового столетняго века, в веселии друг друга поздравлять с Новым Годом".

Далее Император приказывал "По знатным и проезжим улицам у ворот и домов учинить некоторое украшение от древ и ветвей сосновых, еловых, можевеловых, а так же чинить стрельбу из небольших пушечек и ружей, пускать ракеты, сколько у кого случится".

Исполняя повеление Державного основателя Кавалергардии, Кавалергардская Семья шлет к наступающему Новому 1971 году всем своим сочленам, родственникам, друзьям, сотрудникам и читателям "Вестника Кавалергардской Семьи" сердечные пожелания благоденственного и мирного жития и во всем благого поспешения.

ВЕСТНИК

КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ

1971

ПРАЗДНИК КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ

По примеру прошлых лет 5/I8 сентября в Париже был отслужен в Александро-Невском соборе молебен, после которого состоялся товарищеский ужин. В нем приняли участие : Г.В. Бибиков, бар. Г.Г. фон Гротгус, В.Н. и М.В. Звегинцовы, Д.Д. Левшин, гр. Г.Д. Менгден, Г.И. и П.И. Миклашевские, Гр. В.В. Мусин-Пушкин, кн. Н.Н. Оболенский, гр. М.И. Толстой, И.Н. Чудово-Адамович.

П а м я т и у ш е д ш и х

ГРАФ РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ МУСИН-ПУШКИН
I895 - +I970

Сын графа Владимира Владимировича Мусин-Пушкина и графини Марии Илларионовны рожд. графиня Воронцова-Дашкова. Родился 9-го ноября I895 г. При объявлении войны I9I4 г. со школьной скамьи, I8-ти лет поступил вольноопределяющимся в Кавалергарды с зачислением в № 2-ой эскадрон, в рядах которого был последовательно произведен в ефрейторы, унтер-офицеры, награжден солдатским георгиевским крестом и, по сдаче офицерского экзамена при Николаевском кавалерийском училище в прапорщики. В декабре I9I5 г. переведен младшим офицером в полковую конно-пулеметную команду. В I9I6 г. произведен в поручики. Принял участие во всех боях полка в Восточной Пруссии, в Августовских и Козлово-Рудских лесах, на реках Пилице, Свете и Стоходе.

В гражданскую войну в I9I8 г. вернулся в строй Кавалергардского дивизиона, формируемого на Юге России, находясь до этого в Кавказской Туземной дивизии. 5/I8 июня I9I9 г., состоя на ординарцах при начальнике Крымской кавалерийской дивизии, полковника Миклашевского, ранен одновременно с ним, при прорыве Акмонайской позиции красных, ружейной пулей в плечо.

По излечению вернулся в строй дивизиона и участвовал с ним в боях под Бахмачем, Нежиным, Глуховым и в Донских степях, под станицей Ольгинской, Глуховской и под Ростовом. В конной атаке под станицей Егорлыкской под ним была убита лошадь. В I920 году произведен в штабс-ротмистры и принял участие в боях в Северной Таврии, несколько раз временно командуя эскадроном.

По окончании гражданской войны на Юге России жил в Югославии, Франции и в Австралии. Умер в Сиднее 27-го ноября I970 года. После отпевания в Петропавловском соборе похоронен на русском кладбище Руквуд близ Сиднея.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОЧУБЕЙ
I892 - +I97I

Сын статского советника камергера Высочайшего двора Василия Петровича и Варвары Васильевны рожд. Кочубей, родился I0-го марта н.с. I892 года. . Окончил K.und K.Teresianum в Вене и Зье

Реальное училище в С. Петербурге. В 1911 г. поступил в вольноопределяющиеся в Кавалергарды с зачислением в № 3-ий эскадрон. Окончил полковую учебную команду, 6-го февраля 1912 г. произведен в ефрейторы и в марте в младшие унтер-офицеры. 6-го августа 1912 года, после сдачи офицерского экзамена по первому разряду при Николаевском кавалерийском училище, произведен в корнеты.

На войну 1914 г. выступил с полком в рядах № 3-го эскадрона, в котором принял участие во всех боях полка до сентября 1916 года.

В бою у деревни Каушен в Восточной Пруссии под ним была убита лошадь. За бой у деревни Вышнеловки у города Людвинова награжден орденом Св. Владимира 4-ой степени с мечами и бантом. Кроме этого ордена имел ордена Св. Анны и Св. Станислава 3-их степ. с мечами и бантами и Св. Анна 4-ой степ. с надписью "За храбрость" и медали в память 100-летия Бородина и 300-летия Дома Романовых.

2-го декабря 1914 г., находясь для связи при Забайкальской казачьей бригаде, во время боев у Петрокова и на реке Пилице контужен тяжелым снарядом.

8-го мая 1916 г. произведен в поручики, 28-го августа того же года в штабс-ротмистры. В сентябре 1916 г. откомандирован в Николаевскую Академию Генерального штаба, которую окончил 26-го января 1917 г. и был назначен старшим адъютантом 34-го А. К. генерала Скоропадского. В декабре 1917 г. уволен от военной службы при демобилизации армии.

В апреле 1918 г. вернулся на военную службу личным адъютантом гетмана Украины Скоропадского, которым состоял до вступления немцев в Украйну.

14-го марта 1971 умер в городе Нейффен в Западной Германии, где и похоронен на местном кладбище.

ПРОТОИЕРЕЙ ГЕОРГИЙ ШЕРЕМЕТЕВ
в миру граф Георгий Александрович Шереметев.
1887 - +1971

Сын Свиты Его Величества генерал-майора графа Александра Димитриевича и фрейлины графини Марии Федоровны рожд. графиня Гейден. Родился 29 ноября 1887 г.

Окончив Зью Санкт-Петербургскую гимназию, поступил 30-го сентября 1908 г. вольноопределяющимся в Кавалергарды с зачислением в № 4-ый эскадрон. После сдачи офицерского экзамена при Николаевском кавалерийском училище, произведен 2-го июля 1909 г. в корнеты. В 1911 г. откомандирован в дивизионную конно-пулеметную команду. В 1913 г. произведен в поручики. На войну 1914 года выступил в рядах № 4-го эскадрона. В августе, после перехода Германской границы, назначен полковым казначеем. В декабре 1915 г., при разворачивании полка в 6-ти эскадронный состав, назначен начальником вновь сформированной двух-взводной полковой

конно-пулеметной команды. В 1916 г. вновь назначен полковым казначеем и помощником начальника полкового обоза 2-го разряда.

Принял участие в гражданской войне, сначала в штабе Кавказской туземной дивизии, затем в Кавалергардском дивизионе Гвардейского Кирасирского полка на Юге России, в котором занимал должность полкового казначея.

При оставлении Крыма Армией генерала барона Врангеля, эвакуировался с полком в Константинополь, затем во Францию. В конце 50-х годов принял священство и был назначен в Лондон. Человек редкой доброты он там пользовался большой любовью и уважением всего окормляемого им прихода. Умер 12-го мая и похоронен на кладбище Gunnersbury.

Помещаемое ниже стихотворение, написано им в 1947 году в Любеке, куда его забросили превратности судьбы, тогда когда человечество уже избавилось от гнета и ужаса войны, но не успело еще изжить внешнее, международное и внутреннее последствия взаимной людской ненависти.

Вдали от вас, один без цели,
Брожу по чуждой мне земле.
Мечты далеко улетели,
Как в диком и тревожном сне.

Здесь нет ни счастья, ни веселья
Чужого пира здесь похмелье,
Уходит день и пуст и нем,
Меня не радуя ничем.

Тоска по вас меня снедает,
Но здесь я свой кончаю век,
Пустой ненужный человек.
И силы тихо оставляют
Того, кто в жизни не сумел
Устроить лучше свой удел.

Я так мечтал, что в это лето
Я, наконец, приеду к вам,
И в день Святой Елисаветы
Войду я с вами в Божий храм,

И после скромного обеда
За мирной, дружеской беседой
Хотелось долго поболтать,
Так много, много рассказать

О том, что страшно пережито,
О том, что было там в дали,
Что видели глаза мои,
И что для многих позабыто.
Весь этот горестный рассказ
Поведать думал в этот час.

Но не настало видно время
И не допил я чаши той,
Чье очистительное бремя
Мне было послано судьбой.

В огне сгорают наши страсти,
Из их тяжелой, грешной власти
Иного хода не найти,
Как только в огненном пути.

Теперь благодарю я Бога
За пережитые года,
Молюсь, чтоб горе и беда
Ушли б от вашего порога,
Чтоб Воскресенья час настал,
Чтоб Крест в России просиял.

И в этот день, когда из храма
Вернетесь вы на вечер свой,
Когда под сенью Белой Дамы,
Бокал возьмете круговой

И вспомните о всех далеких,
Давно ушедших, одиноких,
О тех, кто голову сложил
И тех, кто в мире опочил;

Когда в беседе мирной вашей
Вы всех живых своих друзей,
Живущих в дальности своей,
Заздравной помянете чашей,
Тогда пускай наша Семья
Не позабудет и меня.

Любек, 1-го сент. 1947 г. Граф Георгий Александрович Шереметев.

ГЕОРГИЙ ГЕОРГИЕВИЧ фон РАУХ
1895 - +1971

Сын Кавалергарда командира 2-го Гвардейского п. корпуса (1916 г.) генерал-лейтенанта Георгия Оттоновича ф.Раух и Лидии Львовны, рожд. княжна Голицына. Родился 15/27 октября 1895 г. По окончании Пажеского Е.В. корпуса 1/14 октября 1914 г. выпущен из камер-пажей корнетом в Кавалергарды. После двух месячного пребывания в Гвардейском Запасном полку, прибыл в полк с очередным маршевым эскадроном и зачислен в строй № 3-го эскадрона полка.

С первых же дней своей службы в полку выделился, как выдающийся боевой офицер. 13/26 августа 1915 г. за взятие в конной атаке во главе своего взвода фольварка Суторишки, занятого германской пехотой, награжден орденом Св. Владимира 4-ой степени с мечами и бантом.

В 1916 г., в числе 5-ти других офицеров полка, добровольно откомандировался в строй Лейб-Гвардии Егерского полка, понесшего, как и прочие полки пешей Гвардии, крупные потери в офицерском составе в тяжелых боях под Ковелем. Вплоть до возвращения в полк командовал у Лейб-Егерей 5-ой ротой.

После мартовского переворота откомандировался в авиацию армии генерала Щербачева на Румынском фронте, где оставался до всеобщего расформирования армии. Вернулся в Петроград, где вместе с другими Гвардейскими офицерами организовал рабочую артель по перевозке дров и других тяжестей.

Арестованный после захвата власти большевиками, он был отправлен в Кронштадт, но, на основании того, что отец владел в Малороссии имением, был освобожден как Украинский гражданин, и уехал в Киев.

В 1919 г. вернулся в строй Кавалергардского дивизиона в Крым. Участвовал в боях под Глуховым, Рыльском, после которых вступил в командование эскадроном. (После понесенных потерь, дивизион был сведен в эскадрон). Во время отхода конного корпуса генерала Барбовича за Дон, участвовал в боях под Харьковым, Водолагах, Прасковее и в прикрытии отхода за Дон, в Задонских степях в зимних конных боях у станицы Ольгинской, Гниловской, у Койсуга и при вторичном взятии Ростова, вплоть до отхода в Крым.

В 1920 г., после операции апендицита вернулся в строй и вновь принял эскадрон, которым командовал в Никопольской Заднепровской операции, под селом Рождественкой, у Агаймана и Основе, при отходе Русской Армии за Крымские перешейки.

9-го ноября 1920 г., после ранения командира Гвардейского кавалерийского полка вступил в командование полком и повел его в третий раз в конную атаку на Литовском полуострове, на оставленные нашей пехотой и занятые красными окопы. Перескочив окопы, атака захлебнулась на проволочном заграждении. Во время атаки на

самой проволоке Раух был ранен тремя ружейными пулями в бок, ногу и плечо.

Эвакуированный в Константинополь, после выздоровления, он поступил на службу в английское нефтяное общество в Ливане. После выхода в отставку, переехал в Париж, где был переводчиком при министерстве внешней торговли, главным образом при переговорах с разными делегациями СССР. Неоднократно ездил с французскими промышленниками и торговыми группами в Москву, Воронеж, Ташкент, на Кавказ и в Петроград. В последнем ему удалось посетить Пажеский корпус, в котором находится Суворовское военное училище и видеть полковые казармы на Захарьевской улице.

Все эти поездки, во время которых ему пришлось встречаться не только с крупными официальными правительственными лицами, но и с простыми обывателями, не могли не произвести на него сильного впечатления. В особенности в одну из его поездок, когда незнакомое ему лицо, сунуло в руку записку, на которое были написаны стихи графа А. Толстого.

Но не грусти, земное минет горе,
Пожди еще, неволя не долга.
В одну любовь мы все сольемся вскоре,
В одну любовь, широкую, как море,
Что не вместят земные берега.

Скончался в пригороде Парижа, в клинике Сан-Клу, после непродолжительной, но очень тяжелой болезни II-го августа 1971 года. Похоронен на кладбище в Sainte-Geneviève-des-Bois, в обще-гвардейской могиле.

Ниже помещаем биографии трех Кавалергардов, которые во время событий 14-го декабря не служили больше в рядах Кавалергардского полка. М.С. Лунин служил Лейб-Гвардии в Гродненском гусарском полку, А.З. Муравьев командовал Александрийским гусарским полком, Ф.Ф. Вадковский был переведен в Нежинский конно-егерский полк за поведение противное воинской дисциплине.

ЛУНИН, МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ

Сын действительного статского советника Сергея Михайловича и Феодосии Никитишны, рожд. Муравьева, родился 18-го декабря 1787 г. Первоначальное образование Лунин получил вместе с братом Никитой (Сборник Биографий Кавалергардов, Т. 3, стр. 130) дома.

Отвечая на вопросы Верховной Следственной Комиссии Лунин, перечисляет своих наставников. "Учителей у меня было много, как русских, так и иностранных, между сими последними : французы Вувилье (аббат), который по его словам, воспитал его в "римско-

католическом исповедании", затем Кортье и швейцарец Малерб (иезуит) и много других, коих не припомню. В следующих ответах Лунин еще добавил англичанина Форстера, француза Бютэ и шведа Кирульфа. О последнем Лунин вспоминает в одном из писем к княгине Волконской из Акатуя. "У меня был такой преподаватель философии - швед Кирульф, который позже был повешен у себя на родине". Воспитанный всеми этими иностранцами, Лунин отлично владел французским, английским и немецким языками.

В 1803 г. он был зачислен юнкером Лейб-Гвардии в Егерский полк. Произведенный в портупей-юнкеры, он был переведен в январе 1805 г. эстандарт-юнкером в Кавалергарды и в Сентябре произведен в корнеты. 2-го декабря 1807 г. за отличие произведен в поручики, 28-го сентября 1810 г. в штабс-ротмистры, 14-го января 1813 г. в ротмистры.

Начиная с Аустерлица, Лунин принял участие во всех боях полка в войнах против Наполеона. За Бородино награжден золотой шпагой "За Храбрость", за Кульм орденом Св. Владимира 4-ой ст. и за Фершампенуаз Св. Анны 2-ой степени.

Вместе с полком Лунин выступил из Парижа 21-го мая 1814 г. "через Францию и владения Баденское, Вирзбургское, Рудольштатское, Веймарское, Саксонию, Варшавское герцогство и Пруссию в Российские границы по 18-го октября того же года".

Во время движения Русской Армии к границам Франции, скоро после Кульмского сражения, в полку произошло событие, послужившее началом благожелательного отношения Цесаревича Константина к Лунину. На одном из многочисленных переходов, которыми так богата Отечественная Война, Цесаревич нагнал Кавалергардский полк и, увидев, что командующий полком полковник В.И. Каблуков едет в строю, вопреки уставу, не в каске, а в фуражке, подскакал к нему, сорвал с него фуражку и, наговорив кучу резкостей, поскакал дальше.

Каблукову, раненому под Аустерлицем тремя сабельными ударами в голову и двумя штыковыми в бок, было разрешено приказом по полку ехать на походе в строю в фуражке. В 3-м томе Сборника Биографий Кавалергардов, на странице 48 помещен рапорт штаб-лекаря Флерова от 30-го марта 1808 г., в котором сказано: "Господин ротмистр Каблуков, вследствии полученных им ран в голову и грудь имеет в сих частях тела ломоту и на голове не может носить каски".

Возможно, что Цесаревич не помнил об этом разрешении, но выражения: "Якобинцы, Вольтерьянцы", относящиеся не только к самому Каблукову, но и ко всему полку, не могли быть оправданы его забывчивостью. Вечером, когда полк стал на бивак, Каблуков собрал офицеров и передал им свое решение подать рапорт об отставке. Все офицеры подали такие же рапорты и к ним присоединили свои рапорты командир полка Де Прерадович и Чеф Кавалергардов Уваров. Все это дошло до Государя.

Прошло несколько дней. На одной из дневок в расположение полка приехал Цесаревич, произвел полку смотр, после которого вызвал всех офицеров и в их присутствии сказал, что считает себя виновным в нанесении незаслуженной обиды "полковнику и доблестному кавалеру Каблукову и сверх доблестному полку". Что всему виной его чрезмерная горячность и, что он просит его извинить и забыть "сей прискорбный случай". "А если, добавил Константин Павлович, кто-нибудь из офицеров останется этим недоволен, то он согласен дать каждому личную "сатисфакцию".

От имени полка Каблуков сказал, что Кавалергарды вполне удовлетворены словами Цесаревича и со своей стороны просят забыть это происшествие. Но тут выступил вперед Лунин и сказал, обратясь к Великому Князю : "честь предложенная Вашим Высочеством так велика, что я не могу от нее отказаться". Выходка Лунина, кроме общего дружного смеха, в том числе и Цесаревича, не имела никаких последствий.

Много подобных этой выходке Лунина "шалостей", в большинстве случаев сильно искаженных, служили темой и пересудам в великосветских салонах Петербурга.

"Друг Марса, Вакхва и Венеры", как назвал его Пушкин, Лунин был умным, образованным и одаренным человеком. В его кондуитном списке (атестации) в графе "Какие имеет знания" отмечено: "В математике, истории и рисовать". В другой графе "Какие имеет способности ума" сказано : "Очень хорошие". По определению его родственника Н.Н. Муравьева (Русский Архив. 1885 г., № 10, стр. 22) "Лунин был умен, но по нраву своему bretteur. В Петербурге не было поединка, в котором он не участвовал и сам несколько раз стрелялся".

Лунин был храбр. Полученные им на войне награды, в особенности золотая шпага за Бородино, свидетельствуют о том, и хорошим фронтовиком. Не даром Цесаревич, по свидетельству декабриста Завалишина (Исторический Вестник 1880 г., № 1, стр. 148) сказал о нем "Свой брат. Знает все наши штуки". Хорошо знавшие Лунина по службе в Гвардии, его соучастники по тайным обществам и по пребывании на каторге и на поселении в Сибири, подчеркивают его болезненное стремление к позе, к постоянному желанию, чтоб о нем бы говорили.

В одном из своих писем к декабристу И.Д. Якушкину, другой декабрист И.И. Пущин говорит, по поводу вторичного ареста Лунина в Сибири, что "Лунин сам желал быть мучеником, "martyr" следовательно должен быть доволен".

Отвечая ему Якушкин пишет 13 июня 1841 г. из Ялуторовска "Мне искренне жаль Лунина, тем более, что я нисколько не разделяю вашего мнения. Он хотел быть мучеником, но чтобы мочь и хотеть им сделаться, нужно было прежде всего быть способным на это. По хорошо известным причинам этого никогда не будет у Лунина. Государственный преступник в 50 лет позволяет себе

выходки, подобно тем, которые он позволял себе в 1800 г. (?), будучи Кавалергардом. Конечно, это сново делается из тщеславия и для того, чтобы заставить говорить о себе. Он всегда был и есть Копиев нашего поколения. Тот, так же в свое время был остряк и тешил народ своими проказами. Мне почти советсно, что так откровенно высказал свое мнение, даже вам, о несчастном нашем товарище, но это у меня вырвалось и вы меня не осудите".

Копиев, о котором упоминает Якушкин в своем письме, ходил в царствование Императора Павла по улицам Москвы в новом, недавно введенном мундире для армии, насмешливо преувеличивая его прусский образец. Коса его доходила до самой икры, треуголка необычайных размеров, перчатки с крагами доходили до локтей.

Другой декабрист князь Трубецкой, разделяя мнение Якушкина в общем, видит в тщеславии Лунина другую причину. "Самые близкие друзья его сознавали, что в поступках его много участвует тщеславие, но им одним нельзя объяснить важнейших его действий ; тут побудительная причина в каком-нибудь более сильном чувстве. Тщеславие не может заставить человека желать окончить свой век в тюрьме, тогда как религиозные понятия могут возбудить желание мученичества. И я полагаю, что в Лунине было нечно подобное".

Декабрист Ф.Ф. Вадковский, служивший прежде в Кавалергардах и посетивший с. Урик в 1839 году, где жил на поселении Лунин, писал о нем князю Оболенскому: "Лунин лих, забавен и больше ничего. Он смелостью своею и медным лбом приобрел какое то владычество нравственное над всеми почти жителями Урика". А после вторичного ареста Лунина, он писал 10 сентября 1842 г. И.И. Пущину: "Бедный старик и замечательный старик, с неимоверной твердостью духа, но не глубокомысленный и в этом отношении, решительно можно сказать, что он утонул в стакане воды".

Леонид Федорович Львов, ревизовавший государственное имущество в Сибири и видевший Лунина в Урике, говорит о нем в своих воспоминаниях (Русский Архив 1885 г.): "Лунин резко отличался от всех едким умом и веселым характером, никогда не унывал, жил как бы шутя. Меня всегда крайне удивляло смешение в его характере весьма часто мелочного, вовсе неуместного с высоким чувством благородства и разумности : точно в нем были два совершенно различных характера".

После двух лет беспрерывных боев, походов и связанных с ними целым рядом лишений, Лунин, как и большинство участников войны, вернувшись в Петербург, с головой окунулся в круг гвардейской и столичной золотой молодежи, отдавая себя целиком служению своих друзей Бахуса и Венеры.

Все это требовало много денег, которых своих у Лунина не было, а его отцу надоело вечно платить его долги и вытаскивать его из разных историй. Стесненный в средствах, Лунину было трудно продолжать служить в Кавалергардах. 20 Мая 1815 г. он подал прошение о переводе в Армию, но получил отказ.

13-го июля Цесаревич писал командиру Гвардейского корпуса графу Милорадовичу: "Получив при рапорте вашего сиятельства прошение, поданное на Высочайшее Имя Кавалергардского полка от ротмистра Лунина о переводе его, по недостаточному состоянию содержать себя в Гвардии, в Армию, я, находя причину сию недостаточной, ибо когда он служил до сего времени мог содержать себя, то и теперь должен служить в сем полку, и потому я не согласен на перевод его и в сем поручаю ему отказать".

Тогда Лунин подал рапорт о разрешении ему длительного отпуска до излечения болезни, на что 18-го августа полк получил извещение начальника штаба Гвардейского корпуса, в котором просимый отпуск был ему разрешен "до воспоследования Высочайшего разрешения". Но вместо увольнения в отпуск по болезни, 14-го сентября последовал Высочайший приказ, в котором Лунин увольнялся "за болезнею вовсе от службы".

Очутившись неожиданно для себя в отставке, без всякой надежды на дальнейшее продвижение по службе, Лунин, окончательно рассорившись с отцом, съехал из его дома на Рижеском проспекте и нанял квартиру в доме Дубецкой в Малой Коломне на Торговой улице, самой незавидной из самого незавидного пригорода Петербурга.

Единственным выходом из создавшегося положения он видел в отъезде за границу во Францию, где у него сохранилось много связей за время пребывания в Париже. Товарищ по полку Свистунов дал ему письмо к своей матери, перешедшей в католичество и поселившейся в Париже. Другие письма к разным лицам дал ему его родственник Н.Н. Муравьев. Отец на прощание дал ему, кроме денег, ящик с лимонами, пуд настоящих восковых свечей, рома и портера по 25 бутылок.

Лунин ехал не один. Его спутником оказался француз парижанин Ипполит Оже, который, во время пребывания русских войск в Париже, поступил добровольцем Лейб-Гвардии в Измайловский полк. В Высочайшем приказе 16-го января 1816 г. И. Оже, который к этому времени стал именоваться Оже де Сент Ипполит, был уволен от службы "Лейб-Гвардии Измайловского полка подпрапорщика французской нации Оже де Сент Ипполит уволить от службы для определения во французскую службу".

10-го сентября 1816 г. Лунин и Оже сели в Кронштате на французский корабль "Фиделитэ" и отплыли к берегам Франции. Плавание было бурное и долгое - шесть недель. В Париже Лунин поселился в скромной гостиннице на улице Галион. Несмотря на бережливость деньги, взятые с собой, постепенно приходили к концу. "Здоровье расстроилось, не могу встать с постели. Свечи я все сжег, дрова тоже, табак выкурил, деньги истратил", пишет он Оже. Надо было думать о будущем, о прокормлении самого себя. Лунин стал давать уроки математики, английского и, даже французского языка. Писал для безграмотных письма, прошения и начал писать исторический роман по французски "Лжедимитрий".

Одновременно он продолжал бывать в лучшем парижском обществе, в особенности в салонах баронессы Роже. Там он познакомился с социалистом Сен Симоном, с его учением и с известным магнетизером аббатом Тирия, под влиянием которого утвердился в католичестве.

Неожиданная смерть отца разрешила все вопросы, связанные с дальнейшим пребыванием во Франции. Задуманный роман остался неоконченным. Лунин спешил вернуться в Россию, где его ожидало крупное отцовское наследство - 929 крепостных в разных имениях Тамбовской и Саратовской губерниях, обремененные казенными и частными долгами, выплатить которые удалось лишь в начале 1825 г., благодаря заботам и умению его управляющего.

Живя в Париже, Лунин не гнушался зарабатывать на свою жизнь личным трудом. Другое дело когда он вернулся в Россию. Там свое благосостояние он видел исключительно в крепостном труде своих крестьян. Для увеличения доходов двадцать крепостных отправлены в Петербург для изучения разных ремесел : поваренного, портняжного, фельшерскому и клавикордному. Впоследствии их отпустят "на оброк" с немалой пользой барину. С той же целью "впрок" у "господина Гурьева куплено два мальчика за 300 рублей".

Одновременно с приведением в порядок своих имений, Лунин занялся устройством будущей участи своих крепостных. Одной из главных целей, к которой стремились, по крайней мере на словах, члены тайных Обществ, было уничтожение крепостного права. В двух завещаниях, одно от 28-го Февраля 1818 г. другое от 27-го Марта 1819 г. главное место отведено им этому вопросу.

По сколько в первом завещании душеприказчики не были названы и оно не было юридически оформлено и закреплено, его можно рассматривать, как набросок завещания. Второе же, составленное с соблюдением всех правил, установленных законом и сданное на хранение в Московский Опекунский Совет, является в полном смысле слова завещанием.

В первом случае, после выделения земельных участков своей побочной сестре Прасковии и управляющему Е.Ф.Суслину, Лунин говорит, что "по погашению долгов, все крестьяне и дворовые люди обоего пола с их семействами освобождаются от крепостных прав, получая вечную волю согласно указу", а т.к. указ 20-го Февраля 1803 г. не разрешал освобождение крепостных без наделения их землей, то Лунин, оставляя им все их движимое и недвижимое имущество, "сверх того уделяется им по шести сороковых десятин в окружности их селений".

Во втором завещании, написанным 13 месяцев после первого, Лунин своим единственным наследником, минуя свою сестру Екатерину Уварову, назначает своего двоюродного брата Н.А.Лунина, душеприказчиками : директора Ссудной кассы П.С.Полуденского и другого своего двоюродного брата Никиту Муравьева. Но вопрос освобождения крепостных Лунин решает совершенно иначе. "Имея в виду благосостояние крестьян мои и сохранение в целости наследственного

имения в нашем роде, завещаю брату моему Николаю Александровичу сыну Лунину пещись о благе всего достающегося ему имения, не продавать его ни по рознь, ни в целости, не закладывать, не дарить и в другой род ни под каким предлогом не выпускать, а в течение пяти лет со дня моей смерти, войдя в подробное рассмотрение свойств того имения и средств получения доходов, непременно уничтожить в оном право крепостное над крестьянами и дворовыми людьми, не касаясь земель, лесов, строений, имуществ вообще и прочих угодий". Далее Лунин пишет "Я надеюсь, что брат мой обратит все свое внимание на сии два предмета, сохранив собственные выгоды и тем содействуя к поддержанию нашей фамилии, составит счастье крестьян и дворовых людей, освобождением их от крепостного состояния, на том основании, которое он признает за благо и, дав тем опыт своей благодарности за мою к нему дружбу, успокоит прах мой и сделает память мою для крестьян и потомства нашего священной".

Заканчивая свое завещание, Лунин обращается непосредственно к своему наследнику и душеприказчикам, подтверждая свое непременное желание сохранить имение целиком во владении потомков. "Любезный брат. Прошу тебя, несмотря ни на какое лицо, сие мое духовное завещание, как согласное с законами, привести в непременное исполнение. А, вас, почтенные друзья, как свидетелей сего добровольного моего завещания, прошу удостоверить пред лицом правосудия, что изложенное здесь есть точно моя воля, коей целью есть освобождение от крепостного состояния и вообще устройство благосостояния крестьян и сохранение имения нераздельно в роде предков наших".

Но вступить во владение и выполнить завет Лунина ; устройство благосостояния крестьян, одновременно сохранив имение целым, осуществить его двоюродному брату не пришлось. Почти сразу после утверждения приговора над Луниным, его сестра была введена Кирсановским уездным судом во владение имениями брата. Со своей стороны Н.А.Лунин обратился в Опекунский Совет с требованием распечатать завещание своего двоюродного брата, что и было выполнено 18-го Ноября 1826 г. и передано в Кирсановский уездный суд для исполнения.

После ряда прошений на Высочайшее имя Е.С.Уваровой, оспаривавшей законность завещания брата, несмотря на благоприятный отзыв министра юстиции князя Лобанова-Ростовского, который, основываясь на указы 22 Марта 1714 г. и 23 Февраля 1804 г., считал, что Лунин, не имея прямого потомства, имел право завещать свое имущество любому члену своей семьи, все дело было по Высочайшему повелению изъято из ведомства министерства юстиции и передано на рассмотрение в Комитет Министров. Последний постановил "Завещание Михаила Лунина, не давая ему дальнейшей огласки, считать недействительным". Затем все имения Лунина были переданы во владение сестры.

Окончив, как он думал, устройство будущего благосостояния своих крепостных, Лунин стал думать об устройстве своего личного настоящего благосостояния. Хотя наследство полученное от

отца и было значительно, но получаемый с имений доход не позволял ему жить в столице без определенной служебной деятельности, в тех условиях и с тем широким размахом, с которым он привык жить служа в Кавалергардах. А жить в деревне "в опустелой, дикой и гнусной Тамбовской губернии", как он писал еще в 1814 г. троюрному брату Артамону Муравьеву, Лунин не хотел. Поэтому он решил вновь поступить на военную службу, для чего обратился к Цесаревичу, прося его содействия.

20-го Января 1822 г. последовал Высочайший приказ о зачислении Лунина в Польский уланский полк, стоявший в городе Слупке, тем же чином ротмистра, к котором он состоял до отставки, со старшинством от 20-го Марта 1819 г. Лунин конечно надеялся, что при переводе из Гвардии в Армию он будет в ней зачислен с повышением в следующий чин, на что он имел полное право. "Encore une grâce et je serai будочник", сказал он своей сестре.

В Польских уланах Лунин прослужил не полных два года. В 1824 г. Цесаревич его перевел Лейб-Гвардии в Гродненский гусарский полк, стоявший в Варшаве с производством в подполковники.

Командуя в полку № 4-м эскадроном, Лунин поселился в огромном доме в Вилланове, завел большую псарню борзых и гончих, блестящие выезды на польский и русский лад и отличных верховых лошадей. Кроме вольнонаемной прислуги, десять крепостных обслуживали Лунинское хозяйство, более подходящее богатому помещику, чем подполковнику Гродненских гусар.

Отлично владея многими иностранными языками, Лунин был принят в лучших домах польской аристократии и вновь, как бывало в Петербурге, окунулся в светскую жизнь польской столицы. Балы, вечера, охоты, карты, веселые пирушки и кутежи с друзьями и сослуживцами. Пользуясь особым покровительством Цесаревича, Лунин часто бывал у него во дворце, иногда исполняя обязанности адъютанта.

События 14-го Декабря застали Лунина в Варшаве и, как показал он на следствии, "узнал об оном из печатных объявлений". Впервые участие Лунина в Тайных Обществах обнаружилось 22-го Декабря на допросе Ф.Ф.Вадковского, затем оно было подтверждено князем Трубецким, показавшего на допросе 27-го Декабря об участии Лунина в приобретении литографного станка для распространения листовок Общества. Станок находится "возле печки, в комнате жены, где ванна".

Но самое главное сведение, послужившее основанием для осуждения Лунина, было получено на допросах П.И.Пестеля в Январе и в Апреле 1826 г. На них Пестель сказал, что Лунин в 1816 или 1817 годах первый подал мысль о покушении на жизнь Императора Александра, для чего "он предлагал создать партию, которая в масках на лице, могла бы осуществить покушение на Царскосельской дороге".

Время - 4 месяца - со дня востания на Сенатской площади и до ареста Лунина и отправки его в Петербург прошло в оживленной

переписке Цесаревича с Императором Николаем, военным министром А.Н.Татищевым, являвшимся одновременно и председателем Верховной Следственной Комиссии и с Начальником Главного Штаба бароном Дибичем.

Цесаревич искренне любил и ценил Лунина за отличное знание службы, за храбрость, за веселый нрав и злой язык. Он всячески старался выгородить и выручить его из создавшегося положения.

"По справедливости обязываюсь свидетельствовать, писал 9 Апреля. 1826 г. Цесаревич Татищеву, что он (Лунин), состоя сперва в Польском уланском полку, а потом быв переведен Лейб-Гвардии в Гродненский гусарский полк, действительно всегда был из числа отличнейших офицеров, старанием и усердием его вверенному эккадрону, был мною находим во всех отношениях в примерном порядке".

Из писем Государя и Татищева Цесаревичу были известны взводимые на Лунина обвинения и, по мере возможности, он старался уменьшить их значение. На обвинение Лунина в том, что он скрыл существование Тайного Общества Цесаревич писал, что "надо принять в соображение и то, что в оных, как теперь открылось, столько входило двоюродных и троюродных братьев и других родственников его", что после того, как он отошел от Общества и нашел "прибежище" в войсках подведомственных Цесаревичу, все они теперь "из мести хотят его впутать".

Касательно тех "непристойных разговоров", которые вел или слышал Лунин, Цесаревич в письме к своему бывшему адъютанту Федору Петровичу Опочинину, прямо говорит, что в таких же разговорах, в свое время, одинаково был виновен и сам Государь. Статься может, что он (Лунин), находясь в неудовольствии противу правительства, мог что либо на счет оного говорить, как случается сие не с ним одним - даже Его Императорское Величество изволит припомнить, что мы сами иногда между собой, сгоряча и воодушевившись, бывали в подобных случаях, не всегда в речах умеренными, но это еще не означает какого нибудь вредного намерения.

Несмотря на все усилия Цесаревича добиться, чтобы вопрос виновности Лунина разбирался бы в Варшаве, а не в Петербурге, ему пришлось уступить и отдать распоряжение об аресте Лунина.

Полицейский агент Шлей, ведший негласное наблюдение за Луниным, донес, что "Сего числа (9 Апреля 1826 г.) по утру в 8 часов приехал (Лунин) в Бельведер (резиденция Цесаревича) отсель, вместе с дежурным генералом г.-м. Кривцовым, в Брильговский дом и, когда там дожидалась его коляска, то в 2 часа по полудни, приходивший полковник Странтман сказал кучеру, что не дождется своего барина и велел ему ехать домой".

16-го Апреля комендант Петропавловской крепости донес, что "Привезенный из Варшавы Лейб-Гвардии Гродненского гусар-

ского полка подполковник Лунин принят и посажен в Кронверкскую куртину в особый арестанский покой № 8 с соблюдением, чтобы ни с кем никаких непозволительных сношений иметь не мог".

Отвечая на посланные ему вопросные листы в Варшаву и на самих допросах, Лунин показал, что "в 1817 г. вступил в Тайное Общество (Союз Благоденствия) сам, узнав о существовании оного от всех членов оного" "Я был обольщен мыслью, что сие тайное, политическое общество ограничит свои действия нравственным влиянием на умы и принесет пользу постепенным приуготовлением народа к принятию законно-свободных учреждений, дарованных щедростью покойного Императора Александра полякам и нам им приуготовляемых".

Он подтвердил свое участие на Московском совещании, когда Якушкин вызвался на убийство Императора Александра и, что в 1817 или 1819 г. он высказал возможность покушения на Государя на Царскосельской дороге".

Он читал и одобрял некоторые отрывки Русской Правды Пестеля, присутствовал на заседании Коренной Думы в 1820 г., но голоса своего за республиканское правление не подавал. Его постоянное мнение было введение конституции монархической с ограничением исполнительной власти. Он знал об уничтожении Общества в 1821 г. и одобрял эту меру.

Отвечая на вопрос, что побудило его в 1821 г. вновь поступить на военную службу, Лунин показал, что "Я действовал, повидимому, сообразно правилам Тайного Общества, но сокровенной целью было отделиться и прекратить с ним всякую связь". "Причины, побудившие меня с давнего времени к тому, были непостоянный и безуспешный ход занятий Общества, уклонение от законно-свободных правил, ложное истолкование моих собственных мнений и, наконец, я не имел того влияния на Общество, которое хотел иметь и, которое, я надеюсь, было бы не бесполезно для общей пользы". Однако, говорит он дальше "Я не поставлю себе в оправдание отдаление мое от Тайного Общества и прекращении моих с ним сношений, ибо я продолжал числиться в оном и при других обстоятельствах, вероятно, действовал бы в духе оного".

По решению Верховного Уголовного Суда Лунин был причислен ко 2-му разряду и приговорен к лишению чинов, орденов и дворянства и к ссылке на каторжные работы сроком на 20 лет с последующим поселении в Сибири. При утверждении приговора Государем, указом 22-го Августа 1826 г. срок работ был ему уменшен до 15 лет.

Постановление суда было вынесено далеко не единогласно. Только 32 члена из 61 безоговорочно согласились на 2-ой разряд. 20 судей настаивали на смертной казни, причем сенаторы Болгарский и Казадаев требовали Четвертование, генералы Башутский и Бистром расстрел. С другой стороны адмирал Мордвинов, министр иностранных дел граф Нессельроде, член Государственного Совета Болотников, сенаторы князь Гагарин, Михайловский, Нелидов и граф Кутайсов голосовали за смягчение решения суда. Сенатор Батюшков "по родству" не голосовал, и председатель Суда светлейший князь Лопухин так же воздержался.

За неимением в Нерчинске достаточных помещений для каторжан, часть декабристов, в том числе Лунин были отправлены 21-Октября 1826 г. в Свеаборгскую крепость и заключены в одном из ее фортов на острове Лонггерн, затем через год 4-го Октября Лунин был переведен в Выборгский замок. Только 24-го Апреля 1828 г. Лунин был отправлен на каторгу в Читу, откуда все декабристы были переведены во вновь построенную тюрьму в Петровском Заводе. В препроводительном документе при отправке на каторгу даны приметы Лунина. "Росту 2 аршина, 8 и 5/8 вершков. Лицо белое, продолговатое, глаза карие, нос средний, волосы и брови темно-русые".

В 1832 г. срок работ был ему сокращен до 10 лет, а в 1836, после 8 лет каторги, он был обращен на поселение села Урикovского, в 18 верстах от Иркутска. Кроме него в Урикovском были поселены его двоюродные братья Александр и Никита Муравьевы, доктор Вольф и Волконские. В ближайших селах в Оёке жили Трубецкие, в Малой Разводной другой его родственник троюродный брат Артамон Муравьев. ..

Там он выстроил себе деревянный дом, который, как доносил Иркутский губернатор "был в длину 6 сажень - приблизительно 13 метров - в ширину 3 сажени. Дом со всеми принадлежностями, как то амбаром с пересеком на две половины, погребом, конюшней, завозней с сенником (сарай для экипажей), баней с горницей и с тесовым заплотом (забором) обнесенный кругом всех строений. Стоит не мене 2-х тысяч рублей ассигнациями".

Подобно другим поселенцам, Лунин получил земельный участок в 15 дес. В письмах к сестре Уваровой он описывает свое новое хозяйство. "Земля болотистая, не обработанная осушена, огорожена, обращена в луга и пашни. По середине английский сад с песчанными дорожками, беседкой и множество цветов. Далее две левады, огород и, наконец, уютный домик с пристройками". Лунин знакомит сестру со "своими домочадцами". Бывший ссыльный Василич 70 лет с женой и четырьмя детьми, 6 охотничьих собак (Варка, Одакс, Марго, Формоза, Торгач, Планка, Дияна и Дьянка) и старая серая лошадь, которая "своею мастью напоминает мне убитого подо мною статнаго коня в Можайской битве (Бородино). Подведенный им в 1837 г. итог хозяйству, показал чистый доход в 141 р. 75 к. "сверх больших зерновых, овощных и кормовых запасов".

Увлечение сельским хозяйством продолжалось не долго. Уже через год он написал сестре, что "Платон и Геродот не ладят с бороной и сохой. Вместо наблюдения за полевыми работами я перелистываю старинные книги. Что делать ? Ум требует мысли, как тело пищи".

"Теперь меня называют государственный преступник, находящийся на поселении. В Англии сказали бы - Лунин член опозиции". Когда некоторые из декабристов просились поступить рядовыми в Кавказскую армию, он находил, что "Неблагоразумно идти на это не подвергнув себя легкому испытанию. Велеть дать себе в первый раз 50 палок, во второй 100, в третий 200, что в слож-

ности даст 350 ударов. После такого испытания уже можно провозгласить : dignus, dignus est entrare in esto docto corpore". В России два проводника : Язык до Киева, а перо до Шлиссенбурга.

Но все эти мысли и многие другие, подобные им, которые он излагал в своих письмах сестре, не соответствовали, по мнению 3-го отделения собственной Его Величества канцелярии, положению ссыльно-каторжного. В Декабре 1837 г. граф А.Х.Бенкендорф, пересылая Уваровой письмо брата, писал, что "Ваше превосходительство изволит усмотреть сколь мало он исправился в отношении образа мыслей и сколь мало по сему заслуживает испрашиваемых для него милостей".

В следующем году 5-го Августа управляющий 3-м отделением Мордвинов писал генерал-губернатору Восточной Сибири Руперту, что "Государственный преступник Лунин, со времени обращения его на поселение, в письмах к сестре его, достовляемых в 3-е отделение, часто дозволял себе входить в рассуждение о предметах, до него не касающихся и, вместо расскаяния, обнаруживал закоснелость в превратных его мнениях. По поводу сего генерал-адъютант граф Бенкендорф заметил сестре его генеральше Уваровой, с которой он состоит в переписке, непозволительнй его образ мыслей, с тем, чтоб она предварила его для избежания неприятных для него последствий. Несмотря на сие, в недавнем времени поступили вновь от Лунина три письма, заключающие в себе дерзкие мысли и суждения, не соответственные его положению".

"По сему граф Александр Христофорович поручил мне препроводить означенные три письма Вашему Превосходительству на усмотрение с тем, что не угодно ли будет Вам, Милостивый государь, воспретить ему переписку в течение года".

Лунин был частым гостем в доме Волконских. Кроме уроков латыни и английского языка, которые он давал детям, его влекла туда личность княгини Марии Николаевны. "Сестра по изгнанию. Прекрасная М.", как он ее называл в письмах к сестре. Но несмотря на влияние княгини Волконской и на просьбы сестры, Лунин, когда получил разрешение на возобновление переписки, продолжал излагать в ней те же "мысли и суждения несоответствующие его положению".

В течене "запретного года" Лунин написал много статей по разным вопросам : "Общественное движение в России", "Розыск исторический", "Взгляд на Тайное Общество с 1816 по 1826 г.", "Разбор донесений Верховной Следственной Комиссии", "Обозрение сведений о Своде (законов) с 1700 по 1826 г." и "Письма из Сибири". В последних он касался целого ряда вопросов исторических, экономических, социальных и военных.

В начале 1841 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Руперт, находившийся в это время в Петербурге, получил от чиновника управления Восточной Сибири Успенского донесение с приложением копии одной из рукописей Лунина "Взгляд на Тайное Общество".

24-го Февраля граф Бенкендорф сообщил двум министрам - военному и внутренних дел, что "Государственный преступник Лунин

составил рукопись, под названием "Взгляд на Тайное Общество с 1816 по 1826 г." По преступному содержанию сей рукописи я всеподданейше представил оную Государю Императору и Его Величество высочайше повелеть соизволил : сделать внезапный и самый строгий осмотр в квартире Лунина, отобрать у него с величайшим прилежанием все, без исключения, принадлежащие ему письма и разного рода бумаги, запечатать оные и доставить их ко Мне. Его же Лунина отправить немедленно из постоянного места его поселения в Нерчинск, подвергнуть его там строгому заключению, так чтобы не мог ни с кем иметь сношений, ни личных, ни письменных впредь до повеления, и произвести строжайшее исследование о том, где и когда Лунин занимался сочинением означенной преступной записки, кто ее переписывал и в какие руки она поступила, находился ли на жительстве вместе с Луниным другой преступник или какой посторонний человек, с кем имел тесную связь или близкое знакомство и вообще разведать все подробности, которые могли бы пояснить, не участвовал ли с ним кто-либо в преступном его сочинении содействием или знанием об этом".

"Буде же получится удостоверение, что экземпляры помянутой записки были распространены в Сибири, то сделать самое деятельное распоряжение к отобранию оных и к доставлению всех таковых ко Мне".

Одновременно с этим начальник Нерчинского Округа получил секретное распоряжение отправить Лунина в Акатуйский острог, не употребляя его в работу, подвергнуть его там строжайшему заключение отдельно от других преступников.

Исполняя полученное распоряжение, председатель Главного Управления Восточной Сибири Копылов, в сопровождении чиновника Успенского, Иркутского полицмейстера и нескольких жандармов с офицером, приехал в Уриковское в 2 часа утра 27-го марта, арестовал Лунина и отправил его в Иркутск, откуда в тот же вечер, Лунин был отвезен в Нерчинск и далее в Акатуй.

Среди всех рудников Сибирской каторги, Акатуйский рудник, по своему расположению и климату, был самым тяжелым местом заключения. "Мои предыдущие тюрьмы были будуарами по сравнению с тем казематом, который я занимаю. Меня стерегут не спуская глаз. Часовые у дверей, у окон, везде".

В начале заключения в Акатуе, Лунину был послан ряд "Вопросных пунктов". В его доме в Уриковском, при аресте, кроме разных бумаг, писем и рукописей, было найдено двухствольное ружье, 4 пуда свинца и дроби, 2 пуда пороха, шкатулка с двумя отличными пистолетами с полным прибором (дузльные ?), 20 рублей ассигнациями, золотой и медная мелочь, но в Акатуе у него оказалось более 1000 рублей.

Спрошенный о происхождении оружия и денег, Лунин ответил, что ружье было им куплено для своего егеря у незнакомого проезжего купца. На самом деле оно было куплено его сестрой в Париже за 3 тысячи франков и отправлено ему в Сибирь, вероятно, при

помощи петербургского купца Чагина, ведшего большую торговлю чаем с Китаем и это несмотря на "строжайшее наблюдение, чтобы государственные преступники отнюдь не осмеливались иметь у себя огнестрельное оружие".

I000 рублей от получил "от родственников в разное время". Но Л.Ф. Львов в своих воспоминаниях объясняет происхождение этих денег иначе. "При отъезде Лунина из Иркутстка, говорит Львов, ему удалось "уговорить" жандармского офицера, сопровождавшего Лунина, задержаться на короткое время на дороге, чтобы дать возможность друзьям Лунина проститься с ним. Верстах в 30 от Иркутска съехались Волконские, Артамон Муравьев, Якубович и Панов". Братья Муравьевы Никита и Александр и доктор Вольф побоялись выразить свое сочувствие и воздержались от свидания. Княгиня Волконская дала Лунину шубу, в которую зашила эти деньги.

На вопрос, кто ему помогал в составлении рукописи Лунин ответил, что "Я не нуждался ни в чьей помощи для составления этой статьи, скорей литературной, чем политической, о предмете, который, к сожалению, мне слишком хорошо знаком. Я составил это небольшое сочинение под заглавием "Взгляд на Тайное Общество" для коменданта Петровского завода, который желая иметь подробные сведения об этом обществе, обратился ко мне, как к одному из его учредителей. Никто не помогал мне в этом труде, который, впрочем, и не требовал сотрудников и я тогда даже не сообщил о нем никому, кроме коменданта, для которого он предназначался". Но так как генерал Лепарский умер в I837 г., то проверить утверждение Лунина было невозможно.

Постепенно внимание правительства к Лунину ослабло. Со своей стороны местные Сибирские власти не стремились развить особую деятельность по розыску копий сочинений Лунина, опасаясь, что излишнее рвение обнаружит многое, что могло только повредить их служебному положению, в первую очередь самого генерал-губернатора Восточной Сибири Руперта.

Поэтому они не пытались выяснить "Кто находился на жительстве с Луниным, с кем он имел тесную связь, или близкое знакомство", хотя власти отлично знали, что в то время в Уриковском жили Волконские и двоюродные братья Лунина Муравьевы. С Никитой Лунин был особенно дружен. Властям помогли придворные связи матери Муравьева. "Хотели, пишет кн. Трубецкой в своих заметках на записки барона Штейнгеля, к делу приплесть Никиту Муравьева по родству его и приязни к Лунину, полагая, что он был участником в сочинении некоторых писем, и матери его Екатерине Федоровне много стоило труда выгородить своего сына".

Несмотря на строгости заключения в Акатуйской тюрьме, у Лунина завелась кой-какая отрывочная переписка с Волконскими, главным образом при помощи ксендза Филипповича, навещавшего в Пасхальные и Рождественские праздники ссыльных поляков в Акатуевском руднике. Лунин писал о нем Волконским, что " святой отец, который мне предложил писать и дал мне возможность к тому, хороший человек".

Под видом лекарства, княгиня Волконская пересылала Лунину чернильный порошек, стальные перья, бумагу. Правительство разрешило отправить ему часть его 397 книг, оставленных им в Уриковском, главным образом религиозного содержания и на древних языках.

О себе Лунин писал, что "здоровье мое находится в поразительном состоянии и силы мои не убывают, а, наоборот, кажется увеличиваются. Я подымаю без устали девять пудов одной рукой" "Я купаюсь в октябре при 5-7 градусах мороза в ручье, протекающем в нескольких шагах от тюрьмы, в котором для этой цели делается прорубь"... "Можно быть счастливым при всех жизненных условиях. В этом мире несчастны лишь глупцы". "Здоровье мое держится чудесно. Если меня не повесят и не расстреляют, я способен прожить сто лет". Очень беспокоился о судьбе своего слуги старого Василича и поручал его заботам Волконских.

Кроме этой нелегальной переписки, Лунин получал письма и посылки от сестры в совершенно законном порядке через управление Нерчинскими заводами. В архивах управления сохранился ряд его расписок на получение денег, разных посылок и писем. В среднем по 30 писем в год. Получил "ящик с книгами", "разбитых картузов турецкого табака 14 фунтов", "20 фунтов кофе и 20 фунтов столовых, восковых свечей", "Чая 2 фунта и сахару рафинада одну голову", "Шеколада 3 фунта".

29 января 1846 г. Императору было доложено, что "Содержавшийся при Нерчинских горных заводах в Акатуйском тюремном замке, государственный преступник Лунин, 3-го декабря 1845 года скоропостиженно умер и по сему случаю производится следствие". Следствие и вскрытие, произведенные по распоряжению местного управления показали, что смерть Лунина произошла от "кровянонервного удара (Апоплексия сангвинико-нервоза)".

Оставшееся после смерти Лунина имущество в Акатуе, было продано с аукциона. Среди разного белья, столовой, кухонной посуды оказалось 120 книг. То, что оставалось в Уриковском: дом, сельскохозяйственная и домашняя утварь, коровы, было продано еще раньше Волконским по просьбе Лунина. Все книги, по распоряжению Уваровой были отданы в Иркутскую духовную семинарию.

На могиле Лунина в Акатуе был поставлен его сестрой памятник - пирамида возглавленная католическим крестом. На памятнике надпись: "Незабвенному брату Михаилу Сергеевичу Лунину скорбящая сестра Е. Уварова. Умер он 3-го декабря 1845 года".

Скоропистиженная смерть Лунина, здоровье которого было, как он сам выражался, "В поразительном состоянии", породила целый ряд, ничем не оправданных догадок. К этому времени Лунин потерял всякое значение в правительственных кругах и местной Акатуевской администрации не было никаких причин ускорить его смерть.

В Славянской Библиотеке в Париже хранятся собственноручные записки Е. Уваровой по поводу смерти брата. Ей, перешедшей в католичество, переехавшей в Париж и не потерявшей связи с ксендзом Филипповичем, более чем кому-либо, были известны причины смерти брата, которые она и описывает вне всякого опасения или давления Петербургской власти.

"A PROPOS DE MON FRERE"

"Mes frères sont entrés aux Chevaliers-Gardes, Michel l'ainé à 15 ans et Nikita le second à 14 ans ; ce dernier fut blessé à mort à Austerlitz et est enterré dans un couvent de Bernardins à Holitz en Moravie. Il avait 16 ans et neuf mois à sa mort. Michel entré aux Chevaliers-Gardes à 15 ans, fit à 17 ans la campagne d'Austerlitz et eut la douleur de voir mourir son frère Nikita blessé à mort à Austerlitz. Ensuite il fit les glorieuses campagnes de 1812, 1813 et 1814.

D'après l'usage de l'époque il eut plusieurs duels, mais ne tua personne. Un jour à dîner avec plusieurs camarades, et entre autres le Comte Alexis Orloff, quelqu'un prétendit que le Comte éteignant une bougie à cent pas, personne ne voudrait se battre avec lui. Sur quoi Michel provoqua le Comte en se disant obligé de se battre avec lui de peur d'être pris pour un poltron. Le duel eut lieu le lendemain et Orloff lui perça son chapeau et enleva une mèche de ses cheveux. Son dernier duel lui laissa une balle dans le corps, que les médecins ne purent parvenir à trouver.

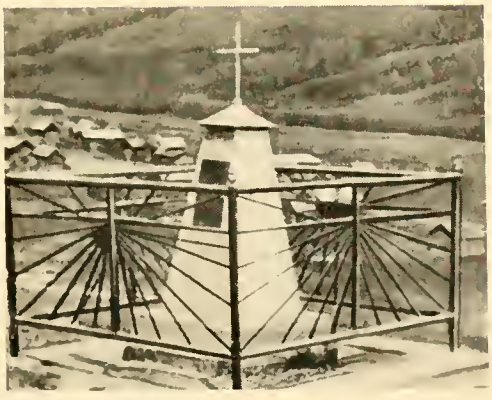
Ayant été congédié par suite de ses duels il redemanda au Grand-Duc de le reprendre au service. Le Grand-Duc lui proposa de le reprendre dans la ligne avec le même grade de capitaine, ce qui fait dire à Michel qui accepta la proposition : "Encore une grâce et je serai "будочник".

Plus tard le Grand-Duc le transfera aux gardes, au régiment des Hussards de Grodno et eut pour lui toutes les bontés imaginables. C'est alors que le Grand-Duc l'avait prévenu à deux reprises qu'il serait arrêté. On prétend même qu'il lui avait promis de le sauver, s'il nommait quelques uns de ses compagnons. Michel refusa. Il n'avait jamais fait de proselytes. Il supporta son malheur, non seulement sans un murmure, mais encore en riant. Il demande au Comte Zakrewsky, alors commandant de la Suède, un parapluie, dans son cachot de Sveaborg, où il resta deux ans.

Amené en Sibérie avec les fers aux pieds, il disait "qu'on voyait que l'Empereur aimait la musique" - "потому что Он мне привязал такие куранты".

Quand il eut la permission de m'écrire, il n'employa sa plume que pour soutenir sa cause. On lui défendit de m'écrire pendant un an. Au bout de ce temps il recommença de plus belle. Enfin un de ses ouvrages ayant été surpris et porté à l'Empereur, mon frère subit un second exil dans l'exil. Il fut transféré à Akatoui sur les frontières de la Chine.

Артамон Захарович
Муравьев



Могила Лунина
в Акатуе

Михаил Сергеевич
Лунин

Федор Федорович
Вадковский

C'est le 3.12.1845 que la mort est venue le surprendre. Il avait chassé dans la matinée. Rentré chez lui il s'était couché pour ne pas se relever. On avait fermé son poële trop tôt et il avait été asphyxié. Peu de temps auparavant un curé catholique lui avait apporté les Saints Sacrements.

EPITAPHE

sur le tombeau de mon frère Michel de Lounine
mort en Sibérie le 3.12. 1845

Hélas un simple tumulaire
Marque le lieu où il fut mis,
Nous sanctifie par la prière,
Nous visite par ses amis.

Mais on y voit pendant la nuit
Soudain briller clartés lointaines
On y entend surgir le bruit
On dirait de fraiches fontaines.

Ce qui jaillit ce sont les pleurs
Qu'y versent les esprits célestes
Et ces clartés et ces lueurs
D'un saint martyr nous marquent les restes.

De ce martyr quel est le nom ?
Hélas, hélas je dois le taire.
Un muet tertre de gazon
Cache son urne funéraire.

Où est le lieu où il fut mis,
Lieu déserté pour ses amis ?
Ce lieu s'appelle Sibérie
Où les frimas sont en furie.

Lieu désolé, exil horrible,
Aux voyageurs inaccessible.
Voilà le lieu où il fut mis,
Lieu prohibé pour ses amis.

Près de ce lieu pas même un temple,
Les anges seuls gardent ce lieu,
Du haut du ciel Dieu le contemple
Et une seule croix est au milieu.

Sa soeur Catherine Ouvaroff,
née de Lounine.

МУРАВЬЕВ, АРТАМОН ЗАХАРОВИЧ

Брат Кавалергарда Александра Захаровича (Сборник биографий Кавалер.Т.3, стр. 268). Родился в 1794 г. Сын действительного статского советника Захара Матвеевича, владевшего в Новгородской губернии в уездах Лугском и Новгородском двумя небольшими имениями с сотней крепостных и стеклянным заводом и Елизаветы Карловны рожд. Поссе в первом браке за майором Карлом Энгельгардтом, с которым развелась.

С 1809 по 1911 г. Муравьев воспитывался вместе с братом в Московском университете, слушая одновременно лекции в Муравьевском училище для колоновожатых. В 1811 г. назначен колоновожатым в Молдавскую армию адмирала Чичагова, в 1812 г. 24-го января произведен в прапорщики, 26-го февраля 1813 г. в подпоручики и переведен колоновожатым в Западную армию Барклая де Толли, 4-го Октября в поручики, 18-го марта 1814 г. накануне взятия Парижа в штабс-капитаны.

30-го апреля зачислен в Свиту Его Величества по квартирмейстерской части и тогда же переведен в Кавалергардский полк штабс-ротмистром. Все производства Муравьева, равно как и перевод в Кавалергарды, были за боевые отличия.

В 1815 г. Муравьев был назначен адъютантом к генерал-адъютанту графу де Ламберту, в русский оккупационный корпус генерал-адъютанта графа Воронцова во Францию. В 1818 г. вернулся в строй полка, 6-го июля произведен в ротмистры, 14-го июля 1820 в полковники. 12-го декабря 1824 г. назначен командиром Ахтырского гусарского полка, почти одновременно с братом, получившим Александрийских гусар.

Муравьев имел ордена Св. Анны и Св. Владимира 3-ей степени, медаль в память 1812 г., прусский орден Пур ле Мэрит и прусский же орден Железного Креста (Кульмский Крест).

Арестованный в первых числах января 1826 г. в Бердичеве, он был доставлен в Петропавловскую крепость в сопровождении поручика Мариупольского гусарского полка Станкевича. В предписании о нем коменданту крепости было сказано: "Посадить по усмотрению и содержать строго, дав писать".

На первом допросе Муравьев показал только, что был принят в Южное Общество в 1824 г. По возвращению с маневров, его жена, "узнав мои переговоры и сношения с Сергеем Муравьевым, требовала от меня со слезами, окруженная детьми, оные прервать и пощадить ее семейство. Слова ее произвели должное воздействие, и я ей все обещал и свято слово свое сдержал".

Вслед за первыми показаниями на допросе, которые он заключил тем, что "чувствуя обширность своей вины, токмо на Милосердие Всемилостивейшего Государя полагаю надежду жены и трех детей; с душевным раскаянием упадаю к Его стопам и вверяю Ему мою участь". Кроме того Муравьев написал Государю письмо. "Августейший Монарх! Я не прошу милости, она для меня быть не может, но из сострадания или сродного, Вам Государь, милосердия, не причитайте меня к злодеям. Язык мой преступен много раз в безразсудном и порочном толковании, но никогда сердце мое в оном не участвовало. Да будет же прежняя жизнь моя, поступки мои, Вашему Императорскому Величеству в том порукой ; и клятва нещастного отца. Сие не есть показание, а чистейшая исповедь, после которой готов предстать на Суд Всевышнего. Со священным благоволением Вашего Императорского Величества верноподданный Артамон Захаров сын Муравьев".

18-го Генваря.

Возможно, что именно вследствии этого письма, Муравьев был вызван Императором Николаем с запиской к коменданту крепости: "Содержающаго Артамона Муравьева прислать с генерал-адъютантом Левашевым ко мне". Что произошло во время этого свидания, в деле Муравьева следов нет. Но после допроса Муравьев был возвращен в крепость с другой запиской Государя: "Присылаемого злодея Муравьева заковать и содержать, как наистроже". Кандалы были с него сняты лишь в конце апреля 1826 года.

На последующих допросах Муравьев был принужден сознаться, что "принят в Тайное Общество не в 1825 г., а в 1817 в Москве Александром Муравьевым в Союз Спасения. На одном из заседаний Общества он вызвался покуситься на жизнь Императора Александра, предлагая совершить его во время бала в Грановитой Палате".

"В 1818 г. уезжая из Москвы с генерал-адъютантом графом де Ламбертом, у которого он состоял адъютантом, в Тамбов, принял там несколько офицеров 3-го резервного корпуса в члены Союза Спасения".

"Узнав от полковника Гурко, что Союз Спасения преобразован в Союз Благоденствия и, небудучи о том уведомлен, счел себя я обиженным и, по возвращении в строй полка, якобы, не имел по Тайному Обществу никаких и ни с кем сношений". Однако, ему пришлось сознаться в том, что "когда Матвей Муравьев-Апостол в Петербурге в 1824 г. сказал ему о своем намерении покуситься на жизнь Императора Александра, то он - Муравьев - советовал совершить его в то время, когда командуемый им (5-ый) эскадрон будет во внутреннем карауле в Зимнем Дворце".

После своего назначения командиром Ахтырских гусар, Муравьев вступил в Южное Общество. В нем он старался создать впечатление самого деятельного и решительного члена Общества".

Несмотря на обещание жене отойти от Тайного Общества и на то, что он "свято слово свое сдержал", Муравьев на одном из заседаний Общества в с. Линцы сам вновь вызвался на цареубийство и "возвышенным голосом и, почти в исступлении воскликнул", что он "за себя отвечает и готов собой жертвовать, естьли не сыщется другого, несмотря на то, что имею жену и детей, которых люблю". Предлагал не откладывать возмущения и вызвался ехать в Таганрог вместе с партией в 15 человек для покушения на Государя.

Все эти "дерзостные и безрассудные толкования" Муравьев объяснял "Суетным тщеславием и страстью казаться решительным, но сердце его никогда в том не участвовало. Во все преступления он был вовлечен своим необузданным языком и страстью врать".

Только тогда, когда стала очевидной неминуемая близость развязки, со всей опасностью, которая грозила лично ему, Муравьев понял разницу быть революционером на словах или на деле.

Когда к нему в Любары - штаб-квартира его полка - приехал офицер 8-ой артиллерийской бригады Андреевич и сообщил ему, что

артиллерия и Кременчугский пехотный полк готовы к выступлению, что не соответствовало действительности, и спросил его, как он думает поступить со своим полком, то Муравьев ему сказал : "Поезжайте, ради Бога, от меня. Я свой полк не поведу. Делайте, что хотите, меня же оставьте и не губите. У меня семья".

Когда, проездом в Трилесие, у него остановились Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы и просили его содействия, он во всем им отказал. Отказался выступить с полком, который он уже привел к присяге Императору Николаю. Отказал послать записку Сергея Муравьева к членам Тайного Общества Соединенных Славян. Отказал дать свежих лошадей в тройку. Отказал послать записку в 8-ую артиллерийскую бригаду. Отказал дать верховую лошадь, только что приехавшему Бестужеву-Рюмину. Единственно на что он согласился, это дать денег. И дал целых десять тысяч. Только уезжайте поскорее.

По приговору Верховного Уголовного Суда за то, что "умышлял на цареубийство с собственным, троекратным вызовом на совершение оного. Участвовал в умыслах произвести бунт, привлекал в Тайное Общество других и приуготовлял товарищей к мятежу" Муравьев был приговорен по I-му разряду, к лишению чинов, орденов и дворянства и к отсечению головы.

По утверждении приговора Государем, наказание наложенное на Муравьева, было указом 22-го августа 1826 г. заменено вечной каторгой. В дальнейшем суровое наказание постепенно смягчалось. Вечная каторга была заменена двадцати-летней, в апреле 1832 г. до 15-ти лет, 14-го декабря 1838 г. до 13-ти.

На каторгу Муравьев был отправлен в кандалах, сначала на Александровский рудник, затем на Благодатный, потом, подобно другим декабристам, в Читу и, наконец в Петровский Завод.

По описи "какие имеются у них и собственно им принадлежат, одежные и прочие вещи", у Муравьева отмечен "портрет жены его, писанный на бумаге, за стеклом, оклеенный медью". Кроме того у него оказалось несколько склянок с одеколоном.

О них рассказывает в своих воспоминаниях доктор Белоголовый (Н.А. Белоголовый. Воспоминания. Москва 1897 г.). "Пристав не имел понятия о таких вещах и не удовлетворился объяснениями, что это одеколон и к чему он служит, откупорил одну бутылку и взял несколько глотков жидкости в рот : понятно, поперхнулся, закашлялся и, насилу отдышавшись, произнес, наконец с раздражением : "Помилуйте, это Бог знает что такое ! Как можно употреблять такой горлодер ? Да, я думаю, сам Его Высочество Великий Князь Михаил Павлович не разрешает себе таких крепких напитков".

Еще до окончания срока каторжных работ брата, его сестра Екатерина, жена министра финансов графа Канкрина, подала прошение о разрешении Муравьеву поступить рядовым на Кавказ: 24-го июля 1837 г. князь Чернышев писал графу А.Х. Бенкендорфу: "Так

как Артамон Муравьев, участвуя в злоумышленных обществах, вызвался покуситься на жизнь Блаженной памяти Государя Императора Александра I-го, а потому Его Величество не может еще распространить на него Всемилостивейшего прощения, представляя себе изволить со временем и, смотря по степени его раскаяния, смягчить его участь".

Муравьев был сначала поселен в селе Елань Бодайской волости Иркутской губернии, но в марте 1840 года, благодаря хлопотам своей сестры, переведен в село Малая Разводная, где выстроил себе небольшой дом.

Еще живя в Елани, в сентябре 1839 года Муравьев писал графу Бенкендорфу, прося его содействия для поступления на военную службу. "Я счел бы себя недостойным сего, если бы не направил первый шаг нового быта моего к долгу, совестью моей предначертанному, просить со слезами раскаяния, Высочайшей Милости, быть определенным солдатом в войска Его Величества на Кавказе. Докажу на деле, что сколь велико преступление мое, столь же усердно буду стараться быть не недостойным Его Монаршей ко мне Милости, исполнить перед Государем и Отечеством долг совести и оставить сыну в наследие утешение, что отец его искал случая смыть кровью своею нанесенное пятно имени своему и стараться искупить преступные помыслы честной смертью". На это прошение была наложена резолюция: "Очень хорошо, но Государь не согласен на его просьбу".

Когда в конце марта 1841 г. был арестован его троюродный брат М.С. Лунин, Муравьев не побоялся поехать, вместе с немногими декабристами : Якубовичем, Пановым и Волконскими, проститься с ним на Иркутском почтовом тракте, хотя это и могло иметь для него тяжелые последствия.

Муравьев был очень любим населением не только Малой Разводной, но и ближайших сел за свою безконечную доброту. Он принимал участие во всякой радости и беде и помогал нуждающимся едой, деньгами, лекарствами и сердечным отношением. При помощи доктора декабриста Вольфа он хорошо изучил свойства лечебных трав и пользовался ими для составления врачебных настоек, примочек и прекрасно рвал зубы.

В.Д. Философов, находившийся в составе сенаторской комиссии, ревизовавшей управление Восточной Сибири, записал в своем дневнике: "Ездил два раза в Малую Разводную, деревня, где поселен Артамон Захарович Муравьев. Прекрасная фигура, седые длинные волосы и усы, любезность, ум и доброта и все это погребено в глуши Сибирской деревушки".

На поселении Муравьев занялся рыбным промыслом на Байкальском озере и торговлей мясом. Он был женат на Вере Александровне Горяиновой, которой не удалось получить разрешение на переезд в Сибирь. Кроме двух сыновей Николая и Льва, умерших в малолетстве, у них был сын Александр (12.8.1821 - +13.6,1881), который

был председателем Новгородской казенной палаты. Он был женат на Екатерине Федоровне Девиер, рожд. Энгельгардт.

В октябре 1846 г. Муравьев сильно разбился, упав с дрожек и, проболев 5 недель умер 4-го ноября. Похоронен в Малой Разводной. Согласно его распоряжениям, его дом был, после смерти, дан вдове декабриста М.К. Юшневской, а все остальное имущество его прислуге.

ВАДКОВСКИЙ, ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ.

Сын богатого помещика Елецкого уезда Орловской губернии, бывшего шефа Лейб-Гвардии Павловского полка, сенатора Федора Федоровича и Екатерины Ивановны, рожд. графиня Чернышева, родился в 1800 г. Учился в Московском университетском пансионе Виллерса, затем в Петербурге в пансионах аббата Лемри, статского советника Генрихса и Гадениуса, одновременно готовясь к военному экзамену у преподавателей Пажеского корпуса.

На военную службу поступил 25-го Января 1818 г. подпрапорщиком Лейб-Гвардии в Семеновский полк, откуда 21 апреля 1820 г. переведен юнкером в Кавалергарды. 27-го Августа произведен в эстандарт-юнкера, 1-го Января 1822 в корнеты. Всего два с половиной года прослужил Вадковский в Кавалергардах. 19-го Июля 1824 г. "По высочайшему повелению, за неприличное поведение переведен в Нежинский конно-егерский полк с переименованием в прапорщики".

Перевод Вадковского в армию с лишением Гвар.преимущества и с понижением в чине, не мог пройти незамеченным в военных и светских кругах. Об этом писал князю П. Вяземскому из Петербурга А. Бестужев. "Дня два тому назад, как фельдъегерь, прямо с маневров, умчал кавалергардского Вадковского тем же чином в армию за светлые мысли". И в Москве В.С. Толстой записал в своем дневнике. "Приехал фельдъегерь и потартал Вадковского в Курск в Нежинский конно-егерский полк".

О причинах перевода Вадковского в армию в Петербургских кругах ходило много разных толков. Говорили, что это произошло вследствии его политических и сатирических песен- стихов, в которых, подражая Беранже, он зло высмеивал свое начальство, правительство и двор.

К этому декабрист В.С.Толстой добавляет в своих воспоминаниях, как он говорит, со слов самого Вадковского. "Историю своего перевода он передал мне следующим образом. В Кавалергардах служил граф Шереметев (Димитрий Николаевич. Сборник Биографий Кавалергардов Т.3, стр. 384) у коего постоянно собиралось на обед много однополчан и зимой Вадковский очень сблизился с ним. Тогда Шереметев был нареченным женихом дочери Марии Антоновны Нарышкиной и, как говорили, Императора Александра 1-го. Но Мария Антоновна заметила, что Шереметев стал до того охладевать к невесте, что самый брак становился сомнителен".

"Она открыла свои опасения, равно как и Императоровы, Кавалергадскому офицеру графу Мантейфелю (граф Григорий-Готгард-Иоахим Андреевич. Сборник Биографий Кавалергардов, Т.3, стр. 349) добавив, что Государь будет очень благодарен тому, кто раскроет причину охлаждения Шереметева".

"Мантейфель поймал несколко насмешек Вадковского, просившего покровительство Шереметева, когда он удостоится быть побочным зятем Императора и сочинил ему титул "Ваше Побочно-Императорское Высочество". На это Шереметев с досадой возразил, что всего этого никогда не будет. Мантейфель все передал Марии Антоновне".

Толстой писал свои воспоминания почти пол века после рассказа Вадковского (48 лет). Многое о нем он перепутал. К тому же, будучи москвичем, он мало знал Петербургские великосветские события и спутал графа Шереметева с причисленным к коллегии иностранных дел графом Андреем Петровичем Шуваловым. Последний действительно был женихом дочерм Императора Софии (1808-1825). Брак не состоялся, невеста умерла от чахотки.

Два с небольшим месяца после своего приезда в Обоянь, где стоял Нежинский полк, Вадковский в длинном французском письме к Пестелю с пренебрежением отзывается о своих новых сослуживцах. "Едва приехав в полк, я широко открыл мои двери всем моим товарищам. Мне не потребовалось много времени, чтобы понять что я очутился в пустыне. Я не стану вам надоедать описанием гнустости окружающих меня лиц. "Des caractères vils dont je me vis entouré".

Достаточно вам знать, что командир полка (полковник Гордеев) далее следует трудно переводимое французское ругательство. Мнение его непререкаемое в полку, состоящем из людей в большинстве не имеющих ни хлеба, ни чести и живущие на одном жаловании. Можете себе представить, что это такое".

Вадковский был арестован на много раньше прочих декабристов по приказанию начальника главного штаба барона Дибича.

В первых числах Июля 1925 г. лейб-медик Императора Александра баронет Вилье получил анонимное письмо, к которое был вложен конверт на имя Государя и записка с просьбой передать конверт Государю. Письмо было передано. В нем оказалась просьба унтер-офицера 3-го Бугского уланского полка Шервуда арестовать его и доставить в Петербург, чтобы дать ему возможность сообщить Государю сведения о существовании в войсках Тайных Обществ, целью которых являлось низвержение монархии и введение республики. Фельдъегер поручик Ланг был отправлен для ареста Шервуда. 12 Июля Шервуд был в Грузине, где его допрашивал Аракчеев, 17-го в Каменноостровском дворце, где он сообщил Государю сведения о Тайных Обществах.

Шервуд (Sherwood) был по своему происхождению англичанином из Кента. Его отец был вызван Императором Павлом для устройства

Александровской ткацкой фабрики и установки в ней выписанных машин. Во время своего свидания с Императором Александром, Шервуд сказал, что "он узнал случайно, что в некоторых полках 1-ой и 2-ой армий существует секретное общество и, что оно имеет особенные связи в 4-ом резервном кавалерийском корпусе, что служащий в Нежинском конно-егерском полку прапорщик Вадковский, выписанный из Кавалергардского полка, есть один из главнейших членов".

По приказанию Государя полковнику Лейб-Гвардии Казачьего полка Николаеву было поручено произвести негласное расследование, а Шервуду постараться вступить в Тайное Общество и выяснить его состав и цели.

Последнее, благодаря невероятной наивности Вадковского, было выполнено с неожиданной легкостью и быстротой. Вадковский не только принял его в Тайное Общество в звание бояр - всего после трех часов знакомства - но имел еще неосторожность послать с ним письмо Пестелю. В этом длиннейшем французском письме он горячо рекомендовал Шервуда. "Voici comment je conçois l'individu maintenant que je le connais. Son caractère tire, en général, sur l'anglais. Inébranlable dans sa volonté, imbu d'honneur, il n'a qu'une seule parole et un seul but... J'ose vous engager à être aussi franc, aussi confiant que possible avec lui".

Далее, Вадковский сообщает, что проездом был у него Свистунов, который ему сказал, что в Кавалергардском полку имеется уже 10 членов Тайного Общества и есть надежда завербовать среди Измайловцев еще человек 6. О себе Вадковский говорит, что им лично принято три человека : одного Конногвардейца (Плещеева), другого Лейб-Кирасира (графа Николая Булгари, сын графа Я.С. Булгари. Сборник Биографий Кавалергардов Т.3 стр. 183) и племянника командира 4-го резервного кавалерийского корпуса князя Щербатова. Перечисляет ряд лиц входивших в Тайное Общество : князя Трубецкого, Граббе, Михаила Орлова, В.С. Толстого, князя Барятинского, братьев Муравьевых Апостолов и графа Бобринского, который предложил создать и содержать на свои деньги тайную типографию за границей для нужд Общества. "Son dévouement est aussi beau que son idée est sotte",- но советовал воспользоваться предложением, но в России.

Письмо, написанное 3-го Ноября 1825 г. вместо Пестеля было передано Дибичу. К нему Шервуд добавил все, что мог узнать от Вадковского. "В Обществе состоят Кавалергардского полка ротмистр граф Захар Чернышев, действующее лицо в Петербурге, того же полка Свистунов, вероятно корнет, выпущенный из камер-пажей, юнкер Скарятин (Сборник Биографий Кавалергардов Т. 4, стр. 371), приехавший из Киева, неизвестного полка, который объявил, что недавно к сему был приуготовлен своим учителем, полковник Павел (Пестель), бывший адьютант графа Витгенштейна, ныне командир Вятского пехотного полка".

В награду за свою деятельность по раскрытию Тайных Обществ, Шервуду была дарована прибавка Верного к своей фамилии. Он был произведен в офицеры и переведен на службу Лейб-Гвардии

в Драгунский полк. В офицерских кругах Гвардии Шервуд-Верный получил презрительную кличку Фидельки. Впоследствии за какой то ложный донос, он был посажен в Шлиссельбургскую крепость.

Сведения, добытые Шервудом, были посланы Дибичу и Таганрог и получены им в последнии дни жизни Императора Александра и во время "междуцарствия". Вместе с теми данными, которые имелись из полученного ранее доноса помещика Бошняка в Августе и от капитана Вятского пехотного полка Майбороды в Ноябре, были отправлены в Варшаву Цесаревичу Константину, который советовал Дибичу "принять решительные меры".

Но Дибич медлил. Он считал, что организация Тайных Обществ не была еще выяснена в достаточной степени и боялся преждевременными арестами повредить розыску. Только в первых числах Декабря 1825 г. Дибич получил от полковника Николаева достаточно точных данных, чтобы приказать ему 11-го Декабря ехать в Курск для ареста Вадковского, который и был им приведен 18-го в Петербург. В предписании Государя коменданту Петропавловской крепости было сказано "Надо содержать Вадковского совершено тайно, но дать ему писать, что хочет. На мое имя или кому хочет".

На допросах Вадковский показал, что был принят в Северное Общество князем Барятинским в 1823 г. Через год, во время приезда Пестеля в Петербург, последний поручил ему создать в среде Северного Общество филиал Южного. Вадковский рьяно принялся за вербовку новых членов, в первую очередь среди своих полковых товарищей. Им были приняты Свистунов, Поливанов, Де-Прерадович и Анненков, Гвардейской конной артиллерии С.И. Кривцов и Лейб-Гвардии полка А.А. Плещеев. На втором организационном собрании этой новой ячейки, на квартире Вадковского в доме Алымовой на Фурштадской улице, Пестель возвел Вадковского и Свистунова в звание бояр.

В дальнейших показаниях Вадковский назвал еще других ему известных членов Тайных Обществ. В Кавалергардском полку : граф Чернышев, Горожанский, Арцыбашев, князь Вяземский, Васильчиков и Муравьев. В Конной Гвардии : князь Одоевский, Рынкевич, князь Голицын и юнкер князь Суворов. На юге он назвал : Пестеля, Юшневского, генерал-майоров князя Лопухина и князя Волконского, полковника Повало-Швейковского ротмистра Лунина, майора Поджио и двух штатских : камер-юнкера князя Валерьяна Голицына и Николая Тургенева. Целью Общества было, по его словам "введение конституции при помощи военной силы".

Вначале Вадковский отрицал намерение Тайного Общества истребить Императорскую фамилию и свое в этом участие. "Со стыдом и совестью признаюсь, что, говоря о делах Общества с принятыми мною членами, я не всегда соображал свои рассказы с истинной и, действуя по внушению опроченного сердца, часто цели своей, жертвовал и самой правдой"... "таким образом слова, относящиеся к Царствующей фамилии - слова гнусные, слова неистовые, кои повторить отказывается мое перо, были мною Шервуду, может быть и сказаны"... "но ужели я бы мог сие исполнить ? Нет !

Свидетельствую в том честью, совестью и самим Богом (6 Января 1826 г.).

На очной ставке с принятым им на вге поручиком Лейб-Кирасирского Ее Величества полка графом Николаем Булгари 15-го Марта, Вадковскрй по прежнему отрицал всякое участие в замыслах на цареубийство, но 9-го Апреля он обратился к генерал-адьютанту Левашеву с письмом : "Ваше превосходительство ! Осмелюсь просить вас вручить в ысочайше учрежденный комитет сие дополнение к моим показаниям. Говея нынче, я не хотел оставить на совести, и без того отягченной, упрек нового проступка. С сокрушением сердца признаюсь в оном, благодаря Всевышнего не попустившего меня предстать к Его Святому Таинству с личиной ложного показателя. Вы видели мои слезы, Ваше превосходительство; следовательно, легко можете поверить, что я скрыл истину не от закоснения в пороке, но единственно от страха быть приняту за то, чем я никогда не был - за преступника..."

В приложенном к письму "дополнение к показаниям" Вадковский пишет. "Приступая к исповеданию грехов моих пред Господом Богом, хочу чистосердечным признанием вины моей хоть несколько облегчить упреки моей совести, да покажу сим Всевышнему доказательство моего раскаяния ! В прошедших моих показаниях я скрыл истину и сказал неправду. С истинным сожалением о моем поступке, спешу загладить след оного".

"Точно я знал, что конституция, признаваемая Обществом, к коему я принадлежал, была основана на правилах республиканских... Граф Булгари показал не ложно, что я таковую цель сообщил ему. Не зная сам, как и когда Общество намерено дать правлению иной вид, и не умея придумать образ сего перехода, я, может также сочинил ему, как он уверяет, что упразднение Царствующего дома было определено".

Далее Вадковский настаивает, что "упразднение Царствующей фамилии было лишь на словах". "Не страшусь и перед Святым Причастием уверить, что никогда сего не было, что это есть мой вымысел". "Краснея, извиняюсь в том, что имел дерзость в полном присутствии и в глазах самого графа Булгари отвергнуть истину... страх быть приняту за изверга превозмог мое желание быть искренным. Но ныне, приступая к Таинству Святой Веры, покорю все долгу христианина".

С Николаем Булгари Вадковский познакомился у его отца графа Якова Спиридоновича, который заведовал делами и управлял имениями графини Анны Родионовны Чернышевой рожд. Зебель. О графе Якове Булгари Вадковский показал, что "был близок к нему единственно в угождение бабушки. И смело уверяю, что ему не делал предложения вступить в наше Общество, ибо я, принявши графа Николая, несколько раз повторял ему, чтобы он отнюдь не открывал отцу вверенной ему тайны".

В письме к графу Бенкендорфу 4-го Января 1826 г. Булгари отец говорит, " Vadkovsky, petit-fils de la maréchale comtesse

Czernisheff était le seul des parents qui la fréquentait, car elle n'a jamais voulu voir chez elle ni Grégoire Czernisheff, ni son fils Zahar capitaine aux Chevaliers-Gardes" (Вадковский был не внуком, а внучатым племянником графини А.Р. Чернышевой).

Булгари отец объясняет совращение Вадковским его сына местью, потому что "Вадковский полагал, что он (Булгари) не желает ускорить совершение актов, по коим графиня Чернышева располагала отделить часть своего Воронежского имения" (этими имениями управлял Булгари) и тем, что он "часто упрашивал начальство Вадковского (полковника Гордеева) именем графини, чтобы оно повлияло бы на него, быть скромнее в своих разговорах".

Вадковскому было дано несколько очных ставок. Первая, с графом З.Г. Чернышевым не состоялась. До нее Вадковский показал, что "Не помню говорил ли я Чернышеву им показанное (об истреблении Императорской фамилии), но подтверждаю оное, ибо он мне двоюродный брат и друг и, потому, скорее даже согласился бы казаться преступником, чем дать ему личину ложного обвинителя".

На очных ставках 28-го Апреля с Матвеем Муравьевым-Апостолом и Свистуновым, Вадковский согласился с ними и подтвердил все их показания. Он сознался в том, что "разделял цель Южного Общества, введение республиканского правления с истреблением Императорской фамилии, что обещал Матвею Муравьеву-Апостолу свое содействие в покушении на жизнь Императора Александра. Он считал возможным совершить сие злодеяние на придворном балу и там же превозгласить республиканское правление, при чем говорил, что во время пребывания в Новой Деревне (летний лагерь Кавалергардов), когда он имел у себя духовое ружье, приходилась ему мысль покуситься на жизнь покойного Государя".

По приговору Верховного Уголовного суда Вадковский был обвинен в том, что "умышлял на цареубийство и истребление всей Императорской семьи, возбуждая к оному других. Участвовал в умысле произвести бунт и в распространении Тайного Общества принятием в оное товарищей", и приговорен по 1-му разряду к смертной казни отсечением головы, замененной вечной каторгой. При утверждении приговора Государем указом 22-го Августа 1826 г. вечная каторга была заменена двадцатилетней.

После объявления приговора, за неимением мест в Петропавловской крепости, Вадковский был заключен в Кексгольмской тюрьме, затем в Шлиссельбурге, откуда был отправлен на каторгу в Нерчинск на рудник Благодатный. Подобно прочим декабристам, в связи с попыткой восстания на Зарентуйском руднике, Вадковский был переведен в Читу и в последствии в Петровский Завод.

В 1832 г. срок каторжных работ был ему сокращен до 15-ти лет, 14-го Декабря 1835 г., в десятилетнюю годовщину восстания, до 13-ти. В Июле 1839 г. Вадковский был освобожден от каторжных работ и обращен на поселение села Манзурское Иркутской губернии.

О прекращении каторжных работ и выхода на поселение всех последних декабристов Вадковский сообщил своей сестре Софии : "Имею честь сообщить о благополучном разрешении от бремени de Madame la prison Petrovsky, 27-го июля у нее родилось 23 ребенка, после 13-ти лет беременности".

В Манзурское Вадковский не поехал. Ему было позволено отправиться на Туринские лечебные минеральные воды. По ходатайству ген.-губерн. Восточной Сибири Руперта, Вадковскому было разрешено поселиться в Оёке, в окрестности Иркутска, что дало ему возможность часто видеть других, поселенных в Иркутске, декабристов, главным образом Волконских...

Вадковский умер и похоронен в селе Оёке 7-го Января 1844 года. В своем завещании он назначил своими душеприказчиками княгиню Е.И. Трубецкую и А.И. Сутгофа.

Сестра Вадковского София была замужем за Астраханским военным губернатором И.С. Тимирязевым, много способствовавшим переезду шурина в Оёк. Вадковский был отличным скрипачем и, до некоторой степени, композитором. В Сибири он переложил на музыку стихи князя Одоевского "К славянским девам" и "Что не ветер шумит". Он был автором исторического труда "Белая Церковь" и нескольких сатирических стихотворений.

Б О М Б А

Из воспоминаний С.А. Безобразова.

Глубокой, холодной и мокрой осенью 1914 года, утопая в липкой грязи лесных Августовских дорог, шел полк в авангарде нашей Сводной кавалерийской дивизии. Шел дождь безостановочный, пронизывающий, мелкий, такой знакомый с детства по Московской губернии.

Унылое небо, унылая сеть дождя, который недели три подряд, днем и ночью, не переставая, размачивал дороги и поля. Тогда земля превращалась в глинистое болото, где вязли, как мухи на клейком листе, лошади, люди и повозки.

"И плакали кругом печальные березы..."

Плакали скучно, размазывая мокрую грязь по лицу земли. Вот такие же московские дожди не оставляли нас уже много недель в Августовских лесах. Полк шел по узким лесным дорогам-просекам, и эти дороги, нанесенные на карту, каким-то образом неизменно оказывались не там, где им полагалось быть. Оне быстро заростали и тогда пролагались свежые следы, на картах не предусмотренные.

К вечеру на мокрых лошадях, в промокших сапогах и шинелях, добрались мы до небольшого старообрядческого села Погоржельце. Лошади, люди и мы с утра ничего не ели, обозы застряли где-то позади.

В таких условиях мой вестовой был не заменим. Каким-то образом он всегда умудрялся раздобыть что-либо съедобное. С широкой улыбкой Хорьков сунул мне в руку большой ломоть хлеба с не менее большим куском сала - целое богатство. Что за чудо? "Где ты это достал ? Стащил что-ли ?"

- "А вот там под горой, показал Хорьков куда-то вдаль, старуха там ядовитая, говорит вас много, всех не накормишь - уходи. Нет ничего. А я ей говорю, сейчас сражение будет, дом бомбами закидаем, так тебе на том свете ничего не нужно будет. Она спужалась и вынесла хлеб да сало".

Не раздеваясь, мы заснули на соломе, наброшенной на пол. Ночью поднялся сильный ветер. Его порывы раскачивали церковные колокола и тогда тоскливо звучал их редкий перезвон. Звон этот в непроглядной тьме звучал жутко, предостерегающе.

В темноте, мимо дома, подобно апокалитическому всаднику, кто-то проскакал и скрылся в лесу. Кто он был ? Свой или враг ? Это осталось загадкой. Кругом бродили разъезды - наши и чужие. Немецкая кавалерийская бригада где-то путалась, скрывалась в лесах и постоянно происходили столкновения мелких разъездов.

На рассвете дивизия двинулась дальше и к полудню мы выбрались из лесов и переправились через Черную Ганжу.

Эта речька, почти неподвижная, черная от торфяных болот ее окружающих, лениво несла свои зловонные, гнилые воды между высокими, крутыми берегами, заросшими мелким кустарником. Трудно сказать, что значит Ганжа, но очевидно, в глубокой древности, кто-то нашел сочетание звуков, особенно выразительно определяющее это черное, вонючее произведение природы.

Мост, перекинутый через речку, был похож на карамору - на насекомое на длинных ногах, без усилия скользящее по воде. На своих длинных ногах мост качался, трещал под тяжестью всадников. Настил из гнилых досок подпрыгивал, уподобляясь клавишам старого, разбитого рояля. Но бывают чудеса и "карамора", хотя и со скрипом и содроганиями, выдержал наш переход, не только туда, но и обратно.

Выйдя из леса, мы шли по холмистой, открытой местности. Изредко попадались дворы - дворы бедные, белые мазанки, крытые соломой.

Наш четвертый эскадрон шел, по-прежнему, головным, выслав походные заставы и разъезды. Скоро пришло донесение, что по шоссе Сейны-Сувалки идут обозы противника. С бугра, куда втянулся эскадрон, хорошо было видно шоссе, по которому не торопясь шли повозки и небольшое прикрытие.

Грохот донесся из небольшой ложбины, где расположился взвод нашей конной батареи. Белые облачки разрывов покрыли шоссе. Повозки обоза в беспорядке понеслись в разные стороны.

Все это нам хорошо было видно. Еще грохот и опять облачки повисли над обозом. Любопытно и даже весело было смотреть на вражескую панику.

Шагах в ста, неторопясь, выростал черный угрожающий столб. Сверкнула молния, разразившаяся громоподобным треском. Земля, камни летели во все стороны. Не успел заглохнуть гром разрыва, как новый столб рос к небу, сотрясая небо и землю. Мы никогда еще не видели таких чудовищ - вероятно восьми или девяти дюймовые гаубицы. Потом во всей Армии их прозвали чемоданами.

Выпустив два снаряда для пристрелки, немецкая батарея заработала. Черные столбы беспрерывно подымались то тут, то там, все ближе и ближе к орудиям. Одним попаданием снаряда были перебиты все лошади в уносах одного передка, другое орудие спешно снялось с позиции и унеслось в лес.

От шоссе шли цепи немецкой пехоты прямо на одиноко торчащую пушку. Тяжелые снаряды падали все чаще и гуще. Разрыв, нагнетая воздух, чуть не сбил меня с коня. Шипя и свистя, шагах в двадцати просесся снаряд. Одно мгновение я его видел совсем отчетливо. Острый, длинный, он несся кувыркаясь, цепляя верхушки холмов. Редкое зрелище.

Постепенно полки нашей дивизии оторвались от противника и отошли в спасательный лес, исчезнув в его мокрой, зеленой мути. Настала наша очередь. Крупной рысью наш эскадрон отправился туда же. Командир эскадрона, Димитрий Иванович Звегинцов, крикнул мне "Возьми полвзвода и постарайся вытащить пушку".

Лес был близок. Сознаюсь без особой охоты повернул я назад. Надо было делать быстро,и полным ходом мы поскакали в объятие черных столбов, грохота и ослепительных молний. А пушка, предмет наших забот, стояла одиноко, безучастно глядя на подходящего врага.

Думать было некогда. Мы скатились с коней и ухватились за орудие. Кто тянул хобот, кто спицы. "Раз, два, три... Ура." Колеса, застрявшие в болотистой земле, едва сдвинулись. Мне нравилась эта боевая картина, ее романтичность и, забыв страх, воображал себя на батарее Раевского. "Наддай, наддай, ребята!" Два три таких усилия и пушка понемного сдвинулась с места. Дальше пошло легче. Лощина шла уклоном до самой дороги. Навстречу показались всадники: взвод № 3-го эскадрона с князем Багратионом, заменивший убитых артиллерийских лошадей своими. Подхватив пушку, мы все полным ходом поскакали в лес.

Несколько дней спустя мы стали в резерв пехоты в небольшой литовской деревушке. С годами название ее выскочило из моей памяти, помню только, что прошедшие здесь до нас немцы, написали на дверях дома : "Ванцен Вилла", что значило "Клоповая вилла". Такое краткое определение не предвещало ничего хорошего.

Комната в избе была довольно большая, отштукатуренная и побеленная. Расположились, как всегда, мы вдоль стен.

Я тогда еще не обзавелся походной, складной кроватью. Был у меня спальный мешок, купленный в "Экономке" за несколько дней до выступления в поход. Мешок, снаружи крытый черной парусиной, клался прямо на пол, простыни засовывались внутрь и как-то можно было спать. Без матраца, на твредом полу было очень жестко, а зимой холодно, халупы в Литве строились прямо на земле без всяких подвалов.

Повернувшись к стене, я старался заснуть, но какая-то доска, прибитая к полу, острым ребром врезывалась в бок и мешала спать. Прямо на уровне лица, потрескавшаяся штукатурка, висела кусками. От моих движений один кусок отвалился и передо мной представилась удивительная картина. Сотни и сотни клопов, прижавшись друг к другу, теснились на обвалившемся месте. Тут я понял, что значило "Ванцен Вилла".

Каждую ночь ребро доски врезывалось в бока, но утром я, как то забывал о ней до следующей ночи. Наконец, на пятый день, решил от нее избавиться и приказал деньщику достать топор. Ветхая хата тряслась от ударов.

"Ой, пане, что вы делаете" завопила старуха хозяйка. - "Матка Божья помилуй нас ! Там же бомба!" - "Какая бомба? Где она+" - "Да там под полом, испуганно поясняла хозяйка, как влетела скрозь крышу, так прямо в пол - там и осталась".

"Пятый день мы в ее доме, а она хоть бы слово. В сердцах я посулил ей много нехороших вещей. Хозяйка смотрела на меня с глубоким сожалением. - "Второй месяц с ней живем - и ничего, а вы ее топором. Никому она не мешает".

Разговор шел на малопонятной смеси русского, польского и литовского, да и говорить с нею было безполезно - кроме того завтра на рассвете мы уходили дальше. Вечером мы заснули, забыв о бомбе, о ней никто не беспокоился - такова счастливая беспечность молодости.

Мы ушли, оставив старуху с ее бомбой, но на прощанье я ей все-таки посоветовал обратиться в стоявшую тут же в деревне батарею. "Бомбы дело им знакомое. Пусть ее и выкапывают".

ХРОНИКА

1970 год

27-го ноября, в Сиднее, Австралия, скончался граф Роман Владимирович Мусин-Пушкин. Офицер полка и дивизиона производства 1915 года. Похоронен на кладбище Руквуд.

1 9 7 1 год

14-го марта в Нейфене, Западная Германия, скончался Василий Васильевич Кочубей. Офицер полка, производства 1912 года. Похоронен на местном кладбище.

24-го апреля, в Лондоне скончалась дочь Кавалергарда Мария Георгиевна Lady Norman Roberts, рожденная фон Раух

11-го мая, граф Сергей Александрович Чернышев-Безобразов и графиня Елизавета Димитриевна, рожденная графиня Шереметева праздновали свою золотую свадьбу.

12-го мая в Лондоне скоропостижно скончался протоиерей отец Георгий Шереметев в миру граф Георгий Александрович Шереметев. Офицер полка и дивизиона, производства 1909 года. Похоронен на кладбище Gunnersbury.

4-го июня, в русской православной церкви в Лос Анджелесе в САСШ состоялась свадьба внучки Кавалергардов Александра Григорьевича Черткова и о. Георгия Шереметева Наталии Григорьевны Чертковой и Gionni Gelletich.

4-го июня, в Нью-Йорке состоялась свадьба кн. Сергея Платоновича Оболенского-Нелединского-Мелецкого и Mrs. Marilyne Fraser Wall.

4-го августа, в Сан Франциско скончалась вдова и дочь Кавалергардов Елена Николаевна Безак, рожденная Шипова.

11-го августа, в Париже, после краткой, но очень тяжелой болезни, скончался Георгий Георгиевич фон Раух. Офицер полка и дивизиона, производства 1-го октября 1914 г. Похоронен на русском кладбище в Sainte-Geneviève-des-Bois.

20-го августа, в Париже, скончалась вдова и дочь Кавалергардов Софья Григорьевна Хвощинская, рожденная графиня Милорадович. Похоронена на кладбище в Sainte-Geneviève-des-Bois.

15-го октября скончалась вдова Кавалергарда кн. А.Л. Урусова Княгиня Екатерина Александровна Урусова, рожд. Дерюжинская. Похоронена на кладбище в Sainte-Geneviève-des-Bois.

К НАСТУПАЮЩЕМУ НОВОМУ 1972 ГОДУ КАВАЛЕРГАРДСКАЯ СЕМЬЯ ШЛЕТ ВСЕМ СВОИМ СОЧЛЕНАМ, ЧИТАТЕЛЯМ И СОТРУДНИКАМ ВЕСТНИКА КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ СЕРДЕЧНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ И ПОЖЕЛАНИЯ БЛАГОДЕНСТВЕННОГО И МИРНОГО ЖИТИЯ, ЗДРАВИЯ И ВО ВСЕМ БЛАГОГО ПОСПЕШЕНИЯ.

ВЕСТНИК

КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ

1972

ПРАЗДНИК КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ

По примеру прошлых лет 5/18 Сентября в Александро-Невском соборе в Париже был отслужен молебен, после которого на квартире барона Г.Г. фон Гротгуса состоялся товарищеский ужин на котором кроме хозяина еще участвовали Г.В. Бибиков, барон А.П. Бильдерлинг, В.Н., В.В. и М.В.Звегинцовы, Д.Д. Левшин, граф Г.Д. Менгден, П.И. Миклашевский, граф В.В. Мусин-Пушкин, граф П.П.Шереметев и И.Н. Чудово-Адамович.

П а м я т и

ГРАФА СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЧЕРНЫШЕВА-БЕЗОБРАЗОВА
1894 - 1972

9-го Сентября в Нью-Йорке скончался граф Сергей Александрович Чернышев-Безобразов. Окончив Пажеский Е.В. корпус, выпущен из камер-пажей 12-го Июля 1914 г. корнетом в Кавалергарды с зачислением в № 4-ый эскадрон с которым выступил на войну 1914 г. В рядах эскадрона участвовал в боях в Восточной Пруссии, в Августовских лесах, в особенности в бою под Мацьковой Рудой, где со своим спешенным взводом оттащил с позиции, под сильным огнем тяжелой немецкой артиллерии, одно орудие нашей батареи. Затем участвовал в зимних боях под Петраковым, на реке Пилице и у города Людвинова.

Летом 1915 г. откомандировался по собственному желанию, в числе других шести офицеров полка в 13-ый Лейб-Гренадерский Эриванский полк для пополнения убыли в его офицерском составе. В рядах Эриванцев участвовал в боях под Влодавой, где, командуя 9-ой ротой полка, был тяжело контужен разрывом 9-ти дюймового снаряда. Не вполне оправившись от контузии, вернулся в строй и участвовал в боях под Ново-Троки и у Вильны.

При разворачивании Кавалергардов в 6-ти эскадронный полк, вернулся в полк и был назначен командиром 2-го Кавалергардского стрелкового эскадрона Стрелкового полка Гвардейской Кирасирской дивизии, с которым участвовал в боях на Стоходе.

Был одним и самых деятельных сотрудников Вестника Кавалергардской Семьи много положивший усилий на благо нашего Объединения.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ РОМАНА В СТИХАХ В.П. МЯТЛЕВА "ФОН БРАТЕН"

На дальней улице столицы
Мерцают тускло фонари,
И сонных "ванек" вереницы
На козлах, жмуряь, ждут зари,
Мечтая в поздний час разъезда,
С дежурной комнаты подъезда,
Из элегантного полка
Взять пощедрее ездока
Но до зари еще далеко,
Еще полночи не прошло.
Сквозь двери мерзлое стекло
На полке вешалки высокой,
Легко заметить может взгляд
Фуражек белых длинный ряд.

Я провожу тебя, читатель,
Куда ты может быть, ходил,
Куда меня один приятель
Обедать некогда водил,
Где по ночам кутил я даже.
И так мы во втором этаже.
Накрытый в зале длинный стол
Товарищей на ужин свел.
Нас поражают слух и взоры
Тарелок и бокалов стук,
Поларастегнутый сюртук,
Застольной дружбы разговоры,
Названья разных лошадей,
Вин, дам, бомонда и друзей.

Мой лучший друг служил в известном
Кавалерийском том полку,
Который часто в бою честном
Врагов растаптывал в муку.
Атакой быстрою, как птица
На поле битвы Аустерлица
И на полях Бородина
Его история славна.
Теперь условий новых ворох,
Увы увел его в запас.
Коней тяжелых и кирас
Бездымный не боится порох,
И дни победы и войны
Полку преданья старины.

Но полный добрым начинаньем,
Я не могу пройти молчаньем
Кавалерийского полка.
Его известность велика.
В нем жанр особенный, в нем дети
Отцов, рожденных в высшем свете,
И из которых большинство
Верно обычаям его,
Как верен по ночам лунатик
Его прельщающей луне,
Как верен глупый муж - жене,
Своей религии - фанатик,
Пустыне и коню - араб,
И госпоже - влюбленный раб,

Ниже помещаем биографии трех Кавалергардов, которые ко дню восстаний 14-го Декабря не служили больше в рядах полка, а состояли в генеральских чинах. Светлейший князь Павел Петрович Лопухин начальник 1-ой уланской дивизии, князь Сергей Григорьевич Волконский бригадный командир в 19-ой пехотной дивизии и Михаил Федорович Орлов, начальник 16-ой пехотной дивизии.

КНЯЗЬ ВОЛКОНСКИЙ, СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

Сын члена Государственного Совета князя Григория Семеновича и кавалерственной дамы кн. Александры Николаевны рожд. кн. Репнина, родился 8-го Декабря 1788 г. До 14-ги лет Волконский обучался дома под руководством гувернера Фриза и отставного полковника, барона Каленберга, затем в Петербургских пансионах аббата Шарля-Доминика Николь и Жакино.

По обычаю того времени, 8-ми лет, оставаясь дома, Волконский был зачислен на военную службу, которая, благодаря придворным связям родителей протекала для него особенно быстро. 1-го Июня 1796 г. он сержант в Херсонском гренадерском полку, 10-го Июля штаб фурьер в штабе фельдмаршала Суворова, 1-го Августа адъютант в Алексопольском пехотном полку, 10-го Сентября полковой квартирмейстр в Старо-Ингерманландском мушкатерском полку, 19-го Марта 1797 г. Волконский назначен флигель-адьютантом с производством в ротмистры Екатеринославского кирасирского полка.

Но действительная военная служба началась для него только 28-го Декабря 1805-го г., когда 17-ти лет, минуя чин корнета, он был зачислен поручиком в Кавалергарды и дальнейшее продвижение на военном поприще продолжалось с той же быстротой, но почти всегда вне строя. В 1806 г. он был назначен адъютантом главнокомандующего генерал-фельдмаршала графа Каменского. После отъезда последнего из Армии, занимал ту-же должность при генерал-лейтенанте графе Остерман-Толстом. За бой под Пултуском награжден орденом св. Владимира с бантом. В 1807 г. за сражение при Прейсиш-Эйлау, в котором был ранен пулей в бок, награжден золотым знаком (Прейсиш-Эйлауский крест) и назначен адъютантом командующего Армией генерал-от-кавалерии барона Бенигсена. За Фридландское сражение награжден золотой шпагой с надписью "За Храбрость", 11-го Декабря 1808 г. произведен в штабс-ротмистры, в 1810 г. назначен адъютантом главнокомандующего Задунайской Армией генерал-от-инфантерии графа Каменского. 6-го Сентября Волконский был назначен флигель-адъютантом Его Величества.

"Осчасливен был назначением флигель-адъютантом ныне в Бозе почивающим блаженной памяти Государя Императора", пишет он в опросном листе. 18-го Октября произведен в ротмистры и отправлен в Задунайскую Армию в распоряжение главнокомандующего Армией генерал-от-инфантерии Голенищева-Кутузова.

"Неожиданное назначение мое при новом главнокомандующем Молдавской (Задунайской) Армией, было следствием попечения моей матери, как я полагаю, и, вероятно, из убеждения, что образ моей жизни в Петербурге и расположение к влюбчивости мне не в пользу".

В 1812 г. Волконский находился в свите Государя при Главной Квартире. После отъезда Императора из Армии, Волконский состоял в летучих отрядах генерал-лейтенанта барона Винцегероде и генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова и был награжден орденом св. Владимира 3-ей степени и 31-го Октября чином полковника.

В 1813 г. исправляя должность дежурного генерала в корпусе генерал-адъютанта барона Винцегероде, за бой под Калишем награжден орденом св. Георгия 4-ой ст. 15-го Сентября произведен за отличие в генерал-майоры. В 1815 г. в связи с возвращением Наполеона во Францию, Волконский находился в заграничном походе до 30-го Декабря, когда вернулся с войсками в Россию. В 1816 г. назначен командиром 1-ой бригады 2-ой уланской дивизии, в 1821-г. командиром 1-ой бригады 19-ой пехотной дивизии.

Кроме русских орденов Волконский имел ордена Шведский Военного Меча, Прусский Красного Орла 2-ой ст. и Гессен-Кассельский Военного Меча.

В 1816 г. у Волконского была дуэль с Волынским гражданским губернатором Гажицким, которая после обмена первыми выстрелами, окончилась примирением противников. Об ней, а так-же как о трехсуточном аресте, наложенном на него лично Государем, он подробно рассказывает в своих "Записках" изданных в Петербурге в 1902 г.

Более подробно описывает он смотр войскам 2-ой Армии в Октябре 1823 г. и слова, сказанные ему Государем. "Я очень доволен вашей бригадой. Азовский полк - из лучших полков моей Армии, Днепровский немного отстает, но видны и в нем следы ваших трудов, и, по моему, гораздо для вас выгоднее будет продолжать оные, а не заниматься управлением моей Империи, в чем вы, извините меня, и толку не имеете".

Обеспокоенный словами Государя и чувствуя, что существование Тайных Обществ и принадлежность его к ним, возможно, известны, Государю, Волконский передал свои опасения и содержание разговора начальнику штаба 2-ой Армии генералу Киселеву. (Сб. Биог. Кав. Т.3. стр. 144). Последний посоветовал Волконскому написать Государю письмо, к котором обьяснить, что он напрасно оклеветован. Волконский последовал совету, написал письмо, передал его Киселеву, который и вручил его Государю.

В ближайший проезд Государя через штаб-квартиру бригады Волконского, последний встретил Императора с почетным караулом и Александр Павлович ему сказал. "Ты не понял меня. Я хотел сказать, что твоя головушка прежде заносилась туда, куда ей не следовало-бы заноситься, но теперь (после письма) я убедился, что ты принялся за дело. Продолжай и мне будет приятно это в тебе оценивать".

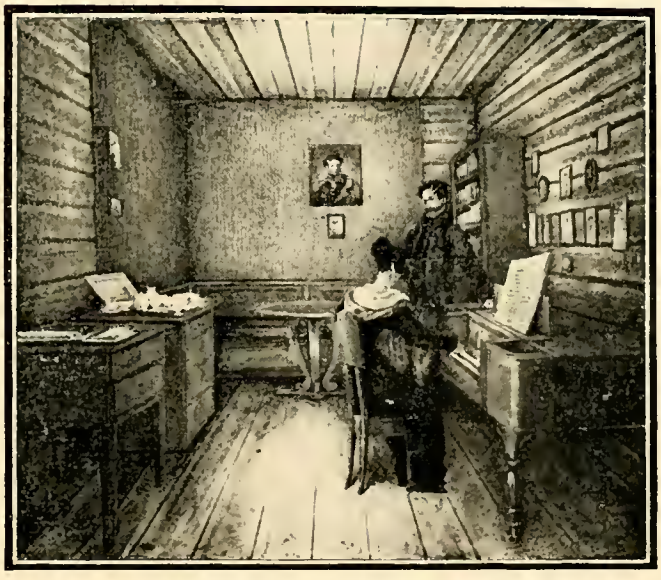
Волконский был видным масоном. В 1812 г. он был членом ложи "Соединенных Друзей", в 1814 г. перешел в ложу "Сфинкс", в 1815 г. сам основал ложу "Трех Добродетелей". Кроме того, он был почетным членом Киевской ложи "Соединенных Славян".

Приказ об аресте Волконского был дан 25-го Декабря, но арестован он был лишь 7-го Января 1826 г. в Умани и привезен в Петербург, в сопровождении фельдъегеря Тихонова, 14-го. В своих записках Волконский подробно рассказывает о первом своем допросе в Зимнем дворце, куда он был доставлен сразу по прибытию в Петербург.

"Войдя в приемную залу, я увидел, что в ней за письменным столом сидел генерал-адьютант Василий Васильевич Левашев, старый однополчанин мой по Кавалергардскому полку (Сб. Биог. Кав. Т. 3 стр. 95). Он вышел доложить Государю о моем прибытии, а я оставался несколько минут один, что дало мне случай взглянуть на бумаги, лежащие на столе, которые оказались показаниями Басаргина, Якушкина и Лемана... Из беглого, кратковременного взгляда на эти бумаги, я узнал, что все трое, в особенности Басаргин и Якушкин, на утаивали принадлежность свою к Тайному Обществу, то только в первоначальном его виде (Союз Благоденствия). На Леманский же допрос я не имел времени уже взглянуть. Тут явился сам Государь Император Николай, в сопровождении Левашева, и сказал мне, тогда еще не гневно :"От искренности вашей зависит ваша участь. Будьте чистосердечны и я обещаю вам помилование".

Государь вышел и я остался с глазу на глаз с Левашевым. Начался допрос и я, руководствуясь теми данными, которые успел прочесть и в убеждении, из многих прежде мне известных данных, что существование Общества известно, делал мои показаний, не выходя

Князь Сергей Григорьевич
Волконский



Петровский Завод,
Камера Волконских до пробития окна.

Княгиня Мария Николаевна
Волконская,
рожд. Раевская.

из рамок уставов "Зеленой Книги" (Устав Союза Благоденствия). Как Левашев не домогался от меня более подробных объяснений, выставляя и прежние наши товарищеские отношения и на преданность к зятю моему Петру Михайловичу (фельмаршал князь П.М. Волконский, женатый на сестре Волконского Софии) и потому и ко мне, ему всетаки не удалось узнать ничего более.

Левашев взял мой допросный лист и пошел к Государю. Вскоре оба опять воротились ко мне и Государь мне сказал : "Я..." На этом кончаются записки Волконского. Несомненно, что Государь не удовлетворился "искренностью" Волконского и сказанные им слова были далеко не прежние "не гневные".

Из дворца Волконский был отвезен в Петропавловскую крепость. В предписании о нем коменданту крепости было сказано "Присылаемого князя Сергея Волконского посадить или в Алексеевском равелине, или где удобно, но так, чтобы о приводе его было-бы неизвестно". Заключение Волконского долго хранилось в тайне от прочих последственных членов Тайных Обществ, до такой степени тайно, что в следственных документах он значился первое время, как "Арестант № 4".

16-го Января первые показания арестанта № 4, были читаны на заседании Верховной Следственной Комиссии, а 25-го он был вызван на допрос. Верховная Комиссия не удовлетворилась его сбивчивыми ответами и потребовала от него изложить все письменно. 27-го Волконский был вновь вызван на допрос Комиссии, где ему, предварительно было объявлено приказание Государя. "Требовать, чтоб непременно все ныне же показал, иначе будет закован". Угроза возымела свое действие. Показания стали более "чистосердечными".

Отвечая на допросах, Волконский не всегда держал себя с достоинством. Описывая его поведение на допросах, Император Николай говорит, что "Сергей Волконский набитый дурак, и здесь себя таким - же показал. Не отвечая ни на что, стоя как одурелый, он представлял самый отвратительный образец неблагодарного злодея и глупейшего человека".

Не лучшего мнения был о нем его тесть герой 1812 г. Н.Н. Раевский. В письмах к своей дочери Екатерине Орловой, он сообщает ей, что "Волконскому будет весьма худо. Он делает глупости. Запирается, когда все известно. Он срамится. Бедная Маша". Еще откровеннее писал о нем его шурин Н.Н. Раевский младший свсей младшей сестре, той же Орловой, 18-го Февраля 1826 г. "Что касается Волконского, то нет такого ужаса, в котором он не былбы замешан. К тому же он держит себя дурно, то высокомерен, то униженней чем следует. Его презирают все. Каждую минуту в нем открывается ложь, к которой он принужден сознаваться".

Из целого ряда допросов Верховная Следственная Комиссия выяснила, что "Волконский был членом Тайного Общества Союза Благоденствия, куда был принят генерал-майором Михаилом Фонвизиным. После прекращения этого Общества в Москве, поступил в новообра-

зованное Тайное Южное Общество. Участвовал на совещаниях в Киеве и в имении Давыдова Каменка в 1822 и 1823 г. и согласился тогда на введение республиканского правления и на уничтожение особ Императорской фамилии. Будучи приглашен к участию в замыслах против Императора Александра в 1823 г. в Бобруйске, отказался от оного. В 1823 и 1824 г. ездил троекратно в С. Петербург с поручениями от Пестеля войти в сношение с Северным Обществом и стараться соединить его с Южным и направить его к той же цели, причем открыл некоторым членам намерение своего Общества (Южного) введение республиканского правления и истребление Императорской фамилии. В Январе 1825 г. в Киеве, во время Киевских контрактов, на квартире Волконского состоялось свидание его и Пестеля с членами Польского Тайного Общества Князем Яблоновским, графом Мошинским и Гродецким на предмет совместных и одновременных, революционных действий и о заточении всех членов Императорской фамилии, которые могут находиться в это время в Польше.

Слышал о предположении начать возмущение в 1825 г., но, считая, что это трудно исполнить, не нашел нужным о сем объявить. Возвратясь в 1824 г. с Кавказа, составил доклад о мнимом существовании там Тайного Общества в корпусе генерала Ермолова. В день проезда генерал-адъютанта Чернышева через Умань, писал Пестелю, что им начата подготовка 19-ой пехотной дивизии, но, впоследствии, утверждал, что писал все это, желая избавиться от упреков членов Общества в недостаточной деятельности.

В таком же духе объяснял он свои поступки в письме к Государю 15-го Февраля, в котором по совету и настоянию матери, выражал полное свое расскаяние. Он отказался силой оружия освободить Пестеля и оказать помощь восставшему Черниговскому полку.

Кроме участия в Тайных Обществах, Волконский был обвинен и сознался, что держал у себя поддельную печать председателя Полевого Аудиториата Волкова, которой пользовался для вскрытия казенных пакетов по делу своего шурина генерала Михаила Орлова.

По решению Верховного Уголовного Суда Волконский был приговорен по первому разряду к лишению чинов, орденов и дворянства и к отсечению головы, замененной ссылкой на каторжные работы сроком на 20 лет, с последующим поселением в Сибири. По утверждении приговора Государем, срок каторжных работ был ему сокращен до 15-ти лет.

29-го Августа Волконский был отправлен в первой партии, закованный в кандалах в Иркутск и назначен на работы в рудник Благодатный, откуда, в связи с попыткой восстания на Зарентуйском руднике, все декабристы были переведены 13-го Сентября 1827 г. в Читу и, впоследствии, в Петровский Завод.

Волконский был женат на дочери генерал-от-кавалерии Н.Н. Раевского Марии Николаевне (25/12/1806-10/8/1863). Будущая княгиня Волконская получила отличное, по тем временам образование. В совершенстве владела английским и французским языками, была музыкальна и обладала хорошим голосом. Роста выше среднего, стройная,

немного смуглая, к ней, как никому, подходило, данное в свете прозвание Девы Ганга.

Пушкин, близкий всему семейству Раевских, когда-то увлекался Марией Николаевной и посвятил ей несколко стихотворений, в том числе поэму Полтава.

"Тебе, но голос музы темной коснется-ль слуха твоего ?
"Поймешь-ли ты душою скромной стремленье сердца моего ?
"Иль посвящение поэта, как некогда его любовь,
"Перед тобою без ответа, пройдет непризнанная вновь ?
"Узнай, по крайней мере, звуки бывало милые тебе,
"И думай, что во дни разлуки, в моей изменчивой судьбе
"Твоя печальная пустыня, последний звук твоих речей,
"Одно сокровище, святыня, одна любовь души моей".

Можно преположить, судя по запискам княгини Марии Николаевны, изданным в Петербурге в 1904 г., что большой близости между мужем и женой не было. В 1824 г. Волконский уже заслуженный генерал, сделал ей предложение. Несмотря на разницу в летах, предложение по настоянию отца, было ею принято. Мария Николаевна выходила замуж без всякой любви. Сама она пишет в своих воспоминаниях. "В 1825 г. я вышла замуж за князя Волконского. Мои родители думали, что обеспечили мне блестящую, по мнению света, будущность. Мне было грустно с ними расстаться".

Всего три месяца прожила она с мужем, затем заболела и уехала с матерью, сестрой Софией и гувернанткой-англичанкой в Одессу, на предписанные ей докторами морские купанья. О принадлежности мужа к Тайным Обществам она не имела понятия, а он, так ушел в дела Общества, что, даже во время свадьбы, вел переговоры с представителями Польского Тайного Общества.

Осенью 1825 г. Волконский увез жену в Умань - штаб его бригады. Наступали последние дни неминуемой развязки. Волконский проводил время в безконечных разъездах, в Тульчин, Васильков, Киев. Сразу после ареста Пестеля, ночью вернулся в Умань и стал поспешно сжигать свои бумаги.

"Я ему помогала, как умела, спрашивая, что все это значит. Пестель арестован. Почему ? Нет ответа". Даже в такую исключительно тяжелую и трудную минуту его жизни, жена была ему такой чужой,далекой, что у него не нашлось слов,чтобы поделиться с нею своими опасениями и успокоить молодую женщину. "Он был старше меня лет на двадцать, старается она найти ему оправдание, и потому не мог мне довериться в таком важном деле".

Еще не совсем оправившись от тяжелых родов своего первого ребенка Николая, она поехала в Петербург для свидания с мужем и, чтобы получить разрешение на поездку в Сибирь. Она решила, что это её долг. Её отец в письме к дочери Орловой 20-го Марта 1827 г. говорил, что решение это было принято под влиянием "Волконских баб, которые похвалами её геройству, уверили её, что она героиня

и она поехала, как дурочка, оставив сына без слезинки на руках у Волконских", и это несмотря на то, что "муж ей опостыл".

Наконец, преодолев всевозможные затруднения семейные, административные, долгожданное разрешение было получено. В ответ на её прошение Император послал ей 21-го Декабря собственно-ручное разрешение.

"J'ai reçu, princesse, la lettre que vous m'avez écrite du 15 de ce mois. J'y ai vu avec plaisir l'expression des sentiments que vous me témoignez pour l'intérêt que je vous porte, mais c'èst à cause de cet intérêt même, que je prends à vous, que je dois devoir renouveler ici les avertissements que je vous ai déjà communiqués sur ce qui vous attend une fois passé Irkoutsk. Au reste, j'abandonne entièrement à votre propre conviction, Madame, de vous décider à tel parti que vous jugerez le plus convenable dans votre situation. Votre affectionné, Nicolas.

Несмотря на предупреждение Государя о лишениях, которые ожидают жен ссыльно-каторжных в Сибири, княгиня Волконская не медлила с отъездом. В конце Декабря 1826 г., в сопровождении одной своей крепостной горничной, она двинулась в далекий, тяжкий путь. На 20-ый день она доехала до Иркутска, где ей пришлось подписать добровольный отказ от всех личных, имущественных и гражданских прав за себя и за возможное будущее потомство. С этой минуты она стала женой ссыльно-каторжного государственного преступника.

В первый год в Сибири княгине Волконской пришлось испытать целый ряд лишений и затруднений. Приехавшая с нею горничная была отправлена обратно в Россию. "Наши девушки (её и княгини Трубецкой), говорит в своих записках княгиня Волконская, стали очень упрямиться, не хотели ни в чем нам помогать и стали дурно себя вести - Leur conduite devint éhontée, сходясь с тюремными унтерофицерами и казаками. Начальство потребовало их удаления, пришлось самой готовить, стирать и мыть полы".

В 1835 г. в память скончавшейся матери Волконского, которая перед смертью просила о том Государя, он был досрочно освобожден от каторжных работ. Вместо первоначальных 20-лет, он пробыл на каторге только 9 лет и был "обращен на поселение", сначала Петровского Завода, затем села Уриковского в 18-ти верстах от Иркутска и, наконец, самого Иркутска.

Вместе с другими женами ссыльных декабристов, княгиня Волконская внесла тот уют и сердечность, в которых так нуждались их ссыльные мужья. Оне оказались действительно теми ангелами, с которыми их сравнил поэт-декабрист князь Одоевский.

"Как ангелы с лазури снизлетели с отрадою к страдальцам той земли
"И узникам, с улыбкой утешения, любовь и мир душевный принесли".

Каждая из нас, вспоминает княгиня Волконская, устроила свою тюрьму, по возможности, лучше. В нашем номере я обтянула стены

Дом П. Н. Свистунова
на поселении в Тобольске.

Дом Волконских
на поселении в Иркутске.

шелковой материей - мои бывшие занавески, присланные из Петербурга. У меня пианино, шкап с книгами, два дивана, словом, было почти нарядно.

В своих воспоминаниях о старожилах Петровского Завода, М.С. Добрынин, так отзывается о княгине Волконской. "Эта женщина должна быть бессмертна в русской истории. В избу, где мокро, грязно, тесно, скверно, лезет, бывало, эта аристократка - и зачем ? Да посетить больного. Сама исполняет роль фельшера, приносит больным здоровую пищу и, разузнав о состоянии болезни, идет в каземат к доктору Вольфу (ссыльный декабрист, штаб-лекарь 2-ой Армии), чтобы он составил лекарство".

Еще более подробно рассказывает в своих воспоминаниях доктор Белоголовый о княгине Волконской и о других женах ссыльных декабристов. "Двумя центрами, около которых группировались Иркутские декабристы, были семьи Трубецких и Волконских, так как они имели и средства жить шире и обе хозяйки : Трубецкая и Волконская - своим умом и образованием, а Трубецкая своей необычайной сердечностью, были, как бы, созданы, чтобы сплотить всех товарищей в одну дружескую колонию, а присутствие детей в обеих семьях, вносило еще более оживления и теплоты в отношениях.

Нельзя не пожалеть, что такие, высокие и цельные, по своей нравственной силе, типы русских женщин, не нашли, до их пор, ни должной оценки, ни своего Плутарха, потому что, если революционная деятельность декабристов-мужей, по условиям времени, не допускает нас относиться к ним с совершенным объективизмом и историческим беспристрастием, то ничто не мешает признать в их женах такие классические образцы, какими в праве гордиться страна, выростившая их и которые, без всякого зазора и независимо от всякой политической тенденциозности, могли бы служить в женской педагогике примером будущих поколений. Как не почувствовать благоговейного изумления и не преклоняться перед этими молоденькими и слабенькими женщинами, когда они, выросшие в холе, в атмосфере столичного света, покинули, часто наперекор советам своих отцов и матерей, весь окружавший их блеск и богатство, порвали со всем прошлым, с родными и дружескими связями, и бросились, как в пропасть, в далекую Сибирь с тем, чтобы разыскать своих несчастных мужей в каторжных рудниках и разделить с ними их участь, полную лишений и бесправных ссыльных-каторжан, похоронив в Сибирских тундрах свою молодость и красоту.

Чтобы еще больше оценить величину подвига Трубецкой, Волконской, Муравьевой, Нарышкиной, Энтальцевой, Юшневской, фон Визиной, Анненковой, Ивашевой и других, надо помнить, что все это происходило в 20-х годах, когда Сибирь представлялась издали каким-то мрачным, леденящим адом, откуда, как с того света, возврат был невозможен и где властвовал произвол таких легендарных, жестокосердечных воевод, которыми были, только что сошедшие со сцены, правители Пестель (отец декабриста), Трескин и другие".

Но совершенно другого мнения о княгине Волконской был, ссыльный по другой причине В.Ф. Раевский, который в 1848 г. писал Г.С.

Батенкову из села Олонки. "В ответ на совет твой пристроить в дом М.Н. Волконской моих детей разъясню тебе : 1) Ты не знаешь моих детей. 2) Ты не знаешь Марии Николаевны. Одна из дочерей моих жила около года у ней. Мои дети не рождены пожирать, поедать чужой труд, ходить на помочах, бояться укушения блохи, проводить жизнь в пляске. Мои дети плебеи. (Раевский женился в Сибири на простой, безграмотной крестьянке). Им предстоит тяжелый умственный труд, как средство для жизни и в жизни. Наши понятия не сошлись и не сойдутся, да подобные люди и понятия ни о чем иметь не могут. Малограмотные по беспечности родителей, малоземные по направлении от детства, безжизненные от дурного, бестолкового физического направления и подготовления, они, эти люди, достойны более сожаления, нежели упреков, они суть, как трава в поле, которая не идет в пищу скоту и потому только вредна, что не приносит пользы. Если-бы ты посмотрел на вашего диктатора, на его половину (княгиня Трубецкая), на Волконского и других - ты бы понял меня, что ожидания, мысль, видения ваши были детской ошибкой".

В другом письме, из того же с. Олонки, от "плебейства" детей Раевского ничего не осталось. В нем он оообщает своей дочери Вере Ефимовской, что он "получил наследственную грамату на дворянство, родословную и герб из герольдии", что он сам внесен в родословную роспись и, что на этом основании дети его тоже потомственные дворяне.

В своем доме, будь то в Уриковском или в Иркутске, Волконский бывал редко. Еще реже в гостинной своей жены. За последние годы он сильно "опростился". Водил дружбу исключительно с крестьянами, ходил весь измазанный мукой и дегтем. Он усиленно занимался сельским хозяйством на отведенных ему десятинах. Оно позволяло ему, как он говорил в письмах к друзьям, избегать строгий контроль жены. "Занимаюсь хлебопашетсвом и счета свожу с барышком. Трачу на прихоти, на баловство детям свою трудовую копейку, без цензуры и упреков. Тяжело быть в мои годы под опекой".

Совершенно другого мнения о доходности сельского хозяйства Волконского был его однополчанин декабрист Ф.Ф. Вадковский. В письме к И.И. Пущину он сообщает, что "Волконский сеет деньги, жнет долги, молотит время и мелит пустяки, когда уверяет, что это дело выгодное".

Сын декабриста Якушкина Евгений, побывавший в 1853-1855 г. в Сибири и видевший там много декабристов в течение своей двух-летней командировки, говорит в своем дневнике о Волконском. "С такими понятиями, как у него, стариков почти нет. К дворянству у него ненависть такая, ежели не на деле, то на словах, это в его годы редкость, что сделала бы честь любому республиканцу 93 года".

Касаясь вопроса "упреков, контроля и опеки", которым подвергался Волконский и взаимоотношений в его семье, Якушкин говорит, "что брак этот, вследствии характеров совершенно различных, должен был, впоследствии, доставить много горя Волконскому и привести к той драме, которая разыгрывается теперь в их семействе".

Разные слухи, ходившие в декабристкой среде в Сибири о семействе Волконских, родителях и детях, стали известны Софии Николаевне Раевской, получившей разрешение на поездку в Сибирь в 1850 г. для свидания с сестрой. По возвращению домой, она не преминула передать матери все слышанное. В результате плохие, натянутые отношения матери и дочери Марии, были окончательно прерваны.

Кроме дома в Иркутске другим географическим центром, где собирались декабристы и местное Иркутское общество, была летняя дача Волконских Камчатник, на берегу Ангары, большой двухэтажный дом со всякими пристройками и многочисленными службами.

Сам Волконский никогда там не бывал, зато, когда приезжали Трубецкие с тремя дочерьми и привозили с собой двух дочерей Раевского Камчатник оживал. Игры на лужайках перед домом, танцы, фейверки, охота на зайцев на островах Ангары. Частыми посетителями Камчатника были молодые чиновники сенаторской ревизии Сибири Толстого, князья Львов, Голицын, Шаховской, граф Сиверс и барон Ферзен.

В 1854 г. сестра Волконского, вдова светлейшего князя П.М. Волконского получила разрешение на поездку в Сибирь к брату. Сын Волконских Михаил поступил на гражданскую службу чиновником 5-го отделения Главного Управления Сибири по протекции генерал-губернатора Н.Н. Муравьева. Дочь Елена вышла замуж за Д.В. Молчанова и уехала с ним в Европейскую Россию, где, благодаря содействию Императрицы, выхлопотала в Августе 1855 г. разрешение матери вернуться в Россию. Тогда-же Волконскому было возвращено дворянство, а сыну княжеский титул.

Во время коронации Императора Александра 2, Михаил Волконский находился в Москве, сопровождая Восточно-Сибирского генерал-губернатора. Оттуда он был отправлен Императором в Сибирь с манифестом о полном помиловании всех декабристов.

После амнистии Волконский вернулся в Россию. Зимы 1859-1861 Волконские провели в Риме, Париже и Ницце. Вернувшись на родину, княгиня Волконская поселилась в имении мужа дочери Николая Аркадьевича Кочубея село Воронки Козелецкого уезда Черниговской губернии. Там она умерла 10-го Августа 1863 г. и похоронена в склепе около церкви. Над входом в склеп была высечена надпись : "Радуйся неусыпающая попечительница в узах и темницах сидящих".

Волконский-же уехал жить в майоратное имение Бенкендорфа Фалль, доставшееся по наследству жены его сына. Умер 28-го Ноября 1865 г. в Воронках, куда переехал незадолго до своей смерти. В 1863 г. ему были возвращены ордена и снят полицейский надзор.

У Волконских было четверо детей. Николай (2/1 1826 ÷ 17/1 1827), оставленный матерью при отъезде в Сибирь на попечении Волконских. Пушкин написал ему эпитафию, высеченную на гробовой доске.

"В сиянии радостном покое
"У трона Вечного Отца,

"С улыбкой он глядит в изгнание земное
"Благословляет мать и молит за отца".

София родилась и умерла 1/8 1830, Михаил (10/3 1832 ÷ 7/12 1907) женатый на светлейшей княжне Софии Григорьевне Волконской, Елена (20/10 1835 ÷ 23/12 1916). Она была замужем три раза. За Димитрием Васильевичем Молчановым, за Николаем Аркадьевичем Кочубеем и за Александром Александровичем Рахмановым.

СВЕТЛЕЙШИЙ КНЯЗЬ ЛОПУХИН, ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ

Единственный сын светлейшего князя Петра Васильевича и княгини Екатерины Николаевны рожд. Шетнева. Родился 7-го Декабря 1790 г. 10-ти лет был зачислен прапорщиком Лейб-Гвардии в Преображенский полк и тогда-же назначен флигель-адъютантом к Императору Павлу.

Столь необычному, даже в Павловское время, возвышению, Лопухин был обязан "Случаю". В 1798 г. Император Павел, находясь в Москве, пленился красотой Анны Петровны Лопухиной, дочери сенатора Петра Васильевича. Она была пожалована камер-фрейлиной и в этой должности должна была переехать в Петербург. Отец ее получил звание генерал-прокурора, чин действительного тайного советника и орден Андрея Первозванного.

19-го Января 1799 г. он был возведен в княжеское Российской Империи достоинство, а 22-го Февраля получил титул светлости. Соответственно с этим был изменен герб Лопухиных и добавлен к нему девиз "Благодать". Так переводилось по русски еврейское имя Анны.

Увлечение Анной Лопухиной Императором Павлом было так сильно, что он приказал заменить на всех знаменах, штандартах, гвардии, армии и флота старую надпись "С нами Бог", новой "Благодать". Одни только Кавалергардские штандарты не подверглись этой участи. В то время Кавалергарды были гвардией Гроссмейстера Державного Ордена Св. Иоанна Иерусалимского и имели Мальтийские штандарты.

Как было воспринято это необычное нововведение в войсках, видно из стихотворения Преображенца С.Н. Марина (впоследствии начальника внутреннего караула Л.-Гв. Преображенского полка в Михайловском Замке в ночь на 11-ое Марта 1801 г.).

"Могу-ли тайну ту понять,
"Что Анна греческа по русски
"Святая значит Благодать ?
"Могли-ли руки твои дерзки
"Украсить шапки гренадерски,
"Знамена, флаги кораблей
"Любезной имени твоей ?"

Возвышение Лопухиных неожиданно отразилось на судьбе Федора Петровича Уварова. В его биографии, в 3-м Томе Сб. Биог. Кавалер-

гардов на стр. 1 сказано : "1798 г. имел важное значение в его жизни ; ничем не отличавшийся от своих товарищей армейских офицеров, он неожиданно достиг такого высокого положения, на какое, при обыкновенном ходе вещей, не мог рассчитывать. Живя в Москве, Уваров приобрел благосклонность жены сенатора Екатерины Николаевны Лопухиной. В Мае приехал в Москву Император Павел и, вслед за этим, последовал известный переезд Лопухиных в Петербург". Не сразу, потому что "Екатерина Николаевна не соглашалась на переезд без Федора Петровича". Императору пришлось подчиниться её условиям. Уваров был переведен в Конную Гвардию, 29-го Октября 1798 г. сделан генерал-адъютантом, а 9-го Августа 1799 г. Шефом Кавалергардского Корпуса, а затем и полка.

При воцарении Императора Александра Лопухин был переименован в действительные камергеры, но 30-го Октября 1806 г. вновь поступил на военную службу поручиком в Кавалергарды и вновь пожалован флигель-адъютантом. Он участвовал в кампаниях 1806 и 1807 г., состоя при генерале бароне Бенигсене. 9 Окт. 1809 г. произведен в штабс-ротмистра. В 1812 г., в чине ротмистра, он состоял при генерале Ермолове, который, арестуя Лопухина, находил в нем "Смелость, добрую волю и хорошие способности, дающие надежду".

За бой под Красным Лопухин был произведен в полковники, за сражение при Деневицах награжден золотой шпагой с надписью "за храбрость". В 1814 г. за взятие Суассона награжден орденом Св. Георгия 4-го класса.

В 1817 г. произведен в генерал-майоры и назначен начальником 1-ой уланской дивизии, в 1828 г. начальником 2-ой конно-егерской дивизии, в 1829 г. произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником 1-ой гусарской дивизии. В 1831 г. за участие в усмирении польского мятежа и за взятие Варшавы награжден орденами Св. Владимира 2-ой ст. и Георгия 3-ей. В 1835 г. Лопухин вышел в отставку.

Лопухин был видным масоном, начальником ложи "Трех Добродетелей". В 1817 г. он был принят П.И. Пестелем в Тайное Общество "Союз Спасения и Истинных и Верных Сынов Отечества". Тогда-же, как показывает на одном из допросов Никита Муравьев, "Член Союза Спасения князь Лопухин в Петербурге, еще до отправления Гвардейского отряда в Москву, получил книжку немецкого журнала "Freimüthige Blätter", где был опубликован устав немецкого Общества "Союза Добродетели".

Устав Союза Добродетели - Тугендбунд, был переведен по русски и послужил основой уставу Союза Благоденствия, заменивший, прекративший свое существование, Союз Спасения.

Цели, которые Союз Благоденствия собирался осуществить, были "Ввести в государство мысли либеральные, могущие подготовить к представительному правлению, причем, единственным средством воздействия, должно было быть воздействие на мнение".

Возвратясь в 1821 г. из за границы, Лопухин узнал от Никиты Муравьева, что Общество распалось. Муравьев предложил ему вступить

в новое Общество, которое он собирался основать, при чем сказал, что цели нового Общества будут те же, что и в Союзе Спасения. Лопухин согласился и подписал присягу Обществу. На этом, по его словам, ограничилось все его участие в Обществе, и он не знал ни его цели, ни дальнейших действий.

В показаниях генералу Левашеву (Сб. Биог. Кав. Т. 3, стр. 95), Лопухин пишет.

"En 1821 Nikita Mouraviev m'a dit que la société, que quelques personnes avaient songé à établir en 1817, s'était dissoute avant de s'être bien formée et qu'il avait l'intention d'en créer une autre dans le même but ; c'est-à-dire d'assurer à la classe du peuple une existence plus indépendante, ou pour mieux dire, moins exposée aux abus de l'arbitraire, et finalement, avec le temps, de préparer la nation à un gouvernement moins autocrate".

На вопросные пункты Верховной Следственной Комиссии Лопухин ответил, что он "был на двух совещаниях, у князя Трубецкого, во время которых было трактовано о составе Общества и о правилах его. Средством достижения цели было поддерживать во мнении общем всех людей, имеющих мысли согласные с Обществом, а, напротив, тех, кои оказались бы противными оными, сторониться сколько возможно и во мнениях общих отнять весу и сделать (их) менее значущими". Далее, показывал Лопухин, "накануне отъезда моего (из Петербурга на юг). Муравьев дал мне проект учреждения Общества, присягу литографированную и письмо к Пестелю в Тульчин". Все это было передано им по назначению.

Князь Трубецкой на допросах показал, что содержание письма, которое он писал Александру Муравьеву в 1817 г. (в Москву) об отделении польских провинций от России и, которое имело следствием вызов (предложение себя) отставного капитана Якушкина для производства покушения на жизнь Императора Александра, было вызвано словами Лопухина. "Под польскими провинциями понималось тогда, та часть России, которая отошла от Польши после третьего её раздела, в том числе Белорусские и Подольские губернии и часть правобережной Украины. Лопухин утверждал, что Император Александр, желая восстановить царство Польское, предлагал присоединить к нему эти исконорусские земли.

Никита Муравьев подчеркнул в своих ответах Верховной Следственной Комиссии, что "после 1822 г. Лопухин прекратил всякое сношение с Обществом". На доклад Верховной Следственной Комиссии, последовала резолюция Императора Николая "Освободить Лопухина".

Единственный наследник огромного состояния отца, Лопухин "с увлечением предался самой разгульной жизни". "Не редко бывает у нас во Флоренции, говорит в своих воспоминаниях граф Бутурлин, светлейший князь Лопухин - молодчина во всем блеске типической красоты". Под старость Лопухин "хвалился своими успехами в обществе, своим умением вести разом несколько любовных интриг и не верил женской добродетели".

По словам князя Лобанова-Ростовского, "Лопухин был в 1869 г. бодрый и свежий старик, в обхождении чрезвычайно любезен. В нашем поколении мы уже отвыкли от подобного обхождения. Без преувеличения можно сказать, что Лопухин представлял собой тип старого, русского барина в самом полном и достаточном смысле этого слова. Несмотря на свои преклонные лета, он сохранил всю свежесть своей памяти, в разговорах постоянно отражалась его правдивость и добросовестность".

В Корсуни он "жил в вельможной обстановке". В огромном зале, скорее похожем на музей, каждую субботу давались концерты, на которых он сам часто дирижировал оркестром. Лопухин не ограничивался однии дирижерством, он сам сочинял музыку и не стеснялся вставлять в неё мотивы из известных итальянских опер.

Лопухин был женат на графине Жанетте Ивановне Алопеус рожд. Венкастрен, вдове Российского посланника в Берлине графа Давида Максимовича Алопеус.

Лопухин умер 23-го Февраля 1873 г. бездетным. Фамилия и титул были переданы его внучатому племяннику Н.П. Демидову (Сб. Биог. Кав. Т. 4, стр. 207). Похоронен в усыпальнице Николаевской церкви Лопухинского Инвалидного дома в Порховском уезде Псковской губернии на погосте Карачуницы вместе с женой и отцом.

ОРЛОВ, МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ

Родился 25-го Марта 1788 г. Внебрачный сын обер-прокурора Сената графа Федора Григорьевича, четвертого из пяти братьев, проявивших исключительную деятельность при воцарении Императрицы Екатерины Великой. Хотя граф Федор Григорьевич и считался холостым, тем не менее у него было две незаконные семьи. Одна от вдовы придворного камер-фурьера Елизаветы Михайловны Потаповой, дочери Московского купца Гусятникова, другая от полковницы Ярославцевой. К одной из них принадлежал Орлов с братьями Григорием (Сб. Биог. Кав. Т. 3, стр. 162) и Алексеем, впоследствии командиром Л.-Гв. Конного полка. Вместе с ними он был узаконен указом Императрицы Екатерины от 24-Апреля 1790 г. в правах дворянства за исключением графского титула.

Орлов обучался в иезуитском пансионе аббата Шарля-Доминика Николь в Петербурге. В 1801 г. он числился на службе в коллегии Иностранных дел. В 1805 г. он поступил на действительную военную службу юнкером в Кавалергарды, участвовал в бою под Аустерлицем, за который 9-го Января 1806 г. был произведен за отличие в корнеты. 27-го Апреля 1808 г. произведен в поручики, в 1810 г. назначен адъютантом к князю П.М. Волконскому. 2-го Июля 1812 г. произведен в штабс-ротмистры и назначен флигель-адъютантом свиты Е.В. и находился при Главной Квартире Государя.

Орлов сопровождал генерала Балашева в его поездке для переговоров с Императором Наполеоном, после перехода французской армией Немана. После отъезда Государя из Армии, Орлов состоял в отрядах генерала Дохтурова, затем Барклай-де-Толли. В первых числах Августа он был послан в главную квартиру Наполеона в Смоленск "для разузнания о взятом в плен генерал-майоре Тучкове". В Сентябре за участие во взятии Вереи он был награжден орденом св. Георгия 4-ой степени, 2-го Декабря произведен в ротмистры, 25-го Марта 1813 г. в полковники.

В кампании 1813 и 1814 г. Орлов все время находился в свите Государя. Накануне вступления в Париж ему было поручено Государем ведение предварительных переговоров с французским командованием об условиях сдачи города.

После первой неудачной попытки завязать переговоры, Орлов был послан вторично в Париж, на этот раз совместно с графом Нессельроде и адъютантом князя Шварценберга полковником графом Парр. В Париже переговоры затянулись. Нессельроде и Парр уехали за дальнейшими указаниями в замок Бонди - Ставку Императора Александра. Поздно вечером Парр вернулся в Париж с письмом Нессельроде, уничтожавшее все препятствия к совершению договора.

Капитуляция Парижа была тут же написана по французски лично Орловым. Она состояла из 8-ми статей. 1) Французские войска, находящиеся под начальством маршалов герцога Рагузского (Мармон) и герцога Тревизского (Мортье), очистят город Париж 19/31 Марта в 7 часов утра. 2) Они возьмут с собою всю артиллерию и тяжести, принадлежащие этим двум корпусам. 3) Военные действия могут начаться не ранее, как два часа по очищению города, то есть 19/31 Марта в 9 часов утра. 4) Все военные арсеналы, мастерские, заведения и магазины будут оставлены в том виде, в котором они находились до заключения настоящей капитуляции. 5) Национальная или Городская Гвардия (Urbaine) совершенно отделяется от линейных войск. Она будет сохранена, обезоружена или распущена по усмотрению союзников. 6) Городские жандармы разделят полностью участь Национальной Гвардии. 7) Раненые и мародеры, которые отстанутся в городе после 9 часов утра, будут считаться военнопленными. 8) Город предается на великодушие союзных Государей. Одобренный маршалами договор был подписан уполномоченными союзников Орловым и графом Парр и уполномоченными французского командования полковниками Фавье и Дюсису.

Заря 19-го Марта еще не поднялась, когда Орлов привез в замок Бонди капитуляцию Парижа. "Приехавши в Главную Квартиру, говорит в своих воспоминаниях Орлов, я ввел депутатов в большую залу и велел уведомить об их прибытии графа Нессельроде, который тотчас к ним явился, а сам пошел прямо к Государю, который принял меня лежа в постеле. "Ну, сказал он мне, что вы привезли нового ?" - "Вот капитуляция Парижа", ответил я. Император взял её и прочел. Сложил бумагу и, положив её под подушку, он сказал : "Поцелуйте меня. Поздравляю вас, что вы соединили свое имя с этим происшествием".

Следствием этого, удачно выполненного дипломатического поручения, было назначение Орлова в число русских уполномоченных, для решения дальнейших отношений между Швецией и Норвегией.

Победа, завершившая Отечественную войну, была достигнута исключительно русским народом, его партизанами и армией. Только они вынесли на своих плечах, на крови и костях весь страдный путь от Москвы до Парижа и, понятно, что Орлов, вступивший в Париж в ближайшей свите Императора Александра, испытывал ту же горделивую радость, что и вся русская Армия.

Вернувшись с Армией в Россию, Орлов, вместе с графом А.А. Димитриевым-Мамоновым, задумал основать Тайное Общество под названием "Орден Русских Рыцарей", для сопротивления лихоимству и другим беспорядкам, кои слишком часто обличаются (обнаруживаются) во внутреннем управлении России. Но далее очень сложных правил приема в Общество и разных, часто совершенно несбыточных, проэктов о будущем устройстве России, дело создания Общества не пошло. Наполеон высадился на юге Франции и это событие затмило все остальное. Произведеный 2-го Апреля 1814 г. за сдачу Парижа, в генерал-майоры, Орлов принял участие в втором походе во Францию в должности начальника штаба 7-го корпуса. К этому времени Димитриев-Мамонов был уже почти совсем сумашедшим.

Вернувшись в 1817 г. в Россию, Орлов вступил в Петербурге в литературный кружок Арзамас, под кличкой Рейн. В середине 1818 г. он получил назначение начальника штаба 7-го корпуса генерала Раевского в Киеве.

В это же время он был принят Александром Муравьевым в Тайное Общество "Союз Благоденствия". Его вступление было очень оценено Обществом, сразу зачислившего его в члены Коренной Управы - руководящего органа Союза. По поводу своего вступления в Общество, Орлов писал сестре : "Я вижу славу вдали и, может быть, как нибудь я добуду немного её".

По приезду в Киев, кроме непосредственной служебной деятельности, Орлов усиленно занялся распространением Ланкастерской системы взаимного обучения. Эта система, изобретенная англичанином Джоном Ланкастером, пользовалась в начале 19-го века огромной известностью.

При штабе корпуса имелась такая школа, в которой обучалось несколько десятков человек. При Орлове число их увеличилось до несколько сотен, потом, после открытия новых школ, и до тысячь. Орлов был избран вице-директором Киевского отдела Библейского Общества. В произнесенной по этому поводу речи, он посвятил большую её часть Ланкастерской системе, которой должно было, по его мнению, содействовать Библейское Общество.

Но должность начальника штаба корпуса и звание вице-директора Библейского Общества его не удовлетворяли. Он жаждал самостоятельной деятельности, но его надежды на повышение по службе долго не

сбывались. 30-го Мая 1820 г. он писал А.Н. Раевскому, что несмотря на поддержку графа Витгенштейна, "который писал обо мне весьма лестное отношение, по которому посюда никакого ответа не получено. Ежели откажут, сей отказ будет шестой, полученный мною в течении трех лет".

Наконец, 3-го Июня 1820 г. долнождданные надежды сбылись. Орлов получил назначение начальника 16-ой пехотной дивизии, штаб которой находился в Кишиневе. Орлов воспрянул духом. Сообщая о своем служебном повышении, тому же Раевскому, он говорил в письме от 27-го Июня, по поводу греческого восстания и возможности войны с Турцией : "Если-бы 16-ую дивизию пустили-бы на освобождение, это было-бы не худо. У меня 16 тысяч под ружьем, 36 орудий и 6 казачьих полков. С этим можно пошутить".

Перед отъездом в Кишенев, Орлов явился в Тульчине главнокомандующему 2сй ар. графу Витгенштейну и его начальнику штаба генералу Киселеву, своему давнишнему другу и сослуживцу по Кавалергардскому полку. (Сб. Биог. Кав. Т. 3, стр. 144). В Тульчине он виделся с руководителями Тульчинской Управой Союза Благоденствия П.И. Пестелем адъютантом главнокомандующего и с главным интендантом армии Юшневским, которые поручили ему основать в Кишиневе отдельную управу Союза Благоденствия и сообщили ему список тамошних членов Союза.

Свое "вынужденное" вступление в Союз Благоденствия, как он выражался впоследствии, Орлов объяснял так. "В 1820 г., будучи назначен начальником 16-ой пехотной дивизии, я проезжал через Тульчин, где на меня обрушились Фонвизин, Пестель и Юшневский и стали увещевать, что если я знаю все их тайны, то не великодушно мне самому оставаться вне опасности. Я поддался этому поводу".

О пребывании Орлова в Кишиневе рассказывает в своих воспоминаниях Ф.Ф. Вигель "Потеря, понесенная с отъездом Бахметева (Бессарабский наместник), быстро была заменена прибытием дивизионного начальника М.Ф. Орлова, который, как известно, был опасной красой Арзамаса ; сей благородный мечтатель, более чем когда либо, бредил в явь конституциями. Он нанял три или четыре дома и начал жить не, как русский генерал, а как русский боярин. Прискорбно, казалось, не быть принятым в его доме, а чтобы явиться в нем, надобно было, более или менее, разделять мнение хозяина".

Далее Вигель перечисляет некоторых лиц, посещавших дом Орлова. "Бригадный генерал Пущин, два изувера : адьютант Охотников и майор Раевский с жаром витийствовали, Липранди, Пушкин, которого сама судьба совала в среду недовольных, семь или восемь офицеров генерального штаба известных фамилий... с чадолюбием были восприняты. К их пылкому патриотизму, как полынь к розе, стал прививаться тут западный либерализм. Перед своим великим и неудачным предпринятым (Греческое восстание) посещал дом сей с другими соумышленниками русский генерал князь Александр Ипсиланти (Сб. Биог. Кав. Т. 3, стр. 194). Все это говорилось и делалось при свете солнечном, на виду целой Бессарабии".

Раевский, один из "изуверов", по определению Вигеля, перечисляет в своих записках, почти тех же лиц, посещавших дом Орлова. "Орлов, по привычке говорил очень свободно. За обедом у него редко было менее 15-20 человек. Два брата Липранди, Охотников, майор Гаевский, я, несколько свитских офицеров, А.С. Пушкин, бригадный командир Пущин (Павел Сергеевич) и Болховский (иначе Бологовский Димитрий Николаевич. Участник заговора против Императора Павла)".

15-го Мая 1821 г. Орлов женился на дочери генерал-от-кавалерии Н.Н. Раевского Екатерине. За ее властный характер в семье Раевских она звалась Марфой Посадницей. Насколько брак был заключен по сердечному влечению невесты ? Вернее всего, что подобно браку сестры Марии с кн. Волконским, были другие причины. Служебное положение жениха, его более чем хорошее состояние и денежная стесненность Раевских. После смерти генерала Раевского, его вдова оказалась в очень трудном положении, побудившее друга семьи А.С. Пушкина предпринять шаги в правительственных кругах. В 1820 г. он писал Бенкендорфу, прося его содействие об увеличении ей пенсии мужа. "Уже одно, что она обратилась с этим ко мне, свидетельствует, до какой степени у неё мало друзей, надежд и путей. Половина семьи в ссылке, другая накануне полного разорения. Доходов едва хватает на уплату процентов громадного долга".

Косвенным подтверждением холодности невесты видно из письма к ней Орлова, написанное за несколько недель до свадьбы. "Я получил ваше письмо от девятого Марта, в котором один только конец был по сердцу моему. Скажите мне : неужели не приостановилась ваша рука, когда вы написали этот несносный : "Monsieur" qui me crève les yeux au milieu de votre lettre ? Бог вам простит, Что бы вы не делали, я вас ни более, ни менее любить не могу. Посылаю вам новые известия (о греческом восстании) и целую вашу ручку, несмотря на то, что она пишет такие холодные письма".

Вступив в командование дивизии, Орлов стал деятельно распространять в ней Ланкастерские школы. При штабе дивизии была учреждена особая школа для юнкеров, заведующим которой был назначен майор Раевский. В школе преподавались история, география, математика и русская словесность. При обучении грамоте в прописи были включены и объяснены Раевским такие слова, как свобода, равенство, конституция и перечислены революционеры разных стран : Мирабо, Риего, Квирога, Вашингтон.

Все эти, хорошо задуманные, по мнению Орлова, начинания, на деле оказались мало пригодные. "Системы фальшивой филантропии, говорит о них генерал Киселев, хороши в теории, но на практике никуда не годятся". В строевом отношении дивизия Орлова стала худшей во всей 2-ой армии. Приказы Орлова по дивизии, по существу были правильны, но демагогические выражения, которыми они пестрели, к корне подрывали авторитет офицеров и унтер-офицеров.

В Декабре 1821 г. в Аккермане, в расположенном там Камчатском пехотном полку, произошли крупные беспорядки. В связи с этим, было назначено расследование во всех частях дивизии. Несмотря на засту-

пничество Киселева, Орлов был временно отрешен от командования, а майор Раевский заключен в Бобруйскую крепость, откуда в стихотворении "К друзьям в Кишинев" он просил : "Скажите от меня Орлову, что я судьбу свою сурову с терпением мраморным сносил, нигде себе на изменил".

14-го Августа 1822 г. во французской газете "Le Constitutionnel" была помещена статья о возмущениях солдат 16-ой пехотной дивизии и о мятежном духе во всех полках корпуса генерала Сабанеева. По этому поводу Орлов писал 9-го Ноября 1822 г. из Киева князю П.А. Вяземскому "Дело мое идет и продолжается. Чужие краи и отечество наполнились странными слухами и, посреди общего вранья, трудно постичь настоящий ход дела".

Вероятно желание "постичь настоящий ход дела" и побудило Орлова просить своего шурина князя С.Г. Волконского вскрывать и вновь запечатывать все бумаги, относящиеся к его делу, пользуясь для этого поддельной печатью Полевого Аудиториата 2-ой Армии. 18-го Апреля Орлов был окончательно отрешен от командования дивизией с "зачислением состоять по армии", что являлось равносильно отставки. С этого времени и вплоть до ареста, Орлов метался между Киевом, Москвой, Крымом и своим имением Милятино, нигде не находя применения своему честолюбию, кипучей натуре и жажде деятельности.

В конце 1820 г. в Союзе Благоденствия наступил внутренний перелом. Во всех его управах царил, по выражению декабриста М.С. Лунина "безуспешный и непостоянный ход занятий". Многие из членов только числились в Союзе, не проявляя никакой деятельности, а разногласие и личное соперничание его главных руководителей, Никиты Муравьева в Петербурге и Пестеля в Тульчине еще более усложняли дальнейшее существование Союза.

Для обсуждения создавшагося положения, на 1-ое Января 1821 г. в Москве был назначен съезд представителей управ. От Кишиневской управы одним из них был Орлов. О первом заседании представителей на квартире Фонвизина говорит в своих воспоминаниях декабрист Якушкин.

"Орлов привез писанные условия, на которых он соглашался присоединиться к Тайному Обществу (которое намечалось в замен распущенного Союза Благоденствия). В этом сочинении, после многих фраз, он старался доказать, что Тайное Общество должно решиться на самые крутые меры, для достижения своей цели, даже прибегать к средствам, которые даже могут показаться преступными.

Во-первых он предлагал завести типографию или литографию, посредством которой можно было печатать разные статьи против правительства и потом рассылать в большом количестве по всей России. Второе его предложение состояло в том, чтобы завести фабрику фальшивых ассигнаций, через что, по его словам, Тайное Общество приобрело бы огромные средства и, вместе с тем, подрывался кредит правительства. Когда он кончил чтение, все смотрели друг на друга в изумлении.

Михаил Федорович
Орлов.

Екатерина Николаевна
Орлова,
рожд. Раевская.

Светлейший князь
Павел Петрович
Лопухин.

Я, наконец, сказал ему, что он, вероятно, шутит, предлагая такие неистовые меры ; но ему того то и нужно было. Помолвенный на Раевской, в угоду её родным, он решил прекратить все сношения с членами Общества. На наши возражения он сказал, что если мы не принимаем его предложений, то он никак не может принадлежать к нашему Обществу. После чего он уехал и ни с кем из нас больше не виделся и, только уезжая из Москвы, в дорожной повозке, заехал проститься с Фонвизином и мною".

Несмотря на отказ примкнуть к новому Тайному Обществу, Орлов не прекращал сношения с его членами и его квартира в Кишиневе продолжала быть местом, где собирались члены Тайных Обществ. Об этих собраниях Екатерина Орлова писала брату Александру "У нас беспристрастные идут шумные споры, финансовые, политические, литературные и другие. Мне слышно их из моей комнаты".

Сами члены Тайных Обществ, Северного и Южного продолжали считать Орлова своим единомышленником. Они были так в этом уверены, что по словам декабриста барона Розена, накануне 14-го Декабря, послали ему в Москву предложение приехать в Петербург возглавить восставшие войска.

Исход восстания 14-го Декабря стал известен в Москве 16-го и на 18-ое была назначена присяга новому Императору. Московские члены Тайного Общества решили пригласить Орлова на совещание для обсуждения создавшагося положения и дальнейших действий. Якушкину было поручено передать Орлову это приглашение.

В своих записках Якушкин рассказывает о своей поездке к Орлову. "Приехав к Орлову, я сказал ему "Eh bien, mon Général, tout est fini". Он протянул мне руку и, с какой-то уверенностью, ответил : "Comment fini ? Ce n'est que le commencement de la fin". Тут его позвали наверх к графине Орловой ; он сказал, что воротится через несколько минут и просил меня непременно дождаться его".

"В его отсутствие вошел человек высокий, рыжий, толстый в изношенном адьютантском мундире без аксельбантов... Я молчал, он так же. Орлов, возвратившись, сказал "А, Муханов, здравствуй. Вы незнакомы ? и познакомил нас. ... Он (Муханов) рассказывал про каждого из них (декабристов арестованных в Петербурге) и, наконец, сказал "Это ужасно лишиться таких товарищей ; во что бы то ни стало надо их выручить. Надо ехать в Петербург и убить его (Императора Николая) Орлов встал со своего места, подошел к Муханову, взял его за ухо и чмокнул в лоб. Мне все это показалось странным".

"На приглашение приехать на совещание, где его все ожидают, Орлов ответил, что "Никак не может удовлетворить это желание, потому что сказался больным, чтобы не присягать сегодня". Между тем, он был в мундире, звезде и ленте и можно было подумать, что он возвратился от присяги".

Орлов был арестован в Москве по личному распоряжению Императора Николая в письме в Московскому генерал-губернатору князю Д.В.

Голицыну, 21-го Декабря. "Хотя я не получил еще, князь Димитрий Владимирович, донесения вашего насчет происшествий в Москве по объявлению манифеста 12-го Декабря, писал Голицыну Государь, но уповаю, что Бог помог вам, хотя другую мою столицу избавить от пагубного зрелища беспорядков, омрачивших 14-го числа торжественное объявление восшествия моего на престол. Последствия сего были, то, что по показаниям схваченных зачинщиков, многие открыли всю связь сего неслыханного замысла, имеющего глубокие и пространные отрасли, но с помощью Божией надеюсь дойти до того, чтоб избавить от подозрения невинных и изобличить виновных".

"Из подозреваемых лиц, отчасти же явных участников замыслов доказанных, многие находятся у вас в столице. Военный министр вам о большей части уже сообщил. В числе их есть генерал-майор Михайло Орлов. Его надо арестовать, но вместе с тем поручаю вам вручить ему прилагаемое письмо и, надеюсь, что он не только совершенно себя оправдает, но даже поможет отыскать прочих, ему может быть, известных участников. Он всегда был благородных чувств и в этом я поручусь за него".

"По рапортам проезжающих я видел, что в столице находится отставной Кавалергардский ротмистр, ныне же полковник Поливанов и какой то отставной же Кавалергард граф Толстой. Первый явно изобличен. Его надо арестовать и, так же как и Орлова, прислать сюда секретно. За Толстым присматривать. (Государь ошибался. Толстой был прапорщиком Московского пехотного полка). Здесь все тихо, но умы неспокойны, а народ испуган и в изумлении, которое, надеюсь, скоро пройдет. Москва же, надеюсь, будет в том примером и лекарством. Вам искренне доброжелательный Николай. Санкт-Петербург. 20-го Декабря 1825 г."

Исполняя приказание Государя, Голицын доносил. "Ваше Величество. Я имел счастье получить ваше письмо, которое Ваше Величество, были добры мне написать. Спешу донести вам через офицера, коему поручено сопровождать генерал-майора Орлова в Санкт-Петербург, что приказания Вашего Величества выполнены. Он был очень тронут милостивыми словами, написанными ему Вашим Величеством. Он неоднократно уверял меня, что никогда не участвовал ни в одном из гнусных заговоров, учиненных негодными и недостойными людьми, которые допустили себя сбить с толку идеями разрушения существующего строя и столь сильно провинились против своего Монарха. Что касается лично его, то он считает себя жертвой составившагося о нем мнения. Зная его характер, можно верить правдивости его слов, а за три - четыре месяца, что он находился в Москве, он не давал повода ни к какому подозрению, что я могу удостоверить, так как распорядился установить за ним наблюдение ввиду того, что прежнее его поведение давало административное право на такой надзор... Вашего Императорского Величества, верноподданный князь Голицын".

28-го Орлов был доставлен в Петербург прямо во дворец к Императору Николаю. В своих записках Государь описывает это первое и последнее свидание с Орловым. "С большим умом, благородный наружностью, он имел привлекательный дар слова. Полагаясь на ум и, в

особенности увлеченный своим самонадеянием, полагая, что ему стоит будет сказать несколько слов, чтоб снять с себя и тень участия в деле. Таким он явился".

"Быв с ним очень знаком, я его принял, как старого товарища, и сказал ему, посадив с собой, что мне очень больно видеть его у себя без шпаги, что, однако, участие его в заговоре нам вполне известно и вынудило призвать его к допросу, но не с тем, чтобы слепо верить уликам на него, но с душевным желанием, чтоб он мог вполне оправдаться, что других я допрашивал, его же прошу, как благородного человека и старого флигель-адьютанта покойного Императора сказать мне откровенно, что он знает".

"Он слушал меня с язвительной улыбкой, как бы насмехаясь надо мной и отвечал, что ничего не знает, ибо никакого заговора на знал, не слышал и потому к нему принадлежать не мог ; но что ежели знал про него, то над ним бы смеялся, как над глупостью. Все это было сказано с насмешливым тоном и выражением человека, слишком высоко стоящего, чтоб иначе отвечать, как из снисхождения".

"Дав ему договорить, я сказал ему, что не он снисходит отвечать мне, а я снисхожду к нему, обращаясь не как с преступником , а как со старым товарищем, и кончил словами "Прошу вас Михаил Федорович, не заставьте меня изменить моего к вам обращения : отвечайте моему к вам доверием искренностью".

"Тут он рассмеялся еще язвительнее и сказал мне " Разве про общество под названием Арзамас хотите вы узнать ?" Я отвечал ему весьма хладнокровно : "До сих пор с вами говорил старый товарищ, теперь вам приказывает ваш государь. Отвечайте прямо, что вам известно". Он прежним тоном повторил "Я уже сказал, что ничего не знаю и нечего мне рассказывать". Тогда я встал и сказал Левашеву (Сб. Биог. Кав. Т. 3, стр. 95). "Вы слышали ? Принимайтесь за свое дело". И, обратясь к Орлову "Между нами все кончено". С сим я ушел и более никогда его не видел".

После допроса Орлов был отправлен в Петропавловскую крепость. В предписании о нем коменданту крепости было сказано "Присылаемого при сем генерал-майора Орлова посадить в Алексеевский равелин, выведя для этого Горского, или кого другого и содержать хорошо".

Уступая просьбам брата Орлова Алексея, командовавшего 14-го Декабря Л.-Гв. Конным полком, Государь отдал 29-го распоряжение коменданту крепости. "Позволить Орлову Михайле видеться с братом Алексеем".

После этого свидания, Орлов написал Государю письмо, в котором говорил, что "Лестные слова, которыми Ваше Величество удостоили меня в приписке ко мне в письме моего брата, слова произнесенные вами, когда я имел счастие быть принятым вами в вашем кабинете... все это взволновало мое сердце и преисполнило его надеждой". Далее Орлов просит Государя "удостоить его частной беседой" о которой он дважды просил через генерала Левашева. Орлов не был" удостоин частной беседой", но тем не менее участь ему была облегчена. 30-го Декабря комен-

дант крепости получил приказание "Генерал-майору Михайле Орлову дать видеться с братом Алексеем и перевести на офицерскую квартиру, дав свободно выходить, прохаживаться и писать, что хочет но не выходя из крепости".

Княгиня Волконская рассказывает в своих записках посещение свое Петропавловской крепости в то время, когда там находился Орлов. "Я выпросила разрешение навестить мужа в крепости. Государь, который ползовался всяким случаем, чтоб высказать свое великодушие и которому было известно состояние моего здоровья (кн. Волконская ожидала своего первого ребенка) приказал, чтобы меня сопровождал врач, боясь для меня всякого сотрясения. Граф Алексей Орлов сам повез меня в крепость. Когда мы приближалась к этой грозной тюрьме, я подняла глаза и, пока открывали ворота, увидела помещение над въездом, с настеж открытыми окнами и Михаила Орлова в халате с трубкой в руках, наблюдавшего с улыбкой за въезжавшими".

Следствием свидания с братом явилась записка Орлова о Тайном Обществе, которая была заслушена в Верховной Следственной Комиссии в тот же день 30-го Декабря. Комиссия нашла, что "В показаниях генерал-майора Орлова не видно чистосердечия и, что объяснения его неудовлетворительны и запутаны собственными противоречиями, его обвиняющими и потому Комиссия положила испросить соизволение Его Императорского Величества дабы запрещены были всякие сношения с генерал-майором Орловым".

Государь утвердил мнение Комиссии, но с оговоркой "Кроме как с братом Алексеем". А на следующий день 31-го комендант получил распоряжение Государя "Генерал-майору Бенкендорфу поручено мною снять с генерала Орлова допрос ; допустить это сделать наедине". Пользуясь сведениями полученными "наедине" от брата, Бенкендорфа, от своих однополчан, заседавших в Верховной Следственной Комиссии Левашева, графа Голенищева-Кутузова (Сб. Биог.Кав.Т.3,стр.10) и Чернышева (Сб. Биог. Кав. Т. 3, стр. 68) Орлов отослал 4-го Января 1826 г. в Комиссию свои "Показания".

В "Вступлении" к ним, Орлов пишет "По словам генерал-адъютантов Бенкендорфа и Левашева и по собственным изречениям Его Императорского Величества я чувствую в полной силе обязанность на меня возложенную и постараюсь за доверенность платить искренностью". Далее "Для лучшего усмотрения" Орлов разделяет свои показания на четыре части. "О первом Обществе или Союзе Благоденствия", "О втором Обществе, коего имени не знаю, до моего выезда из Киева", "О событиях в Москве до моего ареста", и, наконец, "Заключения мои и разыскания есть-ли отдельные отрасли и связи Общества в столице, в Польше и в чужих краях".

В этом объемистом "Показании", более похожим на историческое исследование, чем на ответы на вопросные пункты Верховной Следственной Комиссии, Орлов называет только тех лиц, причастность которых к Тайным Обществам была давно известна Комиссии. В 1-ой части Орлов повествует о создании Общества Русских Рыцарей, подробно останавливаясь на его уставе. Говоря о своем "вынужденном" вступлении в Союз

Благоденствия, он ссылается на слова Императора Александра, сказанные им при открытии Польского Сейма "Qu'il faut distinguer les crimes des principes de la révolution française", на основаниях которых он тогда следовал правилу Его Императорского Величества, ненавидел преступления и любил правила французской революции".

"Во второй части он глухо описывает свой выход из Союза Благоденствия. Одной из причин почему он не донес о существовании Союза, Орлов видет в отвращении, которое каждый честный человек имеет от доносов ; существование в Союзе некоторых членов коих любил, не взирая на их мнение и, наконец, мое собственное сомнительное положение, которое заставило-бы думать, что доношу не из любви к отечеству и порядку, но из личных выгод".

В 3-ей части Орлов говорит о письме Пущина, которое ему было показано в Москве и которое он "едва прочитав сжег собственными руками". Поскольку он мог припомнить, в нем говорилось, что "Нас здесь 60 человек. Мы уверены в 1000 солдат, коим внушено, что присяга, данная Императору Константину Павловичу, свято должна наблюдаться". О разговоре с Якушкиным и о приезде Муханова Орлов на обмолвился ни единым словом".

В 4-ой части на вопросы имели-ли члены Тайных Обществ связи с полякаы, с другими Тайными Обществами и с "важными лицами Российского Государства" Орлов сослался на полное незнание. Заканчивает свои показания Орлов прямым обращением к Государю.

"Всемилостивейший Государь! Я невинен. Я не был членом Общества. Чтобы доказать, что я действительно был таковым, конечно, для вашего правосудия должно иметь больше доказальтельств, нежели слова и ложные обвинения бунтовщиков". После длительного объяснения почему на него были возведены ложные обвинения, Орлов говорит, что "мое несчастное и сомнительное положение придавало каждому их слову в сем смысле некоторую вероятность. Все сии причины надо взвесить на весах правосудия и, взвесивши, мой рассудок с сумашествием их предприятия, всю жизнь добродетельного человека с злодейством их намерений, всякий судья скажет : Нет Орлов не причастен к злодейству. Нет он не член сего Общества. Государь ! Вы приказали сказать истину - вот она. Вы позволили надеяться на вас, что вы будете моим защитником. Государь ! Надеюсь на Бога, на вас и на мою невинность. Вашего Императорского Величества вверноподанный Михаил Орлов".

Но верховная Следственная Комиссия не удовлетворилась показаниями Орлова. Она потребовала дополнительные ответы, которые и были отосланы Орловым 10-го Января. "Вследствии повеления Верховной Следственной Комиссии от 9-го Генваря 1826 г. честь имею донести. Точно вспомнил, что капитан Муравьев говорил мне о намерении кого-то покуситься на жизнь блаженной памяти Государя Императора, не называя имени и утверждая, что всякая опасность прекращена". Что касается вопроса, почему он не объявил об этом начальству, то Орлов отговорился тем, что "Кончина Его Императорского Величества прекратила к оному всякий путь". Орлов еще добавил, что "Сколь я сообразить могу, то человек, имевший сие злодейское намерение, есть никто иной, как Якубович".

В тот-же день Орлов послал другое "Дополнение к бумаге поданной мною 10-го Генваря", которое было им помечено "10-го Генваря 1826 г. в 10 часов вечера". В нем он еще раз оправдывается в недонесении тем, что "кончина Его Императорского Величесвва" совершенно изгладила в его памяти разговор с Муравьевым.

В сводке по делу Орлова, составленной правителем канцелярии Верховной Следственной Комиссии, вина Орлова была сведена только к следующему. "В 1817 г. он задумал учредить Тайное Общество для противодействия лихоимству и другим беспорядкам и начал составлять для него устав, но Александр Муравьев сказал ему, что такое Тайное Общество уже существует. После этого он оставил свое намерение и вступил в Союз Благоденствия,но никакого участия в нем не принимал и сам способствовал принятию в Союз Благоденствия только одного члена (Василия Львовича Давыдова).

В 1821 г. в Москве на совещании членов Союза Благоденствия он объявил, что не хочет быть больше членом Союза. В 1823 г. его снова просили присоединиться в Обществу, но он отказался, а потому не знал их тайн. В начале 1825 г. Бестужев-Рюмин сказал ему, что он открыл сношения с поляками и Орлов с негодованием принял это известие. В Октябре того же года Никита Муравьев говорил ему о намерении Якубовича покуситься на жизнь Императора Александра. 17-го Декабря ему было показано письмо Пущина к Семенову от 12-го Декабря, содержавшее в себе уведомление о намерении Общества воспользоваться предстоящим случаем присяги, для начала восстания. Письмо это он, прочитав, сжег".

По военно-судному делу о майоре Раевском Аудиториат Департамента нашел, что Орлов "Виноват в том, что, поручив Раевскому юнкерскую школу, оставил его действия без внимания относительно внушения вредных правил, а так-же в том, что в приказах по дивизии объявлял нижним чинам свое покровительство против прямого их начальства и велел читать эти приказы в ротах, отчего произошло все неустройство в 16-ой дивизии и буйственный поступок нижних чинов в Камчатском пехотном полку, которым Орлов объявил свое прощение, не имея на это никакого права".

На основании этой сводки, в которой многое было смягчено, а другое вовсе не упомянуто, Орлов, все-же подлежал, по меньшей мере ссылок на каторгу, но вместо этого все его дело было, по приказанию Императора, изъято из Верховного Уголовного судопроизводства и имя Орлова даже не упомянуто в числе лиц преданных суду.

На особом докладе Верховной Следственной Комиссии последовало повеление Государя "Продержать еще месяц в крепости (в офицерской квартире) и в первом приказе отставить от службы, с тем, чтобы впредь никуда не определять. По окончании-же срока ареста отправить в деревню, где жить безвыездно. Местному начальству иметь за ним бдительное наблюдение".

Минул, указанный Государем, срок. В приказе по военному министерству от 16-го Июня 1827 г. сказано, что "Состоящий по армии

генерал-майор Орлов, доказанный в прежних связях с Обществом злоумышленных, от которых отстал, и в распоряжениях противных порядку службы в командование его 16-ой пехотной дивизией, хотя и подвергался по строгости законов, но в уважение прежней отличной службы, и, вменяя в штраф шестимесячное содержание в крепости, отставляется от службы с тем, чтобы впредь никуда не определять и с запрещением въезда в обе столицы".

"Безвыездное пребывание в деревне" продолжалось немного более года. В 1827 г. с разрешением начальника Главного Штаба барона Дибича, Орлов получил позволение поехать в имение своего тестя генерала Раевского Болтышка Киевской губернии. Одновременно начальник канцелярии Киевского генерал-губернатора получил предписание "Учредить над генералом Орловым секретный надзор".

В гостях у тестя Орлов пробыл не долго. 23-го Ноября Дибич, по приказанию Государя, написал Раевскому письмо, в котором говорил, "Дошло до сведения Государя Императора, что зять Вашего Высокопревосходительства генерал-майор Орлов, находясь в Киевской Вашей деревне, располагает провести зиму в Одессе. Его Императорское Величество, быв уверен в образе мыслей Ваших, полагать изволит, что Вашему Высокопревосходительству, нельзя не согласиться, что, при нынешних обстоятельствах, такое намерение генерал-майора Орлова не может быть удобно исполнено и, что в отвращении могущих встретиться по оному затруднений, приличнее было-бы ему возвратиться на сей раз в свои поместия".

"Его Величество, уважая родственную связь Вашу с генерал-майором Орловым, желает, чтобы Ваше Высокопревосходительство, представил ему все неудобства предполагаемого путешествия, убедили-бы его последовать Вашему, ко благу его клонящемуся, совету, причем Его Величество остается уверен, что генерал-майор Орлов, по объявлению ему о сем, не замедлит возвратиться в свои поместия по прежнему".

Письмо Дибича было вызвано "негласными сведениями" полученными от графа Витта (Сб. Биог. Кав. Т. 2, стр. 448), что Орлов надеялся встретиться в Одессе с разными лицами, принадлежащими прежде к Тайным Обществам.

Запрещение въезда в столицы, по крайней мере в отношении Москвы, было также не продолжительным. В 1831 г. ему было разрешено жить в Москве. Сообщая ему об этом, граф Бенкендорф предлагал Орлову "не забыть возобновить, по приезде в Москву, знакомство с генерал-майором корпуса жандармов графом Апраксиным", (Сб. Биог. Кав. Т. 3, стр. 99), который со своей стороны получил предписание "Иметь над Орловым секретное, но бдительное наблюдение".

Наказание, понесенное Орловым изумило и возмутило всех своею несправедливостью. Цесаревич писал Государю, что его "удивило поведение Орлова и то, что он, как-то вышел сух из воды". Еще резче выразил он свое мнение Алексею Орлову во время коронации в Москве. "Я рад, что брат коронован, а жаль, что твоего брата не повесили".

По словам Герцена "Орлов был в очень затруднительном положении в Москве. Снедаемый самолюбием и жаждой деятельности, он был похож на льва, сидящего в клетке и не смевшего даже рычать". Московская "фронда" во главе с Хомяковым, братьями Аксаковыми, вся тогдашняя московская знать, вся московская интеллигенция, пишет во своем дневнике поэт Полонский, как-бы льнула в Орлову".

Жандармский полковник, которому было поручено наблюдение над Орловым, доносил, что "Прежде показывая себя гордым в обращении, ныне переменил свое обращение и обходится очень ласково, особенно с молодыми людьми". Но Герцен говорит в своем дневнике, что "молодое поколение кланялось ему, но проходило мимо".

Со временем бесконечные споры и разговоры Орлова, его "разглагольствования", главным образом, в Английском клубе, надоели и утомили даже его самых близких друзей. Из видных представителей старшего поколения профессор Грановский говорил, что Орлов самый несносный болтун в мире", а историк Погодин отказывался бывать в тех домах, где бывал Орлов.

В одном из писем из Сибирской каторги его однополчанин, ссыльный декабрист М.С. Лунин, выражая мнение большинства декабристов, говорит, что "Некоторые из помилованных берут на себя роль угнетенных патриотов и возбуждают к себе удивление в своем околотке, изданием книг, которых никто не читает и попечительством над школами живописи". Лунин намекает на управление Орловым Московской Художественной школой и на изданную им в 1833 г. книгу "О Государственном Кредите".

Книга не имела того успеха, на который надеялся и расчитывал Орлов, На неё мало кто отозвался и это почти общее молчание и равнодушие больно переживалось Орловым.

"Dites-moi quelque chose de mon livre, умоляет он своего шурина Н.Н. Раевского, a-t-il fait un peu de sensation dans le public ? Les compliments que je reçois ne me satisfont en aucune façon. Presque tous ont trait aux premières pages de l'ouvrage, ce qui me prouve que peu de personnes ont poussé la lecture jusqu'au bout. J'aurais voulu savoir la vérité, dût-elle me crever les yeux. Un mot de votre part à ce sujet me ferait plaisir". 21 Janvier 1834.

Работа над финансовыми, экономическими вопросами, издание книги "О государственном кредите" и записки "О курсовых явлениях на Российских рынках", не могли заполнить будничную пустоту последних дней жизни Орлова. Он просился вновь на военную службу рядовым - отказ, просил разрешение на приезд в Петербург - тоже отказ. Участие в Московском Обществе Испытателей Природы, в Московском Скаковом Обществе и в Московской Художественной Школе не давали выхода его задавленному честолюбию.

Фабрика цветных стекол в Милятине, несмотря на даровой труд крепостных, приносила только убыток. Как почти все декабристы, по крайней мере те, что некогда служили в Кавалергардах, Орлов не

освободил ни одного из своих крепостных. Он только "ожидал", как он выражался в письме к князю П.А.Вяземскому, который работал тогда над проэктом Российской конституции. "Да будет плод труда твоего благословен во веки. Но когла благодать снизойдет на нас ? Когда слезы рабства иссохнут на ланитах украшенных улыбкой вольности ? Неужели не доживу до сего благословенного мгновения".

Орлову не довелось дожить "до сего благословенного мгновения". В 28-ую годовщину взятия Парижа Орлов умер 19-го Марта 1842 г., оставив долг более милиона рублей (1.200.000) Похоронен на старом кладбище Новодевичьего монастыря в Москве. На черной мраморной доске высечен герб Орлова и надпись. "Генерал-майор Михаил Федорович Орлов. Родился 25-го Марта 1788 г., 19-го Марта 1814 г. заключил условия сдачи Парижа. Скончался 1842 г. Марта 19-го. Отец Небесный упокой его во Царствии Твоем". Рядом похоронена его жена.

У Орловых было двое детей : Николай (1821-1866) и Анна (1826-1887), замужем за полковником В.В. Яшвилем. Кроме финансово-экономических трудов, Орловым было напечатано "Размышление русского военного о 29-ом бюлетене", "Капитуляция Парижа" и "Некрология генерал-от-кавалерии Н.Н. Раевского".

Е Щ Е О Д У Э Л Я Х

В одном из предыдущих номеров нашего Вестника был перечислен ряд дуэлей между Кавалергардами и посторонними лицами. В настоящем очерке речь пойдет о дуэлях совсем другого вида. О дуэлях между офицерами полка. Такие дуэли случались крайне редко. В полку за все время его существования они произошли только два раза.

Первая из них между ротмистром Николаем Николаевичем Шеншиным (Сб. Биог. Кав. Т. 3, стр. 110) и штабс-ротмистром Михаилом Николаевичем Авдулиным (Сб. Биог. Кав. Т. 3, стр. 182) имела место в Мае 1811 г. в самом начале царствования Императора Александра 1-го, когда кровавые события ночи 11-го Марта еще были свежи у всех в памяти, в особенности у тех, кто, вольно или невольно, пережил их непосредственно в комнатах Михайловского Замка.

По рассказу современника Матвея Ивановича Муравьева-Апостола, дуэль произошла по следующему поводу.

Однажды, гуляя по Летнему саду, Императрица Елизавета Алексеевна была испугана внезапным появлением в саду караула Кавалергардов, спешившего после смены из Зимнего Дворца к себе в казармы, следствием чего было запрещение Государя караулам Кавалергардов, возвращаясь в свои казармы, или идя в Зимний дворец, проходить через Летний сад.

Ротмистр Шеншин, желая проверить точность исполнения этого приказания, караулом его эскадрона, пошел в Летний сад и встретил

там возвращавшийся внутренний караул полка под командой штабс-ротмистра Авдулина и сделал ему замечание, напомнив приказ Государя.

Авдулин возразил и, слово за слово, было сказано ряд недопустимых дерзостей. Неизвестно почему это противодисциплинарное происшествие минуло полковое начальство. Вместо этого произошла дуэль, по полковым преданиям, на одной из полковых офицерских квартир, на палашах, во время которой Шеншин был убит.

В полковом приказе от 6-го Мая 1811 г. сказано, что "Его Императорское Высочество Государь Цесаревич Константин Павлович приказать изволил сделать замечание г.г. полковникам : Ушакову (Сб. Биог.Кав.Т.2,стр.462), барону Левенвольде (Сб. Биог. Кав. Т. 3, стр. 15) и Ершову (Сб. Биог. Кав. Т. 2, стр. 464) за то, что при погребении ротмистра Шеншина не были до конца у церемонии, тогда, когда было приказом отдано, чтоб всем г.г. штаб и обер-офицерам находиться при оной и все, кроме их, были".

Кроме замечаний этим трем полковникам, никаких других последствий эта дуэль не имела, даже для Авдулина, командовавшего в последствии Псковским кирасирским полком и дослужившегося до чина генерал-майора.

Чем объяснить такое, более чем снисходительное отношение высшего военного начальства к такому, более чем недопустимому событию и чем объяснить нарочитое отсутствие трех старших офицеров полка на похоронах своего товарища ?

Дуэль упоминается только в биографии Шеншина, в биографии-же Авдулина о ней нет даже намека.

° ° °

Вторая дуэль произошла под самый конец царствования Императора Николая Павловича, 15-го Июня 1851 г. между корнетом бароном Эвальдом Оттоновичем Розеном (Сб. Биог. Кав. Т. 4, стр. 184) и графом Александром Александровичем Гендриковым (Сб. Биог. Кав. Т.4, стр. 156), во время которой гр. Гендриков был смертельно ранен и умер 26-го Июня в Новой Деревне (Летний лагерь Кавалергардского полка).

Кроме суровых наказаний, понесенных бар. Розеном и всеми другими офицерами полка, в той или иной степени причастных к дуэли, всему полку грозило еще другое наказание - отмена празднования 25-ти летнего юбилея шефства Императрицы Александры Федоровны и участие полка в таковом-же юбилее вступления на престол Императора Николая 1-го.

К 25-ти летнему юбилею Шефа полк готовился давно. К этому событию военный историк Висковатов написал первую историю полка и Кавалергардии. Неменее знаменитому, в те времена, серебряных дел мастеру Сазикову был заказан серебряный ларец с пятью статуэтками на крышке, изображавших Императора Николая и 4-х кавалергардов разных времен. В ларец были вложены история полка и 90 акварелей

кисти братьев Гау, Шарлеманя, Тима, Солодовникова, изображавших капитанов Кавалергардии, шефов полка, различные формы Кавалергардов, батальные и картины из мирной жизни полка. Но, по каким-то особым соображениям, среди них отсутствует портрет Императора Павла, несмотря на то, что полк был сформирован при нем, как личная Гвардия Гросмейстера Мальтийского Ордена.

Шеф полка Императрица Александра Федоровна сделала все и добилась того, что юбилей не был отменен, не останавливаясь перед слезами и семейными сценами. Императрица принимала близко к сердцу все, что касалось полка вообще, отдельных офицеров в частности и к званию Шефа в особенности.

Со своей стороны Император Николай всячески подчеркивал значение её шефства. Даже тогда, когда он отсутствовал из Петербурга в день полкового праздника он неизменно поздравлял с ним Императрицу.

В 1832 г. из Бобруйска он шлет ей фельд-егеря с подзравлениями : "Madame la Chevaliers-Gardes ! J'ai l'honeur de vous présenter mes humbles félicitations pour la fête du régiment. J'espère que la pluie n'aura pas empêché la revue". Вся семья Императрицы знала ее отношение к полку и все, что происходило в нем служило темой переписки между её детьми.

В Феврале 1841 г. цесаревич Александр, будущий Царь Освободитель писал сестре Марии Николаевне. "On t'aura probablement écrit d'une triste histoire arrivée aux Chevaliers-Gardes le jour de l'enterrement du pauvre Troubetzkoy (кн. Василий Сергеевич ÷ 12.2.1841 г. Сб. Биог. Кав. Т. 3, стр. 139). Pour les bêtises que deux officiers, Apraksine et Tchelichtcheff ont fait en cherchant les étendards, le général Fitinhoff (командир полка) a été mis aux arrêts par l'ordre de papa, et les deux officiers passés à l'armée d'après la présentation de l'oncle Michel (Вел. кн. Михаил Павлович).

Toute cette histoire est très désagréable et elle fait un très mauvais effet parmi le public, qui aime, sans cela, à critiquer et censurer tout.

Maman, devant laquelle on avait voulu la cacher, l'a pourtant apprise à la fin et cela a causé, comme de raison, des larmes, etc., etc... Tout cela, je le répète, est très désagréble. Espérons qu'on l'oubliera bientôt".

"Les bêtises", которые сделали эти два офицера, обошлись им дорого. Корнет Андрей Николаевич Челищев (Сб. Биог. Кав. Т. 4, стр. 131) "За замеченное лично Государем Императором, при принятии 12-го Февраля 1841 г. штандартов из Зимнего Дворца, незнание порядка службы, переведен тем-же чином в Ямбургский уланский полк". Поручик граф Антон Степанович Апраксин (Сб. Биог. Кав. Т. 4, стр. 114) "За неисправность при принятии штандартов 12-го Февраля 1841 г. переведен тем-же чином во Владимирский уланский полк".

Незнание строевой службы гр. Апраксиным и Челищевым были, в данном случае, приравнено к преступлениям против присяги, совершенные офицерами декабристами Арцыбашевым, Васильчиковым, кн. Вяземским, Де Прерадовичем, Горожанским, Кологривовым и Свиньиным, с той только разницей, что первые два, гр. Апраксин и Челищев, благодаря настойчивым просьбам и слезам Императрицы, через два месяца 15-го Апреля были вновь возвращены в Кавалергардский полк.

В Сборнике Биографий Кавалергардов нет никаких указаний на то, как и почему состоялась дуэль. Граф Петр и Александр Васильевичи Гендриковы говорили мне, что, согласно семейным преданиям, виновником всему был Гендриков, своими насмешками доведший Розена до необходимости дуэли.

Косвенное указание на степень виновности офицеров полка, переведенных в связи с дуэлью в армию, можно найти в словах полкового приказа об их переводе.

Барон Розен. "За неприличный офицерскому званию проступок, имевший последствием поединок с поручиком сего полка гр.Гендриковым и смерть сего последнего от нанесенной ему раны, разжалован в рядовые, впредь до отменной выслуги, с определением в Кавказский корпус". Дождаться "отменной выслуги" бар. Розену не пришлось. В атаке на батарею в бою у Нагости 27-го Мая 1852 г. он был убит.

Командир полка Сергей Димитриевич Безобразов (Сб. Биог. Кав. Т. 4, стр. 166). "За допущение названным офицерам совершить преступление объявлен строгий выговор и взыскано 52 руб. 31 коп. за производство дела о дуэли".

Штаб-ротмистр граф Александр Петрович де Бальмен (Сб. Биог. Кав. Т. 4, стр. 171). "За подстрекательство бар. Розена к дуэли с гр. Гендриковым переведен 19-го Октября 1851 г. тем-же чином в Елизаветградский гусарский полк".

Штабс-ротмистр Антон Иосифович Злотницкий (Сб. Биог. Кав. Т.4, стр. 151). "За участие в дуэли бар. Розена и гр. Гендрикова переведен 15-го Октября 1851 г. тем-же чином в Екатеринославский кирасирский полк".

Поручик Димитрий Владимирович Спечинский (Сб. Биог. Кав. Т. 4, стр. 160). "За прикосновение к дуэли бар. Розена и гр. Гендрикова переведен 5-го Декабря 1851 г. тем-же чином в Глуховский кирасирский полк".

Поручик Павел Александрович Кривский (Сб. Биог. Кав. Т. 4, стр. 151). "Переведен 17-го Октября 1851 г. во Владимирский уланский полк, как один из деятельных участников в дуэли бар. Розена и гр. Гендрикова. Обвиняется в том, что вместо успокоения первого, высказывался за необходимость дуэли".

Поручик Иван Александрович Муравьев (Сб. Биог. Кав. Т. 4, стр. 176). "За прикосновение к дуэли бар. Розена и гр. Гендрикова переведен 17-го Октября 1851 г. тем-же чином в Нарвский гусарский полк".

Полковой адъютант Николай Аркадьевич Болдарев(Сб.Биог.Кав.Т.4, стр. 141) говорит в своих воспоминаниях, как "Вскоре после дуэли, выходя после рапорта из комнаты Императрицы, в Петергофе, я встретился в передней с Императором, который грозно на меня посмотрел и сказал : "Подождешь внизу". Через некоторое время Государь вернулся : "Марш за мной !" - и пошел ко взморью. "Так вот, как вы благодарите вашего Шефа ! Вот ваша благодарность за 25 летние материнские заботы ! Вы в гроб хотите ее уложить ! Но я знаю откуда это идет. Это прежний еще дух ! Я его выбью из вас !" - Что было дальше я уже не помню".

Не задолго до своей смерти Императрица посетила "son bon régiment". Она скончалась 20-го Октября 1860 г. Весь полк сопровождал траурную процессию из Царского Села в Петропавловскую крепость. Все время до погребения 2 офицера и 2 Кавалергарда стояли часовыми у ее гроба. Днем к ним происоединялось еще два офицера Прусского полка : Gardes du Corps.

Такие дуэли, как только что описанные, случались крайне редко. Если не ошибаюсь, последняя таковая имела место в царствование Императора Николая 2-го незадолго до 1-ой Мировой войны Лейб-Гвардии в Конногренадерском полку между штабс-ротмистрами Ершовым и Скуратовым. Она была разрешена полковым судом чести, тем не менее оба противника были принуждены покинуть полк.

В. Звегинцов.

Х Р О Н И К А

1 9 7 1 г о д

15-го Октября, в Париже скончалась вдова Кавалергарда князя Александра Львовича Урусова княгиня Екатерина Александровна, рожд. Дерюжинская. Похоронена на Русском кладбище в С. Женевьев-де-Буа.

28-го Октября, В Нью-Йорке, скончалась вдова командира Кавалергардского полка князя Леонида Васильевича Елецкого, княгиня Елена Александровна, рожд. Штефельсон. Похоронена на кладбище Новодивеевского монастыря.

1-го Ноября, В Сан-Барбара, Калифорния, скончался подпрапорщик Кавалергардского полка Федор Кондратьевич Булычев. Кавалер всех 4-х степеней георгиевского креста и медалей. Похоронен на Сербском кладбище в С. Франциско.

14-го Ноября, В Рабате, Марокко, скончалась дочь Кавалергарда графа Петра Сергеевича Шереметева, графиня Мария Петровна Орлова-Денисова. Похоронена на местном кладбище.

21-го Декабря, В Глион, Швейцария, скончалась вдова Кавалергарда князя Константина Павловича Кантакузена, княгиня Екатерина Александровна, рожд. Нарышкина. Похоронена на местном кладбище.

1 9 7 2 г о д

12-го Мая, В Рабате, Марокко, скончался член нашего Объединения, сын Кавалергарда графа Петра Сергеевича Шереметева, граф. Петр Петрович. Похоронен на местном кладбище.

23-го Июня, В городе Мулен, Франция, скончалась сестра Кавалергарда Петра Петровича Баранова, Ольга Петровна Зиновьева. Похоронена на кладбище Гильфорд, Великобритания.

9-го Сентября, В Нью-Йорке, скончался граф Сергей Александрович Чернышев-Безобразов. Офицер полка производства 1914 года.

К НАСТУПАЮЩЕМУ НОВОМУ 1973 ГОДУ КАВАЛЕРГАРДСКАЯ СЕМЬЯ ШЛЕТ ВСЕМ СВОИМ СОЧЛЕНАМ, ЧИТАТЕЛЯМ И СОТРУДНИКАМ ВЕСТНИКА КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ СЕРДЕЧНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ И ПОЖЕЛАНИЯ БЛАГОДЕНСТВЕННОГО, МИРНОГО ЖИТИЯ, ЗДРАВИЯ И ВО ВСЕМ БЛАГОГО ПОСПЕШЕНИЯ.

ВЕСТНИК

КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ

1973 - 1974

ПРАЗДНИК КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ 1973-го года

В Париже, в день свят. х Захария и Ел саветы 5/18 сентября, в соборе св. Александра Невского, в 19 часов, был отслужен молебен, на котором, кроме членов Кавалергардской семьи, присутствовали друзья и знакомые Кавалергардов. После молебна состоялся товарищеский ужин. В нем приняли участие : кн. Т.К. Багратион-Мухранский, Г.В. Бибиков, бар. А.П. Бильдерлинг, бар. Г.Г. Гротгус, В.В. и М.В. Звегинцовы, Д.Д. Лёвшин, гр. Г.Д. Менгден, гр. В.В. Мусин-Пушкин, А.Н. и Ф.Н. Татищевы, С.П. Толстой. гр. М.И. Толстой, И.Н. Чудово-Адамович, гр. П.П. Шереметев, М.Н. Шипов, Н.С. Шидловский.

ПРАЗДНИК КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ 1974-го года

По примеру прошлых лет, 5/18 сентября в Париже был отслужен в Александро-Невском соборе молебен, после которого состоялся товарищеский ужин. В нём приняли участие : Г.В. Бибиков, бар. Г.Г. Гротгус, В.В. Звегинцов, Д.Д. Лёвшин, гр. Г.Д. Менгден, гр. В.В. Мусин-Пушкин младший, Ф.Н. Татищев, С.П. Толстой, гр. М.И. Толстой, И.Н. Чудово-Адамович, гр. П.П. Шереметев.

****

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА ЗВЕГИНЦОВА
(11.2.1891 - 24.4.1973)

14-го апреля 1973 г., в Париже, скоропостижно скончался В.Н. Звегинцов.

Принимая исключительное участие в жизни Кавалергардской семьи, В.Н. неизменно заботился о нуждах всех ее сочленов, поддерживая постоянную связь со всеми изданием Вестника Кавалергардской Семьи. В течение 18-ти лет, В.Н. блестяще редактировал наш Вестник.

В эмиграции, В.Н. написал историю Кавалергардского Полка в Великую и Гражданскую войну, труд представляющий собой неоценимый вклад в летопись Полка.

Из потомственных дворян Курской и Воронежской губернии. Сын Кавалергарда гофмейстера Двора Е.В., Лифляндского губернатора тайного советника Николая Александровича (Сб. Биогр. Кав. Т.4, стр. 246) и Ольги Николаевны рожд. баронесса Сталь фон Гольстейн. Родился 11-го февраля 1891 г. Окончил Пажеский Е.В. корпус, откуда 6-го августа 1910 г. выпущен из камер-пажей в Кавалергарды корнетом с зачислением в № 4-ый эскадрон. В 1912 г. взял 2-ой Императорский приз за Высшую Езду. В 1912 и 1913 г. взял первые призы Команд Разведчиков войск Гвардии и Красносельского лагерного сбора. В 1913 г. первые призы Первенства

Строевой и Первенства Охотничьей лошади. В 1914 г. произведен в поручики. Выступил в поход и участвовал в боях в Восточной Пруссии, в Августовских лесах, под Петраковым, на реке Пилице, под Людвиновым и в Козлово-Рудских лесах. В 1915 г. произведен в штабс-ротмистры, откомандирован в Гвардейский запасный кавалерийский полк на формирование маршевых эскадронов и полковой учебной команды. В Июле прибыл с пополнением в полк. Участвовал в боях на Свенте и на Стоходе. В 1915 г. переведен старшим офицером во вновь сформированный № 6-ой эскадрон. В 1916 г. назначен начальником полковой конно-пулеметной команды, в Декабре командующим эскадроном Е.В. 16-го Ноября 1916 г. контужен тяжелым снарядом в окопах у дер. Пустомыты.

После революции 3-го Ноября 1917 г., вместе с однополчанами Г.С. Воеводским, св. кн. А.Н. Ливеном и А.В. Чичериным, последним покинул полк. Перешел на службу в Государственное коноза:одство с переименованием в ротмистры по армейской кавалерии и назначен заведующим Симферопольской государственной конюшней. Уезжая из Петрограда в Крым, взялся доставить шефу полка, Императрице Марии Федоровне, письмо ее сестры, Великобританской королевы Александры. Ввиду отказа Английского посла Бьюкенена оказать в этом свое содействие, письмо было передано Звегинцову Датским посланником Скавеньюсом. Несмотря на несколько обысков в пути, Звегинцову удалось передать письмо статс-даме кн. Долгоруковой.

Принял участие в гражданской войне, сначала состоя секретарем Крымского Центра по снабжению Добровольческой армии в 1918 г., затем в 1919 г. в Кавалергардском дивизионе на юге России, где состоял адьютантом штаба кавалерийской дивизии ген.Барбовича, контужен 27 июня 1919 в конной атаке у Армянского Базара. В апреле 1920 был командирован главным командованием рус.армии с секретным поручением к Принцу-Регенту королевичу Александру Сербскому, с которым он обучался в Пажеском корпусе, на предмет получения согласия Сербского правительства принять, в случае оставления Крыма армией, часть ее состава на сербскую службу пограничниками. Успешно выполнив поручение, был отправлен Российским посланником Штрандтманом в Прагу и в Софию для выяснения тех-же возможностей. Имел ордена св. Владимира 4-ой ст., св. Анны 2-ой и 3-ей ст., св. Станислава 2-ой и 3-ей ст. все с мечами и бантом и св. Анны 4-ой ст. с надписью "За Храбрость". Иностранные ордена Бухарский Серебрянной Звезды 3-ей ст., Черногорский крест Князя Даниила 5-ой ст. Сербский Белого Орла 5-ой ст. и юбилейные медали 100-летия Отечественной Войны, 300-летия Дома Романовых, и за мобилизацию 1914 г., и наследственный нагрудный знак Дома Романовых.

Был женат на фрейлине Анастасии Михайловне Раевской, дочери генерал-майора Михаила Николаевича и Марии Григорьевны рожд. княжна Гагарина. У них дети : Владимир, р. 1914, женат на Марии-Жозэ Згард и Михаил, р. 1919 г., женат на Ирине Георгиевне Шебеко, дочери Кавалергарда Георгия Николаевича (Сб. Биог. Кав. Т. 5, стр.). Анастасия Михайловна Звегинцова († 1963 г. похоронена на русском кладбище в С. Женевьев дэ Буа). С 1915 по 1917 г. была сестрой милосердия в 41-ом передовом отряде Красного креста при 1-ой гв. кавалерийской дивизии. Награждена Георгиевскими медалями 3-ей и 4-ой ст.

ПАМЯТИ ПЕТРА ПЕТРОВИЧА БАРАНОВА 5-го
(7.6.1885 - 3.9.1973)

В Нью-Йорке, 3-го сентября 1973 г. скончался П.П. Баранов, сын генерал-адьютанта, генерал-от-кавалерии Петра Петровича, из потомственных дворян эстляндской губернии, записанных в VI книгу, и Ольги Валериановны, рожд. Бибикова. Родился 7 июня 1885 г. По окончании Императорского Александровского лицея в 1907 г., поступил вольноопределяющимся в Кавалергардский полк. В 1908 г. произведен в корнеты с зачислением в № 2-ой эскадрон. В 1912 г. произведен в поручики. Заведывал полковой учебной командой в зиму 1912-1913 г. В 1913 г. назначен полковым адьютантом, в каковой должности выступил на войну 1914 г. В бою под деревней Каушен, в Восточной Пруссии лошадь Баранова запуталась в колючей проволоке, упала и при падении придавила его под себя, порвав ему связки в плече. Баранов был звакуирован в гор. Пилькаллен вместе с прочими ранеными, в числе которых находился поручик С.С. Воеводский 5-ый. При их приближении к Пилькаллену, транспорт с ранеными был внезапно атакован германской конницей (1-ая кавалерийская дивизия) и взят в плен. Их поместили на соломе в местной кирке. На следующий день город был снова занят русскими войсками и все пленные освобождены. В 1915 г. произведен в штабс-ротмистра и 29 декабря назначен первым командиром вновь сформированного № 6-го эскадрона.

Во время революции, после ухода из полка, Баранов организовал в Петрограде рабочую артель, в которую входили почти исключительно офицеры. В ней работалитак-же и штабс-ротмистры Грюнвальд и Раух. Артель просуществовала не долго. Большевики арестовали Баранова, его отца, Грюнвальда и Рауха и посадили их на баржу, стоящую на Неве. Впоследствии они вчетвером были переведены в Кронштадт и помещены в местном пожарном депо. После многочисленных допросов в Чека Урицким, Баранов со своим отцом были отпущены и поселились в своём имении Арракюль под Ревелем.

При образовании Севере-Западной противо-большевитской армии, Баранов состоял, первоначально обер-офицером для поручений при командире II корпуса, а затем начальником разведывательного отдела штаба того-же корпуса, в каковой должности оставался до расформирования армии. Имел ордена св. Анны 2-ой, 3-ей ст. с мечами и бантом, 4-ой ст. с надписью "За Храбрость", св. Станислава 2-ой и 3-ей ст. с мечами и бантом, юбилейные медали Отечественной войны и 300-летия Дома Романовых.

Женат на Наталии Дмитриевне Аничковой, сестре Кавалергарда Ивана Димитриевича Аничкова 5-го, дочери генерал-маиора Димитрия Ивановича и его жены Марии Николаевны, рожд. Бибикова. У них дочь Наталия.

ПАМЯТИ ГРАФА ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА МУСИН-ПУШКИНА
(28.1.1898 - 1.11.1973)

1-го ноября 1973 г., в Париже, скончался гр. В.В. Мусин-Пушкин, сын Владимира Владимировича и потомственных дворян Московской губернии, и Марии Илларионовны, рожд. гр. Воронцова-Дашкова. Родился 28 января 1898 г. Учился в Москве в Катковском

лицее, а после в Петербурге в 6-ой гимназии. 28-го ноября 1918 г. вступил на службу вольноопределяющимся в Кавалергардский эскадрон Добровольческой армии. 6-го марта 1919 г. ранен в бою под селом Благодатным, в Северной Таврии. 1-го мая 1919 г. произведен в корнеты. 28-го октября 1920 г. ранен в Крыму под Перекопом. Был женат на Вере Петровне, гр. Стенбок-Фермор. У них дети Илларион и Владимир.

ПАМЯТИ КНЯЗЯ ГЛЕБА ГРИГОРЬЕВИЧА ГАГАРИНА
(8.11.1887 - 29.8.1974)

29-го августа 1974 г., в С. Женевьев дэ Буа, скончался после долгой болезни кн. Г.Г. Гагарин, сын камергера Двора Е.В., князя Григория Григорьевича, из удельных князей Стародубова, приписанных к потомственному дворянству Московской губернии, и Марии Александровны, рожд. княжна Прозоровская-Голицына.

Родился 8-го ноября 1887 г., окончил 1-ый Московский Кадетский корпус, поступил в Петровско-Разумовскую сельско-хозяйственную академию, откуда поступил вольноопределяющимся в 1909 г. в Кавалергарды с зачислением в № 3-ий эскадрон. После окончания полковой учебной команды и сдачи офицерского экзамена при Николаевском кавалерийском училище, произведен в 1910 г. в корнеты. В 1914 г. в поручики. При мобилизации 1914 г. назначен ординарцем командира Гвардейского корпуса, при штабе которого находился до декабря, участвуя в боях под Варшавой, у Ивангорода и на Сане. В декабре того-же года по собственному его желанию откомандирован в полк в рядах которого, в 1915 г. он принял участие в боях у Людвинова, в Козлово-Рудских лесах и на реках Свенте и Стоходе.

Произведен в штабс-ротмистры и назначен полковым адьютантом. В декабре 1916 г. назначен начальником полковой конно-пулеметной команды. После революции назначен начальником транспорта Особого Экспедиционного корпуса во Франции, но ввиду расформирования армии, уволен в отставку.

Участвовал в гражданской войне в 1918 г., в 3-ей роте Одесского гарнизона и в 1919 г. в Кавалергардском дивизионе на юге России. 1-го ноября 1920 г. командуя дивизионом в Гвардейском кавалерийском полку ранен в конной атаке у села Рождественское. Эвакуирован с остатками конного корпуса генерала Барбовича в Константинополь. Произведен в полковники. Имел ордена : св. Владимира 4-ой ст., св. Анны 2-ой и 3-ей ст., св. Станислава 2-ой и 3-ей ст., все с мечами и бантами и св. Анны 4-ой ст. с надписью "За Храбрость", и юбилейные медали 200-летия Полтавской битвы, 100-летия Отечественной войны и 300-летия Дома Романовых.

Был женат на графине Марии Димитриевне Граббе, дочери Кавалергарда, графа Димитрия Михайловича (Сб. Биог. Кав. Т.4, стр. 366) и Наталии Николаевны, рожд. Львова, дочь Кавалергарда Николая Александровича (Сб. Биог. Кав. Т.4, стр. 207). У них дети Олег и Наталия, и вторым браком на княгине Анне Васильевне Голицыной, рожд. Буртунова.

****

Ниже помещаем биографию Павла-Михаила Ивановича ПЕСТЕЛЯ, который в момент восстания 14 декабря 1824 г. в списках Кавалергардского полка уже не числился.

ПЕСТЕЛЬ, ПАВЕЛ-МИХАИЛ ИВАНОВИЧ

Брат Кавалергардов Владимира (Сб. Б. Кав. Т. 3, стр. 258) и Александра (Сб. Б. Кав. Т. 4, стр. 32). Родился 24-го Июня 1793 г. Сын Сибирского генерал-губернатора Ивана Борисовича и Елизаветы Ивановны рожд. Корк. Из дворян Смоленской губернии, Пестель был потомком Саксонских выходцев, из которых первый, Вольфган, поступил на русскую службу при Императрице Екатерине I-ой, почт-директором Московской почтовой конторы.

Начальное образование он получил дома под строгим наблюдением матери. В 1803 г. его отцу удалось зачислить своих трех старших сыновей Павла, Бориса и Владимира кандидатами в Пажеский корпус. В 1805 г. он воспользовался предложением матери своей жены отправить к ней в Дрезден её внуков для обучения в Дрезденском университете, где они оставались до возвращения в Россию в 1809 году.

В это время Сибирский генерал-губернатор жил в Петербурге, по воспоминаниям Н.И. Греча "на Фонтанке, против Михайловского замка на одном крыльце с Пукаловой (Варвара Петровна) любовницей Аракчеева, и чрез неё держался у него в милости".

Благодаря "милости" Аракчеева, два сына Пестеля, Павел и Владимир, были приняты в Пажеский корпус. 1-го Марта 1810 г. главный директор корпуса генерал Клингер получил письмо министра народного просвещения князя А.Н. Голицына, в котором он его извещал, что "Государь по прошению Сибирского генерал-губернатора и тайного советника Пестеля, высочайше указать соизволил: из числа трех сыновей его сверх-комплектных пажей, старшему Павлу и младшему Владимиру, по представлению их в Пажеский корпус, произвести ныне же экзамен, и, потом, приняв их в сей корпус на собственное их содержание, поместить в те классы, к которым по экзамену окажутся принадлежащими".

14-го Декабря 1811 г. камер паж Пестель окончил Пажеский корпус первым и выпущен прапорщиком лейб-гвардии в Литовский полк. Имя его было занесено на мраморные доски корпуса.

Вскоре после производства в офицеры Пестель вступил в масонскую ложу Соединенных Друзей. Ложу основали в 1802 г. камергер А.А. Жеребцов, инспектор Пажеского корпуса Оде де Сион, который и ввёл в неё Пестеля и генерал граф А.И. Остерман-Толстой, впоследствии выдающийся участник победы под Кульмом. Кроме трех основателей, в ложу входили : Цесаревич Константин Павлович, принц Александр Вюртембергский (Сб. Б. Кав. Т. 3, стр. 129), министр полиции А.Д. Балашев, генерал П.В. Борздин (Сб. Б. Кав. Т. 2, стр.106), композитор Кавос, церемониймейстер А.Л. Нарышкин и многие другие лица Петербургского высшего света.

15-го Марта 1812 г. Пестель был возведен "братьями" в степень мастера ложи "в три символические степени королевского искусства", как о том объявляла "Почетная ложа Соединенных Друзей на Востоке Санкт-Петербурга" всем прочим "Востокам рассеянным по двум полушариям".

На войну 1812 г. Пестель выступил с полком в рядах 2-ой гренадерской роты. В Бородинском бою он был тяжело ранен в берцовую кость правой ноги и только в Мае 1813 г. смог вернуться в действующую армию, не в полк, а, благодаря хлопотам отца и помощи Аракчеева, адьютантом к главнокомандующему графу Витгенштейну.

После окончания войны, в Июле 1814 г. граф Витгенштейн был назначен главнокомандующим 1-ой армией, расположенной в Курляндии, уехал в Митаву, взяв с собой Пестеля. За эти годы Пестель был произведен 13-го Января 1813 г. в подпоручики, 14-го Августа 1814 г. в поручики, а 21-го Августа зачислен в списки Кавалергардского полка с оставлением адьютантом графа Витгенштейна.

Очутившись вновь в мирной обстановке, Пестель стал усиленно посещать масонские собрания. В 1815 г. он был принят в ложу "Трех Добродетелей". В Санкт-Петербургских Ведомостях от 29-го Октября была помещена заметка, в которой говорилось, что Пестель "был принят братьями нашей мастерской со всею радостью, какую может доставить созерцание брата, который так дорог вследствии питаемой к нему дружбы".

Ложа Трех Добродетелей была основана несколькими членами ложи Соединенных Друзей. В неё входил целый ряд будущих декабристов. Князья С.Г. Волконский, П.П. Лопухин, И.А. Долгоруков, С.П. Трубецкой и Ф.П. Шаховской, Никита Муравьев и братья Матвей и Сергей Муравьевы-Апостолы.

В 1816 г. Пестель был принят правителем канцелярии Малороссийского генерал-губернатора князя Н.Г. Репнина (Сб. Б. Кав. Т. 3, стр. 49) Михаилом Николаевичем Новиковым в Тайное Общество Союз Спасения и сам принял в него, той же осенью, Лейб-Гвардии Преображенского полка полковника Сергея Павловича Шипова и его брата Павла, капитана того-же полка, поручика Лейб-Гвардии 2-ой артиллерийской бригады князя Илью Андреевича Долгорукова, полковника Главного генерального штаба Ивана Григорьевича Бурцова и полковника Кавалергардского полка князя Павла Петровича Лопухина.

Для составления устава Союза Спасения была выбрана комиссия, в которую вошел Пестель. Он явился, если не единственным, то по существу главным составителем устава. Устав был им построен по примеру масонских лож. К старому названию Союза было добавлено новое "Общество Истинных и Верных Сынов Отечества".

9-го Августа 1817 г. Пестель был произведен в штабс-ротмистры. Находясь в Митаве, он основал там отдел Союза Спасения и принял в него 4-х офицеров : командира Олеопольского гусарского полка полковника Петрулина и трех штабных офицеров, полковника Свободского, подполковника Тимченко и майора Авенариуса.

В сентябре 1817 г., желая отметить пятилетнюю годовщину освобождения Первопрестольной столицы от нашествия Наполеона, Император Александр, со всем Двором, переехал в Москву. Туда же была двинута Гвардия в составе сводных полков.

Этим воспользовались члены Союза Спасения, в подавляющем числе гвардейцы, чтобы созвать в Москве совещание. На нем было решено распустить Союз Спасения и, одновременно, создать новое Тайное Общество - Союз Благоденствия. Тогда-же была написана первая часть устава и создана Коренная Управа, ставшая по словам Пестеля "Законодательной Властью Союза". Хотя сам Пестель в это время оставался в Литаве, тем не менее он был включен в состав Коренной Управы и ему был послан список нового устава.

В числе предметов, которым обучались пажи в старших классах корпуса, входили политические науки : экономия, философия, статистика и государственное правление в разных его видах. Со всеми этими предметами Пестелю пришлось ознакомиться впервые, при подготовке к экзаменам для поступления в Пажеский корпус. Об этом он подробно говорит в ответах на вопросные пункты Верховной Следственной Комиссии.

"О политических науках я не имел ни малейшего понятия (В Дрезденском университете их не преподавали) до самого того времени, когда стал готовиться ко вступлению в Пажеский корпус, в коем их знание требовалось для поступления в верхний класс. Я им тогда учился у профессора Академии Германа, преподававшего в то время сии науки в корпусе".

С этого времени Пестель стал "заниматься, как сими науками, так, вообще, чтением политических книг, со всею кротостью и без всякого вольнодумства, с одним желанием быть когда нибудь, в свое время и в своем месте полезным слугою Государю и Отечеству".

Тогда же "я стал рассуждать о том соблюдены-ли в устройстве Российского Правления правила политических наук, не касаясь, однако, еще Верховной Власти, но размышлял о министерствах, местных правительствах и тому подобных предметах. Я присем находил много несообразностей, по моим понятием, с правилами политических наук и начал разные предметы обдумывать, какими постановлениями они могли-бы быть заменены и усовершенствованы".

"Обратил также мысли и внимание на положение народа, причем рабство крестьян всегда сильно на меня действовало, а равно и большие преимущества аристократии, которую я считал, так сказать, стеною между Монархом и Народом стоящею и от Монарха, ради собственных выгод, скрывающей истинное положение народа".

"К сему стали в мнениях моих, в протечение времени, присоединяться разные другие предметы и толки, как-то : преимущество разных присоединенных областей, слышанное о военных поселениях, упадок торговли и промышленности и общего богатства, несправедливость и подкупность судов и других начальств, тяжесть военной службы для солдат и многие другие, тому подобные статьи, долженствовавшие, по моим понятиям, составить предмет частых неудовольствий и чрез коих, всех совокупление во едино, представлялось моему уму и воображению целая картина народного неблагоденствия. Тогда начал во мне возникать ропот противу Правительства".

"От монархического, конституционного образа мыслей я был переведен в республиканский главнейше следующими предметами и соображениями : сочинение Детю де Траси на французском языке очень сильно поспействовало на меня. Он доказывает, что всякое правление, где главой государства есть одно лицо, особенно ежели сей сан наследствен, неминуемо должно кончиться деспотизмом".

"Все газеты и политические сочинения так сильно прославляли возрастание благоденствия в Северо-Американских Соединенных Штатах, предписывая сие государственному их устройству, что сие мне казалось ясным доказательством в превосходстве республиканского правления".

"Возвращение Бурбонского Дома на французский престол и соображения мои впоследствии о сем происшествии могу я назвать эпохой в моих политических мнениях, понятиях и образе мыслей, ибо, начал я рассуждать, что большая часть коренных постановлений, введенных революцией, были, при ресторации монархии, сохранены и за благо признаны, между тем, как все восставали против революции и я сам всегда против нее восставал".

"От сего суждения породилась мысль, что революция, видно, не так дурна, как говорят и, что, может быть весьма полезна, в каковой мысли я укреплялся тем другим еще суждением, что те государства, в коих не было революции, продолжали быть лишенными подобных преимуществ и учреждений".

"Тогда начали сии причины присовокупляться к, выше уже приведенным, и начали во мне рождаться, почти совокупно, как конституционные, так и революционные мысли. Конституционные были совершенно монархические, а революционные очень слабы и темны. Мало по малу стали первые определительнее и яснее, а вторые сильнее".

В 1818 г. граф Витгенштейн был переведен главнокомандующим 2-ой армией, расположенной на юге России и переехал в местечко Тульчин - штаб квартиру 2-ой Армии. За ним последовал Пестель, произведенный 6-го Июля в ротмистры. 6-го Декабря Пестель был переведен на службу в Мариупольский гусарский полк с переименованием в подполковники.

15-го Мая 1818 г. Императором Александром была произнесена речь при открытии Польского Сейма в Варшаве, в которой он выражал надежду, что "При Божьей помощи распространить и на все страны, Провидением попечению моему вверенным, спасительное влияние конституционного правления".

Речь Государя произвела огромное впечатление не только в России и в Европе, но в собственной его семье. 21-го Мая Анна Павловна, королева Нидерландская писала брату Цесаревичу Константину, что она "преклоняется перед речью Императора, потому что, живя в конституционной стране, она, более чем кто либо, может оценить все её достоинства".

Она не могла не отразиться и не членах Тайного общества. Они воспрянули духом. Сам Император обещал дать конституцию России. Скоро они перестанут быть заговорщиками, а станут явными и ближайшими сотрудниками Царя. Вместе с ним они проведут в жизнь все изменения в управлении страной и уничтожат крепостное право, избегнув "пугачевщины".

Последняя их всегда пугала. Память о ней была еще жива в рассказах дедов и отцов, а крестьянские волнения в имениях их родных и знакомых, Волконских, Муравьевых, Тучковых, матери Грибоедова, Лачиновой и Кочубея, восстания на Дону и в Чугуевских военных поселениях только усиливали страх её повторения.

В эти годы Пестель в Тульчине усиленно занимался внутренним распорядком, возглавляемой им Тульчинской Управы Союза Благоденствия, вербовал новых членов и, возможно, под впечатлением речи Императора Александра, пишет "Записка о Государственном Правлении" и "Краткое умозрительное обозрение Государственного Правления". Последнее с подзаголовком "Сочинение русского гусара. 1820 г."

Но время шло. О конституции, пока что, ни слуха, ни духа, но, что хуже для него самого, это его продвижение по службе, которое не идет так быстро, как ему хотелось. Пестель уверен, что виной всему само Правительство не сумевшее, или не пожелавшее признать и оценить все его качества, способности и достоинства. Отчасти под влиянием личной обиды в нем произошло, незаметно для него самого, изменение в его политическом мышлении. Отход от конституционной монархии к республике, затем, к диктатуре.

В последних числах Ноября 1819 г. главнокомандующий 2-ой армией уехал в Петербург и взял с собою Пестеля. Последний, как всегда во все свои приезды в Петербург, остановился на квартире брата Владимира в Кавалергардских казармах.

Приездом Пестеля поспользовались члены Коренной Управы Союза Благоденствия, чтобы собрать ряд совещаний Управ для обсуждения дальнейших действий. О первом заседании Управы подробно говорит Пестель в ответах на запрос Верховной Следственной Комиссии.

По его словам "Князь Долгоруков, по открытию заседания, которое происходило на квартире полковника Глинки (Адьютант С. Петербургского генерал-губернатора графа Милорадовича) предложил Думе (Коренной Управе) просить меня изложить все выгоды и все невыгоды республиканского правления, с тем, чтобы потом каждый член объявил свои суждения и мнения. Сие так и было сделано. Наконец, после долгих разговоров, прения были закончены и объявлено, что голоса собираться будут таким образом, чтобы каждый член говорил, что он желает : монарха или президента, а подробности будут, со временем, определены... В заключение все приняли республиканское правление".

Хотя постановление о республике, по словам Пестеля, и было принято единогласно, но далеко не единодушно. Об этом свидетельствуют многочисленные показания других декабристов М.С. Лунина, А.Ф. фон-дер-Бриггена, барона В.И. Штейнгеля и в особенности С.М. Семенова. Отсутствие единодушия сказалось в последующих заседаниях на квартире Шипова в Преображенских казармах, когда Никита Муравьев, поддержанный одним только Пестелем, поставил вопрос о цареубийстве, как "способа введения республики".

Это предложение испугало и возмутило многих и вызвало горячие споры. Перед ними вновь стал кровавый облик французской революции и Пугачевщины. Тогда-то Пестель и выступил с предложением диктатуры.

"Опасения насчет безначалия и беспорядков, при революции произойти могущих, изъявлял я всегда сам и, говоря о необходимости Временного Правления, приводил в подкрепление сей необходимости все опасения насчет безначалия и беспорядков, мнением полагая, что надежнейшее и единственное средство к отвращению оных, состояло-бы в учреждении Временного Правления".

Но и это предложение совершенно не удовлетворило присутствовавших. Споры достигли такого напряжения, что "перешли на личности". Пестелю бросили обвинение в желании стать русским Робеспьером. В итоге, не вынеся никакого определенного решения, собрание было закрыто, а князь Долгоруков сложил свои полномочия блюстителя Коренной Управы, не желая больше"заседать в якобинском клубе времен террора".

Петербургское совещание положило начало той борьбе за главенство между руководителями Коренной Управы и разладу в самом Союзе Благоденствия, завершившееся в 1821 году его закрытием.

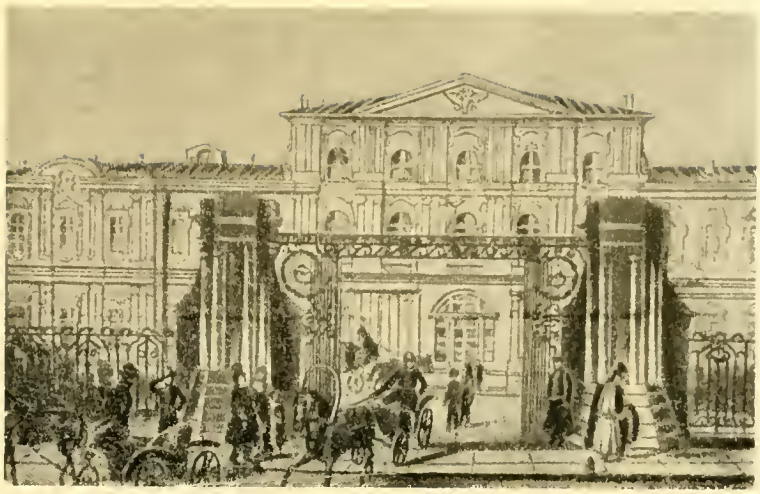
После длинного отпуска, проведенного в Смоленском имении родителей, Пестель вернулся в Тульчин и, по своему, ознакомил местных членов Союза Благоденствия о ходе Петербургских совещаний и о якобы принятом на них введении республики. Но подобно Петербургу, в Тульчине не все члены Союза согласились с Петербургским решением в передаче Пестеля. Особенно со "способом введения республики" - с цареубийством. Тут, как раньше в Петербурге, начались споры и выход из Общества некоторых членов.

В течение 1820 г. Пестель усиленно работал над разными проэктами будущей конституции, которые он предполагал свести в последствие в одно целое "Русская Правда или Заповедная Государственная Грамота Великому Народу Российскому", долженствующее послужить, как-бы основными законами России. Согласно этим проэктам Россия становится демократической республикой - единой и неделимой. В противном случае она "не только свое могущество, величие и силу, но даже, может быть, свое бытие утратит". Границы с Польшей должны быть установлены Россией, которая гарантирует ей независимость, при условии, что Польша переделает свой государственный строй на русский лад. Уничтожалось крепостное право с наделием крестьян землей. Но своих крестьян Пестель, как впрочем (почти все) другие члены тайных обществ, не освободил. Целые страницы были уделены еврейскому вопросу, который получил, по тем временам, неожиданное разрешение. Пестель предполагал просто выселить всех евреев из России и Польши в Азиатскую Турцию. "Нужно назначить сборный пункт для Еврейского народа и дать несколько войск им в подкрепление. Ежели все русские и польские евреи соберутся на одно место, то их будет свыше двух миллионов. Такому числу людей, ищущих отечество, не трудно будет преодолеть все препоны, какие турки могут им противопоставить и, пройдя Европейскую Турцию, перейти в Азиатскую и там, занять достаточно места и земли, устроить особое Еврейское государство".

Понятия республика и монархия на рубеже 18-го и 19-го вв., не противопоставлялись друг другу, как это стало впоследствии, в особенности когда речь шла о монархии конституционной. Но обязательное требование о введении республики могло оттолкнуть от Тайного Общества именно ту часть населения, в которой оно больше всего нуждалось : военный и гражданский служилые классы, купечество и поместное дворянство. Этого не мог не заметить и не понять Пестель во время своего пребывания в Петербурге.

Поэтому в первоначальных набросках его конституции слово президент отсутствует. Вместо него сказано император. В них Пестель пишет, что "Монарх должен стать во главе движения своего времени, должен идти впереди него, руководить его направлением

Павел-Михаил Иванович Пестел



Пажеский Корпус 1801 г.

Les francs-maçons à Alexandre Ier.
Gravure du frère ... Delig... de la Loge Bienfaisance.
(Bibliothèque Nationale. Estampes.)

Масонская гравюра Александра I 1814 г.

и не стараться его остановить, как хотела-бы знать, потому что иначе он променял-бы прекрасную роль вождя своей армии на роль человека, плетущегося сзади и, притом, силой вынужденного следовать против своей воли за тем самым духом времени".

Особой скрытности, в отношении содержания своих записок, Пестель не соблюдал. Он читал некоторые её отрывки членам Тульчинской Управы и, даже, самому начальнику штаба 2-ой Армии генералу Кисилеву (Сб. Б. Кав. Т. 3, стр. 144), который, однажды ему сказал, что он "своему Царю, представляет слишком много власти". Пестель говорил, что "Большая часть моих записок таким образом составлена была, что можно их было даже правительству показать".

В Октябре 1820 г. Лейб-Гвардии в Семеновском полку произошли беспорядки на почве жестокого обращения с солдатами командира полка Шварца. По приказу Императора Александра полк был расформирован. Солдаты и некоторые офицеры 1-го баталиона были расписаны по разным полкам Сибирских гарнизонов, другие роты по полкам 1-ой и 2-ой армий и отдельного Кавказского корпуса.

Эта неожиданная, суровая и не заслуженная мера больно отразилась во всех полках Гвардии и в Петербургском обществе и служила предметом обсуждения и осуждения. Полковник Кавалергардского полка Сергей Васильевич Шереметев (Сб. Б. Кав. Т. 3, стр. 219) горячо откликнулся на предложение Семеновца, князя Сергея Ивановича Мещерского подать, от имени всех гвардейских офицеров, прошение Государю об отмене его жестокого решения и собирал для этого подписи.

Отразилось это, конечно и в солдатской толще Гвардии, которая надеялась, что вернувшись в столицу, "Царь простит Семеновцев", и "Сделает им облегчение". Но наряду с надеждой на царскую милость и защиту, в листовках, подбрасываемых в разные гвардейские части, говорилось совсем иное. Солдатам советывалось "Единодушно арестовать всех начальников, дабы прекратить вредную их власть. Между собою выбрать по регулу надлежащий комплект начальников из своего брата-солдата и покляться умереть за спасение оных, если нужно будет, а не выдавать своих. Вновь выбранные начальники должны разослать приказы прочим полкам, чтобы поступили также, а командированные, посланные полки возвратить в Петербург. Когда старые начальники будут сменены и новые учреждены, то Россия останется, по сему случаю, без пролития крови. Если сего не учините и станете медлить в сем случае, то вам и всему Отечеству не миновать ужасной революции". Подпись на листовке была такая "Любитель Отечества и сострадалец несчастных. Единоземец".

Распыление Семеновских офицеров и солдат явилось полной противоположностью расчетам правительства. Прав был Цесаревич Константин, когда упрекнул Императора Александра в том, что никто иной, как он сам, заразил всю армию, разослав в её недра Семеновцев и, что это распоряжение распространит заразу повсюду".

Другим мероприятием правительства был вывод Гвардейских полков из Петербурга в Литву и Белоруссию. Сообщая о приказе Государя командиру Гвардейского корпуса генералу Васильчикову, начальник Главного штаба кн. Волконский добавлял "Воображаю впечатление, которое этот поход произведет на всех, в особенности на болтунов. Что-же касается самих войск, то уверен, что удаление их из столицы, с её пересудами и сплетнями, принесет им только пользу".

1821 г. был чреват последствиями, как для Союза Благоденствия в целом, так и лично для Пестеля. Союз Благоденствия должен был прекратить свое существование, а Пестель был произведен в полковники и получил долгожданное назначение командиром полка.

Споры и разногласия, так резко обнаружившиеся на Петербургских совещаниях Коренной Управы Союза Благоденствия, обеспокоили многих членов и вызвали в их среде сомнения в правильности избранного пути. Нарастала неотложная необходимость вновь пересмотреть, обсудить и, возможно, изменить дальнейшее направление развития деятельности Союза.

Созыв нового съезда взяла на себя наиболее умеренная часть Коренной Управы. Съезд был назначен в Москве, в первых числах Января 1821 г. и продолжался больше месяца. На нем участвовали по два представителя от каждой местной Управы : Петербургской, Московской, Тульчинской и Кишиневской.

Пестель, как член Коренной Управы, имел полное право присутствовать на съезде. Но его там не было. Его заранее отстранили, на том основании, что "он своим резким мнением и своим упорством испортит там все дело". Вместо него в Тульчине был выбран другой член Коренной Управы полковник Бурцев, противник Пестеля, возглавлявший местных, умеренных членов. "Они во многом не сходились и часто оканчивали споры личностями".

Московский съезд не был тайной для правительства. Сведения о нем были заблаговременно получены командиром Гвардейского корпуса И.В. Васильчиковым, вероятно от библиотекаря Гвардейского корпуса М.К. Грибовского, который сам был, не только членом Союза, но входил в состав Коренной Управы. О полученных им сведениях, Васильчиков сообщил в письме от 9-го Января 1821 г. начальнику Главного штаба князю Волконскому : Les notions, que je viens d'avoir, me paraissent assez conséquentes pour exiger que je vous en informe. Il s'agit d'une entrevue que doivent avoir à Moscou le Général Fonvisine, Michel Orloff, le Colonel Grabbe chef d'un régiment d'hussards, Nicolas Tourguéneff, le Colonel Glinka et Messieurs Mouravieff père et fils. Il s'agit, à ce que l'on prétend, dans cette entrevue de poser les bases d'une association, qui aurait pour but l'émancipation des paysans et un changement de gouvernement. D'après les renseignements que j'ai pris, Fonvisine est parti d'ici pour Moscou. Michel Orloff doit y venir de Kiev, le Colonel Grabbe a demandé et obtenu un congé, Touguéneff vient de partir pour l'ancienne capitale, Glinka demande aussi à y aller. Vous trouverez tout simple que je vous en avertisse afin que vous preniez vos mesures. Je suis loin de croire que la chose soit conséquente, mais les individus que je nomme sont des têtes assez renversées pour mériter l'attention du Gouvernement sur leurs menées. Je vous prierai seulement, cher ami, de ne confier à personne ce que je viens de vous dire, car je le tiens d'un homme qui m'est dévoué et que l'on a beaucoup engagé à être de la partie".

Когда во время съезда в Москве, были получены сведения, что правительству известно существование Союза Благоденствия и разговоры, которые велись в Петебурге на съезде Коренной Управы в 1820 г., то съезд принял, единственное разумное в создавшейся обстановке, решение распустить Союз Благоденствия. В замен распущенного Союза было поставлено "вместо онаго должно было,

по времени, составить новое общество", для которого был написан новый устав. В нем, между прочим, было сказано, что "Ни в коем случае цель не освящает средства". Другим словами - конституция да, цареубийство нет.

Роспуск Союза Благоденствия облегчил Тайному Обществу отсечь, не только "крайних" членов, но и тех, кто колебался или не проявлял никакой деятельности. Передать решение Московского съезда всем членам Тульчинской Управы было поручено Бурцову, но только ту часть, которая касалась роспуска Союза. "Вслед за тем известить всех членов, кроме приверженцев Пестеля, о существовании нового устава", в надежде, что "они все к нему (уставу) присоединятся под его руководством". Перед отъездом из Москвы, Бурцов сказал, что не допустит в новое Тайное Общество Пестеля и обещал "привести в порядок Тульчинскую Управу". Но исполнить ни того, ни другого, Бурцову не удалось.

Во время Московского совещания на Молдованской границе, на юге России началось в Феврале выступление греческого тайного общества Фелике Этерия, под главенством князя Александра Ипсиланти (Сб. Б. Кав. Т. 3, стр. 194) генерал-эфора восстания. Попытка Ипсиланти кончилась полной неудачей. 15-го Июня он бежал в Австрию, был арестован австрийскими властями и заключен в каземат крепости Мункач.

Когда 22-го Февраля Князь Ипсиланти перешел в Молдавию, то начальник штаба 2-ой армии ген. Кисилев отправил Пестеля на границу Молвавии для сбора подробных сведении. Такую поездку Пестель соверил трижды, в Феврале, Марте и в Апреле. В своих ответах на запросы Верховной Следственной Комиссии Пестель пишет, что "Употреблен был в Главной квартире 2-ой армии по делам о возмущении греков и по сим-же делам был трикратно послан в Бессарабию, представив тогда начальству две бсльшие записки о делах греков и турок, которые были отосланы к министру Иностранных Дел".1)

Во время последней поездки Пестель встретился в Кишиневе с Пушкиным, который записал в своем дневнике 9-го Апреля 1821 г. "Утро провел с Пестелем. Умный человек во всем смысле слова. "Mon coeur est matérialiste говорил он мне, mais ma raison s'y refuse. Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и прочее. Он один из самых оригинальных умов, которые я знал".

12 лет спустя, Пушкин вновь вспомнил о Пестеле. 1833 г. 24-го Октября Суцо, бывший Молдаванский господарь, напомнил мне, что в 1821 г. я был у него в Кишиневе вместе с Пестелем. Я рассказал ему, каким образом Пестель обманул его и продал Этерию, представив её Императору Александру, отраслью карбонариев".

Передать решение Московского съезда Тульчинской Управе было поручено Бурцову, но Комаров приехал в Тульчин в конце Февраля ранее Бурцова и сообщил членам Тульчинской Управы о закрытии Союза Благоденствия. О других решениях съезда ни Пестелю, ни остальным членам он ничего не сказал.

---

1) В своем рапорте он донес, что "Ипсиланти только орудие в руках тайной силы" и, что сама тайная греческая организация Этерия является ни чем иным, как "ветвью карбонарий".

Пестель, обиженный и недовольный тем, что его не выбрали делегатом на Съезд, объявил, что Коренная Управа на Московском заседании на имела права закрывать Союз Благоденствия, что ее решение, потому незаконно, и предложил Тульчинским членам продолжить Союз Благоденствия. Когда в Марте в Тульчин приехал Бурцов с письменным постановлением съезда, Пестель вновь подтвердил свое намерение продолжать Союз Благоденствия. "Полковник Пестель спросил, ужели собравшиеся в Москве имели право разрушить Общество и согласны-ли мы его продолжать. На что все единогласно изъявили свое намерение его продолжить".

Опираясь на поддержку своих "приверженцев" Пестель принялся за переустройство Тульчинской Управы. Ссылаясь на мнимое постановление Петербургского съезда 1820 г. он ставил дальнейшей целью Тайного Общества установление республики и говорил, что так как "Прежнее значение было революционный способ действия, (то) сим не новая цель вводилась, но старая, прежде принятая продолжалась". К этому заявлению декабрист князь Барятинский, один из адьютантов штаба 2-ой Армии добавляет "решено было все сие учинить по средству войск".

В Мае библиотекарь Гвардейского Генерального штаба и сам член Коренной Управы Союза Благоденствия М.К. Грибовский подал командиру Гвардейского корпуса Васильчикову подробную записку, в которой он доносил о существовании Тайного Общества, о его политических чаяниях и цели, и, перечислял всех входивших в него лиц. Менее всего он коснулся южной управы. О Пестеле в записке было упомянуто, как "Адьютант графа Витгенштейна".

Особых мер со стороны правительства донос не вызвал. "Mon cher Wassiltchikov, сказал Государь, vous qui êtes à mon service depuis le commencement de mon règne, vous savez que j'ai partagé et encouragé ces illusions et ces erreurs. Ce n'est pas à moi de sévir". Кончая записку, Грибовский добавил, что Союз Благоденствия прекратил свое существование и, что при судебном исследовании трудно будет открыть теперь, что либо о сем Обществе ; бумаги онаго истреблены и каждый, для спасения своего, будет запираться".

"Есть слухи, писал позже Император Александр Великому Князю Николаю Павловичу, что пагубный дух вольнолюбия или либерализма разлит, или, по крайней мере сильно развивается и между войсками, что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть разные клубы, которые имеют, притом, секретных мисионеров для распространения своей партии ; Ермолов, Раевский, Кисилев, Михаил Орлов, Дмитрий Столыпин и многие другие из генералов, полковников и полковых командиров, сверх того большая часть разных штаб и обер-офицеров".

Все-же некоторые меры правительство приняло. Военному Командованию было предписано установить негласный надзор. Требовалось обратить особое внимание и выяснить "не существует-ли между некоторыми из офицеров особой сходки, под названием клуба, ложи и прочее. Какой дух в полку и нет-ли суждения о делах политических или правительства".

Служа в штабе армии, Пестель не мог не знать об этом распоряжении, которое могло, в любое время, отразиться на Тайном Обществе и на нем самом.

"Вот какие полковники служат в моей армии" сказал Император Александр, прочитав донесение Пестеля о греческом восстании князя Ипсиланти, но никакой другой награды Пестель не получил, несмотря на повторные ходатайства Кисилева перед начальником Главного штаба Закревским.

Перевод на службу к главному начальнику военных поселений на юге России графу Витту (Сб. Б. Кав. Т. 2, стр. 448), как хотел это осуществить Пестель, имел бы, вероятно, тот-же исход. Чтобы его осуществить, Пестель избрал другой путь - жениться на дочери графа Витта. Возможно, что эту мысль подал ему генерал Кисилев, сам женившийся в Сентябре 1821 г. на графине Софии Станиславовне Потоцкой, мать которой была в первом браке за отцом гр. Витта.

В Сентябре графиня Витт с дочерью Изабеллой, была у родителей Пестеля в их Смоленском имении Василькове. Свое впечатление о будущей жене сына, отец Пестеля подробно высказал ему в письме от 30-го Сентября. "Я видел Изабеллу у нас единственный раз. Я увидел, что эта особа довольно красива, но должна была быть еще более красивой. Её поведение показалось мне робким, но очень осторожным, чем я желал-бы в особе её возраста. Её мать совершенная дура, которая болтает и говорит то, что ей взбредет в голову, не размышляя много. Она мне совсем не понравилась. Муж её граф Витт - низкий интригант".

Это общее, ходячее мнение о свойствах характера графа Витта было некогда выражено Цесаревичем Константином, когда он сказал про него, что граф Витт "menteur et mauvais sujet dans la force du terme, une canaille dont le monde-ci ne produit, peut-être pas une autre. Sans foi, ni loi, ni probité et ce que l'on appelle en français, un gibier de potence". Позже, по поводу открытия, Виттом заговора, Цесаревич писал 14-го Декабря 1825 г. барону Дибичу, что "Витт есть такого рода человек, который не только чего другого, но недостоин даже, чтобы быть терпимым на службе, и мое мнение есть, что за ним надобно иметь большое и крепкое наблюдение", а относительно самого открытия Виттом заговора, Цесаревич считал "que c'est une intrigue des plus noires".

Конечно не мнение отца о будущей родне сына помешало свадьбе. Она не состоялась потому, что 15-го Ноября 1821 г. долгожданные надежды Пестеля, наконец, сбылись. Он получил назначение командира Вятского пехотного полка и в покровительстве "сильных мира сего" больше не нуждался.

Вятский полк в строевом и хозяйственном отношении был самым плохим полком во всей 2-ой армии. Пестелю пришлось приложить много усилий, чтобы показать себя с наилучшей стороны и оправдать помощь и доверие Кисилева.

"Первоначально начал я с штаб и обер-офицеров. Строгость противу них оказывал чрезвычайную, так что нередко батальонных командиров за фронт высылал. С нижних чинов сначала много требовать не мог, ибо не были они выучены и не были в том виноваты". "Но закоренелая леность все еще оставалась в действии, сие побудило меня обратиться к строгости, использовав все средства терпения и поучения и, убедившись, что одна строгость может искоренить давнишнюю лень и сильное нерадение".

"Все было в таком расстройстве и служба так заброшена, что я должен был употребить невозможнейшие усилия, чтобы водворить в нем порядок". "Солдат должен быть безгласным, говорил Пестель на допросах, исключая того случая, когда его на инспекторском смотру его начальник опрашивал о претензиях. Сим правилом руководствовался я всегда неизменно, не только в отношении солдат, но и в отношении к офицерам не дозволяя им никогда спрашивать о причинах какого нибудь повеления".

О строгости Пестеля показывает на допросах 22-го Декабря 1825 г. капитан Вятского полка Найборода. "В 1822 г., попуская явное к нижним чинам послабление, а с некоторых ротных командиров, перед глазами их подчиненных взыскивал за малейшие безделицы, но когда полк при осмотре корпусным командиром в лагере при городе Баре, показал себя дурно на учении, то полковник Пестель, выведя оный за лагерные кухни, приказал при себе бить палками всех тех солдат, которые замечены были ротными командирами, офицерами и унтер-офицерами в неисправности и с тем вместе подтвердил ротным командирам, чтобы взыскивали с людей без снисхождения, что при ежедневных учениях исполнялось по необходимости, ибо в лагерь ожидался Государь Император".

Несколько месяцев после принятия полка, Пестель писал Киселеву, что "Теперь все знают, что такое суровость, но так как одной суровости, чтобы наладить как следует дело службы недостаточно, то я даю клятву, что вы найдете полк в таком состоянии, которое позволит вам дать моим офицерам доказательство, как после дождя наступает хорошая погода. Поднять в них чувство долга, добиться от них самих некоторого доверия к себе - это один из наиболее действительных способов, чтобы совершенно улучшить полк".

О другом способе улучшении полка, в отношении солдат, Пестель говорит, что "По их собственным словам, они не видели столько забот о себе. Их пища превосходна, так как я, из собственных моих средств, даю им тройную порцию каши. В настоящее время, в добавление к тому, будет отпускаться и говядина".

Не одной только суровостью добился Пестель желаемого. Не одним только битьем палками, шпицрутенами и розгами, но теми хозяйственными мерами, которые он предпринял. Но на это требовалось много денег, казенные были давно перерасходованы его предшественником. Пестель тратил свои. "Я не знаю, что делать, так как в настоящую минуту доведен до последней крайности и не имею больше никаких средств".

Усилия Пестеля скоро сказались. Начальник 18-ой пехотной дивизии князь Сибирский отдал в приказе, что "хотя и весьма короткое время вступления полковника Пестеля в командование Вятским полком, но усердие его и жертвование даже собственных денег на приведение полка, не только в должную исправность, но даже видимое желание сравнить полк, ему вверенный, с лучшими - столь успешны и очевидны, что остается только благодарить и ожидать перемены по полку в всех частях и в столь короткое время".

Завершением всех усилий Пестеля был смотр войскам 2-ой армии Императором Александром в Сентябре 1823 г. Когда мимо него прошел церемониальным маршем Вятский полк, Государь сказал начальнику Главного штаба барону Дибичу "Прекрасно, точно Гвардия".

7-го Января 1824 г. последовал высочайший указ Правительственному Сенату. В воздаяние отменно ревностной службы и неусыпных трудов командира Вятского пехотного полка полковника Пестеля, жалуется ему в вечное и потомственное владение три тысячи десятин земли, по избранию его, в таких губерниях, где, сверх положенных казенным крестьянам 15-ти десятинной пропорции, находятся излишние, порожние земли". Войти в их владение Пестель не успел.

В Пестеле боролись две природы солдат и политик и, хотя дальнейшее продвижение по службе и денежное благосостояние ему были обеспечены - политик перетянул.

Гвардия вернулась из своего "проветривания" летом 1822 г. (Кавалергарды 29-го Июня). До этого времени Северное Общество существовало только в зародыше, тогда как Южное, под руководством Пестеля, разрослось и внутренне окрепло, что давало Пестелю уверенность стать в будущем единственным и "самодержавным" руководителем всего революционного движения и вершителем судеб России.

Для обсуждения всех народившихся вопросов, Пестель назначил на Январь 1822 г. съезд руководителей Южного Общества в Киеве на "контрактах". Контрактовые ярмарки происходили ежегодно около праздника Крещения. Обычно на них съезжалось множество торговцев, окрестных помещиков, офицеров ремонтеров, военных поставщиков, и чиновников интендантства. Кроме крупных торговых сделок, контракты служили предлогом разных увеселений : дворянским балам, обедам, вечерам, помоловкам и свадьбам. В сутолке праздничной обстановки, съезд Южного Общества не мог возбудить подозрения чи полицейских, ни военных властей.

Под председательством Пестеля на съезде было подтверждено решение Тульчинской Управы о продолжении Тайного Общества, не взирая на постановление в Москве. Было, так же подтверждено установление республики "посредством войск" и избрана директория. Пестель старшим директором - Главный интендант 2-ой Армии Юшневский младшим. В заключение было выражено пожелание иметь вполне готовую конституцию до всяких революционных действий и заслушаны наброски конституционного прозкта Пестеля. В итоге было решено дать членам год для обдумывания и вновь собрать съезд в 1823 г. на тех-же контрактах.

2-го Августа 1822 г. последовало распоряжение правительства о закрытии масонских лож, о запрещении всех тайных обществ и об отобрании у всех государственных служащих подписки о непринадлежности к ним.

Сообщая об этом сыну, отец Пестеля, в длинном письме говорит, что здесь (в Петербурге) говорят, что во 2-ой армии есть злоумышленники. Хотя я ничему этому не верю, но, тем не менее, обязанность моя, как отца, друга и патриота, предупредить тебя об этом, для того, чтобы ты был осторожен в своих связях. Эти люди опасны и всякий честный человек должен их остерегаться".

"Посылаю тебе рескрипт министру Внутренних Дел касательно масонских лож и других тайных обществ, так-же и подписку, которую все состоящие на службе должны дать. Так как я никогда не был масоном и, так как я всегда смотрел на эти ложи, как на плутовство, то от этой меры мне ни тепло ни холодно. Тем, кто принадлежал к

какой нибудь ложе, надо поименовать в своей записке с обещанием больше не быть там ; они должны это сделать тем более, что полиция, вероятно, имеет список всех масонов в государстве".

Еще в большей степени была обеспокоена мать Пестеля, когда писала ему "Как была-бы я огорчена, если-бы узнала, что кто либо из моих сыновей мог быть в числе так называемых, либералов, которые вообще, а у нас в особенности, есть тоже, что поджигатели".

Но несмотря на советы и предостережения родителей, Пестель дал заведомо ложную подписку о непринадлежности к Тайным Обществам.

В Январе 1823 г. на контрактах в Киеве вновь состоялся съезд руководителей Южного Общества под председательством Пестеля. "На нем, говорит он, предлагал я, как председатель, предметы на суждение, ибо членам, тут присутствовавшим, был избран в председатели на время суждения об Обществе, о цели его и о способах действия". "Как в 1822 так и в 1823 году было рассуждено о республиканском правлении, и я при том объяснял свои мысли и свой план конституции".

Некоторые предметы предложенные Пестелем, были приняты единодушно, в том числе введение республики, уничтожение крепостного права и сохранение "господствующую религию". Другие же вопросы, как "истребление всей царской фамилии", "разделение земель" и о месте где начать возмущение (на юге или в Петербурге) вызвали разногласие и дальнейшее их обсуждение было вновь отложено. В заключение съезд утвердил основание двух побочных управ в Васильков и в киевском имении Давыдова Каменке. Было так-же одобрено "открытие сношений с Польским Тайным Обществом".

Хотя Пестель и не добился утверждения всей его революционной программы, но это особенно его не беспокоило. Главная часть ее все-же была принята. Что остальное, со временем, будет все принято, в этом Пестель не сомневался.

Оставалось не выясненным взаимное отношение с Северной Управой. Этот существенный вопрос требовал скорейшего разрешения и Пестель, вслед за закрытием Киевского съезда, принял, в этом направлении, ряд мер.

В Феврале он послал в Петербург Давыдова для переговоров с председателем Северной Управы Никитой Муравьевым, снабдив его для последнего "предличным письмом". "Мне в сей раз, показывает Давыдов на следствии, поручали просить его (Муравьева) о соглашении обоих Обществ насчет образа правления, которое было общей целью. Он обещал о том стараться и письмом дать знать. Исполнил-ли он сие, не думаю".

Поездка Давыдова не удалась. Кроме туманных обещаний стараться, он ничего не добился.

В Июне, пользуясь командировкой адьютанта главнокомандующего 2-ой армией князя Барятинского в Петербург, Пестель через него послал Муравьеву другое письмо. В нем он говорил, искажая истину, что Южное Общество постановило единодушно истребить всю Царскую семью и о готовности южан начать возмущения в этом-же году.

О том, что он должен был передать на словах Муравьеву, Барятинский показывает на допросе. "Препоручения, мной упомненные, состояли в следующем ; упрекнуть Северное Общество в его бездействии, стараться дать им высокое понятие о Южном Обществе и его деятельности, сказав им, что мы непременно решились действовать в сей год и требовать от них решительного ответа. Могут-ли они, хотят-ли содействовать нашим усилиям. Хотя и не намеревалось Южное Общество начать в сем году, но для того должно было им сие сказать, чтобы возбудить в них более деятельности".

Содержание своего письма Пестель подтвердил на допросе, сказав, что просил Муравьева "откровенно говорить с Барятинским и упрекал в недеятельности, говоря, что лучше разойтись нежели бездействовать и, все-таки, опасностям подвергаться". В этом письме, по поводу уничтожения всей Императорской семьи, Пестель говорил, что "Les demi-mesures ne valent rien. Ici nous voulons la maison nette". Эти слова возмутили и испугали многих членов Северного Общества. Его председатель Муравьев с волнением сказал "Ведь они Бог весть что затеяли. Они хотят всех !!"

Поездка Барятинского, подобно поездке Давыдова, ни к чему не привела. Только ухудшила отношения Севера с Югом и создала, почти враждебное отношение Севера лично к Пестелю.

Кроме "гласных" поручений Пестель дал Барятинскому ряд "тайных" - основать в Петербурге, в этом "Северном уделе" особую ячейку Южного Общества, ему подчиненную, которая, в противовес Северного, должна была стать руководящим ядром всего революционного движения.

С самого начала существования Тайных Обществ, с времен Союза Спасения и Союза Благоденствия, Петербургская Управа являлась главной, "Коренной Управой и ей подчинялись все другие побочные, в том числе и Тульчинская Управа. По этому "внедрение Пестеля", в лице ячейки Южного Общества в "удел" Северного, не могло пройти безболезненно.

Еще менее удачно было другое тайное поручение Пестеля - оставить в Петербурге наблюдателя за действиями Северного Общества. Нечто в роде современного "сексота" секретного сотрудника. Таким явился Матвей Муравьев-Апостол, недавно вышедший в отставку.

На очередном съезде представителей южных управ, на Киевских контрактах в 1824 г. Пестель не остался. Он ограничился только открытием съезда. Затем, поспешил в Тульчин для получения длительного отпуска.

После нескольких недель, проведенных у родителей, Пестель приехал в Петербург в первых числах Марта. Уезжая в столицу, Пестель был уверен, что добьется полного признания Севером всей его революционной программы. Но вышло иначе.

В приезд Пестеля состоялся ряд заседаний Коренной Управы Севера. С ним, когда выслушивали его предложения, без него, когда их обсуждали и намечали различные изменения. Договорились только об одном - слияние обоих Тайных Обществ желательно, но в будущем. Пестелю пришлось уступить и согласиться на предложение Северян. "Оставить оба Общества в их настоящем положении до 1826 г., а тогда собрать уполномоченных от обоих Обществ, которые-бы уже согласились в

началах (в основном) и избрали-бы вместе правителей для всего Общества". Одним из доводов побудившее Северян к слиянию обоих Обществ была уверенность, что Пестель человек опасный для России и для видов Общества", а раз это так, то лучше всего "не выпускать его из виду и знать все его движения".

Все остальное, на чем настаивал Пестель, было отклонено. Отдача Польше в награду за её предполагаемое содействие, искони русских земель Подолии, Волыни и Литвы вызвала взрыв возмущений. "Мерасия противна духу и самолюбию народа, привыкшего в продолжении двух веков приобретать, а не отдавать области".

Диктатура, которая должна была, по мнению Пестеля, управлять Россией после переворота, казалась "столь несбыточной и невозможной, сколь варварской и противной нравственности".

В конечном итоге решили отклонить оба конституционные проэкты, как Пестеля, так и Муравьева. "Насчет коституции положено было, дабы полковник Пестель изложил-бы оную письменно и прислал нам (Северному Обществу) для рассмотрения и определения с принятии или отвержении оной, равно как и о способах действий..." То-же самое было потребовано от Муравьева". Тогда, выбрав из них все хорошее и полезное, составить новый проэкт".

Кн. Трубецкой сомневался в возможности создания нового проэкта. "Конституции мы написать, сообразно с духом народа, мы не можем, ибо не имеем довольно познания Отечества своего, и, что если-бы и написали какую, то не можем заставить её принять".

Наблюдатель Южного Общества Матвей Муравьев-Апостол и тот был против проэкта Пестеля. В письме в брату Сергею он говорил, что "Пестель бредит. И все это делается из ничтожного тщеславия, ради того, чтобы тоном учителя, навязывать письменные гипотезы, о которых одному Богу известно, применимы-ли они или нет".

Подобно всем предыдущим поездкам Южан в Петербург, поездка самого Пестеля оказалась такой-же неудачной, но вернувшись на юг, он представил исход своей поездки и переговоров, как полную победу. "Пестель, ездивший в Петербург, говорит его подчиненный майор Лорер, точно брал с собой сочиненные им законы Русскую Правду и насчет будущего правления имел с Муравьевым и другими тамошними членами рассуждение. После чего они все согласились с мнением его, Пестеля". Но все эти рассказы "о согласии всех" были для других. Сам Пестель больно переживал крушение всех своих надежд, чаяний будущего правления России и своего, личного в нем участия.

"В течение всего 1825 г. стал сей (прошлый) образ мыслей во мне ослабевать и я предметы начал видеть несколько иначе, но поздно уже было совершить благополучно обратный путь. Русская Правда не писалась уже так ловко, как прежде. От меня часто требовали ею поспешить, и я за неё принимался, но работа не шла и я ничего не написал в течение целого года, а только, прежде написанное, кое-где переправлял. Я начал сильно опасаться междуусобий и внутренних раздоров и сей предмет сильно меня к цели нашей охладевал".

Пестель так и не успел закончить свою Русскую Правду. Ко дню восстания к "роковому времени", как выражались декабристы, из намеченных 10-ти глав, только "Первая, вторая и часть третьей были

кончены ; четвертая и пятая были написаны начерно, а последние пять состояли в разных отрывках", показывает Пестель на следствии.

Об его сомнениях и разочарованиях говорит в своих воспоминаниях тот-же Лорер. В Ноябре 1825 г. Пестель ему сказал "я не сплю уже несколько ночей, все обдумываю важный шаг, на который решился. Получая чаще и чаще неблагоприятные сведения от управ, убеждаюсь, что члены нашего Общества охладевают всё более и более к notre bonne cause, что никто, ничего не делает к преуспеванию ее, что Государь извещен о существовании Общества и ждет благоприятного предлога, чтобы нас всех схватить - я решился дождаться 1826 г., отправиться в Таганрог и принести Государю повинную, с тем намерением, чтоб он внял настоящей необходимости разрушить Общество, предупредив его развитие дарованием России тех уложений прав, которых мы добиваемся".

О том-же самом говорит на следствии князь Барятинский. "В конце 1824 или в начале 1825 г. Пестель, однако, уже часто мне по дружбе, которая нас соединяет, говорил, что он тихим образом отходит от Общества, что это ребячество, которое может нас погубить и, что пусть они (другие члены Общества) себе делают, что хотят".

Кроме глубокого разочарования, которое оставила ему его поездка в Петербург кризис, переживаемый Пестелем, усиливался внутренним разладом, который начал проявляться в самом Южном Обществе и безуспешными переговорами с Польским Тайным Обществом.

Директор Васильковской Управы, одной из побочных управ Южного Общества, Сергей Муравьев-Апостол прямо заявил князю Трубецкому, что "он не мало не вдался Пестелю и, что с другими членами Общества из их дивизии (9-ой п.д.) дали друг другу слово против Пестеля. Что они Пестеля не видят, но что Пестель имеет доверенность к Бестужеву, чрез которого они наблюдают за Пестелем, с которым нужна большая осторожность, ибо он весьма подозрителен".

О своих переговорах с поляками Пестель рассказал Лореру. "Недавно я ездил в Бердичев, в Житомир, чтобы переговорить с польскими членами, но у них не нашел ничего радостного. Они и слышать не хотят нам помочь и желают избрать себе своего короля в случае нашего восстания".

Искал он выход и в религии : "Je ne doute nullement de la solidité de vos sentiments pieux une fois que vous en êtes bien pénétré" отвечала ему мать на его письма.

Пестель "иногда воспламенялся в разговорах". Обсуждая разные прозкты восстания на юге и всегда находил доводы их отклонить, как-бы желая оттянуть развязку : Рокового времени". Старался вновь сойтись и примириться с Бурцевым. Но все эти приливы энергии также быстро потухали, как и загорались.

19-го ноября 1825 г. в Таганроге умер Император Александр. 27-го в Петербурге, немедленно по получении этого известия, Великий Князь Николай Павлович, весь гарнизон столицы и все высшие гражданские чины и учреждения присягнули Императору Константину.

Всё, на чем было основано и подробно разработано для революционного выступления - рухнуло. Император умер в Таганроге. Новый Император в Варшаве, и "сосредоточение властей" захватить было невозможно.

В 1-ой и 2-ой армиях и в отдельных корпусах присяга произошла совершенно спокойно. Присягнул и Пестель с Вятским полком. "Как теперь, вижу Пестеля, мрачного, серьезного, со сложенными перстами поднятой руки" - говорит в своих записках Лорер.

Еще до получения известия о смерти Императора Александра, Пестель узнал в августе от Давыдова, что Общество открыто. К этому времени правительство было подробно осведомлено сообщениями унтер-офицера 3-го уланского Бугского полка Шервуда, южного помещика Бошняка и лично гр. Виттом во время его поездки в Таганрог.

Всё это требовало пересмотрения прежних решений. 4-го Декабря Пестель поехал в Каменку на свидание с Давыдовым и князем Волконским. "В начале Декабря, когда виделся с князем Волконским, тогда имели мы две причины рассуждать о могущей последовать необходимости к скорому начатию действия. Во-первых, по случаю какого-нибудь смятения, а во-вторых, для собственной обороны, ежели действительно Общество открыто будет и где-нибудь действие начнется".

Первоначально революционное выступление приурочивалось на "Первое Генваря", одновременно в Петербурге и на юге.

Восстание на юге представлялось Пестелю в необычайно широком размере. Почин Пестель брал на себя, шел с полком в Тульчин для ареста всей главной квартиры 2-ой армии. Затем восставала Васильковская управа, увлекая все части, к которых находились члены тайного Общества.

Пестель верил, или хотел верить, что восстанут Черниговский, Полтавский, Алексопольский, Саратовский и Пензенский пехотные полки, Александропольский и Ахтырский гусарские и значительная часть артиллерии, всего около 80 тысяч. После захвата главной квартиры Пестель передавал командование Вятским полком Лореру, общее руководство восстанием на юге Сергею Муравьеву-Апостолу, сам спешил в Петербург*), в надежде, что ему всё-же удастся возглавить всё революционное движение. В таком грандиозном маштабе грезилось Пестелю "Роковое время".

Арестован Пестель был в Тульчине 13-го Декабря 1825 г. по приказанию Дибича. Его аресту предшествовала длительная переписка между Дибичем и Цесаревичем Константином Павловичем. В своей переписке с Дибичем, Цесаревич настойчиво требовал принять "самые решительные меры к скорейшему раскрытию заговора". Но принятие рекомендуемых мер затянулось. Дибич ждал результатов расследования полковника Л.-Гв. Казачьего полка Николаева командированного по личному распоряжению Александра I. И только 11-го Декабря, когда, наконец, был получен рапорт Николаева, Дибич отдал приказ генералу Чернышеву**) арестовать Пестеля, а Николаеву ехать в Курск арестовать Вадковского.

---

*) "Пестель предполагал при начале восстания ехать в С.-Петербург, взяв с собою Кн. Барятинского (А. Поджио).

**) Сообщая об этом, Император Николай говорит своей матери : "Если-бы Чернышев не арестовал Пестеля, на юге были-бы еще худшие события, нежели в Петербурге".

О том, что общество раскрыто и что неминуемы аресты его членов Пестель знал уже давно. Заранее он к этому подготовился, сжег большую часть своих бумаг, а саму Русскую Правду отдал адьютанту главнокомандующего Крюкову на сохранение.

Арест Пестеля прошел без всякого с его стороны сопротивления. Он не сделал ни малейшей попытки привести в исполнение заранее задуманного плана похода на Москву, восстания своего Вятского полка, захвата главнокомандующего 2-ой армией.

3-го Января 1826 г. Пестель был доставлен в Петропавловскую крепость. В предписании о нем коменданту сказано "Пестеля посадить в Алексеевском равелине, выведя Каховского или кого другого из менее важных".

Из допросов в Верховной Следственной Комиссии Пестеля и других лиц выяснилось, что он "был в числе основателей тайного общества и писал для него устав. Распространил общество в Тульчине и завел там управу. Сделался председателем Тульчинской Думы с полной властью над всеми членами и, наконец, провозглашен первым директором всего Южного общества. В 1820 г. на собрании Коренной Думы, излагал мнение о выгодах и невыгодах монархического и республиканского правлений, следствием чего было единогласное принятие всей Думой республиканского правления. В то-же время на частных совещаниях членов, где было впервые говорено о цареубийстве, он доказывал, что безначалие и беспорядок, долженствующий произойти от сего, легко можно предупредить учреждением временного правительства.

Мысль о республиканском правлении сообщил Тульчинским членам в виде решения Коренной Думы. Когда было объявлено уничтожение Союза Благоденствия, решил продолжать общество с целью ввести республиканское правление. Уговорил членов не только на это, но и на упразднение Престола и изведение тех лиц, которые были тому помехой.

Для республиканского правления написал устав, под названием "Русская Правда" и объяснял его на собраниях в Киеве и уговаривал его принять. Предполагал ввести республику посредством революции. Доказывал необходимость истребления Государя и всей Августейшей Семьи. Рассуждал о средствах исполнения этого и с хладнокровием считал по пальцам самые жертвы. По совершению сего ужасного злодеяния, намеревался принудить Синод и Сенат объявить временное правительство из членов общества и облечь оное неограниченной властью.

Все места по министерствам и армии предполагал роздать членам общества.

Сносился с Северным обществом и старался слить его с Южным и водворить в нем свои преступные намерения. Замышлял учредить в С. Петербурге особое общество и успел принять в него несколько членов и уговорить их на преступную цель".

Далее на допросах выяснилось, что "Пестель открыл сношение с польским тайным обществом и вел с ними переговоры, обещая полякам независимость и возвращение отдельных от Польши областей и требовал взамен одинаковых действий и одинакового правления.

Одобрял истребление Цесаревича и готовился содействовать возмущению покушением на жизнь Государя при Белой Церкви в 1824 г.

Намеревался начать действия непременно в 1826 г. и предупреждал о том Северное общество.

Умышлял арестовать главнокомандующего 2-ой армией и поручал свитским офицерам задержать его при самом начале действия.

Поручал ротным командирам Вятского полка быть готовым и подготовлять нижних чинов к целям общества.

Знал и разделял намерения заговорщиков посягнуть на жизнь Императора на Царскосельской дороге в 1816 г., в Москве в 1817 г., в лагере при Бобруйске в 1823 г., в С. Петербурге в 1824 г. и в лагере при Лещинах и Василькове в 1825 г.

Был душей всего общества и главной пружиной оного".

По приговору Верховного Уголовного Суда Пестель был приговорен в лишению чинов, орденов *) и дворянства и к смертной казне четвертованием.

По конфирмации приговора Государем смертная казнь четвертованием заменена повешением. 13-го Июля 1826 г. приговор приведен в исполение на кронверке Петропавловской крепости.

* *
*

*) Пестель имел ордена Владимира 4-ой степени, Анны 2-ой, Пур ле мерит и золотое оружие.

Х Р О Н И К А

1 9 7 3 г о д

14-го апреля - в Париже, скоропостижно скончался Владимир Николаевич Звегинцов. Офицер полка, производства 1910 г. Похоронен на русском кладбище в Sainte-Geneviève des Bois.

2-го июня - в Александро-Невском соборе, в Париже, состоялась свадьба сына Кавалергарда, гр. Владимира Владимировича Мусин-Пушкина и Jacqueline Tarrade. 25-го марта 1974 года родился сын Владимир.

3-го сентября - в Нью-Йорке, скончался Петр Петрович Баранов. Офицер полка, производства 1908 г. Похоронен на местном кладбище.

3-го Сентября - в Риме скончалась дочь Кавалергарда, Федора Федоровича Гойнинген-Гюне, Елизавета Федоровна (Betty) Buzzard.

1-го ноября - в Париже, скончался гр. Владимир Владимирович Мусин-Пушкин. Офицер Кавалергардского эскадрона Добровольческой армии. Похоронен на кладбище в Sainte-Geneviève des Bois.

1 9 7 4 г о д

20-го марта - в Париже, скончалась дочь Кавалергарда, князя Владимира Алексеевича Шаховского, Елизавета Владимировна Лыщинская, княгиня Троекурова. Похоронена на русском кладбище в Sainte-Geneviève des Bois.

20-го июня - в Нью-Йорке скоропостижно скончалась вдова Кавалергарда, графиня Елизавета Димитриевна Чернышева-Безобразова, дочь Кавалергарда, гр. Димитрия Сергеевича Шереметева.

../..

11-го июля - в Париже, скончалась вдова командира Кавалергардского полка, княгиня Вера Яковлевна Эристова, рожденная Малама. Похоронена на русском кладбище в Sainte-Geneviève des Bois.

29-го августа - в Русском доме, скончался князь Глеб Григорьевич Гагарин. Офицер полка, производства 1910 г. Похоронен на русском кладбище в Sainte-Geneviève des Bois.

* *
*